

4

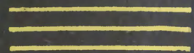
Александр ГОВОРОВ

собрание
сочинений

ТОМ 4

Александр
ГОВОРОВ

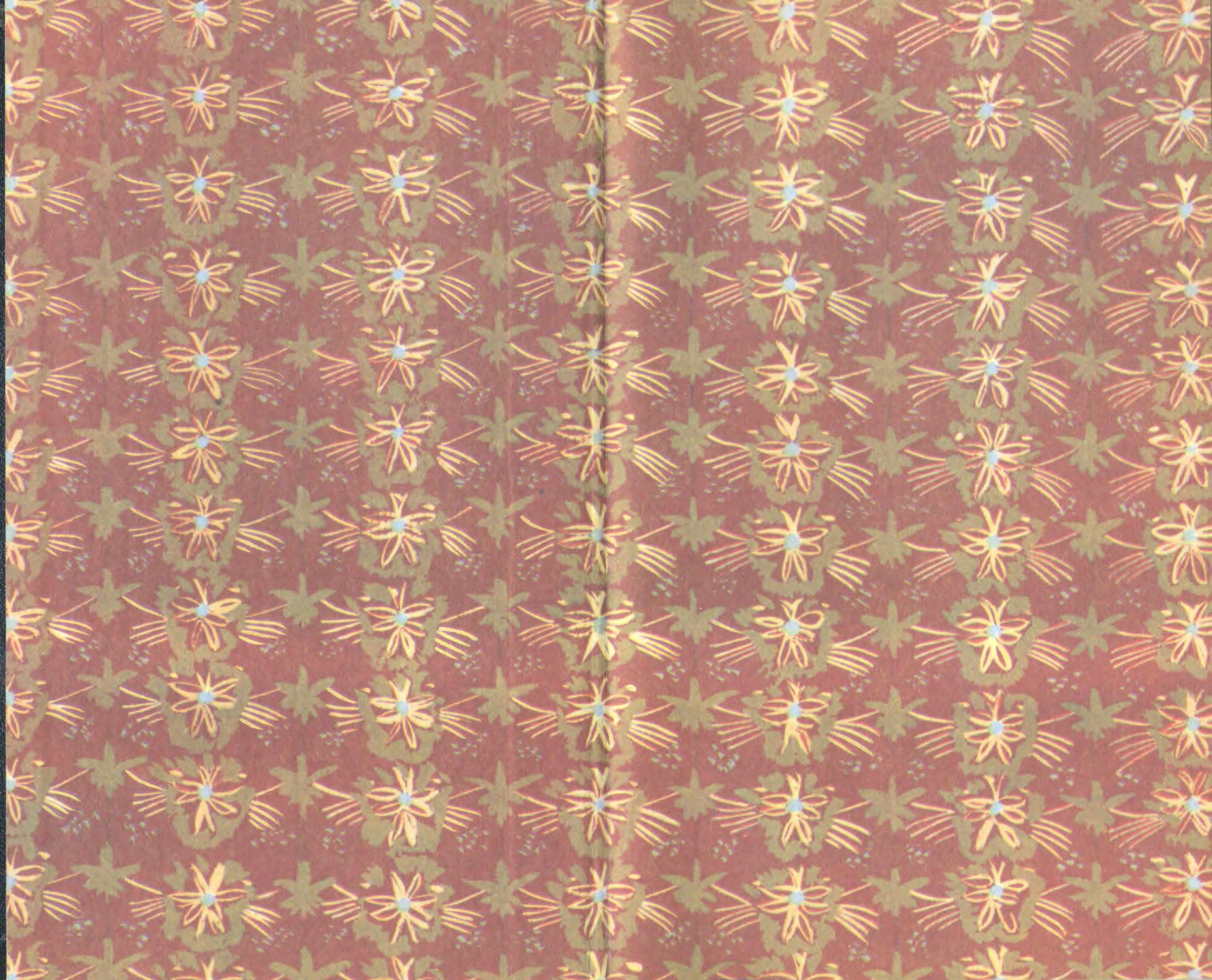
4

Александр
ГОВОРОВ

A handwritten signature in white ink, appearing to read 'Александр', written over a horizontal line.

Александр ГОВОРОВ

собрание
сочинений
в четырех томах

МОСКВА
«ТЕРРА» — «TERRA»
1994

Александр ГОВОРОВ

ТОМ 4

ВИЗАНТИЙСКАЯ ТЬМА

исторический роман

МОСКВА

«ТЕРРА» — «TERRA»

1994

ББК 84Р7
Г57

Художник А. СУХОПУКОВ

Говоров А.
Г57 Собрание сочинений: В 4 т. Т. 4: Византийская
 тьма: Исторический роман.—М.: ТЕРРА, 1994.—
 560 с.: ил.
 ISBN 5-85255-456-1 (т. 4)
 ISBN 5-85255-245-3

Г 4702010201-061 Подписное
 А30(03)-94

ББК 84Р7

ISBN 5-85255-456-1 (т. 4)
ISBN 5-85255-245-3

© Издательский центр «ТЕРРА»,
1994

ВИЗАНТИЙСКАЯ ТЬМА

Приглашаю на дискуссию о перемещениях сквозь время. Американский профессор Торн открыл теоретические принципы, скоро будет создана сама машина времени...

Аргументы и факты, 1992, № 4

ВЕРОЯТНОСТЬ ЧУДА

Пролог

1

Вся эта странная история произошла уже давно... Да, да, давно, лет семь или восемь назад, до начала пресловутой перестройки. Впрочем, как давно? Лет семь или восемь? И это давно? А если вдруг восемьсот лет, это как? Вот вам и знаменитый тезис об относительности времени... Восемь лет прошло или восемьсот лет прошло? А оглянулся — все было как будто только вчера.

Да, да, это было самое начало знаменитой перестройки, когда еще с подозрительностью относились к возможности советского человека взять да и драпануть за границу. Но уже научились человеческое мнение уважать, даже самое расходящееся с официальным.

Я был тогда заместителем начальника Понтийской археологической экспедиции Академии наук и, поскольку наш академик-руководитель постоянно пребывал на международных симпозиумах и конгрессах или витал в каких-нибудь других эмпиреях, по существу, я и руководил этой злосчастной экспедицией. Почему злосчастной? А потому, что там вечно что-нибудь случалось — то кассу экспедиции обворуют, то автомобиль угонят, а то выкопали однажды незапланированный акротерий — знаете, мраморный такой ажурный цветок в человеческий рост. По преданию, он красовался первоначально на верхушке афинского Парфенона, а готы, после взятия Афин, будто бы его в качестве воинского трофея вывезли к себе на родину, в Причерноморье. В то лето экспедиции вообще не дали нормально работать — то из Америки приедут, то из княжества Монако...

Я всю сознательную жизнь свою рою и копаю, матушка моя меня иначе как ученым гробокопателем и не называет, жалеет меня. Но еще никогда не приходилось мне

участвовать в столь беспокойной экспедиции, как в этом году!

Надо ли объяснять, что большинство археологов, копошащихся в Причерноморье,—античники? Они роют греческие городища или скифские курганы, а обильно попадающиеся византийские кладки и некрополи склонны рассматривать как досадное препятствие. Вот наш академик, отлично чувствующий конъюнктуру науки, чтобы блеснуть где-нибудь в Бостоне или Монте-Карло, и пробил специализированную тему — «Византийская Бореада». Бореада это от слова Борей, то есть северный ветер. В античной традиции это кусок побережья на самом краю тогдашних владений Византии, а теперь это близ турецкой границы. По правде сказать, когда он пригласил меня участвовать, я и не отказывался — это было так захватывающе интересно!

И действительно, наш шеф недаром же в свои еще совсем молодые годы сделан был академиком, у него есть чутье, без которого не бывает и науки. Были сразу сделаны удивительнейшие открытия! И все было бы хорошо, но дело в том, что один из сотрудников экспедиции у меня сбежал.

Впрочем, сбежал не сбежал это еще предмет дискуссии, короче говоря — таинственно исчез. Однако все по порядку.

Лучше всего начать с того, что в один прекрасный день, а вернее, в одно очень неприятное для меня утро я ожидал на мокрой от дождя платформе электричку из райцентра. Роскошный залив выгибался экзотической дугой, залив, который всегда преподносился как образец курортного великолепия — темное от синевы небо, золотое от неги море, рекламные фигуры в бикини... Но сейчас шел нудный дождик, сеялись брызги, море простуженно вздыхало. Недаром Бореада — страна ветров. И настроение было самое нудное — ведь у меня пропал человек!

Именно по этой причине я и ожидал на мокрой платформе электричку. Из райцентра к нам ехал сам местный начальник КГБ.

Электричка натужно свистнула, обегая знаменитый залив, и лихо затормозила у платформы. И вот он уже передо мной — типичный оперативник, в габардиновом плаще без погон, в полевой фуражке с кокардой. Сам меня узнал, представился: майор, фамилия грузинская, достаточно рас-

пространенная, а говорит по-русски будто родился где-нибудь на Зацепе.

— Вас, археологов, как не опознать! — пошутил он для начала. — У вас вид отрешенный, будто вы летали в древность и только что возвратились.

О, если б он знал, как угадал ситуацию, этот белозубый красавец! Широкое лицо с чисто кавказским смещением лени и решительности.

— Вы позволите? — Он щелкнул именным портсигаром, на котором я успел заметить: «За образцовое выполнение...». — Мне мой инспектор все уже осветил досконально по вашему делу. И я бы мог докладывать центру. Но есть тут кое-какие неувязочки.

Он раскурил, затянулся и ловко бросил спичку в бак. Поезд отправился, обогнал нас и бодро умчался дальше, это его колес отдавалось во взлобьях гор.

— Нам до вашей экспедиции идти примерно с километр? — осведомился майор. — Так расскажите мне об этом Денисе поподробней.

Рассказывать немного. Типичный академический юноша, выпускник университета. Прошел военную подготовку, оставлен при кафедре археологии. За какие заслуги? Сказать трудно, но особых связей у него, по всей видимости, не было. Так, за энтузиазм, да и парень он скромный, очкарик. Был в аспирантуре, правда, не защитился. Блажен, кто смолоду был молод, блажен, кто вовремя созрел.

Родители? Оба тоже сэ-эн-эсы, только из технарей. Сээнэсы — это старшие научные сотрудники, элита, цвет нации. Они в разводе, но Денис узнал об этом, только получив школьный аттестат. Да, да, как видите, родители его тоже образцовые.

— Да, да, — поддакнул майор, беря меня под локоть, и со стороны казалось, два курортника гуляют не спеша. — Да, да, конечно, но одна, казалось бы, пустяковая деталь смущает меня во всей этой детективной истории. Скажу вам доверительно, пограничники сообщили: как раз в ночь исчезновения вашего образцового очкарика на траверзе райцентра замечена вражеская подводная лодка. Ну, не вражеская, конечно, — иностранная, НАТО. Теперь вы представляете, логика проста. Они имеют манеру таким образом забирать своих агентов.

Денис — иностранный агент? Как же он должен был агентовать, этот простецкий парень? Да и очкариком-то я его шутя именовал. Он стыдился очков, почти их не но-

сил. Зато все девки в экспедиции были в него повально влюблены, тем более что он холостой, а наши археологи-ни, как, вероятно, археологические девы во всех странах мира, постоянно пребывают в критическом возрасте. И совсем он какой-то несовременный, без обязательной бороды, без протертых джинсов, без назойливого рока на устах.

— Нет, нет, не впадайте в панику,— угадал мой собеседник.— Эту версию я как раз отвергаю. Если судить по протоколу первичного осмотра места, где была обнаружена одежда подозреваемого... В этом, на вашем языке, эргасте... эргастии чаровника...

— Эргастии чародея,— пришлось мне уточнить.

— Вот-вот, эргастии чародея, в трехстах пятидесяти метрах от кромки моря. Там сплошные дюны и ползучий кустарник, под песком везде следы древних сооружений. Извините, дорогой, но ночью человек в акваланге даже с посторонней помощью не станет перебираться через это пространство. Да и зачем это ему? Переодеваться в полуразрушенном эргастии и потом переть через эти триста пятьдесят метров! Не проще ли — ведь это происходило ночью — спокойно переодеться в ивняке у кромки моря? Что и делали, кстати, под самым носом у пограничников все, ушедшие этим путем до вашего Дениса!

Я старался представить себе Дениса, такого типичного «Архиолуха» (была у нас такая ядовитая стенгазета), в громоздком акваланге, похожем на рыцарский панцирь. Да он и плавать боялся при волне, хотя стыдился признаться в этом.

— Но главное опять же не в этом,— майор для выразительности замедлил шаг.— Главное, как у Шерлока Холмса, в одном простом дедуктивном рассуждении. Ни один нормальный мужчина, если он не с женщиной или не в бане, сняв с себя хоть абсолютно всю одежду, никогда не сбросит плавки...

За стеной тумана дышало невидимое море, а серая мгла на небе начала рассеиваться, солнце то и дело бросало щедрые лучи, слышался еще какой-то глобальный шорох. Можно было предполагать, что это осыпаются капли по листве, но местный житель определил бы здесь другое. Это божьи коровки, их тут видимо-невидимо, их разводит местный колхоз, защищаясь от виноградной тли — филлоксеры.

Тут невероятная дерзость меня одолела, что я могу

объяснить только тогдашним предперестроечным на-
строением. Я и высказался:

— А может быть, божьи коровки его съели?

Майор засмеялся, оценив мою шутку. Мы прошли еще
пару сотен метров, и перед нами открылся распадок меж
холмов, а в нем крыша сооружения, именуемого «Эрга-
стирий чародея», и фигуры сотрудниц, ожидающих моего
возвращения.

Академика нашего постоянно кололи, что он в свои
экспедиции старается не брать мужчин, все молодых жен-
щин. Вот и в этой «Византийской Бореаде» сплошь были
сээнэсы и мээнэсы — Алла, Вероника, Зоя и иже с ними, да
еще куча студенток-практиканток. Но блистал среди всех,
конечно, Денис, это я без всякой зависти говорю. Именно
его личные результаты поехал докладывать за границу
наш шеф (конечно, с сообщением и о самом вундеркинде).

Археология (как, вероятно, и всякая наука) чем-то по-
хожа на карточную игру. Недаром цыганки шутят: «Нау-
ка умеет много гитик» — это волшебная фраза для кар-
точных фокусов. В науке где уж повезет, там повезет.
Я всю жизнь себе копаю, скоро уж и на пенсию, а не нако-
пал столько, сколько наш вундеркинд за один только се-
зон.

Под кучей керамического мусора — где-то в самые
поздние времена здесь была горшечная печь — он обнару-
жил весьма сохранившееся жилище эпохи византийского
расцвета, которое сам же в шутку прозвал «Хижина кол-
дуна». Дальше — больше, пошли поразительные наход-
ки, и в экспозиционный план этот раскоп попал под науч-
ным названием «Эргастирий (т. е. лаборатория) мистаго-
га (т. е. чародея)».

Я, по правде сказать, сердился: у меня срывался ра-
бочий план раскопок, ведь этот эргастирий ни в какие за-
дания еще не был внесен. Снисходительный шеф разре-
шил там работать пока одному Денису. Тот и ковырялся
там с рассвета до темноты, от жгучего понтийского солн-
ца загораживаясь зонтиком. По вечерам после своей ос-
новной работы к нему присоединялась студентка Русина,
и они вдвоем очистили пресловутый эргастирий и откры-
ли там археологические чудеса.

Были и курьезы. Так, наши Афины Паллады (сээнэсы
и мээнэсы) устраивали проработку своему любимцу за то,
что он, по их мнению, нетактично ведет себя по отноше-

нию к прикрепленным студентам, допускает фамильярности...

— И потом, Денис,— наставляла одна из Афин Паллад,— надо бриться каждый день.

— Ах нет,— не соглашалась другая,— пусть не бреется, у него формируется такая мягкая бородка, как на бюсте Антонина Пия, знаете, из Ватиканского музея...

— Девушки, девушки!— останавливала третья.— Не будем же мы вмешиваться в мужские прерогативы!

Виновник этого кудахтанья спокойно слушал их, сидя на стуле. Другой бы плюнул, пошел бы к другим мужикам пить пиво, а наш сидел, рассеянно вертел свои очки.

— Как интересно!— заметил майор.— Что же вы сразу не рассказали? Вот это и есть биография, а не всякие там образцовые родители.

Над раскопанным эргастирием в защиту от ветра и песка мы соорудили из дефицитнейшей фанеры крышу, остроконечную, как у готического замка или как у шатра времен крестовых походов.

2

— Иван Никифорович!— вся в нетерпении сказала мне Алла.— Ну как ваши результаты?

Вокруг стояли сотрудники и студенты и кое-кто из наших местных друзей. Я объяснил, что вот товарищ, возглавляющий расследование, хочет лично осмотреть место, где... Короче говоря, лучше бы ему не мешать.

— Нет, почему же,— улыбнулся майор, располагая к себе сердца Паллад,— если им интересно, пусть участвуют.

Все друг за дружкой перешагнули каменный брус, служивший порогом, и спустились в хижину. Там горел довольно яркий фонарь «летучая мышь» на элементах, потому что в эргастирии не было окон, за исключением небольшого волокового оконца над дверью, где можно было видеть осколок тусклого оконного стекла. И это стекло тоже было для нас проблемой, потому что классические труды и учебники относили изобретение оконного стекла лет на двести позже, чем датировался этот эргастирий.

И расселись мы посередине эргастирия, понурились вокруг «летучей мыши», как апостолы из Тайной вечери. Я объяснил:

— Справа вы видите древний очаг из базальтовых булыжников. На них сохранились следы пламени, копоть, трещины от жара. Слева камера из необожженных кирпичей неизвестного назначения. У нее, видите, бронзовая решетка и похожа она на домашнюю тюрьму или на загон для свиней. В те времена свиней могли держать и в жилище, тем более, если они предназначались в жертву высшим силам. Кстати, вспомните Гомера, у него божественный свинопас Евмей...

— Иван Никифорович,— прервала меня Алла,— до чтения ли нам лекций, Иван Никифорович?

Она всегда отличалась дерзостью, эта спортивная Алла, прославившая нас, кроме всего прочего, тем, что, взявшись меряться силою с пьяницей-трактористом, пригнула его локоть безо всякого усилия.

Я хотел призвать ее к порядку, потому что это уже переходило всякие границы, как вмешался миролюбивый майор.

— А что вам хотелось бы, милая девушка? Сообщить следствию какие-то новые факты? Это очень и очень важно. Но это, позвольте, немного потом. А пока позвольте выяснить два-три обстоятельства...

И он попросил показать ему, где именно были найдены вещи, оставшиеся после Дениса,— шорты, майка, часы, расческа и прочее. Я указал, и все стали глядеть туда, потому что это и была камера непонятого назначения, атрибутируемая как свиной загон.

— А что обозначают круги, квадраты, таблицы с непонятными знаками, нарисованные на стенах?

Я объяснил, что это и есть мистические чертежи, которые позволили нам определить помещение как эргастрий чародея. Вот эти круги — это разные символы текущего времени. Квадраты — различные формы или плоскости пространства. Вот этот рисунок вроде лесенки с греческими литерами — двенадцать домов вселенной...

— Расскажите лучше о приезде профессора Блаватского,— вновь нетерпеливо сказала Алла. Майор стал смотреть только на нее, и она, приободрившись, перехватила инициативу:— Если вы не знаете, кто такой профессор Блаватский, то я скажу прямо: вот кому надо быть академиком по разделу археологии...

Но тут, к моему удовольствию, майор погасил ее пыл движением ладони.

— Милая девушка, я знаю дела всех работающих в на-

шем районе, столь насыщенном археологией, как любит выражаться шеф вашей экспедиции. А с Владимиром Дмитриевичем Блаватским я знаком лично и очень его ценю. А вы лучше расскажите, что именно он сказал, по вашему мнению, такое важное для нашего дела.

И я впервые увидел нашу отважную Аллу сконфузившейся. Но она была не из тех, которые отступают.

— А Денис тогда все объяснял знаменитому гостю... Кто же еще и должен был объяснять, ведь именно он все угадал, открыл, расчистил, кисточкой обмахнул каждый черепок. Владимир Дмитриевич тут спросил его по поводу мистических рисунков на стенах, ну хорошо, говорит, все это сферы разного астрологического значения, а вот это что за непонятная такая лесенка? Так он спросил, Иван Никифорович?

Я подтвердил, что именно так все и было.

— Как бы поточнее вспомнить, что именно сказал Денис, нам кажется, в этом вся разгадка.

И тут девушка-студентка, в свою очередь, вмешалась в разговор и произнесла раздельно:

— Алгоритм перевода человека из одного пространства в другое через плоскость времени.

Это и была знаменитая Светка Русина, из-за которой бедный Денис терпел проработки. Посмотрели бы вы, как все наши Паллады были оскорблены вступлением Светки Русиной в разговор. Они дали понять, что для них вообще никакой Светки Русиной не существует.

Тогда я добавил:

— Денис сказал бы более резко — перетаскивания через время...

Все зашумели, обсуждая, а майор все более заинтересовывался нашими сведениями.

— И что же Владимир Дмитриевич?

— О! — вновь опередила всех Алла. — Уж он-то понимает толк в этих вещах! Кроме всего прочего, у него знаменитейшая бабушка — Елена Блаватская, основательница «Тайной доктрины». Она лично читала Книгу судеб в неприступных Гималаях.

--- Значит, он согласился с мнением Дениса?

--- Он сказал: как бы ваш византийский мистагог не занялся перетаскиванием к себе кого-нибудь из вас. Он же чувствует там, у себя, как его щупают через время и пространство.

Наступило молчание. Бился глупый мотылек о горячее стекло «летучей мыши». Журчал стекающий с горы ручей.

— Ну и ну,— удивился майор.— Оказывается, это и не преступление и не несчастье, как можно было бы предположить. Оказывается, это целый научный переворот.

— А почему бы и нет?— вступила другая сотрудница, Вероника, похожая на бестужевку в пенсне на красном шнурке. Она ранее работала в Музее религии и атеизма, поэтому всякую мистику считала своей специальностью.— У нас по страницам газет порхают всякие НЛО, полтергейсты, разгуливают снежные человеки, а как до нас, бедных археологов, тут жестокое табу. Одна унылая реальность.

Все засмеялись, и напряжение спало. Я согнал мотыльков с «летучей мыши», стало посветлее, а майор лукавым тоном сообщил:

— А вы знаете, что в сводках МВД сообщается цифра пропавших без вести и неразысканных граждан? Их несколько десятков человек по стране. Будем знать, что археологи Бореады нашли научное объяснение — их перетаскивают к себе мистагоги прошедших времен!

— А что?— тоном полемиста отвечала ему серьезная Вероника.— Можно при желании и источники найти. Вот в Христологии — известно ведь, что эта отвергнутая церковью книга пользовалась громадным авторитетом в Средние века,— в Христологии упоминается некий подвижник Дионисий, смотрите, и имя ведь совпадает...

— Может быть, потом про Христологию?— просили некоторые. Видно было, что такие дискуссии здесь не редкость. Другие считали, что надо дать высказаться и Веронике. Да и сама Вероника в мужественном пенсне была не из тех, кого можно заставить замолчать.

— Этот подвижник Дионисий, живший при императоре Константине Первом, то есть в четвертом веке, он ужасно страдал, что не живет в одно время с Христом. А был он, до обращения в христианство, как раз ученым мистагогом в языческом храме. И тогда он достиг искусства переселяться на триста лет назад, в век, когда жил Христос, и даже сумел омыть слезами его светлые ноги. А потом, чтобы доказать, что он не врет, одного ратора перетаскивал туда и обратно, который тогда и описал всю эту историю.

Она порылась в рабочей папке и нашла там бумажку.

— Вот я и выписку оттуда сделала: «Он ушел по ту

сторону разума, а тень его оставалась с нами, блуждала тут, как собака, потерявшая хозяина, оставались и осколки эха, многие охи, вздохи и сожаления...» Девочки, подтвердите, ведь у нас все так и было — три дня после ухода Дениса мы приходили ночью сюда и слушали, как он плачет за стеной пространства...

Сээнэсы и мээнэсы закивали головами.

— Погодите, погодите,— заволновалась Алла, видя, что майор смотрит на наручные часы.— Это не глупости! Иван Никифорович, скажите же товарищу. Мы так переживаем, это же понятно... Пусть выслушает наши мнения, хотя бы вкратце. Теперь ты, Зоя, говори. Товарищи, у нее самые веские основания, она же математик!

Разговор стал явно напоминать профсоюзное собрание. Третья оппонентка, Зоя, похожая на сельскую методистку, говорила, как солону тянула, все «а», да «э».

— Каждый, хоть понаслышке знающий, что мы живем в мире трех измерений, так сказать — длина, высота, ширина,— знает также, что число измерений в природе бесконечно. Но в силу своего несовершенства человек пока (она голосом подчеркнула это «пока») способен воспринимать только три измерения пространства. Для него остальные как бы не существуют, но это не значит, что объективно их нет вообще, они есть, они пронизывают его самого, подобно радиоволнам, они сосуществуют где-то рядом, проявляя себя в виде привидений, барабашек, вещей снов, парапсихологии, наконец. Минуточку, минуточку! Я хочу сказать, что, подобно пространству, и время может иметь не только одно измерение, не только движение вперед, но и назад. Теоретически это возможно!

Майор, поглядев на меня, хотел встать, но она просто схватила его за локоть.

— Еще хоть пару слов! Для перевода из одного состояния в другое, из одного измерения в иные, из одного направления в противоположное вовсе не нужно сложнейших механизмов или сооружений, как полагают некоторые. Достаточно хорошо разработанных и усвоенных исполнителями словесных воздействий — гипноза, заклинаний, заговоров. История кишит достоверными примерами этого! В наше время скульптор и антрополог Герасимов — я слушала его! — защищая свою концепцию палеолитического мальчишка из пещеры Тешик-Таш, убедительно доказывал, что современный человек в ходе эволюции многое потерял, а не приобрел, по сравнению со

своим ископаемым предком. А именно, потерял способность к словесным воздействиям.

Майор все-таки с извинительной улыбочкой встал — торопился на последнюю электричку, приехал ведь не на машине. Женщины, перевозбужденные, говорили все враз. Майор им обещал, что каждую вызовут к следователю, а пока можно изложить свои доводы письменно.

3

Я повел его к себе в штаб-квартиру, которая располагалась в колхозной сторожке. Мы поднимались вдоль ручья, который струится здесь с самого ледникового периода, а у стены раскопанного эргастирия учиняет шумливый водопад.

— Я тороплюсь, — напомнил майор.

— А я должен показать, именно показать последний довод, по-латыни — ультима рацио, имеющийся у нас. Довод, который, мы думаем, сногшибательнее всех других версий.

— Что же это?

— Письмо от самого Дениса.

— Как? Вроде предсмертного, что ли?

— Нет, уже оттуда.

— Неужели... С того света?

— Скажем так. С того света.

— Тогда уж не лучше ли признать, что его божьи коровки скушали? Такие вещи, говорят, случаются.

Я завел майора в свою комнату, включил свет и открыл сейф, который имеется в каждой экспедиции — а вдруг золотишко, монетишки... И предъявил свой ультима рацио. Это была пухлая от древности желтая книга, переплетенная сгнившей веревкой. Мыши, черви и сырость за восемьсот лет оставили от многих страниц лишь клочья.

— Что это? — настороженно спросил майор.

— Палимпсест.

— Палимпсест?

— Да, да. Палимпсест — это рукопись, в которой прежний текст выскоблен.

— Как выскоблен?

— А очень просто — стальным лезвием, скребком или

пемзой. Знаете, окаменевшая есть морская пена — называется пемза.

— Пемзу знаю. А лучше скажите, зачем выскоблен?

— Пергамен, телячья кожа, был невообразимо дорог. Поэтому в ненужных рукописях соскабливали текст и писали новый.

— И здесь был старый текст?

— Был. По-видимому, это — Евангелие Апракос, девятого или десятого века на греческом языке, почерк крупный. Евангелия редко выскабливали, чтобы такое случилось, надо, чтоб текст их страдал серьезными идеологическими недостатками.

— Иван Никифорович! Скажу и я, как ваши ученицы, зачем мне лекции читаете? Объясните лучше, какое отношение имеет ваш палимпсест к делу этого Дениса?

— Самое прямое. Новый текст здесь написан нашим Денисом и на самом современном русском языке.

— И вы беретесь точно доказать это?

— Берусь. Для этого мне нужно только время.

— И вы в состоянии здесь что-нибудь прочесть?

— Укажите, что именно?

— Ну, хотя бы вот здесь... Здесь поменьше ключев.

— Пожалуйста. В этом месте — на самом верху страницы — написано так: «Мгла сгустилась, и тишина стала плотной, как тело старого дуба...» Смотрите, вот явно русские буквы гражданского почерка — «д», вот «у», «б», это, надо полагать, «а», а тут плесень сильно попортила. А дальше надо читать с сильной лупой, все-таки двенадцатый век. Но чернила, глядите, ах какие были тогда чернила! Можно и под рентген, есть такой метод.

— Еще вопрос.— Майор уже нервничал.— Каким образом вы нашли этот памятник, э-э... это письмо с того света?

— Наутро после того, как пропал Денис, должно было вскрываться в эргастии помещение, условно атрибутированное нами как чулан. И хотя, как только мы сообщили по инстанции, что у нас пропал сотрудник, нам было приказано раскопки приостановить, мы не утерпели. Я лично не утерпел, не снимаю с себя всей ответственности. Во вскрытой камере оказался этот фолиант, эта весточка из мглы времен.

Майор встал, потому что из космического далека, словно из мглы времен, слышался комариный голос электрички.

— Вы не хотите взять палимпсест с собой?

— Зачем же?.. Держите его в своем сейфе.

Я вышел проводить, и мы всю дорогу шли молча. Надрывались неизменные цикады, внизу полоскалось море, я освещал тропку фонариком. Прощаясь, майор сказал, допустив наконец легкий кавказский акцент:

— Конечно, дорогой, вы все тут чудачки. Не надо обижаться, чудачки украшают мир. Одно бесспорно — на подводной лодке он не уходил...— Он затянулся сигаретой и бросил ее.— Буду докладывать.

Поезд увез его, блеснув красным огоньком, а я повернулся и шагнул в ночь, как в пучину. Шел вдоль стены тростника, за которой, как чудо-юдо рыба кит, вздыхал Понт Евксинский. «Мгла сгустилась, и тишина стала плотной, как тело старого дуба»,— повторил я вслух и почувствовал, что по тропинке кто-то идет за мной следом.

Идет, ну и пусть себе идет. А я все пытался с точки зрения самого что ни на есть здравого смысла оценить ситуацию. Но как ни вертел мозгами, как ни просчитывал варианты, все было у нас похоже на банальное помешательство профессионального типа. Есть у меня, например, знакомая дрессировщица. Так она со своими собачками дома ходит на четвереньках, хлебает из одного корытца, покусывает их за мягкие местечки...

Доказать мы ничего не докажем, бедному Денису едва ли поможем, остается одно — передать как-то миру его отчаянный вопль.

Но и публикация столь фрагментарной и траченной рукописи едва ли будет, опять же, воспринята не как коллективная шизофрения. Что же? Не прибегнуть ли к всесильной художественной литературе?

Шаги неотступно следовали за мной и настигли меня, когда я уже подошел к водопадику близ злополучного эргастерия.

— Иван Никифорович, не браните меня!

— А, Света. Ты что не спишь?

— Иван Никифорович, ради бога...

— Что? Что еще случилось?

— Нет, нет, ничего не случилось, не браните меня.

Просто я хочу спросить.

— Ну, спрашивай, неугомонная.

— Иван Никифорович, мы не можем ему хоть чем-нибудь помочь?

— Денису?

— Да, Денису Петровичу.

— Видишь ли, Света, с точки зрения современной науки... Но если поверить и майору, каждый год у нас переселяются в иные миры десятки человек. Наверное, и оттуда тоже перетаскиваются. Надо четко знать алгоритм, координации... Вот изучим внимательно все, что начертано на сводах эргастирия.

— Так ведь годы могут пройти! — в отчаянии сказала она.

— Что же делать, милая, что же делать!

— И самое гнусное, самое подлое.— Слеза звучала в ее голосе.— Ни одна из этих ученых особ, теоретически рассуждая, как он мог оказаться там, ни слова не сказала, а как ему помочь теперь? Хоть одна бы предложила — давайте закинем туда и меня!

Я промолчал, что я мог ответить?

— А если я что-то еще спрошу? — Тихий ее голос едва можно было различить за ропотом водопада.

— Спрашивай, конечно.

— А как вы думаете, Иван Никифорович, он там еще жив?

— Денис-то?

— Денис Петрович.

Восемьсот лет представились мне надавившей на всех нас бездонной глыбой. А южная ночь дышала тревогой и надеждой.

— Да, Света. Думаю, что он жив.

Глава первая
ПРОРОК ИЗ ЛЬВИНОЙ ЯМЫ

1

Мгла сгустилась, и тишина стала плотной, как древесина старого дуба. А руки наоборот — и плечи и грудь — освободились от непомерной тяжести, облегченно дышали, словно евангельский верблюд, пролезший сквозь игольное ушко.

Но вот он различил мерцающий свет, непонятно еще где, услышал невнятные голоса и понял: «Жив!»

Жив? Но каким образом? И что могло с ним вдруг приключиться? Не попал же он в аварию, он и не ехал никуда! Вечером пришла такая никчемная мысль — прогуляться на раскоп в их «Эргастирий чародея», они частенько так ходили... И значит, он сознание теряет?

С трудом поднял голову и увидел, что лежит, распластавшись, в той странной части эргастирия, которую они классифицируют как свинарник или овчарню в жилом доме — так бывало в древние времена. Даже в журнале написали: помещение для жертвенных животных. А в эргастирии, отметил теперь Денис, за бронзовой решеткой язычки пламени прыгали в античном очаге. Кто же это посмел, святотатец, ведь ни один археолог никогда... И что за голоса слышны — мужские, скрипучие, невнятные, будто вороны голгоцуют.

Не пастухи ли это с горных пастбищ пришли в их зафакеренный раскоп и греются у очага, где огонь не зажигался уже восемьсот лет?

Денис пытался пошевелиться, что-то удерживало его. Напрягши руки, он обнаружил металлические наручники на запястьях. Он скован? Этого еще не хватало!

Следующий сюрприз — он оказался без одежды, голый. Исчезли не только его импортные шорты, но даже и плавки! Как говорится, в чем мама родила. Денис перестал рыпаться, такое надо было пережить.

Между тем сидевшие у очага поняли, что Денис ожил. Голоса их закаркали выразительней. И вот в мерцающей полутьме Денис различил, как две горбоносые и бородастые головы над ним приникли к решетке, стараясь его рассмотреть.

Значит, он захвачен как пленник неизвестными людьми? В детстве Денис слыл очкариком, бабушка насмешливо звала его «синим чулком», но именно потому он втайне занимался силовым спортом. На последнем курсе университета тренер по китайской борьбе восхищался его мускулами: «Какая фактура!» А в армии он участвовал в соревнованиях — кто бы из его археологинь заподозрил за ним такое?

Отчаяние и ярость охватили его, он напрягся с такой безумной силой, что цепь, которой он был опоясан, слетела с крюка. Денис вновь напрягся, но звенья цепи только врезались в его тело. А незнакомцы, спешно отодвинув решетку, пытались схватить его за руки.

Их холодные пальцы были так омерзительны, ужас, охвативший Дениса, так силен, что не помня себя он поднялся на четвереньки и оба железных браслета на запястьях лопнули, как яичная скорлупа. Отпихнув незнакомцев, Денис выскочил за решетку.

Первое, что он успел заметить, — стекло в слуховом оконце над дверью, относительно которого они спорили, подлинное оно или нет, посветлело от наступающего утра. Значит, прошла вся ночь! Это был тот самый раскоп, где он трудился и который подробно описал в «Археолоджикал ревью», только вместо свежей фанеры, заменявшей потолок, теперь нависали почерневшие старые балки, а меж них козьей бородой торчала проросшая сверху трава. Поразительно — это был именно такой эргастрий мистагога, как его представляют себе археологи веки веков!

В тот же миг ему пришлось обороняться. Оба незнакомца — один сухопарый, с козлиной седоватой бородкой, другой, наоборот, — массивный, обросший шерстью, как библейский Самсон — кинулись на него. Ну, тут уж Денис, не зря изучавший тайны непревзойденного у-шу, хотя и не получивший почетных поясов, знал, что делать. Старикашку он парализовал метким ударом ноги в подбородок, перебросился к волосатому великану и учинил ему такую стремительную подножку, что тот грохнулся носом об скамью и завопил:

— О, ая матер фео, исполла имин! Ох, ох, каллима диспоти!

Несмотря на то что Денис сам был в шоке, он вздрогнул при этих словах. Черт побери, эти мерзавцы еще и погречески разговаривают, все понятно: «Пресвятая мать божия, помилуй нас!» Только не на том звонком, ясном и певучем языке Гомера, которому учил их на семинарах эллинист доцент Копылович, нет. Это был какой-то изуродованный, с пришепетываньями и придыханиями, с удареньями на «и» — боже мой, кефаревусса, византийский язык!

Это открытие было столь сногшибательным, что снова проснулся в нем археолог. И он не стал преследовать своих противников или думать о бегстве, а беспомощно опустился на каменную скамью.

И элементарно себя ощупал — что за странный снится сон? Но это был не сон. Уголек, который выкатился из пылающего очага и жег ему голую ступню, подтверждал эту страшную явь.

А супостаты, оклемавшись, вновь подступали к нему, вооружась — старец бронзовой кочергой, а волосатый Самсон даже новенькой алебардой, в которой, при игре воображения, можно было узнать ржавую железку, отправленную археологами на выставку в Москву.

В минуту крайней опасности, уверяют нас психологи и детективные писатели, разум человека обостряется до предела и находит единственно правильные решения. Денис напряг всю свою не столь уж и перегруженную память и наскреб кое-что из уроков доцента Копыловича.

— Ипой тон армас! — закричал он как можно выразительнее. — Бросай оружие!

Если бы грянул гром сквозь проросшую травой крышу, он не столько бы поразил незнакомцев, как непреклонный голос Дениса.

Первым сдался старикашка, отбросил со звоном кочергу, обмяк, схватился за сердце. Буйноволоному Самсону, или как его там, Денис велел отставить алебарду. И жалел, что запас его греческих слов не так уж и велик, о многомудрый доцент Копылович!

Итак, опуская промежуточные описания и диалоги, мы скажем, что через полчаса наши действующие лица сидели возле уютного очага, мирно пили вкусное разбавленное вино, по-нашему — грог. Аборигены пожаловали Денису ношеную, но чистенькую и мягкую хламиду до пят

и даже сандалии с ремешками. Денис принял подношение — а что ж делать, не сидеть же голышом! Усмехнулся — неужели прав был профессор Блаватский, когда говорил, что колдун утащит кого-нибудь в свою эпоху?

Познакомились. Старец, очевидно, был тут главным, отрекомендовался — Сикидит. Зато косматое подобие библейского персонажа наговорил про себя множество всяческих званий и имен, выделив самое известное — Пупака. Напряженно ожидали, а что скажет им их пленник или гость, и с облегчением встретили его имя — Денис, перекрестились: «Оэ, Дионисий! Кафоликос христианос!» Термин же «археолог» их весьма озадачил, они просто его не поняли.

— Не родственник ли Археологов, у которых дом возле самого Козьего рынка? — осведомился Сикидит.

А Пупака принялся вспоминать какие-то воинские деяния:

— Я знал двоих Археологов. При Мириокефалах, когда вся пехота дрогнула, они не побежали. Но, в общем, хвастуны были оба...

То, что археолог — профессия, оба чудака отказывались понять. Равным образом не реагировали на вопросы Дениса типа «райцентр», «станция», «экспедиция»... Старец остороженько осведомлялся, не язычник ли их пленник, но поскольку наш Денис откровенно рассмеялся, собеседники просияли и даже перекрестились.

Так они мирно посиживали за столом, солнце на воле взошло и светило сквозь листву там, за стеклышком над входной дверью. Терпкое и вкусное вино шибануло в голову, глаза слипались. Решение вопроса — что происходит — откладывалось само собой.

Сикидит поглядывал настороженно, зато могучий Пупака искренне рад был примирению. Он натащил кучу овчин, устроил удобное ложе. Денис положился на волю судьбы и лег — а что было делать? Пупака его даже перекрестил, как добрая старая бабушка.

В хижине стихло, и отчетливо стал слышен голос морского прибора, журчанье водопада за стеной. Но так же было и в те неведомые теперь дни, когда Денис и его археологини орудовали здесь скребками и кисточками!

Его хозяева (или захватчики!) мирно беседовали у очага, засыпающий разум, как на нитку, низал смысл их греческих разговоров:

— Какой же ты болтун все-таки, Пупака! Наврал по-

завчера, будто ты медведя одолел вручную весом в десять пудов!

— Ну, не в десять, почему в десять! Я так не говорил... Ты не понял. Всего было два с половиной фригийских пуда!

— Да хоть и два с половиной! А тут какого-то сопляка уложить не сумел.

— Хорош сопляк! Ты посмотри, какая у него мускулатура. Будто он и живет на палестре.

Пупака занимался невинным делом: раздавливал грецкие орехи безо всяких щипцов — большим и указательным пальцем. Ядра протягивал Сикидиту, и тот жевал их беззубым ртом.

— Нет, вот ты — могуч, чародей! — выражал свое восхищение Пупака. — Перетащил ты все-таки этого стрючка на наш свет! Правда, готовились мы к этому всю зиму.

Сикидит засмеялся и положил в рот новую порцию орехов. А верный Пупака яростнее затрещал скорлупой.

— Что же ты теперь с ним станешь делать? Повезешь на столичный рынок или продашь тут?

— Ни-ни! — отверг эти предположения чародей. — Ты же знаешь, я со дня на день ожидаю высочайшего прощения. Повезу ко двору подарок.

— За такое и протоспафария могут пожаловать, — высказал уверенность Пупака. — Ты ведь и без того в чине всеблагих. Глядишь, и мне что-нибудь перепадет. Я все же помощник твой и охранитель.

Так сидели они у огня, полные мечтаний. Иногда прислушивались, как дышит их надежда, их трофей.

— Может, лучше его связать? — заботился Пупака. — Пока он спит.

— А зачем? — отвечал шеф. — Куда ему от нас деться? В свои края уж он не попадет.

Засыпающему Денису все это никак не казалось правдой. Он даже улыбался, слушая в невероятной дали их голоса.

— А если он вдруг на нас... А?

— Глупый ты, Пупака. Неужели ты думаешь, что я выбрал бы его, если б он не был достаточно рассудителен?

И Денису сквозь радужные круги наступающего сна оставалось размышлять, можно ли перевести слово «рассудительный» как «интеллигентный»...

И тут ему явилась студентка Светка Русина в еще не ношенном упругом сарафане с голыми обгоревшими плечами и со своим особым взглядом — чуть в сторону и снизу вверх. Настойчиво спрашивала, пойдет ли он сегодня после раскопа на пляж. А ему ужасно хотелось дотронуться ну хоть до этого округлого локтя с неизбежной археологической ссадиной. Но он, как и всегда, не знал, прилично ли ему это.

И что-то страшное, чужое вдруг вторглось в его жизнь и помешало ответить Светке Русиной. Не то проехал разбитый, проржавевший бульдозер, не то в дальних полях стал резвиться костистый дракон. И он понял: это храпит доблестный Пупака, и ужас смертельный его охватил.

Он лежал без сил на колком овчинном ложе, уставившись в прокопченный древний потолок, шепча сам себе: «Не может этого быть...», а глаза безжалостно опровергали: «Нет, это правда!»

Нет, это правда! Дурацкие круги и символы на стенах, зеленые тени листвы на оконном стекле, крупный храп богатыря Пупаки и мелкий, рассыпчатый его шефа. Смертный озноб снова и снова сотрясал Дениса. А как же, завтра он назначил профсоюзное собрание, он же профорг. И Светка Русина опять придет в новом сарафане. Все уж смеются, что мамочка два чемодана обнов с нею отправила...

Какие к черту обновы! Денис сел на своих овчинах — надо что-то предпринимать. А что предпринимать?

Умиротворяющий храп дуэтом — крупный, с побрякиванием и мелкий, с присвистом — заставил его опустить бессильно руки, и он лег, вновь забылся во сне.

Проснулся от визга, похожего на пороссячий, первая мысль была — тот сон прошел безвозвратно, но тотчас стрела пронзила — нет, это не сон!

Визжал парнишка, пританцовывал, потому что старец Сикидит драл его безжалостно, выговаривал, что пропадает невесть где, терзал железными пальцами его бедное ухо.

— Его зовут Костаки, — отрекомендовал Сикидит, видя, что Денис проснулся и сел. — Мой слуга. Если чего надо, он принесет, обслужит, самому никуда не ходить.

Ты слышал?— напустился он на подростка.— Выкидыш сатаны!

Энергичный эпитет чародей сопровождал не менее выразительным подзатыльником. Но юный Костаки перестал визжать и суетиться, как только понял, кто такой Денис. В восхищении шумно втягивал в себя воздух.

— Уй-юй-юй, хозяин! Это у вас человек такой получился? Совсем как настоящий, уй-юй-юй!

— То-то, плут!— назидательно изрек Сикидит.— Будешь хорошо себя вести— и ты так научишься. Воды принеси, малопочтенный! Да и к обеду пора огонь раздуть. О господи, наградил меня помощниками!

— Встаю, встаю!— заверил его лениво потягивавшийся Пупака.— Одно мгновение, и встаю!

День начинался. Костаки принес воды в керамических ведерках. Денис безучастно наблюдал, как появились новые слуги, стали подметать, подняли страшную пыль, Костаки выгнал их за дверь. Еще один слуга, носатый, в вязаной шапочке, разделявал козлиную тушу. Пупака же, безбожно чертыхаясь, занимался тем, что деревянным гребнем расчесывал собственную шевелюру.

— Сделай меня своим оруженосцем,— предложил Костаки.— Я тебя три раза в день причесывать стану.

— Три раза в день тебя лупить надо!— со стоном отвечал силач, извлекая гребень, застрявший в библейских космах.

Сикидит, доверяя все слугам, выкресывал огонь сам, растапливал очаг, обновлял лампадки.

— Патер имон,— послышался его страстный беззубый шепот.— О эн той уранойс...

И Денис понимал все дословно: «Отче наш, иже еси на небеси...» И от реальности происходящего он даже зажмурился, чтобы не видеть всей этой археологической роскоши двенадцатого века. А он-то мечтал закончить через недельку-другую раскопки эргастирия чародея, вскрыв последнюю камеру, чуланчик. И возвратился бы домой, и написал бы диссертацию, и поехал бы в Стамбул, куда уж давно приглашают его местные археологи...

А там бы, глядишь, и белокурая Светка Русина закончила свой истфак. Хотелось выть и кататься по мерзким овчинам.

Хозяева уловили такое настроение пленника, и перед Денисом над решеткой замаячили их сочувственные лица— ястребиное старца Сикидита, дремучее Пупаки, вес-

нушчатое слуги Костаки. Даже долгоносый абориген в вязаной шапочке оторвался от скворчащей козлятины, чтобы сочувственно повздыхать над Денисом за решеткой. Ничего, мол, обойдется как-нибудь!

Но ничто само собой не обходилось. Пришел степенный бородач в шляпе конусом, долго толковал с Сикидитом о снаряжении корабля до самой столицы, чтобы и продовольствия хватило, и снасти были бы крепкие и паруса. Так и хотелось треснуть его по конусообразной башке с этими разговорами!

Явился и некий тип, как глиста, угодливый, со школьными глазами,— сказался учеником чародея. Расспрашивал Сикидита о вечной душе и переносе категорий, и Сикидит, самодовольно надувшись, словно новый Платон или Аристотель, отвечал впопад и невпопад. Только о свойстве духа переливаться из одной субстанции в другую трактовал битый час!

В полном отчаянии Денис встал и вышел в дверь, где сиял и шумел летний день, блистало недалекое море.

— Туда вам нельзя,— остановил его Костаки. Вызвал Пупаку и они отконвоировали пленника в кусты, а затем отвели обратно в эргастий.

Денису подумалось: может быть, попробовать умолить Сикидита, чтобы он отправил его обратно... Ведь сумел же он неведомым путем перетянуть его в свой век, неужели он не знает, как перебросить и обратно? Пусть и сам отправится с Денисом, он познакомит его со всем, что старцу будет интересно. «Послушайте, уважаемый,— Денис даже начал с обращения, когда тот немного освободился от своих интервьюеров.— Не могли бы вы мне разъяснить...»

Оглаживая бородку, тот начал с разъяснения, почему его следует титуловать всеблагим.

— Ваше блаженство,— поспешил поправиться Денис.

Сикидит пространно рассказал, как интриги двора привели его в изгнание в Бореаду, но от верных людей до него уже дошли вести, что он уже фактически прощен, тем более что его многолетний покровитель принц Андроник, который тоже был в ссылке в Пафлагонии, также, по слухам, близок к прощению.

— Андроник, Андроник...— припоминал Денис уроки спецсеминаров. - В ссылке в Пафлагонии... Это, вероятно, двоюродный брат императора Мануила Комнина, который сам вступил на престол в 1183 году... Боже, это же

восемьсот лет, это «Слово о полку Игореве», это Даниил Заточник... И Чингисхан уже родился!

— Эй, всеблагодать! — без особого почтения обратился к старцу похожий на медведя Пупака. — Долго вы там будете траляля? Не пора ли обедать?

— Обедать! — совсем как какой-нибудь домашний папаша засуетился грозный мистагог. — Садитесь все обедать!

Уже за мраморной скамьей, исполнявшей на сей раз роль обеденного стола, чародей рассуждал, размахивая козьей ножкой:

— Я рад, что подтвердились все мои научные концепции. И знаешь, Пупака, после нашего с тобой давешнего разговора я подумал: ведь мне мало чина протоспафария за столь беспримерные успехи в науке. Я предъявляю государю наглядные свидетельства своей правоты, и пусть он велит титуловать меня «мистик».

— Ого-го, чего захотел! — Пупака не то чавкал, не то хохотал, занятый своей порцией козлятины. — До сих пор чин мистика жалован был только Федору Миртилу, за то, что он публично воскресил мертвеца.

— А что же, мой подвиг менее убедителен? А я перетащил сюда человека буквально с того света!

— А ты помнишь, чем кончил тот пресловутый Миртил? Феодосий, наш суровый патриарх, не менее убедительно доказал, что и сам мистик, и его клиент-покойник оба слуги дьявольские, и сжег их на костре!

Наступило несколько неловкое молчание. Туземец в вязаной шапочке поспешил преподнести Сикидиту самый бескостный и самый сочный ломоть козлятинки.

А Денису припомнился тут рассказ одного его знакомого. Будто в какой-то из психиатрических больниц есть палаты, точнее камеры, где содержатся больные, начисто отключившиеся из повседневности, но интенсивно живущие в воображаемом мире. Они представляют себя кремлевскими самодержцами, миклухо-макляями, нудистами, черт-те кем. Отсюда вывод — не может ли, в конце концов, случиться, что этот самый их эргастирый...

Отказывается здравый смысл признать это расстояние в восемьсот лет!

И он все щипал себя, с вывертом, с болью, уже без всякой надежды надеясь, а вдруг проснется, а вдруг очнется...

Бам! Это со звоном разбилась большая стеклянная ре-

торта, заставив всех вздрогнуть. Долгоносый слуга начал укладку вещей к завтрашнему отплытию. Поднялся ужасающий гам: чародей, Пупака, несостоявшийся оруженосец кричали друг на друга в один голос.

Денис воспользовался ослаблением контроля и вышел из хижины не через дверь, а через ту конурку, тот чулан, который археологи условно именовали «камера чудес». Никаких чудес там не оказалось, горели жировые светильники в форме чайников, громоздились какие-то тюки. Зато был запасный выход прямо к морю. Денис вышел во тьму и первое время шурился, ничего не разбирая. Открыл глаза, и вновь ему почудилась Светка Русина, стоящая напротив в своем курортном сарафане. Но это, конечно, была не она, а бесформенный куст шиповника.

Неужели прав был потомок великой Блаватской с его бесовской всезнающей усмешкой?

Над морем разливался феерический свет — готовилась взойти луна. Трещали цикады — хозяйки субтропических ночей. Ветерок шевелил ветви акаций, причесывал невидимый во тьме камыш.

— О господи! — произвольно вырвалось у Дениса. — Да минует меня чаша сия!

И вспомнился Христос в Гефсиманском саду. Но никогда не минует его чаша. От эргастирия уже бежали в тревоге хозяева и слуги, размахивая факелом.

3

— Не пираты ли это, не разбойники? — тревожился Сикидит, глядя ваясь из-под ладони в туманный, жаркий горизонт. Там, в просторах моря то появлялась, то пропадала точка, которую можно было трактовать по-разному — и буревестник, и обломок кораблекрушения, а то и приближающиеся исподтишка пираты. — Эй, корабельщик, бывают ли здесь разбойники?

— Море кишит ими, — флегматично отвечал корабельщик в конусовидной шляпе. Он натягивал канат от паруса, словно он извозчик, который держит вожжи от резвой лошадки. Его кавказская лодка бодро шла пучиною эвксинской, благополучно миновали Трапезунт, не заходя в порт, чтобы как раз не попадаться в поле зрения пиратов. Но когда перевалили за Синоп, все тот же попут-

ный ветер принес им качку, и жизнь в лодке сделалась невыносимой.

— О-ох! — стонал доблестный Пупака. Он от жары разделся догола, горбоносый туземец обтирал его губкой, смоченной в уксусе. — Так и выворачивает! И зачем я с тобою, ваше блаженство, поехал в эту богом забытую Борреаду! Жил бы сейчас возле принца, там как раз в Пафлагонии разгар охоты...

Сикидит, не ввязываясь в перебранку, с опаской следил за смутным горизонтом, а Пупака, как только мучения его немножечко оставляли, вновь набрасывался на чародея.

— Что ты все боишься пиратов? Уж если ты с твоим искусством человека одним словом можешь перенести за тысячу лет, неужели ты их испепелить не в силах?

Тот отвечал в том смысле, что за себя он не боится, сокровищ не нажил, возраст же такой, что и в рабы его не продашь. Боится пленника потерять — и без зазрения совести указал на Дениса, который сидел тут же на расстеленном коврикe. Это же итог всей его ученой жизни, это цена потерянных зубов, облетевших волос, нажитых морщин...

— Да как тебе доказать, что он действительно с того света? — продолжал насмешничать Пупака. — На нем этого не написано, такой же, как мы. А может быть, он домовый, мурин из-за печки или сбежавший каторжник? Глянь, он и по-нашему разговаривает, ни дать ни взять какой-нибудь логофет из придворной канцелярии.

Чародей ничего не отвечал. Солнце стало склоняться к закату, приблизился час вечерни. Сикидит вынул образок Одигитрии — покровительницы странствующих и путешествующих, принялся молиться. Зашептали, закрестились все, кроме Дениса, который в его положении не знал, как поступить. Да и молиться он не умел. Теперь уж эти простодушные византийцы наверняка подумают, что он исчадие преисподней.

— Лучше бы ты продал его питиунтским князькам, — высказался Пупака. — Ведь предлагали тебе за него четверть литры серебра, еще говорили — красавец какой!

— Лучше бы ты отвязался от меня, — окрысился Сикидит, — со своими советами. Небось в столицу приедем, так ты и с доносом на меня побежишь? Меня предупреждали, что ты из «стражей уха», специально ко мне, мол, приставлен...

Скандал разгорался, тем более что это помогало переносить качку. Костаки, например, стал вопить, что лучше бы пираты их захватили. Если к пиратам они попадут, он, Костаки, пойдет с ними шляться по морям.

Денис подумал, что следует переменить тему разговора, и спросил:

— А все же, блаженный, вы так и не разъяснили, как вам удалось меня в ваши измерения залучить... Мне это непонятно.

Чародей вновь принялся пространно толковать, почему еще рано его именовать блаженным. Это следующий ранг, а пока титуловать надлежит — всеблагод.

Затем он разразился обстоятельной лекцией о всемирной душе, которая разлита во вселенной — во времени и пространстве. Капли этой вечности, как брызги вселенной, и суть наши бессмертные души. Время от времени они возвращаются в океан-прародитель, и Верховный Распорядитель всего сущего по своей непостижимой воле вновь отправляет их в далекое странствие...

Море переливалось за кормою, и кавказская лодка бежала легко.

— Эге, всеблагод! — усмехнулся про себя Денис. По древней философии он как раз был в числе успевающих. — Ты еретик, папаша, и сразу по трем статьям. Ты исповедуешь безбожника Платона или, точнее, неоплатоника Гемиста Плифона — раз. Ты осмеливаешься признать вечность и бесконечность, которые не суть понятия Троицы, — два. Наконец, ты проповедуешь переселение душ, что христианской церковью признано за величайший грех. И хорошо, что Пупака, преданный тебе «страж уха», по видимому, не очень разбирается в теологических тонкостях, иначе быть бы тебе на огне...

Лекция прервалась неожиданно, при объяснении разницы между субстанцией и ипостасью. Старец, приблизясь вдруг к лицу Дениса, спросил, дохнув чесноком:

— А ты сам не из стражей уха будешь, а?

— Что вы это... — изумился Денис.

— А что? У нас по-всякому бывает. Никак я в толк не возьму, уж очень у меня с тобою легко получилось, раз-два и ты тут... Может быть, тебя просто ко мне подсадили?

Но он не стал далее анализировать это предположе-

ние, а продолжил лекцию, коснувшись неких персидских дэвов, которые будто бы могут переливаться через соломинку.

— Скажите, всеблагой,— деликатность Дениса начала иссякать.— А какое сегодня число? День сегодня какой? Дата?

О, вот это был вопрос вопросов! Старец остановился, будто бы на стенку налетел. Долго тер лысину и шурил глаза, потом объявил число в византийских индиктах. Это не дало Денису ничего, потому что для пересчета в понятные ему даты надо было помнить исходные точки периодов, а он, как мы знаем, посетитель семинаров был не весьма аккуратный.

— А можно ли от Рождества Христова? — попросил он.

На старца это подействовало, будто Денис нечто преступное затребовал. Он надулся, словно клоп, и принялся поносить римских католиков, которые, по его мнению, испортили весь церковный календарь, исказив дату Рождества.

— Тогда, пожалуйста, от сотворения мира.

Ну, это-то Сикидит знал назубок! Денис, интересовавшийся археографией древних книг и рукописей, также твердо помнил эту дату — пять тысяч пятьсот восемь лет от Рождества Христова. Теперь не стоит труда и вычислить, какое сегодня число на дворе. Сегодня пятнадцатое сентября одна тысяча сто восемьдесят первого года.

Денис решил уточнить полученный результат:

— А царствует сейчас Мануил Первый из династии Комнинов?

И пожалел, потому что старец вскричал, будоража всех дремлющих на солнцепеке:

— Да как ты... Да как же ты смеешь, пигмей, священную особу царя вселенной поминать всуе? Без коленопреклонения, без надлежащих титулований? Ниц! — требовал он.

Денис предпочел не связываться и уткнулся носом в раскаленные доски борта. Утешал себя тем, что царю Мануилу ихнему осталось жить не более десяти дней. Это он хорошо помнил, потому что семинары византиниста посещал регулярно.

А пираты подкрались незаметно, как истинные специалисты своего ремесла. В самый жаркий полдень, когда даже мухи изнемогают от пекла и блеска солнечных лучей.

— Ой-ой! — трагически вскричал корабельщик, теряя остроконечную шляпу.

Пиратская фелюга, то есть гребное быстроходное судно, черный клюв которого внезапно возник над убогой кавказской лодкой Сикидита, без труда взяла ее на бордаж. Попадали на дно чашки, миски, браслеты — все, что могло разбиться, разбилось.

— Р-р! — перескакивали разбойники на борт лодки.

— Где моя Одигитрия! — метался в панике чародей. — Костаки, ты украд мою чудотворную, мерзавец!

Безмятежно спавший голышом Пупака вскочил как ошалелый, подобно библейскому персонажу, запутался в волосах и попал пиратам в аркан.

Попался и Денис. Носатый абориген в вязаной шапочке, который почему-то помогал нападавшим пиратам, стукнул его веслом по затылку, он на минуту потерял ориентировку, что не позволило ему применить свое знание прославленных приемов у-шу, и тоже был опутан разбойничьей сетью и поставлен в ряд с другими на колени.

Явился триумфатор — вожак разбойников, цветущий и сопящий от избытка жизни мужчина, улыбающийся одноглазый. Уставив пронзающий глаз на Сикидита, картинно вскричал:

— Не ты ли это сам, всеблагод прорицатель его императорского величества, краса магии, радость науки?

И, услышав утвердительный ответ, набросился на своих приспешников:

— Вы что, звери, человеку руки так скрутили? Освободить немедленно!

И чародею тотчас были возвращены одежды, сандалии, шляпа и даже иконка.

Примерно та же церемония разыгралась вокруг Пупаки. Глава пиратов ударил его кулаком в плечо, тот бесцеремонно возвратил удар. Одноглазый ударил снова, да так, что наш библейский Самсон пошатнулся. Пупака в ответ чуть не положил пирата наземь.

— О-ге! — вскрикивали окружающие при каждом из ударов. — Вот это бьет, вот это удар!

Наконец силачам надоело испытывать силушку и церемония пошла наоборот.

— Не ты ли, — воскликнул Сикидит, — хозяин здешнего моря, прославленный Маврозум, гроза торгашей, ужас чужеземцев?

Мир был восстановлен. Пока слуги готовили приличествующую трапезу, чародей подвел победителя к Денису, который единственный из всех захваченных не был освобожден. Оба насладились лицезрением красивого молодого человека.

— Что ж он гладкий, как лягушка? — поражался одноглазый. — Волос-то на теле совсем нет!

Сикидит принялся объяснять сложную историю появления Дениса в их обществе, которую пират выслушал вполуха, объявив:

— Ну, как ты хочешь, его я забираю себе!

И чародей, который еще накануне предвкушал, как он будет представлять Дениса при дворе, не выразил протеста. Сказал как-то безразлично — ну, забирай. Мол, я еще дюжину таких наловлю. А остальные бывшие его спутники пальцами указывали на Дениса и кричали:

— Бери его, бери его!

Только несостоявшийся кандидат в оруженосцы, веснушчатый Костаки заявлял другое:

— Возьми лучше меня, возьми меня, слышишь?

Но на него никто не обращал внимания.

Пираты принялись снимать сеть с Дениса, чтобы перевести его на свою фелюгу, и тут отчаяние его охватило. Им распоряжаются, как вещью, его дарят, может быть, и продают! Он напрягся и с силой оттолкнул окружающих, причем носатый абориген, уронив шапочку, плюхнулся в воду.

— Ай-ай-ай! — горестно вскричали византийцы и, на минуту забыв о Денисе, кинулись спасать аборигена.

Тут Денис и пожалел, что не научился плавать — зеленые холмы Малой Азии были не так уж далеки. Вытащив туземца, пираты вновь принялись за Дениса.

— Ничего, мы с ним подружимся! — покровительственно сказал одноглазый, протягивая упитанную ручку, чтобы потрепать пленника по щеке. И Денис от отчаяния больно куснул эту барскую руку, даже почувствовал в этом наслаждение.

— Уй-юй-юй! — завопил Маврозум. — Его еще надо воспитывать! Киньте-ка его в чуланчик из-под рыбы, пусть попотеет, раскается!

В чуланчике, вернее в ящике, расположенном в высоком носу фелюги, оставались полусгнившие остатки какой-то морской снеди. И запах, запах, оглушающая вонь действительно заставляла потеть и раскаиваться. Через пару часов качки на высокой волне Денис был почти без сознания.

Он пришел в себя, когда в узенькое оконце-щель уже глядел синий морской вечер, а за стенкой на палубе разгрызалась какая-то новая драма.

— Оставь ее, оставь! — кричал-надрывался веснушчатый Костаки, оказывается, он тоже был на этой фелюге. — Ты не смеешь ее трогать, оставь!

— Плетей захотел? — рычал в ответ Маврозум. Мерно скрипели уключины, судно напрягалось, будто состояло не из древесины, а из живых человеческих мускулов.

— Но ты же пафлагонец! — звенел протестующий голос Костаки. — Ты же наш земляк! А она же из нашей деревни, я ее знаю... Отпусти ее незамедлительно, как же ты смеешь!

— Же-же-же, — передразнил его Маврозум, но уже в примирительных тонах. — А мне, я скажу, поп ее продал, вот кто! Он отвел меня к вашему колодцу и говорит: вот она с кувшином идет, хватай! Ничего теперь знать не желаю, я такие деньги отдал!

Сквозь скрип уключин слышался явственный женский плач.

— Мавр, не трогай девочку! — ревели на веслах гребцы.

— Она же свободнорожденная! — подзуживал их Костаки.

— Нет, каковы мерзавцы! — возмутился пират. — Я каждого из них выкупал из тюрьмы, быть бы им на колах да на реях. А здесь, босяки, они на меня хвост поднимают!

Но гребцы не уступали, некоторые принялись и веслами стучать.

— Да не трогаю я вашу деву! — сдался Маврозум. — Я просто хотел посмотреть, что это за финтифлюшка, как она устроена. А ты, — обрушился он на Костаки. — Для чего сюда к нам сел? В первом же порту на берег вон!

И так всю ночь, то трогательно плакала девочка, то вопил неусыпный Костаки.

Свежим утром Денис очнулся все среди той же рыбьей вони, готовым к новым передрягам судьбы. Из окошка слышался с моря звон походных фанфар. Денис подпрыгнул, уцепился за окошко и увидел в качающейся синеве множество вычурных кораблей с высокою кормою. Реяли вымпела, трепетали львы, единороги и прочие символы и эмблемы. Трудно было не понять, что это и есть сам великий и победоносный императорский флот.

— Это мегадук Контостефан,— определил с мостика Маврозум, с некоторой гордостью перечислив чины и ранги адмирала — великого князя флота.— Узнаю его знак — черный грифон на золотом поле. О-хо-хо, придется идти к нему на поклон, я его должник!

По его приказу один из пиратов, наскоро обмыв физиономию, надел хитон и отправился с миссией к императорскому флоту. Маврозум напряженно следил за его поездкой сквозь хорошо ограненный алмаз, который имел свойство увеличивать. Через час посланник возвратился с известием — изволят принять.

Пираты спешно приводили себя и лодку в порядок, главное — припрятывали лишнее, императорские матросы славились тем, что и пиратов могли при случае обобрать. И наконец, прифрантившись, словно провинциальная красотка, увесив себя не своими драгоценностями, Маврозум прибыл на флагманский дромон. Лодка его тотчас развернулась, чтобы привезти пленников — дар пиратов великому князю флота.

На мостике высоченной кормы флагманского дромона господин Контостефан изволил играть в шахматы с венецианцем Альдобрандини.

Здесь была тончайшая политика. Дело в том, что лет двадцать тому назад Мануил, как дипломат не очень разборчивый, разорвал отношения с Венецией. Дворы и фактории венецианцев в Византии основательно разорили. Быть может, так и нужно было, потому что купцы обеих стран вечными были конкурентами на Леванте. Но теперь времена меняются, приходится спешно восстанавливать нить дружбы, разорванную с Венецией.

— Ваш ферзь, всесветлейший,— напомнил Альдобрандини. Если византийцев различали по бородам, то с итальянцами это было труднее — у них в моде были бритые подбородки. Красиво причесанный, с волосами по плечам, крупный, еще не старый венецианец скорее напо-

минал знатную даму или даже богиню. А ведь он был из родовитой фамилии и сам мог сделаться дожем.

— Уверены ли вы, всесветлейший,— спрашивал он, искусно загнав в угол византийского ферзя,— что политика высокого престола по отношению к нам переменится?

Тут матросы ввели пирата, одетого в краденую столу и увешанного побрякушками, и поставили на колени близ адмиральского кресла. Оба шахматиста на него даже глазом не повели.

Глава пиратов, сначала несколько обомлевший, осмелел и стал оглядываться по сторонам.

— Живут же при дворе! — сокрушался он про себя. — А мы-то все по вшивым притонам! Эх какая тут везде позолота, да шелка, да стеклышки цветные...

Игра у него над головою продолжалась, а его как бы все не существовало. «Терпение! — успокаивал он себя. — Терпение есть доблесть сильных». Кто-то из его жертв поразил когда-то его этой фразой.

Мегадук принял с подноса чашу с прохладительным, а вторую предложил партнеру, говоря:

— Не скрою, почтеннейший мой Альдобрандини, противником Венеции, за ее двусмысленную для нас политику в войне с агарянами, был сам венценосец, да хранит его милостивый Христос.

При упоминании императора оба игрока встали и перекрестились. Царь вселенной был тяжело болен и надлежало молиться за него.

— Так вы думаете, если... — туманно выразился Альдобрандини, забирая кроме ферзя еще и ладью. — Все может перемениться?

— Вы же знаете правило, — не менее туманно отвечал партнер. — Смена королей меняет всю партию.

— Пусть, во всяком случае, при высоком дворе знают, — говорил венецианец, продолжая забирать у мегадука фигуру за фигурой, — игра может возобновиться с самыми лучшими намерениями...

Венецианец раскланялся и нырнул под сень зонтиков своей свиты, спустился в гондолу и был таков. Мегадук же, проводив гостя, взглянул на шахматную доску и обнаружил, что по положению фигур он оказывается еще и в выигрыше — ах, этот Альдобрандини, дипломат! Командующий пришел в хорошее расположение духа и тогда изволил заметить Маврозума, все так же скромно стоящего на коленях.

— А, это ты... Давно ты тут?

Пират кланялся и благодарил за некую помощь в одном деле.

Мегадук, продолжая благоволить, пожаловал его из собственных рук чашею с напитком. Окончательно польщенный Маврозум решился представить и свои дары.

— У меня, светлейший, есть кое-что для тебя любопытное... Во-первых, парень один с биографией... Чародей уверяет, что свел его напрямиком с того света. Меня вот даже укусил,— поднял он завязанную тряпицей руку.

— Хм,— улыбнулся повелитель флота.— Так он еще и кусается?

Сопровождаемый пиратом, он вышел на главную деку корабля, где между стоящими навтыжку военными матросами были выставлены живые подарки от Маврозума.

— Так это он, что ли? — показал мегадук пальцем на скрученного в узел голого Дениса.— И точно, гладкий, будто лягушка. А почему это он воняет, будто толпа покойников?

Маврозум и окружающие захихикали, чтобы показать, как они ценят остроумие верховного, а тот принял решение.

— Вот что. Ты знаешь, я одновременно и куратор императорских зверинцев. Зверушкам бедным совсем кушать нечего стало. Отдам-ка я его в Львиный ров, раз он такой кусака. Пусть покусается там со лвятками, с тигрятками.

Смысл кровавого решения не сразу дошел до Дениса, и не только потому, что предводитель флота попридворному гнусавил. Когда Дениса со шлюпки влекли на адмиральский дромон, за ним поднимали какую-то женщину, закутанную с головой в покрывало. Может быть, ту, о которой вчера кричали на фелюге,— девочку, девушку? Что-то странно знакомое было в ее движениях и походке.

— Она еще невинна, всесветлейший,— изогнулся Маврозум.— Товар, как говорится, высший сорт, клянусь демонами. Пусть проволокой меня бичуют!

Сдернули покрывало, и пораженный Денис увидел, что это Светка Русина, студентка. Это ее округлое славянское лицо, ее пластическая фигура, только платье нелепое, будто обкусанное понизу. Неужели чародей и ее...

— О-го-го! — оценил Контостефан.— Экая она синеглазка! Как раз, кстати, то, что давно заказывала мне ке-

сарисса Мария, надеюсь, ты знаешь, кто это — старшая дочь государя.

Слепая ярость охватила Дениса, он готов был крушить все эти мачты и снасти, дробить полированные доски, в кровь разбивать головы людей. Но люди у мегадука были привычные к таким бунтам, и через малое время наш Денис был скручен, а рот его заткнут.

Последнее, что он слышал, — голос парнишки Костяки, который, как назойливая муха, кричал о свободе, о том, что нельзя девочку эту забирать...

5

Всевластнейший, всесвященнейший, самодержавнейший, христоробивейший кесарь кесарей Эммануил, что по Библии означает — «Во всем воля Господня», а иначе зовется просто Мануил Первый Комнин, семьдесят седьмой император Восточной Римской империи, если считать от Константина Великого, отходил в вечность.

В большой порфировой зале собрались высшие чины империи, родственники императора, могущественнейшие из магнатов. Были там синклитики, то есть сословие сенаторов, чиновники, феодалы. Духовенство — клир — с хоругвями и мощами находилось неподалеку, в боковой зале, готовое отпеть высочайшего в последний путь.

Царь тяжело болел давно, а накануне перенес новый удар, но миг кончины его еще не наступил. Мануил лежал вытянувшись, словно солдат в строю, накрытый парчовым знаменем с монограммой Христа, совсем не ел, не пил, разве ложечку вина. Могучий, уже легендарный, правивший величайшей монархией того мира без малого тридцать семь лет, он все еще жил! И духовные пастыри за стеной, которым в отличие от светских собратий сидеть не полагалось, топтались на склеротических ногах, потели, мысленно грешили, моля, чтобы Бог побыстрее прибрал страдальца, а их бы отпустил по домам.

Большой порфировой звалась эта зала потому, что некогда из античного Эфеса были выломлены и доставлены сюда двадцать четыре мощных колонны ярко-красного мрамора — порфира, чтобы в новой столице служить новым повелителям. Здесь высшая знать империи собиралась на самые ответственные церемонии. Вдоль стен тянулись ряды кресел с дубовыми спинками, и можно было

подумать, что это театр, а церемония просто зрелище. На самом же деле свершался здесь акт особой государственной важности.

Как избавиться от незаконнорожденных, от самозванцев, от подставных фигур, словно ржавчина разъедающих любой династический строй? Только превратив акт рождения и акт смерти в публичное зрелище, чтобы каждый, кто считает себя полноправным гражданином, имел основание сказать: да, я присутствовал при рождении или при кончине такого-то государя.

Такова уж брменная участь царей, тяжкий крест их непомерной власти. Они и рождались в этой зале за пурпурной занавесью с изображениями угодников божьих, предстоятелей Византии. Рождались, чтобы получить исключительное звание «багрянородных», или «порфирогенетов», а вместе с ним и право наследования престола. Их и умирать относили сюда, конечно, за исключением тех трагических случаев, когда доставали их ножи заговорщиков или рука войны.

В креслах с дубовыми спинками сидели рядами синклитики, запасаясь терпением, страдая от духоты и блох. Насекомых этих зловредных здесь водилось немало, несмотря на то, что каменный пол был устлан фракийской полынью. Ближе всех к занавеси были, конечно, разного рода Комнины, отпрыски царствующей династии. За ними, группируясь клан к клану, шли Кантакузины, Палеологи, Ватацы, Дуки, Фоки, Каматиры, Контостефаны — какие звучные имена! Вся знать, ведущая родословие от персидских сатрапов или римских патрициев! В причудливых тиарах, тюрбанах, призмах, островерхих колпаках — каждый сообразно своему званию — они не молчали, а молились или злословили, делились новостями, сплетничали. В большой порфировой зале царил неумолчный гул голосов, будто здесь был чудовищной величины улей.

Передавалось из уст в уста, что государь еще утром похлопывал себя ладонью, то есть как бы пострижения чаял, монашеской рясой. Теперь же, говорили, он и пальцами двигать перестал.

Этериархи — зрители дворцового порядка тщетно старались, чтобы в залу попали только главы родов и предводители фамилий. Набились туда и великосветские трепушки, именующие себя матронами, и даже просто любители сенсаций, достаточно было помощнику эте-

риарха сунуть в кошель, висящий у пояса, ну хоть бы полденария.

С самого края располагался ряд, где красовались Ангелы — род, кстати, тоже отпрысков царствующей династии. Все самые сановные или ученые мужи из этого рода пребывали в данный момент там, где вершилась история, то есть возле одра, где лежал император. А здесь уже дремали либо неспособные пентюхи, либо глубокие старцы, бессловесно уставив разнокалиберные бороды на фамильные посохи. Каждый такой посох — трость являлся символом знатности, его набалдашник представлял собой позолоченную фигурку ангела с шестью крылами.

Не находил себе места и непрерывно вскакивал, нервно постукивая посохом, только официально избранный глава рода, которому очень хотелось бы быть там, за священной занавесью, а он вынужден быть здесь, как пастиух при овцах. Это была личность краснощекая, востроноса, с ярко-рыжей, будто нарочно крашенной бородой и такими же рыжими кудрями, торчащими из-под тиары. «Не будь я Исаак Ангел, генарх (глава рода)», — произносил он к месту и не к месту, а сам искал, к чему бы придраться, чтобы утолить свою жажду действий.

— Здесь священное место! — возмущался он. — Обитель славнейших и знатнейших! А сюда шваль всякую напустили. Вот ты, например, — обрушился он на какого-то юношу, — тебе чего здесь надо?

Юноша был одет в обтягивающее фигуру зеленое трико и шляпочка была на нем словно призма. Он стал что-то лепетать, из-за непрерывного шума публики не разобрать что. А генарх рода Ангелов понял только по акценту, что он иностранец.

— А-а! — зарычал рыжий. — Чужеземная рожа! Откуда ты к нам такой явился?

Лягушкоподобный зеленый юноша смиренно объяснил, что из Италии он, генуэзец родом, то есть из Генуи, но родился здесь, в Византии.

— И что ты здесь потерял? — продолжал гнеться рыжий, даже посохом фамильным пристукнул.

Но человек-лягушка не испугался, а разъяснил генарху, что находится при исполнении служебных обязанностей.

— О, всещедрейший, разве вы не видите, что на мне форма дворцовых скороходов и я исполняю волю меня пославших?

— Вижу, вижу! — проворчал рыжий Исаак. — А если ты скороход, выкладывай, чего тебе надо, и убирайся ко всем чертям.

Тут он спохватился, что не следовало бы в столь священном месте поминать князя тьмы, и поспешно перекрестился. А всем остальным Ангелам, которые были рады внезапному развлечению и с любопытством повернули к нему свои бороды, разъяснил:

— Терпеть не могу разных там италяшек и прочих варваров. Особенно за их раскатистое «р» и всякие «джи-джи», «цатти-дзатти». Ну, говори же, придворный скороход, кто тебе нужен?

— Мне нужны благороднейшие Ангелы, любимцы судьбы, питомцы благочестия, первейшие из вельмож империи!

— О! — изумился генарх. — Ты, лягушка, оказывается, хорошо обучен и воспитан! Ты уважительно говоришь о нашем роде, это мы ценим и любим. А кого из Ангелов ты хочешь увидеть?

— Скажите, всемилостивейший, кто здесь благородная и почтенная матрона Манефа Ангелисса?

Из ряда Ангелов выделилась дама лет пятидесяти во вдовьем кукуле и без драгоценностей, но цветущая во всех отношениях. Скороход преклонил колена, насколько позволяла теснота между рядами, и объявил, что внизу некий рыцарь, прибывший из Пафлагонии, просит быть допущенным к ее особе, пригласительной грамотки не имеет.

— Ах, это же Ласкарь! — воскликнула она, обращаясь к прочим Ангелам и Ангелиссам. — Он писал, что придет! Зови же, зови, что медлишь?

Но зеленый скороход не спешил исполнять ее желание. То у него шнурок развязался, то в глазах у него пошли круги. Многоопытная матрона, однако, догадалась, в чем дело, и пожаловала ему монетку — один обол. Довольный скороход помчался ко входу.

И вскоре на его месте возник новоприбывший — мужчина элегантный, как и надлежит быть рыцарю во все времена у всех народов. Негнушащаяся одежда на нем была вызолочена, словно по заказу, а острые усики, седой хохлок на лбу, даже бородка клинышком — все было боевое, решительное.

— Ласкарь, о Ласкарь! — простонала Ангелисса. — Мы с тобой не виделись сто лет!

И приняв его в свои объятия, пустилась расспрашивать о виноградниках, об урожаях, об охране границы, потому что был он акрит, что по-византийски соответствует термину «рыцарь».

Генарх Исаак отнесся к их восторгам и воздыханиям критически и объявил, что пойдет за священную занавеску узнать, как там дела.

— А ты, пафлагонский акрит,— разрешил он,— сиди пока на нашем начальническом кресле.

Он позвал своих слуг, которые томились в коридоре, и ушел, а пафлагонский рыцарь, оторвавшись от Манефы, осматривался и простодушно изумлялся.

— Матерь пресвятая, заступница наша! Сколько же здесь народу потеет... А нам так не хватает рабочих рук — виноград как раз давить, желуди поспели, чушек надо выгонять.

— Про чушек бы ты поосторожнее,— оглянулась красавица Манефа.— Теперь везде стражи уха и стражи глаз. Твою пафлагонскую остроуту про чушек не так здесь оценить могут. Как раз сам без глаз останешься,— решила сострить и она.

Действительно, среди придворной публики было немало слепцов со следами пыточных клещей — внезапного гнева самодержца.

— А скажи, сладчайшая,— продолжал донимать ее рыцарь.— Вон тот, кстати, слепец в высокой витой митре, он кто? Не Аарон ли Исаак? Он? Боже, я знал его молодым! А теперь весь седой и тоже слепец! Его-то за что? Такая был законопослушная овца!

Манефа сделала страшные глаза и, еще раз хорошенечко оглянувшись, сообщила:

— А будто бы перелистывал он Соломонову книгу, и кто-то донес. А от перелистывания им Соломоновой книги будто бы случилось землетрясение, черная оспа да вдобавок выкидыш у племянницы императорского любимца.

Все Ангелы в страхе замахали руками — побойся Бога, Ангелисса, что ты говоришь? И он еще жив, если он такой преступник?

Ангелисса поправилась: вы меня не так поняли. Через малое время оказалось, что донос был ложный. Доносчика казнили, Аарона освободили, но глазочки-то его тютю!

— Такова оборотная сторона придворной роскоши,—

резюмировал Ласкарь, подкручивая ус.— У нас, конечно, победнее да попроще. Но тоже свои казусы есть— и саранча, и набег пиратов! Боже, и это все в наш просвещенный век!

Тут вернулся краснощекий и рыжий здоровяк Исаак Ангел, ходивший узнать, не продвинулось ли чего в деле успения царя Мануила. Он слышал последнюю фразу бравого акрита и счел нужным вмешаться.

— И не за то его ослепили, что он будто бы Соломону книгу перелистывал. Он тайком примерял императорскую корону, вот!

— Бросьте, бросьте! — вставил Феодорит, старец тоже очень почтенный, но зрячий, про которого говорили, что он светел, как печная дверца.— Кто не знает, что его просто невзлюбила Берта, наша тогдашняя императрица!

— Эх, милые! — расстроилась Манефа.— С вашими язычками как раз под пытошные клещи попадешь. Вон этериарх так и ходит, так и высматривает вокруг нашего ряда. Давайте лучше помолимся...

Начали молиться за здоровье государя, но Ласкарь, как человек сугубо военный, путал тексты молитв, поэтому опять принялся расспрашивать Манефу о родственниках. Старший ее сын уже в генеральском чине, на Кипре он. Младший с посольской миссией поехал в Италию, ронять не приходится, слава Богу, слава Богу!

— А помнишь, Пупака был у тебя свойственник, мы с ним дружили? Весь обросший такой, словно библейский Самсон?

Манефа часто замахала веером, потому что становилось душно.

— Пупака с принцем Андроником в ссылке был в вашей Пафлагонии, это тебе лучше знать. А теперь, слышать, его с чародеем одним, Сикидит того звать, не угодил он кому-то, любовный бальзам приготовил недостаточно крепкий, так с этим чародеем его куда-то в отдаленную провинцию заслали, на Кавказ...

— О! — отозвался светлый старец Феодорит, заимствуя у Исаака Ангела сушеный финик — подкрепиться.— Если это тот Сикидит, который астролог, я его вчера, убей Бог, на рынке встретил. Покупал он кобылье молочко, которое от облысения помогает. Хи-хи, кому-то волос сильно не хватает, а у какого-нибудь Самсона их некуда девать.

Манефа выразила сомнение — как же он может одно-

временно в двух местах появиться, на Кавказе и у нас на рынке?

— На то он, матушка, и чародей! — ответил светлый Феодорит, который почитал себя знатоком оккультных наук. — А кстати, сейчас все из ссылки самовольно приезжают. Смотрите, — он тоже боязливо огляделся, — как бы вскоре и сам принц не заявился, Андроник!

При упоминании Андроника все Ангелы и не Ангелы принялись оглядываться, как бы чая увидеть все тех же пресловутых стражей уха. Один генарх Исаак Ангел стражей уха не испугался и громко сказал:

— Что Андроник! Скоро вся империя сорвется с крючка и побежит куда попало. Кстати, Андроник — это власть, это сильная рука. А нашему расхлябанному царству только и подавай дубинку покрепче.

Все в ужасе замахали руками, не произнеся ни слова. А Исаак Ангел усмехнулся своей улыбкой сатира:

— Забыли, что ли, что при каждой пертурбации при смене царств первыми горят наши дворцы и наши усадьбы?

Тут плотину молчания прорвало и поднялся страшный гвалт. Манефа же Ангелисса благоразумно советовала акриту Ласкарю:

— Ты с ними не вяжись. Они все родственники правящей династии, отвернутся в случае чего. А ты влипнешь в историю, хотя будешь ни в чем не виноват. Пошлю-ка я с тобой мою служанку, она отведет тебя к нам домой, ты там отдыхай...

— А не скажешь ли ты мне, достопочтенная Ангелисса, как найти тут морскую канцелярию, ведомство паниперсеваста Контостефана?

— Ведомство Контостефана здесь от дворцов поблизости, да и он сам сейчас где-нибудь здесь, вон за той священной занавесью. Да я тебя и не спросила, зачем ты к нам пожаловал, что-то ведь неотложное погнало тебя в разгар уборки урожая...

— Девочку украли у нас, девочку.

— Это какую же такую девочку?

— Соседскую дочку, семнадцати лет... У ручья подстерегли, у колодца... Пираты, больше некому.

— Так при чем здесь адмирал Контостефан?

— А ты разве не знаешь? Пираты ему дань платят. Половину своей обыденной добычи.

— Так надо было покрепче ту девочку сторожить. А что теперь искать в столице!

— В столицу все злодейства у нас сливаются, как ручьи. Вот и этот Контостефан...

— Контостефан! — захохотал рыжий глава рода Ангелов. — Контостефан это удав, что заглотит, то уже не вынешь, а то еще и сам без головы останешься.

Ангелисса же, увидев, как потемнело от печали лицо ее бравого рыцаря, прониклась к нему состраданием.

— Да ты скажи, христоробец, что тебе эта девочка? Сколько ежедневно в империи девочек пропадает! Ежели ты бессемейный, хозяйство тебе некому вести, давай мы, близкие родственники, скинемся и купим тебе на рынке какую-нибудь девочку!

Ласкарь принялся объяснять, что уж очень люди они хорошие, соседи, жалко их, жалко ихнюю девочку. А он, Ласкарь, хоть и без слуги остался, агаряне у него и слугу переманили, и коня он рыцарского с собою увел, но девочка та, девочка... Все сердце изболелось.

Манефа хотела проворчать, что седина, мол, в бороду, а бес в ребро, но тут мальчишки прорвались с Августеона, разносчики новостей, как этериархи их ни выгоняли. За монетку в пятнадцать оболон они выбрасывали целый ворох сведений и про свадьбы, и про повышение цен на тарань. А один, чтобы заслужить дополнительный обол, заверещал что было силы:

— В царском зверинце, во Львином рву, сидит некий чужеземец, и львы его не грызут!

6

Патриарх шествовал прямо как жердь, не отвечая на поклоны, уставя вперед кустистые брови, величественно переставляя посох. За ним валила толпа разнокалиберных клириков, а чуть в отдалении двигалось императорское семейство.

Византийца хлебом не корми, дай позлословить, особенно над власть имущими. Пусть это даже грозит лишением зрения, зверскими пытками, пусть!

— Маруха идет, Маруха! — зашелестело в рядах придворных. — Монашенкой одета, а ведь всегда расфуфырена была!

Маруха в данном случае вовсе не какое-то жаргонное

прозвище. Это обычное уменьшительное от «Мария» — Марусса, Маруфа, Маруха. Народ любил эту царскую дочку от первого брака, считал ее несчастной, потому что была она не просто некрасива — она была вовсе безобразна. И женат был на ней итальянский маркграф Райнер Монферратский, красавец с бесчувственными глазами, и народ видел, как изменяет ей супруг, и жалел ее, и звал по-домашнему — Маруха.

За нею шла другая Мария — супруга умиравшего Мануила, она была моложе его чуть ли не на тридцать лет — что делать, династические браки! В девушках была она латинянка и звалась Ксения, а православное имя было ей дано — Мария. Народ звал ее Ксения-Мария. Не станем утомлять читателя надуманными описаниями, а процитируем современника, с которым нам еще предстоит познакомиться: «И были ей свойственны светлые взгляды, жемчужная белизна лица, любезный характер, открытая душа, очаровательная прелесть в речах...»

Ее почтительно поддерживал верховный паракимомен, что означает смотритель государевой опочивальни, а в переводе на язык большой политики — премьер-министр, глава кабинета либо что-нибудь в этом роде. А был им тогда Алексей, племянник царя, следовательно, царевич, тоже Комнин, молодой человек лет сорока, любивший ходить без головного убора, потому что считал неотразимой свою серебрящуюся редешую стрижку. Вокруг него держалась толпа таких же сорокалетних юношей, насурмленных, нарумяненных, завитых, словно банные нимфы. Злые языки утверждали, что паракимомен с ними... Ах, нет, другие злые языки говорили, что молодая императрица Ксения-Мария... Но нельзя же во дворце верить всегда и всем!

За матерью поспешал наследник престола, тоже Алексей Комнин, преждевременно вытянувшийся мальчик. Плотнo окруженный строем педагогов, он двигался словно под стражею. Менторы его, столь разные во всем — в толщине, худобе, лысинах, сутулости и прочее, в одном были едины. Они неусыпно взирали на наследника запретительным взглядом — не прыгать, не чесаться, не ронять достоинства, а тот, несмотря ни на что, взирает на мир победно, добродушное лицо его было озарено полным непониманием, а из уголка вечно влажного рта свисала вечная же капелька слюны. В руке же он сжимал кольцо для игры в серсо, которое педагоги не успели отобрать.

А за ним шла его жена — да, да, жена! — французская принцесса Агнесса, с которой мы еще встретимся на наших страницах, а пока сообщим, что выдана замуж она была шести лет.

Императорское семейство, наклоняясь, чтобы не задеть тиарами и венцами, прошло под священной занавесью и окружило помост, на котором стоял одр Мануила. На помост же дерзнула взойти только кесарисса Маруха.

— Душно здесь, тяжело! — фельдфебельским басом заявила она, обращаясь к патриарху, потому что никакого другого начальства, кроме него, не почитала. — Не правда ли, отче?

Патриарх Феодосий костистым армянским носом (а был он по происхождению армянин, чего никак не могли простить ему при дворе) втянул в себя плотный, как масло, воздух. А что можно было поделывать, если у бесчисленных икон горели бесчисленные свечи?

Умиравший открыл один глаз и внимательно смотрел, как Маруха распоряжается — то ей не так, это не этак. Знамена перевесить в другой угол, а караульным отступить полшага в глубину сены.

— Где врачи? — спросила она патриарха.

Тот недоуменно обратился к царице Ксении-Марии, которую он, в свою очередь, почитал единственным начальством, а та обратила нежный взор на сереброволосого паракимомена Алексея, потому что для нее-то он и был фактическим начальником всего.

— Где врачи? — грозно переспросила Маруха, обращаясь в пространство.

Тогда верховный паракимомен, изобразив на своем чувственном лице столько смирения, сколько был способен, разъяснил, что после соборования и причащения врачи уже неуместны и он приказал вывести их в нижнюю галерею...

— Как это, после соборования и причащения... — начала кесарисса и осеклась, потому что до нее дошла вся нелепость положения: как это, мол, так? После соборования и причащения покойник еще жив?

Мачеха ее, Ксения-Мария, правильно поняла ситуацию как начало борьбы за пустеющий трон Комнинов. Да и уж очень самовластен был не сказать покойник — умирающий. Отучил всех проявлять инициативу. По ее ангелоподобному личику промелькнула тень недовольства. Она о чем-то спросила паракимомена, тот ей что-то

ответил. Царица настаивала, и красивое лицо фаворита сделалось злым.

Он выпрямился, ища дворцового глашатая.

— Мехитариу, эпарх дворца, к его величеству!

— Эпарха, эпарха зовут! — по-тараканьи зашелестели ряды придворных, изнывавших от отсутствия новостей.— Что-то случилось?

— Мехитариу, эпарх дворца... — по всем закоулкам огромного строения разносили глашатая.— Мехитариу... Тариу... Ариу...

Умирающий открыл второй глаз и тупо смотрел, как Мехитариу, эпарх дворца, одетый в розовый почетный кафтан-скарамангий и вспотевший от усердия, становится на колени пред верховным паракимоменом.

— Отвечай! — театрально-надменным голосом спросил тот (надменность ведь тоже надо выработать).— Не ты ли утром, как доложили нам стражи уха, болтал, будто во Львином рву живет праведник, которого звери голодные, а не грызут?

— Так, так, всесветлейший... — горестно признался уничиженный эпарх.

— А если так, отвечай, а почему он праведник?

Эпарх, окончательно онемев, развел руками. Но за него ответил сам грозный патриарх — как, а разве не известно из Книги пророков? Дам тебе я дар праведничества, и не тронет лев рыкающ и пес алчущ.

Все молчали, ожидая, что последует дальше. А бедный Мехитариу, проклиная себя за несдержанный язык, пал лбом на плиты пола.

Верховный паракимомен усмехнулся, понимая его состояние, но медлил с решением, зная по опыту, что момент, когда удастся держать в повиновении столь вулканическое общество, как императорский двор, краток и преходящ. Поэтому он медлил, как бы приучая двор к мысли, что хозяином здесь отныне будет только он, всемогущий паракимомен. Даже протянул ладонь, и обслуживающие евнухи поспешили вложить в нее чашу с апельсиновым питьем. Он долго пил, потом обтирал чувственные губы, а все в напряжении смотрели на него.

— Встань! — повелел он эпарху.— Бери людей, отправляйся во Львиный ров. Мы желаем видеть его тут. Если не помогли врачи, не помогло святое причастие, быть может, исцелит праведник.

Кесарисса Маруха, чувствуя, что теряет инициативу,

хлопнула в ярости ладонью, а император, ее отец, вздрогнул. Эти паракимомены, а с ними и латинские обезьяны, присваивают себе даже право находить праведников! О, безбожники!

Трещали свечи, придворные в негнущихся одеяниях стояли как истуканы, а умирающий снова закрыл глаза.

7

И снились ему сны. Будто он совсем еще младенец и одели его, как девочку, в розовое платьице. И молодая мать счастливо смеется над ним и жалеет, что он у нее действительно не девочка, чтобы можно было заплести косички.

А вот другое виденье. Он уже в седле боевого коня, первая борода у него побрита и царственный отец послал его налаживать связи с крестоносцами Иерусалимского королевства. Стремя к стремя с ним принц Андроник, его двоюродный брат, друг бесценный — это теперь он злейший враг! Оба счастливые и молодые, оба жаждущие подвигов и славы.

Кругом реют флаги всех рыцарских домов Европы, от сумрачного Альбиона до синеглазого Сорренто. Вокруг вымпела, бубны, славословия. Охрипшие от вина и боевых кликов глотки рыцарей не смолкают. Еще бы — вновь заключенному союзу крестоносной Палестины и священного Второго Рима никакие агаряне не страшны!

На главную площадь выезжает какой-то храмовник или иоаннит, закован в металл, словно надгробный памятник. А меж ног у него целый гиппопотам, не лошадь. А вернее, даже адский единорог. И перед диковинной мощью этого всадника почтительно стихает рев толпы.

— Эгей, Андроник! — шепчет другу царевич. Он чувствует, что некая волна решимости его подхватила и нет ему более спасенья. — Послушай, дружище, где твой латинский доспех, который ты купил по дороге сюда, в Алеппо?

— Он неподалеку, в обозе, а что?

— Прикажи его быстренько сюда доставить. Мы ведь с тобою одного роста...

— Как? — Андроник с удивлением и завистью смотрит на товарища и соперника детских игр. — Неужели ты

с этим монументом... Но ты же сын царя, императорский посол, имеешь ли ты, наконец, право...

— Я так хочу, — упрямо говорит Мануил, и не подозревая тогда еще, что эти слова («Я так хочу!») станут девизом всего последующего тридцативосьмилетнего его царствования.

И вот он, напаялив на себя гремучие жестянки (так презрительно они, византийцы, обычно отзывались о крестовном вооружении), украсившись белой как снег полотняной мантией, выезжает навстречу спесивому противнику, как какой-нибудь новый граф Роберт Парижский или Ричард Львиное Сердце.

Опускаем дальнейшие подробности — увы, лавры Вальтера Скотта нам не по плечу! — Скажем, что в конце концов, крепко зажмурившись от всей этой передраги и творя молитву Господню, царевич мчится на врага, сжимая копьё, толстое, словно бревно. И Господь своему верному помогает. В решительный момент у страшного бегемота лопаются подпруга, и он, как железная бочка, с позором валится на песок.

И от этих воспоминаний, от этой юности веселой жизнь словно бы вновь вскипает, возрождается по капле... Столь мерзко кругом, столь погано, что не хочется и глаз открывать — пусть считают мертвым. Откроешь — а они все тут, шелестят хитиновой чешуей!

— Ты уходишь, величайший, непостижимейший, а нас, рабов твоих, оставляешь? Пенсию синклитикам твоим ты так и не повысил, зато наоборот — иностранцев мерзких обещал налогом обложить, так и не подумал, они теперь и станут богатеть твоею милостию!

А был он щедрым, незлобивым, всегда приветлив, ясен душою. Придворные подхалимы восславили царствование его как Золотой Век Второго Рима.

В порфировой зале он не родился, потому и не считался багрянородным. По происхождению второстепенный царевич сбоку династии. Сколько же стоило ему непотопляемости и ориентировки, чтобы в конечном счете оттолкнуть других и сесть на Высокий Престол!

Историк позднее напишет: мужая, стал груб, нетерпим. Деньги утекали, как в море. Был влюбчив, обожал пировать с разгульными товарищами. Суеверен, однажды задержал отплытие целого флота из-за неблагоприятного гороскопа и потерпел поражение. Впрочем, поражений в его царствование было больше, чем побед, но блеск

и сияние его престола были так велики, что вся его эпоха казалась непрерывной победой.

О Господи! Но он же первым не щадил себя во имя дела! В походе спал с солдатами на земле. При осаде Дорилей, словно простой ратник, таскал на собственных плечах метательные камни.

Когда же из Палестины доставили ему в подарок подлинную плиту от Гроба Господня, он сам поднял эту машину и отнес во дворец. А было ему тогда уже куда как больше шестидесяти лет! Теперь завещал положить ее на могилу себе самому.

Слабого усиливал, сильного ослаблял. Фридриха Барбароссу, германского короля, довел до хронической невратении, не пуская его в Рим. Папа, сам трусливый без меры, сильно опасался этого грубияна Барбароссу. Мануил растравливал его воображение двусмысленными письмами, и папа, пока был жив, так и не пустил всемогущего короля за стены Вечного Города! Всяк, кому угодно, входил в Рим и выходил, но не Фридрих, хотя его рыцари наводняли Италию. А ведь без посещения Вечного Города Барбаросса не мог принять титула «император». Впрочем, как и череда его властолюбивых предшественников, Мануил твердо полагал, что император во вселенной может быть только один — в Византии!

Да и вообще недолюбливал западных людей — нетонкие они, неделикатные, высокомерные, вечно кроважденные.

Да, был без меры добродушен, отдавался разным цирковым плясуньям, подчинялся дворцовым евнухам, делая их богачами. Грешен — любил роскошь, яства, игру на цитре (кифаре, гитаре). Но трудился без устали, ничего не передоверял фаворитам, сам до полуночи перелистывал все бумаги. Встретит в поле пахаря, спешится, просит позволения хоть за рукоятку плуг поддержать.

И теперь жизнь долгая и бурливая приближалась к концу. Ворчливый патриарх Феодосий, который, кстати, и держался-то только на личном благоволении императора, пенял ему, что еретикам послабляет, разным павликианам, манихеям. А когда учредил Мануил монастырь, где все монахи обязаны были трудиться, ибо сказано: не трудящийся да не ест, он же, Феодосий, первым обвинил императора в искажении апостольского догмата.

Но вот постепенно лежащий с закрытыми глазами император сквозь свои видения или сны стал ощущать ка-

кой-то неприятный запах. Более того — просто непереносимый запах. И без того в пространстве, где разлит елей, густой, как мед, дышать было нечем, а тут еще вонь несусветная, какая бывает на рыбных рынках или пристанях, где скапливаются остатки улова, только еще гаже. Человек военный нашел бы сходство с неубранными трупами на полях сражений. Действительно, так может пахнуть покойник, которого не хоронят много дней.

И гнев его охватил — что же это? Нет больше, что ли, в столице бань и ваннх заведений? Как смеет этот дурно пахнувший входить к нему, ощупывать его зачем-то, склоняться над ним так, что его тень ползала по сомкнутым векам лежащего императора? Мануилу стало себя жалко, захотелось плакать и жаловаться кому-нибудь, что умереть спокойно не дают. И хотя он твердо знал, что может встать и пойти, решил назло: лежать и лежать, продолжая изображать покойника.

Вдруг раздался яростный звон разбитого стекла и крик ужаса всего придворного синклита. Мануил, не открывая глаз, понял: это центральное окно абсиды, которое он сам же украшал драгоценным витражом, привезенным из похода. Хозяйственная душа царя затрепетала. Да что же это у них тут творится? А вот и боковой витраж зазвенел стеклянным водопадом. На Мануила обрушился свежий прохладный воздух как живительный поток, ничего больше, ни елей, ни рыбной, ни трупной вони — ничего!

Но кто же смел разбить чудеснейшие эти витражи?

Царь в гневе сел на ложе, сотни лиц, обращенных к нему в ожидании вести о его кончине, исказились в страхе и сотни глоток вскричали:

— Зооэроте! Зооэроте! Смотрите, он воскрес!

Византийца, с малых лет приучаемого к возможности чуда, внезапным чудом не удивишь. Все тотчас приняли воскрешение царя как должное, и двинулось шествие с поклонением к его царственным стопам. Первыми это были, конечно, царица Ксения-Мария и ее любимец паракимомен, торжествующие, ибо вернуть царя к жизни удалось все же их партии, лжеврачей прогнать, а праведника из Львиной ямы привезти.

Склонилась несколько сконфуженная кесарисса Маруха, а с нею красавчик Райнер Монферратский, затем, по очередности рангов, и другие. Народ могуче кричал «Цито!» (то есть «ура») и разбежался по своим делам и заботам.

Воскресший пасмурным взглядом глядел на жизнь, ку-

да его заставили вернуться. Смотрел поперх раззолоченных шапок и тиар, фигурных лампад и паникадил. И видел человека, совершенно несхожего с тем, что привык видеть каждый день в течение тридцати восьми лет. Не просто отличного от всех, а принципиально несовместимого с каждым по отдельности и со всеми вместе. Людям, занятым своими делишками и страстишками, он показался бы совершенно обыденным — как дети рисуют? Точка, точка, два крючочка, носик, ротик, оборотик... Император же, самый компетентный человек в государстве, да еще заглянувший по ту сторону жизни, увидел в нем иное.

И он сделал первый в своей новой жизни активный жест. Он поднял ладонь ребром и пошевелил ею, как бы желая сказать: разойдитесь же в стороны, не мешайте мне смотреть на этого человека! И все в ужасе поняли, что про главное-то действующее лицо в этой истории они забыли!

Внешне это был обыкновенный юродивый — толпы их шатаются в поисках милостыни. Нагота его еле прикрыта случайной дерюжкой. Уже когда вводили его во дворец, офицеры прикрыли от срама коротким варяжским плащом. Ноги и все другое в разводах гнилого рыбьего сока.

Но лицо, лицо — без всякого подобия зависимости! Гордое, но простое. Умное, но без выкрутас. В империи таких нет, так и хотелось спросить: а где, голубчик, в какой стране вас выращивают, такой народ?

8

Привели императорских врачей и поставили на колени. В нелепых одеяниях, присвоенных их сословию, были они похожи на диковинных птиц — с хохолками, пышными воротниками, декоративными перьями. С надеждой врачи взирали на воскресшего повелителя.

Но повелителю было не до них, потому что он сидел уставясь на юродивого, который его исцелил. Тогда за дело взялся верховный паракимомен.

— Слуги дьявольские! — сказал он тихим голосом, так как тихий голос увеличивал силу гнева. — Чуть было вы не погубили высочайшего! Если бы Господь не послал нам праведника сего...

Однако от гнева пора было переходить к новым триумфам.

— Продать их всех на рынке! — приказал он. — Да не

с Гиппократовых мостков, где лекарями торгуют, а с землекопских, пусть попадут на общие работы!

Эскулапы затрепетали, стали рвать на себе остатки волос. Кесарисса Маруха, на правах любимицы отца, вывела из строя обреченных тощего носатого человечка в шляпке лопушком, заявив, что это ее личный раб, да к тому же он и не врач, а Фармацевт.

Верховный же паракимомен, не желая потерять инициативу, обратился к Денису (надеемся, понятно: Мануила исцелил именно он):

— Пожалуй, святой человек, осмотри еще раз высочайшего. Назначь лекарства, процедуры. И мы заберем его в опочивальню.

Денис в замешательстве стоял перед императорским ложем. До сих пор все как-то шло само собой, катилось — эргастирий в Бореаде, пираты, великий дука флота, наконец, Львиный ров. Доставили его сюда, и он сделал то, что подсказывал ему здравый смысл. Но он же все-таки не врач! И он стоял перед исцеленным, и оба не могли оторваться друг от друга.

Страшный калейдоскоп не переставал крутиться в памяти Дениса. Как швырнули его, накануне, на залитые кровью и блевотиной торцы Зверинца и львы подошли лениво, протянули к живой пище волосатые морды. Отворачивались, потому что были сыты, к тому же цари зверей не едят падаль.

Денис был в полуобморочном состоянии тогда и все же понимал, что зрители Зверинца как раз и хотят, чтобы львы немедленно растерзали жертву. Из-за каменных зубцов цирка они свистели, и чмокали, и кидали куски тростника, который возбуждает жажду у зверей. Но львы хоть и злобно рычали, но отворачивались от запаха падали, отходили прочь.

Так прошли кошмарные сумерки, а может быть, целая ночь. И тут Денис понял внезапную перемену в отношении к себе. Ему стали свистеть подбадрывающе, махать руками, даже бросили булку, но гастрономы-львы подобрали ее и съели.

Полилась струя воды у колоды, львы, довольно рыкая, отправились на водопой. Но и Денису хотелось пить нестерпимо, а к опасности он уже притерпелся, отупел, что ли. Львы, по своему звериному обычаю, не могли начать водопоя без взаимных церемоний. Денис растолкал

их и стал пить. А цари зверей ждали, пока утолит жажду царь природы.

Но тут стража Зверинца стала загонять львов в клетки, и они, кружа на вкрадчивых лапах, уступали ее бичам. Только один гордый лев долго не подчинялся, пока не просвистела арбалетная стрела. Бедный хищник даже присел и заплакал, вместо того чтобы зареветь во всю царскую мочь. Хлестнула вторая стрела сквозь его шею, и лев умер.

Тогда сверху спустились люди, не то палачи, не то укротители, и со всем возможным бережением забрали Дениса в священный дворец.

А теперь — чего ожидает этот старик, свесив с роскошного ложа склеротические ноги? Денис, едва только понял, что от него ожидают, знал, что вся беда в чудовищной духоте и средневековой антисанитарии. Выбив окна, он обеспечил кислород и каким-то образом поднял старца.

Император взирал на него с тоской и надеждой, сонм царедворцев ожидал его дальнейших действий, а ему легче было угадать, чего каждый из них ожидает от перемены царствования, чем предлагать, как лечить дальше.

«Гигиос, гигиос», — крутилось у него на языке единственное греческое слово. Для начала решил осмотреть пациента и предложил ему лечь на спину. Мануил послушно лег, но оказалось, что высокородная публика с этим несогласна — как? Только что воскрешенного императора вновь укладывать на смертное ложе?

Денис растерялся и вдруг услышал где-то у себя под мышкой чей-то ободряющий лепет. Это оказался тот маленький носатый Фармацевт, которого кесарисса спасла от продажи на рабских мостках. Схватив Дениса за край плаща, он энергично его убеждал в чем-то, даже пальцами показывал, как льется струя воды. Ну что ж тут убеждать! Действительно, старика надо выкупать. От эскулапских здешних мазей у него, вероятно, забиты поры кожи. Денис помнил по книгам, что для лечения персон царского рода в мазь клался фунт порошка из чистого золота, а для герцогов или князей — унция серебра.

Но придворная клика осмелела и буквально выла, требуя отстранения Дениса. Некоторые так и заявляли: праведника назад ко львам! Схоласты принялись рассуждать, может ли лицо, уже отпетое и соборованное, вновь занимать престол? Не благоугоднее ли здесь пострижение и схима?

Тогда порфиородная Маруха продемонстрировала, что именно в ней струится кровь неукротимых Комнинов. Она схватила посох, который патриарх прислонил к колонне, присев отдохнуть на скамеечке.

— Цыц! совершенно по-русски закричала она, замахаясь посохом. — Он мне отец, и я не позволю, чтобы вы его уморили!

И тяжеленным посохом стукнула о мраморный пол так, что высекла искры.

И царедворцы, кланяясь и пряча глаза (кто еще знает, как повернется руль истории), стали исчезать, бормоча славословия. Уж очень они непостижимы — сумбурная царевна, а рядом с ней праведник из Львиного рва...

А в порфиоровую залу вступали банные евнухи, розовые и мускулистые. Они приступили к высокородному клиенту, переложив его на носилки из слоновой кости, правда уже пожелтевшие от древности, но зато служившие, утверждают, блаженной Феофано. Переложили, получили благословение патриарха и унесли с собой.

9

Не без робости кандидат Никита вступил под гостеприимный кров Манефы Ангелиссы. Окончив философскую школу, он некоторое время служил регистратором на привозе, дело, конечно, хлебное, но без особенных перспектив. Люди разьясняли: для молодого провинциала первое дело в столице — найти покровителя. Даже прямо указывали на вдову Манефу. Во-первых, не спесива, подобно другим Комниниссам или Ангелиссам, во-вторых — равнодушна к философам, равным скромнику Никите.

Старший брат его, Михаил Акоминат, был во всем удачливее. Вовремя постригся и уже был рукоположен в епископы Афинские. Перед отъездом к месту своего служения сумел младшего братца к этой покровительнице, как говорится, внедрить. В тот миг, когда восторженная толпа царедворцев, восприв известие о чудесном оживлении царя, разбегалась по домам, Никита представился Манефе Ангелиссе и получил от нее приглашение заходить. Да что там заходить! Сегодня же и пожаловать на малый семейный ужин.

Никита поделился со своим бывшим однокашником

по имени Мисси (то есть Михаил) и по прозвищу Ангелочек.

— О! — воскликнул бывший питомец философской школы. — О, Манефа!

И он несколько раз повторил «о, Манефа!», хотя, несмотря на все осторожные выспрашивания Никиты, так и не смог внятно растолковать, что означает это «о, Манефа!».

Мисси, великовозрастный младенец, как и провинциал Никита, ожидал назначения на выгодную должность. Но так как являлся столичным жителем, да еще и сыном аристократических родителей, никуда не торопился, а заболтался только о полировании подошвами Золотой Площадки в центре столицы, где фланировала юная Византия.

— О, дивная Манефа! — еще раз повторил он, затем рассказал, что у Манефы есть племянница по имени Теотоки, о которой он выразился еще более неопределенно: «Весьма незамужняя брюнетка!» Впрочем, загадочно выражаться это была черта характера Мисси и о той самой Теотоки он прибавил только: «Умопомрачительная особа!»

— Вот что, — сказал он. — Ты приглашен к ним на вечер? Решено: я пойду с тобой. Ведь я им родственник, ты знаешь? А откуда же тогда мое прозвище — Ангелочек?

За ужином у Манефы только и разговоров было, что о происшедшем сегодня у царского одра. Казалось бы, разговоры должны были вертеться вокруг страшных сюжетов, например, кто же этот загадочный исцелитель, пророк из Львиной ямы. По городу ходили слухи, что он вообще с того света, не человек — оживший покойник.

Ничего подобного. Гости Манефы чинно орудовали салфетками, вытирая жирные пальцы (вилок в те времена еще не изобрели), то и дело спрашивали у слуг горчицы или соуса и шелестели в разговорах, подобно каким-нибудь гусеницам у капустного листа.

— Ах, ах, всепресветлейшая Ксения-Мария, не говорите мне о ней! Ах, как должна быть счастлива она — ведь ей удастся хоть на несколько дней возвратиться в свой новый, только что выстроенный особняк во Влахернах...

Византийцы славились умением говорить так, чтобы ничего не говорить. И эта выпретенная тирада означала только, что где-то глубоко под спудом идет подвижка власти. Царица молодая со своим паракимоменом поторо-

пилась похоронить мужа и теперь может угодить в почетную ссылку. А у руля может встать другая пара — порфиородная кесарисса и ее зубастый крокодил красавчик Райнер.

— Особенно если им удастся перехватить такого чудотворца, как этот из Львиной ямы, — глубокомысленно заметил светлый старец Феодорит, запивая крепким хиосским жареную дичь.

Гости на него замахали: всем ведь известно, что праведника из Львиного рва изобрел не кто иной, как верховный паракимомен.

— Изобрел! — воскликнул Феодорит. — А использует Маруха. Вот увидите, она позубастее будет, чем те самые львы!

Никита из-за пышных рододендронов и хризантем, украшавших Манефин стол, внимательно разглядывал гостей, особенно тех, кто сообщал что-нибудь — в Византии же не было газет, а поток информации не уступал и современному. Вот длинный, лысый и старый Феодорит, о котором — знал Никита — смеялись, что он светел, как печная дверца. Мисси Ангелочек звал его просто — дворцовый верблюд, утверждал, что он потому такой смелый, что сам из стражей уха.

Манефа тоже его побаивалась, пододвигала ему рябчиков в винном соусе, сокрушалась, что подопрели.

— Не подо-пре-ли они, нет. — Феодорит, увлекшись крепким хиосским, уже плохо действовал языком. — Вкуснейшие, дьяволята!

Теперь пришлось хозяйке сокрушаться по поводу того, что гость за ее столом нечистого помянул. А другой ее почетнейший гость — глава рода молодой Исаак Ангел, тоже несколько перебравший, захохотал при словах Феодорита о Марухе.

— Порфиородная кесарисса, священноцарственная василисса, — стал перечислять он высокородных персон и неожиданно закончил: — А, все они мазаны одним миром!

Гости перестали звенеть посудой и стучать ножами — уж очень это было дерзко. Один шаг до оскорбления величества. Впрочем, Исаак Ангел, как вождь клана, всегда отвертится. А из остальных могут, увы, сделать козлов отпущения. Исаак Ангел, пьянея, пытался неверною рукой налить себе еще хиосского, расплескивал на себя и на

соседей, пока суровый раб Иконом, домоправитель Манефы, не отобрал у него кувшин, налил и преподнес с поклоном.

Манефа подумала, уж не вызвать ли его, Исаака Ангела, челядь, толпящуюся за порогом? Но суперангел не сделал последнего шага, ведущего к оскорблению величества.

— А знаете, ангелы,— спросил он гостей,— почему на нашем гербе у херувима шесть крыльев? Двумя крыльями закроет глаза, двумя уши, а двумя рот. Ничего не вижу, ничего не слышу, ничего не скажу.

Умеренно посмеялись, главное, тому, как ловко этот молодой царедворец прошелся по лезвию ножа.

Чтобы переменить тему, Манефа стала сокрушаться, что родственник ее куда-то запропал, тот самый, акрит из Пафлагонии. Днем она отослала его сюда обедать, слуги говорят, он ушел в город, сказал: искать правду. Один, печалилась Манефа, человека у него нет.

Светлый старец Феодорит пытался ее утешить: э, матушка, наши ведомства что темный лес, искать там правду все равно что иголку.

Несколько протрезвевший Исаак Ангел стал развлекаться тем, что дразнил хозяйкину моську, покоившуюся в ее могучих объятиях. Собачка сначала сверлила рыжего обидчика недовольным взглядом, а потом стала хрипло на него тявкать.

А тут на кухне что-то вдруг хлопнуло, зашипело, запахло горелым. Манефа нервно вскочила, сунула моську на руки племяннице, помчалась наводить порядок, по дороге раздавая подзатыльники.

Это и была та самая Теотоки, которую так выразительно аттестовал Ангелочек. Ничего умопомрачительного в ней не было, кроме того, что это была одна из перспективнейших невест империи. Наверное, это и имел в виду Ангелочек, когда говорил «весьма незамужняя». Действительно, нелегко найти себе мужа, если и по отцу и по матери родственница царям. А в остальном это была самая обыкновенная тоненькая, чернявая смешливая девушка с нежными усиками над чувственным ртом.

— Глупая ты,— гладила она трясущуюся в гневе моську.— Ты не знаешь разве поговорки? На дураков и господ собаки не лают!

— Ого! — комически воскликнул Исаак Ангел.— Это что, бунт?

— Хуже, господин Ангел,— в тон ему отвечала Теотоки.— Это война династий. Я выхожу из вашего подчинения, любезный генарх.

— Как!— вскричал Исаак Ангел, а все остальные перестали есть и выглядывали из-за рододендронов и хризантем.— Вы выходите замуж?

— Да, и притом за Комнина... Вот со мною пришла моя будущая родственница, вы не узнаете ее? Правда, она давно в высшем обществе не бывала...

Исаак Ангел, конечно, тотчас узнал новую гостью. Даже раздумянулся от волнения, хотя трудно было стать еще более румяным при его рыжей комплекции. Вскочил, стал улыбаться и кланяться, отгибая ветви рододендронов.

— О, блистательная Ира, Эйрини, дочь славнейшего Андроника!

Теотоки, смеясь, грозила пальчиком. Не промахнитесь, господин дипломат, принц Андроник еще не получил официального прощения.

Мисси востепенулся и ткнул в бок своего однокашника.

— Глянь, глянь, эта белобрысая, худосочная, рядом с Манефиной племянницей! Это и есть принцесса Ира, дочь Андроника. Знаешь, что я подумал? Ведь ее за меня сватают. Давай-ка пересядем за их конец стола, я тебя познакомлю.

Пересели, но без ощутимых результатов. Обе высокородные девицы в ответ на изысканное представление Ангелочка только наклонили высокие прически, потому что были целиком поглощены фокусами, которые учинял вконец развеселившийся глава рода Исаак Ангел.

Он взял две деревянные ложки и браво отстукивал ими по столу пафлагонский марш, а верблюд Феодорит, тоже любитель застольных представлений, ухал и свистел, подражая оркестру.

Шагай, шагай, Андроник,
На остров на буян,
Круши, круши, Андроник,
Неверных агарян!

Это был давнишний марш пафлагонской фемы, когда она с принцем Андроником ходила на султана Араслана. Теперь марш стал народным куплетом и распевался слепцами на рынках. Девушки смеясь глядели из-за цветов на паясничающего Исаака Ангела.

Никита тоже стал смотреть на него. Он учился в их фи-

лософской школе в Студийском монастыре на год-два старше Никиты Акомината и его дружка Ангелочка. Никита почти его не знал, слышал только о его выходках и склонности к шутловству, о том, что ректорат школы вынужденно его терпел — уж очень близкое родство с императорской фамилией! Будто бы в традиционной выпускной процессии, где школяры изображают «пещное действо», нечестивого вавилонского царя играл этот самый Исаак Ангел, очень талантливо играл, говорят. Но по традиции исполнитель роли царя Навуходоносора должен был быть по-настоящему высечен перед народом, и правило это сохранялось в философской школе полтысячи лет! А Исаак Ангел будто бы отказался лечь под розги.

Кто-то тогда даже предсказал — носить ему настоящую корону! Всевозможные претенденты на римский престол как только появляются где бы то ни было, вызывают пристальный интерес стражей уха и вскорости же исчезают. А Исаака Ангела никто пальцем тронуть не посмел.

Шумно выпили за принца Андроника, хотя это носило несколько диссидентский оттенок. Гости, разглядывая миниатюрную беляночку Иру, удивлялись, как она не похожа на отца, который в юные годы был могучий брюнет, великан! Теперь, правда, голова сделалась лысой, как булыжник, — увы, все проходит!

Некоторые вспомнили, что мать этой Иры, изумительно красивая женщина, хотя столь же белесая и худосочная, как ночная бабочка мотылек, была когда-то насильно уведена принцем Андроником из дома живого мужа. Как будто женщин ему в целой империи не хватало!

— А вот эта, — сказал несколько уязвленный невниманием к себе Ангелочек, — и есть знаменитая Манефина племянница, Теотоки... Почему все-таки знаменитая? О! О-хмо-хмо...

Никите все же удалось вытрясти из своего однокашника, что он подразумевает под словами «о-хмо-хмо». Теотоки, оказывается, в цирке по канату ходит, она и наездница, она и голая пляшет... Так говорят! Никто, правда, не может сказать, что он своими глазами видел...

— Как же... — удивился Никита. — Как же всеильная Манефа терпит? Как же весь ваш род Ангелов...

— Э, брат! — Ангелочек налил себе и однокашнику по новой. — Сразу видать, что ты провинциал!

Никита не обиделся, он озирался, разглядывая убран-

ство пиршественной залы, «триклия» в древнеримском стиле, высокие торшеры, скамьи со спинками из резной слоновой кости, стены, сплошь обитые золотыми обоями, где было оставлено место для двух картин — «Пир олимпийцев» и «Брак в Кане Галилейской». Персонажи там, правда, были похожи на лягушек, а разные мытари и фарисеи — на пиявок с ножками, но все было как в царских дворцах.

Гости злоупотребили хиосским и ливадийским, хотя туда и подливали обильно подогретую ключевую воду. Слуги понесли к некоторым гостям облегчительные амфоры и перышки, чтобы глотку пощекотать, а иных гостей прямо под руки повели отдохнуть.

— Пойдем, Ира,— сказала, племянница Манефы.— Терпеть не могу перепивших мужиков. Пойдем ко мне наверх, ты мне расскажешь про чудотворца из Львиного рва, ты же была сегодня в свите у Марухи. А я покажу тебе новые па из танца майюмы.

Услышав о танцах, Ангелочек с трудом поднялся и стал просить, чтобы и его взяли наверх, и его однокашника...

— Вашего однокашника я еще не знаю,— ответила Теотоки, с любопытством взглянув на учтиво склонившегося Никиту.— Но думаю, что, как воспитанный человек, он не станет набиваться к девушке в покой. Что же касается вас, всещедрейший Михаил, вы просто не взойдете ко мне по лестнице. Там восемнадцать ступеней!

Мисси принялся уверять, что взойдет, но смеющаяся Теотоки мизинчиком толкнула его в грудь, и доблестный отпрыск фамилии Ангелов повалился на руки своему однокашнику. А к Теотоки подбежал толстенький комнатный евнух, взял ее шаль, сумочку, веер, и обе красавицы скрылись вслед за ним.

10

Когда Манефин малый ужин перевалил за пятый час, сама она успела сбежать в свою опочивальню — передохнуть. Гости — кто облегчился безо всяких церемоний от излишков выпитого и съеденного, кто, наоборот, подзаправился. Искусные слуги, не выдворяя гостей, произвели уборку триклия. Явилось много новых приглашенных.

Во-первых, это был великий судия Иоанн Каматир,

про которого говорили, что глаза у него не выражают ничего, кроме честности. Юрист он был никакой, судейская мантия его угнетала. Он и не скрывал, что ходит к Манефе в чайнии получить более выгодный чин.

— Хочу быть патриархом,— с надеждой заявлял он.

— Да как же, мой отец,— возражала достойная матрона.— Надо предварительно пройти много монашеских степеней. А ты человек сугубо светский, у тебя и жена молоденькая.

— У!— не сдавался Каматир, выпучивая предельно честные глаза.— А как же исторический патриарх Фотий? Тот, когда императору это было угодно, утром был рукоположен во диакона, в обед стал священником, затем епископом, а к ужину достиг и патриарха.

— Что ты мелешь!— Манефа даже отстранилась от великого судии.— Послушай, что ты мелешь?

— Не мелю,— обиделся Каматир.— А моя бы жена, в качестве компенсации, приняла какую-нибудь столичную обитель, небольшую. Стала бы там игуменьей. Я с нею уже говорил...

Но Манефу это удручило еще больше.

— Что ж, по-твоему, у нас монастырями торгуют? А куда ж глядишь ты, великий ты судия? Да и чему вас в той философской школе у студитов тогда учили? У вас получается что ни слово, то грех!

И окончательно сразила своего протеже:

— Ну, допустим, было это с Фотием, было. Но ты же сам сказал, что Фотий был исторический патриарх. А теперь история кончилась!

Акоминат, старавшийся все наматывать на свой кандидатский ус, понял: благочестивая Манефа хотела сказать: прошли, мол, те исторические времена. По простоте же души выразилась куда как философичнее — кончается сама история Второго Рима!

А великий судия, расстроенный вконец, обратился к пиршественному столу; поминутно вздыхая и повторяя: кончилась история! — он подцеплял острием ножа то маринованный лимончик, то засахаренный гриб. Разговоры же шли все о том же: что теперь будет с теми, кто в ожидании успения монарха самочинно захватил всякие теплые местечки.

— А правда ли, был заготовлен указ о возведении верховного паракимомена в ранг протосеваста?

— Что вы, что вы! Вас просто плохо информировали. Не протосеваста, а сразу на два ранга выше. В кесари!

— Ох! — вздохнула впечатлительная публика, и все стали смотреть на великого судию, ведь это именно он находился тогда близ императорского ложа. Каматир ощутил, что он нужен обществу. Не торопясь осушил свой фиал, выпростал руки из-под мантии, огладил внушительную бороду.

— Истинно так, — склонил он свой судейский взор. — Указ о возведении первого министра в ранг протосеваста был высочайше оклепан, или освящен, золотой императорской печатью еще накануне. Но не опубликован из-за известных вам событий...

— Это все козни Марухи! — завизжал кто-то. Болельщики (если применить тут спортивный термин) царицы Ксении-Марии и ее команды готовы были сцепиться с болельщиками порфиородной.

— Боже! — опечалился Никита Акоминат, которому дворцовые нравы были непривычны. — Что ж они грызутся, как собаки?

Великий судия хотел еще вдобавок разъяснить, что, если бы даже верховный паракимомен был сразу возведен в кесари, это было бы законно, потому что по рождению он царевич. Но его уже никто и не слушал, каждый спешил доказать свое. Расстроенный Каматир обратился к экзотической закуске. А всеобщий разговор, вернее, крик крутился вокруг появления праведника из Львиной ямы.

Кто-то негодовал — и как все это было подстроено, отрепетировано, буквально у всех на виду. Другие же смеялись.

— Теперь, говорят, Маруха его к себе утащила!

Светлый старец Феодорит с трудом оторвался от чаши с хиосским.

— Ну, если Маруха — пропал малый! Она его с потрохами съест.

Исаак же Ангел, которому надоело дразнить Манефину собачку, авторитетно заявил:

— Она кровь у него станет пить по ночам. Жало у нее есть специальное между грудей, называется — сосало. Оно у всякого вампира...

Такого не могла вынести честная душа Манефы Ангелиссы! Выхватила у Исаака Ангела свою моську, доведенную им до полуобморока, сунула любимицу рабу Иконому. Сначала примитивно махала ладонями на спорщи-

ков — ш-ш! — затем выбежала с горничными куда-то в главный вестибюль. Там другая была у ней забота — поджидать неизвестно куда пропавшего земляка, акрита, то есть рыцаря Ласкаря...

А Никита ощутил необходимость ехать восвояси. Однокашник его Мисси сладко почивал, положив голову прямо на блюда с яствами.

— Вставай! — стал теребить его Акоминат. — Хозяйку-то, ей-Богу, как жалко! Никто ее и не слушает...

— И-и! — со стоном ответил заспанный Мисси, поворачивая голову, потому что шея затекла. — Наивный ты историк, Акоминат! Протестовать против вольных разговоров это ее маска, понимаешь? Так и безопаснее, во всяком случае... А сама любопытна свыше всякой меры, она и ужины свои для этого устраивает. Ой, не говори ничего, не возражай! Дай поспать бедному человеку!

И точно, Манефа вскорости же вернулась, умиротворенная, ведя за собой худого мужчину, тараканьи усы, борода и седенький хохолок которого были взъерошены, точно ершик для промывания бутылок.

— Да что ж это за вертеп зла и беззакония, эта пресловутая столица ваша! — говорил он, тараща глаза. — Да если б кто у нас знал, возможно ли такое...

Манефа старалась его успокоить, взяв собачку из рук Иконома, сделала ему знак, и почтенный раб-домоправитель с поклоном поднес акриту заздравную чашу. Доблестный пафлагонец осушил ее одним духом, вытер усы тыльной стороной руки и закричал так, что заколебались язычки свечей:

— Да пропади все это пропадом, пропади, пропади, пропади!

Окончательно сраженная Манефа захлопотала, стараясь отвлечь его угощениями или уговорить идти отдыхать в покои. Но акрит с рыцарской прямоотой обратился к рыжему Исааку Ангелу, различая в нем начальника:

— Ведь я раздал все деньги, каждому стряпчему, даже сторожу в гардеробе что-нибудь дал... Но я не продвинулся ни на один шаг в розыске, понимаете?

— А что вы разыскиваете? — с интересом спросил Исаак Ангел.

— Пиратов...

— Пиратов? — изумился глава рода.

— Да, да, знаете, пиратов.

— Пиратов! — вновь оживились пирующие. — Он ищет пиратов! Вот умора!

— Что же вы смеетесь, дьяволы! — В отчаянии акрит отодвинул стол, блюда и кубки попадали, разливаясь. — Вольно вам здесь смеяться! А там, может быть, ее, голубушку нашу, самую чистую, самую бесценную, там ее мучат и герзают!

И так как все обратились к своим разговорам, утратив к нему всякий интерес, Ласкарь пришел в совершенное отчаяние. Схватился за седые волосы и раскачивался из стороны в сторону.

Акоминату было ужасно жаль его. Видно было, что, не в пример этим великосветским шутам, он искренне страдал за пропавшую девушку. Но как ему помочь? Благородный кандидат (так назывался всякий, который оканчивал философскую школу) слишком мало знал современные порядки и то успел увидеть и понять, как обветшало все в великой империи! На ум шли строки Гомера:

Будет некогда день, и низвергнется гордая Троя,
С нею вместе Приам и народ копыеносца Приама!

Но вслух он ничего не сказал. Во-первых, элементарно боялся, во-вторых, хоть для этих неумеренно веселящихся эвпатридов греческий язык и был родным, но древнего диалекта Гомера они не понимали.

Зато Исаак Ангел снова отличился. Он загнал Манефину моську совсем под стулья. Бедная собака пыталась грызть носок его парчового сапога. И тогда ответственный глава рода, всем на изумление, сам опустился на четвереньки и укусил собаку.

Моська закатилась в припадочном лае. Пирующие в восторге хлопали в ладоши. Манефа сама пребывала в истерике, кричала Иконому:

— Скорей, скорей! Чего стоишь, как пень дубовый? Скорее скотского врача, врача скорее!

11

Ночь текла. Светильники и лампы догорали. Девушки поднялись в гинекей — женские покои особняка, хотя какой дом в столице мог считаться более женским, чем особняк вдовы Манефы.

— Говори же, Ира! — пригласила Теотоки подругу располагаться на низкой тахте. — Просто жажду чего-

нибудь услышать о праведнике из Львиного рва. Просто сгораю, как вот этот уголь!

В медном тазу переливались, пыхали жаром принесенные в покой уголья из печи. Очагов у них в жилых комнатах не было, камин есть порождение угрюмой Европы.

Ира грела слабые ручки, куталась в шерстяной плат.

— Да, да, Токи... Он, наверное, стоит того, чтоб из-за него сгореть. Василисса утверждает, что последний такой на памяти мужественный красавец был пленный варяг, проданный на аукционе года три тому назад.

— Ну, опиши же его... Каков он хоть на внешность?

— Знаешь во дворце Вуколеон мраморные истуканы? Там собраны все изображения когда-либо царствовавших императоров.

— Ира, я не бывала во дворцах... Ты забываешь, что туда мне ход заказан, я же дочь казненного за измену.

— А я дочь опального принца, но все же бываю во дворцах, даже в свите высочайшей числюсь... Ну, не в этом же, конечно, дело. Так, говорят, наш новооткрывшийся праведник — точный слепок бюста императора Антонина Пия, один педагог объяснял. Овальное, благородных очертаний лицо с насмешливым прищуром. Но борода, борода; Токи! Будто он не бреется, а срезает ее ножницами каждый день.

— О, подружка, уж не в мужской ли цирюльне ты подрядилась работать?

— Да уж не по канату в цирке хожу! — парировала ее гостья.

— Не будем ссориться, — улыбнулась племянница Манефы, и стало видно, что зубки у нее черные от сладостей, как у всех женщин Востока. — Рассказывай, рассказывай еще про этого пророка!

— Да он ничего и не пророчествовал, он все больше молчал. Но, несмотря на это, он удивителен! Главное — глаза, такие не забываются никогда...

— Уж не влюбилась ли ты, смотри, подружка!

Разговор грозил пересечь недозволенную черту, поэтому приятельницы предпочли приняться за цукаты. Теотки улыбалась: какая эта Ира малютка, все у нее маленькое, игрушечное — пальчики, плечики, локотки, завитки... И все как настоящее, восторгался ее отец, принц Андроник, который сам был огромен, как скала. И в этом миниатюрном создании кипели великанские страсти!

От жаровни с углями стало уже так тепло, что Ира от-

бросила шерстяной плат, расправила юбку, чтобы выпростать босые ножки.

— Ах! — печалилась она. — Надоели эти роскошные будни в столице. Уехать бы в Пафлагонию к отцу, там бы побыть, что ли, пастушкой в лугах, да мать не велит. Завидую тебе, Токи, ты хоть отдушину имеешь, такую, как цирк. Хоть в маске, а выступаешь!

— Это же моя вторая родина, цирк! Когда родителей моих схватили, хитроумная Манефа, словно Моисея, отнесла меня туда в корзинке... Тупые сикофанты там не догадались меня искать, и выросла я за кулисами, меж дрессировщиков и канатоходцев.

— Как же, как же ты сама стала ходить по канату?

— А приютила меня наездница Фамарь, которая за милосердие носит прозвище Мать циркачей. Когда я подросла, Фамарь велела: выбирай себе какое-нибудь ремесло, и я выбрала ходить по канату. Это благородно и индивидуально, без массовой.

— Ах, — не переставала восхищаться Ира, даже закатывала сильно раскрашенные глаза. — Моя бы матушка услышала такое!

— Да, — увлекалась Теотоки. — С годами жестокий Мануил сменил гнев на милость. Скончался и Манефин супруг, который был тоже — ого-го! — более мануиловец, чем сам царь. И вот я живу здесь...

Огромный хохлатый попугай с носом словно щипцы для разгрызания орехов завозился в клетке и заорал:

— Напр-раво кр-ругом! Ать-два!

— Это что за чудовище такое? — Ира чуть не выронила цукаты. — Откуда он у тебя взялся? А где же твоя симпатичная обезьянка Пифик?

— А бедного Пифика крысы съели...

— Как крысы?

— Так. Прошлой весной в половодье нас так затопило, что мы все бросили, переехали в деревню. А Пифика взять забыли, и его крысы съели, одни косточки остались... Крысы вышли из подземелий!

— Боже! — Ира взялась за накарминенные щеки. — А попугай?

— А попугая, чтоб я утешилась, прислал мне мой нареченный жених. Как его прозывают, скажи, умная птица?

— Пр-ревосходительнейший, гр-ромоподобнейший ар-рмии domestik Вр-рана Комнин! — отрапортовал попугай и получил свой цукат.

Тут появился громоздкий, хотя совсем еще юный евнух. Он заменил таз с угольями, и горячий воздух овеял девушек. Со знанием дела он взял павлинье опахало и принялся обмахивать собеседниц.

— А это и есть твой новый раб с экзотическим именем Фиалка? Видишь, Токи, как давно я у тебя не была, как говорит твоя почтенная Манефа — сто лет!

— Ты угадала, это и есть мой добрый гном Фиалка. Его тоже подарил мой будущий супруг domestik Врана. Он хочет, чтобы я была окружена всем от него — вещами, птицами, слугами. Мне это приятно. Теперь о прозвище «гном», то есть знаток. Это потому, что он в доме один читает книги из дедовой библиотеки. А Фиалка потому, что обучен выращивать цветы в домашней теплице, и теперь у нас фиалки круглый год. Я прикажу отправить их с тобой.

— А ты не опасешься, что твой премудрый гном служит у стражей уха?

— Я знаю, Ира, теперь такое поветрие идет в Византии, все боятся своих слуг, видят в них доносчиков. Я не из тех, мне и бояться нечего, я не веду политических разговоров. Вот мои горничные — Хриса, рыженькая, вот Бьянка, генузка, ты их знаешь, они служат мне с детства. Что же касается Фиалки, у него попросту вырезан язык.

— Как язык?

— Он куплен в школе евнухов в Каире, там их уродуют с младенчества, вырезают также и язычок... Да и зачем болтливый раб добром?

Она подозвала Фиалку, поставила перед собой на колени и перламутровым веером несколько раз ударила по лбу.

— Вот ему, вот... Если что против меня затеет, я ему голову эту глупую снесу!

Гном ловил пальцы госпожи и пытался их целовать. Из-за обширной пазухи извлек коробку с принадлежностями, склонился ниц к самым ножкам хозяйки и раболепно полировал ногти, видные в прорези сандалий.

— Счастливая ты, Токи! — вздохнула ее подруга. — Никого не боишься, делаешь, что хочешь. Не могу только понять, как решилась ты идти замуж за этого старца Врану!

— Ну, какой уж он старец!

— Да ему же семьдесят лет...

— Ну и не семьдесят... Да и чего ж тут дурного? Ты

просто глупышка, Ира, раз так рассуждаешь. Он давно уж вдовец, у него два старших сына в генеральском чине. А твой Ангелочек лучше, что ли? Пальцем в него ткни, он рассыплется... А тот варвар из суздальских лесов, тот русский князь, за которого прочили меня?

Сделала знак и, чтобы занять праздные уста, горничные подали вазочки с медом и соломинки к нему.

— Конечно, предвидя безрадостную жизнь, которая нам с тобой предстоит после замужества, ты читала, конечно, Домострой? Просто необходимо и справедливо наверстывать ее сейчас. Скажи, подружка, у тебя поклонники есть? А вот у меня даже пират один завелся, настоящий, пузатый, одноглазый, да как воспитан, не скажешь, что разбойник!

И покачала пальцем, унизанным перстеньками, перед носиком любопытствующей принцессы, на котором веснушки были тщательно замазаны.

— Но, Ира! Это поклонники, а не любовники. Мужу своему я достанусь девственницей, это как закон...

— Кстати, а что ж мы не танцуем?—спросила Ира, возможно, для того, чтобы все-таки отвести в сторону опасный разговор.— Ты же обещала мне показать новый кордак?

— Отойдет заутреня, тогда. После колокола бесы смиреют и танец становится безгрешным.

12

— И все-таки скажи, скажи, Ира, кто он, человек или, может быть, оборотень?

— Да о ком ты, Токи? Ты, такая независимая, уж не влюбилась ли заочно сама?

— Нет, нет, можешь успокоиться, это чистое любопытство. Но не слуга ли он дьявольский, эта новость номер один из Львиной ямы? Царь Мануил, говорят, за свою жизнь много со всякими колдунами якшался.

— Я сама видела...— в ужасе сказала Ира.— Правда, из-за спин придворных. Тот праведник поднял руку, и мертвый царь встал!

— И ожил?

— Да, да, ожил!

— Мать Божия, заступница!

— Вур-рдалак! — неожиданно завопил злополучный попугай.— Обор-ротень! Мур-рин!

— Что ж он у тебя так ругается? — невольно поморщилась Ира.

— А он же солдатский попугай, всю жизнь в казармах. Это еще он тебя стесняется, а то иной раз такое завернет! Исак, Исак, кыш! Хриса, накрой его черной тряпкой.

— Кто это — Исак? Неужели попугай?

— Он, а что?

— А как же тот ваш... Глава рода?

— Ах, этот рыжий... Ну, во-первых, Исаак это не Исак. Библию читали? Во-вторых, а что ж? Пусть себе позлится. Кстати, Ира, он умный человек, этот Исаак Ангел, не такой шут, как хочет из себя изобразить... Лучше скажи, ты убеждена, что тот праведник все-таки бес?

— Говорят, святейший патриарх незаметно осенил его сзади крестным знамением...

— И он не расточился?

— Нет.

— Логика сногшибательная. И бесы веруют, как говорит наша тетушка Манефа. А как же все-таки врачам не удалось, а этому мурину удалось царя исцелить?

— Не знаю, ах, ничего я не знаю! Знаю только, что он совершенно необыкновенный человек. Скажи он хотя бы слово...

— И принцесса Андронисса сама готова стать муриной. А правда ли, от него пахнет покойником?

— Скорее, гнилой рыбой... У нас, в Пафлагонии, где отцовское поместье, этот запах хорошо знаком, все кругом рыбаки...

— Ах, рыбаки! Да вот и разгадка: по цирку знаю, ни один уважающий себя хищник не станет есть ни тухлой рыбы, ни дохлятины.

Служанки доложили, что мебель отодвинута к стенам, гинекей приготовлен к танцам. Стали раздеваться.

— Ой, девочка, — критически оглядела подругу Теотки. — Ножи у тебя коротковаты, а ты просишься в цирк. Да и грудка подвела, и животик... Покушать, наверное, любишь по утрам...

— Что ж ты меня так... — чуть не заплакала Ира. Разглядывала себя в зеркало и убеждалась: увы, так и есть. Еще и шерсткой рыжею, где не надо, поросла.

— А пока ты при мамочке, при папочке росла, Бог с тобою... Но тут ты вздумала в цирк, а цирк требует осо-

бого служения. Занимайся гимнастикой, одно могу сказать!

Четыре нагие богини — две госпожи и две служанки — перед огромным стеклянным венецианским зеркалом (что тогда было редкостью) разминались, подняв руки над головою. Фиалка, все такой же невозмутимый, готовил инструменты — бубны, многоствольную флейту-сирингу.

— Я и сама к себе беспощадна... Бедра у меня суховаты и плечи детские. Надеюсь только кого-нибудь родить и этим все исправить. А посмотри-ка, как совершенна у нас золотоволосая наша Хриса! Вроде бы и полновата, а это всего-навсего избыток гармонии. А итальяночка Бьянка, вся прозрачная как паутинка...

— Ах, это ты только, великодушная Теотоки, можешь ими любоваться. Я от ревности продала бы их на первом же рынке!

Тут гному Фиалке наскучило слушать болтовню богинь, и он начал потихоньку наигрывать на сиринге. Мелодия напоминала качание лепестков, мерный танец стрекозы над ручьем. Барабан, бубны и колокольчики время от времени вторгались в эти плавные кадансы, а хитроумный гном ухитрялся всем этим управлять при помощи системы тросточек.

Мы ни в коем случае не беремся словами передавать их песен и танцев, тем более из столь отдаленного времени. Если очень приблизительно подобрать аналог словами из нашего времени, это получилось бы, наверное, так:

У тебя глаза вакханки,
Что за омут золотой!
Опрокинувши по банке,
Мы безумствуем с тобой.

Я русалочью закваску
Принимаю как судьбу
И безудержную ласку,
И бессвязную мольбу.

Корень жизни в правде грубой,
Как бы тут ни философь,
Только губы, только губы,
Остальное все любовь!

Нашим бабушкам не снилась
Этих плясок простота,
И зачем, скажи на милость,
Дел житейских суета?

Диссертации, доклады,
Деньги, чеки — все порви.
Только радость, только радость
И немножечко любви!

Гном оборвал мелодию, и танцовщицы в изнеможении кто сел, кто попадал на софу. Стало слышно, как в ночном саду за дверью балкона захлебывается колокольчик.

— Это он! — встрепенулась Теотоки.

— Ты его примешь? — поднялась Ира, готовая бежать, одеваться.

— Это его посланец. Ему самому нет доступа в патрицианский дом, он же бывший раб.

От колокольчика шнур тянулся через плотную листву олеандров. В самом конце сада там была калитка, которая, если надо, выводила в морской порт, к притонам, кабакам. Гном получил у юной госпожи ключ, накинул плащ, хотя всей фигурой своей демонстрировал презрение и снисходительность.

Вот и посланец — курносый, вихрастый, глаза отчаянно дерзкие.

— Какой ты хорошенький! — бурно умилилась Теотоки. — Подойди!

Курносый приблизился без малейшей робости. Одной рукою придерживал свой дождевик, другою держал фонарь и одновременно вытирал нос. Бесстрашно заглядывал в черные глаза хозяйки, в которых еще трепетал жар пляски.

— Как тебя звать?

— Костаки.

— Значит, Константин?

— Значит.

— Чего хочет твой хозяин?

— Он ждет тебя в фускарии на площади Тавра.

— Это значит — в кабаке?

— Если хочешь, в кабаке.

— И как скоро он ждет?

— Сказал, будет ждать до рассвета или до второго пришествия Христа.

— Остряк!

— Как прикажешь.

— А правда ли, ты такой умный и проворный, словно майская пчела? Это хозяин твой о тебе сказал.

— Не знаю. Проверь.

— А почему ты, когда отвечаешь, не прибавляешь титула? Хотя бы госпожа?

— Госпожа.

— Ну вот. Теперь открой рот и закрой глаза.

Костаки, наоборот, широко раскрыл глаза, белесые, как у всех конопатых.

— Э! — отреагировала Теотоки. — А говорят, что ты умен, как майская пчела. Ну-ка, открывай рот и закрывай глаза...

Костаки зажмурил веки, поколебался и по-лягушачьи разинул рот. Теотоки положила туда монету. Юноша пошевелил монету языком во рту и тотчас выплюнул ее.

— Ой! — воскликнула удивленная всем этим Ира. — Чего это он?

— А ничего особенного, — успокоила Теотоки. — Монета медная, а наше сиятельство хотят серебряную.

И в разинутый по-прежнему рот Костаки положила монету другую. Рот захлопнулся уже не выплевывая, лукавая мордочка парня изображала благодарность.

— Теперь скажи... Да не бойся этой принцессы, она нам друг. Скажи, знаешь ли ты, майская пчела, кто таков праведник из Львиной ямы, который исцелил императора?

— Знаю, — без колебаний ответил Костаки. — Он нам друг.

— Послушай! — удивилась хозяйка. — Ну можно ли так врать?

— Я не вру, госпожа. Мы вместе с ним попали в плен к пиратам.

Некоторое время все молча разглядывали невероятного Костаки.

— Тем лучше, — решила Теотоки. — Если бы ты завтра или послезавтра привел бы его сюда, хотя бы через эту дверцу, ты получил бы золотой солид — целое состояние!

— А что? — подбоченился Костаки. — Мне это раз плюнуть.

Торжественный благовест всех церквей в то воскресное утро для жителей столицы означал не только праздник Рождества Богородицы. Он означал, что царь его по-

прежнему жив и здоров, что на стогнах согласие, на торжищах изобилие, одним словом — империя процветает.

На Священном холме тридцать три трубы императорских бань дымили, потому что свершалось первое после чудесного исцеления омовение священной особы царя, а хор монахинь по этому поводу согласно распевал акафист, в одну ночь сочиненный и разученный по этому поводу.

Покинув ванну, Мануил почувствовал себя настолько бодро, что не захотел возвращаться на одр болезни.

— В Святую Софию!

Напрасно бывший верховный паракимомен, а с сегодняшнего дня протосеваст, осторожно обращал внимание повелителя на опасности пренебрежения правилами врачей, Мануил выдвигал незыблемый довод своего царствования — я так хочу!

И побежали по дворцам и особнякам посыльные в лягушачьих штанишках созывать сенаторов и магистров. Синклит выстраивался в сенях большого дворца Юстинианы, самого высокого из византийских дворцов. Дыхание тысяч собравшихся перемежалось с мягкой поступью шагов — вносились древнеримские знамена.

Раздавался слоновий крик легионов. «Цито!» — могуче кричал народ.

И вот он, великий Эммануил, весь в золоте и драгоценностях, уверенно продвигается посреди масс своих верных придворных, закутанных, как шелковые коконы. Так в небесах плывут порфиновые облака вокруг блистающего солнца, сонмы ангелов движутся вокруг престола неземного.

В соборе Святой Софии царь принял деятельное участие во всех положенных данному празднику обрядах. То он брал кадило из рук служителя и кадил патриарха и его иподиаконов. То суровый Феодосий со своим клиром кадил и благословлял императора и его двор.

На том две тысячи лет стоит империя, и, пока незыблем Божий мир и Христос царствует, она будет стоять.

Но вот Комнин почувствовал некую слабость, сердце стало как бы западать, противная тошнота подступала. Но в начатой церемонии уже ничего нельзя сократить, ни, Боже упаси, — прервать. Царь отдал протосевасту священный свой крест и оперся на руки близ стоящих синклитиков. Женоподобный красавец протосеваст незамет-

по кивнул патриарху, и без того встревоженный владыка сделал знак иподиаконам, хор зачастил, славословя, темп молебствия убыстрился.

Без дальнейших осложнений праздник закончился, шествие потекло обратно, тем же порядком, сопровождаемое теми же криками «Цито!». Вступили в царский триклиний, где уже был приготовлен для императорского пира гигантский стол на тысячу персон. Но царь сник, сгорбился, еле переставлял иперперы — царские свои сапожки. По знаку протосеваста два могучих варяга из личного конвоя подхватили властителя и положили на пиршественное его ложе. Но он был снова как мертв.

Огромное количество народа неподвижно и в полной тишине под сводами дворца стояло, затаив дыхание. Только под самым куполом бесчувственные ко всему возлились голуби.

Вдруг Мануил шевельнул рукою, и это было так неожиданно, что народ вздрогнул. Протосеваст склонился над повелителем.

— Где праведник, — тихо, но четко спросил тот, — который из Львиной ямы?

Где может быть теперь праведник из Львиной ямы? Никто представления не имел. Как появился, так и исчез...

— Праведника зовет, пророка!

— Ты слышал, протосеваст? — Жизнь возвращалась к царю, и голос его вновь обретал грозные ноты. — С каких пор я должен повторять дважды?

Триклинарии подступили, чтобы стянуть с повелителя тяжелое облачение, знаки царского чина. Евнухи поднесли лохани с губкой — растереть измаявшееся тело. Постельничие опустили прохладные свежие шелка.

А протосеваст озабоченно думал, грешно помяная черта: «Как же это мы вчера прозевали того львиного угодника?» Сам же лепетал первое, что приходило в голову:

— Мехитару им занимался, светлейший! Эпарх твоего дворца, величайший! За ним уже послано, о священнойший!

— Мехитару, говоришь? — усмехнулся царь. — Эпарх дворца? Ну-ка, любезнейший, вызови-ка мне тогда сюда Агиохристорита...

— Агиохристорит! — в ужасе содрогнулись царедворцы. — Опять Агиохристорит!

Агиохристорит был любимец царя, только год тому

назад его удалили от двора по настоятельнейшему требованию патриарха. Он и пытать сам не гнушался, этот Агиохристорит! А некоторые его даже именовали Антихристорит. Значит, опять Антихристорит?

Агиохристорит, мужчина отменно толстый и жизне-радостный, в модной золотой чалме, не замедлил явиться, расточая улыбки и поклоны.

А вот и несчастный Мехитариу, он уже сломлен психологически, потому что, как прирожденный византиец, ничего для себя доброго от этой истории с праведником не ждет. Не дожидаясь даже вопросов, стал молить о пощаде.

Царь кивнул, и Агиохристорит, весь сияя в улыбке, схватил епарха за воротник и бросил своим помощникам. Те уволокли его в камару, украшенную изображениями райских птиц — очевидно, для хора. На ходу содрали с бедного Мехитариу парадный кафтан, и он завыл, будто с него снимали кожу.

— А где мои врачи? — продолжал царь мучить протосеаста. — Не вижу врачей. А ведь за них я заплатил баснословные суммы!

Красавец протосеаст побледнел так, что белизна проступила сквозь обильные румяна. Но мужественно отвечал, что все это стряслось из-за явной измены паршивца Мехитариу, епарха...

— О-о! Лжец! Он лжец! — вопил не стесняясь за занавеской несчастный епарх. — Государь, не слушай его, он лжет!

Государь мирно кушал с блюдечка моченое яблоко. Из-за занавески с райскими птицами на минуту высунулась оптимистическая рожа Агиохристорита, уловив настроение властителя по одному ему известным признакам, он вновь скрылся.

— Ай, ай, ай! — уже совершенно не судом закричал епарх. — Что вы делаете? Ой, мои глазочки, ой, свет небес! Ой, оставьте мне хоть один глазочек!

Придворные, как парчовые статуи, стояли остолбенев. И царица Ксения-Мария, и дочь царя порфирородная Маруха со своим Райнером, и многие другие. Только старый патриарх осмелился выступить в защиту несчастного.

— Остановись! — закричал он на царя и даже посохом пристукнул. — Кончай Бога гневить! Будь же наконец человеком!

— А ты кто такой? — вкрадчиво спросил Мануил, от-

давая блюдечко и берясь за морковный сок.— Ты мнишь, что ты — ого-го? Ты — тьфу, плевок в гнилой луже! Не смотри на весь твой клобук и панагию! Я семь дней тут лежал, о чем я только не передумал... Все ваши шептания вокруг меня я слышал!

Тут за занавесью захлебывающийся кровью эпарх понял наконец, чего хотят его мучители, и прохрипел, что пророка из Львиной ямы утащил вовсе не он, утащила кесарисса Маруха...

Снова высунулось озабоченное лицо Агиохристофорита в сбившейся набок чалме, быстро распознав настроенные повелителя, скрылось опять. И жуткий голос ослепленного эпарха умолк — ему вырезали язык.

Но и о таком, обездоленном и изувеченном, о нем заботилась мать-отчизна. Жена и дочь его поступали в публичную продажу, а сам он передавался в систему орфанотрофов — вдов и сирот.

Ряды подданных дружно воздавали хвалу милости императора.

14

— А ну-ка, покажись, какой ты есть! — Мануил, свежий и благостный, в льняных пеленах, прохладился за утренней трапезой. С улыбкою разглядывал подведенного к нему Дениса.— Ну, здравствуй! Хайре, то есть радуйся.

Честно говоря, сердце у Дениса сжалось и душа ушла в пятки. Все-таки это был не сон и могучий дядюшка перед ним был не сказочный король, а самый настоящий византийский деспот.

— Хайре! — повторил повелитель, ожидая ответа.

Денис, как истинный питомец социализма, решил: будь что будет. Но на колени он не встанет. Поклонится, куда ни шло!

Мануил усмехнулся, а придворные чутко уловили его благоволение к праведнику.

— Он ослеплен твоим величием! — стали уверять они царя в том, в чем он убежден был сам.

— Подойди ко мне, юноша, — подозвал царь Дениса.— Не бойся, подойди поближе и сядь вот сюда. Я хочу тебя рассмотреть получше. Какое у тебя открытое, честное лицо! Мне говорили, ты прибыл очень издалека. Ин-

тересно, где же есть царство идеальных подданных? Как счастливы там должны быть цари!

Слуги поспешили поднести Денису питье и сладости.

— Сейчас и во-первых! — громко заявил император. — Мы должны отблагодарить его достойным образом!

Повинуясь ему, из ряда подданных выделился рослый офицер — таксиарх схол. Приблизительно по-нашему это будет гвардии капитан. Сделал поворот у императорского ложа и щелкнул каблуками четко, будто часовой у московского Мавзолея.

Мануил сделал ему знак поклониться и снял у него с плеч массивную золотую цепь — знак его достоинства. Потом наклонил к себе Дениса и возложил цепь на него.

— Да здравствует новый таксиарх схол! — кричали все.

Таков был обычный обряд посвящения в гвардейские офицеры. Правда, там была еще выдача довольствия, и нарезание земельных угодий, и даже дружеская пирушка. Но главное, что сам священный повелитель возводил в сан. А дежурный таксиарх, у которого цепь бралась, на следующий же день получал новую в цейхгаузе.

Император подергал Дениса за цепочку и сказал доверительно:

— Эти крокодилы, среди которых я вынужден жить, ты думаешь, они нечаянно распродали моих врачей? Еще бы! До сих пор ведь не могут собрать их на рынках. Перекупщики как узнали, что распродаются императорские специалисты...

Он жадно пил слабое вино с водой. Пульсировали жилы на его старческой обвислой шее. Денису было почеловечески жаль его, хотя он отлично понимал, кто рядом с ним.

— Так вот, — продолжал Мануил, после того как ему обтерли губы, совсем как малому младенцу. — Врачи эти мне предсказали, что я буду жить еще четырнадцать лет!

Сказал свистящим шепотом на самое ухо Денису:

— Самое главное, врачи велели мне положить с собой в постель юную девушку, девственницу... Это омолодит меня и даст мне шанс царствовать еще крепко и долго. А мои-то крокодилы как раз этого не хотят... А вдруг я действительно рожу и это будет новый наследник империи? Одна только Мария, моя старшая дочь, она меня по-

нимает. Даже купила у какого-то пирата мне, говорит, отличную девственницу!

У Дениса все вертелось в голове — его двусмысленное положение, пир во дворце, синее небо, синее море, какая-то там лечебная девственница — он и подумать не подумал, что это может быть та, которая на пиратской фелюге... Надо было как-то выкручиваться, царь явно ждал его мнения, и он, собрав в уме все свое не столь уж обширное знание греческого языка, ответил:

— Мегамакротон диспотас! Величайший из великих! Генефета ту фелема су! Да будет во всем воля твоя!

Мануил торжествующе откинулся в подушки и оглядел приближенных: видите, мол?

Затем он отпустил Дениса отдыхать, а сам стал готовиться к трудному ритуалу — праздничному обеду императора с представителями нищих столицы. Там шла тяжелая политическая борьба.

Придворные по рангу подходили к Денису, отошедшему в сторону, и поздравляли его кто льстиво, а кто и высокомерно.

Накануне, после чудотворного исцеления императора, все как-то упустили из виду главного виновника происшествия. Наш Денис, все еще вонючий, весь в коросте от грязи, в плащике с чужого плеча, прижался в сутолоке к мраморному пилону, не зная, что ему дальше делать.

— Пойдем, тебя уже ищут! — дернул его за полу Фармацевт, тот маленький врач, который ему помогал. И, поскольку Денис колебался, он аргументировал: — Неужели не понятно, что ты стал политической игрушкой?

И Денис ему доверился. Они пробежали по запутанным переходам Большого дворца, выбирая самые безлюдные. Фармацевт быстро отыскал ночлег, чистое белье, купанье, которое было необходимее всего, даже сам мылего мочалкой. Принесему ужин и сказал сожалительно:

— Я тебя покину. Поверишь ли, у меня есть два детеныша, два этаких Фармацевтика. Они сейчас уже спрашивают, наверное, а где наш папочка, чего он не идет.

Тут Денис, который до сего времени был занят своей исключительной судьбой, став сытым и спокойным, обратил внимание, что этот его внезапный помощник отнюдь не мальчик и не лилипут, а старичок в хитоне, похожем на мухоморчик, и шляпочке шестигранником. К поясу были привязаны знаки его медицинского ремесла — ланцет, клещи, огромных размеров клизма.

— Сиди здесь спокойно,— назидал Фармацевт,— не высовывай носа. Тебе сейчас больше всего нужен крепкий сон. Ты находишься на территории кесариссы Марухи, тебя охраняют, за тобою, когда надо, придут.

И действительно, утром его разбудили и, еле дав одеться, представили пред очи высочайшего пациента.

Теперь же в хоре поздравлений, среди теснящейся толпы, он различил знакомый пронзительный голос:

— Прими и мои поздравления, о господин Археолог! Ты не забыл тот эргастирий в Бореаде, где ты впервые явился на наш свет? И меня, бедного слугу Костаки, которого вместе с тобой похитили разбойники?

Действительно, это был лукавый пафлагонец Костаки.

— Пойдем со мною,— звал он настойчиво, просто зудел в ухо.— Если у тебя нет других предложений. Одна дама желает тебя иметь. Просто спит и видит, чтобы ты пришел к ней в гости. Можешь не сомневаться, там тебе будет рай, а мне тоже отломится какая-нибудь монетка!

Предложение безумное, конечно, но ведь опять никто Денису не высказывал конкретных приглашений. Все, очевидно, считали праведника из Львиного рва этаким абстрактным чудотворцем, один Костаки хитроумный понял, что он тоже человек.

И он отвел Дениса в цейхгауз, где, предъявив царскую цепь, тот получил полную форму таксиарха схол, довольно приличное и даже красивое одеяние.

После такой услуги просто нельзя было не следовать за Костаки.

На целых три римских мили протянулась линия императорских дворцов, от самого укрепленного — Вуколеона, «страны львов», чьи башни вырастают будто из волн пролива. Затем по переходам сквозь самый роскошный — Юстиниану, через Пятикупольный, Порфиновый, Магнавру с главной тронной залой и так далее. Только чтобы назвать их, потребовалась бы целая страница.

Пока они шли с Костаки, почти бежали, Денис поражался пестроте, даже некоторой аляповатости помещений, излишествам в позолоте и вместе с тем запущенности, ветхости многих строений. Великое множество зал, заликов, вестибюлей, переходов, галерей, лестниц и лестничек — настоящий муравейник, который кишел людьми. Некоторые делали вид, что заняты, страшно спешат, другие же откровенно скучали.

У основания большой лестницы Юстинианы, куда уве-

ренно вел Костаки, они увидели большое бронзовое зеркало. Византия не знала и так и не узнала производства стеклянных зеркал. Зеркала были преимуществом ее вечного конкурента — Венеции, а на берегах Босфора удивлялись полированной поверхностью бронзовых щитов.

Невольно взглянув в зеркало, Денис в тусклом его пространстве увидел себя самого. На него глядел некто в нелепом балахоне, бесформенном колпаке, не то в юбке, не то в бахилах — и это гвардейский офицер? Там, в покинутом мире подумали бы: сбежал из больницы Кащенко... Но жизнь брала свое. Оставалась, конечно, тревога и жуткая неопределенность. Однако сыт, одет, как-то устроен — что еще надо человеку?

Выбрались на самый верх, где между каменными истуканами с пронзительным свистом носились стрижи. Денис перегнулся через парапет и у него захватило дух. Далеко внизу, будто в пропасти, между массивными контрфорсами дворца мальчишки гоняли мяч. Один за другим громоздились кубы, на них купола различной формы, а в промежутках темнели купы рощ.

— Византия у ног моих! — хотелось озорно крикнуть Денису.

— Вперед, вперед, повелитель щедрот! — торопил его Костаки. — Клянусь сорока мучениками, ты не расквешься!

Вот обширный мраморный коридор, который Костаки объявил последним, но на пороге его им повстречался странный человек — воинственные усы его и хохолок на лбу топорщились, а сам он трясся от нервного возбуждения.

— Господин магистр! — воскликнул он, завидев цепь на груди Дениса, — так обращались обычно к правительственным чиновникам. — Всемиловитейший магистр! Не дайте свершиться несправедливости! Вот эту девушку, свободнорожденную, дочь свободного человека, ручаюсь честью, незаконным образом обращают в рабство!

И он указал на десяток здоровенных молодых, судя по всему, челядинцев какого-нибудь вельможи, которые вели или, точнее, волокли кого-то закутанного в белый покров. Чудак с усиками и хохолком пытался их остановить, но они не обращали на него ни малейшего внимания, лишь ускоряли шаг.

— Господин магистр! — в отчаянии взывал чудак.

Денис в нерешительности остановился, а Костаки тянул его вперед. Тогда человек, который к нему обратился, потеряв, видимо, самообладание, вцепился вопереди идущего из челядинцев. А тот не раздумывая с размаху ударил его жезлом в лицо.

Старик — а был он немолодой, этот с усиками, с хохлом — упал, и кровь залила ему лицо.

— Стойте! — приказал Денис. Ах, это советское воспитание, во все вмешиваться, наводить порядок и справедливость!

Однако, завидев цепь Дениса, челядинцы остановились. Белая накидка распахнулась, и стало видно, что под ней действительно женщина. Совсем юная девушка, в длинной крестьянской посконной юбке.

Это была та самая, из-за которой разыгрывались страсти еще на пиратской фелюге.

— Ой, ой, ой! — пришел в ужас Костаки. — Фоти, Фотиния, как же ты сюда попала?

У Дениса опустились руки. Это была все та же, все та же Светка Русина, практикантка с его раскопа. Да, да, неизвестным образом второй раз она попадает к нему в Византии — неужели она тоже здесь? Взгляд чуть-чуть в сторону и снизу вверх, взгляд молящий, беспомощный... И вообще, ведь он же теперь знает — она его любовь!

Глава вторая

ДВЕ МАРИИ

1

Второй Рим, всех столиц мира мать, сияющие врата Востока, хотя и сам по себе могуч и многолюден, он во всем старается напоминать тот первый, классический Рим. Так же он расположен на семи холмах — возвышенностях, на которых красуются форумы и дворцы. Теснятся жилые кварталы, стрелой пролетают улицы и проспекты, разноязыкая толпа плещается на торжищах, а на окраинах царят тьма и разгул.

Правда, нет у этого Рима такой речки, как серебряный Тибр, зато со всех сторон его окружает море — знаменитый Босфор, Золотой Рог, Пропонтида — под не-

объятным куполом южного неба. И город императоров вздымается, как остров Буян из пучины морской.

Дом вдовы Манефы Ангелиссы воплотил в себе все достоинства вечного города. Расположен он в самом сердце столицы и чуть не выходит на Золотую Площадку возле дворцов, где юные представители аристократической знати демонстрируют друг другу свои наряды и принципиальное безделье, а в дни народных треволнений обезумевший охлос пытается громить особняки.

Но нет — дом всепочтеннейшей Манефы не старается выделиться среди фасадов и дворцовых колоннад. Наоборот, он таится на третьестепенной улочке, которая взбирается на пригорок под сень раскидистых осокорей. Вы бы и не сказали, что это жилой дом, особняк, почти дворец. В его фасадной стене нет ни оконца, ни прорези, она глуха и безглаза, как некий арсенал или крепость. Только на самом верху несколько архитектурных ухищрений, похожих на зарешеченные ящики. Это балконы, выходящие из самых интимных внутренних покоев, они увиты плющом и диким виноградом и обеспечивают не только тайну семейной жизни, но и удовлетворяют самую изысканную страсть к любопытству — а что там, у подъезда, на улице, вечно недоступной для женщин общественной жизни?

Зато старый Манефин сад сбегал по склонам холма к морю, к легендарному Золотому Рогу, и там циклопическая ограда из неотесанных камней надежно отгораживала владения благочестивой вдовы от портовых таверн, ночных притонов и веселых домов.

День неутомимой Манефы начинается до рассвета в ее многолюдном царстве, отчего она любит приговаривать: я себе сама и есть самая раба!

Проснувшись, она некоторое время просто лежит, вспоминает прошлое, которое было у нее пестрым, как перевязь на шее осла, без усталости вращающего поливальное колесо в цветнике. Усмехнувшись параллели с ослом, покорно тянущим свою лямку, трудолюбивая Манефа без охов и стенаний встает и спешит обновить лампы у святых икон, что тоже она исполняет только сама, заявляя и тут в стиле афоризма: своему Господу я есть главная слуга!

Затем на свежую голову начинается суд Соломона. Главным обвинителем выступает раб Иконом, домоправитель, внешне уважаемый до того, что на улице почитают его за прогуливающегося сенатора. Иконом хо-

зайке докладывает упущения минувшего дня и заботы новые. Хозяйка творит суд и расправу.

Оказывается, заболел пресловутый осел, предмет философских размышлений госпожи. Обкормили, конечно, мерзавцы, безрукие! Впопыхах назначила пять розог скотнику, пять погонщику, хотя этот конкретно за питание осла не отвечает. Раб Иконом занес приговор острой палочкой на восковую табличку.

А вот перессорились девчонки в ткацкой, перецарапались, наверное, из-за какого-нибудь занюханного матроса. Ткацкая мастерская — это предмет особой гордости Манефы. Весь феодальный мир от самого могучего из монархов до полунитцевого барона стремится быть одет в византийские златотканые ризы. Грозный флот империи на семи морях Средиземноморья ничто по сравнению с товарной силой византийских тканей на рынках Запада и Востока.

Ткачих поставили на колени, и они всхлипывают, моля госпожу о прощении. А ей их жалко — ведь что такое мастерица? Ее надо отобрать еще с детства — купить, вскормить, обучить, уберечь от соблазнов... Но не монастырь же у нее! И непреклонно приговаривает каждую к трем горям — власть есть власть.

Двигаясь в дальнейший обход, все не могла выкинуть из головы этих девчонок. По-человечески надо бы им замуж. Но что такое замуж выдать рабыню? Либо выделить ей хозяйство, либо купить в хозяйство мужа... А где взять для этого средства? Пришли крутые времена. Венеция, Генуя все рынки заполонили. А Европа начинает предпочитать византийскому тканью немецкие набойки... И получается, что золотое ремесло таким, как Манефа, выгоды не приносит, только и держатся как за традицию предков.

И полон дом незамужних девок, бесятся, конечно. Но и без честного бракосочетания Манефа этого не допустит!

С мыслями по политэкономии и этике Манефа перескакивает на родную племянницу Теотоки — вот еще забот полон рот!

Лет сто тому назад пришел в столицу дед Манефы Палимон, по прозвищу Хирург. Сын какого-то грузчика или разносчика, он выдвинулся на поставках в армию, когда при блаженной памяти царе Алексее Первом римские орлы возобновили свой победный полет. Он и купил этот участок, конфискованный у какого-то царского супостата. Он и поставил этот дом, сравнительно небольшой, зато

крепкий и объемистый, — два этажа с мезонином, два флигеля, два хозяйственных двора...

Манефа замечталась, вспомнив свою молодость. Как беззаботно жилось у деловитого и доброго того деда Хирурга! Кстати, чудак этот, Ласкарь, который на днях явился из Пафлагонии искать якобы какую-то девицу, он был сыном дедова оруженосца и товарищем детских игр маленькой Манефы. И отцы ихние, Манефы и Ласкаря, погибли рядом при защите столицы от нашествия неверных...

Вообще все они, Палимоны (это ведь девичья фамилия Манефы), были от природы энергичны, исполнительны и при всем при том честны, богобоязненны — сейчас бы поискать таких! Вернемся на минуту к Акоминатам — один из них, кандидат Никита, ходит сейчас в дом к Манефе. А его старший брат, Михаил, до своего рукоположения в архиепископы Афинские подрабатывал по бедности составлением родословных таблиц. По просьбе Манефы он пытался составить родословную Палимонов. Но ничего не получилось, темны, темны истоки их рода! Накопали только, что прадед Манефы, отец Хирурга, был повешен как контрабандист. Вот те на! Правда, это никого и не поразило, в Византии нередко приговоры выносились отнюдь не за само преступление...

Но сын-то того контрабандиста, Манефин дед, строитель этого самого дома, получивший прозвище Хирург, что значит — ловкач, рукодел, сам неграмотный, а составил библиотеку, денег на каллиграфов не жалел. На таких и зиждилась блистательная Византия!

А выдали замуж ее за Ангела — какая честь! В приданое ей дали этот самый дом. А то б и жить молодым негде — муж был женат на ней третьим браком, так что пришлось у патриарха специальное разрешение испрашивать. Два предыдущих приданных успел дочиста промотать... И все-то они знаменитые, эти ангелы, архангелы, — прости, Господи! — бездельники, скоморохи, запивохи, свратители, только что родство с династией.

Даже оба собственных ее сына, оба Ангелы, оба по военной части у нее пошли — один на Кипре, другой в Италии, — оба в генеральских уже чинах. Но ничего от того молодца-контрабандиста или прославленного рукодела им не досталось.

Зато Теотоки, эта глазастая Теотоки!

Закончив обход и судилище, Манефа уселась соорудить

жать прическу. Дом Хирурга был все-таки невелик, в нем не предусматривалось специального помещения для парикмахерских таинств, как в иных чертогах власти. Потому прически делались здесь в атриуме под журчанье фонтана.

Прислужницы Хриса и Бьянка не спеша подкручивали крашенные локоны Манефе, вставляя между ними искусственные куафюры, конструируя таким образом нечто напоминающее Сциллу и Харибду.

Раб же преданный Иконом, успевший к завтраку перелодиться во все свежее — он был записной франт, — продолжал с хозяйкой обсуждать проблемы домоводства.

— Кучер плохо стал сечь! — гневалась матрона. — Слабо, нерадиво! Поставь-ка кого-нибудь помоложе. А лучше всего на большом рынке есть артель, откуда нанимают сечь рабов. Ты пойми, на одной дисциплине сколько я теряю... Люди перестали бояться!

Манефа наклонила голову вслед за ловкими пальцами девушек, подбирающих ее локоны.

— А осел; осел как?

— Плох осел... — осторожно доложил Иконом. — Не встает осел...

— Да что ж это такое... — расстроилась Манефа. — Ни в чем порядка нет!

— Мы уж и бабку-угадку звали... Тарантула, говорит, он проглотил, не иначе.

Манефу всю трясло от возмущения.

— А господин Ласкарь, тот, из Пафлагонии, он еще не приходил?

Иконом специально вызвал привратника, чтобы одному не нести ответственности за бесчисленные беспорядки. Тот развел руками — вторую ночь не приходит.

— Не дергай за волосы! — сердилась на девушек Манефа. — Что это за манера все рвать и дергать? Кстати, что это от тебя, матушка, попахивает винцом? Ты что, то же, что ли, дома не ночуешь?

Хриса дерзко отнекивалась. Девушка эта тоже была предметом забот у бедной вдовы. Родителей ее пришлось продать в бескормицу, а малютку их никто не хотел брать. Манефа сама ее ради христианского милосердия выкормила, как щенка, из соски...

Теперь выросла статная, волосы золотые почти до оранжевого оттенка, глаза с поволокой, бесстыжие. Прищуривает, когда говорит хоть с бульварным гулякой, хоть с собственной хозяйкой.

Бьянка совсем другое дело. Тихонькая, чистенькая, как белый кролик, невиненькая на первый взгляд, хотя тоже — о-го-го! Ну эта хоть под присмотром родителей, поминутно к ним бегаёт в Итальянский квартал. Папаша ее генуэзец, оружейных дел мастер, разорился на каких-то сомнительных сделках и дочь отдал в кабалу.

Вот такая компания — Хриса золотая, Бьянка белая, и обе прекрасно спелись с проказницей Теотоки.

— Молодая госпожа уже встала? — спросила Манефа.

Слуги молчали. Прислужницы перестали крутить локоны, Иконом опустил руку с восковой табличкой, привратник переступал с ноги на ногу.

— Ее что, нету дома? — возвысила голос Манефа.

Почтенная матрона вскочила, как богиня ярости. Шпильки и заколки посыпались дождем. Велела всем выйти, кроме Иконома.

— Говори, она не ночевала?

Смотрела с ненавистью на его холеные щеки. Был ведь чиновный человек, попался на воровстве, был приговорен к продаже в рабство... Члены фамилии Ангелов просили Манефу за него, чтобы не попал он на чужбину. Пришлось выкупить, теперь он служил у нее правою рукою. Копил какие-то деньги, посылал в Пантикапей, где в ссылке жила его семья.

— Ну же, Иконом! Говори честно.

— Нет, — еле слышно ответил управляющий, повесив голову.

И Манефа сразу успокоилась, села, унимая дрожание губ. Велела попозже вызвать внуха Фиалку. Возвратились прислужницы, и ритуал прически продолжался.

2

Когда солнце взобралось высоко и стало светить в потолочное отверстие атриума, госпожа Манефа нашла, что процедура с ее туалетом окончена.

— Кто у тебя там еще?

Выяснилось, что предстоит еще прием неисправных должников, срок уплаты которых истек. Дело самое безнадежное, потому что деньги самой нужны позарез. Генеральствующие сыновья то и дело присылают к мамочке — сотню бы золотых или литру бы серебра... И должников жалко — все это люди в беспросветной нужде.

Вышла, а вестибюль полон людей, стоящих на коленях, от ветхих старцев до младенцев. Все нечесаные, дурно одетые. Раб Иконом среди них хлопочет, чтобы никто ничего не трогал, никто ничего не клал в карман.

Первым проявился мужчина с чувственными губами, пыхтевший, словно сосуд для кипяченья воды.

— Благодетельница! Не узнаешь меня? Я — Телхин, конечно, ты не узнаешь! А я сорок лет как верный клиент вашей фамилии, это надо учитывать.

— Как же, как же! — возразила матрона, усаживаясь в плетеное кресло. — Ты был профессиональный клеветник в ведомстве моего покойного мужа.

— О! — сложил Телхин руки. — Какая память!

И все множество разнокалиберных детей в вестибюле благоговейно сложили ручки и вскричали: «О!»

Иконом, развернув свиток, принялся докладывать. Должок за этим профессиональным клеветником изрядный. Да еще застарелый, да к тому же если учесть проценты...

— Матушка, — сказал Телхин проникновенно, — теперь какая история случилась. Государь наш император, да продлит его дни Пресвятая Богородица, заботясь о благе подданных, он издал хрисовул — указ, значит. Чтобы профессиональным клеветникам в учреждениях уже не быть, а быть просто осведомителям.

— Что шакал, что гиена, — засмеялась Манефа.

— Не говори, матушка. В каждом благоустроенном государстве кто-то должен же заботиться и об единомыслии. Иначе неурядица пойдет и сущий разброд. Но не будем заниматься высшей политикой, это не дело нашего ума. Короче говоря, после кончины твоего достославнейшего супруга, царство ему небесное, вечный покой, остался я без работы...

И он вынул шелковый платок, единственную роскошную вещь, уцелевшую у него, вероятно, от блистательных времен службы профессиональным клеветником, и громко высморкался в него, что должно было означать трагический плач.

И все дети вокруг засморкались, захныкали, а некоторые заревели совершенно артистически.

— Вот это моя старшая дочка Фемиста, — указал на черноволосую и полуодетую женщину, похожую на цыганку, Телхин. — А на руках у нее внучок мой, Пипирик. Тю-тю-тю! — подразнил он его, потому что единственный

из всех детей трехлетний оптимист Пипирик не плакал, а смеялся.

— Мы купили ей в системе нищих хорошее место на паперти Святых Апостолов, так подают ой-ой-ой. Но система увеличила арендную плату вдвое, под предлогом всеобщего кризиса. Теперь мы голодаем, голодаем, матушка!

— А ты сам не служишь, вероятно? — спросила Манефа. — Потому что ты прирожденный римлянин?

— Истинно, истинно, — восхитился Телхин. — Какая пронизательность! В моей родословной, которую я выправил еще при помощи твоего покойного супруга, упокой его Христе Боже, со праведниками твоими иде же несть ни воздыхания, ни печали, но жизнь бесконечная...

И он сам и его дети усиленно крестились, кроме малюток Пипирика на коленях у цыганки Фемисто.

— В родословной этой, — продолжал Телхин, — указывается, что мы происходим от самого кесаря Тита Аврелия...

— Кончай врать-то, — не выдержал Иконом, которого уже трясло от болтовни Телхина. — Либо Тит, либо Марк Аврелий...

— Иконом, Иконом, — мягко остановила его вдова. Беседа с неисправными должниками есть акция милосердия, ее нельзя миновать ради спасения души.

— Так за наше происхождение от римлян мы получаем то деньгами небольшую толику, то продовольственные заказы, а то билеты бесплатные в цирк.

Телхин приободрился явным сочувствием Манефы и продолжал представлять свою паству.

— Это Тати, он христовым именем живет в монастыре Святого Пинны. А это Торник, младшенький, если не считать племянников и внуков. Его соседский козел боднул во младенчестве... — Телхин вновь обратился к шелковому платку, захныкали дети. — Он теперь и заикается, бедный.

Телхин оглядел свое малолетнее воинство, попыхтел и уж не зная что сказать, добавил:

— Еще не всех привел к ножкам благодетельницы нашей... Франго в очереди за бесплатными обедами, а Григорий — в цирк, говорят, там танцовщица выступает, зовут Блистающая Звезда... Ой-ой! — спохватился он. — И как же я забыл доложить? Меня же в числе неимущих, двенадцати самых первых нищих, чуть было к царю на обед

не пригласили на Рождество Богородицы... Только дворцовые интриги помешали!

— Ты бы репертуар переменял,— опять вмешался Иконом, у которого разболелась голова.— В прошлом году ты докладывал слово в слово!

— Вот, вот! — оживился Телхин, даже пальцем указал на Иконома.— Истинно говорит сей раб. Служба нищенствующих более не приносит дохода. Все равно стали нищи. Изобрел я вот что: хочу освоить службу новостей. Соберу мальчишек разных, которые бегают по стогнам и новости рассказывают по лепте за информацию — сущая мелочь. Откуда какой корабль прибыл, да сколько за денарий дают менялы... Если бы это в систиму преобразовать, по образу систимы нищих, например.

— Знаешь,— сказала Манефа, видя, что водяные чаesy-клепсидра опорожнились и пора их переворачивать, что означает полдень,— знаешь, Телхин? Скостить тебе я ничего не могу, сама скоро на паперть выйду... Ишь какая у тебя команда — неужели заработка не найдете? Но ты, Иконом, не упрямясь, не упрямясь, уплату долга отсрочь им на будущий год.

Семейство Телхинов, как многоглавый змей, поползло к выходу через триклиний, где уже был сервирован господский завтрак.

— Торник! — вознегодовал бывший клеветник, ударяя своего любимца по рукам.— Ты зачем господскую грушу стянул с тарелки? А ну-ка, отдай ее тотчас маленькому Пипирику!

Манефа села на углу приготовленного стола, опустила голову на руки. Все шло кругом: не ночующая дома племянница, пропавший невесть где Ласкарь, долги, пьяные прислужницы, клеветник, груша, болезнь осла, черт побери...

Спохватившись, матрона перекрестилась и мысленно прочитала молитву — не любила она нечистого поминать. И обнаружила, что перед ней стоит розовый, благоухающий ароматами и вообще всяким довольством комнатный евнух племянницы.

— Она что, дома не ночует? — задала Манефа прямой вопрос.

Гном Фиалка принялся губастым лицом изображать мировую скорбь, а руками разводить — что, мол, поделаешь?

Это взорвало бедную Манефу свыше всякого предела.

Схватила оставленные Икономом восковые таблички и стилет у них на золотой цепочке, где аристократический домоправитель вел свои хозяйственные записи.

— Пиши, ублюдок безъязычный, где она проводит ночь?

Евнух, трагически скосив глаза, стал было легонечко отталкивать предлагаемые хозяйкой таблички и тем только усугубил положение. Манефа вскочила и, поискав глазами по столу, обнаружила блюдо с креветками, в которых была воткнута золотая двурогая вилка. Вдова эту вилку вонзила ему в упругую мякоть руки выше локтя.

Гном заверещал, как раздавленная кошка. Домочадцы, попрятавшись за колонны, вазы и знамена, молча крестились. Один Иконом бесстрашно выступил прямо под карающую десницу хозяйки и объявил со вздохом:

— Всещедрейшая, не знаю как и докладывать. Осел твой все-таки умер. Какие будут распоряжения?

Манефа в ярости отбросила вилку, полетевшую со звоном, и оттолкнула прочь евнуха.

— Душа моя, душа моя! — сказал, подходя к ней, Ласкарь. Жив, здоров, слава Богу, только вроде бы несколько помят. — Милуй людей своих, как чаешь, чтобы Господь твой миловал тебя.

Манефа, взяв его за руку, повела с собой в домовую часовню. Там, в озаренной множеством свечей палате (предметом гордости матроны было то, что ежедневно она тратила пять унций самого свежего фракийского свечного воска!), домашний диакон поспешил снять нагар, где это было необходимо, и деликатно выйти.

Вдова поставила Ласкаря рядом на колени, и они тихо помолились, каждый себе. Манефа сбоку видела его поникшие острые усики и жалкую бородку и вспоминала, как в детстве они с ним играли в салки.

— Нашел свою деву?

— Нашел и не нашел.

— Как же это?

— Я случайно встретил ее во дворце.

— Ну и вел бы ее сюда.

— Она не свободна, она порабощена.

— Скажи кем, будем бороться, будем искать...

— Матушка! — жалобно сказал Ласкарь, простирая руки к святым иконам. — Я уже пережил это. Только когда падет ваша нечестивая империя, которой вы служите,

как Маммоне, только тогда восторжествует справедливость!

Они замолчали, погруженные в глубокие думы или молитвы. За фасадной стеной слышалось на далеком рынке, как истошно кричит какой-то осел, вероятно, в знак скорби по своему соплеменнику.

В Манефе же все-таки победило исконно женское любопытство, поэтому она начала разговор снова.

— Что же ты так спокоен, так умиротворен? Где же она, о которой ты тут так кричал? Что будет с ней?

— Не удивляйся, я встретил случайно того пророка или не пророка, словом, того, который исцелил царя...

— Мануила?

— Да, да, Мануила, в тот день, когда я приехал к тебе. В большой порфиновой зале, помнишь?

— Помню, ну и что же?

— Какая-то странная это была встреча. Люди, которые вели Фоти, это та девушка, понимаешь?

— Понимаю, понимаю.

— Люди эти оказались из челядинцев самого императора, его интимные слуги...

— Из гинекея, что ли?

— Да, да, из гарема, как говорят неверные. Я попробовал с ними поспорить, вот синяки и рубец на лбу и под виском, видишь? Там же и мальчишка крутился из нашей деревни, из Филарицы. Я его плохо помню, родители его были похищены сарацинами. Он как-то тоже заинтересован в освобождении моей Фоти...

— Послушай! Я совершенно перестаю что-либо понимать. Если это был тот пророк из Львиной ямы, что ему стоило воздеть руки и силой каких-нибудь заклинаний освободить девушку, как он воскресил царя? Если она действительно попала в царский гинекей, что ему стоит попросить самодержца и тот, без сомнения, подарит ее ему, ведь он же подарил царю жизнь!

— Ах, Манефа...

— Видишь, я сама уже начинаю переживать за твою девицу. А может быть, это не тот человек или он совсем не праведник?

— Нет, но исцелил же он боголюбивого?

— Тогда в чем же у вас вопрос?

— Видишь,— Ласкарь раскрыл коробочку, в которой обычно на Востоке носят притирания, лекарства или лакомства, и достал комочек жевательной смолы. Прищу-

рился на огоньки иконостаса.— Во-первых, этот пророк не один, за ним явно могущественные люди. Во-вторых, как бы тебе сказать, чтобы ты меня правильно поняла с твоим реалистическим разумом... Как бы тебе сказать? Я всю ночь провел у него во дворце, в отведенной ему кувикуле. Не знаю, откуда он явился, кто он такой, но у него такой дар воодушевить человека!

— Во-первых, во-вторых,— проворчала Манефа.— Таковы вы, римляне, византийцы... Только бы вам действие оттянуть, отложить! От этого вас наши девки и не любят.

Но тут она спохватилась, что находится перед святыми образами, припала к подножию чудотворной Божией Матери Влахернской, собрав в себе все эмоции веры, на какие только была способна. А рядом с ней припадал терпящий веру Ласкарь.

В часовне были собраны иконы, обозначающие все этапы жизни Манефы и ее семьи. Вот ее детская иконка — Георгий Победоносец, когда она была девочкой, ее тревожило: а вдруг однажды Змий одолеет Святого Всадника и его Чудесного Коня? Она даже плакала по ночам, и много труда нянькам стоило успокоить ребенка.

Вот Христос Пантократор, вседержитель мира. Суровый, непреклонный лик, напоминающий, что в мире нашем не все добро, что и добро должно быть с кулаками. Совсем девочку, плачущую, мящуюся, больную от страха, ее выдали, почти что выбросили, за старика по сравнению с ней, Ангела, у которого уже перебивало пять десятков женщин, и каких женщин! А Пантократором ее благословили родители на брак.

Божия Матерь Утоли мои печали, сама нежность, само терпение и ласка, какие пальчики смуглые и мягкие, как обнимает она Младенца. Когда родился у нее первенец, Манефа, хотя это и великий грех, старалась подражать этому Образу — мягкостью, и нежностью, и терпением, и любовью безмерной.

Но самая чтимая здесь — Богородица Влахернская, которая, как рассказывают, найдена, обретена в этом городе лет двести тому назад. И явилась она простой бедной девочке в час испытаний, когда враги, разбив городскую стену у местечка Влахерны, готовы были ворваться кровожадным потоком, громя и убивая. Но Бог судил избавление, икона чудотворная воссияла, враг бежал, столица городов вновь была спасена.

Конечно, в доме Манефы не сам чудотворный лик, а его повторение. Дед Манефы, тот самый, который был Хирург, ради зиждительства дома сего заказал хорошему копиисту, затем приглашал окладчиков, они на чистом золоте и с жемчугом речным сделали ей ризу — оклад.

В тихом мерцании лампад Богоматерь Влахернская сама чем-то напоминала римлянку — слегка продолговатым, что ли, овалом лица, смуглотою щек. Выразительные брови сошлись на переносице, совсем как у ее Теотоки. Ах, эта Теотоки!

С улицы послышался шорох колес, тпру возничего, приветственный возглас слуги, звонкое и беспечальное «хайре» Теотоки.

Манефа поднялась с колен, с трудом сдерживая нарастающий гнев. Благорастворения души, которое пришло в ходе молитв, как не бывало.

Тяжелым шагом вступила она в триклиний, где уже собирались к завтраку. Теотоки объясняла почтительно склонившемуся перед ней историку Никите устройство колесных шин, которых не делали в Византии, а Манефин сын прислал один такой экипаж из Италии. Взглянув на тетушку, готовую метать молнии, Теотоки опередила ее:

— Господа, господа! Что же это я не сообщаю? Глашатаи по городу объявили — протосеваст Алексей удален от двора. Он получил хрисовул — императорский указ — жить в своем имении до особого распоряжения.

— Это государственный переворот! — воскликнул светлый старец Феодорит, который чуть ли не питался у гостеприимной Манефы.

Манефа, понимая, что всякая брань в адрес строптивой племянницы при гостях неуместна, не нашлась, что сказать, кроме:

— А царица, царица Ксения-Мария, что она?

3

Утро свежее, яркое, сочное, непривычное нам, людям севера, началось с того, что кто-то тоненько плакал за дверью. Утихал и всхлипывал и плакал снова.

Денис разлепил глаза, повернулся на жестком дворцовом ложе. Солнце висело высоко над морем, и он понял, что надо вставать.

Ему снился сон. Будто детство, будто мама купила

ему новый комбинезончик. Но у его сверстника лучше — с Микки-Маусом на груди. И Денис плачет от ревности и обиды, а мама справедливо укоряет — как не стыдно! Денис проснулся, весь в ощущениях детства, а здесь все та же византийская реальность — топот бесчисленных слуг по коридору.

От прошлой жизни, видать, остались только сны. Денис и там, в прежнем своем мире, видел какие-то странные сновидения. Не этот ли мир, суматошный и цветной, словно экран телевизора, виделся ему в тех снах?

А кто-то продолжал жалобно стенать и плакать. Денис встал и распахнул дверь.

В его кувикулу тотчас ввалился сидевший за дверью на корточках юноша в обтягивающем зеленом трико, похожий на лягушку или змейку. Денис уже знал, что это была униформа дворцовых скороходов.

— Прости,— заизвинялся он.— О, прости!

И объяснил, что протовестиарий, начальник дворцовых слугителей, велел ему отправляться на новую должность. Именно сюда, именно к достопочтенному Дионисию из благороднейших Археологов, да будет над ними надо всеми, всегда и везде Господня щедрость!

— Чего же ты плачешь? — удивился Денис.— Значит, тебя ко мне на работу послали? Но разве у меня камни надо ворочать или я кусаюсь?

Молодой человек в лягушачьей форме объяснил, что служба в кувикулах у них, во дворце, считается невыгодной, это равносильно понижению в должности. О, он знает, чьи это интриги! Скороход дворцовый, если вовремя весть принесет или, подай Боже, монаршее благоволение, он обол получит, а то и целый серебряный денарий. Едва ли уж теперь ему добиться такого, увы!

— Я для них, выходит, нищий,— усмехнулся Денис и подумал: «Так вскоре и штатом обрастешь!» Поразительно, он поймал себя на том, что рассуждал точно так же, как на том далеком раскопе: «Их же поить-кормить надо, зарплату изыскивать». — А здесь феодализм развитой, глядь-поглядь — и пожалуют поместьем.

Вчера в этой самой дворцовой кувикуле, отведенной Денису благодаря стараниям маленького Фармацевта, его коллеги, он всю ночь просидел за разговорами с чудачком Ласкарем, который за ним увязался. Старый воин, донкихотствующий и жалкий. С трудом добыл ему кружку вина — во дворце, где все, от истопника до эпарха, то-

лько и делают, что пьют и гуляют за казенный счет. Утром старик покинул его, сказав, что должен появиться в доме, где квартирует.

Теперь вот этот бывший скороход в красиво обтянутых ляжках. Нашел где-то половую тряпку, метелку, но за уборку так и не принялся. «Э! — подумал Денис. — Да ты, братец, с лендой!» Таких он и на раскопе своем не жаловал.

— Поддай воды, — приказал он. За эти византийские дни и ночи Денис уже научился изъявлять свою волю безо всяких «прошу» или «пожалуйста», волшебных всяких слов.

Лягушка воды подал, но за уборку так и не принимался. Все стонал и жаловался вслух, и Денис, поднатормевший в эллинской речи настолько, что мог уловить у собеседника чужеземный акцент, спросил:

— Ты что, не грек?

— Ты хочешь сказать, не римлянин, мой господин?

— Да, не римлянин, пусть будет так.

— Я из Генуи, это на Западе. Здесь же мой отец имел мастерскую в порту.

— А теперь уже не имеет?

— О, он разорился!

— Наверное, по проискам или каким-нибудь интригам?

— Как ты проникателен, мой господин, именно так!

— У вас у всех здесь происки да интриги. И ты, значит, добываешь семье на пропитание?

— О, синьор!

— Ну, ладно. А за какие же интриги все-таки ты так понижен в должности?

— Когда к нам был назначен новый протовестиарий, я не принес ему положенный подарок.

— Ах, вот как! Значит, взятки и у вас процветают. Тут я тебе могу помочь только одним — просить протовестиария, чтобы он перевел тебя на другую службу.

— О нет, милостивый синьор! Я остаюсь у тебя, буду тебе верно служить, хорошо работать. Может быть, за службу у тебя когда-нибудь звание оруженосца.

— Почему оруженосца?

— Но ты же, всещедрейший, ты магистр, чин имеешь таксиарха схол, по нашим западным понятиям, ты — рыцарь, по-византийски — кавалларий.

— Ишь ты! Я об этом как-то не подумал. Служа во

дворце, ты, наверное, хорошо изучил все местные порядки?

— О, синьор! — заскромничал лягушка.

— Ну, хорошо. А почему же ты все-таки решил остаться у меня?

— Ты очень хорошо разговариваешь. По-человечески разговариваешь с людьми. Мы разорились уже пять лет, знаешь, скольких хозяев я навидался?

— Представляю себе. Ну, раз так, давай знакомиться. Как же тебя зовут?

— Ферруччи, мой господин.

— И все?

— Нет, есть еще родовое имя.

— Какое же?

— Очень громкое. Даже стыдно, что мы у этих восточных римлян...

— Ну, говори, говори.

— Де Колон.

— Колон? Значит, Колумб?

— Да, синьор, Колумбус — это по-латыни.

«Чудеса! — подивился Денис. — Любой историк-медиевист знает, что настоящее имя Христофора Колумба, генуэзца, открывшего в 1492 году Америку для испанской короны, было Де Колон. Но чтобы в Византии и в 1180 году... Впрочем, где эти первооткрыватели, питомцы морей, в ту эпоху не шлялись! — Денис усмехнулся. — Если верны мои предположения и подсчеты, я нахожусь лет за триста до открытия Америки великим Христофором. Если так, Колумб, открыватель материков, может прийтись праправнуком этому юному удавчику. Чудеса в решете!»

— Что, синьор? Прости, я не расслышал...

— Да нет, я так... А ты, представитель высокого рода, берись-таки за половую тряпку и метелку, иначе, скажу тебе по-дружески прямо, придется отослать тебя к прото-вестиарию.

Вчера в вестибюле Большого Дворца Денис видел на стенах огромные медные диски. Там были изображены знаки зодиака, вычисления орбит, календарь неисходимый, то есть вечный, даже группировки предсказаний. Денис не был астрономом, но космические верования, астрологические памятники — это же был его конек.

Он отыскал и пересчитал все наклонения и орбиты, все поправки календаря. Двадцать второго сентября должно было наступить осеннее равноденствие. И оно наступило

в свой срок, как наступает по ту и по сю сторону сознания... Да, но тогда Мануил император умрет! Он умрет уже послезавтра — двадцать четвертого сентября 1180 года, уж эту дату-то Денис хорошо усвоил на византийских их семинарах.

А что ж тогда они его воскрешали и лечили? И он теперь свеженький и даже на молоденькой собирается жениться?

Вот как раз случай проверить непреложность законов истории!

Шутите — а как же быть теперь ему, Денису? Только что он обустроился как-то в этом фантастическом мире, а теперь надо все заново? Все эти Фармацевты, Костаки, Ферруччи, Ласкари, у всех есть здесь семьи, какие-то дети, разорившиеся папаши, краденые невесты, черт побери, он же, Денис, одинок, одинок!

Накануне, вчера, когда они столкнулись с этими парадно одетыми челядинцами, которые волокли куда-то девушку, Денис потребовал, чтобы они остановились. То ли властный его тон, то ли блеск офицерской цепи, но они остановились. Упала пелена, и Денис увидел их практикантку, студентку четвертого курса.

Но в то же мгновение он понял, что это не она. Похожа поразительно, но все-таки не она! Потом, настоящая Светка Русина не могла его тут же не признать, а эта только шурилась от света, но смотрела на него равнодушно, как и на прочих своих мучителей.

А рядом изнемогал от отчаяния чудной старик с острыми усами и мюнхгаузенской бородкой. Ему челядинцы разбили в кровь лицо. Тут и шустрый Костаки внезапно сломался и, позабыв про стремление непременно идти к какой-то таинственной особе, стал указывать на девушку и кричать о справедливости и свободе. Невозможно было что-нибудь понять.

— Мы торопимся, господин, — предупредил Дениса главный челядинец. — Нас ждут.

И они многозначительно лязгнули рукоятками своих мечей.

— Как тебя зовут? — наклонился к девушке Денис, просто не зная, как ему поступить.

— Фоти... — еле слышно ответила она, отворачиваясь от слепящего солнца.

— Как? — не разобрал сразу Денис.

— Фотиния, Фотиния, — в страшном волнении под-

сказал темпераментный Костаки.— Помнишь, о господин, на пиратском корабле?.. То была она! Помоги же, помоги чем-нибудь, ты же можешь все!

А Денис все глядел в прелестное лицо девушки, не мог оторваться, и теперь он чувствовал, что это все-таки она...

Челядинцы вновь предупредительно лязгнули железом своих клинков.

И тут на сцену выдвинулась новая активнейшая личность. Как говорится, откуда ни возьмись появился Денисов коллега Фармацевт в мухоморовом хитончике и шляпочке шестигранником, которая в Византии зовется тимпан.

— Мой господин,— сказал он категорически Денису.— Советую не связываться с этими вооруженными людьми. Это очень могущественные люди, я хорошо их знаю. Ничего не поделаешь, пусть идут, куда шли, ведут, куда велят.

Челядинцы уже не слушали никого, набросили на свою пленницу белый плат и зашагали своим путем.

Фармацевт напустился на Дениса:

— Я тебе говорил, чтобы ты никуда не выходил, ждал меня? Что это за люди?— он обвел рукою Костаки и странного старика.— Куда ты их ведешь или куда они тебя тащат?

Костаки он просто прогнал, заявив: господину сейчас не до тебя, приходи в другой раз. Старикан с усами отстал сам.

Фармацевт вытащил из-за пазухи целый пук пергаментных клочков и расписок, которые оказались, говоря современным языком, ордерами на довольствие вновь произведенного придворного и офицера. «Вот на кувикулу, то есть на жилье,— перелистывал их Фармацевт не без некоторой доли хвастовства — вот мы, мол, какие! — Вот предписание послать тебе слугу, вот на экипаж, то есть пару лошадей, тележку, возничего...» Бюрократическая машина работает в Священном Дворце!

Денис помнил из вузовской их хрестоматии высказывание латинского историка Виллегардуэна, который подробно описал империю Второго Рима и ее столицу. «Император римский один властелин всех этих богатств! — восклицает простодушный франк. — Один владыка бесчисленных своих дворцов и помещений...» Да нет, это могло только казаться человеку с Запада, потрясенному увиденным могуществом. К тому же византийцы втирали ему очки, как могли.

Священный Дворец, вернее, конгломерат роскошных дворцов, был, скорее, похож на колхоз или на какую-то утопическую коммуны. Владыка, император, василевс, царь — при всем множестве своих титулов — играл, скорее, роль символическую, организующую, но не распорядительную ничуть. Все множество обитателей дворца, каждый сообразно своему рангу и сословию, друг другу услужало, друг другу ревностно подчинялось. Во множестве ведомственных столовых они ели, во множестве ведомственных бань они омывались — и все это за государственный счет — наполняли собой великое множество помещений, и весь этот отлаженный механизм крутился от зари и до зари.

Так оказался Денис в кувикуле, которая помещалась в корпусе obsługi дворца Вуколеон и была похожей на нашу современную однокомнатную квартиру. Фармацевт завершил свои заботы тем, что привел слугу с едой для Дениса, выслушал его рассказ о том, кто была встреченная ими девушка под конвоем челядинцев, похмыкал, поковырял в зубах и обещал чем-нибудь помочь. Затем он ввел в кувикулу старика, назвавшегося Ласкарем. Оскорбленный, помятый, униженный, он всюду таскался за Фармацевтом и Денисом, а когда они вошли в отведенную им кувикулу, Ласкарь опустил без сил на мозаичный пол в коридоре.

Фармацевт ушел вечером, вновь призывая никуда без него не выходить, носа не высовывать. Ласкарь, весьма прибодрившийся разговорами с Денисом, ушел под утро. Денис остался один, на жестком каком-то, вокзального типа кожаном диване расставлять по порядку события бурного прошедшего дня. Светка Русина — или Фоти? — вытеснила из его раскаленной головы все волнения другие, но, по правде сказать, не хотелось бы ему, чтобы это была она. Достаточно с того проклятого колдуна одной жертвы — его, Дениса.

Но что же предпринять? Бежать, скрываться, бороться как-то? Никто не гарантирует, что в один прекрасный день за ним не явятся такие вот непреклонные челядинцы и не поволокут его невесть куда. Но бежать для него сейчас это все равно что прыжок в ночь с неизвестной высоты...

Славный Фармацевт в шапочке тимпанчиком появился только к концу дня.

— Поднимайся, господин! Поскорее, о избранник судьбы! Великие не любят, когда их заставляют ждать!

4

Они вошли с задней стороны Большого Цирка, где за сумрачными громадами Ипподрома, между какими-то еще более древними стенами, был вход для жокеев-возничих. Везде стояла охрана — секироносцы с топорами, немногословные, как и те, которые вчера увели загадочную Фоти.

— Это люди кесариссы,— пояснил Фармацевт. Здесь он был в числе хозяев, даже обменивался салютом поримски — ладонью вверх. При таковых его возможностях и золотой цепи Дениса никто их не остановил, ни о чем не спросил.

— Сюда,— наконец констатировал он. Наклонившись под притолоку, они вошли в низкую и темную галерею с толстыми столбами посередине. Видно было, что это помещение под рядами амфитеатра, которые образовывали как бы ступенчатый потолок.

Фармацевт раскланялся на все стороны и исчез, а Денис огляделся. Он находился, очевидно, в манеже прасинов — цирковой партии синих. Колонны были декорированы синими полотнищами, служители конюшен — иппархи — в синих длинных скарамангиях вводили по очереди лошадей, предназначенных к сегодняшним ристаниям. Спины их были покрыты синими попонами с золотым шитьем, к ним подходили старейшины прасинов, смотрели зубы, проверяли дыхание, щупали копыта. Какое-то знатоки вели шумный спор.

А в глубине манежа стояла толпа каких-то очень богатых и знатных людей. Все они были в одинаковых синих шелковых скарамангиях — кафтанах, щедро расшитых золотом, и все, как на иконе, почтительно оборотились к одному человеку, стоящему посреди них.

Денис сначала принял этого человека небольшого роста за жокея, наездника, известно, что наездники пользуются особой любовью тех, кто делает ставки на его лошадь и надеется выиграть.

Но это был не наездник, это была женщина. Со знанием дела она осматривала у лошади зубы, даже лазила

пальцами в рот, исследовать десны. На ней была жокейская кожаная куртка с подкатанными рукавами и кавалерийские брюки, так обтягивавшие ее, что Денис машинально отметил — спортивные ножки! И понял, что это и есть кесарисса Мария, Маруха, дочь императора Мануила, по крайней мере, их так показывают в фильмах из монархической жизни.

Кесарисса все время смотрела на вход, видимо, кого-то ждала. Увидев Дениса, она прервала разговор с раззолоченной свитой и размашистым кавалерийским шагом направилась навстречу ему. Сердце Дениса сжималось — все-таки это царевна!

— Остановись, — протянула она руку. — Та, к которой ты приглашен, — это я.

Совершенно не решив, что и как говорить с ней, Денис, как в каком-нибудь «Багдадском воре» или «Старике Хоттабыче», положил ладонь на сердце и как можно почтительнее склонил голову. Знал, что по византийским обрядам требуется пасть ниц.

— Не тревожься, светлый юноша, — успокоила его кесарисса. — Мы знаем, откуда ты к нам попал и как тебе с нами непривычно, нелегко. Все придет само собой.

Следом за кесариссой подошел одетый в белый скарамангий с орлами молодой мужчина с лицом арийским, у которого зубы не давали закрыться широкому рту. «Райнер», — подумал Денис. И отметил точность придворного прозвища — Крокодил.

— Вот и кесарь пришел на встречу с тобою, — сказала Маруха. — Мы озабочены твоей судьбой.

Денис вновь не счел ничего лучшего, как поклониться, подобно герою восточных сказок.

— Как тебя зовут? — спросила кесарисса, похлопывая хлыстиком по голенищам сапог с двуглавыми орлами — единственной детали царского облачения, которая была сегодня на ней. Денис молчал, разглядывая ее некрасивое лицо, словно выточенное каким-то неумелым резчиком. И нос бесформенный, и рот без губ, и глазки свиные — надо же быть такому соединению некрасивостей!

— Говори! — приказал Райнер, как зубами лязгнул.

— Это что, допрос? — хрипло произнес Денис, чувствуя, как холодный пот разливается по спине, и отчетливо понимая, что иначе поступить не может.

Кесарисса умиротворяюще положила ладонь на шелковый рукав мужа.

— Не надо, не отвечай, если ты почему-либо не в себе. Мы все равно все о тебе знаем, ведь мы же цари. Мы знаем, что ты привезен с Кавказа и прямо в Львиный ров...

Дениса подхватывал задор риска.

— А вот и не с Кавказа, ваше высочество. Я из города, который еще не основан. И путь оттуда неблизкий — восемьсот лет!

И добавил, чтобы смягчить остроту положения:

— Готов служить вашим высочествам (тен ипсило-тис), не жалея моих сил...

Райнер сказал, растягивая слова, с грубым германским акцентом:

— Это все результаты вашего, госпожа, любимца Сикидита и его чернокнижных забав. Говорили же ему мудрые люди, не якшаяся с дьяволами, рано или поздно что-нибудь дьявольское получишь!

«Негодяй! — подумал Денис. — У своего папаша, захудалого маркиза, ты в лаптях дома ходил, а здесь на руководство всемирной империей претендуешь!» И не страшно уже было совсем, наоборот, так и хотелось уколоть, задеть побольнее.

— Госпожа! — продолжал Райнер, искоса поглядывая на Дениса, видимо испытывая по отношению к нему ту же враждебность. — Столько дел! Мы еще не знаем о реакции столичного охлоса на смещение протосеваста... А почему вы полагаете, что народ ликует? А тут вы теряете время на беседы с каким-то мурином. Отдадим его палачу, тот разберется, после доложит... А то и — фють!

Кесарь ладонью ребром сделал знак, будто сносит голову Денису.

«Ах, какой негодяй! — ненависть Дениса возрастала. И это было для него совершенно новым чувством, потому что там, в тусклой советской действительности, он не знал, что такое ненависть. — Ну, заяц, погоди! По сравнению с тобой у меня есть, по крайней мере, одно явное преимущество: я точно знаю, когда ты умрешь, достаточно как следует вспомнить итоги семинара...»

— Будь милостив к пришельцу из другого мира, — сказала мужу примирительно кесарисса. — За время пути он, вероятно, столько пережил!

Денис поразился — он в свое время читал, что порфирородным детям давали блестящее для своего времени образование. Был и писатель-философ — Константин VII

Порфирородный. Но как этой дочери своего времени удалось понять, что он перенесся из одной плоскости мироздания в другую плоскость? Интересно, сумели ли это понять там, наверху (он так и подумал — наверху!), его современники?

А Маруха сочувствовала:

— У тебя на том свете и родители остались, верно? Большое ли у вас там имение? Женат ты или нет?

Райнер молчал, презрительно отвернув крокодилью голову. А Денис что-то бормотал, потому что от удивления забыл все греческие логограммы.

Тут кесарисса усмехнулась, и улыбка ее уже была нехорошей, недоброжелательной.

— Мне мой врач Фармацевт докладывал, что ты прошишь о той девке... Что ж, если ты с ней встречался в потусторонних мирах! Ох уж этот волшебник Сикидит, вечно он перестарается... Но нам, как ты понимаешь, безразлично, с кем ты там встречался.

Она приосанилась, приняла высокомерную позу и искося смотрела на Дениса, какое производит на него впечатление.

«Не без кокетства девушка!» — отметил про себя Денис. Ему уже ничуть не было страшно, наоборот — он понял, что они смертельно боятся его, Дениса, ждут, а вдруг он что-нибудь такое выкинет?

У входа в манеж замерцал свет факелов, толпа раззолоченных придворных из свиты кесариссы оживилась. Сверху слышался дробный топот множества ног, осыпалась пыль, толпа там усаживалась в скамьи амфитеатра. Кесарисса послала дисциплинированного мужа узнать, в чем там дело. А сама, выпростав коленку, обтянутую великолепной штаниной, сняла с нее пушинку и весело блеснула глазенками Нуф-Нуфа:

— В конце концов, мы твои должники. Ты не обязан прилетать в иные миры, чтобы исцелять царей. Порфирородной, конечно, по силам подарить благодетелю любую девушку в государстве, но, пойми, самодержец обнадужен, что для него готовится девушка, что дело только за разводом его с царицей, чего не позволяет патриарх, может быть, только этим и живет его угасающий организм...

Она обернулась, разглядывая медленно приближающийся к ней строй раззолоченной свиты во главе с Райнером, и закончила с угрозой в голосе, будто хлыстиком прихлопнула:

— Но смотри, потусторонний сморчок, не воображай, что мы тебя боимся... Если что, у Марухи рука длинная!

И ввиду уже приблизившихся придворных любезно добавила:

— Мы отдали распоряжения, тебя обеспечат всем. В ближайшие дни решится вопрос о выделении тебе имения в одной из провинций.

Кесарисса навстречу вновь подошедшим подняла руку, словно Афина Паллада, разрешая этим не соблюдать этикета, не падать ниц.

Райнер выдвинул старика в ярко-красном облачении и горлатной шапке. Надо ли здесь добавлять, что у всех присутствующих мужчин имелись бороды? Когда представляешь себе картину византийского общества, заранее имей в виду, что все они бородаты. «Дед Мороз»,— отметил про себя Денис, тем более что старик имел в руке посох с хрустальным шаром, в котором виднелась лошадиная голова.

Это был гиппоиппарх, верховный распорядитель конских ристаний, то есть парада лошадей и скачек. Он всепокорнейше доложил, что случайно узнал о неофициальном прибытии высочайшей четы — кесаря и кесариссы в цирк, не был, увы, оповещен заранее... Толпа же в амфитеатре узнала это каким-то образом и теперь бушует, требует появления любимой царевны в императорской ложе.

— Мы не облачены...— сказал Райнер, вопросительно глядя на жену.

Маруха была страшно недовольна. В конце концов ее личное дело ездить, куда она хочет. А превращать заурядные скачки в государственное мероприятие с ведением протокола ей нет никакого резона. Но видать, кому-то это надобно, вот они и мутят народ.

Гиппоиппарх в высокой шапке продолжал излагать программу выступлений. Между заездами будут показаны человек-паук, дрессированные крокодилы (все невольные покосились на кесаря), выйдет на канат блистательнейшая плясунья, питомица самой Фамари, матери циркачей. Но главное, главное, что превращает мероприятие из заурядных в празднество,— это Антиппа,— это Антиппа, сам великий Антиппа, гонщик из партии синих!

Делать нечего. Гиппоиппарх торжествующе стукнул посохом, чины цирка пришли в движение, стали перестраиваться, готовясь к парадной церемонии — шествию кесаря и кесариссы в Кафисму — дворец ипподрома, в ко-

торой у каждого члена императорской фамилии были свои апартаменты и свой запасной гардероб.

Уходя, зоркая кесарисса усмотрела в рядах свиты своего врача Фармацевта, она поманила его пальцем и, толкнув к Денису, повелела никуда не уходить, держаться все время рядом, быть может, они еще пригодятся.

А ипподромная суета усиливалась. Полоскались разноцветные стяги цирковых партий. Шли зрители — неспешные попы и их осанистые попады, пригородные крестьяне приехали целыми семействами, распрягли лошадей в ближайших харчевнях — фускариях, несли с собой и закуску в узелочках, и лакомства. Не стесняясь присутствия плебса, двигались высокомерные аристократы, даже бритоголовые рабы, если у них были деньги на билет, деловитым шагом входили профессионалы — гонщики, конюхи, мойщики лошадей. Ипподром ведь это целая вселенная!

Бег колесниц еще не начался, а цирковая чаша гудит от нетерпения. «Си-ни-е!» — хором кричит одна часть трибун. «Зеленые!» — скандирует другая. И все бьют в ладоши. Торговцы свистульками во всю мочь рекламируют свой разноголосый товар, какие-то оркестрики настраивают свои нехитрые инструменты. Толпа темпераментна и нетерпелива, какой может быть только причерноморская толпа. «Зев-гма! Зев-гма!» — это уже пригород столицы приободряет свою команду: «Зевгма, не подкачай!»

Тут появился Фармацевт, так же внезапно, как и исчез. Пристроился с Денисом в конец шествия за Марухой, говорил ему, зябко засунув рукав в рукав:

— А ты не скорби о той твоей девушке... Я поговорил тут кое с кем и узнал: некая Фотиния от имени кесариссы содержится в монастыре Пантепоптон, это неподалеку отсюда. По-видимому, кому-нибудь в подарок приберегается, а то и самой обители, все Комнины очень богобоязненны... Так вот мне посулили выдать на эту Фотинию дарственный хрисовул!

Денис, уже понимающий, что получить на какую-то рабыню императорский хрисовул невозможно, да и не нужно, выразительно усмехнулся. Фармацевт не обиделся и сам засмеялся:

— Ну, считай, это я соврал. Но что Фотиния содержится в монастыре — это точно, и ты скоро в этом убедишься.

Кесарисса излагала дело несколько иным образом,

и Денис хотел сказать и об этом. Но шествие пришло в движение и стало быстро продвигаться к лестнице.

И вдруг над Большим Цирком раздался резкий крик медных фанфар.

5

— Император? — встрепнулся Фармацевт. Шествие остановилось, словно споткнулось. Все подняли бороды к предвечернему небу, будто искали там разгадку непредвиденного зова фанфар.

— Что-то произойдет, — предположил Фармацевт. — Воздух насыщен бурей.

Гигантский амфитеатр настороженно смолк при звуке фанфар и вдруг взорвался бурей восторга. Несмотря на постоянный голод, казни и конфискации, даже на военные поражения, народ по-своему любил Мануила и очень жалел, когда он болел. Восторг, возникавший стихийно в разных концах ипподрома, слился в единый энтузиазм, и вот уже гремит старинный гимн, нечто среднее между «Аллилуйя» и «Триумфатор романорум», а слова можно передать как «Широка страна моя родная...».

Да тут еще синие догадались выпустить вокруг арены прославленного Антиппу на квадриге белых лошадей с огромным императорским знаменем в руке.

— Высококочтимый наш отец, боголюбивый самодержец! — обратилась к Мануилу кесарисса, как только ее шествие достигло верхнего этажа Кафисмы. — Вы же обещали нам спокойно лечиться в вашем приморском имении, зачем вы сюда?

Мануил ответил в характерном для него насмешливом тоне:

— Мы слышали, у вас тут новая плясунья объявилась. Мало того, что ваши юридические крючки не позволяют нам жениться на юной девице, что крайне необходимо для нашего здоровья, вы что же? Совсем желаете отучить нас от женского общества?

Начался первый заезд, который болельщики и игроки встретили оглушительным свистом. Первый заезд всегда уходит на то, чтобы публике усесться, успокоиться, купить сластей, поздороваться с соседями.

— Послушай, послушай! — эмоциональный Фармацевт дергал за рукав Дениса. Прижатые к стенке широки-

ми спинами царских секироносцев, они стояли в нижнем этаже Кафисмы.— Тебе не кажется, что в цирке что-то происходит?

Действительно, на ипподроме начиналось что-то политическое. Партия венетов — зеленых, расположившаяся на трибунах как раз напротив Кафисмы, где была царская ложа, требовала позволения вступить в публичный спор с правительством. Такие споры в цирке известны из истории, например, спор Юстиниана и Феодоры с враждебными партиями в ходе восстания «Ника». Обращение через головы чиновничьего аппарата прямо к императору, используя глашатая цирковой партии, было испытанным политическим приемом. К нему прибегали вожаки плебса или претенденты на престол, когда им казалось, что все остальные меры уже исчерпаны.

Но и цари делали все, чтобы избежать такой публичной перебранки. В последний раз диалог в цирке через глашатаев случился лет семьдесят тому назад, при первых Комнинах, которые широко похвалялись, что восстановили будто бы порядок и закон. Мануил таких вольностей не терпел.

— Слушайте, слушайте! — Фармацевт буквально сжался в комок от переживаний, и его трепет передавался Денису. Толпа утихала, стараясь расслышать, что там происходит в высоких сферах. Даже безучастные ко всему секироносцы, которые набирались из варваров, плохо знавших греческий язык, становились на носки, чтобы что-нибудь различить за высокими шляпами придворных.

— Всемиловитейший, высочайший! — гремел в переговорную трубу отлично натренированный бас венетов.— Защити правду!

В цирке стало слышно, как капает вода где-то из испортившегося крана. За дальним поворотом беговой дорожки визжали оси колес и хлопали бичи гонщиков. Из-за старых кирпичных стен ипподрома не утихал шум Вечного Города.

В Кафисме в первое время царило некое замешательство. Видимо, для властей все это было неожиданным. Да и властью теперь был не привычный для всех протосеваст, а слышавший как палач и незаконник Антихристофорит. Как он себя поведет?

Спешно искали глашатая для прасинов, тот куда-то как назло задевался. Нашелся голосистый протодиакон от Сергия и Вакха, он долго прокашливался. Фармацевт

и Денис успели протолкаться наверх, в галерею, откуда слышно было, как кесарисса хорошо поставленным зычным голосом — ей бы самой в цирке вещать! — наставляет протодиакона.

— Кто вы? — наконец трагично спросил синий.

— Мы обижены вами без воли и казнимы вами без вины, — по Еврипиду ответил глашатай венетов.

В публике усиленно зашептались. Назывались имена протосеваста, официально было ведь объявлено о его отставке, царицы Ксении-Марии, о которой ничего не было объявлено, но ходили упорные слухи о ее предстоящем пострижении в монастыре. А как же юный царевич Алексей, наследник? Ни его, ни его августейшей мамыши в данный момент не было в цирке.

— Молчите, негодяи, изменники, я заткну вам рты каленым железом! — мирный протодиакон от Сергия и Вакха трепетал душой и страдал телом, когда произносил эти жестокие слова через подсказку кесариссы Марухи.

Цирк буквально окаменел, а в Кафисме стали слышны споры, видимо, среди правительственных лиц не всем понравился такой поворот.

— О! — застонал венет. — Вы несправедливы, вы жестоки, но вы нас же и поносите! Кай, ты сердишься, следовательно, Кай, ты неправ!

— Хорошо, я вам объясню вашу вину, хотя вам она известна. Вы радовались нашей болезни, когда мы были близки к вечности. А наш презренный слуга и племянник, которого вы приласкали, уже примерял нашу корону!

— Ксения-Мария! Ксения-Мария! — говорили в публике.

— Вы лжете! — отвечал невидимый во тьме венет. — Вас обманывают ваши бесчестные родичи!

— Маруха! Маруха! — понимали на трибунах. — Это о Марухе!

— Вы заслуживаете вечного проклятия! — гремел во весь наладившийся голос протодиакон прасинов. — Вы будете отторжены от брачного алтаря!

— И правда ведь! — ахали обыватели. — Ползут упорные слухи о разводе...

— Патриарх, эта бровастая вошь, ему не позволит, — возражали пылкие сторонники Мануила.

Римский народ никогда не стеснялся по поводу своих владык.

И тут стали замечать при последних лучах готовяще-

гося заходить солнца, что на площадки ипподрома и в проходы трибун выдвигаются гвардейские лучники, за ними виднеются фигурные шлемы секироносцев, железные шапки латников. Все схолы иноземных наемников, которые всегда отличались жестокостью при подавлении бунтов,—саксы, варяги, норманны, русские—оказываются, были созваны в цирк.

Цирк заволновался—как бы Мануил не учинил какой-нибудь резни, как случилось с его дедом. Одни спешно стали собирать корзинки с едой и коврики, которые они приносили, чтобы класть на холодный камень сидений. Другие—их было большинство—им просто нечего терять. Найдись вождь—и они готовы взорваться, громить, поджигать, изобличать...

И тут из верхних галерей Кафисмы, где располагается императорская ложа, разнеслось:

— Врача, врача! Где тут врачи? Боголюбивому плохо!

Первым был схвачен Фармацевт, узнанный, вероятно, по странному своему мухоморному хитончику и тимпану на голове. Затем мимо обескураженного Дениса (что же ему лично предпринять в данной ситуации?) секироносцы проволокли единственного найденного и выкупленного к тому времени врача—ужасно черноглазого и в спиралевидной митре.

Народ примолк, ожидая событий.

6

Мануила отнесли в глубь ложи, а его место занял зять Райнер, у которого и риза была заткана точно такими же пальметтами, как у царя, чтобы подменять его во время народных зрелищ.

Василевс уже пришел в себя, острил и смеялся, жуя мятные лепешки, которые дал ему Фармацевт. Дочь его, кесарисса, была вне себя, видя дурное состояние отца.

— Кто позволил государю вести в цирк?

— Кто может боголюбивому позволить или не позволить?—бесстрашно ответил маленький Фармацевт.— Врачи же не отысканы до сих пор...

Народ в каменных лабиринтах Большого Цирка урчал, как некий зверь в утробе Левиафана, и Маруха возле царя прислушивалась к его урчанию.

— Вводить гвардейцев в цирк? Это прямой приказ к погрому!

Мануил беспечно отмахивался. После сильного сердечного приступа ему, как всегда бывает в таких случаях, стало легко и свободно, и он радовался этому, как ребенок.

Первый министр Агиохристофорит (он же Антихристофорит) обещал гвардейцев увести, но не спешил отдавать приказания. Кесарисса в волнении расхаживала широким шагом перед рядом придворных, бранила Антихристофорита. Она была одета, конечно, не в кавалерийские брюки, а в присвоенную ее сану златотканую ризу, наплечники, свисающий лор с орлами и очень напоминала вставшую на дыбы золотую черепашку.

Врачи должны были осмотреть императора, полулежащего в глубоком кресле. Денис не представлял себе, как они это будут делать: парадные облачения с пациента не сняли, даже не расстегнули как следует. О каких выстукиваниях и выслушиваниях может идти речь, если дозволяется коснуться только левого (от сердца) запястья руки повелителя, предварительно ее поцеловав? Денис усмехнулся: он читал, что выслушивания и выстукивания — аускультацию — вообще ввели только в девятнадцатом веке. А как же до тех пор жили, лечились, болели и умирали целые сонмы людей?

Но эскулап в спиральной шляпе как главный врач этим удовольствовался. Он очень долго касался двумя пальцами руки монарха. Закрыв глаза, покачивался перед ним, а губы его шептали какие-то ритмические куплеты. Денис понял: его способ диагностики — магический, он доводил себя до состояния души пациента, чтобы понять и оценить его страдания.

Наконец, после многих напеваний и пришепетываний, эскулап, выглядевший в своих одеяниях очень монументально, объявил, что пациент практически здоров.

— Ускорить надо, ускорить! — заявил пациент с кресла.

— Что прикажете ускорить, высочайший? — наклонился к нему Агиохристофорит.

— Развод, развод! — требовал царь, размахивая мятной лепешкой. — Я видел сон, я способен к новому браку!

— Кто ему мог внушить такую зловредную мысль? — шипела кесарисса.

«Да ты же сама и внушила»,— думал Денис, которому теперь было ясно многое во дворце.

Фармацевт после долгих клянчений добыл у потенциального жениха плевков в хрустальный горшочек и сосредоточенно размешивал высочайшую мокроту стеклянной палочкой.

Тем временем порфиородная Маруха все более распалаялась. Удаления войск ей было уже мало. Агиохристорит лично помчался вызывать для царя закрытые носилки — лектику.

— Мне передавали,— волновалась кесарисса,— что в город прибывает domestik Врана Комнин, командующий западной армией. Зачем он прибывает? Его место в Болгарии, там дела наши весьма далеки от благополучия.

— У Враны личная причина,— отвечали ей.— Он прибывает для обряда обручения с невестой.

— С невестой?— захохотала кесарисса.— С невестой! Вы уморите меня от смеха. Да ему же семьдесят лет!

— Вот, вот!— произнес с кресла венценосный пациент.— Молодец Врана, сразу видно — военный человек!

— Боголюбивейший!— простонала кесарисса, склоняясь к нему.

— Ладно, ладно,— примирительно сказал Мануил.— Ну, согласен, в цирк мне не надо было приходить. Но насчет женитьбы-то, неужели вы не можете простить одну маленькую старческую прихоть? Да и как в сказках говорится: царь я вам или не царь?

Маленький Фармацевт закончил свои анализы и, поклонившись каждому из высокопоставленных лиц, а заодно и Денису, объявил, что мокроты благоприятны.

Теперь наступала очередь Дениса, который один из всех врачей еще не осматривал пациента. Он и не знал, что ему делать. Имеет ли он право и дальше обманывать этих простодушных людей? Если б хоть анализ крови или измерить давление, не говоря уж об ЭКГ. Когда он служил в армии, ему приходилось и с более сложными медицинскими задачами сталкиваться.

Но вот как историк он — специалист, а по исторической науке выходит, что завтра двадцать четвертое сентября одна тысяча сто восьмидесятого года и завтра этот человек умрет. Может быть, в годе он, Денис, ошибся? Да нет, и в годе не ошибся.

Утомленный возрастом человек, взбалмошный скле-

ротический старик смотрит на него с надеждой и усмехается.

— Ну и как, пришелец из другого мира? Проживу я еще четырнадцать лет или нет?

В цирке закончился перерыв и началось новое представление. Это был промежуток между заездами и выступал человек-паук. Но вот глашатай объявляет: танцовщица на канате, Блистающая Звезда! Цирк взрывается громом оваций. Венеты, то есть зеленые, почему-то приписывают эту танцовщицу себе, поэтому безудержно рукоплещут, прасины, напротив,— оглушительно свистят.

А Денис глядит с сочувствием на старика. И истязатель-то он, и народа уморил, говорят, великое множество, и все равно он Денису чем-то симпатичен. Он, Денис, еще слишком молод, чтобы знать, как в одном и том же человеке может совмещаться, сливаться воедино и очень доброе, и очень дурное.

Царские вестииарии перемещают повелителя из кресла в элегантные носилки, тот со вздохом покоряется. Маруха целует отца, будто провожает его в дальний путь. Рослые негры в коротких туниках поднимают лектику и осторожными шагами выносят в вестибюль. Словно поток текут за ними золотые наконечники копий императорской стражи. Расторопный Агиохристофорит спешит отдать распоряжение, чтоб об отбытии императора в цирке не объявлялось.

Да цирку и не до того. Высоко между кирпичными башнями на фоне пламенеющего заката натянут тонкий трос. Словно поблескивающая чешуйками стрекоза, на головокружительной высоте идет артистка, танцует и балансирует зонтиком на длинной ручке. Затем отбрасывает зонтик и делает пируэты, от которых захватывает дух.

Все, у кого свободны руки, хлопают изо всех сил. А у кого они не свободны — отчего они не свободны? Оттого, что зрители высоко запрокинули головы и держатся за шляпы, чтобы те не свалились.

Кесарисса, видя, что и Денис, запрокинув голову, смотрит на стрекозу в пламенеющем небе, спросила, как ударила хлыстом:

— Ну, пришелец из далеких миров, скажи что-нибудь и ты. Из врачей не высказался ты один.

— Я не врач,— хмуро ответил Денис. Несмотря на явно враждебный тон, который стала проявлять кесарисса, он не боялся ее, каким-то чутьем не боялся.

— Кто же ты?

— Я простой человек.

— Нет, ты исцелитель.

— И не исцелитель. Может быть, предсказатель немного.

Сказал это и пожалел, потому что тотчас последовал новый вопрос:

— Тогда предскажи его судьбу. Сколько он будет жить?

Денис медлил, соображая, в какую трясины он попал и как из этой трясины он выберется.

— Говори! — требовала кесарисса.

И тогда Денис решился, словно нырнул в ледяную воду:

— Он умрет через день, двадцать четвертого сентября. — Прирожденный византиец сказал бы также: — В день памяти святых Антония, Дидимы, блаженномученицы Аминты. — Но наш Денис святцев не знал, потому он повторил только: — Двадцать четвертого сентября...

Сказал и пожалел. У самого холод прошел по спине, а бедная кесарисса стала как будто ниже ростом и пышные ее ризы готовы были свалиться.

— Через день...

Там, наверху, на пружинящем тросе тонконогая и вся в блестях женщина — диво не диво, звезда не звезда — грациозно выступала в замысловатом танце. А здесь раздавленная несчастием безобразная царевна ломала и тискала себе пальцы.

— Откуда ты узнаешь это? — хрипло спросила она.

— В том мире, — не зная, как объяснить популярнее, Денис указал вверх и это пришлось как раз на плясунью, идущую по тросу, — я читал тогда исторические книги... Например, некий Никита Акоминат из города Хоны...

— Знать я не знаю никакого Никиту. Но пусть свершится все так, как судил нам Бог.

Обвела вокруг растерянным взглядом, как бы никого не видя, и взор ее наткнулся на мужа, который самозабвенно следил за небесной стрекозой, даже раскрыл зубастый свой рот.

— Райнер! — топнула Маруха. — А ты почему не на императорском месте?

Она даже ударила его перчаткой по губам, после чего кесарь поспешил захлопнуть челюсти. А Маруха, не зная, куда бы истратить внезапный выброс энергии, отобрала

у ближайшего гвардейца его лук из красного дерева с тетивой, перевитой серебряной нитью. Гвардеец не посмел отказать царской дочери, а она вдобавок вытащила из его колчана оперенную острую стрелу.

Приложилась, аккуратно целясь в танцующую на тропе и уже достигающую конца девушку.

— Вседостойнейшая! — первый министр Агиохристорит пал перед ней на колени и других жестом пригласил сделать это. — Если ты, не дай Бог, попадешь в плясунью, народ разнесет нас в клоки!

Подбежал и Райнер, путаясь в полах пышного облачения с пальметтами. Схватил кесариссу за локоть, но она отстранилась.

— Бойтесь кровопролития? — саркастически усмехнулась она. — А сами его устраиваете? Не бойтесь, православные, я только поугаю немножко.

«Ну, артистка! — подумал Денис. — Она же здесь и чемпион по стрельбе из лука».

Стрела запела, и натянутый трос со звоном лопнул. Плясунья же успела как раз дойти до башни и исчезла где-то там на площадке. Народ ничего не понял и вновь бушевал в восторге, тем более что мощный бас глашатая объявлял:

— Несравненный, превосходящий всех, единственный в своем роде ездок Антиппа!

— Ан-тип-па! — подхватили зрители.

Денис не стал больше испытывать судьбу и поспешил спрятаться за спины гвардейцев и придворных. У выхода он столкнулся с маленьким Фармацевтом.

— Зачем ты это сказал?

— Что сказал?

— Марухе сказал, я же все слышал.

— Про смерть Мануила, что ли?

— Тш, тш! Да!

— А что же я должен был сказать?

— А верно, что же ты должен был сказать?

— Вот именно.

— Так, значит, это правда, что ты сказал?

— Еще хуже, если бы это была неправда.

— Да, да... Ой-ой-ой! — Бедный Фармацевт зажмурил глазки и схватился за сморщенные щеки. — Ой, что же теперь делать?

— А что надо теперь нам делать?

— Ой, да мне-то что, я раб, рабом и останусь... А что теперь делать тебе?

— В каком смысле?

— Очень просто. Как ты не понимаешь? Тебе будет плохо, если он умрет, как ты предвещал, и тебе же будет плохо, если он не умрет, как ты предвещал!

Денис и сам понимал, что ему будет очень непросто. Какой-то благожелатель спешил информировать Фармацевта, который был здесь знаком, наверное, со всеми. Кесарисса приказала за врачами следить.

Они вышли из ворот Большого Цирка, площадь была пуста, драма еще докипала на скамьях амфитеатра, где царил теперь наездник Антиппа.

— Скажи-ка, благодетель,— обратился Денис к маленькому врачу, чья вечная информированность и всемогущество начинали раздражать.— Где этот монастырь Пантепоптон, куда, ты говоришь, заключили эту... Фоти?

— Что ты хочешь делать?— ужаснулся Фармацевт.

— Ничего особенного. Ты же сказал, что кто-то обещал дать хрисовул на ее освобождение. А мы посмотрим, может быть, можно забрать ее там и без хрисовула... Пойду прогуляюсь, поразведую. По карте из энциклопедии я помню, он где-то тут, возле ипподрома.

— Как ты не боишься кары людей!— сложил ручки Фармацевт.— Ты, наверное, сам бессмертный?

7

Монастырь Пантепоптон, как и предполагал Денис, оказался в самой близости от Большого Цирка. На одной из улочек, сбегавших от центра к пристаням Южного Порта мимо унылых и глухих кирпичных стен ипподромных конюшен, возвышалось это строение какого-то греко-египетского стиля. На нем очень давно, видимо, еще в эпоху борьбы с язычеством, были сколоты скульптурные лики Изиды, а нового ничего не наваяли. Довершали эту картину запустения молоденькие деревца, привольно росшие прямо на крыше монастыря.

Окон, как водится в Византии, на фасадной стене монастыря не было, одни закрытые балконы. Однако, прохаживаясь мимо, Денис явственно слышал пение молитв, согласный девичий хор, возгласы диакона, даже чувство-

вал упоительный запах ладана. Но как ни странно, входа в здание Денис так и не обнаружил.

Тут на ипподроме окончился заезд, конечно, победой пресловутого Антиппы. Народ повалил валом, подсчитывая прибыли и убытки. Значки синих и зеленых, брошенные прямо на ходу бывшими их сторонниками, чуть не устлала мостовую. Какие-то юнцы, провозглашая политические лозунги, которых они вдоволь наслушались в цирке, пытались по молодости лет громить встречные киоски и будки, но бдительные сикофанты — охранники улиц и рынка быстро привели их в чувство.

Денис отошел в сторонку и тут же поспешил скрыться за толстым стволом старого осокоря. Посреди улицы, не обращая ни на кого внимания, быстрым шагом в развевающихся одеждах шел пират Маврозум, одноглазый! Да, да, тот самый, который захватил баркулу Сикидита на ее пути в столицу, который посадил Дениса в рыбий ящик, а потом продал Контостефану, тот самый, который похитил девушку, оказавшуюся теперь Светкой Русиной или не Светкой, но неважно — похожей на нее.

За Маврозумом столь же бесцеремонным шагом, словно волки на овец, двигались его приспешники. А близ самого Мавра попевал веснушчатый и агрессивный старый знакомый — Костаки, тоже таинственным образом связанный с похищением Светки.

— Куда же она, сто чертей, куда же она могла деться? — выговаривал ему одноглазый шеф. — Хорошо ли ты расспросил в артистической уборной? Ты хвастался, что у тебя служанки матери Фамари чуть ли не родственницы. И она в артистическую уборную совсем не приходила? Этого не может быть!

Костаки оправдывался, божился на виднеющиеся купола Сергия и Вакха, а пират сверлящим глазом зорко осматривал все встречающиеся закоулки улицы, бегущей в порт.

Денису не хотелось попадать в поле зрения к ним, и он зашел в первый встречный полуподвал. Это было заведение общественного питания — фускария, в котором владычествовал веселый кавказец Малхаз. При помощи расторопных мальчиков он поил винами, кормил козлятиной, угощал устрицами, лакомил сладкими лепешками, насыщал медовой сытой.

Признаться, в хорошем обществе не принято было хвастаться тем, что бываешь у Малхаза. Но Малхаз и не

нуждался в клиентах безупречной репутации, у него праздновали свои победы знаменитые гонщики, делили барыши короли перекрестков, встречались лица со столь зверскими физиономиями, что пропадала всякая охота узнавать, кто они. Может быть, потому у Малхаза бывали, в масках, конечно и с надежной охраной, и столпы придворной репутации, но об этом, конечно, ни-ни...

Прежде чем спуститься в фускарию, Денис снял и спрятал свою офицерскую цепь. Теперь только хламида — плащ с пурпурной каймой свидетельствовал о его магистерском звании. Расставаясь, Фармацевт отдал ему кошелек, который вместе с прочим довольствием получил на него в дворцовом ведомстве. Фармацевт при этом ворчал, что, мол, чиновник — скряга, напихал достойнейшему человеку в кошелек одних медяков!

Затем этот любитель поворчать высказал такую сентенцию: благородному человеку кошелек носит за ним его раб! Когда получишь грамоту на звание магистра, покупай себе раба, чтобы везде быть принятым сообразно твоему новому сословию. Час от часу не легче!

Фускария была полна. Народ обсуждал политические и ипподромные вести. Свободные места водились только возле гулящих девушек, которые поджидали там кавалеров. Отыщется таковой — они с ним платком отгородятся, там уговариваются насчет гулянья.

Денис прошел в самый конец зала, места не находилось. У кирпичной торцовой стены имелся маленький столик на двоих, но за ним сидела женщина, другое место было свободно. Женщина сидела, накрыв голову платком, а Денис еще не знал обычая, что, если женщина пришла в фускарию гулять, ее узнавали по непокрытой голове. Если же на ней был хоть платочек или кусочек кисеи — она не гулящая. Денис поэтому сел на свободный стул.

— А если это место занято? — спросила визави.

— Я освобожу, — кратко ответил Денис. Он устал, да и неплохо бы подкрепиться. Несмотря на всяческие потусторонние приключения, утроба требовала свое.

Женщина хотела спорить и даже обернулась, ища поддержки у хозяина (никакая женщина, не имея знакомств у Малхаза, не рискнула бы к нему прийти одна). Но взглянула на лицо Дениса и заинтересовалась им.

Во всех концах фускарии бурно обсуждался прошедший заезд. Синие, мол, всех возникших подкупили, только чтобы не обгонять их великого Антиппу!

— Сколько бы сейчас могло быть времени? — спросила визави и вздохнула: — А я все без движения!

Денис, которому расторопный малхазянин принес вино и кувшин с родниковой водой для смешивания, постарался не реагировать на переживания визави. Завязывать связи с девицами он не хотел.

А кругом разгорался серьезный политический скандал. Сторонники зеленых обвиняли Маруху и Агиохристора в том, что они будто бы хотят отстранить от престола наследника, царевича Алексея. Прасины, наоборот, клеймили царицу Ксению-Марию, что она будто бы при живом муже живет в открытую с его племянником прото-севастом Алексеем. Денис напрягал память, представляя себе когда-то читанные исторические книги. Сбивала путаная система византийских имен и фамилий. Впрочем, фамилий в нашем понимании этого слова там не употреблялось. Были династийные, клановые прозвища, а личные имена, особенно в царской семье, зависели от моды. Был великий Алексей Первый, восстановитель могущества, родоначальник династии, теперь подряд все царевичи именовались Алексеи.

Визави — женщина напротив — поддерживая платочек под подбородком, нагнулась под стол, словно бы ошупывая себе ногу... Легкое вино шумело в голове. Денису было хорошо от одиночества. Любопытно, что там (хотелось показать пальцем наверх) он никогда не испытывал чувства одиночества, всегда и везде кругом был какой-то народ. Оказалось, одиночество — это очень лирично и чувствуешь себя как беглец, который всем одинаково чужд...

Стучись! Вот сумрак, непогода,
Сгрудились беды всех мастей...
Где милосердие народа,
Где снисходительность властей?

Самих небес враждебно лоно,
А безобразий — легион.
Когда ты где-то вне закона,
Пусть будет проклят сам закон!

За дверью голос серебристый,
Часов домашний слышен бой.
А ты — пугающ и неистов,
Стучись, и да Господь с тобой!

И хоть безмолвны эти ставни
И лай овчарок позади,

Ты из веков явился давних,
Рви двери с петель и входи!

— Что с вами, милая девушка?— спросил все-таки Денис свою визави.— Не повредили ли вы ножку?

— Вы очень догадливы, господин,— ответила она без кокетства, видимо, ей действительно было больно.— Такое несчастье.

Фускария принялась обсуждать, зачем domestик Врана прибыл в столицу и означает ли это введение войск. Денисова соседка печально усмехнулась и смотрела на него огромными темными глазами.

— Ты врач?— вдруг спросила она.

— Почему ты так думаешь?

— Ты очень профессионально смотрел, когда я ногу растирала.

Денис хотел сказать с усмешкой, что теперь в известной мере врач, но подумал, что и слов таких греческих не подберет, и просто предложил ногу посмотреть.

Незнакомка выпростала босую ножку, худую, но очень пропорционально сложенную, и положила к нему на колени. Денис отметил еще и крупноватую ступню и подумал: типичная нога балерины или циркачки. Большим пальцем он ощупал сухожилия. Девушка ойкала, но мужественно терпела. Закрытых переломов он вроде бы не обнаружил. Их институтский физорг сказал бы: два-три массажика, тренировочка — и Вася!

— Где это тебя?— спросил он, отпуская ногу.

— В небе!— уже весело сказала она, показывая в улыбке черные от сластей зубы.— Среди звезд!

«Ах, так ты и есть танцовщица по канату,— стал догадываться Денис.— Это в тебя, значит, выстрелила коварная Маруха! Сейчас станет прищипливаться к нему. Хватит ли всего кошелька дворцового ведомства?»

Но она просто спросила, как его зовут.

— Денис.

— Какое звонкое имя! Как звук трубы!

— Спасибо за комплимент. А тебя?

— Астрон.

— Звезда? Тоже красиво. Но это, вероятно, сценический псевдоним. А как твое христианское имя?

Денис смотрел на ее нестандартное лицо с тонким носиком и почти сросшимися черными бровями. Неподвижные глаза состояли из одних зрачков и там возникало и копилось доверие.

— Зови меня Токи, то есть Теотоки. Но это только для тебя, молю, никому не разбалтывай! Это имя никто не должен знать.

— Барышня! — вдруг раздался за их спинами властный бас хозяина заведения. — Если уж ты без платка сидишь, как условлено, плати-ка царский налог!

Они и не заметили, как в пылу врачебного осмотра платок сполз на плечи Теотоки. Денис стал вынимать из-за пазухи всемогущую золоту цепь таксиарха. Малхаз слегка поклонился этой цепи, он сказал жалобно:

— Я бы, господин, к вам и не приставал... Но сборщики налогов, они с меня кожу снимают!

Денис спросил, сколько этого налога платить, и, раскрыв ведомственный кошелек, рассчитался.

— Боже, какой стыд! — Теотоки даже закрыла глаза ладонью.

— А нельзя ли отсюда перебраться в другое место? — поинтересовался Денис.

Гордый Малхаз отошел от них, колыхая жирной спиной и заявляя в пространство, что он ведь и любого офицера может выкинуть отсюда... Споры за столами достигли апогея. Кто-то запустил кружкой в политического противника, его стали умирять, топот плебейских сапог сотрясал фускарию.

— Где ты живешь? — спросила Теотоки.

Где он живет? А вот об этом он до сих пор не задумывался. Где-то живет.

И вдруг он увидел вновь людей, с которыми никак не хотел бы встречаться. Между столиками проходили, заглядывая в лица сидящих, одноглазый пират Маврозум в роскошном тюрбане, с ним его приспешники и неразлучный Костаки, целеустремленный, как лисенок.

— О! — забеспокоилась Теотоки. — От них бы мне подалее!

Короче говоря, они оба хотели бы скрыться отсюда, но было поздно. Маврозум решительно к ним продвигался, даже заглядывал бесцеремонно под платки целующихся парочек.

— Оплошал ты, Костаки! — продолжал он пилить своего адъютанта. — И напрасно твой учитель Сикидит хвалил тебя, как самого расторопного, зря.

Тогда Теотоки кинулась к Денису, почти села к нему на колени и накрылась с ним своим платком.

— И тут парочка! — воскликнул Маврозум. Но при-

поднимать платок у них не стал, потому что усмотрел на тунике Дениса пурпуровую полосу магистра.

Они ушли, пересекли обратно пространство фускарии. Малхаз почтительно раскланялся с ними. Поднялись наружу по ступенькам—Маврозум, зло блистая острым глазом, за ним хищные приспешники и веснушчатый Костаки.

А Денису и Теотоки не хотелось выбираться из-под платка. Удивительно нежно она обняла его за шею—никто в жизни его так еще не обнимал!—и прижалась к нему лбом. Денис видел ее серьгу—модную, в виде большого кольца из конского волоса, и край глаза, подрагивающий от волнения.

Пахло лавандой, теплым запахом женской кожи, бедный Денис совсем оцепенел. И вдруг, теряя разум, положил руку ей на грудь. Под шелковым платьем ощутил упругость и мягкость одновременно.

— Не надо,—еле слышно сказала Теотоки и прижалась к нему.—Слышишь? Не надо!

Так они сидели под платком неизвестно сколько, и вдруг Теотоки спросила:

— А ты не тот, который пришел из Львиной ямы и исцелил самодержца?

— А откуда ты догадалась об этом?

— Не знаю, ах, не знаю! Но я ждала тебя всю жизнь! Хоть мне и сулила мать наша в цирке Фамарь, она же гадалка, ты знаешь? Что я не выйду замуж за любимого человека!

Сняла платок, взялась поправлять ресницы из туалетной коробочки, а Денис оглядывался, не было ли какого-нибудь скандала. Но спорщики прасины с венетами выбежали на улицу и в фускарии воцарилась пристойность.

— Такова судьба всех римлянок,—обреченно сказала она.

8

Выбрались наружу через кухонную дверь, почти ощупью шли по переулку, в котором не светило ничего, кроме небесных звезд, и попали на ярко освещенный проспект.

Теотоки замотала платком голову, как это делают агарянки, только глаза блестели. Положив руку на плечо

Дениса, она опиралась на него при ходьбе. Можно было подумать — гуляет себе парочка.

Освещенная масляными лампами улица поднималась к Августеону — центру столицы. По ее торцовой мостовой стучало множество каблуков. Вверх от пристани гурьбою шли матросы в соломенных шляпах, вереницами портовые грузчики в фартуках, толпою расторговавшиеся разносчики с пустыми лотками.

А навстречу валили к морю с песнями и звоном струн гуляющие, главным образом иностранцы. Девушки веселые, со смело распущенными волосами, музыканты, певицы, наемные факелоносцы.

Теотоки уговорила с Денисом, что он ее переведет через Августеон, где за Святой Софией улочка Сфоракия, а там ее дом. Терзалась, что хромает, причиняет ему неудобство.

— Молчи, молчи, — подбадривал ее Денис.

— И как это все получилось? Я уже была на конечной площадке, вдруг эта стрела... Вообще-то это не иначе чья-то подлость!

— Шагай, шагай!

— Ведь я могла бы заказать экипаж или носилки. А я заставляю тебя.

— Ты не заставляешь, я добровольно.

Они вышли на угол улицы, и перед ними открылась панорама Августеона с могучим, как гора, куполом Святой Софии. Посреди огромной площади высился довольно угрюмый портик, в котором, по преданию, Константин положил камень в основание столицы. В ночной тьме чудились фасады ведомств и колоннады дворцов.

А площадь была залита светом, и это удивило Дениса, ведь Византия, конечно, не знала ни газа, ни электричества. Но каждая лавка и каждый подъезд обязан был вечером выставлять по нескольку огней — масляные плашки, светильники, вроде чайничков, просто свечи, горевшие в фонариках из пергамента. Прототип нашей иллюминации. На благословенном юге какие же ветры? И тысячи огоньков слабо мерцали от движения воздуха, и картина была феерической.

— Ты ведь чужеземец? — спросила Теотоки. — Я сразу догадалась. Признай — какой у нас город... Красота!

Денис признал, что красота.

Перед ними, по так называемой Золотой Площадке,

взад и вперед двигалась расфранченная толпа. «Это у них Бродвей,— подумал Денис.— Или Невский».

В этом сезоне столичная молодежь, которая везде и всегда готова эпатировать публику, пользуясь к тому же и некоторым ослаблением надзора во время болезни Мануила, на Золотую Площадку выносила наряды из Венеции. То ли именно потому, что с Венецией был разрыв отношений у мануиловского правительства, то ли потому, что на фоне балахонообразных скарамангиев, расшитых шелком и парчой, итальянские легкие трико и распашонки выглядели революционно. Многие из торговцев обогатились, ввозя с Запада новые моды.

Отличился прыщавый Мисси Ангелочек, который расхаживал в обтягивающем ляжки трико, плащике до пояса и огромной шляпе с пером. Завидев его, Теотоки отвернулись:

— Этого я тоже не хотела бы видеть... Видишь, как много, оказывается, у меня знакомых.

Денис вывел ее на угол улицы Зевксиппа, где были фешенебельные бани и дорогие гостиницы. Теотоки пожелала отдохнуть. Там стоял каменный куб из черного нефрита в человеческий рост — измерительный знак, миллиарий, отсюда начинались все дороги в Римской империи. Бесцеремонная молодежь забиралась на него со своими подружками, грызла орехи, свистела в четыре пальца. Денис одним махом посадил туда Теотоки.

— Да ты силач! — восхитилась она.

Денис даже купил у назойливо жужжавшего лоточника сладкие финики и галантно ей преподнес. Сам подумал: будто где-нибудь на танцплощадке в Парке культуры.

— Как ты странно говоришь, — сказала она. — Физорг, прототип, амфитеатр. Слова вроде бы наши и не наши. Теперь у нас много живет славян, франков... Но ты не болгарин, не далмат по выговору. Откуда ты прибыл? Может быть, ты русский, русич? Тавроскиф — как пишут историки?

— Может быть, — смеялся Денис. Толпа притиснула его к миллиарию, он взял в обе ладони ступню Теотоки, чтобы уберечь ее в случае чего, а сама Теотоки весело перебирала его светлые волнистые волосы.

Со стороны главной улицы — Срединной Месы раздался дикий крик сотни глоток. Неугомонные венеты, которые никак не могли смириться с победой Антиппы и отстранением от власти протосеваста Алексея, кого-то там

лупили и жучили на перекрестке. Спешили сикофанты с ореховыми палками, грохоча, прокатилась деревянная клетка, чтобы сажать провинившихся.

Элегантную молодежь в парчах и шелках как ветром сдуло. Денис забеспокоился, как они теперь переберутся через Августеон, там стражники уже выстривались цепью.

Тут мимо проезжал какой-то наемный экипаж, запряженный парой мулов, и Денис хотел его подозвать.

— Ты с ума сошел! — остановила его Теотоки. — Завтра об этом будет знать весь город.

— Ах, вот как? — Денис начинал обретать всегдашнее свое равновесие. — Мы, оказывается, так знамениты?

— Нет, — запальчиво ответила она. — Но я же невеста. — И осеклась, положив себе палец на губы, смущенно глядя на Дениса. — Да, я невеста, что ж такого? А у тебя, мой новый приятель, у тебя есть невеста?

Денис понял, что вдохновительный их контакт кончается, иссякает сердечная нить...

В это время варвары-стражники налетели на миллиарий, сгоняя оттуда кейфующую молодежь. Заработали жезлы из ореховых палок.

Свирепый какой-то печенег в кувшинообразном полицейском шлеме занес палку и над Теотоки. Денис поспешил снять девушку и загородить собой. Стражник ухватил его за полу плаща.

Что оставалось делать? Денис достал из-за пазухи и показал ему царскую золотую цепь. Эффект снова был безошибочным — печенег рассыпался в извинениях, а его коллеги, забыв на минуту о погоне за непослушными венетами, вытянулись перед Денисом во фронт и отдали честь по-римски, то есть подняв ладонь вперед и вверх. Денис не без усмешки отпустил их величественным кивком головы.

Они потихоньку достигли Святой Софии, ее величественных контрфорсов, обогнули какую-то базилику и стали ковылять по полутемной и кривой улочке Сфоракия, их ждало новое приключение.

— Всеблагороднейшая госпожа! — раздался каркающий голос пирата Маврозума, хриплый вопль не то торжества, не то мольбы. — А мы тебя ждем уже не первый час!

Не желая быть узанным этими людьми, Денис достал свою форменную белую магистерскую шапочку-лопушок, которую носил в поясе, и нахлобучил себе почти на нос.

Но пират и так бы не обратил на него внимания. Весь в умилении он так и подсакивал вокруг Теотоки:

— Ах, госпожа! Да что же вы одна, без служанок, без свиты! Да пожалуйста же сюда, вот для вас носилочки... А что у вас, ах-ах, с ножкой?

— Но вот же мой дом, уже за поворотом! — смеялась Теотоки.

— О всещедрейшая, вот носилочки, вы садитесь, мы доставим!

Садясь в носилки и пока пират предупредительно поддерживал ее за локоть, Теотоки говорила Денису:

— Так надо. Я найду тебя в ближайшее время, и мы увидимся еще.

— Я привезу врачей! — кудачтал тем временем Маврозум. — Я пошлю в Смирну, в Коринф! Я достану лекарства...

И носилки пирата, подхваченные на могучие плечи гребцов, исчезли во тьме переулка Сфоракия. Последним пробегал лукавый Костаки, который на бегу обернулся и показал Денису длинный нос из пальцев.

9

«Сладка жизнь повелителя! — восклицала некогда легендарная Феодора, уговаривая струсившего мужа не спасаться бегством, а драться за престол. — Кто отказался бы добровольно от роли божества, каждое мановение которого священо?»

Могущественнейшие самодержцы мира, гордо именующие себя римскими императорами, имели, конечно, не единственный дворец. В тенистых рощах Дафны — красивейшего приморского уголка, на солнечных склонах Магнавры, где статуи античных богов перемежаются с тропическими растениями, на причудливых лестницах Вуколеона высились роскошные чертоги царей.

Каждый новый основатель династии, какой-нибудь бывший конюх или зверолов, воздвигая храмы в честь святых и угодников, которые, как он думал, помогли ему взобраться на престол, не забывал и о себе.

Пусть трещали финансы, голодал народ, кровавыми слезами обливались рабы, пахарь в отчаянии, погоняя тощих быков, ковырял скудную землю, но дворцы росли неуклонно, зодчие изощрялись, выдумывая портики и архи-

травы, чеканщики украшали стены барельефами из чистого золота, а техники в свинцовых трубах проводили холодную и горячую воду...

Умирали громовержцы, мельчали их потомки, скудело государство. Разъяренный народ свергал одну династию и возводил другую. Ветшали и разваливались чертоги, построить заново было дешевле, чем восстановить дивные фрески и мозаики. Высились пристанища диких кошек и голубей, пугая население пустыми проемами окон и арок.

А ведь для обслуживания царственных жильцов и для поддержания в исправности чудес техники и искусства во дворцах этих проживало, кормилось, обогащалось громадное количество придворных, челяди и слуг. И всех их кормил нищий народ.

Так размышлял наш Денис, поднимаясь по дежурной лестнице Большого Дворца от единственного входа, который был открыт всю ночь. Он предъявлял свою цепь, и его пропускали без задержки. Шла смена караула. Таксиархи и центурионы, в белых хламидах с пурпурной полосой и золотой цепью, как у Дениса, проводили развод караула. Воины в шлемах с перьями маршировали как заведенные, молодежато ударяя копьями в пол.

«Эта строевуха здесь поставлена о'кей!» — отметил Денис. Он в свое время «оттянул» офицерскую подготовку после университета, предлагали ему и в армии остаться, хотя, казалось бы, на что им археолог?

Кончалась вторая стража ночи, светильников в коридорах сильно поубавилось, шагающей толпы уже не было. Но то и дело проскакивали озабоченные скороходы или буфетчики с подносами, вбегали и выбегали между вросшими, как столп, часовыми.

Денис чувствовал себя разбитым, еле шел, с иронией удивлялся себе, что, даже протиснувшись в щель мироздания, еще сохранил способность передвигать ноги. Раза два заблудился, пошел было не в том направлении... Спрашивать не у кого, да здесь и не принято было ничего спрашивать.

И вот странно! Очутившись в таком неправдоподобном сне бытия, пройдя через такие физические и нравственные мучения, он чувствовал себя в полном порядке, как будто бы все, что с ним случилось, и должно было случиться.

И по молодости его возраста, и по его силе и здоровью ему, конечно, думалось о девушках.

Были ли у него в прежней жизни девушки? Конечно! Одна даже, когда он в армии служил, была такая безотказная толстушка и поговорка у нее была забавная: «Жить-то как-то надо!» До еды дело дойдет, до выпивки или до любви, она все свое: жить-то как-то надо!

Но он не слишком увлекался. Так, пригласит в кино или на дискотеку, домой проводит... Мать говорила, не знаю, в кого ты такой бесстрастный, это, мол, у нас в крови. Мы все как будто равнодушные, а потом влюбляемся уж вроде катастрофы!

Студентка Русина произвела на него впечатление больше всех остальных, даже непонятно почему, все-таки Денису иной раз такие заковыристые красотки попадались. А эта, белокурая тихоня, вероятно, тем взяла, что уж как-то была по-особому и приветлива, и мягка, и непреклонна одновременно. Будущая хозяйка и мать так и глядела из ее светлых глаз, а Денисова мама как раз и предвещала: ты влюбишься только тогда, когда придет тебе твой черед вить свое гнездо... Но между сэнэсом и практикантом в экспедиции была дистанция, как между каким-нибудь протосевастом и дровяником из порта. Однако симпатия, симпатия — возникла и распускалась, как цветок!

И все оборвалось, как в черный провал. Теперь еще загадка — она это или не она в той девушке, которую украли пираты? Которая теперь, по словам, живет в монастыре Пантепоптон... Светка это или не Светка — он так и не мог решить. Она же ведь его не признала!

Проказник Костаки проговорился, будто чародей Сикидит тоже сейчас находится в столице, но, не желая явиться ко двору с пустыми руками, где-то в глубоком подполье перетаскивает в сей мир новых бедолаг...

Денису снова стало смешно и странно: значит, кроме него сюда перетаскивали и Светку?

Во всяком случае, это он не просто чувствовал или считал обязанным — он просто знал. Он знал, что обязан разузнать все про Светку Русину, все. И, если это надо, сделать попытку ее освободить.

А эта Теотоки из головы прямо не идет. Против воли, а все время видит ее глаза — затаенно страдальческие, просветленные, как с древних икон. Вот с таких византиек древние богомазы писали свои образа!

Опять он усмехается, а чего усмехаться? Он жив, мо-

жет ущипнуть себя — не спит. Жив, значит, надо жить. «Жить-то как-то надо!»

Вот наконец его кувикула. Он и забыл совсем, что у него теперь есть и пристанище, и домашняя хозяйка, то есть верный слуга Ферруччи де Колон, большая зеленая лягушка. Вот и он, бывший скороход, не спит, ожидает хозяйна. Экономно жжет одну дворцовую свечу. В кувикуле вкусно пахнет жареной печенкой.

— Что это у тебя тут?

— Как что, господин?

— Боже, гробы какие-то, сундуки...

— Никак не гробы, это мебель, синьор.

— Да на что же мне мебель, да еще в таком количестве?

— О, всемилостивый, пока тебя дома не было, я тебе верно служил. Я отправился в дворцовое казначейство, там все скряги такие, вымогатели. Но с Ферруччи им не так легко справиться. Я взял с собой и те бумажки, которые тебе твой коллега принес, Фармацевт. Они уже уверяют, что бумажки эти недействительны, надо хрисовул выправлять отдельный, указ...

— Ну, говори, говори быстрее, я устал.

— Грамота нужна от великого хартуллария! Короче говоря, я даже денег у них выцыганил на твоё домашнее обзаведение. Мне тут помог, есть один такой Телхин, профессиональный клеветник...

— Постой, постой! — Денис уже начинал раздражаться. — Не таранти! Профессиональный клеветник, это что за фигура?

— Да, да, правда, он бывший. Служил обличителем в суде, потом был изгнан по подозрению во взятках, но это ложь, так как он честнейший человек! Теперь пенсионер, но дает консультации, этакая многодетная пивка.

— Час от часу не легче! Клеветник, обличитель...

— О, синьор! В этой Византии чего вы только не найдете!

— Ладно, а сундуки, сундуки-то зачем?

— Как зачем! — Ферруччи всплеснул тоненькими ручками и выпучил глаза, действительно как лягушка. — Сейчас они пустые, потом тебе станут присваивать новые звания, люди начнут нести тебе благодарности и приношения, куда их станем класть?

Денис понял, что спорить здесь бесполезно.

— Короче. Пожрать у тебя есть?

Ферруччи горестно ударил себя в лоб и кинулся готовить, подавать. Принес в тазу воды умыться, вспомнил про полотенце, бросился за ним, наступил в тот же таз, завертелся, роняя вещи на пол.

— Ферруччи! — успокаивал его Денис.

Ферруччи усадил синьора на резное вычурное кресло из числа им благоприобретенных, спинка его изображала не то льва, не то скорпиона. Ужин был царский — жареная печенка, сладкий фиолетовый лук, бобы во вкуснейшем соусе и целое блюдо разнообразных фруктов. На десерт предлагался кувшин, как говорится в романах, доброго вина.

— Живем, Ферруччи? — подмигнул ему Денис.

— Живем, синьор! — воскликнул тот, обрадованный неожиданной лаской.

Пока Денис добросовестно уничтожал все это, Ферруччи пританцовывал вокруг, заглядывал в глаза. Денис догадался, что надо и поощрить промыслового слугу, сказал ему спасибо. Ферруччи расцвел, как неаполитанская роза.

— А теперь я повинюсь — часть денег я истратил на себя.

— Ну и что? — великодушно сказал Денис.

— Нет, ты взгляни, взгляни на меня, неужели ты ничего не заметил?

— А что я должен заметить?

— Ах, Боже ты мой! Да я ведь без лягушачьего наряда, ты не замечаешь?

— И правда, ты не зеленый.

— Вот, вот... Я теперь не ведомству дворцового эпарха, теперь я служу тебе.

— Ну и хорошо. Я тобою доволен.

— Да ведь и одежда мне теперь положена другая!

— Ах, вот оно что!

— А во дворце говорят, что ты будто бы приехал в столицу с разбойником Маврозумом и по рождению скиф.

— Что, что?

— Скиф!

— Почему именно скиф?

— Или тавроскиф, они где-то друг возле друга обитают... Вот, если ты не будешь возражать, я сделал себе на скорую руку скифский костюм.

Тут только Денис заметил, что трудолюбивый предок Колумба сменил свое прежнее трико и шляпочку вестника

богов на какие-то бесформенные хламиды, в которых он похож на провинциальную бабушку или кочан капусты.

Усталость брала свое, сытый, он улыбался, Ферруччи хлопотливо подкладывал ему подушки. Задул фитиль чайничка, и в тот же миг сон отлетел прочь, как будто его и не бывало. Прожитый день вновь проворачивался жерновами в утомленном мозгу.

Старый хрыч в глубоком подполье где-то творит свои бесовские шашни, прячась от стражей царского уха и патриаршего глаза. Вдруг мысль неожиданная обожгла: а что, если заставить пресловутого Сикидита все эти запрограммированные оккультной наукой манипуляции произвести в обратном порядке? Попадет ли он, Денис, на тот свет так же, как попал на этот? Или наоборот — на этот свет так же, как на тот?

От этой мысли холодно стало в груди. А вероятность попадания? А не расчленишься бы, не распластаться среди сходящихся плоскостей бытия? Не попасть бы в какой-нибудь другой год, например, в 1937-й!

Мысли путались, а сон не шел. Чудился тонкий запах лаванды, смешанный с чем-то неведомым и волнующим. Денис даже не мог вспомнить, в чем она была одета, кроме того платка в фускарии Малхаза. Платье, то есть стола, совсем простое, с вышивкой какой-то, рукава буфиками до локтя, обнажавшими грациозные руки. На плечи накинут лор — так, что ли, он называется? — узкий шарф с узорами и гербами.

И он уже все-таки засыпал, как услышал чей-то рыдающий крик снаружи. Предок Колумба в прихожей засуетился, вскочил. Тысячи ног бежали по коридору, как табун лошадей.

— Он умер, он умер!

Вбежал врач Фармацевт, держа шапочку-тимпанчик.

— Боже милостивый, он умер!

— Да кто умер, кто умер? — не понял спросонок Денис.

— Ну кто же умер? Мануил умер, его величество, боже правый, он умер!

Врачи, конечно, оказались вновь под стражей, и Фармацевт умолял Дениса не соваться, переждать лихое

время. Но тот, повторив, что он не врач, а еле-еле прогнозист, то есть даже не предвещатель, пошел бродить по залам, до отказа наполненным придворными, в надежде где-нибудь встретить кесариссу Маруху. Он ее боялся не больше, чем какую-нибудь андерсеновскую Снежную королеву, а ведь обещала она отпустить Фоти или кто у них теперь под этим именем...

Как ни странно, колокола и звонницы молчали, ничего не извещая о кончине монарха. Духовенство, надев скорбное облачение, толпилось на клиросах, не приступая к заупокойной службе. Медники бросили свои молотки, а шорники свои шила и стояли посередь улиц под мелким дождем, будто ожидая знаменья с неба.

Высший синклит империи собрался вокруг одра, где лежал усопший, уже не в порфировой зале, а просто там, где застигла его разрушительница всех надежд и разрешительница всех противоречий. Патриарх уже не раз вопрошал министров и царскую семью — начинать ли? И высшие чины империи находились в таком разброде, что никто не мог взять на себя смелость просто махнуть рукой...

Зеленые осмелели, стучали посохами, требуя вернуть к власти протосеваста Алексея. Прасины отвечали недружно, да к тому же новость у них открылась сногшибательная — первый министр Агиохристофорит перешел на сторону зеленых и тоже требовал возвращения протосеваста.

— Где ж его найти-то? — спрашивал в толпе придворных верблюд Феодорит, которого еще именовали светлый старец. — Небось Мануил перед кончиной так его куда-нибудь записил, что его и не найдешь.

Слушая подобные разговоры и споры при дворе и чувствуя, как народ «зеленеет», Денис понимал, что готовится серьезная смена правительства, а про них, врачей, предсказателей и прочих, начинают забывать. Вдвоем с Фармацевтом они пристроились за медной витой колонной вестибюля, ожидали, что будет дальше.

К полудню солнце свежее, словно искупавшаяся богиня, вышло из пелены облаков и дождик прекратился. По анфиладам Священного Дворца прошел человек, при имени которого придворные зашевелились, как саранча в мешке.

— Врана! Разве он не в Болгарии?

Все чаще упоминалось имя принца Андроника, двоюродного брата царя, который все еще жил в ссылке.

Врана и другие генералы, приблизившись к смертному одру, отдали воинские почести императору, и тотчас суровый патриарх дал команду начинать службу. Загудели колокола Византии.

— Почтеннейший Дионисий из рода Археологов! — пропищал возле Дениса лягушонок, точно такой, каким еще недавно был его Ферруччи. — Извольте, господин, следовать за мной, порфирородная вас призывает.

В служебной комнате без окон, с тускло горящими канделябрами, Маруха в простом сером гиматии, похожем на рясу, решала государственные проблемы в полном одиночестве. Даже кесарь Райнер не решался нарушать ее уединения и обретался в прихожей с бравыми кавалерами из своего окружения.

— Мы сейчас уходим, — сказала она без обиняков, увидев Дениса. — Бог знает, когда свидимся.

У Дениса, по правде сказать, сердце екнуло. Он знал все эти средневековые штучки. Перед уходом возьмут да и зарежут.

— Спасибо за все, — пыталась улыбнуться она. — Хотя уж если ему суждено было умереть, пусть лучше умер бы в тот день, чем сегодня. Но на все воля Божья, а тебе спасибо за прямоту.

Денису и раньше было жаль Мануила, а теперь жаль и его дочь, но помочь-то он не мог никак.

— Я выполняю свое обещание о той девке, о которой ты просил. Которая в монастыре Пантепоптон. Вот грамотка, бери...

Денис несколько удивился ее обороту «о девке...». Ведь она подробно информирована о том, кто эта Светка для него, кто эта византийская Фоти. Но отнес это за счет тревожных дней.

— Теперь скажи, посланец небес, — прищурила она и без того пороссячи глазки. — А в какой день и час умрет мой супруг, кесарь Райнер? Говори, не бойся, дарую тебе жизнь.

— А зрение? — заявил спокойно Денис, хотя момент, надо признать, был рискованный. — А глаза? Вы, римляне, утверждаете, что не имеете права отнять жизнь, дарованную не вами, и сплошь да рядом отнимаете зрение — Божий свет!

И подумал: эх я разговорился!

А Маруха подняла на него голову и посмотрела с пронзительной опять же печалью.

— Дарую тебе и свет, симпатичный предвещатель! Живи, будь счастлив, только говори мне правду, мне только правда нужна.

Проклиная бывшее студенческое легкомыслие и непосещение семинаров, Денис накрепко всю память, мысленно пробежал и Успенского, и Каждана, и даже перевод Акомината.

— Кесарь Райнер умрет в будущем году. Придет узурпатор, и он умрет.

— А... я?

— И ты... Прости, ты умрешь с мужем своим в один день и один час.

Молчали, слышно было только похлопывание хлыстика по бедру Марухи. Из-за двери доносился гул придворной жизни. В памяти всплыло птичье имя... Да, да, странное имя, да— это оно!

— И вас убьет какой-то Птеригионит.

— Кто?— во всю мочу закричала кесарисса, вскакивая.— Не может этого быть! Ты лжешь, чужеземец, это все не так!

На счастье Дениса, дверь распахнулась, там стоял весь взмыленный, буквально с пеной на зубах кесарь Райнер, а за ним торчала растерянная свита.

— Скорее, всесветлейшая! Врана занимает все проходь! Скорее, лошади готовы!

Несмотря на всю суету, Маруха успела повернуться к Денису и одарить его улыбкой. Денис на всякий случай отскочил в сторону, и кесарисса со своими приспешниками унеслась прочь, как стая чертей.

А по залам дворцов, предшествуемая угрюмым Враной и жирным Агиохристофоритом, двигалась похудевшая и бледная, но все такая же белокурая и приветливая царица Мария, которая в девичестве звалась Ксенией. Она вела за руку юношу с невыразительным испитым лицом. Нижняя губа у него бессмысленно отвисала.

Высшие чины империи ликовали безмерно и провозглашали:

— Да здравствует император римлян Алексей Второй, сын Мануила, автократор, самодержец, христоролюбивейший во веки веков!

— Я нашел его, господин, вот он!

Костаки указывал на Ласкаря, который независимой походочкой приближался к Денису на перекрестке возле бань Зевксиппа. Бравый пафлагонец в последнее время приободрился, закрученные усыки торчат воинственно, хохолок и борода устроены по-модному.

— Слышите, Ласкарь, — сказал ему Денис. — Вы забыли? Мы идем в монастырь Пантепоптон с грамоткой кесариссы, попробуем вызволить вашу Фоти... Если так, как вы рассказываете, она только вас и должна признать, все остальные в ее представлении — недруги. Без вас никуда.

Отправились к монастырю втроем с Костаки. Возбужденный же Ласкарь никак не мог привести свои чувства в порядок: утром в своих постоянных хождениях он случайно попал в народные беспорядки. У него на глазах толпа громила дома чиновников, убивала людей.

— Только бы дорваться! — сокрушался он.

— А порфирородная Маруха и ее сиятельный Райнер укрылись у алтаря Святой Софии, — сообщил информированный Костаки.

— А нам дай Бог удачи в монастыре, — нацелил их Денис.

Костаки еще накануне было поручено узнать, где находится вход в этот таинственный монастырь. Тот порасспросил и узнал, что является он частью древних катакомб — подземного города под центром столицы, в которых теперь угнездились павликиане.

— Павликиане! — вскричал Ласкарь, воинственно распусшая усы. — Мой дедушка был павликианин!

— Ах, дедушка! — обрадовался Костаки. — Вот вы и докладывайте, раз дедушка. А я вообще не люблю всякую там ученость.

Денис с любопытством поглядывал на чудака Ласкаря. Он, правда, хорошо помнил павликиан по своим занятиям, но одно дело семинары и источники, а другое живой внук исторического персонажа.

— При чем тут ученость! — ворчал Ласкарь. — Павликиане очень многие вообще были неграмотные люди, темнота. Однако ратовали за справедливость, за всеобщее равенство...

— Чтобы все у всех отнять и на всех поделить! — захотел бесцеремонный Костаки. — Вот-вот! Это же

чистый грабеж! Так и мой хозяин Маврозум рассуждает, кровавая пиявка. И еще заявляет о себе: лучший, мол, павликианин это я!

Ласкарь был крайне недоволен, что дерзкий мальчишка, раб осмеливается вообще встречать в его, акрита, разговоры, да еще с уважаемым пришельцем из иных миров. Он принялся доказывать правоту своего дедушки, а Костаки подначивал, уверяя, что чистые разбойники они, эти павликиане, жители катакомб, хотя и прикрываются учением апостола Павла.

Этого уж благородный пафлагонец перенести спокойно не мог. Замахал руками, как ветряная мельница, выпучил глаза, стал похож на седого рака. Вокруг стали останавливаться прохожие, тем более запретная тема — павликиане. А Ласкарь живописал подробности по рассказам своей бабушки — деда-то он в живых не застал. У них и цари были свои, и целая армия. В походы ходили!

Денис пробовал его остановить — куда там! И про Фоти его ему напоминал. «Увлекающаяся какая натура», — думал Денис. Тем более под аккомпанемент иронии Костаки.

Пришлось Денису элементарно топнуть на него ногой. С этими взрослыми детьми надо было привыкать быть командиром.

Мимо них в какой-то ничем не примечательный погреб или кирпичный вестибюль спускались и оттуда поднимались самые обыкновенные люди.

— Кажется, пришли! — воскликнул Денис, и, поддаваясь всеобщей иронии, предложил: — Молитесь!

Но эти большие дети со всей серьезностью принялись молиться. Ведь они были из двенадцатого века!

Пройдя по кирпичным, а потом и мраморным полутемным переходам, они попали в какой-то зимний сад, открытую галерею внутри роскошного здания. Цвели кусты и благоухали розы, по выметенным дорожкам прогуливались монахини. Откуда-то из-за колоннады распространился запах вкусных блюд.

— Санаторий высшего класса! — определил Денис.

Тут их перехватил привратник, которому Денис вручил грамотку кесариссы. Тот отнесся к печати порфиородной без особого пиетета и послал за начальством монашенку, подметавшую тропинки.

Явилась суровая игуменья, запеленутая, как черный

кокон, в сопровождении еще более чопорных инокинь. С подозрением взглянула на Дениса и его спутников, грамотку приняла словно готовую взорваться бомбу, но печать Марухи облобызала с умилением и даже, удостоверившись в ее подлинности, свершила малое коленопреклонение.

— Фотиния? — переспросила она голосом ностальгическим, как у какой-нибудь дворянки из разоренной усадьбы. — А кто же у нас Фотиния? Ведь у нас нет никакой Фотинии.

Вот те на! Впрочем, Денис и предполагал, что все чем-нибудь подобным закончится.

— Эй, поищите там Фотинию! — крикнула игуменья в пространство.

— Я — Фотиния, — вдруг сказала стоявшая неподалеку монашенка с метлой. Но на нее никто не обратил внимания.

«Действительно, нелепо, — подумал Денис, — в византийском женском монастыре искать женщину только по имени Фотиния так же вероятно, как в нашем институте только по имени Светлана».

Раскрутив грамотку кесариссы, игуменья сосредоточенно ее изучала (хочет уверить, что умеет читать, — раздражался ее медлительностью Денис). Наконец закрутила ее вновь, облобызала и с поклоном передала игуменье. Та в том же порядке раскручивала, изучала, закручивала, лобызала и передавала следующей.

— Ух! — страдал от ярости Денис.

Игуменья же завела неспешный разговор с Ласкарем, которого она безошибочно определила как самого светского в этой компании человека. О погоде, об урожае, о катакомбах, даже о нечестивых павликианах. Обратилась она и к Денису, в котором она также безошибочно узнала командира:

— Не правда ли, хорошая погода для сентября?

Денис сдержанно ответил, что на Босфоре круглый год хорошая погода.

— А вы откуда к нам изволили прибыть?

Денис высказался в смысле, что пафлагонские...

— Ах, пафлагонские! — вздохнули все монахини сразу.

— Ведут, ведут! — оживились они. Среди кустов за-

мелькала женская фигура, которую, как это любят делать в Византии, вели, накрыв с головой покрывалом. Ласкарь от радости оторопел, а Костаки восторженно потирал руки.

Но Денис отнесся к этому скептически.

— Разверните! — потребовал он. И стало смешно — как в каком-нибудь хозяйственном магазине.

Монахини изобразили священное негодование. Игуменья же не спешила подавать знак, а сторож не сдергивал покрывало с приведенной фигуры. Все это усугублялось тем, что стоявшая поодаль девушка с метлой упрямо повторяла:

— Нет, это я Фотиния! Фотиния — это я.

И объясняла кому-то стоявшему рядом:

— Уж больно там мужики пришли хорошие за Фотинией. Я хочу с мужиками этими отсюда уехать.

Денис поймал себя на том, что пытается перевести на греческий язык русскую поговорку про kota в мешке. Выхватил у сторожа шнурок от покрывала, которым венчалась приведенная фигура.

Там стояла, закрывшись обеими ладонями, негритянка, чернокожая девушка в белой тунике.

Дальше произошла сцена совершенно неопишуемая. Инокнии принялись уверять, что это и есть та самая Фотиния, которая принадлежит кесариссе. А господам не все ли равно — белая, черная? Перед Богом все равны. Та же, которая с метлой, продолжала громко уверять, что Фотиния это именно она и готова тотчас идти, куда прикажут.

Ласкаря стал бить нервный кашель, Костаки, потеряв свой обычный задор, сжимал кулаки, а Денис совершенно спекся в такой византийской ситуации.

Поняв, что ни ту, ни другую Фотинию посетители не хотят брать, игуменья подала малозаметный знак сторожу. Он, при поддержке монахов и монастырских рабов, пошел в атаку на Дениса и его товарищей, и те через малое время увидели себя на прежнем месте, то есть на углу Августеона и бань Зевксиппа.

Они брели по центральной улице Меса. Все лавки и заведения были закрыты, по мостовой словно промчался буран или некий огнедышащий дракон. Валялись обломки, головешки, рванина, тележные колеса и прочий мусор, будто его специально сюда кто-то завозил. Только что фракийская фема Алексея Враны в пух разогнала ше-

ствии недовольных синих. Часовые Враны и сейчас стояли на перекрестках в медно-красных панцирях и с пурпурными перьями на шлемах. А в лавке за закрытыми ставнями кого-то мордовали: «Хочешь свободы? Свободы хочешь?» — и тот кричал натужно.

Денис не мог не размышлять: что же это было со стороны кесариссы, эта чернокожая Фотиния? Ошиблась ли Маруха или очередной ее порфиородный выверт?

— Теперь осталось лишь к павликианам, — сокрушался Ласкарь. — Иначе нам Фоти нашу не найти. Но эти могут все!

И тут они услышали далеко позади голосок, словно зудение комара, кто-то догонял, молил дожидаться. Обернулись и увидели бегущую вслед ту самую чернокожую в развевающемся покрывале.

— Не отвергай меня! — кричала негритянка.

Догнав и еле отдышавшись, пыталась встать на колени перед Денисом.

— Господин... Я не язычница, я рождена во православии! Меня окрестили Фотинией, это мое имя!

— Чего же ты хочешь, Фотиния? — спросил как можно приветливой Денис.

— Светлые девы выгнали меня из обители. Ступай, говорят, за своим хозяином, у него на тебя грамотка есть. А нам, говорят, чужого добра не надо...

— Но мы тебя отпускаем на свободу. Если нужно, мы напишем какую-нибудь грамотку.

— О нет, нет! Одна я умру с голоду или попаду в публичный дом. Давай я буду твоей рабой!

— Вот заковыка, — почесал в затылке наш Денис. — Что же с ней, братцы, делать?

— Це-це-це! — промысловый Костаки дотронулся до его локтя. — На рынке в Зевгме за такую дадут две литры серебра!

И тут Денис с наслаждением отпустил ему подзатыльник, вполне сознавая, что впервые в жизни ударил живого человека.

Глава третья

ДЕТИ МГЛЫ

1

Девять дней лежал священный василевс в главном храме столицы, а во всех, даже самых малых святилищах империи днем и ночью шла заупокойная служба. На десятый день врата Святой Софии растворились и оттуда вышли ликторы с топориками, затем императорская почетная стража рядами по шесть. Народ на площади Августеон не то что встал на колени — он пал ниц. Ведь Мануил был его кумир!

Царь давно предчувствовал приближение смертного часа. Начались припадки, которые врачи определяли по-разному, но все сошлись на одном — это были происки врага рода человеческого.

Однако больной вел себя заносчиво. Мудрый Феодосий увещевал его покаяться, ибо настало время позаботиться о душе, об оставляемом царстве, но — нет! Ссылаясь на неких оракулов, тот рассчитывал легкомысленно, что еще займется любовными делами и обратит в развалины вражеские города. Каяться же, полагал он, ему не в чем, так как два своих главных царских дела он исполнял добросовестно — отгонял неверных от границ и истреблял инакомыслящих.

Впрочем, всевозможные астрологи, чтобы повысить свой авторитет, наговорили ему страстей. И столкновение звезд сулили, и губительные ураганы, мор, бескормицу, гибель миллионов. И в этом он проявил себя как заботливый хозяин и попечитель: приказал заготавливать пещеры, чтобы уберечься от звездных бурь, стекла велел тряпьем заклеивать. Помогая ему копать убежища, вить канаты, запастись продовольствие, лицемерные льстецы сами шушукались, что, мол, от чиновничьего головоуятия больше народа погибнет, чем от природного голода. Или — где вы ищите стекла, чтобы их заклеивать от урагана, разве в простых хижинах у нас стекла есть?

В конце лета Мануил слег, таким и застал его Денис, чудесный исцелитель. Внезапное выздоровление василевса вызвало всеобщий энтузиазм. Главное, не надо было страшиться космических бурь, предвещаемых чародеями, и прятаться в норы, как крысы. И вдруг царь действитель-

но умер, окончательно умер, и никто к этому не был готов.

Поэтому нужно было не менее девяти дней, чтобы получилось достойное погребение. Чтоб созрела народная скорбь, чтобы отрепетировались службы, процессии, порядки, чтобы каждый чин империи — а все полноправные римляне были отнесены к какому-нибудь чину — определил свою роль в этом спектакле.

Вслед за императорской гвардией двинулось шествие хоругвеносцев. Впереди, предшествуемый стражей, печатавшей шаг, был несен лабарум Константина — священное знамя Римской империи, на котором впервые в истории был запечатлен знак Христа. Именно это знамя дает христианскому государю право на обладание миром!

Дорого бы дал западный владыка, пресловутый Фридрих Барбаросса, претендующий на мировое господство, чтобы заполучить себе этот лабарум!

А следом со ступеней Святой Софии стекает целый поток знамен, значков, хоругвей, инсигний, флагов. Здесь и почти истлевшие трофеи Карфагенской войны, побед над готами и освобождения Рима, истребления болгар и похода в Палестину. Даже сомнительные победы Мануила над агарянами были обильно представлены в этом музее знамен. Пусть Мануил терпел там поражения, но ведь не бежал он, не сдавался же в плен.

Прибывшие из лучших церквей канонические хоры возгласили вечную память. Народ внимал как завороченный, да и лучшего зрелища трудно было себе представить. Тридцать семь лет и восемь месяцев процарствовал Мануил, сменились целых два поколения, люди просто привыкли, что царь Мануил есть всегда, как вечный Бог на небе.

Сам ведь ходил на войну, не нанимал стратегов в чужих краях, в походах же, как обыкновенный воин, прост был и доступен. Да, но войско его мало было боеспособно, слишком много пышности, генеральских амбиций. А противник, воюя без всяких правил, на легконогих сарацинских конях обходил его со всех сторон, уводил толпы пленных... Да, но, переняв у врага партизанские методы войны кочевников, Мануил все-таки остановил это разорение и обеспечил стране длительный мир.

— Кирие елейсон! — гремели хоры. — Господи, помилуй!

Выдвигал на лучшие должности иноземцев, всевозможных италяшек и французишек, не владевших даже погречески, щедрою рукою раздавал оклады, имения, титулы. Да, но прямо заявлял, что римляне, или византийцы, изнежены, поручать им ничего нельзя, любое дело просят или провалят.

— Упокой, Господи! — пели хоры, а им подпевал весь многотысячный народ на улицах и площадях. — Иде же несть печали, ни воздыхания, но жизнь бесконечная!

Облегчал жизнь простому народу, снижал подати, запретил монастырям иметь крепостных, сурово наказывал взяточников. Но это одной рукой, а другой подачки знати и фаворитам направлялись целым потоком, уличные раздачи, бесплатные зрелища, ненужные и пышные постройки.

«Боже вседержителю, царю небес, буди ему милостивый судия, остави ему прегрешения его вольные и невольные...»

А сколько казненных, сосланных, ослепленных, брошенных на съедение зверям, замученных на каменоломнях! Этот деспот, кстати, не препятствовал, чтобы его (обвиняли?) критиковали за убийства и казни. Он любил повторять: вам нужно спокойствие? Пусть у народа будет страх!

Ликторы и хоругвеносцы прошли изрядную часть пути и достигли площади Тавра. А самый катафалк императора, увитый белыми лентами и украшенный цветами, все еще никак не может двинуться из-под сводов Святой Софии, настолько длинна и сложно устроена процессия. Идет духовенство различных рангов: горбоносый старый патриарх, которому тоже есть что вспомнить об усопшем, митрополиты в пурпурных, палевых, фиолетовых, шафрановых и других облачениях, архиереи в златотканых ризах. Вливаются на площадь Тавра, пение духовенства воздымается под небеса: «Се есть жизнь бесконечна!»

На площади Тавра, иначе называемой форум Быка, на громадном гранитном постаменте высится медный бык, наклонивший рога. Когда-то каким-то императором он также привезен как трофей, после разгрома одного из языческих храмов Малой Азии.

Денис обошел серый монумент Тавра с тем, чтобы откуда-нибудь удобнее наблюдать прохождение живописной процессии. Мысли, обуревавшие каждого визан-

тийца по поводу эпитафии Мануила, были понятны и ему.

Городской эпарх Каматир, тот самый сугубый правдолюбец, который, если помним, на ужине у Манефы печалился, что не может занять должность патриарха, оказавшись в должности эпарха, постарался себя показать. Был составлен подробнейший план участия всех граждан в шествии, каждая более или менее приличная семья получила место на улице, за порядок на котором и отвечала, со всеми своими чадами и домочадцами, родными и близкими. В этом ей помогали разнообразные чины полиции, самыми явными были стражники из варваров, которых легко было узнать: у них на голове был запоминающейся формы бутылкообразный шлем, как у Афины Паллады.

Денис пристроился у подножия гранитного куба с гигантским быком, наблюдая бесконечные ряды проходящих мимо с пением попов, думая, как они, по существу, однообразны, несмотря на кажущуюся пестроту одеяний. При помощи официальной церкви Византия сумела создать то, казалось ему, к чему в истории стремилось немало цивилизованных обществ,— максимальное однообразие индивидуумов, отдельных граждан. Ему казалось, что они не более отличны друг от друга, чем, например, пчелы золотые в улье... Но внутреннее противоречие тут же вступало с ним в спор, подсказывая обратные примеры, хотя бы Сикидит, одноглазый пират, Ферруччи-лягушка, Тео-токи...

— Всё идут и идут, чинуши проклятые,— ворчал законопослушный гражданин, держа в руке веский кулек, в котором находилась полученная им бесплатная царская раздача, выглядывали аппетитные колбаски и даже ломтик сыра.— Когда закончится у нас это засилье бюрократии?

— Который час?— поинтересовался он у Дениса.— Шестой час стоим, аж борода взмокла!

Кстати, по поводу все той же бороды. Хорошо, что Денис оставил «на том свете» свой бритвенный прибор. До этого он никогда не ходил небритым, а здесь пришлось ему какую-то гадость запустить — ножницами подстригал. В Византии борода есть политический паспорт, люди, говорят, кончают самоубийством, если не формируется борода. В политических целях бороду даже подклеивают чужим волосом — после убийства императора Иоанна Цимисхия его роскошнейшая борода, смущавшая знатных дам и первых министров, оказалась фальшивкой... Ра-

бам и солдатам бороду носить не положено в знак того, что они неполноправные граждане.

— В глазах рябит,— доверительно сообщил Денису обладатель продовольственного кулька.— И идут и идут, как сукины дети.

Видно, желание почесать язык было у него непреодолимей страха попасться на крючок стражей уха.

— Сколько шествует одних Комнинов!— загибал он пальцы на свободной руке.— Алексей протосеваст раз, затем Алексей царевич, наследник, значит, два... Алексей, которого зовут Левша, три. Есть еще Алексей четыре и Алексей пять. А вот шествует со своими многочисladцами Иоанн Комнин Толстый. Говорят, Комнины во всем первенство любят брать. Этот действительно уж толстый так толстый! А клиентов своих привел, а челядинцев— воистину сарацинское воинство!

— Дурень ты,— отвечал первому законопослушному гражданину второй, расположившийся по другому боку Дениса. Он несколько перебрал от глубокой печали, поэтому и покачивался, и язык у него заплетался.— Дурень ты, больше никто. Если бы не царские бюрократы, хотел бы я посмотреть, чьи бы ты сейчас кушал бесплатные колбаски...

Денис с любопытством прислушивался к этому гласу народа, понимая, что самому ни во что вмешиваться нельзя.

И вдруг ему на плечо упало большое светлое кольцо из конского волоса. Это была серьга, и притом серьга Теотокки!

2

Теотоки кивала ему сверху, рядом с ней улыбались еще какие-то совсем незнакомые, но тоже дружественные женские лица.

Деловитый эпарх Каматир по знакомству предоставил Манефе для участия в похоронах (по способу «кричи-махай») целый приступок гигантского постаментa Быка. Плотники обнесли его перилами, приделали лестнички, и Манефа разместилась там со своими моськами, горничными, Икономом, приживалками и просто симпатичными молодыми людьми. Получилось нечто весьма тесное, но веселое, похожее на московский трамвай. Кроме самой

Манефы, все, оказалось, уже были знакомы с Денисом, приветливо ему подмигивали, приглашали поскорее забираться к ним наверх.

— Вот это Ира, — отрекомендовала Теотоки, позволяя Денису в тесноте поцеловать себя в щечку. — Она влюблена в вас, сеньор, по уши и даже выше. Так что, знакомя вас, я рискую!

Грациозная беляночка не переставала смеяться, разглядывая Дениса.

— Но сначала с деспотой Ангелиссой, — предупредила Теотоки. — Без представления тетушке — ни-ни. И прошу, про мистические ваши авантюры пока ни слова!

И она подвела Дениса к матроне, насколько позволяла теснота площадки.

— Это Дионисий, из Археологов, я тебе рассказывала...

— Благословит Бог, — важно ответствовала Манефа. В жаре и оглушительном звучании хоров она уже плохо все воспринимала. И продолжала растолковывать невидимому соседу, стоящему с другой ее стороне: — Ну что ж, если василевс у нас дитя, это даже к лучшему, такая простота сердца! Пусть опытные педагоги подбирают ему игрушки — и по политике, и по воинскому делу.

— Но сознайся, всепочтеннейшая, — отвечал ей собеседник, и Денис узнал хрипловатый и вечно возмущенный басок Ласкаря, пафлагонского акрита. — Ни в законе божеском, ни в законе человеческом нет, чтобы младенец был женат, обвенчан и чтобы жена у него была взрослая женщина...

Теотоки показала Денису небезызвестного Ангелочка в весьма воздушных одеяниях, который с утра уже клюнул и мечтательно заводил глаза.

— Акоминат, — представился его сосед, благообразный молодой человек, как раз из числа тех, кто соблюдает культ бороды.

«Акоминат, Акоминат... — напряг память Денис. — Что-то очень уж знакомое. Вертится на языке — Акоминат...»

— Археологи? — в свою очередь, рассуждал Акоминат, который числил себя в специалистах по части генеалогии. — Это откуда же такие? Что-то очень восточное — Трапезунд, Колхид, Фанагория?

Здесь тоже шел свой разговор о политике. Никита Акоминат заверял, что силой естественного хода вещей

все придет к воцарению Андроника, который ныне в опале. Об этом чернь кричит на всех перекрестках.

«Андроник I Комнин? — вспоминал Денис. — Был, был вроде такой монарх в восьмидесятых годах XII века... Если поднапрячься, можно и точнее вспомнить. Зверюга был и демагог, пуще всех прочих».

В том же духе высказался и Акоминат.

— Народ, он что? Мало ему было твердой руки при Мануиле, царство ему небесное? Забыли, что ли, басню, как Юпитер лягушкам царя посылал и что из этого вышло? С Андроником будет еще похуже...

— Ни-ки-та! — коснулась его веером Теотоки. — Побойся же ты Бога, вот его, принца Андроника, родная дочь...

А принцесса эта, Ира, ничуть не волнуясь политической аттестацией папеньки, только и делала, что взирала на Дениса, как на некое божество. И лицо ее, светлое, осмысленное, казалось само источником лучей.

— Эт-то моя не-ве-ста! — с расстановкой произнес вновь перегрузившийся Ангелочек, в том духе, что он не даст ее обижать. Но на него никто и внимания не обратил.

Никита принялся оправдываться, уверяя, что для таких личностей, как принц Андроник, «сильная рука» есть лучшая похвала.

— И! — смеялись собеседницы, взмахивая веерами и попивая сок, который приготовил им со льда заботливый толстяк гном Фиалка. — Не отговоришься теперь, милый Никита!

— Я все передам отцу, — обещала Ира. И непонятно было, серьезно она или шутит.

— Плюнь на них, принцесса, — все так же с расстановкой предложил Мисси Ангелочек.

Денис не вступал в разговор. Из-за запаха перегретых солнцем тел и каких-то базарных духов, которыми был обильно надушен гном Фиалка, до него донесся неповторимый аромат лаванды. И стало ему грустно.

Ах, запахи, вы есть, казалось бы, самая ничтожная сила, а на самом деле вы самая сильная малость! Забываются ласки и благословения, тускнеют цвета и краски, растворяются в пространстве времен, а какой-нибудь малый запах, посторонним незаметный аромат вдруг переворачивает все вверх дном и заново воскрешает чувства и мысли.

Наверное, почувствовала это и Теотоки и напустилась от нечего делать на Фиалку.

— Что ты надо мной здесь навис? Распарился весь, прямо так и пынешь! И откуда у тебя такие ядовитые духи?

Фиалка поспешно отодвинулся, и Денис в тесноте попал на его место. Теперь Теотоки оказалась прижатой к нему и лицом к лицу с ним. Завороженно смотрела снизу вверх на загорелое лицо Дениса и пробивающуюся бородку, а он взгляда не мог отвести от ее блестящих слегка выпуклых глаз.

— Итак, я выхожу замуж, — внезапно заявила ему она и почувствовала, что из жалости к самой себе у нее выступает слеза. И словно продолжала прерванный разговор: — Как видишь, замуж.

— Очень жаль, — так же неожиданно отвечал Денис, вместо того чтобы поздравить или еще что-нибудь. — Поли симпону.

— Ты придешь ко мне на свадьбу, — продолжала она, уже плохо соображая, что говорит.

Нервными пальчиками взяла шнурок от его офицерской хламиды и принялась крутить.

— А до свадьбы как? — автоматически спросил Денис, понимая, что говорит глупость.

— Я сама к тебе приду... — изломала она линию бровей. — Скажи, где ты живешь?

Но не пускаться же было здесь в объяснения лабиринтов Большого Дворца! Тут как раз и тетушка Манефа заметила, что молодежь, занявшись обсуждением своих проблем, сидит совсем уж непочтительно — спиной к траурному шествию. Матрона обратилась к племяннице с соответствующим вразумлением.

Тут ее собеседник, Ласкарь, заметил, что совсем рядом находится и Денис. Он буквально затряс Манефу.

— Матушка, всепочтеннейшая! Изволь обратить внимание. Ведь среди твоей свиты находится мой друг! Это тот благороднейший Дионисий, который воскресил василевса в первый раз, тот самый чародей!

Манефа пожелала побеседовать с ним снова, все поворачивались к вновь обретенному волшебнику так экспресивно, что квелые перила трещали. Теотоки взмахнула густыми ресницами, словно косила траву:

— Ах, вот как! Это вы, сударь, оказывается, тот ми-

стик... Надо на всякий случай держаться от вас подальше...

А сама в тесноте уж так к нему прислонилась, что Мисси Ангелочек ревниво заявил:

— Ах, если воскресил в первый, почему не воскрешает во второй? Во всяком случае, занимался бы своим прямым чародейским делом, не ходил бы, не смущал чужих принцесс!

На что отвечал, сверкнув глазами, революционно настроенный усатый Ласкарь, тоже успевший клюкнуть разбавленного хиосского:

— О нет, господин Дионисий, ответь им. Не будем больше воскрешать царей, никаких деспотов и тиранов!

Шествие все шло и шло, тысячные процессии попов и чиновников все потели в толстых ризах под жарким, благодатным солнцем. Матушка Манефа все ворчала на своих мосек и приживалок. Удивительно беленькая среди загорелого византийского народа принцесса Ира смеялась над подругой:

— А, будущая госпожа Врана, вы, оказывается, влюблены? Вот вы где теперь у меня сидите!

И показывала ей миниатюрный кулачок.

Теотоки же от полного неустройства жизни напустилась на верного Фиалку, сосредоточенно работавшего в жаре опахалом:

— Умерь свой пыл, ты сокрушишь наши прически!

3

Денис возвратился, полон переживаний. Значит, мир, в котором он очутился по воле судьбы, не фантом, не мираж? И даже очень весело можно жить в этом мире? И никогда в своей жизни он еще не чувствовал ничего подобного! И она выходит замуж!

У дверей своей пресловутой кувикулы он остановился. Слышался звон струн, развеселые голоса. Этого еще не хватало!

Поднял занавес и увидел медный таз с горячими угольями, на которых скворчало жареное мясо, а вокруг располагалась целая компания с кружками в руках. При входе Дениса все почтительно встали.

— Простите, синьор, — стал объясняться Ферруччи. — Мы думали, вы задержитесь на заупокойной мессе.

Присутствующие улыбались дружелюбно, без всякого фарисейства и заискивания.

— Это мои родственники и друзья,— представил Ферручи.— Они пришли меня навестить, у нас, у итальянцев, такой обычай. Вот мой папаша, о котором я вам рассказывал. Бывший оружейник, а сегодня неисправный должник казны.

— Де Колон,— старик приставил ладонь к вязаному колпаку, будто отдавая честь.

«Вольница!»— подумал Денис, которому, когда он возвращался домой, так хотелось отдохнуть от многоголосья дневного. К тому же он успел проникнуться византийским чопорным духом и его раздражало это фамильярное радушие по-итальянски.

— Колумбус, значит?

— Да, да, синьор. Колумбус, де Колон.

«Еще один предок великого мореплавателя»,— усмехнулся Денис, а Ферручи продолжал:

— Его, то есть моего отца, время от времени сажают в долговую тюрьму, а время от времени выпускают. Вот сегодня он на воле, поэтому мы собрались.

— Неразумные они, которые меня сажают,— пожаловался Колумбус-отец.— Не дают мне заниматься моим ремеслом. Вернули бы мне патент, я бы быстро казне свой долг отработал.

— А вот это Пьетро,— указывал дальше по ряду Ферручи.— Он самый младший из Колумбусов. С большим трудом удалось устроить на мое место, то есть дворцовым скороходом. И это как раз еще один повод для нашей встречи.

Опять шумели, а Денис подумал: «Значит, не считаешь теперь мое место невыгодным?»

— Это Бьянка,— представил Ферручи совсем юную девицу, а она вся вспыхнула при этом, как умеют вспыхивать только очень светлые блондинки.— Ее матрона зовет просто Белянкой, а мы в нашей фамилии зовем ее Ля Колomba, то есть Голубкой. Правда, она похожа на голубку?

— Да ну тебя!— Бьянка закрылась веером.

— Эта голубка, бедная, как и все мы, вынуждена впрячься в общее семейное дело. За наши долги она отдана в услужение известной вам Манефе Ангелиссе. Та сегодня на похоронах, поэтому Голубка с нами здесь.

И тут Денис увидел, что кто-то в его ногах все-таки распростерся. Это была та самая чернокожая Фотиния,

которую они нашли в монастыре Пантепоптон, которая сама за ними побежала вдогонку и которой он велел идти в его кувикулу. Денис ее поднял. Доброе, похожее на сморщенный уголек личико юной негритянки умоляло даровать ей милость.

— Мы займемся ею потом,— величаво объявил Ферруччи.— А сначала, синьор, вам остался неизвестен здесь только Амадей, вот он! Он силач, он добряк, он отпетый мореход, корабельщик, но он не из фамилии Колумбусов, а здесь он потому, что он приволакивается за моей сестрой, за Голубкой. Хочет быть ее женихом, но не решается, потому что она ведь крепостная!

— О, Ферруччи! — вспыхнул теперь краснощекий и мужественный красавец Амадей.

— Ну что ж, братцы,— сказал Денис, к которому вернулась его обычная ровная веселость, он даже потер руки.— Если бы вы еще и покормили голодного паломника, вернувшегося с похорон императора!

— О! — с энтузиазмом вскричали все присутствующие.

Прежде чем усадить его на (председательское?) хозяйское место, чернокожая поднесла ему фаянсовый рукомыльник с полотенцем, а Ферруччи на нее указал:

— Читайте, синьор, что эта рабыня ваше самое удачное приобретение последних дней. А поглядели бы вы, какова она с метелкой или со сбивалкой масла, какие она при этом людоедские песенки поет!

«Чудеса! — думал Денис, насыщаясь.— Словно я сижу в кругу своей археологической бригады, все шутят, все друзья...»

Ферруччи же продолжал свои остроты и доострился до того, что заявил:

— Уж до того эта чернокожая Фотинья хороша, что если вы сами на нее не имеете видов, синьор, можно я на ней женюсь?

Поднялся хохот и иное выражение эмоций, а бедная Фотинья заплакала. Бьянка уже не в шутку хлопала брата веером по голове. Колумбус просил извинить сына за не совсем удачную шутку.

— Кстати,— заметил Денис.— А как же мы будем ее звать? Как тебя звать, сирота?

Оказалось, что Тина. Природное имя свое она тоже сказала, но оно состояло из шипящих и цокающих, поэтому было совершенно непригодным.

— Вот! — доказательно заявил Ферруччи. — Я же говорил — людоедка!

Разлили вкусный напиток, привезенный из Генуи, кьярабьянка — белое светлое.

— Как же все-таки дошло до долговой тюрьмы? — спросил Денис старшего предка. — Может быть, вам вернуться на родину?

Колумбус раздумчиво развел руками.

— Вы здесь иностранец, добрый синьор. Мне сын рассказывал историю вашего прибытия из стран гиперборейских. Вы, вероятно, ослеплены блеском царского золота и роскошью одежд...

И он поведал о сырых и бездомных, коих тьма тем, о катакомбах, переполненных отверженными, о распавшихся связях и разрушившихся устоях...

«Будто современный учебник истории читаю, — подумал Денис. — Так и режет, как какой-нибудь Литаврин или Каждан».

А старший Колумбус, войдя в лекторский пыл, поднял указательный палец:

— Само общество резко разделилось: там (наверху) ангелы света, там (внизу) дети мглы! И не бывать уже между ними согласия.

— А что же вы не возвращаетесь в Геную? — повторил Денис свой сакраментальный вопрос.

— Да, — признал папа Колумбус, — конечно, там дышится посвободнее и грабежа такого зверского нет... Но там, синьор, своя мафия, к ее законам ой как привыкать! К тому же важно и то, что там жизнь попроще, поскучнее. Нет такого блеска и комфорта, как здесь. А мои дети уже все здесь рождены.

Ферруччи, который оказался на все руки мастак, настраивал мандолину. А папа, в его возрасте большой любитель политики, не мог остановиться:

— Нас скоро всех пожрет Венеция, владычица морей. Да, да, эта самая Венеция, бывшая наша провинция! Мануил, чувствуя опасность, под корень иссек ее отсюда, но она следит за нами тысячьо глаз своих шпионов и подкупленных чиновников, уськает западных королей — приходите, мол, возьмете все голыми руками!

«Ах ты, Господи! — подумал Денис. — Если бы тебе было еще дано знать, что спустя двадцать четыре года придет четвертый крестовый поход и сокрушит в прах всю эту мощь и великолепие!»

Между тем из двери то и дело высовывалась головка Фармацевта в тимпанчике, он почему-то не желал входить. Пришлось Денису встать, выйти.

— Что это за люди?— спросил с трепетом Фармацевт.

— Как что за люди... Мои друзья, а что?— Денис почему-то чувствовал себя неловко и не понимал, почему он должен оправдываться.

— Ты не знаешь этих людей! А вдруг это какие-нибудь стражи уха?

— Я отвечу в твоём же духе,— улыбнулся Денис.— Чьи уста чисты, тот не станет опасаться за уши.

— Но ты же господин и должен держать людей на расстоянии...— не прекращал наставлять мухоморчик, который вдруг оказался злобным— глазенки его сверкали.

— Послушай,— прервал Денис.— Не будем рассуждать об этом. Скажи лучше, где там твоя кесарисса? Передавал ли ты, как я просил, что в монастыре оказалась не та Фоти? Или устрой мне аудиенцию...

Фармацевт забормотал, что кесарисса находится под арестом, нелепо взмахнул рукавами и куда-то унесся. Денис замечал в нём все более несуразностей. Да и вообще, кто он таков?

В кувикуле между тем составил ансамблик. Ферруччи пел, остальные подпевали, а Голубка смотрела на своего Амадея.

Он верит, что увидел свет
В угрюмом золота сиянье,
В алмаза дьявольском мерцанье
Или в соитии монет —
Он только там увидел свет!

Но не дано вовек ему
Купить любви простого сердца
И приоткрыть доверья дверцу
За все сокровища ему
И хоть на миг развеять тьму,
И хоть на миг развеять тьму!

4

Чернобровое девичье лицо изогнулось, словно напечатанное на листе пластмассы. Подрагивают крылья носа,

ошутим запах лаванды, растет нежность необычайная, и становится понятно, что это снова сон.

Ах, зачем ей непременно замуж сейчас надо идти? Да как зачем? Жить-то как-то надо...

И нечего тебе, одинокий пришелец вселенной, путаться, ломать чужие жизни... Разве тебе не достаточно, что сломана твоя?

Значит, она из рода Ангелов? Высокородная девочка, вот как... Никогда бы не сказал! Прямо схватил бы ее и на дискотеку в Технологический институт. А та другая, белесая? Она и вправду принцесса?

Что за имя такое — Теотоки? Кажется, это одна из анаграмм имени Марии — Богородица. Была, была в списке императриц и такая — Мария Теотоки, уж из Ангелов или Комнинов, он не помнит, и не здесь, а в Трапезундском царстве. Кто их знает, этих византиек? Если историю их «Анекдоту», то есть неизданную, полистать, увидишь там немало принцесс, которые опрокидывались кто в нищету, кто в раскол, кто в цирк, кто в притон, чтобы потом воссиять как самодержица или святая! Есть же, кстати, у греков примета — у кого сросшиеся брови, тот скрытен для всех.

И вот сквозь смуглые черты пробивается облик другой, уже потускневший, чуть ли не забытый. Сиянье света, волосы как золотая диадема. С глаз долой — из сердца вон.

Окружают его грифоны с человечесей ухмылкой, грифоны с закрученными клювами, в оперении из железных стрел. Среди них и Сикидит, с шеей заверченной, как скрипичный ключ, ничуть, кстати, не страшный, а просто источающий мерзость. А грифоны клюют, терзают нежную Светку, капает кровь. Она горюет жалобно, а может быть, это уже и не Светка, а гемузская Голубка?

Он понял, что кричит дико, но когда проснулся, уже и эхо умолкло от его крика. В кувикуле мирно сияла розоватая лампадка, бросая блики на медные ризы Богородицы. Если бы он, Денис, знал хотя бы одну молитву!

Кто-то стоял на коленях возле его постели. Денис поднял голову — это был Ферруччи, столь ретиво взявшийся ему служить.

— Что кричите, синьор? У вас видения? У меня тоже. О Боже, что же нам предстоит, если у всех такие предчувствия? Астрологи говорят, что на нас надвигается адская звезда, комета. Не могу понять только, как она может

быть адской, если она падает сверху, а ад-то внизу, в преисподней!

Денис позволил ему болтать без умолку, у обоих легче становилось на душе. Ночь была тягостной.

— Вы ведь не станете меня бранить, синьор, за то, что на ваши деньги я купил себе этот скарамангий в зеленый узорчик, вот эти сапожки привозные, из Египта. Еще есть теперь у меня крепкая хламида, чтобы было чем накрыться от дождя...

«Еще бы тебе теперь это место не казалось выгодным!» — Денис вспомнил его прежние терзания.

— Я не знаю, каков ваш родовой герб, Археологов, — продолжал верный слуга. — Я должен отдать вышить его на спине у каждого своего кафтана или плаща. Я делаю это с большим удовольствием, мне просто очень нравится быть вашим рабом, да, да, синьор, не смейтесь... Еще надо бы что-то купить и для вашей новоприобретенной чернокожей. Позвольте, я выдам ей из ваших денег сумму, а одежду пусть уж она сама покупает...

— Послушай! — начал раздражаться Денис. — Откуда у меня такие деньги? — Эта трескотня среди ночи переставала ему нравиться.

Ферруччи воспринял этот вопрос как сигнал к подробному финансовому отчету и рассказал, что за особые заслуги перед Высоким Престолом он, чужеземец Дионисий, еще по указанию покойного царя, удостоен номисны серебра, что после размена выразилось в двухстах пятидесяти полновесных денариях, а при пересчете на медную монету одной тысячи ста пятидесяти драхм коринфской чеканки плюс сто двадцать драхм за обмен. Если же считать на мелкие оболы...

— Дашь ты мне сегодня заснуть? — просто крикнул Денис.

Ферруччи невозмутимо обещал дать заснуть, но прежде он должен быть уверен, что хозяин во всем ему доверяет. Тут уж Денис не выдержал, спросил, на что он собирается тратить такую уйму денег. Ферруччи заверил, что в первую очередь на его, синьора, одежду. Где попало невместно ему шиться, но и в воинской форме больше не следует ходить, он не военный. Недорогие портные есть возле площади Тавра...

— Завтра, завтра разберемся, — умолял Денис.

Но Ферруччи не отстал, пока не сообщил, что в силу завещания покойного василевса он в числе других персон

этерии, то есть личной дружины царя, должен получить пахотной земли самое малое двадцать десятин...

— Уже я и помещик! — зевнул Денис. — Так за чем же дело?

— Понимаете, синьор, тут нужны особые траты, как вы к этому отнесетесь? Протоканиклию, то есть чиновнику канцелярии, я вынужден был дать десять денариев только за то, что допустил меня, то есть нас с вами, пред светлые очи верховного стратофилакса — квартирмейстера, в ведении которого состоит учет офицерских земель.

— Короче говоря, надо давать взятки?

— Увы, синьор!

— Ну и давай. А я сплю.

Денис взбил подушки и зарылся в них с головой, чтобы не слышать своего личного квартирмейстера, который хоть и удалился за перегородку, но там продолжал все это объяснять бедной безгласной Тине, притулившейся на коврик у таза с угольями, успевшими остыть.

Но сон не приходил, и вместо колеблющихся грифонов и жуткой ухмылки Сикидита теперь терзали его самые прозаические мысли.

Домой! Но как попасть домой из этого невероятия, из этой более чем космической дали? Не суждено ли теперь его домом стать этой кувикуле?

А если даже ему удалось бы как-то упрямить, разжалобить или, черт возьми, заставить окаянного Сикидита отправить его назад, то как оставить здесь беспомощную Светку Русину, если это она?

Рассвет начинался с того, что четко обозначилось четырехугольным контуром дождевое отверстие в потолке, которое имелось в каждом порядочном византийском доме. Оно светлело и розовело, затем запылало восходом и осветило стены кувикулы, разрисованные унылой казенной рючкой.

Весело щebetали птахи, а далеко за горой и за проливом пели сонные петухи. Вдруг осел закричал где-то совсем близко. Его уговаривали и били, а он все орал и орал, как будто предвещал конец света.

Вот и другие ослы отозвались на крик своего сородича, и уже скрипят оси телег, и падает где-то поклажа, и слышен говор множества людей, потому что совсем неподалеку Макрос Эмвол, то есть Большой Рынок.

Утро открылось с веселого балагурства Костаки, ко-

торый наконец отыскался и юному предку Колумба объяснил свое долгое отсутствие тем, что с Маврозумом ходил на добычу к болгарским берегам.

— Ну и какова добыча? — поинтересовался Денис, беря полотенце. В Византии было принято, кстати, полоסקать лицо и руки в тазике, чего Денис по-современному не переносил. Чернокожая поливала ему из кувшина.

— Добыча никуда! — махнул Костаки, принимаясь за фаршированный огурец. — Болгары теперь пошли не те, негодные нынче болгары. Представляете? Они вооружились, женщин без охраны теперь не пускают. Глядите, упадет скоро Болгария от вашей империи.

— От вашей империи, — сделал ударение Денис. — А ты вот, уважаемый Костаки Иванович, скажи, как тебе не совестно на рабовладельческие дела ходить со своим мавром?

— А тебе, — не задумываясь парировал Костаки, — как тебе не совестно бедным римлянам головы морочить ложными предсказаниями?

Действительно, что ему ответить? Но и было крайне досадно, что сугубый пацан, эта, с позволения сказать, шмакодявка, делает ему упреки. Он так и высказал Костаки. И что бы вы думали он ответил?

— А разве ты человек? Ты небыль, ты игрушка старого Сикидита. Он на моих глазах тебя слепил из тьфу!

Денис еле сдержался, чтобы не схватить любую вещь — нож, кочергу, подсвечник — и не запустить в дерзкого пиратенка. Но все же сдержался и, съев свой завтрак и запив его соком, он сурово спросил:

— Ты забыл свою Фоти, о которой ты тут столько слез пролил? Не ты ли обязался выяснить точно, не находится ли она в когтях малопочтенного Маврозума?

Костаки подытожил результаты своей разведки и со вздохом побожился на икону Богородицы — там ее нет.

— Может быть, акрит этот чудорашный расскажет, он должен был узнать, нет ли ее у кесариссы... Этот с усиками, с бородкой, как его зовут?

Ласкарь? Вот, кстати, и он. Денис заметил, что люди двенадцатого столетия по сравнению с его современниками очень простодушны, прямолинейны. Им хорошо — они пляшут и поют, у них неудача — она отражается и в походке, и в манерах, и в выражении лица.

— Нету ее нигде, — уныло сказал Ласкарь. — Я уж одну особу надежную из личных покоев кесариссы ра-

зыскал... Уж, как говорится, золотил ее, золотил! Хотя с моими-то доходами...

Завтракать он категорически не сел, вероятно, счел Ферруччи и Костаки не подходящей для себя компанией. Снял камилавку и горестно чесал редковатый свой затылок.

— Только к павликианам,— сказал Костаки.— Эти могут все.

Ласкарь немедленно оживился, подкрутил ус, разве вы забыли, дед его был павликианин! Утверждают, что здесь, в столице, они, как муравьи, пронизали все поры. Денис же из учебных воспоминаний смог выудить только то, что они однажды чуть власть не захватили и что учение их основывается на доктрине апостола Павла: «Кто не работает, тот не ест».

— Да, да! — с пылом подтвердил Ласкарь.— Кто не работает, тот не ест!

«Что же ты-то, в таком случае,— подумал Денис,— околачиваешься здесь без дела, когда твои земляки в поте лица убирают урожай?» Он начинал все более скептически относиться к Ласкарю, как до этого к Фармацевту.

— Помните, синьор? — заметил Ферруччи.— Я вам рассказывал, что у меня знакомый есть один, профессиональный клеветник?

И так как все засмеялись, он улыбнулся сам.

— Не будем придирается к устаревшим званиям. Скажем, бывший профессиональный клеветник, теперь-то он пенсионер. Он знает тут все лазы. Он даже обещает провести, куда бы вы думали? К самому главному их оракулу, если можно так сказать, который зовется Матерь Правды.

5

За площадью Тавра, за Халкопратами, то есть за лавками медников и мастерскими всяческих умельцев, на пологом холме располагается Ксиролоф — самый населенный квартал Второго Рима. Когда при начале династии Комнинов все были полны надежд на обновление и богатую жизнь, древние лачужки и хибарки Ксиролофа революционно снесли, воздвигли импозантные жилища в четыре-пять этажей и принялись сдавать квартиры. С тех пор надежды развеялись, здания обветшали, памятники

побед облупились, но все равно, сказать, я живу на Ксиролофе значило причислить себя к самой местной элите.

Элиту и ожидал увидеть Денис, когда Ферруччи вел его, а с ним бравых его спутников Ласкаря и Костаки к профессиональному клеветнику домой.

Вместо этого он увидел прозаическую семиэтажку, чуть не загородившую собой колонну Ксиролоф, унылый памятник забытым победам. Нелепый и огромный дом был похож на муравейник или, скорее, на осиное гнездо. Множество наружных лестниц-пандусов украшали его стены, а по ним взад-вперед сновали всевозможные патриции в хламидах, турки в чалмах, кормилицы с младенцами, торговки с корзинками...

Денис удивился: вот тебе и терем-теремок! Чем не московская коммуналочка?

Жилище заслуженного клеветника находилось на предпоследнем этаже, до него добрались, несколько раз обойдя весь дом по пандусам снаружи.

— Вот мы где проживаем! — приветствовал их Телхин, который с раннего утра занимался только тем, что поджидал гостей. Как полноправный римский гражданин, он где-то и стригся бесплатно, да еще и духами его прыскали. Он поминутно заглядывал на себя в тусклое медное зеркало на стене и приглаживал пробор ладонью. — Вот мы где проживаем!

Это была обширная комната с низкими сводами, полутемная, хотя на улице сиял ослепительный день и рябило недалекое море. Посреди комнаты красовался толстенный столб, предназначенный, очевидно, чтобы подпирать ненадежный потолок.

— А вот мои клеветничата и клеветничихи! — указал Телхин широким жестом.

Вдоль стен прямо на пол были положены ватные матрасики и лохмотья, на которых возились дети разного калибра, но все похожие румяными и довольными жизнью лицами на папашу Телхина. Запах царил здесь густой, Ласкарь, самый барственный из всех спутников Дениса, сморщил нос и закурил усы. Двое самых маленьких телхинят, которые бегали совсем голышом, ухитрились одновременно напустить две лужи.

— Фемиста, Фемиста! — воззвал Телхин. — Это моя старшая дочь, — пояснил он. — Забери ребят да подотри здесь! Так получилось, — продолжал он объясняться перед Денисом, которого он, очевидно, считал очень важным

лицом и не переставал перед ним расшаркиваться.— Так получилось, что один из этих пострелов наш внук, а другой — наш собственный сын, хе-хе-хе!

Ясно, что оставаться долго или гостить здесь было ни к чему, и Телхин, набросив на себя и красиво перекинув через плечо поданную дочерью патрицианскую хламиду, повел пришельцев наружу.

Клеветнику и не пришлось долго растолковывать цель их прихода. Цокнув языком, он сказал, что павликиан теперь найти непросто. Павликиане попрятались после кровавых гонений, которым подверг их покойный василевс.

Тогда с молчаливого согласия Дениса квартирмейстер Ферруччи вручил клеветнику кошелечек с серебром, который тот безоговорочно принял, несмотря на свою римскую гордость. Такие кошелечки были заготовлены Ферруччи на разные случаи жизни, а деньги были из тех, которые Мануил завещал своему целителю.

— Приготовьтесь, будем идти долго,— предупредил Телхин.

И они пересекли угрюмый форум Быка с позеленевшими истуканами олимпийских богов, вывезенными из Греции. Среди рыночных амбаров и торговых конюшен они отыскали наглухо заколоченный вход в пустую цистерну Бона. Впрочем, забит он был для кого угодно, только не для Телхина. Отодрав две доски, он любезным жестом пригласил спутников: заходите!

Там они увидели довольно крутой спуск по выщербленным от времени ступеням. Идти было, однако, светло — в стенах и сводах то и дело попадались окошки.

Наконец они вошли в высоченное сводчатое помещение, которое Денису сначала показалось похожим на пассажирский зал какого-нибудь Казанского вокзала. Там было множество людей, кипела разнообразнейшая жизнь. Целые семьи ютились, натянув бечевки между колоннами, а на бечевки повесив простыни и тряпье, нагородив шатры и палатки, словно некий лагерь бедуинов.

Очевидно, надо объяснить, что такое цистерна и какова ее общественная роль. Цистерны идут из первого, древнего Рима, всегда страдавшего от недостатка пищевой воды. Римские архитекторы строили цистерны под землей, а городские власти обеспечивали их функционирование. Там скапливалась вода от дождей и родников, отсюда растекалась по трубопроводам.

По примеру своего великого образца настроил

цистерн и Второй Рим, тем более что холмы древней Византии насквозь изъязвлены карстовыми пещерами, каменоломнями, лазами и щелями всевозможных разбойников. Но, во-первых, в Византии хватало и колодцев, знай только рой себе. Во-вторых, жители ее были не столь прихотливы, как гордые граждане первого Рима. Им уже не нужно было по семь, по восемь часов каждый Божий день проводить в общественных банях.

Многие цистерны запустели, обветшали, вода из них ушла, оставив за собою топкую грязь и даже болотца с комарьем. И там стало обитать бездомное население, всякие прохиндеи, сироты и нищие, которых накапливалось все более по мере того, как росло величие столицы. Там поколениями бытовали, женились и ссорились, голодали и обжирались, если попадется случайная пожива. Говорили, что есть обитатели бывших цистерн, которые, родившись там, уж до конца дней своих клочка света Божия и не увидят.

Телхин ахал, проходя мимо таких, если можно сказать, «бедуинских» поселков:

— Сколько у них оружия! Раньше так здесь не было...

Неугомонный Ласкарь, который развивал теперь идею, что павликиане восстанут и сокрушат многоголовую гидру империи, каламбурил:

— Эти цистерны накапливают бурю, гнев народа!

Телхин вступил с ним на ходу в политическую перепалку, а Денис думал, как бы по темным подвалам не наступить впопыхах на шмыгающих крыс или играющих детей.

А вот какое-то совсем уж роскошное обиталище, все увешанное персидскими коврами. Сумрачные лица весьма начальственных господ устремлены к самому старшему, судя по почтенной бороде.

— Взгляните! — приглашал почтеннобородый. — Скарамангий сребротканый, мало поношен, пуговицы кипарисовые, обшит тесьмою...

Рядом с ним малый, в головном платке косынкой и с кинжалом за поясом, показывал всем на расправилке злосчастный этот сребротканый скарамангий.

— Сто драхм! — пожал плечами один из его слушателей. — И ни на обол более!

— Побойся Бога, Козьма, — стал увещевать аукционист с почтенной бородой.

— Мне вашего Бога нечего бояться, — отвечал тот резко. — Ваш Бог есть оборотень сатаны!

«Этот, наверное, самый отъявленный павликианин!» — решил Денис. А тот добавил:

— Кроме того, где мне его продать? Ваши ухаи, наверное, сняли его с какого-нибудь иностранного гостя. Его теперь только в другой город везти продавать.

Телхин выждал, когда в аукционе наступит заминка, и обратился как раз к тому, который отказался покупать краденый скарамангий:

— Всепочтеннейший, всепросветленнейший, вселюбнейший наш отец Козьма!

— Ну что тебе, сын греха?

— Не узнаешь меня, ведь это я, Телхин!

— Знаю, как же! Ты клеветник и обличитель, что в принципе одно и то же. Пользовался твоими услугами и я, и не один раз!

— О, просветленнейший отец Козьма!

— Ну ладно, ладно, говори, что надо, и не юли.

— Вот взгляни. Вот этот достоуважаемый деспотá из благородных Археологов, по имени Дионисий...

— Это который покойного василевса исцелил, он ли?

— Он, он, милостивец, он!

«Какая служба информации, однако!» — поразился Денис.

— А с ним еще один благороднейший акрит по имени Ласкарь, родственник всесветлейших Ангелов...

— Дьяволов во плоти! — воскликнул Козьма и заметно отплюнулся в сторону.

— Пощади, о милостивец! — тянул к нему руки Телхин, видать, ко всему привычный.

— Ладно, считай, я пошутил. Чего же хотят от нас, скудных, столь высокородные господа?

— По очень запутанному и очень безнадежному делу они хотят спросить Праматерь Правды.

— Праматерь Правды? Ни-ни!

— Защитник наш, всеблагодой! Речь идет об освобождении из неволи девушки, невинного человека!

— Вот так у вас, у православных, всегда. Как грешить — вы не спрашиваете нас, истинных детей добра. А как избавлять вас от последствий ваших согрешений — извольте!

Тогда Ферручи нахально подкинул на ладони кошелек, набитый серебром, и отец Козьма начал заметно сдаваться. По правде сказать, Денису сильно хотелось, чтобы павликианин неподкупностью утер носы наглецам Фер-

ручки и Телхину — должны же и в Византии быть идеальные герои. Но так не случилось, Телхин с Козьмой еще долго препирались о путях проникновения в резиденцию Праматери Правды, и их козлоподобные тени размахивали длинными конечностями на стенах подземных коридоров.

6

И они отправились за клеветником дальше, с горизонта на горизонт, из подземного перехода в еще более низкий и запутанный переход.

В обширном колодце, обложенном кирпичом, при тусклом свете масляных фонарей какие-то крысopodobные люди или человекоподобные крысы ковали звонкими молотками на наковальнях. Комары язвили их, но, увлеченные своим промыслом, они не обращали внимания.

Любопытствующий клеветник сунул свой жизнерадостный нос и к ним.

— Смотрите! — указал он спутникам. — Они же чеканят оловянные тессеры! Не монеты теперь выгодно подделывать, а тессеры!

Тессеры были жетоны на бесплатную раздачу продуктов или на бесплатный допуск к зрелищам, состязаниям, льготам. Конечно, подделывать жетоны было легче, чем чеканить монету. Телхина это чрезвычайно взволновало: ведь он только и существовал с семьей на бесплатные раздачи.

— Теперь ясно, почему в магазинах вечно продовольствия не хватает!

Он так громко возмущался, что один из работающих не выдержал и погрозил ему щипцами.

Затем они попали в проходную галерею, открытую в сторону моря — в проем стены видны были мачты кораблей и слышны были крики чаек.

Здесь тоже работали люди: на телах других людей, сидящих напрогив, на их обнаженных ногах, руках, животах, шеях они искусно рисовали красками всевозможные язвы, волдыри, сращения, гноящиеся раны. Превращали молодых в расслабленных старцев, нормальных людей в отвратительных уродов. Наготове имелся и инвентарь — костыли, тележки, искусственные горбы.

— Сегодня для Святой Софии они делают, — сказал

провожавший их Козьма.—Завтра будут для Святых Апостолов, там на паперти бывшие воины, поэтому и раны должны иметь военный вид...

— Индустрия! — восхитился Телхин.

Но его пафос и здесь оказался излишним. Живописцы подозрительно на него поглядели и показали увесистую клюку.

Путь их уперся в тупик, подземную площадку, круглую зальцу, где на каменном полу, нахохлившись, будто вороны, сидели на корточках люди, раскачивались, напевали молитвы.

— Оглашенные павликиане... — испуганным шепотом передал Телхин от сопровождающего Козьмы.— То есть новички, чающие допущения во храм...

Он выпросил у Ферруччи еще один кошелек и исчез в боковой двери. Оттуда чудился теплый свет свечей и пение невидимого хора.

Денис прислушался. Диакон возглашал: да исчезнет Бог ложный, Христос суший, да придет Бог истинный, грядущий Христос! Хор громко вторил: Кирие елейсон, Господи, помилуй, как и в православной церкви, но добавлял: мир трудящимся, слава нестяжающим богатств, слава снискивающим себе трудом пропитание!

Денис помнил из учебника: павликиане возникли еще на исходе античной эры. Их Праматерь Правды — духовная царица — Каллиника Первая пришла с Востока. Павликиане позаимствовали из учения апостола Павла: «Кто не трудится, тот не ест», а из вымыслов философов: «Труд делает свободным», и пошло за ними множество униженных, обездоленных, ограбленных... И полки павликиан достигли стен Второго Рима, и сам грозный Лев Исавр вынужден был заключать с ними перемирия.

У входа в зал оглашения нужно было пройти тесно между двумя павликианами. Это были старцеподобные суровые юноши, которые снимали с внешности оглашаемых признаки греховного быта. Костяки они надавили большим пальцем курносый нос, боевой подросток их побаивался. Они велели ему снять с лица ухмылку. У Ферруччи они выудили из кулака кошелек и засунули ему же за пазуху. У Дениса им не понравилась только его привычка держать руки за поясом. Он не стал спорить, сделал руки по швам.

Больше всего досталось Ласкарю. Как назло, он пребивал сегодня в воинственном настроении, накрутил усы,

взбил хохолок. Вот это все и приказали павликианские контролеры усмирить, хоть слюной размочить. Ласкарь сделался шафранным от негодования:

— Жиды, манихеи! Покарай их Господь, нечестивцев! — От мыслей о революционности павликиан у него следа не осталось. Но требование павликиан исполнил.

Перетрусивший Костяки предупреждал Дениса шепотом:

— Не осеняй себя крестным знамением, у них это не принято. Они и святых икон не почитают. Обнаружат православного, так ведь убьют!

Из-за двери был слышен и вкрадчивый голос Телхина, который кого-то красноречиво убеждал, клянясь трудом и славой.

Наконец хор из-за большой арки утих, словно притомившись, раздался призыв диакона: «Теперь взойдите!» — и оглашенные разом вскочили и устремились внутрь.

Тогда Телхин привел изнутри священнослужителя в золотом восьмиграннике — тимпанике на голове, и тот стал наставлять Дениса и его спутников. Крестом себя действительно не осенять, при появлении святейшей Праматери Каллиники Шестнадцатой всем пасть ниц и подняться только по особому знаку, на все вопросы его, священнослужителя Иоанникия, отвечать: «Анафема...»

Наконец они вошли. Большая подземная красивая церковь — крипта была освещена медовым светом множества свеч. Вдоль стен были уставлены ячменные кудрявые снопы, а над ними развешаны самые обыкновенные крестьянские серпы. «Молотов только не хватает», — подумал Денис. Поглядел на вызолоченный изнутри купол подземной церкви и увидел там как будто для полноты впечатления нарисованные красные пятиконечные звезды и голубочки мира. Икон действительно не было нигде, а вместо алтаря и иконостаса красовался великолепный занавес, тканый из многоцветной парчи.

Увидев всю эту подземную красоту и великолепие, Денис невольно подумал: а ведь наверняка вся царская полиция, и сикофанты, и все антихристофориты с ног сбиваются, чтобы павликиан этих искоренить, а у них этакая роскошь прямо под боком у Большого Дворца! Что, не могут искоренить или не хотят? — и делал заключение, что, скорее всего, не хотят. Хоть и подземная церковь, а все же ручная церковь, в ней каждый диссидент на учете!

Седой красавец Иоанникий вышел на амвон, покадил во все стороны, поклонился и возгласил, обращаясь к Денису, его спутникам и ко всем оглашенным, стоящим тут же:

— Не отвергали ли честного животворящего креста Господня?

И все дружно ответили:

— Анафема отвергающим крест!

И все распростерли руки, изображая собою честный животворящий крест Господень.

— Не отвергали ли богопосланного труда, работы ежеполезной, словно блудливые монахи, тунеядцы Господни?

И все ответили:

— Анафема отвергающим труд!

И третий был таков же вопрос о вере, о чудесах и милости Господней, и ответ был опять же единый:

— Анафема отвергающим веру!

Тогда запели хоры слева и справа, зазвенели била и бубны, забренчали цепочками кадила, двинулся и пополз в разные стороны дивнотканый занавес. Иоанникий сделал знак падать ниц.

Уже лежа носом в пол, Денис заметил, что пол здесь, хотя и очень старый, истертый тысячами подошв, представляет собою настоящий уникам. Это мозаика из цветной смальты, изображающая Крещение: Христос в виде безбородого кудрявого юноши в набедренной повязке, Иоанн Предтеча в козлиной шкуре и с жезлом пастуха. Лежащий рядом Ласкарь все никак не мог пережить свое унижение от павликианских юнцов, бормотал:

— Осквернились, оскоромились! Теперь сорок дней поститься, если епитимью соблюдать за греховное общение с еретиками. Господи, Пресвятая Богородица! И Фоти они найти не помогут, чует моя душа!

— Восстаньте! — наконец разрешил Иоанникий. Он размахивал бумажкой, переданной ему Телхином. Там крупными греческими буквами было написано для гадания и поминовения души: «Фотиния, дочь Иустина, из Амастриды Пафлагонской», а Денис взял еще и приписал современными русскими буквами: «Светлана Русина». И когда уж написал, вдруг осенила его мысль. Да ведь это, по существу, одно и то же: Фотиния, от слова Фотос — свет, это же и есть Светлана!

Но размышлять особенно было некогда. За распахнув-

шимся занавесом в свете карминовых и фиолетовых лампад возвышался трон не трон, мощехранительница не мощехранительница, на котором покоилось нечто человекообразное и действительно похожее на мощи — коричневое и высохшее, как картон.

Однако когда хоры подъяли вновь к подземным небесам свои звонкие моленья, правая рука того, что Денис принял за мощи, шевельнулась, благословляя, — оглашенные вновь повалились на колени.

Иоанникий указал в сторону Дениса его бумажкой, и существо на троне, похожее на мумию, принялось петь тоненьким старушечьим или младенческим голосом. А певчие все ускоряли эту странную песнь, как бы подталкивали ее странными ритмическими припевами:

— Ори-ури, ози-този! Ори-ури, ози-узи! Спурий-Кассий, Умбрий-Мумбрий-те! Шуба-нуба, шуба-нуба, тога-мога — у-уй!

И вдруг среди этого несусветного мельтешенья и трепета невидимых крыл Денису послышался словно бы шипящий голос попугая, решившего говорить по-человечьи. И голос этот произнес:

— Денис Петрович, Денис Петрович, где вы?

«Этого не хватало! — подумалось Денису. — Новая чертовщина! В этом свете никто не знает, никто не может знать, что я — Петрович!»

— Денис Петрович! — продолжал попугаячий голос, слабый, но уверенный, сквозь безумный ритм хора. — Денис Петрович! Опять ночь, опять я одна и опять я плачу о вас!

И это было словно вопль отчаяния в бессмысленно черном и пустом пространстве! Дениса, без преувеличения, даже зашатало.

И в этот момент резко прекратилось все: хор, ритм, кручение, пение — настала абсолютная тишина. И тотчас же погас свет — лампы, огни, свечи, звезды, искры. Денису было совсем не до того, и все же он не мог не поразиться — как они этого достигают?

Свет тотчас же зажегся в прежнем своем великолепии, свечи, лампы, искры и все такое. Хор тягуче запел какую-то негромкую мелодию.

Мумия на троне вновь подняла руку и черным пальцем указала без ошибки на Дениса, стоявшего посередине:

— Кто здесь диавол?

Несколько мгновений царила напряженная тишина, и затем она сказала просто, не опуская руки:

— Ступай, диавол, вон!

Вздрыгнув, Денис поспешил повернуться и выйти — а что ему оставалось делать? Оглашенные пали на колени, а спутники вышли за Денисом.

Выйдя в прихожую зальцу, они остановились в растерянности. Византийцы склонны были отшатнуться от Дениса, как действительно от исчадия ада. Всех вразумил профессиональный клеветник, который сказал, что если еретик кого-нибудь обзывает диаволом, то ведь это, с точки зрения православия, лучшая похвала.

Денис об этом не думал, пораженный услышанным. И вещал-то тот попугаачий голос не на греческом языке, а на самом современном русском, на котором только и может говорить Светка Русина с четвертого курса! Кто-то в том мире думает о Денисе, не спит ночей, ждет его в безнадежной дали!

А Телхин в ярости винил павликианского священнослужителя: обманул, стервец!

Слышно было, как в крипте идет проповедь. Пастырь говорит о наступающих грозных временах, об обнищании народа, о неспособности властей. «В общем,— усмехнулся Денис,— низы не хотят жить, а верхи не могут управлять по-старому». Проповедник напомнил о славных павликианских полководцах, которые держали в страхе Божиим и Второй Рим, и сопредельные царства, и призывал иметь клинки наготове.

Тут из крипты вышел священнослужитель Иоанникий, на упреки Телхина развел руками: и у Праматери Правды характер не сахарец. Чтобы показать свое ироническое отношение ко всему происшедшему, Денис спросил у священнослужителя: «Эти эффекты, как они их достигают?» Иоанникий взглянул на него как-то странно и совсем по-современному, как какой-нибудь жэковский сантехник, сказал: «Каждый ест свой хлеб».

Затем возвратил Телхинову бумажку и пояснил:

— Предвещание получено. Фотиния, дочь Иустина, жива. Светлана Русина (он очень четко произнес это имя) в нашем мире не существует.

Выбрались на поверхность. Была вторая половина жаркого октябрьского дня, и город, пробудившись от полсеобеденного сна, спешил наверстать упущенное особой

суемой и спешкой. Товарищи Дениса разошлись, подытожить пережитое не было сил.

Денис направил Ферруччи готовить ужин, а сам пошел не торопясь.

В невообразимой толчее между колонн Крытого рынка он поднимался по Халкопратам, стараясь не реагировать на назойливые предложения лоточников и разносчиков всех мастей. Вот какой-то разжиревший откупщик идет в бани Зевксиппа, причем ему важны не бани, а то, чтоб весь город знал, что его теперь в это respectable место пускают. Поэтому он нанял рабов, чтобы его вели в баню, несли за ним мочалки и простыни. В плату специально входит, чтобы они прохожих толкали, а его камерарий бы извинялся:

— Извините Иоанна Ликуцу, он идет в бани Зевксиппа.

А вот похороны вельможи. Валит толпа, несут огромные свечи, кадят кадила. Сыновья покойного бросают в толпу мелочь, и даже состоятельные люди кидаются подбирать. Сановники едут верхом, слуги ведут коней в поводу. Крик, пение псалмов, голоса женщины.

Денис ускорил шаг, пересек площадь и вышел к зеленому холму, откуда уже поднимались невообразимые стены Юстинианы, самого высокого из дворцов. Здесь обычно они поворачивали, чтобы идти к служебному входу Большого Дворца.

И здесь его кто-то ждал. Денис сразу узнал его. Это был благодушный и губастый евнух Теотоки, которого она от себя прогнала на постаменте Быка, чтобы быть поближе к Денису.

— Что тебе, человеке? — как можно ласковее спросил Денис.

И увидел мимическое представление. Толстяк выпростал обнаженные, совершенно женские руки и, словно танцуя, изобразил ими девичий силуэт. Затем одной рукою резко прочертил брови на своем лице. И Денис неожиданно понял: он хочет сказать — Теотоки!

— Теотоки?

Евнух радостно закивал и принялся за дальнейшее лицедейство. Вытянутой рукой он очертил в воздухе большой круг и показал на солнце, готовое нырнуть за купол Крытого рынка.

— Завтра в то же время? На этом же месте?

Гном Фиалка исполнил радостный танец.

— Вот она! — указал Ласкарь, становясь на цыпочки, чтобы лучше увидеть в толпе.

Денис просил показать ту особу, которая категорически заверила его, что Фоти нет при дворе кесариссы. И вот возле рыбного привоза, где глаз потребителя, устав от трески и кефали, ищет деликатесов — крабов, устриц или морской мелочи, называемой итальянцами «фрутти ди маре», они увидели ее.

Особа в балахоне с претензиями, всяческими плоечками и в отнюдь не старушечьем чепце продвигалась по рядам устричников с корзинкой.

Завидев начавшего расшаркиваться и браво крутить усы Ласкаря, она пыталась скрыться, но Денис блокировал ей путь с другой стороны.

После получасовой беседы, получив в ладонь увесистый кошелек из коллекции Ферруччи, особа согласилась провести Дениса (только одного!) пред светлые очи кесариссы. Маруха, напомним, после кончины царя и драматического бегства под защиту алтаря Святой Софии по заступничеству патриарха была отправлена под домашний арест.

— Этот со мной, — сказала особа, проведя Дениса мимо равнодушных ко всему стражников. Один из парадоксов византийской политической жизни — кесарисса с мужем находилась под арестом у собственной челяди.

Особа провела Дениса по легким лестницам и галереям дворца, более напомилавшего современный курортный отель. На крыше имелся зимний сад. Стекла потолка были раздвинуты, и морской ветер ласкал листья олеандров и бегоний. Там она усадила его среди пышных жасминов и велела ждать.

Денис осмотрелся, увидел античные гермы, понавшие сюда из каких-нибудь развалин Эллады. У каждого из входов неподвижно, как статуя, стоял часовой в пурпурной форме придворной тагмы.

Послышались чьи-то мужские голоса, знакомые Денису, и появился кесарь Райнер, красавец из Монферратского маркизата привычно лязгнул зубами.

— Нет, нет, — говорил он человеку, который шел за ним, непрерывно кланяясь. — Ты искусный оружейник, де

Колон, я ценю твое мастерство, но вот этот стилет у тебя не то, что мне нужно.

За кесарем шел не кто иной, как папаша Ферруччи, Денис его мысленно звал старший предок Колумба. Они Дениса сразу не различили за кудрявым кустом жасмина.

— Твой стилет остро отточен, сталь его отменно закалена, резьба на рукоятке красива. Но он не центрован, поэтому не может летать. Посмотри-ка, какие кинжалы водятся у диких варягов.

Кесарь подошел к часовому и бесцеремонно вынул из ножен на его поясе обоюдоострый клинок. При этом вышколенный гвардеец не шелохнулся, словно восковая кукла. Кесарь обвел взором помещение, как бы ища, где опробовать оружие.

«Сейчас еще в меня запустит,— невольно откинулся Денис на скамье.— Глаза-то совсем дикие».

Кесарь действительно, не найдя подходящей цели в кустах и архитектурных деталях, сделал три крупных шага назад и скомандовал часовому: «Кр-ру-гом!» Тот, опять же как заведенная кукла, повернулся спиной. Денис не успел сообразить, что он хочет сделать, как Райнер, взяв клинок за острие, резко взмахнул рукой. Кинжал, быстро вращаясь, полетел и глубоко вонзился между лопаток несчастного варяга.

С варяга слетела каска, он закрыл глаза, выронил копье и с шумом повалился на мраморный пол. Предок Колумба смотрел на эту сцену с неподдельным ужасом, как и Денис со своей скамьи. А другие часовые опять же не двинули ни рукой, ни ногой.

«Наверное, такие сцены здесь нередки»,— подумал Денис.

Райнер вернул оружейнику его стилет и удалился с ним, о чем-то беседея по-итальянски. Ведь они были земляки.

Денис пришел в себя от прикосновения к плечу конца летнего зонтика. Это была Маруха, в излюбленных своих жокейских панталонах и весьма легкомысленной кофточке, обтягивавшей мощный торс.

— А! — порфирородная улыбалась с жабьим кокетством. — Не забыл свою покровительницу, избранник богов?

Между кустами тропических магнолий сервировался стол с прохладительными напитками.

— Птера! — вскричала вдруг порфирородная, гневно

блеснув глазками.— Гляди, наш кесарь всюду оставляет за собою покойников. Вели забрать отсюда эту падаль и отнести прямо в его личный покой!

Птера оказалась та особа в модном балахоне, которая завела сюда Дениса. Она мигом распорядилась, и варяг, еще хрипевший под кустом, куда он откатился, был вынесен из зимнего сада.

Порфирородная усадила Дениса напротив, и потчевала его, и ласкала гостеприимным взглядом. Ее Птера хлопоталась, поднося угощения.

— Расскажи, человек из другого мира, как живет этот ваш другой мир? Сикидит уверял, что все у вас устроено по Платону, господ нет, все равны. Не верится мне в это.

Денис не знал, что и рассказывать: про самолеты, огромные производства, стеклянные города, многолюдные школы, печатные книги, кино и телевизор?

— Впрочем, мне это ни к чему,— повернулась на золоченой табуреточке порфирородная так, что затрещала и табуреточка, и шелковая кофточка в подмышках.— Меня поражает только умение видеть мысленно, что ли, книгу жизни и по ней читать. Скажи, там у вас все такие или ты один?.. Птера! — сердито позвала она.

Особа в чепце немедленно появилась, готовая исполнить любое повеление. Денис, который успел к ней присмотреться, отметил ее злой, отнюдь не старушечий взгляд. Кесарисса приказала ей собрать посуду и выйти за дверь.

— Вот эта Птера,— с неким торжеством она указывала ей вслед пальцем.— Это и есть твоя ошибка! Ты, вероятно, как и многие другие, думаешь: вот добрая дворцовая бабушка, няньчившая кесариссу с самых ранних лет. Нет, дорогой, это мужчина, и притом весьма достойный мужчина, но с обездоленной личной судьбой... Имя же его — Птеригионит.

— Что? — не удержался Денис и вспомнил, как вскрикнула порфирородная, услышав из его уст это имя.

— Птеригионит, говорю! Вот так-то, прорицатель. Но я не верю, что он меня убьет. Я слишком хорошо знаю его. Его характер, возможности, привычки... Он как бы мой любовник, только без всего этого. Я держу его вот здесь — в кулаке!

Солнце взобралось на самую высоту и пекло отчаянно, если бы не свежий бриз с моря, было бы просто невозмо-

жно. Кесарисса под ажурным зонтиком расстегнула на себе почти все пуговички.

— Скажи, кто будет царствовать после сопливого Алексея, моего брата? — спросила она с игривостью, не соответствующей серьезности вопроса. — Вероятно, Андроник? Я так и знала. А после Андроника?

Денис, который начинал понимать, к чему клонится игривость царственной прелестницы, как всегда в этих случаях испытывал раздражение. Академическая память его обострилась и выдала имя:

— Исаак Ангел.

— Ой! — вскричала кесарисса и так хлопнула зонтиком по скамейке, что он сломался. — Этот рыжий? Этот скоморох? Этот ублюдок хуже кастрата? Ну, брат, со знайся, ты никуда не годный предсказатель. Впрочем, римский наш престол занимали еще худшие шуты...

Так проводили они время. Солнце перевалило к закату, было съедено все, что елось, и выпито все, что пилось, и даже переговорено все, что говорилось. Разводящий уже два раза менял караул, который, однако, вышагивал не топя, как будто передвигался по воздуху, а не по дворцовым паркетам.

Денис с грустью думал, что в настоящий час другой евнух ждет его возле дворца Юстинианы, и, вероятно, сегодня он не увидит Теотоки и как они потом найдут друг друга... Понимал, что настает самый ответственный момент игры в кошки-мышки.

— Что бы ты хотел от меня? — нежно сказала порфирородная. — Ведь я все могу. Почти все, — откровенно призналась она. — Но для тебя все.

Денис дипломатично сказал, что он хотел бы видеть Сикидита, чернокнижника.

— Пустяк! — махнула она зонтиком, который ухитрилась починить сама. — Он живет в моем доме.

Заговорили о Сикидите. Кесарисса толково объяснила со слов чернокнижника, как тому удалось вытянуть сюда Дениса сквозь восемьсот лет. Она оказалась очень компетентна в теории вопроса, как сказали бы в ученом совете их факультета. Бывают моменты, доложила порфирородная, когда непрерывно вращающиеся сферы времени-пространства близко подходят друг к другу, образуется противостояние. Это можно угадать или рассчитать через посредство астрологических выкладок, а разыскивать жи-

вую цель и затем перетягивать ее можно тем же путем, как мистики вызывают духов умерших.

— Да зачем тебе туда? Сикидит стар и слаб, у него руки трясутся. Он тебя уж туда и не закинет, будешь мучиться в каком-нибудь другом времени... Оставайся здесь, я возведу тебя на трон Комнинов!

У Дениса помутилось в голове, сердце билось как бешеное, он понимал, что ни в коем случае, ни в коем случае... Не обольщаться ни в коем случае!

Его молчание порфиородная сразу поняла. И, как это у нее всегда бывало, настроение ее круто перевернулось. Вскочила, застегивая пуговицы, пальцы ее были тверды, не ошибались.

— Эй, охрана! — закричала. И на сей раз варяги-часовые не оказались глухими, реагировали мгновенно, повернулись к командирше. — Схватить его, вот этого, этого! Схватить этого дьявола, мурина, схватить!

8

Едва отошел траур по Мануилу, новая политическая весть сотрясла столицу Великого Рима. Военачальник Комнин Врана обручался с племянницей известной матроны Манефы Ангелиссы. Верховная правительница Ксения-Мария и протосеваст Алексей им для торжественного обряда обручения предоставили пустовавший дворец Дафны.

Все поняли: это, конечно, плата за своевременное появление Враны и его войска в день кончины Мануила, которое помогло венецам одолеть коварных прасинов, а правительству Ксении-Марии с ее красавцем протосевастом вновь прийти к власти. Во-вторых, это был залог будущего. Врана, человек уже очень немолодой, по всей видимости, в новой свадьбе не нуждался. Это был чисто политический акт — брак Комнина с девушкой из рода Ангелов, союз армии и династии.

Злокозненному же принцу Андронику, который, несмотря на разосланный по всем городам и провинциям указ об амнистии, демонстративно не стал покидать своей пафлагонской Амастриды, ожидая, вероятно, персонального приглашения, тем самым была преподнесена монументальная фига.

Утомленная бесконечными приготовлениями невеста

лежала без сил среди кипени тончайшего белого шелка и мелькания проворных рук портных, тут же кроивших и сшивавших.

— Иконом, Иконом! — окликнула невеста тетушкиного слугу, который нудно бранил служанку Хрису, перерасходовавшую, по его мнению, безумно стоящий китайский шелк. — Иконом, брось свое скряжничество, ты разве не знаешь? Мой жених безумно богат. Скажи лучше, ты не видал гнома Фиалку?

За него ответила Хриса: гном Фиалка прячется в кухонном чулане, он проплакал там всю ночь.

Гном был доставлен к изголовью госпожи, а портные и слуги получили полчаса на отдых.

— Ну и где же он? — спросила Теотоки. — Что же ты не приходишь и ничего не сообщаешь? Или что-нибудь произошло?

Но ученый гном мимически изображал только плач и скрежет зубовный.

— Может быть, ты, — не без ехидства предположила Теотоки, — как бывший человек Враны, не хочешь способствовать моим знакомствам с другими мужчинами?

Фиалка подскакивал и бил себя в голову и в грудь столь выразительно, что было ясно, его верность другого порядка.

— Тогда успокойся, выпей вот ароматной водицы и расскажи все по порядку.

И премудрый гном показал в движениях, как высятся гималайские (не менее) стены императорского дворца, как спешит в баню свиноподобный скоробогатей, а его клеветы всех толкают направо и налево... В общем, как встретился ему богоподобный, с величавой осанкой и прекрасной бородкой юноша и обещал прийти после того, как солнце опишет полный круг и снова начнет клониться к закату.

— Ну и где же он?

Но гном снова изобразил мировую скорбь.

— Ты артист, — сказала Теотоки. — Тебе бы в театр по справедливости, но не до того мне сейчас... Так где же все-таки он?

Глаза Фиалки сверкнули, он ударил кулачком в свою дыплячью грудь и указал на горизонт. Он найдет, он все узнает!

На другой день прибыл с подарками жених, в золотом скарамангии с царского плеча (еще предыдущего василев-

са), в окружении столь же златотканых подчиненных. Они поднимались по лестницам Манефиного дома в шаг, словно в строю на поле брани. Ангелы тоже постарались собрать свои когорты, в Манефином доме стало ужасно тесно, прибыл сам Исаак Ангел, мы уже знаем, что он недолго любил Теотоки, остренькую на язык, поэтому шутловством своим заниматься не стал, держал себя как базарный надзиратель — и желал бы всех разогнать, да прав таких не имею.

И тут получился грандиозный конфуз. Невеста отказалась встать навстречу жениху и говорить с ним, да и вообще с кем-либо говорить.

Бесконечно прекрасная, вся в белых шелковых волнах, она полулежала, отвернув в сторону лицо, и никто не знал, что делать при таких нарушениях этикета.

Серьезнейший Феодорит заметил, что следовало бы, как он и говорил, всю церемонию с самого начала производить в просторной Дафне.

Взвинченную Манефу всю трясло, тряслись и бренчали на ней бриллиантовые подвески парадного головного убора.

Исаак Ангел отвел в сторону друзей, Ангелочка и историка Никиту, и принялся им толковать о ценах на ликийскую шерсть. Совестьливому Акоминату было ясно, что этот разговор затеян ради пушного унижения Теотоки, но он просто не знал, как его прекратить.

— Гей! — жених неожиданно снял проблему. — Оставьте девочку. Устала бедняжка, уморили церемониями. Не беда, познакомимся в другой раз, вся остальная жизнь еще впереди. Давайте лучше так — всех желающих я приглашаю к себе в военный лагерь в Редесте, там у меня приготовлен стол в двести персон!

Манефа, конечно, с восторженными гостями не поехала, долго сидела возле скованной безмолвием Теотоки, удивлялась тому, что она не плачет.

— Я бы ревела! Да я и ревела, когда оказалась в ее положении!

Дело усугубили приехавшие на обручение ее сыновья.

— Врана такой дундук! — говорил старший, Сампсон, муж, обремененный сединой и чувством собственного достоинства. — Он по матери славянин, что ли, или русский, там Бог его знает. Я с его старшим сыном служил, тоже такой дундук.

Похоже, кроме слова «дундук», высокопоставленный киприянин не знал другой кадровой характеристики.

Его младший брат Парфен, наоборот, очень словоохотливый, привез из Италии иные впечатления о женихе сестры:

— На каждом походе ему в шатер свежую пленницу бросают... Он не заснет без новой женщины!

— Молчите, молчите, молчите! — затопала на них Манефа, срывая с себя подвески и цепочки. — Молчите, а то я всех вас разом удавлю!

Фиалка пропададл невесть сколько и вернулся, когда уже Теотоки объявила себя выздоровевшей. Она выслала любопытных Хрису и Бьянку, и гном безъязычный принялся докладывать.

Сначала натужно шагал посреди комнаты, изо всей силы двигал локтями, изображал страдальческое лицо.

— Ты долго искал, тебе было трудно, — перевела Теотоки. — Знаем, знаем, шагай дальше. Да не старайся меня позабавить, развлечь, как больную, я в этом не нуждаюсь.

И вдруг гном Фиалка ухитрился сделать маленькие-премаленькие глазки, надул щеки, презрительно растопырил губы, а пальцами рук изобразил над головой вроде бы зубцы короны.

— Маруха? — сердце бедной невесты упало в пропасть безнадежности.

А галерея персонажей продолжалась: вот в исполнении гнома идет-бредет старушка в длинном балахоне, в причудливом чепце, а вот варвар-гвардеец со зверски оттопыренной челюстью. Вот уж совсем невероятный тип — не то Юпитер-громовержец, не то колдун-чернокнижник. Бедного гнома, вероятно, поразила его лысина, он то и дело указывал круг на собственной макушке. А может быть, он имел в виду святого? Но Денис-то пропал, его так нигде и нет!

И опять потянулись пустые дни, Теотоки отказывалась кого-нибудь видеть, принимать. Целыми днями сидела молча на тахте, грызла соломинку, через которую пила успокаивающий отвар чемерицы.

И тут из сада через дальнюю калитку проник предприимчивый Костаки. Служанки предупредили его, что молодая госпожа вспыльчива, но он пошел на это и получил в голову удар бронзовой чашкой из-под чемерицы.

— Уй-уй-уй! — воскликнул он, потирая шишку. — Это получил я, а что же получит сам Маврозум?

И Теотоки неожиданно смилостивилась, но поставила условием, чтобы гроза морей от самого порога полз к ней на толстом животе. И отдувающийся, пунцовый, как из бани, Маврозум, сверкая победным глазом, прибыл наконец в ее собственные покои. Костаки подал ему кипарисовый ларец, а там — свадебный подарок, ожерелье с эмалевыми иконками святых, бесценное искусство!

«С кого снял, одноглазая рожа?» — подумала Теотоки. Ничто все-таки ее не радовало, ничто не интересовало. Но пират, предчувствуя такой поворот сюжета, принялся ей рассказывать о каждой иконке в отдельности, каким стилем изготовлена, в какой технике, в каком монастыре, и выказал себя замечательным знатоком этого ремесла.

Пришлось сервировать чай — китайский напиток уже тогда пришел в Византию.

За столом говорили обо всякой всячине, о столичных новостях и коснулись невзначай врача, или прорицателя. Дионисия, который прилетел с того света.

Маврозум усмехнулся, спросив: это тот, что ли, которого не стали кушать львы? Но пожал плечами и заявил, что ничего более про него не знает.

Тогда, извинившись, в разговор господ вступил Костаки, сидевший на подушечке у входной двери, и сообщил, что, по его сведениям, чародей Сикидит на днях отправил его обратно, на тот самый свет, откуда и вызывал.

И — о, сердце женщины! Когда Теотоки уверилась в том, что Денис отнюдь не изменил ей с другой женщиной, не находится в плену у злой царевны, не живет где-нибудь в другом государстве, забыв о ней и благоденствуя, — ей стало неизмеримо легче. Пусть он заброшен в чудовищное пространство, пусть он даже расщеплен, распластан во времени, пусть! У Теотоки осталась о нем светлая грусть и благодарная память. Она вспомнила поговорочку, которую слышала от него: «Жить-то как-то надо!»

А пират набрался дерзости до того, что предлагал ей быстроходную галеру бежать куда-нибудь на Принцевы острова. «Ты забываешь, раб, — сказала она твердо, — из какого я рода». И бедный Маврозум, а с ним и втайне торжествующий Костаки были изгнаны.

Пришла трепетная Ира, все ей хотелось знать, обо всем говорить, Теотоки же она показалась обыкновенной трескушкой. Дениса она безоговорочно считала любовником Теотоки и на словах сочувствовала, что та вынуждена

выйти за нелюбимого. Маруха? Ира цокала языком: ходят слухи, что кесарисса просто убивает, умерщвляет мужчин, которые кажутся ей красавцами. Растравила вновь несчастную Теотоки, а потом заплакала:

— Ах, Токи, у тебя хоть кто-то есть, хоть кто-то, кого ты любишь... Какая ты счастливая! А я? Вечно одинока, вечно сама с собой...

— А Ангелочек?

— Ой, Токи, о ком ты говоришь!

Вытерла носик и глазки, прошмыгалась и объявила, что приехала прощаться — отсылают в Пафлагонию к отцу. Родители-то ее, как известно, то вместе живут, то не живут... Ее, Эйрини, вместе с младшей сестрой Фией держали в монастырях, воспитывали.

— Сколько я помню, — удивилась Теотоки, — шла речь, чтобы вам не встречаться с отцом.

— Видимо, теперь кому-то это надо.

— Не знаю, как теперь будем видеться. Говорят, Врана и Андроник — злейшие враги...

Девушки постояли лицом к лицу, держась за локти друг друга, молчали или молились, каждая о своем. Теотоки вспомнился образ «Встреча Марии и Елизаветы».

В знак полного обретения душевного равновесия распорядилась принести попугая и стала собственноручно чистить клетку. Исак был грустный, вздыхал, как старичок:

— Кошмар-р! Кошмар-р! Все пр-ропало!

— Да что ты! — возражала Теотоки. — Что ты, Исак? Все у нас впереди.

Но он мигал подслеповатыми глазками и безнадежно повторял:

— Кр-рах! Кр-рах! Кр-рах!

За чисткой попугаячьего жилища ее застал Никита-историк. К Теотоки в принципе никого не пускали, он ухитрился сэкономить на своих книжках золотую монетку и всучить ее красавице Хрисе.

Теотоки была очень рада ему. Он внушал спокойствие, мир, такой благообразный, мудрый человек, хотя совсем молодой.

— Я слышала, вы тоже просватаны, за Анну Вальсамону, племянницу великого логофета... Поздравляю вас, Никита.

... Невеста моя еще в куколки играет, — усмехнулся он. — Это мой братец расстарался, сам-то он, вы знаете,

монах. Но помнит, в какой бедности и унижении прошло наше с ним детство, хочет сделать мне быструю карьеру.

Прощаясь, любовно дотронулся до ее руки, заглянул своим ясным взглядом.

— Не сердитесь, Токи. Я сразу угадал, что вы не по своей воле идете. Вы самая прекрасная, самая умная, самая трогательная из женщин, которых я когда-либо знал. Если когда-нибудь только...

Она отобрала руку и сказала жестко:

— Я всегда все делаю только по своей воле.

9

Власти предрержащие не решились сломать тысячелетний обычай, то есть литургию обручения назначить в Святой Софии — матери всех церквей. Святая София есть храм только для первых трех иерархических классов — императоры (василевсы, кесари, кесариссы), священные особы (севасты, августы), государи (принцы, деспоты, князья). Оба же ныне обручающиеся были, мягко говоря, не вполне римского происхождения. Он, хотя и Комнин по фамилии, был сын вольноотпущенника, она хоть и из Ангелов, но тоже какая-то незаконнорожденная.

Никита Акоминат, когда ему рассказали об этом, нашел, что здесь отразилась вся двусмысленность нынешнего правительства. С одной стороны, оно выдвинуто вполне демократическим переворотом венетов, с другой — смертельно этой цирковой демократии боится. С одного конца вроде бы создано вмешательством армии, с другого конца спит и видит, как бы эту армию поставить на место.

Обменяться мыслями ему было недосуг, потому что в данный момент он шествовал в церемонии прямо за невестой и держал кончик длиннейшего лора, усыпанного алмазами. За изготовление только одного этого лора благороднейшая Ангелисса заложила лучшую из своих мельниц.

И еще Никита думал о народе, который запрудил улицы и площади, приветствуя шествующих обручников кликом, который мог сорвать солнце с небес. Давно ли те же римляне, в латаных-перелатаных одеждах, с сумками для

бесплатных раздач на боку, тем же кличем грозили сжечь дворцы народных любимцев?

Торжество было назначено на день отданья Воздвижения, когда нет уж поста на столе, ни трудов уже нет в поле. Красная листва дубов и кленов осыпалась и хрустела под ногами шествия, которое направлялось к церкви Косьмы и Дамиана, приходского храма Манефы Ангелиссы. На фоне желтизны лиственных парков темная зелень кипарисовых аллей напоминала о вечности.

Патрихии в шафрановых далматиках и роскошных мантиях, расшитых единорогами и львами, предшествовали идущим в Дафну новобрачным. Величественные старцы мерно ударяли посохами в пол. Никита за невестой передвигался куриным шагом и от нечего делать занимал свои мозги размышлениями о том, как склонны византийцы ко всякого рода процессиям и церемониям. Дров наколоть не умеет, а где повернуть, да где вывернуть или где замедлить шаг — это он дока. Каждую маленькую церковку открывают и закрывают по дважды в день с уставными поклонами да обходами...

— Если б не императорский двор, на какие б деньги поставили себе дворец в предместьях всякие мудреные церемониймейстеры и красильщики тканей, ювелиры и резчики слоновой кости?..

Затем фантазия его понеслась в тропические моря далекой Индии, где рабы-ныряльщики для византийских царей добывают редкостный жемчуг и сами становятся пищей акул... А рабы-поденщики на далеком острове Аустралис...

Никита с разгону чуть не ударился в спину невесты, потому что шествие внезапно затормозилось — церемониймейстеры устанавливали в его середине высокопоставленных военных, которых в обычный порядок процессии добавляли из уважения к жениху.

«А кстати,— подумал Никита.— Куда девался этот симпатичный Дионисий, о котором ходили всякие легенды, будто он царя вылечил, будто он с того света прилетел?.. Он ведь, кажется, был в форме офицера императорской тагмы? У нас все так: все кричат, все болтают, но узнать ничего решительно невозможно!»

В это же время невеста, шествуя под бременем всяческих нарядов и украшений, тоже несколько успокоившись, думала о своем. Она думала, конечно, о будущем муже. Сквозь двойную фату сбоку она видела его горбоносый

профиль, оправдывавший его родовое имя Врана — Ворон, чем-то похожий и на гордые бюсты древнеримских полководцев. «Неужели ему почти семьдесят? У него же и морщин нет на лице. Какая мужественная складка у бровей!»

Ей много успели нарасказать о женихе. Она знала, что у своего отца он был под командой, служил простым весельщиком на военном дромосе. А отец был вначале военнопленным, заслужил свободу и честь ревностной службой.

И чем-то напомнил ей заслуженную боевую лошадь, которая и везет и везет, даже и ранения имеет, а все добротой и надежностью привлекает к себе. Вспомнила, как она отметила про себя: он подает команды тихим голосом, а они исполняются мгновенно!

«Ипа!» — шепнула она, непроизвольно подумав, что ведь придется как-то мужа звать в интимной обстановке. «Ипа» — это уменьшительное от «гиппос» — конь, на простонародном диалекте.

И он услышал ее и тоже скосил взгляд вниз, пытаясь взглянуть ей в лицо. Но тотчас послышалось шипение этериарха, ответственного за церемонии: «Всесветлый, не шевелитесь, все римляне смотрят только на вас...»

И еще один знаменательный разговор состоялся в притворе церкви Косьмы и Дамиана, в колоннаде среди почетных гостей обручения. Там присутствовал великолепный, похожий на дебелую женщину венецианец Альдобрандини, который пылко рукоплескал на все показываемые чудеса византийской церемониймейстерской школы. К нему подошел генуэзец, оружейник де Колон, тот самый, которого Денис прозвал «старший предок Колумба», и венецианец воскликнул, пожимая ему руку:

— О мадонна! Какой блеск, какая выдумка! Если б так было здесь во всем! Вы знаете, я вчера осматривал их оборонительные укрепления возле Золотых Ворот...

— Ваше превосходительство, вы же знаете суждение великого Фридриха Барбароссы: в Византии сосредоточены две трети всех богатств мира, тогда как на все другие страны — на нас, на вас, в совокупности, только одна треть. А по какому праву?

— И поэтому вы, итальянец, служите тем двум третям мира?

— Служил, ваше превосходительство... Но всему приходит конец. И пусть знают западные монархи — здесь

вся сила, как говорится, ушла в песок. Все гнило, все шатко — приходите, возьмете все голыми руками.

— К сожалению, западные монархи занимаются выяснением отношений вокруг какого-нибудь торфяного болотца на берегу Атлантического океана... Но это изменится скоро. Мне очень хорошо говорил о вас синьор генуэзский резидент.

Сутулый старший предок Колумба с благодарностью раскланялся, они отошли вглубь и заговорили о каких-то суперважных вещах.

— Пора, пора итальянским общинам, — закончил беседу красавец Альдобрандини, расправляя черные волосы по плечам, — пора забывать распри, объединяться вокруг общей идеи завоевания Востока. А вы конкретно используйте все свое влияние, как и раньше, чтобы в Византии поменьше производилось оружия. Вообще, пусть будет кавардак, чем хуже, тем лучше!

Когда же наконец обременительный спектакль окончился, церемониймейстеры подхватили свои жезлы, а попы кадила, любопытствующий народ разбежался по харчевням, а смертельно усталой невесте подали пышные носилки.

Жених протодоместик Врана Комнин пригласил сивдвшуюся в носилки Теотоки и ее родственников посетить военный парад в его ставке в Редесте.

Там, среди роскошных вилл и купален столичной знати, довольно обширный квадрат земельных угодий был превращен в военный лагерь, посреди которого красовался плац. Невеста, окруженная плотным кольцом своих людей — Хрисы, Бьянки, Фиалки, Иконома, даже Никиты, в сопровождении Манефы Ангелиссы, которая, как вдова военного, хорошо знала всю относительность римских понятий о чести и целомудрии, и вступила на трибуну под хлопающий от ветра тент.

Среди множества обращенных к ней обветренных и загрубелых лиц, обтянутых под подбородком ремешками шлемов, она увидела и улыбающееся лицо Враны. Он даже подмигнул ей: держись, мол, веселей! И ей стало вдруг действительно легко и весело, она сбросила пелерину, потому что пекло солнце, и засмеялась. Манефа посмотрела на нее с некоторым удивлением.

А протодоместик Врана Комнин поднял над головой орлений жезл и тут же устрашающе заревели римские трубы-букцины и легионы начали марш.

Они двигались четким строем, синтагма к синтагме, все в пернатых шлемах, в одинаковой форме, чего, кстати, никак не могли добиться западные короли. Только рыцарским орденам, да и то сто лет спустя, удалось добиться строевого однообразия. Весь принципиальный индивидуализм, геройское своеволие странствующего рыцаря, богатыря-одиночки, паломника, отдавшего себя в жертву идее, выражались в преднамеренной пестроте и своеобразии его наряда. У византийцев же, как и у древних римлян, они были всего-навсего послушные винтики военной машины.

Никита-историк и тут оказался раздираем скорбными мыслями. Как могло случиться, что римская армия, по всеобщему признанию лучше всех снаряженная и устроенная, вот уже тысячу лет только и терпит поражения, то от западных варваров, то от восточных кочевников, в результате чего оказались отняты благодатнейшие земли и на Западе и на Востоке? А один самозванный князь из русских, тот даже ухитрился щит свой пригвоздить на священных воротах Второго Рима!

Из-под зонтика Теотоки видит, что главнокомандующий Врана и не смотрит на свои проходящие войска. Он поднял восхищенное лицо на невесту, а справа и слева серьезнейшие генералы тоже глядят только на нее, на ничтожную девчонку в общем-то... И ей становится невообразимо весело, она щекочет стыдливого Фиалку и тем доводит его до слез.

А букцины режут вновь и вновь. «Гей!» — обращается командующий к каждой проходящей части, по мере того как она равняется с его трибуной, и поднимает приветственно жезл. А вот и гвоздь праздника — катафрактарная конница, введенная в римское войско Комнинами. Это огромные, как бочки, витязи, закованные в кольчуги. Еле от тяжести движутся, еле держат равнение, еле сидят на своих конях-монументах. Но именно такие чудовища одерживают победы в сражениях последних ста лет, с тех пор как Готфрид Бульонский привел их под стены Иерусалима.

Прощаясь, Врана сказал, что хотел бы своей избраннице два слова сказать наедине. И опекунша Манефа согласилась, хотя по византийскому домострою таковой разговор в период меж обручением и венчанием совершенно невозможен. Спутники Теотоки отошли в сторону, каждый занявшись своим разговором.

— Гей! — начал Врана, словно он еще перед шеренгами катафрактов. — А не встретиться ли нам, голубка, где-нибудь без наших тетушек и начальников штаба, не поговорить бы по душам? Могу честью своей поклясться...

Теотоки слушала его без малейшей неловкости, как будто он ей ровесник.

— Честь протодоместика чего-нибудь да стоит, — улыбулась она. И тут ей пришла в голову дикая мысль. И как всякая дикая мысль, она у нее должна была быть немедленно реализована.

— Приходите завтра после отдания вечерни в фускарию Малхаза, знаете, у ипподрома?

— Куда? — спросил протодоместик неожиданно охрипшим голосом.

Спокойно глядя в его блеклые старческие глаза, Теотоки повторила приглашение и предупредила: только как частное лицо и без охраны. Добавила не без лукавства: я тоже клянусь вам честью.

10

И на следующий день, когда звонкие била церковей возвестили о конце вечерней службы, в фускарии Малхаза меж низкими ее столбами появился плечистый посетитель, закутанный в черный плащ. Можно было принять его за гуляющего иноземного наемника, особенно по вязаной шапочке, надвинутой на горбатый нос.

Однако никто не стал интересоваться его личностью — в знаменитую фускарию Малхаза кто только не заходил. Тем более что ее посетители в этот вечер бурно обсуждали очередной политический кризис. Венеты, зеленые, до сих пор считавшиеся партией Ксении-Марии и протосеаста, вдруг предъявили требование — снизить налоги. Но ведь эта мера могла оставить правительницу без лишнего обола и в конечном счете привести к падению ее!

Никто не обращал внимания на грустную Теотоки, которая, тщательно укутав голову в плат и пригорюнившись, словно простонародная девушка, сидела за крайним столиком у стенки. Вспоминалось ей, как здесь они с Денисом в минуту опасности имитировали поцелуй.

Рядом с нею красовался небезызвестный Мисси Ангелочек, весь обтянутый итальянским модным трико. Вести застольный разговор с дамой, тем более родственницей,

он был не приучен, поэтому он занимался тем, что разыскивал знакомых за столами и обменивался с ними поклоном.

Врана приблизился, и Теотоки представила их друг другу. Ее обручник поклонился с возможной почтительностью, все-таки молодой человек был из такого рода! А Мисси поклонился беззаботно, будто только и делал, что знакомился с военачальниками.

Посидели молча, общей темы не было, протодоместик скрыл свои очи за занавесью бровей.

— Скучно как! — откровенно сказала Теотоки. — Потанцуем, а?

И они встали и направились по винтовой лестнице вниз, опустились, вероятно, в сугубые катакомбы на три-четыре уровня. Где-то на поворотах им встречались атлетически сложенные молодые люди с меланхоличными, но решительными выражениями лиц. Теотоки, выступавшая в роли хозяйки, пригласившей гостей, отделалась, видимо, не одной золотой монетой.

— Тут и из царского рода бывают... — шепнула она Вране.

В обширном сводчатом помещении, где невидимыми светильниками освещен был только потолок, теснилось множество разнообразных лиц, индивидуальность которых при подобном освещении никак нельзя было рассмотреть. Но и духоты не было, какая-то незримая вентиляция приносила в подземелье даже свежий запах моря.

— Здесь танцуют кордак! — догадался Врана. — Или майному. Сикофанты с ног сбились, чтобы найти, где же культивируют эти строжайше запретные танцы, а они здесь, под самым носом Священного Дворца!

И Теотоки и Ангелочка здесь, очевидно, хорошо знали, потому что, если внимательно наблюдать, обменивались с ними еле заметным взглядом или кивком головы. Впрочем, в отличие от верхней фускарии здесь разговоров никаких не велось.

Пока общество приготавливало себя к танцам, Врана размышлял. Всю жизнь почитал себя простым солдатом. Пестрая и длинная, прошла она у него в походах и миссиях, где только не побывал. А вот на таком танце, о котором шепчется вся Византия, бывать приходится впервые. Да и то правда, что ж это за танец такой, за исполнение которого императоры способны приговаривать к смертной казни?

Музыка (струнные инструменты, флейты и бубны) выступала вкрадчиво, развивалась лениво, с неохотой, словно бы размышляла: а может быть, прекратить, пока не поздно, не нарушать закон?

Но вот в мелодии что-то переломилось, какой-то живчик зачастил, нетерпеливый, сбил всю леность. И пошло: майюма, убыстряясь, стала выделявать сумасшедшие ритмы, фигуры затряслись друг против друга.

— Майюма бывает разная,— сказала Теотоки, невольно придвигаясь к жениху. Круговерть начинала сбивать ее за собой.— Трактирщик Малхаз у нас еще аристократ... Вы посмотрели бы, как в тавернах пристани пляшется плебейская майюма, какие штучки там выделяют!

— Что? — не понял Врана в грохоте бубнов.

Но тут все до одной пары сорвались с места и, обхватив друг друга, словно черти на Лысой горе, понеслись водоворотом. Ангелочек вострепнулся, как боевой конь, повесил на крюк свою шляпу-лопушок и без дополнительного приглашения за руку увлек Теотоки в вихрь танца.

Напряженный девичий голос напевал, точнее, выкрикивал какие-то неразборчивые слова, и мужской хор с длинными синкопами их словно бы подтверждал. Пелись куплеты на самом низменном, с точки зрения византийцев, жаргоне, которым тем не менее искусно владели и некоторые императрицы. Смысл всего этого мы могли бы приблизительно воспроизвести так:

Я кру-та-ну,
А ты вибрируй,
Я разверну,
А ты — давай,
Над оглушенным этим миром
Ты семя ада проливай!

Дрожите, Римы и Парижи,
И колыбели, и гроба,
Мы, поколение бесстыжих,
Европу ставим на попа!

Зачем нам штопать
Мира дыры,
Беречь гнилые
Рубежи?
Я крутану —
А ты вибрируй,
Я разверну —
А ты круши!

Забывшись в танце, испускали крики, хрипы, горловые рыдания. Иные просто мочились на скаку, другие, скинув все одежды, вращали голыми руками и ногами. Многочисленные церковные инвективы обвиняют поклонников майюмы, что они, забываясь без предела, будто бы осуществляют в танце половой акт или даже прилюдно занимаются онанизмом. Нет, мы такими фактами не располагаем.

А Вране вдруг стало смешно и спокойно, как в те времена, когда он, молодой и безрассудный, под градом стрел хаживал на дикарей. Он и сам сплясал бы с этими дергунами, да пару его увел Ангелочек.

Вот и они танцуют. Как и все другие, Теотоки отстегнула и отбросила длинную юбку, осталась в набедренной повязке. Смуглые ноги ее были прекрасны, и Врана глаз не мог отвести, как она, еле успевая за бешеной музыкой, изгибалась в коленках и в талии. То плыла, как царевна Лебедь, то готовилась ужалить, как змея.

— Bravo, Астрон! — танцующие останавливались, только чтобы ею полюбоваться. — Bravo, Сверкающая Звезда!

И танец оборвался тишиной. Повалились, задыхаясь, плясуны. Изнемогшие танцорки кинулись в объятья кавалеров.

Теотоки, оторвавшись от Ангелочка, приблизилась к жениху, стараясь умерить дыхание. Взглянула прямо и слегка виновато.

— Вот ведь я какая... Вы теперь откажетесь от брака?

Врана как-то по-солдатски ухмыльнулся и потрепал ее по локтю. Вышли на улицу, там все-таки ожидал конный конвой с факелами. Молодой горбоносый генерал, чем-то похожий на самого Врану, выдвинулся, ожидая приказаний. Тот его отпустил.

— Не тревожься, Саватий, все в порядке. Поезжай спать.

— Попался, дружок, попался! — ликовал чародей Сикидит вокруг Дениса, которого царевнины варяги притащили к нему в эргастирий. — Ишь, самостоятельные чудеса он начинает устраивать, львов он укрощает, императоров исцеляет! Тьфу ты, мое творение, сопля бесправная, я тебе покажу, как от хозяина убежать!

Велел варягам:

— Прикрутите-ка его к спинке этого кресла, да понадежней. Он имеет дар освобождаться от пут, однажды так меня за горло ухватил, я чуть не задохнулся.

Приворные кесариссы ушли, Сикидит выбежал за ними, говоря благодарности и рассовывая золотые монеты. Денис в отчаянии огляделся.

Это была, очевидно, столичная лаборатория чародея, такая же, как в той далекой хижине на Кавказе, только в обширном сводчатом зале дворца. Но здесь также имелся огромный каменный очаг, стены и потолок были расписаны знаками зодиака и орбитами светил, на полках стояли реторты, пробирки, колбы, всевозможные ступки, флаконы с разноцветными жидкостями. Взор Дениса привлекло стеклянное сооружение, которое сначала он принял за витрину музейного типа. Там в нелепой позе красовалась фигура женщины — восковая, что ли? — в рост человека, одетая в длинную расшитую крестьянскую юбку.

Денис внезапно понял, что это же его Фоти, Фотиния из Амастриды Пафлагонской! Каким-то непостижимым образом она здесь впаяна, вмурована в стеклянный куб... У Дениса похолодели ноги.

— Что? — стал ликовать возвратившийся Сикидит. — Любуешься? Да, да, это твоя девка. Та самая, за которой ты тут шныряешь... Это я ее тут запаял в стекло. Ну как? Да не расстраивайся, она не мертвая, она жива-живехонька. Присмотрись получше — дышит!

Сикидит, словно чудовищная стряпуха, звенел чародейской посудой, что-то вдребезги разбил, чертыхался. Намешал в колбе снадобья, велел Денису выпить. Тот пытался его укусить.

— Ах ты, гад! — рассвирепел чародей. — Да я тебя... Да ты у меня... Твоя эта Фотиния тоже тут кобенилась, разыгрывала невинность. Вот пусть поживет теперь в стекляшке! Я хочу теперь ее отправить туда, в твой век. — Чародей указал пальцем в потолок, как таким же образом выражал эту мысль и Денис. — Там как раз имеется ее двойник или, как это правильное говорить, — двойница? Вот пусть и поразбираются, кто кого отражает, кто есть кто... Хе-хе-хе!

Кто-то тут вошел, покашливал, шмыгал подошвами

о пол. Сикидит, на всякий случай, спрятался за спинку кресла, к которому был привязан Денис.

— Это ты, что ли, Фармацевт? — спросил он глухо. — Что ты там шмыгаешь?

— Я, я, могущественнейший, я, — отозвался врач. — Вот насморк приобрел, таскаясь за вашим этим Дионисом.

Да, это был его маленький коллега, его Фармацевт, которого Денис — увь! — считал своим защитником, в мухоморчатом халатике и в шляпке тимпанчиком. Он сообщил Сикидиту, что повстречал старосту партии венетов и тот велел передать, что их политическое выступление назначено на завтра.

— На завтра! — всполошился чародей. — А у меня ничего не готово, ни хлопушки, ни петарды, ни поджигалки! Провозился с этой пафлагонской куклой... Надо мне сбежать туда, к венетам!

Он сдернул с вешалки кожаный дождевик с капюшоном, потому что на улице заходили тучи. Один сапог нашелся сразу, другой, кряхтя и жалуясь на возраст, почтенный хозяин искал под диванами. Ворчал, что слуг завести не может, все ненадежны, последнего слугу пришлось замуровать в кирпич, излишне был любопытен...

— Ты уходишь? — занял Фармацевт. — А меня с ним оставяешь? Давай его лучше ликвидируем.

— Да как ты его ликвидируешь, когда он снадобье принять отказывается? — Чародей ткнул в Дениса волшебным жезлом. — Кроме того, он мне слишком дорого стоил, а я хочу еще на нем подзаработать. Ладно, не расстраивайся, я его усыплю лучами, только ты отсюда выйди. Ты у меня квелый, в прошлый раз попал под излучение — проспал трое суток, жена раз десять за тобой прибегала.

— Жена? — мысли у Дениса уже путались. — У этого гаденьша есть, оказывается, жена? Да, да, как же я забыл, у него есть еще два обожаемых детеныша... Кстати, как он меняется, словно хамелеон, этот Фармацевт, то был весь седой, теперь лиловый.

Воля его к сопротивлению уступала натиску колдовства, непреодолимая сонливость сковала и движение и мозг.

Голос Сикидита из гнусавого и шамкающего вдруг сделался звонким и грудным, как у какой-нибудь англичанки. «Ай праксеис су, кай пулосеис фе эн те кардиа су...» —

«В делах твоих и словах да будет послушание сердца твоего...»

Последнее, что он чувствовал, прежде чем заснуть, как старец и Фармацевт, отвязав его от кресла, куда-то волочили, натужно охая. Чародей не переставал подсчитывать на ходу:

— Так, во сколько нам обошелся этот державный Мануил? Центнер серебра? А зато, когда я выкупал сего вот тавроскифского мерзавца, адмирал Контостефан сказал, что за эти деньги полфлота можно было бы купить, не только какого-то сопливого иновременца! — он поцокал языком. — А сколько, ты думаешь, нам содрать за твою Маруху и ее крокодила Райнера?

И голос невидимый смутно говорил, словно бы вещал радиоприемник:

«И увидишь сидящего во облачении и осыпанного жемчугом и бисером князя мира сего... И небо увидишь, украшенное звездами и планетами и солнцем и месяцем. И землю нашу узришь, всю во злаках, и травах, и деревьях, и море, и льды, и величайшие горы... Но дивнее всяческих чудес человек, ума лишишься от удивления, откуда в таком малом теле столь высокая мысль, способная обойти всю землю и выше небес взойти и паче всех времен!» — И паче всех времен!

И Денис сквозь сон пудовый подумал, что это, может быть, его земляк говорит, именуемый Даниил Заточник, или его кто-то громко читает, и притом как раз в этом 1180 году.

Он не понял, не почувствовал, сколько он спал, но в какой-то миг понял, что уже не спит. С трудом поднял веки, будто залепленные бетоном. В глазах забрезжил смутный свет, пальцы же никак не шевелились, не сгибались и колени. И он понял, что, подобно несчастной Фоти, он весь залит стеклом, весь внутри стеклянного куба.

И снова, в который уже раз, ужас сковал его пуще, чем мистическое стекло, и он некоторое время снова будто бы спал.

А когда снова очнулся, понял, что в эргастирии есть люди. Это был все тот же бывший его доверенный Фармацевт все в том же тимпанчике, он с кем-то оживленно разговаривал, показывал сокровища своей коллекции трав и снадобий.

И Денису это сделалось так любопытно, что он собрал все усилия и глаза его раскрылись во всю ширь. Он

увидел, что в эргастирии стоит уже знакомая ему Птера, она же дворцовый евнух Птеригонит, в балахоне и чепце с претензиями.

— Вот это трава аконит,— наставлял сосредоточенный Фармацевт.— В природе это безобидный цветочек такой, лютик голубой. В нашем же сугубом деле достаточно пол-унции на человека, на вашего здоровяка Райнера даже. Что касается кесариссы — она же женщина,— на нее хватит вот этой дозы, здесь четверть унции. Сначала жертва чувствует только мурашки в ногах, никакого не может быть подозрения. Потом внезапные судороги, и через четверть часа полный паралич. Спасти не удастся...

Птера кланялась и передавала Фармацевту туго набитый кошелечек, в котором Денис узнал один из кошельков Ферручи, им же, Денисом, сегодня утром переданный этой ядовитой Птере! И факт этот столь потряс Дениса, что он сам задрожал в гневных судорогах. Стекло не давало ему ни малейшего простора, но еще одно усилие, еще одно, среда поддается — и вдруг свобода!

Стекло рассыпалось на мелкие куски, а Денис даже не упал, пошатнулся, но твердо встал на ноги. На полу осколки мистического стекла быстро таяли или испарялись, и через минуту пол был чист.

А отравители, услышав звон стекла, сначала замерли испуганно, затем без оглядки кинулись в разные стороны.

Денис одним прыжком настиг убегающего, как крыса, Фармацевта.

— А, предатель, ты еще и отравитель!

Тот пал на колени, растерял свои босоножки, пытался целовать ноги Дениса, молил о пощаде, напоминал, что у него ведь малолетние фармацевтики.

Денис выпустил шиворот Фармацевта, потому что оглянулся, ища, куда скрылась пресловутая Птера. И в этот момент шестое чувство опасности заставило его не оборачиваясь отклониться. Мимо его головы пронесся горшок с огненным раствором и угодил в тот стеклянный куб, где была заключена Фоти. Стекло зазвенело, словно ручей, потекло потоком брызг, а синее пламя загудело, распространяясь.

— Аяй-вай! — буквально завизжал Фармацевт, увидев, что снаряд его не попал в цель.— Что мне делать, милостивые боги!

И проворно уполз, действительно как крыса, под шкаф с ретортами. Тут уж борьба пошла не на жизнь, а на

смерть. Денис не помня себя схватил один из мраморных табуретов и, вытащив беднягу Фармацевта, пришил им его, потом ударил еще и еще, ожесточаясь.

Женский крик вернул его к действительности. Неподалеку стояла Фоти, держалась за щеки. Синий огонь на полу эргастирия быстро угасал, опадал, истребив все волшебное стекло, рассыпавшееся по поверхности пола. Денис взглянул вниз. Несчастный Фармацевт лежал раскозякой в позе краба. Седенькая головка его, когда-то принятая Денисом за голову мальчишки, была расколота, как арбуз, расплющена. Кровь и мозги вытекали вперемешку.

— Боже! — ужаснулся Денис. — Убил человека!

Но размышлять было некогда. Он схватил Фоти за руку, потянул за собой.

Глава четвертая

ПАФЛАГОНСКАЯ ФЕМА

1

Море бесилось. Ветер порывами налетал, захлестывал волны яростно, будто некий циклоп Полифем, пасущий овец, гнал кудлатые стада, кидался в пенящиеся водовороты и исчезал в необозримых просторах Евксинского Понта — кто сказал, что это гостеприимное море? Какое же оно гостеприимное — холодное, чужое, неприветливое море.

— Бр-р, Каллах! — сказал всадник, кутаясь в теплый плащ и стараясь развернуть коня спиной к пронзительному ветру. — Сидели бы мы сейчас у жаркого очага!

— Что ж, принц, — отвечал его спутник, лошадка которого проваливалась в песок и потому никак не могла попасть за скакуном первого. — Вы сами обещали почтенному Пупаке встречать их конвой у Орлиного гнезда. Вот оно — Орлиное гнездо.

— Кто знал, — принц сбивал с себя дождевые капли, — что будет этакий шторм.

Каменистая гора, пересекая берег, вторгалась в морской залив бесформенными скалами.

— Кроме того, — подпрыгивал в седле Каллах, — разве с вами усидишь в тепленьком месте? Не здесь, так коченели бы где-нибудь на охоте. Разве вас удержишь, когда на дворе сезон?

Принц рассмеялся и загородил лицо перчаткой от напора ветра. Другой перчаткой обвел окрестные холмы.

— А помнишь, Каллах, года два назад мы с тобою тут бывали по делам охоты? Здесь кругом виноградники были, баштаны, народищу полно, шла уборка... А теперь пустыня, как после пришествия Антихриста!

— Да вы же знаете, кто в этом виноват. Иноверцы то и дело налетают, вытаптывают, выжигают. На что им наши виноградники, им пустырь нужен, баранту свою пасти... Державнейший наш царь, простите меня великодушно, он держался тут политики ни мира, ни войны!

— И куда же они сбежали отсюда, куда они делись?

— Кто, ваше высочество?

— Ну, виноградари эти, возделыватели баштанов?

— О, эти в столицу сбежали, нищенствовать да попрошайничать. Хуже дело с пахарями, с женщинами, с детьми. Эти небось слезы льют горькие в Багдаде или в Каире, угнанные, в рабах.

Принц привстал в стремянах — пара стремян была подарена ему крестоносцами, римляне же стремян не знали, ездили охлюпкой, — из-под руки обозревал окрестность, все повторял: ай-ай-ай!

— И нам бы все-таки не отклоняться от дороги, — предупреждал Каллах. — А то эти разбойники легки на помине. Сейчас и пожалуют!

Теперь, пока они таким образом разъезжают у кромки прибоя, разъясим, кто они такие. Это и есть знаменитый Андроник Комнин, двоюродный брат покойного Мануила-царя. У него было множество различных званий и титулов, он тоже носил титул протосеваста, что в более точном переводе означает «первосвященный», но титул этот носил совершенно светский характер. Протосевастов в империи было несколько, напомним, что протосевастом был Алексей Комнин, первый министр правительницы. Поэтому гордый Андроник любил называть себя иноземным титулом «принц», и обожавший его народ звал его просто «принц».

Тут их оруженосцы, тоже на конях, в купе ореховых деревьев, голых по случаю зимы, замахали руками и стали показывать на перевал. Там быстрее ветра, словно тени в дурном сне, проносились вереницы всадников, обгоняя друг друга.

— Это они, — мрачно констатировал принц. — Что им

нужно? Не хотят же они меня в плен захватить? Уж я-то с ихним султаном в мире живу.

— Нет, наверное, дело хуже,— Каллах, его камерарий, соскочил с коня и проверил подпруги коней принца и своего на случай внезапной скачки. Сколько было в истории случаев, когда высокородные оказывались в рабах только из-за того, что подпруга подвела!

— Наверное,— продолжал камерарий, возвращаясь в седло,— они, первосвященный, за твоими людьми охотятся, за конвоем твоего Пупаки.

— Откуда они могли узнать?

— О, принц, в столице есть немало желающих на шпионаже подработать в пользу разбойников этих.

— Да, ты прав, ты прав... И агаряне, они ведь очень хитрющие звери!

Они подскакали к своим оруженосцам под купою орехов, соскочили на песок. Загородившись конями, на фоне блистающей игры морских волн, они были менее заметны. «Береженого Бог бережет»,— уверял Каллах.

— Говорил я, надо было сабель сто с собою брать,— ворчал он.— У них тут, клянусь святыми мощами, за горой небось целое полчище стоит.

Принц его не слушал, всматривался в мощеную ленту римской дороги, уходящую в глубь гор. Оттуда должен был появиться ожидаемый караван или конвой.

И вдруг что-то произошло. Иноверцы с гортанными кликами понеслись назад, некоторые описывали круг, как будто готовые вернуться, и все-таки скакали назад. Через полчаса они окончательно исчезли за кромкой горизонта, как память о злом сне.

Принц улыбнулся:

— Намял им, видимо, бока уважаемый Пупака.

И тут же из-за серых монолитов скалы Орлиного гнезда стали показываться на неспешных конях люди Пупаки.

— О-ге! — завидев принца, стали приветствовать его стратиоты, поднимая копья и потрясая ими. Из тесной расщелины Орлиного гнезда выезжало все больше людей и повозок, начинали заполнять приморскую равнину.

— Где же славный Пупака?

— Он едет в конце каравана, где повозки с ранеными. Нет, нет, он сам не ранен, но там одного акрита только что поцарапало. Его подлечивают на ходу, чтобы не замедлять движения.

Перед сумрачным принцем потянулся караван, сфор-

мированный в столице, сопровождаемый конвоем из стратиотов Пафлагонской фемы, поэтому и называвшийся в просторечии — конвой. Бравые стратиоты ехали все как на подбор усатые, в трофейных восточных кольчугах. Два молоденьких попа в новых бархатных камилавках ехали на ушастых мулах к месту своего служения, в новые приходы. А вот целая толпа теток, несмотря ни на какие передраги сумевших на столичном базаре сделать бизнес и возвращавшихся с песнями и остротами, в том числе по поводу стратиотских усов.

— Отец!

Ба! Какими судьбами! Да это же его собственные, принца Андроника, дочери — старшая, Эйрини, Ира, и младшая, Феофила, Фия. Старшую мы уже знаем, а младшая была еще совсем девочка, любящая с некоторым вызовом наряжаться: хотя был пост, но на ней красовался серебряный тимпанчик и прозрачный покров, который вообще-то в дорогу не надевают.

— Я очень рад, очень рад, девочки... Удивлен только, меня о вас не предупреждали. Что-нибудь случилось?

— Мама узнала, что от вас пришел конвой. Говорит, поезжайте к нему, тут такое может завариться! А мне как раз очень был недосуг, у нас же свадьба! Ты знаешь Теотоки, племянницу Ангелиссы, которую ты всегда перечницей называешь? Да не Теотоки, Ангелиссу! Представляешь, она за Врану выходит, да не Ангелисса, а ее племянница, Теотоки, моя подруга. А ведь ему семьдесят лет! Да не Ангелиссе же, а жениху, жениху, Вране... Ах, папа, тебе бы всегда шуточки только шутить!

— Хорошо, хорошо, вы приехали, мы очень рады. Поезжайте на усадьбу, а там со всем разберемся, кто жених, кому семьдесят лет...

Пока принцессы разговаривали с отцом, из многочисленных их повозок с имуществом повылезала челядь — пучеглазые горничные, затрапезные няньки, шуты, приживалки, замшелые какие-то монахи, наверное, учителя. «И это в столице мира живут! — подумал Андроник. — Где хоть они таких набрали?» Ира скомандовала ехать, и они, перестав осматривать принца, полезли обратно в повозки.

— Ге, Фамарь! — воскликнул Каллах, ухватив за полу одну из принцессиних спутниц. — Ты-то как здесь оказалась? Дозвольте, ваше высочество, с нею переговорить, это моя старая приятельница.

Накрашенная, насурмленная, изрядно потасканная жизнью Фамарь, завидев Каллаха, протянула к нему руки, и тотчас ветер сорвал с нее шляпку и шарфик и понес к берегу, а свита принцесс с оханьем и визгом пустилась их ловить.

Андроник рассмеялся и отправился дальше, в конец каравана. Каллах, шедший за ним, спросил:

— А вы знаете, пресвятейший, кто эта дама, Фамарь?

— И кто же эта дама?

— Сразу видно, что вы давненько в столице не бывали.

— Ну кто же, кто же?

— Это главная циркачка в столичном ипподроме. У нее даже прозвище — Мать циркачей.

— А что же она делает при моих дочерях?

— Не знаю, господин, может быть, уроки дает?

— Опомнись, Каллах, какие может давать уроки принцессам Мать циркачей?

В конце каравана, чтобы не смущать впереди идущих лошадей, передвигалась неуклюжая повозка, запряженная ко всему равнодушными волами. В ней ехал тот, ради которого, собственно говоря, и посылался весь этот конвой.

Это был дрессированный для охоты индийский леопард, экзотическое клыкастое, усатое и вечно сонное существо. На подошедшего сюзерена оно не удостоилось сначала даже и взглянуть, пока один из погонщиков не стегнул бичом по прутьям клетки. Тогда леопард изволил приподнять свою огромную кошачью голову и взглянуть на людей заранее ненавидящим взглядом.

— Ничего, мы с тобой подружимся, — как равный равному, усмехнулся ему принц.

Целое село надо было продать, чтобы купить такого красавца. Вернее, даже не купить, а перекупить, и из-под носа самого Мануила, который тоже был большой дока до охотничьих утех. В комплекте с леопардом продавался и его дрессировщик — смуглый и щекастый индеец в чалме и с несчастными черными глазами. Сложив ладони, он преклонился перед властелином, и тот ему тоже отпустил его долю поощрения.

А вот и Пупака, озабоченно идет от последней фуры, где был помещен раненый. Принц тоже пожелал взглянуть, и ему приподняли борт у повозки. Внутри на седельных подушках лежал в забытии немолодой уже воин с задиристыми усиками и бородкой.

— Кто это? — спросил принц.
— Ласкарь, местный житель, возвращался из столицы.

— Как, из тех Ласкаридов?

— Да, пресвятейший, из тех. И еще родственник Ангелов.

— Смотри-ка! Что ж я его не знаю?

— Он ведь акрит, то есть пограничный поселенец. А жизнь акрита известна, тот же отшельник, только вместо молитв и песнопений у него погони и атаки.

— Что же он едет один, если он акрит? У любого акрита есть и слуги и оруженосцы!

— Не знаю. У него какое-то деликатное дело было в столице...

Ласкарь стонал и хрипел, он ничего не понимал, не чувствовал. Возница сердобольно менял у него на лбу компрессы. Стрела попала в самое сращение шеи, где она сходилась с ключицей. Кончик стрелы был вынут неумело — рана кровоточила, хлюпала при дыхании.

— И врачей-то хороших нет, — соболезновал принц.

— А твой Евматий?

— Мой секретарь? Ну, он поэт, а меня пользует лекарствами, которые я сам прописываю себе.

Андроник пощупал пульс раненого на виске. Пульс был сильный, хотя и частый. Бог даст, природа возьмет свое.

— Да зачем он ездил в столицу? Тяжба какая-нибудь?

— Невеста у него пропала. Выкрали, что ли...

— Ну и не нашел?

— Как видишь...

— В нашей небесной державе что с возу упало, пиши пропало. А как он с вами попал здесь в эту передрыгу?

— Когда перед Орлиным гнездом иноверцы пытались нас припугнуть, в атаку на нас пошли, мы все молчали, терпели, хотя как они нас ни обзывали. А этот акрит нам заявляет: «Как вы можете терпеть? Они не только вашего царя и ваш народ обматерили, они не пощадили самого имени Богородицы вашей, царицы небесной...» И как схватил от повозки дубовую оглоблю...

— Ясно, — усмехнулся принц точно так же, как усмехнулся на леопарда. — Есть еще люди в нашем царстве. Ну а что там на стогнах и на торжищах столицы столиц?

— В столице столиц все кипит. Все чают твоего возвращения. Обе Марии грызутся с переменным успехом.

Новый василевс гоняет обруч. Твоя всепресветлейшая бывшая супруга, вручая мне обеих твоих красавиц, да будет над ними благословение Божие, на словах тебе велела передать: пора!

— А что говорит мудрец Сикидит?

— А он говорит, что виноград еще не созрел, чтобы уже пришел к нему давитьщик...

— О, вот это сказано! Виноград еще не созрел! — принц даже захохотал, снял шлем, под которым оказалась вязаная шапочка. Снял шапочку, под ней обнажилась совершенно лысая голова. Принц принял у Каллаха полотенце и вытер свою лысину досуха. — А что же сам-то великий чародей к нам не жалует? У нас уж половина столица, я думаю, перебивала, несмотря на войну.

— У него какие-то заботы в потустороннем мире. Я тебе рассказывал, как при мне, еще на Кавказе, он вызвал с того света не то духа какого-то, не то даже дьявола. Так тот теперь у него буянит, помощника его убил, мирного аптекаря.

Андроник резюмировал: каждый раз, как конвой приходит, новостей на целый год хватает. И велел трубить поход на самый уже Энейон, его усадьбу.

Стратиоты загалдели, стали вспрыгивать в седла, выезжать попарно на дорогу, поблескивая остриями копий. Скрипя, потянулись повозки и фуры. Из одной из громоздких, переваливающихся на ухабах фур какие-то мордочки — мужская лукавая и женская наивная, негритянская — вовсю кланялись проезжающему мимо принцу.

— Это кто же такие? — спросил принц у Пупаки.

— Не знаю точно. По-моему, это домоправители какого-то царедворца. Едут вступать во владение усадьбой, пожалованной их хозяину. А хозяину их усадьба вроде пожалована за то, что он исцелил царя Мануила, который теперь в бозе почил...

— Пупака! — засмеялся Андроник. — Волосатое ты наше чудо! Да ты же только что рассказывал про этого царедворца, что он, возможно, дьявол, что ты присутствовал, когда его вызывали с того света! Тот самый, вероятно, что аптекаря убил и все прочее. Ты сознаешь, простодушный, что это одно и то же лицо, а?

— Не знаю, не знаю... — крестился в смятении Пупака. Тут фура с имуществом таинственного царедворца попала в ухаб, и ее тщетно пытались выдернуть. Пупака вразвалочку подошел, поправил свои воинственные космы,

ухватился за колесо, вякнул, крикнул — и мигом выдернул.

— О-ге! — кричали восторженные стратиоты.

А принц отъехал к клетке леопарда, все никак не мог на него налюбоваться. Сам себе казался зверем, одиноким, отчужденным...

Но время его еще впереди.

2

Над императорскими дворцами взошла холодная зимняя луна, и все вокруг превратилось в рождественскую картинку — полушария куполов, зубцы кипарисов, серебряная дрожь залива.

Денис и Фоти пробежали по дворцовым переходам куда глаза глядят и выскочили на хозяйственный двор. Среди зарослей бурьяна высилась куча старья — ломаные шкафы, какие-то троны, освещенные мертвенным светом луны.

— Направо, направо, — потянул девушку Денис. Ему казалось, там должны быть ворота на улицу. Но она вырвала у него руку, а когда он пытался схватить вновь, ударила его — да сильно!

От неожиданности Денис чуть не закричал, отшатнулся. Она же кинулась за какую-то помойку, и след ее простыл. Вот те раз! Видимо, она приняла его за очередного мучителя.

Денис пал на землю, в какие-то тоже репейники, уполз, затаился. Сердце билось отчаянно.

Как быть? Где теперь ее искать? Как убедить ее, что он друг?

И еще — что теперь делать ему самому? Он понятия не имел, как ориентироваться в столице столиц, а тем более глубокой ночью. Он знал, более или менее, дворец, точнее, цепь дворцов, протянувшуюся от моря до моря. Можно было бы по переходам, анфиладам, коридорам добраться до его, Дениса, законной кувикулы, к которой он уже как-то привык.

Но он же убил человека! Человека он убил! Ему представилась жалкая головка Фармацевта с разинутым ртом. Черт знает что теперь эти византийцы с ним, Денисом, сделают, аж мурашки забегали по спине. Хотя ведь он же защищался — изменник Фармацевт кинул в него гор-

шжом, в котором была какая-то горячая смесь. Вероятно, тот самый знаменитый греческий огонь, которым они за- просто сжигали флоты и сарацинов, и норманнов, и рус- ских...

В бурьяне, несмотря на зимний сезон, продолжалась своя субтропическая жизнь. Кузнечики ловили мошек, лягушки ловили кузнечиков. Все друг друга ловили и ели.

Вдруг напряженный слух Дениса различил в толще трав какое-то не то похрюкивание, не то плач. Кто-то по- ворачивался на трескучей подстилке, укладываясь удоб- нее. Это она!

Стараясь уподобиться охотящемуся хорьку, Денис бесшумно пересек бурьян и ринулся на свернувшуюся клубком Фоти. Схватил ее за запястья, всем весом нава- лился, подавляя сопротивление.

— Тихо, тихо, ради Бога, тихо! Я не враг, не враг, я пришел тебя спасти, спасти...

Ночь уходила за горизонт. Луна полюбовалась своим застывшим царством и, довольная, стала спускаться с вы- соты. Послышались разудалые песни — кто-то из знатных обитателей двorca в сопровождении массы прихлебате- лей возвращался с гулянки. Звонарь в часовне охраны пробил четвертую стражу ночи.

Куда же все-таки податься? Денис помнил, что она, эта Фоти, была захвачена пиратами где-то возле Ама- стриды. Значит, расположил он, в первую очередь надо думать о том, как переправиться через Босфор. В юности он увлекался детективами типа Чейза или мадам Кристи и хорошо запомнил правило криминалов: после престу- пления уходить на как можно большее расстояние, пока тебя не успели хватиться.

И он устремился бегом между заборами и штабелями дров припортовых кварталов. Собаки рычали вслед из- под подворотен, а Фоти не отставая бежала следом, хотя руги ему так и не дала.

Там, где экзотичный Золотой Рог впадает в Босфор, где застыл под луною лес корабельных мачт и паутина снастей, там, где когда-то василевс огромной цепью пере- городил устье залива, чтобы разбойничьи лодки не могли внезапно напасть, там он обнаружил, что искал.

Под зубцами очень старинной, но еще боеспособной кирпичной башни в тесноте контрабандистских причалов, несмотря на столь поздний (или, вернее, на столь ранний) час, грузился плот. На лодочных поплавах, он напоми-

нал нечто вроде современного парома или военного понтона. Паромщики специально завели его в густую тень зубчатой башни, чтобы какие-нибудь стражники, не дай Бог, сборщики налогов, кровопийцы, лиходеи, не разглядели груз, который они на плот загоняли. Это были бараны, овцы и козлы, которых они днем закупили в обход властей Большого рынка.

Денис, охваченный вдохновением авантюры, решил поступить по примеру Одиссея, выбравшегося под защитой баранов из пещеры циклопа. Он заставил Фоти согнуться в три погибели, наклонился и сам и за спинами баранов они перешли на плот. Нельзя сказать, чтобы скотогоны уж совсем их не заметили. «Мегало, это ты, что ли?» — окликнул рослый дядя с посохом пастуха. «Я, конечно», — ответил Денис, изменив голос по-женски, хотя, зачем было это, кто здесь мог знать или не знать настоящий голос Дениса? Однако паромщикам было не до этих рассуждений, они спешили загнать последнюю овцу и отчалить, пока тень луны не передвинулась на другое место.

И вот они уже на середине пролива. Паром разворачивается, журча волною под поплавками. На берегу раскрывается совершенно сказочная панорама храмов, дворцов и купален, если бы только было время и охота этим любоваться. Но и у него и у Фоти в данный час на уме лишь одно: никогда больше не возвращаться в эту новую Пальмиру, столицу зла и несправедливости!

Труднее было улизнуть с парома, когда он причалил к противоположному берегу. Там принимающие купцы ощупывали каждую овцу, то и дело восклицая по поводу ее упитанности или качества шерсти. Кто знает, как бы они отнеслись к внезапному появлению двух зайцев, не имеющих чем заплатить?

Денис решительно вытолкнул Фоти к мостику, а сам ударил одного из скотогонов, не успев тот и понять, что случилось, Денис ударил другого. Все плотовщики уставились на него, а он поднял руки и горестно возопил: «Ой, братцы, простите Христа ради, пери Христон! Вы, оказывается, не соглядатаи? А я вас принял за стражников». Во всем пролетарском мире ненависть к полиции объединяет людей, да и у скотогонов были иные задачи, поэтому выходка Дениса была прощена и он спрыгнул на берег.

Тем временем Фоти успела умчаться вверх по косограу и скрыться. Он догнал ее возле какого-то киоска или часовни на вершине холма. Наступал рассвет, холодный

туман стлался меж заборов предместья. Денис взял ее за руку, и она уже не сопротивлялась.

Дальше они шли почти бегом, нигде не присаживаясь отдохнуть. Хотя, как после соображал Денис, когда вспоминал эту вынужденную пробежку, телеграфа же или телефона у погони не было, она не успела бы дать сигнал на противоположный берег.

Как бы ни было, за день они пересекли сосновый бор, одновременно и поэтично прозрачный, и какой-то нахлившися, угрюмый, шли по верхушкам холмов, а где-то впереди и сбоку над еще более густым и мрачным лесом все время маячили зубчатые стены и красные крыши крепости.

— Никея, — внезапно сказала Фоти. — Оцеце! Злой город, туда не надо.

«Ах, это Никея! — подумал Денис. — Вечная соперница Второго Рима, столица узурпаторов и церковных соборов!»

— А куда надо?

— Туда, туда! — она уверенно махнула на восток. — Я ездила с дедушкой в столицу, потом обратно. Я знаю дорогу.

«Э, да ты не так проста, как кажешься!» — улыбнулся про себя Денис. Он впервые услышал голос этой Фоти, совсем не напоминавший голос Светки Русиной. У той был серебристый колокольчик маменькиной дочки или бабушкиной внучки, а у этой был красивый, но низкий голос крестьянки, выработавшийся в поле или в саду.

Упоительный сосновый воздух, яркое, хотя и холодное зимнее солнце, синее до черноты море, то и дело показывавшееся им из-за леса или из-за холма, все это было им обоим нипочем, потому что единственное, что их теперь занимало, — голод!

Они шли, старательно обходя стороной усадьбы и селения, это было тем легче сделать, что селения эти напоминали крепостцы или форпосты. Поля были пусты, урожай собран, редкие крестьянские волы свозили кучами навоз для пахоты будущего сезона. Только вдали слышались звуки господской охоты — заунывный рог и призывное ржание какой-нибудь кобыленки.

«Эх! — горевал Денис. — В такое путешествие нельзя пускаться без кошелька! Это меня подвел социалистический быт Большого Дворца и неустанные заботы Ферруч-

чи. Да и оружие хоть самое плевое было бы необходимо...»

К концу дня они так измотались и обессилели, что им хотелось одного: опуститься на какую-нибудь подстилку или хотя бы просто на пол, только чтобы в тепле, и задремать, если уж не удастся перед этим поесть. И перед ними возникла капиля — придорожная харчевня. Кони на привязи фыркали и звенели упряжью, из трубы приветливо валил дым.

Сам не соображая, что он делает, Денис открыл тяжелую разбухшую дверь. Фоти крепко держалась за его локоть.

Там, среди упоительных запахов жареного мяса, в бликах пылающего очага, вооруженные люди, стражники или, наоборот, разбойники — сразу и не поймешь — по очереди метали из кружки игральные кости и прикладывались к оплетенной тыкке, исполнявшей роль фляги для вина.

Старший из них осовело взглянул на вошедших и ничего не увидел, кроме Фоти.

— Баба! — прорычал он, указывая пальцем, который напоминал коготь стервятника.

Игроки вскочили, роняя кости. Оплетенная тыква тяжело упала под скамью и покатилась. «Баба!» — заорали все, кидаясь к Фоти. Денис пытался их задержать, но схватил меткий удар кулака и упал, треснувшись затылком, от боли выключился на несколько мгновений.

Однако и для Фоти такие переделки были, очевидно, не в диковинку. Она выпрыгнула назад, на улицу, захлопнув за собой дверь изо всей силы. Игроки, не переставая кричать «Баба, баба!», устремились за ней. Но некоторое время им, ослабевшим от вина, было нужно, чтобы справиться с непослушной входной дверью.

Когда Денис пришел в себя, капиля была пуста. Плясал огонек в очаге, равнодушный ко всему кабатчик, присев над огнем, вращал вертел с тушей поросенка. Жир капал и шипел.

Денис тоже выбежал из капили и увидел, что преследователи шарят Фоти в кустарниках, но пока найти ее не могут. Сел на ступеньку, не зная, что предпринять, и увидел валяющийся стальной нож в футляре — кто-то обронил. Не раздумывая он схватил нож и спрятал под полкой. И в тот же момент игроки не солоно хлебавши, тяжело

дыша и матерясь, возвратились в капилею и захлопнули за собой дверь.

— Пойдем! — послышался в тишине голос Фоти. Она сидела, оказывается, под крылечком. — Пойдем, не бойся ничего.

3

Если набрать со стерни сухих колосьев и потом растереть их на ходу, а зерна жевать, голод притупляется и тащиться, пока хватает сил.

Когда перевалили за Вифинские горы, низкие и еще более угрюмые от елового черного леса, там тоже оказалась охота, и такая интенсивная, что пришлось от нее отсиживаться в овраге.

Зато, когда охотники умчались, вдоволь набесившись, налаявшись, накричавшись «ура» в честь своих сюзеренов, Денис и его спутница вышли на оставленное ими кострище. Огня уже не было и угли не тлели, но земля из-под костра была теплой, почти горячей. Валялись недоеденные куски мяса и корки хлеба, лесные звери начали их растаскивать. Денис отогнал каких-то анатолийских крыс.

Он поднял зажигалку в виде медной трубочки-патрончика. Там был трут-фитилек, кремешок и огниво — первый сложный агрегат человеческой культуры.

— Ого! — обрадовался Денис. — Это находка, не хуже ножа!

И они поужинали чем Бог послал, и насытились, и на теплой земле их разморило, и они легли спиной друг к другу, Денис накрылся сам и накрыл Фоти офицерским плащом-хламидой, который Сикидит при всей своей премудрости не догадался у него отобрать.

И пришла ночь, снег чуть-чуть припорошивал землю, но им было тепло. Руки Дениса сами собой тянулись к девушке, он несколько раз делал попытки повернуться к ней лицом, но она молча их пресекала.

Денис долго не мог заснуть, несмотря на всю усталость, но вдруг забылся, а когда проснулся, его от холода бил самый настоящий озноб и уже светало каким-то мертвенным светом, а Фоти спала, повернувшись к нему, ангельское лицо ее было доверчивым, как у ребенка, и пахло от нее деревенским домом и даже парным молочком. Де-

нис растроганно смотрел на нее, ресницы девушки безмятежно подрагивали. И вдруг снова послышался лай собак и роги охотников, которым не спится ни свет ни заря.

Пришлось вскакивать, вновь бежать, теперь уж крепко держась за руки. Жесточе, чем охота, их преследовал холод, одежда набрякла от пота и влаги, превратилась в ледяные вериги.

А тут за ними увязались собаки какой-то очередной охоты, видимо, дичь уже сошла, и собаки от нечего делать переключились на наших путников. Да и со времен Плиния Старшего известно, как римские рабовладельцы ловят своих беглецов. Замаячили и тени всадников, привлеченных лаем собак.

— Туда! — нашлась Фоти, указывая на чинару — развесистое и высоченное, совсем необлетевшее дерево, обширное, как целая страна, — у нас оно зовется платан.

Денис ее подсадил. Несмотря на посконную длинную юбку, Фоти ловко полезла по ветвям чинары под зеленую надежную крышу кленоподобной листвы. Денис старался не отставать.

Всадники, цыкая на собак, выехали на поляну. Если бы Денис не держался крепко за самую толстую из ветвей, он мог бы упасть от изумления. Это был одноглазый пират Маврозум и целая разбойная кавалькада, а на низеньком простецком коньке и сам лукавый плут Костаки. Пираты отдыхали от тяжких трудов!

— Хлестай, хлестай их, этих собак! — приказывал Маврозум наемному ловчему. — Они за каждой крысой здесь гоняются, а пушного зверя упускают. Обленились у тебя, зажрались!

— Собаки на платан, на платан лают, ваше превосходительство, — усердствовал ловчий. — Может быть, здесь белка?

— Стоит ли из-за одной белки лезть нам на платан?

— А может быть, это медведь? Гляньте, всещедрейший, собаки лают по-крупному, они только по-крупному так лают — «оу-уау!». У нас тут водится анатолийский медведь...

— Если медведь... — стал сомневаться Одноглазый, готовый дать команду спешиться. Но тут вдруг раздался до тошноты знакомый Денису дребезжащий голос Костаки:

— Олень, олень! — кричал он истошно, указывая куда-то в самую глубину леса. — Смотрите, олень!

Олень был голубой мечтой Маврозума как охотника. Он свистнул, наемные кони захрипели, вскинулись, поскакали, разбрасывая комья грязи. Костяки тоже скакал, свистя отчаянно, да притом еще и рукой махал, как показалось Денису, в его сторону.

Путешественники поспешили слезть и бежать в противоположном направлении. Лицо Фоти было в слезах, она узнала Одноглазого — ведь это он выкрал ее и увез от родителей!

Денис на бегу пытался узнать у нее все это подробнее. И кто на родине у нее остался, и даже есть ли у нее милый. Но ничего так и не понял, кроме того, что отец у нее вечно в долгах, а матушку зовут София. Дедушка же их почему-то живет в огороде (в сторожке, что ли?). Она несколько раз упомянула это обстоятельство.

— Да как фамилия ваша или род?

— Русин, — сказала она, мило улыбнувшись, как будто это было представление на танцах. — Это потому так, что мы не из римлян, а из русичей, русских, как греки говорят, из тавроскифов. Русич как раз наш дедушка, который на огороде живет в сторожке.

Денису казалось, что он отвык уже изумляться в Византии. Но тут он изумился более, чем появлению на охоте пирата Маврозума. Фамилия или прозвание рода — Русин! А там (Денис, по уже укоренившейся у него привычке, мысленно указал вверх) — Светка Русина. А здесь Фотиния, то есть Светлана, и тоже Русина. Все-таки все это проделки Сикидита (и он мысленно улыбнулся — тоже укоренившаяся у него теперь привычка).

Но теперь некогда рассуждать об этом. Чтобы сохранить жизнь, надо идти.

Что-то шумно свалилось в кустах и затрепыхалось, ломая ветви. Наши путники замерли, затем присмотрелись к источнику шума и увидели, что это гусь, молодой и крупный, подранок — крыло у него было повреждено, видимо охотниками. Сюда уж он как-то долетел, а тут не хватило сил, упал в кусты, бедняга.

Это был подарок судьбы. Они нашли глубокий овраг, в котором не виден бы был огонь. Денис, вспомнив, как на практике ходил в тайгу с сибирскими археологами, ножом выкопал ямку в глине, уложил туда обезглавленного им гуся, не ощипывая его, замазал тонким слоем глины

и стал разводить костер. С непривычки выкрасать искру ему никак не удавалось, пока зажигалку у него не отобрали Фоти, и у нее с первого же раза получился огонь.

Тесно прижавшись друг к другу, они грелись у жаркого пламени, поворачиваясь то одним боком, то другим, сушили одежду прямо на себе.

Когда костер погас и уголья выгорели, Денис, обжигаясь, выкопал гуся. С тушки птицы капал жир, один бок ее сгорел до угольной черноты, другой, наоборот, был еще сырым до крови, но все остальное — сплошная вкуснота.

И они провели еще одну ночь вместе. Опять Денис не спал, вглядываясь под свет звезд в ее милое лицо. «Светка», — произнес он.

— Что ты сказал? — сквозь сон спросила она.

— Светка.

— А что это значит?

— Это по-нашему Фоти.

— Свет-ка... — повторила Фоти и засмеялась, не открывая глаз. Видно, ей понравилось это самой.

Они выбрались наверх, и, кроме таких неприятностей, как начавшаяся поземка и усиливающийся холод, оказалось, что их преследуют волки. Это была местная порода, возможно, даже помесь с дикими собаками, известная во времена царя Митридата, некрупные хищники, трусливые и наглые, более похожие на шакалов. Волки мигом истребили в овраге все, что осталось после пира наших путешественников, затем по запаху нашли их след — и вот они уже стояли рядом в кустах, откуда даже при свете дня не насытно поблескивали их зрачки.

— Вот те на! — расстроился Денис. — Придется шагать, не выпуская ножа из рук.

И они шагали, брели, тащились, пока не обессилели. Еда уже им не попадалась, гусиный бок доели на ходу, остановиться боялись, надвигалась новая ночь. А по пятам следовали неотступно зловещие точки волчьих глаз.

Денис наклонился, чтобы перевязать шнурок на сбившейся калиге — солдатском своем сапоге, как вдруг Фоти вскрикнула отчаянно, потому что передний волк решил напасть на наклонившегося Дениса, может быть, он принял его за большого овцу.

Благодаря крику Фоти Денис успел выпрямиться и испытал еще никогда не ведомый ему приступ ярости.

С нечеловеческой силой он вонзил сталь в упругую шею волка, другой рукой схватив его за челюсть, кровеня пальцы, но не давая укусить. Фоти бесстрашно хватала зверя за загривок, отвлекая на себя. Прочая стая выла на почтительном расстоянии.

«Как на фреске в Историческом музее.— Денис поразился:— Боже, о чем я сейчас думаю!»

Сильные и безжалостные лапы драли его кожу. В отчаянии он стал вращать ножом, воткнутом в шею хищника. И вдруг зверь оттолкнул его и прямо с ножом в ране кинулся в лес. Кровавый след потянулся по припорошенной снегом земле. Голодная стая, трусливо смолкнув, бросилась вслед.

Фоти всплескивала руками, оглядывая лежащего Дениса, который никак не мог отдышаться, унять сердцебиение. Волку все-таки не удалось его покусать, но он сильно поцарапал, а главное, элегантная хламида Дениса с красной каймой превратилась в лохмотья.

— Ой, бай!

Фоти решила зажечь маленький костерчик. Вблизи нашелся ручеек, принесла в пригоршне воды, омыла волчьи царапины. Денис лежал в забытьи, его трясло от нервного напряжения. Когда он пришел в себя, он почувствовал, что кто-то тихонечко лижет его руку и грудь.

Это была все та же Фоти, простодушное дитя средневековья, которая не знала лучшего способа заживления ран, кроме как их зализать. Денис рассмеялся и в первый раз ее поцеловал.

А надо было идти и идти, тем более что и оружие было утрачено, и без теплого плаща Денис попросту страдал.

— Волки! — вновь вскричала Фоти, кидаясь к Денису. Это была та же стая или не та, которая, уже по времени к вечеру, выскочила из-за гряды скал в лесу, где она чем-то пировала. На сей раз владыки леса были сыты, либо они помнили, какой отпор им дал Денис, но они лишь злобно оглянулись и унеслись в лесную мглу.

А там, откуда они выскочили, оказались мертвые, человек пять-шесть. Это был военный дозор или разъезд, перебитый стрелами врагов из-за засады, коней их победители угнали, а самих ограбить почему-то не смогли. Память, которая жила своими законами, вновь выдала Денису: «О поле, поле, кто тебя усеял мертвыми костями!» И подобно же легендарному Руслану, он отыскал себе испанский меч— это был такой стиль в средневеко-

вье,— массивная, надежная рукоятка с крестовиной, обоюдоострое короткое стальное лезвие. Хорош в наступлении и в обороне, и для пира пригоден (мясо резать, орехи колоть), и в домашнем быту.

Фоти тихо молилась за убиенных, а Денис не удержался, спросил: что же ты молишься, это же нехристи, агаряне? Как и следовало ожидать, она ответила: перед Господом все равны — христианская дочь! Он, понимая, что его вопросы бесполезны и неуместны, все же еще спросил: а если б они тебя схватили, они бы тебя пощадили? И услышал: Господь бы этого не допустил.

У одного из агарян оказался весьма исправный шерстяной длинный плащ, очень теплый, а у другого, видимо, награбленная где-то попонка для мула. Денис и Фоти завернулись в эти трофеи, поглядели друг на друга и засмеялись.

— Смотри,— предупредила его Фоти,— как бы по этому плащу наши не приняли бы тебя за агарянина. Дозорные у нас стреляют без предупреждения.

Да, это был край вечной войны, вечных погонь и разграблений!

И они пошли дальше. И потом, когда все это прошло, как быльем поросло, они никак не могли сосчитать, сколько же ночей они бежали, шли и ползли по этим лесистым урочищам и как удалось вынести все это.

Но вот лесная узкая дорога нырнула между розовых скал из гранита и открылся простор моря и полей, разделенных на квадраты виноградников, теперь безжизненных и запорошенных снегом.

— Пришли! — вскричала Фоти, схватила и затрясла Дениса за руку.— Это же Филарица, моя родина! Ой, Филарица, ой, я больше не могу!

И опустила прямо на мерзлую глину дороги, припошенную ржавой хвоей.

4

У развилки дорог был постоянный двор, как все постоянные дворы тех времен похожий, с одной стороны, на маленькую крепость, с другой — на придорожный кабак. О вечной войне говорили зубцы на башенках, окна как бойницы, двери дубовые на цепях. О вечной жизни свидетельствовали куры, купающиеся в пыли, телеги с навозом,

влекомые на поля. Был постный день, вечные игроки в кости и завсегдатаи-выпивохы, имеющиеся в каждом кабаке, сегодня явиться поопасались. Хозяйка, длинноносая страдальческого вида женщина, двигала со слугами скамьи. Мебель кабацкая была тяжеленная, не в подъем, чтобы не служить орудием во время драки.

Денис решился, поднял молоток и ударил по висевшему билу.

— Эй, Стративул! — закричала хозяйка. — Спишь? Протри глаза, встречай госте-ей!

Стративул, еще могучий мужчина со следами бурно прожитой жизни, явился дозевывая. Дверь и без того была распахнута, но уж таков порядок — встречать посетителей на пороге.

Денис стал проситься переночевать. Хозяйка, ее Стративул, слуги, бросив дела, недоуменно на него смотрели. «Хорош, должно быть, я», — с горечью думал Денис. Чувствуя их недоверие и в полном отчаянии он решился: выдернул из-за пазухи золотую цепь царя.

— О! — Стративул даже ударил в ладоши. — Это же ветеран, у меня тоже есть такая цепь. Добро пожаловать, боевой товарищ!

Хозяйка и слуги хмуро отступили в глубь харчевни, а Стративул усадил Дениса и его спутницу за стол. Принимать цепь за услуги он категорически отказался, хозяйке заявил:

— Ну видишь, человек в трудном положении? А что нам стоит накормить, напоить?

Денис принялся объяснять, что и ночлег был бы им нужен, ночь близка... Он не один, а как объяснить, кто такая ему эта женщина? Служанка, сестра, попутчица? Проще слов, чем «гинайка» — жена, не нашлось.

Стративул не стал требовать документы, громко приказал — хозяйке или слугам? — отвести комнатку наверху. «Где служил, товарищ?» — все доискивался у Дениса. Показал, где вымыть руки, достал личную фляжку с римским крепким, налил им и себе.

Изображая из себя страдальцу, хозяйка принесла сковородку со скворчащим мясом, поставила Денису, а Фоти шваркнула миску с тушеной фасолью. Таков пафлагонский обычай — женщины едят отдельно.

В доме оказалась и ванна — блаженство, горячая вода! Вымылись всласть — Денис, за ним Фоти, только не было

чистого белья. И остались они одни, в теплой комнате, на широкой постели, остались они вдвоем.

Перед образом Богородицы лампадка ровным светом освещала потолок точно как там, в кувикле Большого Дворца. От лампы этой в бедной комнате пафлагонского постоялого двора был мирный полусвет и теплый уют, дороже всех самых дорогих византийских дворцов. Словно это родной дом, навсегда уж это пристань жизни после тяжкого кошмарного пути.

И Фоти совсем рядом, под тем же одеялом. Слышится четкие удары сердца, будто идут где-то невидимые часы. Денис во тьме искал губами ее лицо, но встречал только отгораживающиеся руки. «Не надо, не надо...» — еле слышно шептала она, но не отодвигалась, не отталкивала его, как прежде.

Но вот страшная усталость и сладкий обморок после ванны взяли свое, они не заметили, как уснули. Денис очнулся от того, что его обнимали жаркие ее руки, а губы стремились прижаться к его губам. И тут все свершилось, что должно было свершиться. Все было легко и просто, хотя у Дениса опыта в этом деле было мало, а у Фоти его не было совсем.

Затем они проснулись, когда в потолочное отверстие вовсю лился веселый свет утра. Фоти велела ему отвернуться и начала вставать, сказала вдруг с оттенком грусти: «Эйфе Фоти кора, исте автон Фоти гине...» — «Была Фоти девушкой, стала Фоти женщиной».

Волна любви и благодарности залила сердце Дениса. Он и так, из-за раннего развода родителей, испытал мало любви и доверия к себе, а ведь Фоти была первая девушка в его жизни!

И она, чувствуя это, заглянула снизу преданными глазами в лицо Дениса и с усмешкою сказала: «Свет-ка», затем положила голову ему на грудь. «О, единственная!» — хотелось думать Денису. И все та же услужливая память подсказывала патетические строки из какого-то тургеневского романа: «Здравствуй, жена моя перед Богом и людьми».

— Ой, послушай-ка, послушай! — вдруг затормошила она его. Снизу, из харчевни, доносился до них спор или, вернее, скандал. Хозяйка бескомпромиссно требовала у своего Стративула, чтобы он послал за стражниками, потому что этот проходимец в сарацинском плаще, навер-

ное, кого-нибудь ограбил. Откуда у него эта почетная цепь?

— Ты сама всяких ворюг привечаешь,— парировал Стративул.— Они у тебя, Анна, не просто в кости играют, они разыгрывают награбленное добро.

— Зато они деньги хорошие платят,— не сдавалась хозяйка.— А от тебя одни убытки. На прошлой неделе каких-то паломников ты приводил, якобы из Святой Земли... Зачем я, дура, люблю тебя, беспутного, Матерь Божия, Иисус Христос!

— Да!— вспомнила она.— Как ты его вчера ни спрашивал, где он заслужил такую награду, он же тебе ничего не назвал. Потому что он никакой не герой, он дезертир!

Стративул не уступал, но Денис и Фоти быстро собирались. Ясно было — скорее в путь.

Но тут среди разногосья и кукареканья сельского утра раздался голос медный и призывный. Это был удар молотка о било, как мы теперь назвали бы — гонг, у ворот постоянного двора.

У ворот постоянного двора остановилась фура, повозка, крытая брезентом, запряженная парой симпатичных мулов. Из повозки выглядывала чернокожая миловидная женщина, испытующе смотрела на кирпичные зубцы и бойницы. А у ворот стоял, подняв молоток, которым он только что ударил, непривычно безбородый молодой мужчина. Разнообразные гиматии и хитоны были на нем надеты как листья на кочне капусты.

— Да это же Ферруччи! — воскликнул Денис, увидев их из бойницы.— Как он здесь оказался?

Он почувствовал: юный предок Колумба нес ему мир и освобождение. Они с Фоти, по-прежнему держась за руки, спустились по лестнице в харчевню (мимо обойти было невозможно), а там уже Ферруччи разговаривал с хозяйкой и, завидев Дениса, он сорвал шляпу, стал кланяться и восклицать:

— Ба, Санкта Мадонна! Это же мой синьор, мой господин!

А чернокожая Тинья даже встала на колени.

— Мы вас там, во дворце, прямо обыскались, я даже до самого Агиохристофорита дошел! — спешил все рассказать темпераментный генуэзец.— Никто ничего не мог понять... А я на вас получил императорский моливдовул, вот он!

И он поднял над головою внушительный свиток, с которого свисала печать на свинцовой пломбе, и обвел всех присутствующих победным взглядом.

Тут уж перед императорским рескриптом все благоговейно преклонили колени: и сам ветеран Стративул, и его хозяйка Анна, и слуги, и успевшие зайти посетители.

— Вам пожаловано целое поместье,— радостно повторял Денису его верный кувикуларий.— Тут и поля, и виноградники, и даже рыбные ловли... И вы теперь именуетесь, кроме всего прочего, иперипат, то есть рыцарь фемы Пафлагония, кавалер, командор!

— Ге! — закричали все, кто имел отношение к службе стратиотов. Таков был их сборный полевой клич.

Денис многого не мог понять в этой истории Ферруччи, но не здесь было это выяснять, тем более в такой радостный для него день. Он чувствовал, что в первую очередь надо рассеять тревогу Фоти. И он полуобнял свою суженую, прекрасней которой на свете сегодня не было другой! И обернулся ко всем со счастливой улыбкой. И все поняли это и начали снимать шляпы и кланяться Фоти.

Особенно рад был Стративул: ведь он не ошибся в своем гостеприимстве. Разве дело в роскоши платья, даже в такой роскошной стране, как Византия? Да ведь случилось, и священные монархи надевали вретига, а потом свершали подвиги мудрости и благовластия... Лишь хозяйка постоянного двора не согнала с лица напряженного выражения, несмотря на то, что по приказу своего синьора Ферруччи сполна за него расплатился.

Некоторая заминка произошла и при начале завтрака. Ферруччи и его чернокожая помощница наотрез отказались садиться за стол, где изволил кушать синьор, как было заведено в демократической кувикуле Дениса в Большом Дворце. Таким образом, ели двое — Денис, который понимал, что иначе он не выйдет из затруднительного положения, и Фоти, которая вся раскраснелась от смущения, но, по-видимому, считала это в порядке вещей. Все прочие, даже Стративул, хозяйка и прибывшие постояльцы, почтительно разговаривали с завтракающими стоя, не садясь.

— Ну и что там у вас в столице столиц,— спросил Денис, чтобы что-нибудь спросить.— Что там происходит?

— О, синьор! — воскликнул Ферруччи, выступая впе-

ред.— Там такое происходит... Вы не можете себе представить, что там происходит!

Но при всей своей экспрессивности и бурной жестикуляции он не смог конкретно передать, что там происходит. Единственное, что он рассказал наглядно и с большим благоговением, как они в конвое встретили принца Андроника. «Неужели ему семьдесят лет?— ахал генузец.— Какой богатырь!»

— Семьдесят один,— уточнил Стративул, который гордился Андроником как национальной святыней. И рассказал, что в Энейон— имение принца и место его ссылки, а она, говорят, уже отменена, то и дело прибывают знатные люди из столицы... Стративул перечислил несколько имен, среди которых Денису были знакомы рыжий Исаак Ангел, Феодорит и даже Никита Акоминат, полюбившийся ему молодой человек, историк. С некоторым трепетом ожидал имен Теотоки и Манефы Ангелисы, но не услышал.

В разговор осмелилась вмешаться хозяйка постоялого двора, видимо, она имела здесь порядочный вес. Она сказала, что все приезжие везут за собой целые караваны сопровождающих лиц— друзья, приживальщики, слуги. Что уж делать, так повелось со времен Древнего Рима, чем больше челяди, тем выше мнение об ее хозяине. В Энейоне уже заселили все, вплоть до курятников и все окрестные деревни. Теперь и до ее постоялого двора добираться, предлагают хорошие деньги.

— Молчала бы ты, Анна!— прервал ее Стративул.— Все бы тебе деньги! Тут большая игра, политика. Наш, например, мегадука (губернатор, великий правитель) Аргир, тот Андроника терпеть не может, говорит, что в феме все безначалие от него... Некоторые даже принцу готовы приписать и неурожай и голод...

— Чиновники царские все продажные!— в голос закричал какой-то только что зашедший посетитель, который спервоначалу не мог понять, что здесь происходит, может быть, приехал судья?— Телку нарочно на общественный выгон загоняют, потом штрафу полцены за нее берут!

«Эге-ге,— подумал Денис.— Да здесь целый митинг назревает. Этого нам не надо». И вообще ему было с непривычки неловко, вот он ест, а остальные стоя смотрят ему в рот. И он спросил, чтобы переменить тему:

— Так где же находится это самое дарованное нам поместье?

Ферруччи развернул свиток, причем все смотрели на него так, будто он собирается напустить на них огнедышащего дракона. Однако юный предок Колумба, хотя и получил порядочное для генуэзца образование, ничего не мог разобрать в греческом минускуле. Взаясь Стративул, он при этом перекрестился, даже подул на строчки, словно сгоняя с них беса. Но и у него ничего не получилось, Стративул оправдался тем, что учился читать воинский устав, а там все слова другие.

Пришлось взяться самому Денису, наш Археолог напрыг память по занятиям греческой палеографией. Если учесть все точки и значки, которыми отделяются сокращения и все слитности, если взять во внимание небрежность писцов, то можно установить следующий текст: «Пафлагонская фема, в округе Филарица, имение бывшее воина Русина».

— Как, как? — встrepенулась Фоти.

— Ру-си-на, — по складам перечитал Денис.

— Не может быть! — просто вскричала она. — Ой-баяй!

Денис еще раз просмотрел текст, вновь учел все значки и сокращения, но выходило все то же — имение воина Русина!

Тогда Фоти положила голову ему на плечо и заплакала.

— Матерь Божия, заступница! Значит, мой отец умер!

5

Накануне Пасхи, которая выдалась ранней — не расцвело даже персиковое дерево, что в этих широтах приходится на конец зимы, по столице поползли слухи, будто правительница Ксения-Мария и ее первый министр протосеваст Алексей раскрыли заговор на свою жизнь, а главное — на жизнь и достоинство малолетнего василевса Алексея II. Верховный прокурор Пантехни произвел энергичные аресты. Были схвачены старшие сыновья опального принца Андроника, затем еще ряд влиятельных лиц, в том числе Каматир, тот самый принципиальный правдолюбец, очень желавший стать патриархом, а побывший

только городским епархом и то скоро выгнанный за пьянство.

По самому набору арестуемых лиц все сделали вывод, что заговором, если таковой был, руководил не кто иной, как сам принц Андроник из своего пафлагонского далека.

«Приди, Андроник,— пели бродячие кифареды,— ты на охоте поражаешь льва в поединке боевом. Ты всех врагов своих сражаешь, ведь ты со страхом незнаком. Приди, Андроник, нашу нечисть метлой железной выметай. Всех иноземцев беспородных, всех тунеядцев благородных и всех грабителей народных в пучину ада отправляй!»

Вовсю шел праздник, гудел пасхальный звон, когда эту весть разнесли глашатаи по перекресткам, но с одним существенным дополнением. По случаю великого праздника патриарх Феодосий заступился за виноватых (или невиноватых?), и по его ходатайству юный василевс и царственная его мать простили их и они вышли на свободу.

Но тут новый слух захлестнул урочища и предместья. Теперь страшилась за свою драгоценную жизнь другая Мария, кесарисса, и ее благоверный кесарь Райнер. Они вновь, бежав из-под домашнего ареста, спаслись у алтаря Святой Софии. Как раз в этот час грандиозный крестный ход с хоругвями, мощехранительницами, чудотворными иконами достиг площади Августеон.

— О-гэ! — узнав об этом, закричал народ. — Ломайте ограды, хватайте топоры!

Это была искра, и только ее не хватало в той бочке с горючим, которой была тогда столица. Нашлись идеологи — бродячие попы в пудовых веригах, они готовы были голосить где-нибудь на перекрестке хоть всю ночь, а затем вести народ куда угодно. Некоторые уверяли, что это и есть павликиане, вышедшие из подполья. Так или иначе, празднование Пасхи было сорвано.

Вконец растерявшаяся правительница послала за вечным выручателем Враной, но тот, как раз сочетавшись наконец браком со своей нареченной невестой, повез молодую в свадебное путешествие. Куда бы вы думали? В тот же Редест, военный лагерь, где вовсю шла подготовка к летнему походу в Болгарию.

Впрочем, Врана отозвался на призывный вопль правительницы и прислал к ней одного из своих молодых генералов. Это был domestик Саватий, имя которого при дворе было почти неизвестно, а для народа ненавистно, потому что, уверяли, он был по происхождению не римлянин.

Доместик Саватий предъявил в Святую Софию ультиматум — освободить помещение храма не позже чем через три часа. Народ смеялся над этим ультиматумом, потому что мягкотелость и нерешительность римских стратегов вошли в поговорку. Странники Марухи сбегались к храму и воздвигали заграждения.

Близился государственный переворот. Богатые люди на всякий случай закапывали сокровища и уезжали в загородные имения.

Тем временем недремлющий Саватий приказал мобилизовать всех портовых грузчиков и под конвоем доставить их на Августеон. Начальник городской стражи Федор Лапарда за промедление с исполнением приказов и несмотря на близость к царствующей династии был забит в колодки и в них проведен перед молчащим от изумления войском.

И в наступающих сумерках в столицу вошли иноземные части из пригородных лагерей — варяги в рогатых касках, русские в шишаках, франки в бочкообразных шлемах, генуэзцы в шапках, похожих на бритвенные тазики. Бесподобные сирийские лучники расстегнули колчаны, полные пернатых стрел.

Срок ультиматума истек, когда наступила уже полная темнота. Зажглись тысячи факелов в руках войска и народа, как будто взошло новое солнце.

Глашатаи Саватия с угловой башни Юстинианы — самого высокого из дворцов еще раз призвали к повиновению и еще раз получили в ответ взрыв яростных ругательств.

Тогда Саватий погнал портовых грузчиков разбирать баррикады, конвой нещадно хлестал их бичами. С трех самых высоких точек Августеона лучники пустили тучу стрел в направлении Святой Софии. Ее доблестные защитники в ужасе кинулись внутрь храма, в дверях произошла жуткая давка, десятки были задавлены насмерть.

Наемники врезались в толпу сочувствующих Марухе зевак и погнали их — в том числе женщин и детей — на баррикады впереди своих наступающих шеренг. Никаких слез и увещаний они не воспринимали, ведь они были варвары.

«Сдаемся, сдаемся!» — спешно сообщили из притворов Святой Софии кесарь и кесарисса. Им-то что — быстرونogie рабы в богатых носилках доставили высокогородных мятежников обратно под домашний арест в их

прекрасный дворец. А на городских площадях озверевшие стражники били и хлестали провинившуюся чернь, которая старалась поскорее разбежаться и спрятаться.

На высокой паперти храма патриарх Феодосий в пасхальном драгоценном облачении с высоченным крестом вместо посоха заклинал безумцев остановиться.

Тогда-то из далеких Влахерн, куда в загородную резиденцию удалились на время событий юный василевс, правительница и весь их синклит, получен был всемилостивейший указ о прощении. Улицы уже опустели, богаделы в капюшонах с прорезями для глаз растаскивали трупы по мертвецким.

«О-гэ! — уныло пели кифареды, еле шевеля струнами. — Ты не пришел, Андроник, теперь уж все равно. А стоило тебе лишь на Босфоре появиться, и все желанное могло свершиться, венец заветный василевса, а нам — свобода и вино!»

— Кто этот Саватий? — спрашивала Ксения-Мария, когда ей докладывали о происходящем. — Армянин, ивевриец? Как легко ему все это далось! Он мог бы, лишь пожелай, захватить и Влахерны, и Большой Дворец, и священные кувуклии, и... Боже, страшно даже подумать, что бы он мог захватить еще!

Императорские гонцы поскакали один за другим в Редест, в ставку протодоместика Враны, везя рескрипты и награждения. На рассвете и оттуда прибыл логофет с предписанием Саватию выводить из столицы успешно потрудившиеся войска.

— Где превосходнейший? — спросил логофет, входя в адъютантскую в штабе Саватия. Оруженосец сообщил, что около второй стражи ночи высокородный Саватий потребовал себе полкубка хиосского смешать с водою. У него еще был диакон, читал вслух Евангелие. Затем высокородный всех отпустил до утра, сам еще долго свет не гасил.

Постучали в дверь, но domestik не отозвался. Стучали еще и еще, затем решились и вошли. Саватий в домашнем хитоне сидел за столом, кудрявая его большеногая голова была неправдоподобно вывернута, а широко раскрытые глаза мертвы. Выпитый кубок валялся на полу.

— Нет! — дико закричал оруженосец, мгновенно понявший, чем лично ему грозит эта ситуация. — Не может быть! Я сам отпил из кубка, прежде чем подавать!

Другие шептались о том, что душа, застигнутая смер-

тью за чтением Евангелия, прямым ходом направляется в рай...

Тем временем легион Саватия в четком порядке покидал город. Угрюмые франки в панцирях, русские, в «чешуе как жар горя», когорты генуэзских копейщиков сонно вышагивали, не понимая, зачем нужно теперь спешить, не дать людям выспаться... Редкие прохожие молча смотрели им вслед.

Но как только последний наемник пересек черту Золотых Ворот, началось все сначала. Хмельная толпа напала на приморский квартал Перамы, где в зажиточных усадьбах обитали генуэзцы и прочие итальянцы. Городские стражники, как всегда водится в этих случаях, исчезли, и некоторые постройки быстро запылали.

Навстречу погромщикам вышли ради самообороны жители предместья, вооруженные кому как придется, но в общем вооруженные хорошо. Ими предводительствовал генуэзский корабельщик Амадей, юный, как Марс, круглолицый и ясноглазый.

— У! — жители столицы неохотно покидали улицы Перамы. — Эти генуэзцы, они нас из торговых рядов вытеснили, они нас на море обгоняют, они скоро нас и из нашего города выселят.

Однако жажда погрома нуждалась хоть в каком-нибудь утолении. Охлос поджег еще пару контор, и тут попался им трехэтажный дом на перекрестке у Крытого рынка.

— Это чей?

— Это Пантехни, городской прокурор. А теперь еще по совместительству эпарх.

— Тот самый?

— Да, да!

Охлос засвистал, заулюлюкал. Часовые, несмотря на все свои грозные алебарды и кривые мечи, поспешили скрыться. Полетели камни. «Римские граждане! — кричал кто-то, надрываясь. — Здесь в подвалах архив ваших задолженностей за десять лет!»

Этого было достаточно, чтобы к заходу солнца дом Пантехни пылал, как свеча. Долго потом колеса экипажей и телег по Срединной улице дребезжали на обугленных деревянных дощечках — остатках записей из городского управления, по которому основательный Пантехни собирался учинить полную ревизию налогов, как он считал, для блага же народа.

Когда табличек не осталось, пробили стену на втором этаже, оттуда повалил густой дым, а любители погромов принялись спускаться в пробой на улицу дивную статую купающейся Венеры, которую богатый Пантехни купил где-то на развалинах Коринфа.

Белая богиня раскачивалась на веревках, всем равно улыбаясь снисходительной улыбкой.

— Кто эта шлюха? — опешил народ.

Доброхоты хотели объяснить, что, наверное, это его баба, то есть жена самого Пантехни. Но отыскался какой-то толкователь остроумнее, который объявил, что это конечно же сама священная правительница Ксения-Мария, которая, как прирожденная иностранка, даже купается без рубашки.

Тогда в неожиданной ярости какой-то каменотес, грязный, как дикий бор, ударил ломиком прямо в прекрасное тело богини. Всю ночь при свете огромных костров ее долбили стальным инструментом, пока не превратили в мраморное крошево.

6

Как мы уже рассказывали, византийские дома не имели окон на улицу — они были подобны крепостям. Из Древнего Рима перешел обычай устраивать световые отверстия в потолке. Использовалась и восточная манера устраивать портики, крытые галереи для прогулок в зимнем саду.

Так было и в пафлагонском имении принца Андроника, которое он назвал несколько вычурно — Энейон. Личный кабинет принца на первом этаже как раз и представлял собою такой портик, целой стеной в виде коринфской колоннады выходящий в сад. Пространство в глубине было занято письменными столами, стеллажами для книг, высокими гермами с бюстами мудрецов — слепой Гомер, хитроватый Аристотель, вдохновенный апостол Павел, тот самый, который первый провозгласил: «Кто не работает, тот не ест».

Весна была неудачна — ах, эти пафлагонские вёсны, туманы да дождичек, как будто здесь не солнечная страна Понта и Босфора, а какое-нибудь гиперборейское болото! В кабинет принца за утро вносили уже третий таз с горячими угольями, и все равно было зябко, из сада шла сы-

рость. Принц, красиво закутавшись в философский плащ — хламиду, стоял, держась одной рукой за колонну, всматривался в белесый туман меж кустов.

— Я принесу вам второй плащ, — предложил Каллах, камерарий. — У меня есть на беличьем меху.

— А каково сейчас, — задумчиво сказал Андроник, не отвечая, — в поле какому-нибудь пахарю или сеятелю. Волы не тянут по такой грязи, ладони сбиты в волдыри, а позади сильнее надсмотрщика подгоняет плач голодных ребятшек...

Кто-то пытался просунуть голову в дверь, Каллах вышел ему навстречу и, вернувшись, доложил, что борзая Каллисто второй день не принимает еды...

— О чем ты говоришь, Каллах, — рассеянно зевнул Андроник. — Разве у нас для борзых нет лекаря? Не ты ли выцогил у меня на это две литры серебра?.. Неужели не можете хоть что-то решать сами, без меня?

Он оторвался от колонны, боковым зрением заглянул в венецианское зеркало — нет, складки сегодня были уложены безупречно на хламиде — и сел на кушетку. Мануил, конечно, тот во все мелочи вникал, хоть и был император. Даже слугам самолично зуботычины раздавал, не гнушался. Но Андроник считает это глупым, правитель должен только править.

От письменного аналая (пюпитра) выдвинулся нотариий Евматий, который ждал там с принадлежностями для письма. Андроник приветливо ему кивнул: поработаем! Каллах взбил ковровую подушку и пристроил под локоть повелителя.

Нотарий раскрыл расписание ежедневных занятий принца. Сегодня диктовать его, Андроника, собственные мемуары. Отлично, а на чем остановились в прошлый раз? А в прошлый раз остановились (Евматий прощелкал назад связку восковых табличек) на том эпизоде, когда молодой еще принц Андроник, сидя в темнице по пропискам врагов, мстит этим врагам тем, что вызывает к себе в камеру племянницу Евдокию, ей было тогда пятнадцать лет, она была также племянницей и Мануила и носила титул кесариссы.

Андроник заглянул через плечо в висящее на стене большое венецианское зеркало. Это тоже предмет хозяйской гордости сюзерена Энейона, говорят, во всей империи есть только четыре таких зеркала — у царя, у кесариссы Марухи, у Манефы Ангелиссы, да вот у него, Андроника.

Ясная глубь стеклянного зеркала отразила ему молодящую улыбку, молодецкие усы. Ах, сходили по нем женщины с ума! Та самая юная Евдокия, не страшась царского гнева, подкупила тюремщиков, и жил он с нею в камере, как с женою... И покинула она его только под страхом отлучения от церкви, а он все равно на ней не женился! Хе-хе... То есть женился, но уж потом!

— Оставим пока это, Евматий,— говорит он.— Перейдем к войне с влахами. У истории же с Евдокией конец у меня недостаточно продуман. Да не скрипи так стилетом по воску, у меня нервы не выдерживают!

Евматий поклонился и принялся подтачивать стилет на напильничке, а Андроник набрался вдохновения и начал торжественным голосом:

— Когда по милости богов, а справедливее, по немилости этих скотов бессмертных, принц потерпел поражение от гнусных влахов, он был взят ими в плен... Евматий, ты что стилет, что ли, не успел свой оточить? Терпеть не могу дважды повторять диктуемое.

Нотарий, то есть секретарь, чистенький, как мышка, в светлом диаконском стихаре, по подолу которого поклонницы-прихожанки собственноручно вышили бисером «Могий вместити да вместит...», своей этой аккуратностью и отстраненностью от мирских дел вызывал у принца некоторое раздражение. Сам Евматий в жизни мирской был поэт и даже роман целый написал — «Повесть об Исминии и Исмине», который охотно переписывался в столичных лавках и хорошо покупался. По правде сказать, он и был приглашен нотарием к принцу именно по этой причине, в числе уникальных редкостей: венецианского зеркала, индийского тигра — знаменитейший поэт Византии. Не потому ли у Евматия всегда и подобающее выражение лица: «Вы, мол, все таланты, не отрицаю, но гений здесь только я!»

— Ну, пиши, пиши! — подбодрил его принц. — Итак, когда принц, то есть я... Ну ты знаешь, «я» не надо писать, везде пишем о себе в третьем лице, как это делал Юлий Цезарь. Когда принц попал в руки валахов, эти тупые разбойники повели меня, принца то есть, казнить. Куда-то идти на казнь было ужасно далеко, как будто не все ли равно, где умирать? Принцу же, которому покровительствует сама Минерва, пришла на ум ловкая хитрость. Он заявил конвоирам, что у него, извините, расстройство желудка... Дело обыкновенное, ведь страшно же! Эти неуч-

тивные мужланы-влахи тут проявили человечность и ответили казнимого, то есть меня, то есть принца, в повстречавшуюся канаву. А сами отошли в сторону, чтобы не оскорблять свой слух, а паче свое обоняние, извините. «Извините», конечно, это не пиши.

Принц, довольный своим рассказом, взглянул через колоннаду в сад и увидел, что погода улучшилась. Возникло жаркое южное солнышко, и стали заметны не только мокрые кусты или сырой туман, но и пышные хризантемы, порхающие бабочки, поющие птички. Стали выходить нарядно одетые господа, прогуливаться по посыпанным толченым кирпичом дорожкам, поглядывать в сторону дрящегося в своем кабинете Андроника.

Ага, это приезжие персоны. Давно ли в скучном зимнем Энейоне трудно было душу живую встретить? Теперь как военный лагерь кипит в имении и вокруг него, только что полевых кухонь не хватает. Верный Каллах в восторге и непрестанно подбадривает: «Всещедрейший! Столица вас ждет!» Андроник же обливает его ледяным душем осторожности: «Сколько тебе лет, Каллах? Тридцать пять? Мне в два раза больше. Поэтому я в десять раз лучше тебя знаю, как можно, надеясь захватить немногое, нечаянно потерять все!» Иногда он даже говорит: сидим мы с тобой в Энейоне и сидим. Чего у нас нет? Только птичьего молочка!

Принц встал с кушетки, чтобы в полный рост представиться зрителям, которые смотрят на него из сада. И сам еще раз взглянул на себя в венецианское зеркало, и с его вечным скептицизмом стало ему сугубо весело: конечно, складки на одеянии наворачены по всем правилам античной науки. Наверное, так тщательно и Юлий Цезарь не занимался своей одеждой, когда диктовал «Комментарии», точно так же в присутствии своих придворных и почитателей. Но взглянуть на себя трезво — старенький, горбатенький, косенький, лысенький. Господи, куда тебе в Юлии Цезари!

Тут Евматий не совсем вежливо спросил:

— Мы что ж, сегодня больше не будем писать?

Принц прикинул по тени у гномоса — солнечных часов. До обеда не меньше часа. Если не заниматься диктовкой, то забавлять этих господ разговорами — бр-р!

— Пиши, пиши, — кивнул он нотарию, а сам снова присел на кушетку. — Итак, плененный принц, оставшись в относительном одиночестве, быстро отыскал сломан-

ный сук, воткнул его в землю, стащил с себя воинский сагум и набросил на этот сук, сверху водрузил свой красивый пернатый шлем. А сам под прикрытием этого чучела бежал в сторону леса. Премудрые же влахи, занятые беседой друг с другом и поглядывая в сторону сагума и пышного шлема, остались с носом.

Принц захохотал, вновь переживая свой триумф тридцатилетней давности.

— Ну как?—спросил он у нотария.—Ведь все это истинная правда.

— Правда-то правда...—Евматий напустил на себя постное выражение лица.

— Что ты хочешь сказать?—переспросил Андроник.— Ну говори, заранее дарую тебе милость.

— У Юлия Цезаря и поступки все высокие—сикамбров усмирил, Лугдун завоевал. А у вас все дела со смазливými племянницами или в отхожей яме.

— Что?—вскричал принц, вскакивая и чувствуя, как холодеет от гнева. Но тут же сообразил, что глупо выглядит в глазах нотария, да и на виду наблюдающих из сада господ. Он всю жизнь постигал науку «властвовать собой» и знал, что лучший метод этой науки—над собою смеяться. И он рассмеялся, успокаиваясь.

— Ты прав, как всегда, Евматий, твое блаженство! Но что же делать, что же делать—такова современность по сравнению с древностью. Нет великих дел, их нет!

Однако мемуарописание рано или поздно надо было кончать, и Андроник с ближней свитой перешли в гардеробную. Там принц снял философскую свою хламиду, и ее повесили в шкаф до лучших времен, а вот выбрать другое было несколько затруднительным. Гостей множество—надеть ради этого придворную далматику из парчи? Но принц официально еще не реабилитирован, следовательно, нет у него никаких чинов, а самовольничать в этом деле, значит, давать новый повод к новым кривотолкам. Пожалуйста, выбирайте, ваше высочество: стола—белое льняное платье без всяких украшений; палла, похожее на женское платье длиннополое, с богатой вышивкой по кайме; гиматий, летний балахон спортивного типа, хорош для домашних приемов и малых выходов...

По утрам в гардеробной у принца собиралось нечто вроде современной пятиминутки или планерки—определялись все дела на весь день, сам принц тоже мог получить себе задание. И сейчас присутствовали кроме

прочих Цинциллука, его главный домоправитель, Дасиот, заведующий гардеробом. Между прочим, все они соответствовали таким же чинам в царском дворце, только не имели пышных титулов римского происхождения. Но были готовы полностью перенять всю власть и при престоле и таким образом являлись, опять же выражаясь нашей терминологией, теневым кабинетом оппозиции.

Из них только Каллах не принимал участия в разговоре, он глядел на клепсидру — водяные часы, ожидая, когда истекнут последние капли в стеклянном цилиндре и надо будет его перевернуть и ударить в гонг — полдень!

— Эй, ребята, ребята! — встревожился Андроник, тоже глядя на часы. — Сейчас ударит полдень, все они хлынут в триклиний, гости, а мы еще не готовы. Пожалуй, надену вот это простое, льняное белое. Они все шикарно облачены в золото и серебро, а принц будет в простом, как песня!

Все захлопали удачному выражению сюзерена. Пока он одевается, мы несколько слов скажем по поводу выражения «ребята». Даже при особе Александра Македонского были эти самые «ребята» — этеры, синэтайры, близкие соратники, компаньоны, один из них, Дамокл, как известно, и на троне царском посидел, другие стали диадохами при разделе монархии... Так что чему ж удивляться, если Андроник, во всем следовавший классическим образцам, своих ближних, которые таскались за ним по всем походам и ссылкам, называл просто — ребята?

— А это кто там в саду возле Исаака рыжего длинный такой и с головой как огурец? — спросил принц, переодеваясь.

— Это Андроник Ангел, ваш тезка и троюродный братец, разве вы не узнали? Прибыл со вчерашним конвоем.

— О, святой Георгий, это же действительно он. Вот кого не ожидал я здесь встретить. Знать, у Ксении-Марии и ее красавчика протосеваста дела плохи, раз такие ангелы к нам слетаются. А это кто рядом с ним, такой благостный и глазками помаргивает?

— Это его новый нотариус Никита Акоминат, брат того писателя, знаете, который теперь архиепископ в Афинах. Он историк, говорят, что пишет хронику.

— Что ж, он действительно ученый человек?

И тут в разговор вмешался нотариус принца диакон Евматий.

— Ничего особенного. Я с ним учился вместе в философской школе во Студитах. Так, способности ниже среднего. Сухарь!

— Ого-го! — засмеялся принц, с ним все синэтеры. — Евматий наш ревнует! Значит, он действительно чем-то интересен, этот Никита.

Уже одевшись и бросая взгляд на себя в зеркало, принц спросил Цинцилла:

— Так сколько ты, великий управляющий и великий транжира, сегодня сажаешь со мною персон? Сто двадцать обедающих? Уму непостижимо! И мы еще не вылетели в трубу? Вчера ко мне целая депутация приходила от округа Филарица, жалуются — господин Цинцилла вконец разорил, продовольствие начисто выгребает... Правда, за деньги, но это же по казенной, не по рыночной цене!

Цинцилла поднял плечи, возвел глаза.

— А наш Каллах, — продолжал принц, — меня все убеждает, пора в столицу да пора в столицу. Я его остепеняю: подождем, мол, да повременим. А эти высокородные из столицы, они меня просто вынудят уехать. Не хочу разорять из-за них население и кормить мне гостей ничем. Еле на леопарда хватает, — засмеялся он.

И, выходя уже из гардеробной, сказал богатырю Пупаке, который всегда обретался где-нибудь у выхода:

— После кормления, хе-хе-хе, гостей будь у меня к кормлению леопарда. Ты мне нужен по одному делу.

Мы опускаем описание обеда, он, как и все византийские обеды, был отменно пышен, отменно сытен и отменно скучен, у нас с вами еще представится возможность побывать на этих обедах. После того как трапеза окончилась, все отправились в отведенные им жилища — отдыхать, а трудолюбивый Андроник облачился в легкую охотничью тунику — кормить любимца.

Пупака ожидал принца неподалеку от обиталища зверя. Он даже на обед не пошел, истребил целый гребешок на причесывание своей живописной гривы. Вечную свою мурмолку до бровей на сей раз не надел, а повязал буйные волосы красивой лентой.

— Итак, — начал Андроник. — Ты обещал рассказать, кто эта мать Фамарь или как ее, которая приехала сюда в Энейон с моими дочерями. Откроюсь тебе, я должен иметь тяжелый разговор с ними, замужество, то-се, я хочу знать, что только можно знать.

Длинный и сбивчивый рассказ Пупаки его не удовлетворил.

— Ты полагаешь, у нее это простое увлечение модными танцами по канату? Ты считаешь, это влияние племянницы Ангелиссы, которая теперь невеста Враны? Ох уж эта невеста Враны, такая же вострушка, как и нареченный. Что, они уж обвенчались? Вот будет парочка в священной Византии!

Принц, однако, не отпустил сразу своего синэтера.

— А скажи, Пупака, ты случайно не знаешь, кто такой Дионисий из рода Археологов, как он проник к моим дочерям?

Пупака пришел в страшное волнение — да это же тот, всещедрейший, тот самый, которого чародей царский Сикидит... Помнишь, твоя милость, когда ты встречал нас у Орлиного гнезда, ты еще изволил надо мною смеяться...

— Так это тот самый! Тот, как ты выражаешься, диавол...

— Да, да, всеславнейший, это он.

— Значит, все-таки премудрому Сикидиту удался его замысел, он извлек его в семь тысяч четыреста девяностом году и перенес в наш богоспасаемый шесть тысяч шестьсот девяностый год?

— Воистину так, всещедрейший!

— И ты утверждаешь, что лично присутствовал при этом?

— Клянусь Богородицей, господин мой!

— Клясться Матерью Божией не следует, это тяжкий грех. Тебе, Пупака, я верю и без всякой божбы.

— О, всесветлейший, благодарю тебя!

— Так где же он теперь находится, этот диавол?

— Сикидит в столице рассказывал, что он вновь вырвался из его эргастирия и помощника зверски убил и еще одну испытуемую увел. Только он не диавол, все-таки, нет...

— Почему ты так думаешь?

— Патриарх Феодосий его испытывал, он не расточился.

— Логично, — усмехнулся принц. — Логики, как и необъяснимых чудес, предостаточно в наш рациональный век. Вот элементарного разума не хватает.

Уже отпуская с миром своего синэтера, принц сказал: значит, он исчез из нашего поля зрения, этот кудесник из Львиного рва?

Пупака вновь разволновался: да нет же, нет! Дело в том, что этого Дионисия, по рассказам, видели в Амастриде на городском рынке...

— Репой он, что ли, там пафлагонской торговал? — не сдержался принц.

Пупака опечалился: все-таки ты мне не веришь! Андроник успокоил его в своем доверии и приказал внимательно следить за появлениями и передвижениями этого Дионисия. Добром или силой залучить его в Энейон!

Подойдя к самому логовищу леопарда, где ожидали слуги с корзиной мяса и железными крюками, а на почтительном расстоянии те из гостей, которые предпочли зрелище кормления послеобеденному сну, принц думал об одном. Все больше места в его размышлениях теперь занимал этот пришелец из неведомой эпохи.

В школе студитов учили, что всеобщий дух — «пневма» — един для всех времен и пространств, как един, например, воздух в разнообразнейших уголках нашей планеты. Ничто не прибывает, но и ничто не теряется, лишь перетекает из одной ипостаси в другую. Задача в том, как грубую и непокорную форму, в которую заключается эта свертхтекучая пневма, как ее перетащить? Сикидиту, значит, это удалось.

Другой бы, конечно, заинтересовался в первую очередь, действительно ли этот диавол или кудесник может творить чудеса и как его чудеса использовать в своих интересах... Андронику же еще в юности говорили педагоги: в отличие от своего брата и соперника Мануила, который обладал очень целеустремленным характером, он, Андроник, был разбрасывающейся, увлекающейся натурой. Поэтому и престола-то не достиг — вечно кто-нибудь или что-нибудь попадалось на пути.

Началось кормление. Ловчие, слуги, сам Каллах встали вокруг клетки, держа на всякий случай крючья и ведра с водой, хотя храбрец Андроник морщился: зачем это?

Принц входил как равный к равному. Леопард встречал его предупредительным рычаньем, лошади в соседних загонах вставали на дыбы, а господа любители таковых зрелищ млели от сладострастия. Принц смеялся в оскаленную огромную кошачью физиономию и кормил хищника сочным кровоточащим мясом.

Амастрида Пафлагонская сама по себе город мрачный. Варвары несколько раз дотла разоряли античную Амастриду, и василевс распорядился построить ее заново на высокой горе, выступающей над мысом, где волны Гостеприимного Понта кипят у прибрежных скал.

И жители покинули древний театр, с веками превратившийся в подобие коммунальной квартиры, и уютные улицы на месте многоколонных форумов, переселились на гору, в тесноту и утилитарность военной крепости. И новые дома их были похожи на крепостные башни, мрачно вззирающие на мир прорезями бойниц.

Но мрачнее других зданий в византийской Амастриде не найти, чем градоначальство. Там всюду решетки, расставлены часовые, покрикивают на прохожих.

Денис вышел из градоначальства, щурясь на солнце. Достал монетку из кошелька, дал ее часовому. Тот, правда, и не просил, но таков уж обычай в этой стране — жалуй при входе, жалуй при выходе, если хочешь сам оказаться жалуемым. Да еще благодари Бога, что живым вышел на свет.

У коновязи ждал его верный Ферруччи, предок Колумбов, а рядом некий светловолосый молодец в простой крестьянской рубаше, но с военным мечом-акинаком на перевязи и модным тимпанчиком на голове. Они держали под уздцы сразу четырех лошадей. Юноша этот звался Сергеем, а по лицу сразу можно было понять, что это брат знакомой нам Фоти.

— Фу! — Денис подошел к ним, вытирая лоб. — Еле-еле договорился. Но обещали выпустить, какую-то бумагу выправят только.

— Эх вы, славяне или тавроскифы там, как вас звать! — Ферруччи, привыкший к либеральным разговорам с синьором, и стоял в вольной позе, похлопывая по фыркающей лошадиной морде. — Мякотелы вы, склонны ко всепрощению. У нас бы в Генуе, случись такое, весь бы город восстал за своего гражданина, градоначальство бы спалили...

— У нас бы в Генуе! — засмеялся Денис, его всегда веселили шутки Ферруччи. — Ты же родился здесь и там никогда и не был. А как бы, например, в Амастриде вы справились бы с таким многолюдным гарнизоном? Вояк больше, чем столбов или деревьев!

Когда третьего дня фура Ферруччи наконец прикатила в Филарицу, путешественники застали в доме родителей Фоти сплошной плач и гореванье. Матушка София — мать Фоти — пила отвар ладаницы, родня, сидя по лавкам, галдела и судачила, но никто ничего не предпринимал. Асикрит, то есть сборщик податей, нагрнулся в их село вчера, как коршун на цыплят. Все попрятались, некоторые бежали в лес, несмотря на самое боевое время пахоты, на что и рассчитывал асикрит, чтобы неплательщики оказались на местах.

А незадачливый Устин Русин, то ли он замешкался, то ли надеялся на свое красноречие, то ли на то, что авось пронесет...

Короче говоря, во всем селе взяли только его одного, как он ни показывал свои рубцы от ран, даже деньги какие-то сулил в качестве подарка... Поскольку он сопротивлялся и сыновья пытались его выручить, ему скрутили руки и увезли. Сын Сергей показывал лиловый синяк на спине.

Размышляя об этом, Денис быстро натолкнулся на странный факт. Переоформить документы на владение в Византии, тем более на землю, это очень долгая и муторная история. Как же сочинялся в столичных ведомствах акт о передаче земли Русина иному владельцу, если сам Русин об этом ни сном ни духом не ведал, хотя бы и был недоимщик? В этом должна была быть какая-то руководящая и направляющая сила! Но никто ничего не мог ему объяснить.

— Выпустят! — повторил Денис. — Я уже хорошо изучил ваших мздоимливых римлян!

— наших римлян! — вскричал генуэзец. — Я никак не причисляю себя к римлянам, они вот славяне, ты — тавроскиф...

Когда Денис отыскал в Амастриде сборщика податей, посадившего Устина Русина в долговую яму, и выразил даже желание заплатить за него недоимку, и немалую, тот тоже с некоторым изумлением встретил появление царского моливдовула, предъявленного Денисом. Кстати, наш Денис, уже искушенный в византийском актерстве, не просто так представился в качестве нового владельца усадьбы Русина, а разыграл целую сцену.

Когда сборщик податей — асикрит — заявил ему, что неисправный должник Устин Русин уже им передан в ведение эпонта — городского судьи, Денис встал во весь свой

хороший рост и закричал на весь зал самым что ни на есть зычным голосом:

— Слава всевеличайшему, христороубейшему императору Алексею Второму, василевсу, самодержцу, слава!

Асикрит первым понял замысел Дениса, мгновенно вскочил со стула и опустился рядом со своей кафедрой на колени. Денис поднял над головой грамоту с подлинной подписью василевса и болтающейся свинчаткой печати. В большой сводчатой палате сборщика налогов трудилось два десятка чиновников, а перед ними посетители жужжали, словно рой насекомых. Не дожидаясь, когда Денис вызовет караул (он имел право это сделать по византийским законам) и привлечет к ответственности за непочтение к имени самодержца, все двадцать палатских крыс выскочили из-за своих столов и смиренно встали на колени, а рядом с ними примостились и их досужие клиенты. Удовлетворенный Денис, как хороший режиссер, сам благоговейно облобызал свинцовую печать моливдовула и повторил:

— Слава всевеличайшему, всесвященнейшему государю Алексею Второму Комнину, да живет он вечно.

— Да живет он вечно! — подхватили стоящие на коленях.

Этот небольшой спектакль помог Денису сразу заработать высокий авторитет в Амастриде. Чиновники шептались о нем, как о Хлестакове в другой стране и в другом веке: «Столичная штучка!»

Далее. Имея возможность внимательно рассмотреть и изучить предъявленный им асикриту указ, Денис с весельем обнаружил, что кроме права на усадьбу Русина в приходе церкви Сил бестелесных, что в волости Филарица, он обладает и правом экскуссии, то есть не подвластен мирскому суду, сам может творить суд и расправу над любым своим крепостным и домочадцем, не платит налогов, не вносит местных сборов и так далее. Именно это право экскуссии, очевидно, и огорошило асикритов. Рассчитывая отнять имение у бессловесного Русина, об экскуссии они не могли мечтать, надо было иметь очень хорошие связи при дворе, чтобы ее получить.

Забегая вперед, скажем, что, размышляя о том, как ему удалось получить сию диковинную экскуссию, сам Денис приписывал это только Марухе в тот период, когда она еще рассчитывала на него. И еще сразу скажем: Денис, конечно, думал, этично ли ему отбирать все-таки имение

у семьи Русиных. Но был совершенно уверен, что женится на Фоти и таким образом обеспечит всей ее семье и благополучие, и безопасность, от чиновников.

Протоасикрит (то есть первый секретарь ведомства сбора налогов), арестовавший Русина, долго с недоумением рассматривал строки об экскуссии и вдруг спросил:

— А тебя как зовут, не Валтасар?

— Тут ясно сказано,— напуская на себя раздражение, а сам втайне ликуя, ответил Денис.— Кто я и какой у меня род и чин.

— Гм! — разюмировал протоасикрит.— И ты потребуешь, конечно, чтобы упомянутого Русина я тотчас освободил?

Денис беспардонно шлепнул перед ним на бумаги один из кошелечков Ферруччи. Протоасикрит смел его привычно горстью, но закричал:

— Закон обратной силы не имеет! Пусть Русин сам расплачивается за свои недоимки. Да и кто он тебе?

После всех разговоров Денис, услышавший, что ключ от темницы находится у самого эпопта, а сам этот эпопт поехал на богомолье в соседний монастырь, сегодня поминки по его жене, а она там погребена, почувствовал, что повременить надо, обдумать ситуацию, и, заручившись обещанием, что Русина выпустят, вышел к коновязи, где его ждали Ферруччи и младший Русин.

— У, скорпионий дом! — сказал младший Русин, услышав рассказ Дениса, и даже, не боясь, кулаком погрозил в сторону градоначальства.

— А я думаю,— покачал головой Ферруччи,— тут дело в том, что кошелечка нашего ему мало... Но у меня уже и не осталось этих кошелечков.

Они поехали, пообедали на рынке. По случаю голода и дороговизны все было недоступно, но все же они полакомились мясом, жаренным на палочках,— нечто вроде нашего шашлыка.

День кончался, кони беспокоились, стучали копытами, чуяли надвигающееся ненастье, а Русина все не выпускали. Ферруччи и младший Русин нахохлились, молчали. Тогда Денис решился. Он вновь поднялся в палату налогов, и в пустой этой зале (присутствие давно окончилось) он обнаружил только самого протоасикрита. Он не ушел, явно чего-то ждал.

Денис вырвал из-за пазухи свою заветную царскую цепь и брякнул ему на стол. Протоасикрит вновь нимало

не удивился, повертел цепь, рассмотрел ее и переложил за пазуху к себе. А сам бормотал:

— Логофету дай, канкелларию — хранителю чернил, не выделит чернил, не сделаешь в книге запись о законном освобождении узника. Вестибуларию, то есть охранителю общего порядка, их тут четырнадцать чинов у епарха, налагателю клейм и пломб тоже дай...

«Налагателю клейм и пломб-то за что?» — рассеянно думал Денис.

Но дело делалось. Быстро нашелся богомольный эпопт, был передан ключ, и вытянули из подземелья на цепях, из самого скорпионьего логова, грязного, вонючего, всего в навозной жиже бедного Русина. Еще не разбираясь, кто есть кто среди его освободителей, Устин, опираясь на плечо сына, отошел к городскому фонтану и там омылся насколько мог. Пока шло омовение, сын на ухо сообщил ему обстоятельства дела, и вот Устин, заложив за уши седеющие волосы, почтительно склонился перед господином Денисом, протянул к нему руки и смотрит в глаза ясным, доверчивым, совсем не византийским взглядом. Чуть-чуть вниз и в сторону, как его дочь Фоти.

«Видно славянское все-таки происхождение, — думал Денис. — Византиец бы начал с того, что встал на колени или вообще пал ниц». Денис, в свою очередь, широко раскрыв объятия, шагнул к нему навстречу, и они обнялись как родные. Да так и будет, если Фоти станет женой Дениса.

И вот они вчетвером на конях едут к Южным воротам — на Филарицу — домой, домой! Там матушка София, все в неизбывной тревоге, даже возвращению дочери обрадоваться не успела. Отец и сын Русины — бывалые наездники, кони под ними, как говорится, пляшут. Что касается Ферруччи и его синьора, то они сели на коней первый раз в жизни. Да седла еще без стремян. Денис только и думает, чтобы не свалиться с крутой, как гора, конской спины.

Солнце пошло на закат и осветило косыми лучами крепостные стены и тюремные окна Амастриды. Вереницы жителей, все в каких-то одинаковых балахонах и шляпках-камилавках, брели по узеньким, мощенным булыжником улицам. «Да, — покачал головой Денис. — Византия-то и здесь Византия, но отнюдь не такой вечный праздник, как в столице столиц». Выехали за Южные ворота, уплатив причитающиеся «отвальные».

И вдруг резкий звук боевой трубы их остановил. На дороге их быстро окружила не менее чем сотня отлично вооруженных всадников.

Русин старший, бывалый воин, коротко скомандовал, и они вчетвером развернули коней так, чтобы оказаться спиной к спине. У кого какой был, обнажили мечи.

Но сражаться не довелось. Денис увидел, что впереди воинов к ним приближается на могучем, словно носорог, коне какое-то мохнатое чудище в красных парадных доспехах — медведь не медведь, левиафан не левиафан. Приближается, да еще приветливо машет рукой.

— Пупака! — узнал его Денис. — Да это же Пупака, тот самый, с Кавказа, который охранял Сикидита или служил ему!

Рядом с Пупакой выехал глашатай, трижды протрубил в рог и объявил хорошо поставленным голосом:

— О благороднейший Дионисий из рода Археологов, внемли нам! Его светлейшая особа принкипий Андроник Комнин, да хранит его Пречистая наша Мать, приглашает тебя, преславный, и твоих уважаемых спутников к себе в гости!

8

Если нам захочется воочию себе представить, каким было любимое детище принца Андроника, его поместье Энейон, нам нужно взять византийскую поэму о Дигенисе Акрите, открыть там седьмую главу.

И мы прочтем, что в середине дивного и сладостного сада у Дигениса воздвигся дом невиданный, прямоугольный и большой, из тесаного камня. И крыша дома, и его полы были отделаны привезенным из Греции белым пентеликонским мрамором. Что ж, не знаем, как акрит, а принц Андроник вполне мог позволить себе такую роскошь. Впоследствии было подсчитано, что он владел пятьюстами больших и малых деревень.

Внутри он сделал комнаты трехсводчатые сверху,
Со сводами высокими, украшенными пестро,
Покои крестовидные, причудливые спальни, ---
Сверкали мрамором они, сиянье излучали.
И так создание свое сумел украсить мастер,
Что взорам словно сотканной постройка представала
Из образов тех каменных, дававших людям радость.
Поверхность пола ониксы в покоях покрывали,

Отполированные так, что всякий бы подумал:
Замерзли капельки воды и льдинки пол покрыли...

Жизнь принца была, как сказать, бурной? — во всяком случае, динамичной, подвижной. В изгнании был не раз, в ссылке, в темнице. От любимого двоюродного братца Мануила дважды был приговорен к смертной казни, но только по исключительной вспыльчивости василевса, потому что оба раза помилован вчистую. Последние же пять лет жил в своем Энейоне, в далекой от столицы Пафлагонии, чуть ли не в пустыне, куда и добираться-то надо было с военным конвоем.

Он был человек увлекающийся. Со всем присущим ему пылом взялся за постройку нового дома в Энейоне или, вернее, дворца. Архитекторов выписал, заказывал мозаики, денег не жалел. В гроб, что ли, их с собою брать?

По его собственному рисунку спланировали круглый зал с высоким куполом. Воздвигли двенадцать колонн в старом добром ионическом стиле. Сюжеты мозаик на стенах были избраны опять же Андроником: плененный Сампсон разрушает столбы филистимского храма, иудейский царь Саул гневается на удачливого пастушка Давида, Ахиллес свершает подвиги, а Агамемнон ему завидует, все близкие к биографии принца, и уж к его взаимоотношениям с братцем Мануилом — это точно.

Посередине зала был круглый стол, целиком выпиленный из ливанского кедра, за ним могло разместиться более ста человек. И он собирал здесь тех, кого считал друзьями. Из столицы внимательно следили за этими собраниями, в столице для кого-нибудь репутация — бывает у Андроника в Энейоне могла означать вообще конец репутации.

Вот и в этот пахнувший розами и морской солью вечер во всех канделябрах горели свечи, курильницы были полны ладана, на хорах играла негромкая, не мешающая вдохновляться музыка — царственные арфы, флейты-визгущки.

Гости прибывали, уже их было гораздо более ста, озабоченный Цинциллух докладывал сюзерену: чем более в столице нервничает Ксения-Мария, тем более растет поток спасающихся в Энейон.

— Ничего, ничего, — подбадривал Андроник. — Денег недостает? Продай какую-нибудь еще деревеньку.

Душою общества был, конечно, Исаак Ангел. Зло-

язычные царедворцы передавали даже название краски, которой якобы он красит седые кудри в великолепный рыжий цвет.

— Один протоспафарий, — докладывал Исаак, собрав вокруг себя кружок любителей анекдотов, — вернулся домой раньше времени. Открыл шкаф, а там кто-то в темноте дышит. Протоспафарий спрашивает у жены: «Кто у тебя там?», а голос из шкафа отвечает: «Это я, твой кафтан, разве ты меня не узнаешь?»

— Хо-хо-хо! — заливались гости Андроника, а некоторые, надо полагать, недоумевали: чего тут особенного в этом хваленом Энейоне? То же самое, что в столице!

Так же он, Исаак, объявил, что берет шефство над кухней Андроника, и, взяв себе на помощь старого верблюда Феодорита, долго изводил там поваров, перебирая все их сковородки и кастрюльки. Вернувшись к гостям, Исаак с комичной миной стал уверять, что он научил поваров принца готовить жаркое из журавлей. И все вновь стали смеяться, хотя уж совершенно непонятно, чему смеяться в данном случае.

Когда гостей было достаточно много, в залу, сопровождаемая евнухами-эфиопами, носителями страусовых опахал, словно царица, вступила сама Феодора, сожительница принца.

Нотарий Евматий, успевший с утра переодеться в яркую фиолетовую рясу, взмахнул свитком и прочитал Гомера:

Громко воскликнули тут герои, Елену увидев,
Истинно вечным богиням она красотою подобна!

Пусть не совсем точно читает Евматий античные стихи, но зато в подлинном ионийском произношении: вместо византийского «и» у него открытое «э», вместо взрывного «ф» у него твердое «т» и так далее.

Не искушенные в филологии гости все равно наградили опус Евматия аплодисментами, а сама Феодора, словно богиня, удостоила его улыбки.

Феодора не была обвенчана с Андроником. Принц когда-то похитил ее у законного мужа, и супруг тот неудачливый, говорят, был еще где-то жив. А у них с Андроником была уже дочка четырнадцати лет, и Феодора не была еще принцессой!

А вот и дочери Андроника от предыдущего брака. Обе худосочненькие, младшая еще совсем ребенок, а старшая

с претензией — на малый выход надела на себя невероятное число бриллиантов, это заметно. Смотрят на знаменитого отца влюбленными глазами, но близко подходить не смеют, видно, что боятся мачехи.

Никита Акоминат, ученый нотариус Андроника Ангела, держится в тени. А его высокородный шеф хочет, чтобы тот тоже чем-нибудь отличился. Высокородный шеф, чернобородый, лупоглазый, похожий на ассирийца, которого принц Андроник иначе не зовет, как «тезка», вытаскивает Никиту за локоть на середину, и тот вынужден тоже декламировать наизусть:

Нет, не бессмертным богиням ее уподобляйте,
Даже не к звездам небесным и не к земным чудесам,
Женщина просто она, но с такою божественной силой
Дивной красоты, что и к звездам нельзя приравнять!

Никита продекламировал это на звучной латыни, но, прекрасно сознавая, что латыни в наше время мало кто обучен, он тут же в прозе перевел эти стихи на всем понятный греческий. И был вознагражден еще более ослепительной улыбкой хозяйки и рукоплесканьями гостей. А пресловутый Евматий позеленел, словно статуя Нептуна.

— Кто это? — заинтересовался Исаак Ангел, который все же оканчивал философскую школу. — Надеюсь, не Гомер навыворот, как принято у византийских поэтов?

Все засмеялись, как всегда, выходкам Исаака Ангела, а Никита пожал плечами и ответил:

— Клавдий Клавдиан, он жил еще при Феодосии, то есть восемьсот лет назад.

Публика зашумела, обсуждая, какая прорва времени — восемьсот лет назад! А принц Андроник подозвал к себе дочек и, обняв за плечи старшую, дал понять, что хочет говорить.

— Тише, тише! — услужливо засуетился Исаак Ангел. — Дадим и хозяину высказаться!

— А я хочу попросить высказаться младшее поколение. Вот моя Эйрини, — он слегка вытолкнул девушку вперед. — Правда, философских школ она не кончала, но родители не скупилась. К ней ходили прекрасные учителя.

Можно было ожидать, что девушка станет отнекиваться, краснеть и так далее. Ничего подобного, все-таки она была урожденная принцесса. Лишь слегка разрозовевшись и став от этого неописуемо хорошенькой, Ира звонко объявила, что она, во-первых, будет читать тоже по-латыни, во-вторых, это тоже про женщин:

Всякая женщина зло. Но дважды бывает хорошей,
Либо на ложе любви, либо на смертном одре.

Литературный вечер становился все более непосредственным. Все громко обсуждали достоинства прочитанных произведений и мастерство их чтецов. Андроник поднял руку, и публика снова обратилась к нему.

— Вот послушайте, теперь я прочту и по-гречески, а вы угадайте, кто написал?

Хоть женщина красивая — конечно, зло,
Но все же в красоте немало радости.
Но если и пригожесть у нее отнять,—
Двойное зло: и радоваться не на что!

Все сперва молчали, потому что не знали, с каким оттенком это произнес принц, в восхваленье или в поругание хозяйке Феодоре — она же была закоперщицей этого диспута. А во-вторых, никто не знал поэта.

— Уж не ты ли сам, всесветлейший, — предположил Исаак Ангел, — сочинил это прекрасное стихотворение?

Андроник молчал, усмехаясь. Молчала и его драгоценная Феодора, только подвески позванивали у ее висков. И вдруг никому не известный гость, стоявший у самого кресла Андроника, сказал громко и просто с легким иностранным акцентом (чуть грубее произнося греческие слова, чем это делалось в ту эпоху):

— Это монахиня Кассия, которая до пострижения была невестой императора Феофила, девятым веком нашей эры.

Девятый век нашей эры — этого словосочетания здесь не понял никто. Но имена Кассии и ее грозного возлюбленного Феофила Иконоборца, который в народе остался жить как один из справедливейших властителей, были знакомы почти всем.

— Вот, — назидательно сказал Андроник, — вывод таков: не только классиков надо помнить, а и наших византийских поэтов, о которых с усмешкою изволят говорить всесветлейший Исаак.

— Боже мой! — принцесса Ира округлила глаза. — Это же он... Да, да, это он, и никто иной!

9

— Я представляю тебя как своего друга, — принц ввел Дениса в катихумену, то есть комнату для бесед. — Теперь ты всегда будешь в числе моих приближенных.

Когда они были в большом зале и Денис, по желанию принца, находился возле него, пришлось то и дело пригубливать вкусное, но крепковатое. Денису с непривычки ударило в голову, и он пребывал в состоянии дерзостного непослушания. «Меня представлять? Приближенный? Какой вздор!» Хотя он отлично сознавал, что не слушаться столь высокую персону, каким представлялся ему Андроник, было все равно, что, по студенческой присловице, целовать тигра. И страшно, и никакого удовольствия.

— Пожалуйста, называйте меня на «вы», — все-таки просил он.

Андроник улыбнулся.

— Давай лучше ты называй меня на «ты». Во-первых, человек есть индивидуальная мера, так почему называть его во множественном числе? Кто придумал это? Во-вторых, ты должен знать: я никогда ни перед кем не чинюсь, спроси кого угодно.

Он притянул Дениса к себе и покровительственно хлопал его по плечам.

— Ничего, мы с тобою еще подружимся!

Сели возле ваз с фруктами, и Денис подивился мастерству фруктоводов. Виноград — ягодка к ягодке. Капли воды как росинки, словно только что сорван, а ведь прошло-го урожая!

Принц вел беседу ни о чем. Какие вести из столицы, какие виды на урожай? А на европейской стороне империи? Спросил, есть ли у Дениса дети, и, узнав, что нет, стал жаловаться на своих: у него их от трех жен семеро.

Денис всматривался в него, испытывая некоторое удивление. Палач, садист, авантюрист — такое впечатление об Андронике Комнине он вынес из университетских семинаров. Здесь певцы слагали об Андронике саги, о живом, и он казался могучим сотрясателем небес, вроде франкского Роланда или русского Ильи Муромца.

Перед ним же расположился на золоченой табуреточке (именно расположился, а не просто сидел!) типичный интеллигент, правда, высокого роста, спортивно сложенный, несмотря на свой возраст. Вопреки византийскому обычаю бороды не носил. У него были висячие усы, как у запорожца, и несколько выпуклые внимательные глаза. И усмешечка кривоватая была, будто все ему трын-трава! Была и привычка подкручивать или подергивать кончики усов, привычки этой он стыдился, старался избавиться.

И еще: он был совершенно лыс, ему предлагали искус-

ные парики из разных стран. Император Мануил, например, любил иметь для всевозможных случаев особые парики. Андроник от париков отказался: пусть, мол, все видят без прикрытия, каков я есть.

Об одежде: каждая деталь его костюма всегда была продумана, но не в лоб, не в лоб! Если, например, он был одет в простую крестьянскую рубаху, это отнюдь не значило, что высокороднейший принц сам собирается пахать. Придворные специалисты гадали и предполагали, что принц пишет буколическое стихотворение. И были правы.

Сегодня он был одет в декоративную кольчугу тончайшей венецианской выработки, а в руке к тому же держал грозные боевые железные перчатки. Однако это отнюдь не означало, что принц пишет поэму в честь Марса, а наоборот, что он теперь свободно думает о войне, это, в частности, категорически запретил ему покойный Мануил специальным указом.

— Правда, что о тебе рассказывают, будто тебя Сикидит...— без обиняков начал Андроник.

Денис ответил утвердительно, а про себя улыбнулся. Скоро и о нем начнут слагать саги кифареды на перекрестках Византии.

— Так в каком году ты жил, пока это мистическое чудовище не вытащило тебя в наше римское царство?

Денис был готов к этому, он предполагал такие вопросы и заранее вычислил. В семь тысяч восемьсот девяностом году от Сотворения мира. Счета от Рождества Христова византиец просто бы не воспринял. Андроник представил себе массив времени и стал тереть ладонью голый затылок.

— Ого! Восемьсот лет вперед!

И он продолжал выспрашивать подробности великого эксперимента Сикидита, относясь к услышанному совершенно реально, не ища в этом колдовства или особой дьявольщины. Не так, как покойный Мануил или светлейшая Маруха, которые все же чаяли в этом происки Сатаны.

— И ты, наверное, хотел бы заставить Сикидита, чтобы он этим же путем возвратил тебя домой?

Денису ничего не оставалось, как ответить утвердительно, хотя сейчас его желания были в другом.

— Не обольщайся,— сказал принц, беря гранат и надрезая его.— Скажу прямо, этот Сикидит — большой осто-
лоп.

Пожевал гранатовые зерна беззубым ртом и продолжал:

— Поясню притчей. Ты, наверное, знаешь, что среди моих детей есть принцесса Эйрины, Ира, белобрысенькая такая капризушка. Не можешь не знать, если успел в столице столиц повращаться в светских дебрях, жених у нее официальный Ангелочек, тоже не можешь не знать, умопомрачительная личность. Да и ты сам, судя по твоему профилю и сладкой бородке, большой женолюб, парень! Ну, оставим это, вернемся к Сикидиту. Итак, капризушка Ира потребовала, чтоб ее взяли на охоту. Взяли, хотя, как ты знаешь, у нас женщины на охоту не ездят, мы не Запад. Там она потребовала дать ей лук, он же тяжеленный, целый пуд, наш боевой лук! Родители, конечно, категорически запретили ей это, но опять уступили. И взяла Ира в первый раз в своей жизни настоящий боевой лук, кавалеры, конечно, помогли ей и удержать и натянуть этакую махину. И первым же выстрелом, первым и единственным, наша принцесса убила золотистого дятла!

Андроник хлюпал гранатовым соком, смеясь. Видимо, история с дятлом и дочерью доставляла ему удовольствие.

— Понимаешь? Другие всю жизнь мечтают хоть один раз подстрелить золотистого дятла, в силки его пытаются поймать! А эта вертушка раз — и подстрелила!

Денис тоже вежливо смеялся.

— Ты хочешь спросить, а при чем здесь Сикидит? — спросил принц. — А при том же. Раз — и подстрелил!

Принц придвинулся вплотную, оглянулся на диваны и торшеры, будто за каждым из них прятались стражи уха.

— Значит, ты там (он показал пальцем в пол, словно — увы! — в преисподнюю) специально изучал историю нашего царства?

На сей раз Денис просто кивнул.

— Дело! — удовлетворенно сказал принц. — А про Андроника протосеваста, принкипия, ты там, конечно, читал?

Денис опять ответил утвердительно, даже с некоторым оттенком собственного значения. Хотя чувство крайней опасности его не покидало — словно это он сам вздумал ласкать леопарда.

— Тогда скажи нам, мудрец Дионисий, вступит ли Андроник Комнин на престол своих отцов?.

— Да, ваша царственность! — ответил Денис, вспомнив высший титул римских василевсов, и даже попытался встать из-за стола, но принц не позволил.

— И сколько же отведено будет — или, по-вашему, с вашей стороны, — сколько было отведено на царствование этого Андроника?

— Три года, — сказал Денис, хотя, как в случае с Марухой, тут же пожалел о сказанном. С византийцами ух надо держать остро. Но как и не сказать, раз с тебя требуют!

— Маловато, — огорчился Андроник и снова потерял яйцеобразную макушку. — Мне уже семьдесят один год. Но не ветхозаветный же я Аред, который жил девятьсот лет... Ах, это время, время!

И спросил чрезвычайно заинтересованно:

— А кто же после меня вступит на престол?

Дениса снова занесло, и он ответил, не подумав:

— Исаак Ангел.

Царственный Андроник всполошился, как какая-нибудь коммунальная тетка.

— Этот Исачишка? Этот лизоблюд паркетный? Ну, брат прорицатель, тут уж проврался ты. Впрочем, — добавил он грустно, точно как в свое время кесарисса Маруха, — римской империи на роду так написано — шутов на царство принимать.

И Денису даже стало его жаль. Он был как ребенок, которому дали игрушку и тут же ее отобрали.

Тут Андроник захотел переменить тему и стал расспрашивать, как Денис устроился в этом мире. Фыркал на все Денисовы планы устройства в этой жизни.

— Жениться на дочке стратиота? Не спеши, пойдешь за мною, знатные патрикии станут толпиться в твоей прихожей, предлагая своих дочерей, да еще с приданым! Я дам тебе не тесную дворцовую кувикулу или хижину в сельской общине, ты получишь у меня дворец! Я выделю тебе не нищий надел стратиота, я дарую тебе имя. где трудятся сотни крестьян!

«И будешь ты царицей мира, — подумалось Денису, — голубка нежная моя!»

Принц встал, взял за руку Дениса.

— Долго я колебался, хотя, как видишь, кто только ни приехал ко мне звать на Священный Престол. Но твое появление, пророк ты или не пророк, я принимаю как знание судьбы.

Принц поднял полог и вышел к пирующим. Пир здесь уже трансформировался в оживленные танцы, которыми руководил все тот же неугомонный Исаак Ангел. В зале все образовали круг, взяли друг друга за плечи. Словно на каком-нибудь сельском празднике двигались по кругу, ритмически припевая. А посередине рыжий Исаак отплясывал нечто похожее на барыню.

Завидев Андроника, все кинулись к чашам и кубкам.

— Да здравствует Андроник Великий! — вскричал Исаак и рухнул в кресло, утомленный своим энтузиазмом.

— Друзья! — принц поднял боевые перчатки, и сразу стало понятно, зачем он эти железные крабообразные перчатки брал с собой на пир. — Решено! Мы выступаем!

Все было у него подготовлено к этому моменту. Заревели букцины — трубы легионов, златотканая толпа его гостей, преисполненная восторга, потекла во все четыре арки большого зала. На главной балюстраде все садились на заблаговременно подведенных лошадей, чтобы торжественной кавалькадой проехаться по окрестностям Энейона.

Денис не последовал за ним, остался у полога, тяжелыми складками отделявшего внутренний вход в зал. Какой-то писклявый голос вился вокруг него, просил обратить внимание. Денис сначала думал, что это какой-нибудь дворцовый евнух, к тонюсеньким голоскам которых он уже успел привыкнуть. Но это была женщина, служанка, и лицо ее было знакомо.

Ах да, это же девушка принцессы, Теотокиной подруги, которую вместе с госпожой он встречал на памятнике Быка в день похорон Мануила. Почти такая же, как запоминающаяся Теотокина Хриса, но та роскошная, гордая, а эта лупоглазенькая простушка и зовет ее госпожа как-то забавно — Лизоблюдка.

— Господин, господин, — пищала Лизоблюдка. — Одна особа хочет вас видеть.

— А какая особа хочет нас видеть? — интригуяще спросил Денис.

— Ее имя не важно, важно, чтоб вы поклялись честью...

— Ну если это важно, то вот клянусь!

Лизоблюдка повела его по анфиладе многочисленных гостиных и зимних садиков, в одном из которых на каменной скамеечке дожидалась принцесса.

Принцесса поднялась навстречу, и нетрудно было заметить, что она вся в трепете. Но голос ее был ровным.

— Это вы?

— А это вы?— отвечал Денис. После беседы с Андроником, из которой он вышел живым, ему уже ничего здесь не было страшно.

— А ваша Теотоки вышла замуж...— Хотя явно было, не то ей хотелось сказать.

— Я знаю,—с естественной грустью ответил он.

Но ее, видимо, уже занесло, как меньше часа тому назад заносило и Дениса.

— А она готовится родить ребенка!

Неизвестно, чем бы окончился этот более чем странный разговор, если бы не случился нелепый инцидент. После ухода господ слуги, естественно, принялись за уборку, распахнули все что можно, чтобы проветрить анфилады. Заколебались занавеси, захлопали фрамуги. Невольно ограждая хрупкую Иру, Денис взял ее за плечи, забыв на чисто, что он не в СССР.

— Не прикасайтесь ко мне!— чуть не топнула она ножкой.— Кто вы такой? Не смейте до меня дотрагиваться!

И тотчас стало ясно, что она под усиленной охраной. Из-за каждой кадки с розовым деревом, из-за каждой скамейки выскочили нянюшки, дядюшки в чалмах и кинулись на клич госпожи.

10

Денис заснул, как только голова коснулась подушки. Волшебное пахло чистым полотном и медовым сеном. Постелила ему на сеновале добрая матушка София Русина, постелила, да еще подушку перекрестила, как мать сделала бы это сыну, вернувшемуся на родину. И Денис заснул со спокойной улыбкой.

Когда проснулся, не сразу мог сообразить, где находится и почему. Но в последнее время где только не приходилось ему просыпаться, пора ко всему привыкать. Он, наверное, проспал не дольше часа, так как был еще день. Багряный свет заката просвечивал сквозь бревна крестьянской постройки. В углу на курином наместе птицы голготали по-своему, топтались на невидимых жердях.

— Ва, ва, ва,— буркотали несущки.— Василевс петух!

Куд-куда, куд-куда, и куда ты изволишь меня посадить, рядом чтобы с собою...

Денис продолжал блаженно улыбаться. Дом Устина Русина, где ночевали они после возвращения из Энейона, был построен так же, как все дома стратиотов азиатской Византии. Строился он из дикого грубого камня, из самодельного большемерного кирпича и снаружи выглядел как огромная мазанка. Только хозяйственные постройки — сеновал, коровник, амбар — делались из дорогого в этих местах круглого леса. Они чаще всего выгорали в бесконечных местных драках и инцидентах, а из бревен проще всего было их восстановить.

Основой дома был мегарон — мужская половина. Он строился на четырех кирпичных столбах до самой крыши, в нем был огромный очаг из шершавых валунов-камней, совсем как в гомеровской «Одиссее». Были дубовые скамьи и стол, прокопченный дымом былых сборищ и пиршествований. Мужчины и спали здесь, у них были постоянные места для сна на хорах — по-нашему на полотах, — высоко, под самым потолком. Там, на хорах, умещались еще и крохотные комнатки для гостей.

За полукруглой аркой, за ковропканым занавесом располагался гинекей — женская половина, тоже особая страна.

Дениса же настояла Фоти положить на сеновале, мотивируя: комнаты для гостей в мегароне тесненькие, там много гари от очага, на котором из-за многолюдья день и ночь жарится мясо. Сказала, что Денис устал от своих непрерывных деяний, ему надо хорошенько отдохнуть, а как тут отдохнешь, если в мегароне до поздней ночи мужики травят всякие побайки (анекдоты). Все отнеслись к ее просьбе с пониманием. Ведь недаром у народов, у которых были родовые дома (в том числе у русских), молодым стелили в чулане, на хозяйственном дворе, даже на леднике.

А курицы все клохтали. У них своя иерархия, кто более достоин сидеть поближе к Самодержцу. Разыгрывались драмы, вплоть до куриного инфаркта. Уже все вроде загнули, только вздыхали и шелестели перьями спросонок, но одна все же птичьим шепотом жаловалась и жаловалась на судьбу. Но вот угомонились и куры, за стенкой сеновала окончательно погас закат, в сплошной южной мгле трещали неумолчно ночные сверчки — цикады.

Тогда снова проснулся Денис, как будто от толчка

в сердце. «Это я, это Фоти,— шептали ему над самым лицом разгоряченные губы.— Пустишь меня? Ты прости, что я тебя не в доме положила, ведь в их глазах я девушка...»

Она ощупью искала на его теле следы тех царапин, что нанес безумный волк. Безумный потому, что какой же из зверей решится напасть на человека, господина природы, хотя и не имеющего оружия. А безумная Фотиния хотела зализать эти царапины, чтобы они зажили поскорей.

— Нет, не безумная, не безумная,— твердил Денис, почти в забытьи.— А самая любимая!

И ночь мчалась, как цирковая колесница, где-то уже пели предрассветные петухи. И тут в Филарице местный василевс Петух внезапно встрепенулся, забил царственными крылами. Вся шелуха с пола взлетела под потолок, а он провозгласил свой торжествующий клич «Кирикуку» — жизнь идет! Куры клокотали в изнеможении восторга.

Но тут мы их оставим, Дениса и Фотинию, ибо сказано давно: все счастливые люди счастливы одинаково. Разное для всех только несчастье — да поглотит его Тартар!

Их прибытие накануне из Энейона было встречено всеобщим ликованием — на хорошо накормленных конях и самих сытно попировавших. Правда, пировали они там порознь — Денис с высокими господами, а все остальные на людской кухне. Но это воспринято было всеми как само собой разумеющееся. Каждому было теперь ясно, кто есть кто.

Императорский моливдовул, который привез Ферручи, обнародовал всем то, что давно уже ожидалось. Обремененный долгами надел Русиных, как тысячи других нищих наделов стратиотов в разоряющейся Византии, так или иначе был бы продан или отдан другому, оказавшемуся счастливым в жизненной игре. И хорошо, что таким счастливым оказался именно Денис. В Филарице, по-видимому, имелось много охотников до лакомого куска, каким был надел Устина Русина, как и до его дочери Фоти.

А уж когда народ увидел, что новый господин, еле прибыв в повозке, запряженной мулами, куска по-настоящему не проглотив, кинулся без раздумья в Амастриду выручать схваченного Устина, когда разнесся слух, что за него он отдал свою офицерскую цепь,— глаза

простодушных селян смотрели на него, как на некоего бога.

И вот они все рядом, веселые и счастливые, как только могут быть счастливы человеки. («Как быстро этот древний люд,— думает Денис,— приучен самой диалектикой жизни забывать о вчерашних катастрофах. И диалектика здесь права — ведь жизнь коротка!»)

Из грез и мыслей коромысло,
Из мира в мир, из века в век,
Над бездной времени повисло,
И все ты ищешь в жизни смысла,
Пылинка мира — человек!

Комар толчется над тропинкой,
Спешит пожить, пока светло.
А неба синее стекло,
Пустив на ветер паутинки,
Горячим зноем истекло.

Но вот соседская Варвара,
Напившись кофею с утра,
В итоге меткого удара
Уничтожает комара.

И в том запале агрессивном
Варваре бедной невдомек,
Что был он гордый и красивый —
И высший свет, и высший символ,
Простейший этот мотылек!

Какой же, правда, смысл заложен,
Что целый век, как выстрел, прожит,
Что, беспечальны и легки,
Над предвечерней синей дрожью
Вовсю толкуются мотыльки?

Кругом весна, корявые деревья сада словно в бело-розовой фате яблонь и вишен. Домовитая матушка София велит обеденный стол расставить прямо в саду, а Фоти представляет Денису:

— Вот это братья — Сергей, ты его уже знаешь, смиренный такой, лошади, еще не женился, куда теперь жениться — ведь надел выделить не из чего. Вот Гавра — самый младший, в церковь еще ходит, учится грамоте. Матушке помогает свеклу полоть, руки у него еще маленькие, не загубели. Мечтает, между прочим, на море — хочу, говорит, в пираты! Старший брат у меня еще есть — Фома, но у него своя семья, свое хозяйство, он скоро подойдет к нам сюда.

Кивают Денису какие-то улыбочивые мордашки в покрывалах и модных тимпанчиках.

— А это сестры — Эльпиника, Зора... Да нет, это как раз не сестра, это наша рабыня Фруса. Она у нас с самого младенчества, постоянно среди нас отирается. А сестра вот эта, я говорила — Зора, у нее вместо серег колокольчики, как у козы. Это потому, что в самом во младенчестве у нее была привычка в высокую траву без спроса заходить. Уйдет — и только по колокольчикам ее и сыщешь! Видишь, все мои сестры черноволосые, одна я среди них — кроткая бялячка! Но красивые они — жуть, смотри не влюбись, я заранее ревную!

— Ну, здравствуй, здравствуй, новый господин, исполнил эти деспота...—кто-то валится перед Денисом носом в пыль, исполняя обряд битья челом. Присутствующие с ужасом смотрят на Дениса, как он воспримет это представление. Павшего ниц поднимают, отряхивают от песка, объясняют, что это и есть старший сын Русина, Фома, ныне самостоятельный стратиот. «Совсем другого типа человек, чем Русины,— думает Денис, смотря на него.— Глаза вылуплены, тоже правдолюбец какой-то или просто эпилептик».

С ним местный священник, кир Валтасар, о котором Денис уже успел услышать, что он и не совсем священник, а бывший стратиот, там путаная история. За безвременной кончиной старика настоятеля местной церкви Сил бестелесных кир Акилы, которого все здесь любили, который всех здесь венчал и всех крестил, его обязанности выполняет молодой еще кир Валтасар.

«Ну, посмотрим, какой ты здесь местный идеологический глава,— усмехается Денис.— Кто знает, сколько нам вместе придется вековать».

По типу-то он как раз напоминает священника, хорошо известного нам по произведениям критического реализма. Этаким круглый, благостный, нарочито тихий, глаза как у поповского кота, заранее просят прощения. Денис обратил внимание, как смотрит на него Фоти: не просто с благоговением или страхом Божиим, а с каким-то мистическим ужасом. «Эк он всех тут обаял!»

Кир Валтасар выразил пожелание благословить тех, кто накануне вернулся из Энейона, а до того из Амастриды. Все обернулись к Денису — господин подходит под благословение первым. Денис подошел ко кресту и поцеловал руку кир Валтасара, белую, пухлую, мало трудив-

шуюся и много потреблявшую руку, — обычаи христианские он знал. И все явно восприняли это с облегчением.

— Садитесь, садитесь! — звонко кричит девочка с колокольчиками в ушах. — Матушка велит всем садиться!

И описание их счастливой трапезы мы опускаем. Все у них было свое — плоды честного труда. Пышные лепешки из добытого ими же зерна, пряные огурцы из классического пифоса, форель, наловленная сетью в ручье, и прошлогодние дыни, и десятилетнее вино. Пока они неспешно едят и пьют, мы с вами помолимся за них — благослови, Господь милостивый, тружеников и благородных этих людей!

— Тысяча дьяволов! — кричит старший Фома, покончив с форелью. Матушка София пытается взять его за руку и заглянуть ему в глаза. — Опять эти господа придумали — в разгар пахоты в поход идти, принца на престол возводить! А голодать потом зимою не им, а нашим детям!

«Ну, — думает Денис. — Сейчас услышим и пролетарии всех стран, соединяйтесь!»

Повернувшись к нему и пронзая его бешеным взглядом, Фома Русин чуть ли не кричит:

— Вы, новый господин, можете и донести на меня... Я правду сказал, весь народ так говорит...

Все сидящие за столом принимают его успокаивать, один кир Валтасар сидит как будто бы ни при чем. И салфеточку свою сложил, и в глазах умиление.

Опять едят и пьют, с поклонами встают и пьют за нового сюзерена, Денис встает и пьет в ответ (старается только пригубливать). Фома Русин, зуд пророчества у которого, видать, неистребим, продолжает:

— Да и куда теперь податься, как не в поход? Вы, новый господин, должны знать, что земля наша перестает родить, превращается в пустынную степь, чего и хотят наши соседи из-за гор, агаряне... Война непрерывная идет, как сеять, как пахать? Империя же не в силах нас оградить...

Матушка София извинительно склоняется к Денису:

— У нас сосед тут есть, кстати из царского рода, но просто акрит, старик... Теперь лежит, по дороге из столицы неверные вроспелый его подстрелили. Так он, этот акрит, всех их тут воспитал, такие получились бунтари, такие своевольники! У самого-то небось детей нету! Одинокий он...

Десятилетнее вино, однако, как говорится, развязало

языки. «Андроник, Андроник»,— только и слышится в разных концах стола. Он, Андроник, способен и чиновников алчных укротить, и оборону наконец организовать.

Кир Валтасар тоже склонился к Денису, в лице его нет и капли чего-нибудь недружелюбного, наоборот.

— Этот акрит, его Ласкарь зовут, он говорит, что хорошо вас знает по столице. Очень удивился, что вы живы,— рассказчику здесь надо бы сочувственно улыбнуться, но своеобразный кир Валтасар изобразил мировую скорбь.— Но рад вам, рад! Я его ежедневно посещаю...

И вот Денис и кир Валтасар в покосившемся домике благородного Ласкаря. «Этому с тысячу лет!— решает Денис, оглядев совершенно обветшавшие столбы с какими-то давным-давно вырезанными и уже стершимися языческими мордами.— Какая же мрачная экзотика, не то Рабле, не то Гюстав Доре!»

— О, вы уходите в поход!— бравый акрит топорчил воинственные усы.— А я все лежу, правое копыто, хе-хе-хе, совсем отказало... Какие вы счастливицы!

Любопытно, что он не сделал ни малейшей попытки узнать, как же все-таки удалось Денису освободить Фоти, о которой он когда-то так страдал. Зато преподобный кир Валтасар, когда шли к акриту и обратно, не переставал выпытывать, какие такие связи у Дениса есть при дворе, что ему удалось получить пожалование на столь лакомый участок, как феоd Русина. Впрочем, Денис и без особого расспрашивания понял по этим разговорам, что кир Валтасар о нем кое-что знает, больше, чем можно было бы предполагать...

Вошла чопорная прислужница с головою точно огурец, обмотанный черной шалью. Внесла столик и кувшин с водою. Ласкарь вспомнил ремесло своего бывшего товарища, Дениса, который ведь прославился тем, что самого василевса лечил, и покорнейше просил, чтобы он его осмотрел как врач.

Отказаться было нельзя, хотя Денис понимал, что лучше бы этого не делать.

Размотали несвежие бинты, отодрали коросту. Ранка, однако, не показалась Денису опасной, хотя имелось некоторое воспаление, от нее и лихорадило. Сюда бы пару таблеток антибиотиков. Преподобный кир Валтасар, утратив обычную свою умильность, с большой ревностью смотрел на манипуляции Дениса.

— Я давал жаропонижающее,— сказал он.— Настойку из рододендрона.

«Э, да ты здесь не только идеолог!»— усмехнулся Денис и потребовал: нельзя ли раздобыть спирта? Слово это греческое, но они его просто не понимают. Денис жестами объяснял: промыть, промыть ранку! Круглый кир, совершенно уже похожий на готовящуюся взорваться бомбу, говорит:

— Я каждый день обмываю ее святою водой!

11

Рано утром на пригорок над Филарицей, что возле церкви Сил бестелесных, выехали три всадника в монашеских рясах поверх панцирей. Ударили церковные била— так призывались подданные к выслушиванию указов и распоряжений. Вооруженные монахи от имени Аргира, архидуки Пафлагонской области, объявили, чтобы церковные люди и миряне, акриты и стратиоты отнюдь не слушали изменнических речей ссыльного принца Андроника, на посулы его не поддавались, походом с ним на столицу не ходили. Щедро обещались всякие неприятности и кары.

— Попы особенно всполошились,— сказал Фома, старший из сыновей Русиных, выпивая целый ковш огуречного рассола.— Принц их не любит.

Не успела улечься пыль за поповскими конями, которые ускакали обратно в Амастриду, на пригорке у церкви Сил бестелесных захрипел военный рог и забряцали те же била. А все уже шли на пашню.

— Смотрите, опять в медяшку бьют,— Фома по случаю головной боли на пахоту не ходил, даже на свою, а отлеживался на отцовской постели.— Да это Пупака! Братцы, да это же Пупака со своими!

Действительно, на сей раз это были зазывалы принца— всем известный богатырь Пупака и его дружинники. Впечатлительным крестьянам он представлялся могучим, как Самсон, мощным, как винная бочка, громогласным, как извергающийся вулкан, которых, кстати, в этой провинции имелось немало. На самом деле роль его была чисто декоративной: он держал богато расшитое феодальное знамя принца Андроника, на котором был огнедышащий дракон.

На самом же деле в роги дули его трубачи, в била били стукачи, посулы Андроника объявляли голосистые вещицы.

Пупака с оруженосцами призывали, наоборот, к самым противоположным деяниям: все бросать и двигаться за Андроником на столицу. Малолетний император в опасности, он в лапах заговорщиков, в империи развал, беспредел — пора с этим кончать.

Сев подходил к концу, надо было в оба следить, чтобы ленивый мужик на барщине чистенько бы пропахал, проборонил, огрехов бы не оставил. Поля были разбросаны по горным террасам, всюду шли работы, нужен был глаз да глаз. А тут горячие споры на темы мироздания, то на постоялом дворе у Анны и Стративула, то у очага на каком-нибудь анатолийском дворе.

Служилые люди: стратиоты, акриты, поколениями воспитывавшиеся в сознании долга — идти в поход по призыву власти, на сей раз не знали, как им поступить.

Пупака перемещался со двора на двор, там с часок посидит, тут бочоночек усидит, женщинам позволял расчесывать костяными гребнями свои роскошные кудри, пели песни хором, под аккомпанемент какой-нибудь доморощенной арфы с двумя-тремя струнами. Чаще всего это:

Шагай, шагай, Андроник,
На остров на буян,
Гони, гони, Андроник,
Проклятых агарян!

Они вошли в курятник через пару буквально минут, как оттуда выскользнула Фоти, накинув на себя какую-то козью попонку.

Щурясь после яркого утреннего солнца во тьме сарая, они наконец увидели Дениса, сидящего, свесив ноги, на постели из сенников. Денис уныло размышлял, сколько честных хохлушек по мановению матушки Софии сложили головы ради приезда гостей или угощения соседей. Опустел иерархический нашест!

Камерарий Ферруччи указал пальцем:

— Вот он, синьор Пупака, вот он! Бароны воюют, бароны пируют, а наш владетельный дон Дионисий спит себе в крестьянском сарае.

— Нехорошо, деспотá, нехорошо,— подтвердил Пупака.

— Что нехорошо-то? — раздражался Денис. В голове гудело от вчерашних празднеств.

— А ты здесь самый верховный господин, — наступал Ферруччи. — Это ты должен был здесь выгнать всех на улицу. Это пусть они бы себе искали ночлег и спали в курятнике. А ты один занимал бы лучший дом в Филарице... Так я говорю, синьор Пупака?

— Истинно, истинно... — подтверждал доблестный воин, приглаживая косматую макушку.

— Так поступают все феодалы? — усмехнулся Денис. К нему возвращалось его обычное насмешливое состояние.

— Так поступают все феодалы! — в полемическом запале чуть не прокричал Ферруччи.

— Ставлю тебе пятерку на семинаре по феодальным отношениям.

— Что? — не понял Ферруччи. — Вы их тут всех разбаловали, они вам на голову садятся. Этот дерзкий Фома, я бы на вашем месте дал ему пару розог... Или прикажите, так папа Русин сам его высечет!

Пупака передал Денису настоятельное приглашение принца прибыть к нему в Энейон как можно раньше. Лучше сегодня, в крайнем случае завтра.

«Фоти будет плакать», — первое, что подумал Денис. И констатировал: у меня уже психология женатого мужчины.

Денис решил все-таки ехать к принцу завтра, а сегодня осмотреть свои доставшиеся по моливдовулу владения. Ферруччи тут же предложил собрать всех жителей Филарицы на площади, ехать Денису в сопровождении кавалькады и так далее. Денис категорически это отклонил, отмечая про себя: застарелая комсомольская совесть не позволяет.

Отправились налегке: Денис и Ферруччи на лошадях, матушка София и Фоти на низеньком добродушном муле, очень смешно было смотреть, как они в своих пышных юбках разместились, держась друг за друга, вдвоем в одном седле. «Совсем непохоже на выезд грозного феодала», — смеялся про себя Денис.

Дальше пошло еще проще — в седлах просто жарко было ехать, решили спешиться. Утренняя дорога на верхний баштан или плантацию прекрасна — чуть парит, жаворонок кувыркается высоко в небе, тропа все время петляет под сенью старых, корявых земляничных деревьев — осенью здесь можно будет, встав ногами в седле, собирать прямо с деревьев сочные ягоды. Благословенный

край! Будь бы лишь мирное, счастливое житие здесь человеку, каждому по сто лет! Денис шел впереди с матушкою Софией и был рад, что избрал именно такой путь знакомства с новой родиной. Матушка София, которая еще вчера дичилась его как нового господина, да еще столичного человека, увидев его простоту и искренность, как бы доверилась, и из ее уст он получил целую энциклопедию Филарицы.

В частности, он узнал, что их дед Русин, к которому они и двигались сейчас, был в столичной императорской гвардии когда-то, в одной из тагм, где служат иноземцы — варяги, русские, саксонцы. Видать, он в молодости грехов приобрел достаточно, может быть, и напрасной кровушки пролил. Во Втором Риме умирают рано, а ему Господь зачем-то послал могучее здоровье и долгую-предолгую жизнь. И, получив надел в стратиотской Филарице, стал жить одиноко в седловине гор, на самом дальнем баштане. Там он и шалаш себе построил, словно анахорет какой. Ну что ж, тому есть и литературные примеры, скажем, Лаэрт, отец царя Одиссея. Даже в церковь не выходил отшельник Русин, настоятели церкви Сил бестелесных сами ездили к нему.

Проезжали как-то торговцы рабами, выкинули хилую девчонку из своей повозки. Сочли, что умрет, не хотели брать лишний на душу грех. Девчонку подобрал дед Русин, еще совсем молодой тогда, и выходил, и стала она ему женой, и родила ему теперешнего Устина и других мальчиков и девочек. И это была их бабушка.

И имя было у него inferнальное: Влас, Велес или даже — Волос! А когда напали однажды врасплох неверные, а дедушка Влас был на тележном дворе и оружия при себе не имел, он выхватил оглоблю, одним махом снес дюжину голов и погнал всех напавших агарян вон из Филарицы.

Жилище дедушки Власа был шалаш, вернее, землянка, но покрытая аккуратным скатом из черепиц. Поглядев на эту черепицу, можно было понять, что здесь живет мужик хозяйственный, трудолюбивый, но, увы, уже на склоне лет, уже вдовец!

В землянке было душно и сыро. В божнице со множеством образков горели лампы. Пахло собачьей шерстью и человеческой тоской. Обросший седыми патлами могучий великан еле ворочался в неудобной своей землянке. Туго призывал в незнакомом Денисе будущего своего господина. Говорил только о том, что полевая моль по-

ела рассаду, что вода просочилась в песок, ушла из лучшего его колодца, крестился поминутно.

Внучка Фоти была его любимицей. Она принесла ему сладкой коврижки, и старик принялся жевать ее беззубым ртом. Он даже согласился поговорить по-русски, и Денис услышал нечто вроде: «Усю бошку тою болезнию позахвылило, скепсил смертью скончатися...» Кроме слова «скепсил», которое является жаргонным от греческого «скепсис», то есть мысль, какой странный славянский диалект! Денису казалось, он слышит язык современника «Слова о полку Игореве».

Фоти пустила в ход все свои девичьи уловки, и ласкала доброго дедушку, и рассказывала ему какие-то потешки, и добилась-таки своего. Опустилась на колени, притянула рядом с собою Дениса, матушка София плакала, а старейшина рода их благословил.

Обратно ехали на конях, останавливаясь, спешивались, чтобы что-нибудь осмотреть. Господин обозревал свои новые владения.

Матушка София спрашивала не без тревоги:

— А вы не обидите мою Фоти? О, господин, она очень хорошая будет вам жена.

Денис чуть не сказал, что ему не надо ручательств, он сам успел во всем увериться. Склонился к седлу матушки Софии и поцеловал ее в лоб, туда, где под повязанным платом начинается ровный пробор.

Матушка София указала ему с пригорка участок пашни меж холмов. Два быка, напрягаясь, тащили плуг, царапая каменистую почву, люди, склонившись долу, подсобляли им при помощи веревок.

— стыдно признаться, господин, это надел моего старшего, Фомы, вы его знаете. Не судите строго — но весь он тут. Семья его надрывается на пашне, а он разглагольствует по соседям, по трактирам и конь с ним гуляет боевой...

Они пересекли деревню, крестьяне поголовно были в поле — заканчивалось боронование, высаживали рассаду. Из дверей хижин и землянок, более похожих на логова зверей, выглядывали старики и дети. Все это напоминало Денису какой-то провинциальный зоопарк, только там, увы, было чище и веселее!

Денис хотел войти хотя бы в одну из хижин своих подданных, но Ферруччи решительно отсоветовал: «Синьор, это может быть истолковано ложно». Юному предку Ко-

лумба не терпелось властвовать, а его господин разводил какую-то антимионию...

А в Филарице продолжалось разливанное море. Можно было ожидать, что заботы у одного сконцентрировались на каком-нибудь клине, который не успевали допахать, у другого — он спешил переставить колышки на деревянной бороне, у третьего — переклепать железный свой шлем-шишак. Ничего подобного. Беспечные, как боги, они вокруг могучего Пупаки, сидевшего на ступеньках дома Русиных, танцевали сиртаки — бессмертный танец богов!

Сиртаки — это морская волна. Встав по двое и держа друг друга за пояс, они вертели друг друга туда и сюда, и пары ритмично двигались по кругу. Остро свистели, почти визжали семиствольные флейты-сиринги, тупо бил барабан, а некоторые танцоры ударяли плашмя лезвиями мечей в медные щиты, потому что это был танец уходящих на войну.

— Вы уходите в поход, — грустила Фоти, — а мы опять остаемся одни.

Ночью она спросила прямо: «Ты берешь меня замуж?» — «Да», — без колебаний ответил он. Она как будто и не рада была этому. «Перекрестись», — вдруг потребовала она. И внимательно следила в сумерках курятника, как он нерешительно, неумело крестится.

Всю ночь она сама насыщалась и насыщала его.

— Ах, — печалилась Фоти. — Как теперь все будет долго, как не скоро. Ты не знаешь наших порядков — оглашение, обручение, благословение, потом уже венчание... А тут еще поход!

Произнесла совсем уже загадочную фразу, над которой после долго думал Денис:

— А сколько людей, здесь и там, хотели бы расстроить эту свадьбу.

Потом сказала еще:

— А помнишь, как мы бежали из столицы? Я любила тебя уже тогда. Но если бы ты попытался взять меня силой, как другие, ничего бы у тебя не вышло. А когда ты поборол волка, я твердо знала, что буду я твоя, и только твоя...

Денис целовал ее во тьме и уверял в любви, а она горевала:

— А в столице у тебя была принцесса, я уж знаю...

Наутро были проводы, и они решили заодно устроить оглашение. Матушка София вовсю хлопотала и залива-

лась слезами. Устин, и без того неразговорчивый, был сосредоточен, словно от предчувствия беды. Только молодежь похохатывала и шушукалась по углам.

А у крыльца стояли кони, готовые в путь, во вьюках и недоузках. Пришел кир Валтасар, единственный, пожалуй, взрослый мужчина, остающийся в Филарице, благословил стол и трапезу. Стали говорить о возможных сроках венчания.

— Вы крещены во имя какого Дионисия? — интересовался кир Валтасар. — Иже с мучеником Кодратом или Дионисия Ареопагита в октябре?

— Я не крещен, — ответил Денис.

Матушка София уронила разливательную ложку, а блинообразное лицо кир Валтасара окаменело. Все прекратили еду и смотрели на Дениса.

12

Узнав, что принц собирается в поход, простой народ — углежоги, дровосеки, рыбаки, охотники — все, кому не надо выходить на пашню — заволновался. Собирались, толкуя нечто непонятное на своих языках. Малая Азия всегда была как проходной двор — хетты, персы, ассирияне, сарацины — кого тут только не перебывало! Поочередно свергали друг друга, обращаясь из господ в рабы, пока край этот не испекся в слоеный пирог. И то, что они не понимали друг друга, было очень удобно господам. Но и эти пролетарии в конечном счете соединялись.

В тот день, когда принц назначил своим сбор перед Вратами Трех Святителей — главными воротами Аматриды, — толпы дремучих мужиков собрались здесь с дубьем. Каждый смутно понимал, зачем он здесь ни свет ни заря, но такова была воля их безымянных вождей, а мужики привыкли всегда повиноваться какому-нибудь политику.

На одном крике они бы долго не простояли, им нужно было действие. Из леса вынесли комель столетнего дуба с обрубленными корневищами. Два десятка здоровенных лесорубов раскачали этот таран и под выдох «ха!» ударили им в бронзовые, украшенные ликами святителей ворота. Шесть раз они выдыхали «ха!», но наконец, на седьмой раз, ворота пали со скрежетом. Мужик устремился, смирная стражу.

Первым попался им дом смотрителя почты, казалось бы, совершенно для них безвредного человека. Но так как пафлагонский мужик вообще не мог уразуметь понятия «почта», толпа ворвалась в него, расточая проклятия и угрозы. Смотритель с семьей успел скрыться в топке большого камина.

И тут им попалась кокетливо одетая служанка, которую они приняли за жену хозяина дома. В мгновение ока ее раздели догола, а платья ее, и чулочки, и исподнее разодрали на мелкие лоскутки. Распустили ее роскошные косы, свистя и щипая, погнали по улице, хотя в принципе она была такая же угнетаемая и унижаемая, как каждый из них. Затем стали палить какую-то совершенно никому не нужную будку.

Обомлевший от всего этого архидука Аргир, правитель фемы Пафлагония, тот самый, который еще третьего дня посылал монастырских служек с изобличеньями происков Андроника и угрозами всем, кто послушается его приказов, на сей раз еле дождался известия о том, что принц лично прибывает в Амастриду. Выехал ему навстречу с непокрытой головою. Встретив, преподнес лично кубок вина и кисть винограда (хлеб-соль), затем шел возле его коня, придерживая стремя.

Андроник с воинством расположился на конях близ морских ворот Амастриды. Завидев в городе пожар, разбитые ворота и плебеев, суетящихся, словно радостные муравьи, он понял все. Оглядел ряды своих катафрактов — они выглядели не хуже, чем латники Враны, например. Затем посмотрел на свору охотничьих собак, которую обязательно вели за средневековым войском — ведь надо было чем-то кормить катафрактов и прочих! Снял боевую перчатку и свистнул в четыре пальца. Свист его был тотчас услышан и правильно понят. Вышел из строя ловчий Зой и вывел из клетки леопарда. Сотни рожков ловчих, доезжачих, всех, кто считал себя охотником, подняли неслыханный рев. И не надо было насылать на мятежников ни людей, ни собак. Зверь, никем не виданный в этих краях, плавными прыжками понесся в город, и все чумазные углежоги, и тупорылые лесорубы, и доморощенные рыбаки и политологи в ужасе кинулись врассыпную. Тут уж за ними выпустили собак, которые довершили разгром, кусая человеческие ляжки и рвя на клочки и без того рваные одежонки. А благородный леопард не стал унижать себя погоней за безоружными людьми. Он изобраа-

зил улыбку на кошачьей своей морде, то есть растопырил елико возможно огромные усы. Подошел к коню Андроника, неизменного своего кормильца, и царственно лег к копытам коня, который храпел, и звенел уздечкой, и перебирал прекрасными копытами.

— Да здравствует великий Андроник! — хрипло закричал окончательно уничтоженный великий дука Аргир. Его стратиоты и вооруженные монахи братались с воинством принца.

Каллах, камерарий принца, разыскал в строю всадников, приехавших из волости Филарица, нашего Дениса.

— Вам надлежит быть при особе принца.

Андроник занял губернаторский дворец и начал последние приготовления к походу.

— Что-то я забыл, что-то я забыл...— говорил он Каллаху, перебирая дощечки с записями.— Ну-ка, напомни!

— Фамарь, мать циркачей,— подсказал всегда все помнящий и вовремя все знающий Каллах.

— Да, да... Времени, конечно, нет, но, если она здесь, давай ее сюда, эту цирковую богиню.

Фамарь, женщина уже весьма неопределенного возраста и во вдовьем одеянье, раскланялась с принцем, как старая знакомая. Извинившись на крайний недостаток времени и заверив Фамарь в неизменном своем почтении, Андроник просил ее покинуть дочь и не учить ее цирковым трюкам и прыжкам.

— Ники!— низким своим голосом сказала мать циркачей. Так звали Андроника давным-давно, когда он еще не заслужил чести быть распеваемым на всех рынках столицы.— Ники! Ты хоть раз поговорил по душам с девочкой? Или ты только ей приказывал и сулил?

Затем Фамарь завершила, что не станет перечить велениям принца, и удалилась, выполнив полагающееся преклонение. Но тут же на ее место явилась сама Эйрини, отстранив Каллаха, пытавшегося ей помешать.

— Я не пойду за вашего худосочного Ангелочка,— заявила она.

— Так ведь и я теперь хочу тебе об этом сказать. Если мы с тобой займем престол, какой там Ангелочек. Весь Запад пред тобою и Восток!

— И вообще я не хочу быть вашей династической игрушкой. Вот берите Феофилу, она спит и видит ехать за границу. А я вольная птаха... И вообще я уже распоряди-

лась сделать из моих личных средств взнос в монастырь Пантепоптон. Буду там монахиней.

— Ну, ну, ну! — засмеялся Андроник, однако вертел ус, что выдавало его волнение. Он все-таки принимал слова любимой дочери за чистую монету. — А за кого бы ты сама хотела выйти замуж?

— Зачем, отец, вы задаете мне этот вопрос? Вы же никогда, как любой из ваших, из наших царственных родителей, не выдаете дочь за того, кто нравится ей...

— Ну все-таки... Ведь мы будем василевсами!

— Я бы пошла хоть сейчас, хоть сию же минуту...

— Ну за кого же, Ира?

Принцесса, белесая и худосочная, побледнела так, что Андроник в тревоге хотел вызвать врачей. Но она остановилась:

— Врачей не надо. А я скажу: я бы вышла за Дионисия. За того самого, который исцелил царя...

Андроник взглянул на нее исподлобья.

— М-да... А ты знаешь, я тебя понимаю. Он действительно не похож на всех наших женихов. И если отбросить все эти сказки о его происхождении с того света — при дворе ведь о ком только чего не говорят! Но тут есть одно только совершенно неожиданное препятствие. Хотя, ты знаешь меня, я без предрассудков...

— Какое препятствие, отец?

— Он женат.

— Ба, женат! На ком же он может быть женат?

— Он женат на одной крестьянке...

Некоторое время в катихумене дворца, где располагался походный штаб принца, была тишина, прерываемая разнообразным гамом обоза, собиравшегося в поход на площади.

— Тогда остается мне Пантепоптон, — вздохнула Эйрини и вдруг стала розовой, словно пряник. — Остается Пантепоптон.

Андроник стал говорить, что и это препятствие в общем-то устранимо, было бы его желание. Убеждал дочь подождать с решениями до конца похода, обещал все устроить. Дочь, прекрасно сознававшая свою власть над отцом, ни слова не говоря, повернулась и вышла.

Подготовка к войне велась своим чередом — разведчики, подрядчики, строители, смотрители... Пришел и Денис и как-то хмуро просил принца не брать его с собой на войну, он же человек не того мира.

Андроник, как показалось Денису, очень странно, даже подозрительно смотрел на него, потом сказал:

— Ну как же ты вернешься к себе в Филарицу? Все мужики уйдут, а ты один будешь сидеть при бабьей юбке...

И, как всегда, в логике и здравом смысле принцу нельзя было отказать.

Денис вышел задумчиво на крыльцо губернаторского дома. Принцесса Ира со своей Лизоблюдкой, нянюшками, дядюшками, евнухами и прочим штатом были тут, не садились в свои носилки и двуколки, чего-то ждали. Ира с улыбкой, как-то особо ласково смотрела на него. Денис с ней раскланялся, когда пошел к коню, она помахала ему платочком, словно именно она провожала его в поход.

Усевшись в неудобное какое-то, горбатое византийское седло, Денис принялся жевать поданный ему генуэзцем финик, закрыл глаза и в полусне опять привиделась ему Филарица.

Когда они отъехали уже в строю со двора Русиных, Фоти, подобно всем другим женщинам, долго шла у стремени своего суженого, идущего на войну.

— А я-то, дурочка,— говорила она,— я мечтала, купим здесь кирпича, построим настоящий господский дом, не наши хижины... Прости меня, сельскую дуру, прости. Прости моих родичей необразованных, прости...

В тот роковой момент, когда Денис честно сказал на вопрос священника «Я не крещен», пресловутый кир Валтасар бросил столовое полотенце, вышел и удалился навсегда. Трапеза была расстроена, все боялись смотреть в глаза Денису и Фоти. Матушка София плакала не переставая.

Фоти завела Дениса в гинекей, в котором не было никого, принесла тазик и омыла ему ноги.

— Так принято у нас оmyвать ноги мужу, уходящему в далекий путь. Все равно перед Господом ты мой муж, чего бы тут о тебе ни наговаривал кир Валтасар!

Выяснить теперь, что и как тут кто-то наговаривал, уже не было досуга. И вот она идет у его коня, возле стремени, прижимаясь лицом к его коленке, и бормочет несуразное:

— Ой-ой, яры-мары, боги-доги, духи-вухи... Пусть стрела тебя минует и лезвие проскочит, а если уж судьба — пусть без мучений.

И ему вспомнилось из далекого мира: «Если смертью, то мгновенной, если раной — небольшой!»

— Твоя Свет-ка, вечно твоя! — сказала она, целуя его руку, прежде чем расстаться и повернуть назад.

Так и двигались они — кто на конях, кто ведя коней в поводу. Были обвешаны курами, окороками — надо же питаться в походе. Несли клетки с живыми петухами — развлекаться на привалах петушьими боями. Ехали двуколки с оружейниками, лекарями, маркитантками. У церкви выходило духовенство с крестами и хоругвями, читались проповеди, смысл которых сводился к известной истине XII века — искать князю чести, а себе славы.

Пафлагонская фема, словно тысячеголовая гусеница, колыхая остриями копий, вышла отрядами на большую римскую дорогу. Пропустила вперед принца с его блестящей кавалькадой, встрепенулась под гром большого барабана — и пошла, пошла, пошла!

Глава пятая

АНДРОНИК ВЕЛИКИЙ

1

Андроник Комнин, сын Исаака, старшего сына основателя династии Алексея I, по титулу протосеваст, принкипий, иначе зовомый — принц, действительно более всех в царствующем роде имел прав на престол. Отец его каким-то образом был отстранен от престолонаследия — как, теперь уже никто не помнит. Но после смерти Алексея I василевсом стал не его старший сын Исаак, отец этого самого принца, а следующий по рождению — Калоюанн, отец Мануила.

Так всю жизнь и шло соперничество двоюродных братьев — Мануила и Андроника. При перераспределении наследства Комнинов, которые были не только царствующим родом, но и самыми богатыми землевладельцами в империи, Андроник получил огромный куш — поместья и во Фракийской и в Анатолийской провинциях. Но всего этого ему не доставало, потому что для честолюбия его потребно было только одно — престол!

Короче говоря, когда у василевса Мануила после эфемерных, рекламно раздутых воинских успехов пошли сплошные неудачи, в частности при осаде мятежной Пела-

гонии, туда в императорский лагерь был вызван Андроник. Официально по обвинению в получении взятки от венгров (сам Андроник тогда женат был на венгерской принцессе), а на самом деле, чтобы держать возможного претендента поближе к своей особе. Андронику в Пелагонии сначала удавалось каким-то образом от обвинений отвертеться. И все бы ничего, если бы не совершенно скандальная история с Евдокией. Эта юная матрона приходилась двоюродной племянницей и его величеству, и принцу Андронику одновременно и при дворе слыла, если можно так выразиться, записной шлюшкой. Она и в военный лагерь под осажденной Пелагонией прибыла, не спрашивая разрешения у василевса и рассчитывая, что тут она найдет много молодых мужчин, которые станут за нею волочиться.

Но в случае с Андроником — не тут-то было! Принц обладал совершенно магической способностью околдовывать даже самых избалованных женщин. Как у Анакреонта: божок любви сам укололся собственной стрелой. Да и было тогда, почти тридцать лет тому назад, в кого влюбляться — молод, высок, строен, черноус — талант, талант! Да еще и рыцарь на западноевропейский манер.

Евдокия буквально не вылезала из его палатки ни днем, ни ночью. Доброхоты даже не пытались ее урезонивать, Андроник же на все увещания шутил, что люди царской крови похожи. Этим он хотел намекнуть, что у Евдокии был же роман с самим царем, который тоже приходился ей дядюшкой!

Впоследствии историк Никита Акоминат напишет, что был он, принц, высок ростом, статен, любил меряться силою, славился вольностью в речах, авторитетов для него не было, никому спуска не давал — царская наружность, характер неукротимый. «Качества, — писал Акоминат, — на которые государи смотрят подозрительно, которые тревожат их и колют в самое сердце».

В одну роковую бурную ночь Андроник был внезапно вызван в шатер самодержца. А надо сказать, что в Византии человеку, не облеченному специальными полномочиями, попасть просто так к государю было просто невозможно. Для этого существовал специальный ритуал, множество условностей. Так что прямой вызов к особе самодержца ничего хорошего не предвещал.

Провожая принца, Евдокия в тревоге металась по па-

латке и предлагала: «Надень мое платье, надень вот мой охотничий костюм, он маловат, но в седле сойдет... Возьмешь мой лук, мою охотничью рогатину и с моими слугами легко проедешь через царскую охрану». Но Андроник отклонил этот план — он не трус, чтобы бежать.

— А жаль, — засмеялась Евдокия, — я бы надела тот мой панцирь с железным забралом, который подарил мне французский король. И вместо тебя явилась бы к императору Мануилу, подняла бы забрало — а это я, не узнаешь, Мимоша (очевидно, это было ласковое прозвище, которым она его награждала, когда у них был роман)?

В ту ночь Андроник был закован в кандалы и препровожден в столицу, в одну из тюрем Священного Дворца. Дворец, как рождественский пирог, был напичкан, напирован темницами, чтобы было куда под горячую руку посадить подвергшегося немилости или, наоборот, — истребовать для нахлынувшего милосердия.

Пылкая Евдокия — надо отдать ей справедливость, — уж кого только не мобилизовала, чтобы оказать помощь Андронику. Не отказывала ни в чем никому, а уж если, пишет Акоминат, чего совсем уж дать не могла — тогда обещала.

Пока не нарвалась в своем рвении на законную супругу Анну, урожденную венгерку. Чопорная, всегда одетая как монашенка, принцесса Анна приказала Евдокии угомониться и сообщила, что при посредничестве ее отца, венгерского короля, получена милость от василевса: ей, Анне, отправляться к мужу в темницу и там с ним жить.

Шли годы. В темнице у них родился сын, долго и тяжело болел, но выжил. Когда Анна второй раз почувствовала себя матерью, врачи категорически велели ей покинуть тюрьму. И опять Андроник остался один. А его неукротимая венгерка, родив на воле второго сына, покинула сей мир.

Однажды Андроник ухитрился вылезти на карниз дворца и шел по нему целых сорок локтей, рискуя сорваться. Не сорвался, нет, но как раз на углу был перехвачен стражей и водворен на прежнее место.

Шли годы. Однажды удалось уговорить раба-парашника, и он сделал слепки ключей. Стражникам в этот вечер в порционное вино был добавлен порошок конопля — снотворное. Андроник благополучно вышел и избрал себе другой, нежели потом это сделает Денис, способ избавиться от погони. Он три дня просидел в гу-

стом бурьяне под окнами той самой камеры, откуда бежал, пока его лихорадочно искали на берегах Босфора, и в Редесте, и на холмах Анатолии. На том самом месте неприступных стен Великого Дворца, где когда-то Цимисхий, любовник императрицы Феофано, был поднят в корзине, чтобы убить ее мужа и самому стать царем, Андроник, наоборот, верными людьми был спущен на веревке в лодку и был таков.

Он объявился в Святой Земле, у крестоносцев, ненавидевших и побаивавшихся императора Мануила, он был принят, как сват и брат. Участвовал во многих знаменитых турнирах, стычках с неверными и походах через пустыню. Дело опять же уперлось в женщину: вдова иерусалимского короля Балдуина, тоже родственница Мануила и Андроника, прекрасная Феодора была замешана в план византийской разведки — тайно выкрасть Андроника, ослепить его и по возможности живым доставить в столицу. Феодора выдала Андронику все — тайную грамоту василевса, пароли, шифры, деньги.

И сама бежала с ним из Палестины, и жила, скитаясь, то при одном мусульманском дворе, то при другом. Впоследствии Андроник хвастался, что похитил ее, как Зевс в облике быка украл Европу. И родила ему в скитаниях детей, и попалась-таки в лапы агентов империи, и стала заложницей против Андроника.

Получив за границей императорский хрисовул — немедленно явиться ко двору, Андроник не колебался. Он надел на себя власяницу, покаянные вериги и босиком шел от пристани ко дворцу при стечении великого множества сочувствующего народа, чтобы стать сюжетом еще одной песни кифаредов о подвигах легендарного принца.

Ко дверям императорской кувикулы принц принес в горсти дорожной пыли, чтобы посыпать ею главу, как только увидит василевса. Даже черствый Мануил проследился.

— Встань с колен, брат, — говорит.

— Не встану, — льет слезу Андроник.

Так оно слово в слово и описано в песнопениях кифаредов.

— Не встану, — говорит принц, — пока меня не протащат, как раба, по ступеням твоего трона.

И тогда нашелся уже хорошо знакомый нам Исаак Ангел, рыжий, тогда еще совсем молоденький, только что окончивший свою философскую школу, чем он очень гор-

дился, кстати. По приказу Мануила Исаак опоясал принца вервием и тащил его по ступеням трона. А тот на глазах изумленной знати (глядите, что они делают, эти Комнины!) злостно упирался и кричал:

— Мерзок аз, гнусен аз! Топчите меня, грязь непотребную! — и смеялся бесовским смехом.

И великодушный Мануил простил вечного соперника (а как тут было не простить?). И даже назначил его командующим армией Востока. Но Андроник тут же стал терпеть поражения, ведь внушает тот же византийский «Стратегикон»: для командования войском нужна не рыцарская лихость, а организационная осмотрительность.

И снова попал в немилость. Больной уже и старый Мануил, зная, что столкновения не миновать, заставил его присягнуть на Евангелии в верности малолетнему Алексею II и матери его Ксении-Марии, отправив его затем в ссылку в Энейон.

2

— Он идет, он идет! — царица, растрепанная, роняя плат, четки, подушечку с иглами, вбежала в золотую кувикулу, где василевс обычно решал государственные дела со своими министрами.

Протосеваст Алексей, правитель империи, который всеми своими поступками тщился доказать, что презирает вековой этикет царствующего дома, в этой священной для всех кувикуле сидел в высоком кресле, накрытый белыми простынями, и цирюльники искусно укладывали ему прическу.

— Ну как? — беспокоился он, разглядывая белоброе темя свое через систему зеркал, которые цирюльники держали ему над макушкой. — Не очень просвечивает?

— О нет, всесветлейший! — хором отвечали ему министры, удостоенные чести присутствовать при утреннем туалете.

Удовлетворенный протосеваст делал из-под простыни знак ладонью, и протоканаклий (смотритель священной чернильницы) продолжал докладывать дела:

— В Коринфе толпа голодающих разгромила императорские житницы, из которых оказывалась им помощь...

— Мерзавцы! — негодовал Алексей. — Вот и проявляй потом милосердие! Как были наказаны эти преступники?

— Четверо ослеплены, один повешен,— поклонился чиновник.

Протосеваст поморщился:

— Ну зачем же смертью?..

Строй министров в расшитых скарамангиях — черные, русые, пегие бороды одинаково стекали с их одинаково благостных лиц — одновременно закачали головами в тиарах.

В этот миг как раз и ворвалась царица, словно осенняя буря.

— Он идет, он идет, вы слышите тут? Он идет!

Протосеваст на цирюльническом кресле даже не двинулся навстречу вбежавшей государыне, что, кстати, потом будет поставлено ему в качестве обвинения — осмелился сидеть в присутствии царицы.

— Да кто идет-то? Ха! Андроник, ха-ха!

Дело принимало юмористический оборот. Царица топнула ножкой и выбежала, растолкав строй придворных.

Протосеваст кивнул протоканиклию: продолжай, мол. Что там, кстати, пишут из Пафлагонии?

— В Ганграх Пафлагонских мощи святого Вирилия вновь явили свою чудотворную силу. Одна нищая, горбатая от рождения, исцелилась, стала ходить прямо...

— И сколько же собрали в пользу нищей? — не без иронии спросил протосеваст.

— Четверть литры, всеблагостнейший, если в пересчете на серебро.

— Значит, три четверти присвоили, — констатировал Алексей, хорошо знавший нравы своих чиновников. Он повернулся другим боком, и цирюльники принялись укладывать второй волан.

— Ну а что сообщают стражи уха из Энейона?

— Принц и его многочисленные гости заняты охотой с леопардом.

Благостные бороды захихикали — тоже, нашел занятие! — а благоприятные тиары вновь закачались в знак осуждения.

Тут вновь появилась царица Ксения-Мария, вид ее, обычно, как мы уже знаем, кроткий и голубиный, на сей раз был столь охвачен беспокойством, что некоторые придворные принялись, на всякий случай, разбегаться. Кто-то впопыхах опрокинул жаровню, на которой калились

завивальные щипцы цирюльников, уголья рассыпались по ковру, и он затлел.

— Вставайте же! — царица сдернула простыни с недозавитого своего любимца, так что тому уж ничего не оставалось делать, как отложить эту нужнейшую церемонию на потом.

По ее знаку все придворные вышли разносить по дворцу ошеломляющую весть («Он идет!»). В золотой кувикуле остались протосеvast с царицей да Агиохристофорит, эта толстая придворная жаба, умеющий при всех режимах играть первую роль.

Вот и здесь. Люди Агиохристофорита ввели человека, одетого не то как священник (простой гиматий в виде рясы), не то как стратиот (кожаная походная куртка, обшитая медными бляшками, вроде как панцирь). У человека было круглое как блин и очень смышленное лицо. Взгляд подобострастный, как у всех подданных, но в нем, отметил и сам встревоженный протосеvast, есть скрытая угроза — попадитесь вы все мне в руки!

— Это священник из волости Филарица в Пафлагонии...

— Где эта Филарица? — спросил надменно протосеvast. Обычно чиновники столь высокого ранга, как он, сами не допрашивают свидетелей или доносчиков, для этого есть аппарат.

— Алек-зей! — вновь накинулась на него Ксения-Мария, обнаруживая свое германское происхождение. — Алек-зей! Вы тут о мощах рассуждаете, а там Андроник с целым войском уже в двух переходах от столицы!

— А у меня тут есть более надежные свидетели, — сказал протосеvast. — Как их зовут-то, Агиохристофорит?

— Белая Левка, черная Мела, медная Халка, ваше светлейшество, — поклонился первый министр.

— Кто это такие? — удивилась царица.

— Это известные девы из фускарии Малхаза, тут возле царской пристани...

— Алек-зей! — на сей раз вспылила Ксения-Мария. — Что за способ вы избрали издеваться над мной? При чем здесь эти непристойные женщины?

— Они только что возвратились от Андроника из Энейона...

— Боже мой! — грустила царица. — Где Врана? Где вся надежда моя, полководец Врана?

Агиохристорит кивком головы показал протосевасту на стоящего по стойке «смирно» свидетеля или доносчика, шустрые глаза его так и буравили присутствующих.

— Как зовут тебя, раб Божий? — осведомился протосеваст. — Валтасар? Значит, кир Валтасар? Ну ступай себе с миром, ты получишь воздаяние свое.

И на вопросительный взгляд Агиохристорита светлейший ответил еле заметным жестом — ладонью вперед. Но жест этот не укрывся от понимающих глаз сообщителя.

Агиохристорит, оставшись с царицей и протосевастом, юлил и лебезил, как мог, обещал им полмира, и навести порядок, и возвратиться через два часа. И выбежал скороходом, чтобы не вернуться к ним уж никогда.

И тут он увидел ожидающего его кир Валтасара. Охранники держали его за локти. Агиохристорит впопыхах (момент-то какой был исторический, до мелких ли ему доносителей!) повторил охране жест протосеваста — ребром ладони вперед. Собрав все свои силы, поп из Филариты вырвался из рук охранников и, окончательно перепугав толстого и робкого Агиохристорита, пал ему в ноги. Он юлил и лебезил не просто как сам Агиохристорит за минуту до этого, нет — он пресмыкался. Дворцовые охранники, привыкшие к подобным сценам тащимых на казнь, отошли в сторону, жуя сухие финики, а поп лепетал:

— О-о, твое высочество, о, как тебя титуловать (елозит лысоватой благообразной головой по плитам площадки)! О-о, я знаю, за что ты меня — за то, что я теперь слишком много знаю (лицом трется о расшитые парчой и уже поношенные туфли Агиохристорита)! О, клянусь церковью, святой матерью нашей, никто, никогда...

Тут его зоркий глаз заметил, что охранники отошли далеко. Он порывлся в глубине штанов и извлек большой сорокавосемигрантный алмаз.

— О-це-це! Не менее сорока каратов! — пришел в восторг Агиохристорит. Он большой был любитель и знаток подобных игрушек. — Признавайся, церковная крыса, из оклада небось его спер? Ну, Бог с тобою, не я грешил, а ты, ты перед Богом и в ответе... Но ты, видеть, парень верный, пойдем ко мне, потолкуем.

И охране он сказал: приказ отменен, а этот пойдет со мною. В золотой же кувикуле оставшиеся наедине наполовину причесанный протосеваст и его ангелоподобная

царица сначала горько плакали на груди друг у друга, потом целовались, все темпераментнее и темпераментнее, первая не выдержала, конечно, царица, не отрываясь от уст любимого, стала его раздевать, привычно расстегивая скарамангий, штанишки о сорока пуговках, стараясь поскорее ухватить за то самое горячее, твердое, невыносимо приятное, что делало для нее этого женоподобного сорокалетнего недоросля желаннее всех королей и принцев во всей вселенной.

Потом они уныло сидели рядом на скамейке, как напроказившие мальчик и девочка.

— Опять приглашать этого Врану,— рассуждала царица.— Кончится все тем, что Врана потребует пригласить его в качестве соправителя. Так уж в истории бывало.

Помолчали, слушая, как на далеких башнях караул выкрикивает первую стражу ночи.

— А где тот прорицатель?— спросила царица.— Или пророк, который, помнишь, львов укротил и государя нашего оживил?

Протосеваст сказал, что, по данным Агиохристофорита, он исчез в тайных закоулках Марухи.

— Боже правый, как я ненавижу эту женщину,— сетует царица.— А скажи, Алек-зей, кто теперь в столице самый признанный, самый бесспорный прорицатель?

— Кокорá, конечно.

— Это который воображает себя петухом?

— Он, он.

— Неужели он прорицатель, грязный, рваный такой!

— Да, да. Одной даме он нагадал, что ее соблазнит ее собственный племянник...

— А где он сейчас?

— Он как раз во дворце, совсем близко от нас. В большом обезьяннике он проживает в клетке.

— Ему что-нибудь особенное надо?

— Нет, он говорит, что там меню ему нравится больше всего.

— А нельзя ли его доставить к нам?

И вот Кокорá, заспанный, тараща глаза на яркие светильники и подобрав в кулаки живописные лохмотья, стоит в золотой кувикуле перед владычествующей парой. Человек он великого ума, поэтому, не дожидаясь вопросов, начинает:

— Се грядет антихрист во веки веков! (гортанное и невнятное бормотание), хошет влезти на самую крышу, куд-

куд-куд-кудах! Ко-ко-ко-ко-ра́! Идет, идет, идет со ратию Вельзевул, принкипий!

Информированный был товарищ этот Кокорá, никто еще про Пафлагонскую фему слыхом не слыхал, а он уже принкипия поминает, то есть принца. Утверждают, что информируют юродивого не кто иные, как катакомбные павликиане.

Протосеваст пошарил в складках своего парадного скарамангия, того самого, который так ловко умела стаскивать царица, и пожаловал юродивому золотой.

Тот и здесь показал себя человеком великого ума. Он не позарился тотчас на монетку, он подбросил ее ногой, закукарекал, запрыгал, завертелся, забормотал: «Сгинь, сгинь, золото, нечистая сила, сгинь, маммона, во веки веков...» Монета закатилась под ковер, а Кокорá был чрезвычайно рад. Завтра вся столица узнает, как блаженненький ногою золотишко подкидывает — реклама!

Вдруг он прекратил прыжки и наострил ухо. В глубинах дворца слышался нарастающий гул — словно бы топот ног, восторженные клики, нечто вроде выкрикивания лозунгов.

Вот где-то уже близко хлопнули растворяемые двери, стража стукнула древками алебард, беря на караул.

— Славься вседержавнейший Алексей-автократор, надежда мира, попечение Божье!

Ксения-Мария, не вставая с места, слабо ахнула и протянула материнские руки к входным дверям.

— О-о! — басовито запели шествующие баритоны. — Испола эти деспотá, славься наш государь!

Это действительно был василевс, Алексей II Комнин, который пришел сказать своей маме спокойной ночи.

Он вбежал со скакалочкой, уже не мальчишеские — мужские крепкие коленки мелькали в коротких штанах, рубашечка, как мы сказали бы, спортивного типа была любовно расшита зверушками самой матерью. «Ваше императорское величество, — зашелестели за его спиной педагоги, — оставьте скакалочку, примите целование руки вашей матушкой и светлейшим протосевастом...» Юный царь пожаловал для целования ручку и пустил слюну. Возле царя стояла его жена, возраста непонятно какого — не то десяти, не то шестнадцати лет, одетая непонятно как — не то как старушка, не то как младенец, Агнеса, дочь французского короля. Она несла скакалки и обручи своего супруга.

— Мама, мама! — кричал взрослым басом юный император. — Я разбил стекло в твоих покоях, нечаянно разбил! Это я, мама, не вели никого наказывать...

— Какая доброта! — прослезилась царственная мамаша. — Поверьте, это он непременно чью-нибудь вину на себя берет! О, чудо мое, чудо! Скажи, Кокорá, предреки — неужели не солнечная судьба ожидает этого ангела во плоти?

Но насупленный человек-петух все бил крылами и надувал зоб, клохча. Вдруг в его облике проявилось что-то крокодилье, хищное. Он лязгнул зубами и провел пальцем вокруг своей шеи.

3

Лето, южное райское лето было в самом разгаре. Зелень листвы была удивительно свежа, различные насекомые порхали и стрекотали, фантастически синее море сверкало за каждым пригорком дивного черноморского берега. А по земле шла война, кровопролитие и погром растекались страшною рекою.

Пафлагонская фема двигалась, пукая и кашляя, рыгая и страдая от перепоя, звеня котелками и оружием, матерясь и молясь святым угодникам. Войнство Андроника, сопровождаемое толпами мужиков, которых тщетно пытались отгонять, пересекло границу Пафлагонской фемы и вышло в Вифинию. На третьи сутки похода на берегу лимана им предстала Никея — город суровый и роскошный, историческая соперница Византии.

Принц и его свита, страдая от жары, стояли на конях на пригорке напротив главных ворот Никеи. Ветерок лениво пошевеливал флаги и значки на пиках, не избавлял от пекла, а, наоборот, усиливал его, разнося запах конского пота и навоза. Принц был сумрачен — Никея не открыла ему ворота. Издалека было видно, как на башни втаскивают катапульти и бочки с камнями. Лучники обстреливали каждого, кто приближался к воротам ближе чем на сто шагов.

— О-ге! — вскричал Исаак, который напялил столь обширный клепаный шлем, что из-под него торчал только клоч рыжей бороды. — О-ге-ге! Вперед, на приступ!

— Вот тебе и оге-ге, — раздражался принц. — Ты здесь

еще, рыжик? Спасался бы ты в столицу. Разнес бы слух о моем поражении, тебя бы поили в каждом доме!

Но Исаак продолжал кипятиться — эх у нас какая сила! И вифинцы присоединились. А мужиков-то, мужиков! Если б каждого мужика заместо камня метательной машиной через стену перебросить...

Свита Андроника сдерживала улыбки, поглядывая на неразговорчивого принца.

Андроник оглянулся, высматривая в свите. Каллах услужливо подъехал. «Кого хотите? Дионисий? Вот он, рядом с Никитой Акоминатом, оба ученых стрючка на смирных кобылках...»

Денис подъехал, извиняясь за задержку, — действительно, с непривычки трудно еще справляется с лошадкой.

— Пошевели-ка, брат, в памяти, — сказал принц. — Как там в ваших книгах написано, возьму я Никею или нет?

— Возьмешь, — без колебаний ответил Денис. Он понимал, что вождю сейчас была нужна моральная поддержка. — Только не помню, в этот раз или в другой.

— Нерадивый, значит, ты, брат, был школяр, — усмехнулся принц и кивнул ему, отпуская.

Тут же по его приказу мужики поволокли на канатах двенадцатиколесную телегу, издававшую душераздирающий скрип. Это был гигантский таран с чугунным билом, и носил он имя собственное — «Вараньца». Вараньцу эту занесло на первой же канаве, и Андроник нетерпеливо сорвался, поскакал наводить порядок. Телохранители скакали рядом, стараясь загородить его щитами от шальных стрел.

— Он у нас изобретатель, — сказал в свите Никита вернувшемуся Денису. — Говорят, при осаде Зевгмы сам придумал винт и ремень для стенобитной машины.

Денис был рад, что познакомился с Никитой и даже вроде подружился за время совместной бытности в Энейоне. Правда, Никита был очень немногословен, а что пишет он «Хронику» или даже еще только намеревается ее писать, кроме самого Никиты, знал только Денис.

— Теотоки? — равнодушно переспросил Никита, когда Денис напомнил ему ту особу, при посредстве которой они и стали знакомы. — Она тоже, вроде нас, в походе. Где-то с мужем при войске. Говорят, у нее родился сын.

Странен человек! Несмотря на все ощущение счастья

с Фоти, несмотря на всю его тоску по ней, особенно по вечерам, когда зажигались костры похода и стратиоты всюду травили всяческие рассказы и воспоминания о доме, о близких, сердце тревожно сжималось при имени Теотоки...

— Этот Врана,— оживился Никита, вспомнив о муже Теотоки.— Если ему царица с Красавчиком прикажут и он переправится через Босфор, он наше вшивое воинство раздавит, как клопа...

Политические рассуждения ему явно нравились больше, чем воспоминания даже о самых красивых особах женского пола. «Ты-то чего здесь тогда торчишь?»— подумал Денис.

Тем временем возле главных ворот Nikei разыгрывалась главная драма. Андроник бесился, телохранители по его приказу исхлестали уже не одну дюжину мужиков и стратиотов, таран деловито ухал, но полуторатысячелетние ворота славной Nikei не покосились ни на дюйм. Последовал приказ всем лезть на стены по подвозимым осадным лестницам, но никто не решался сделать это первым.

— Военизированная прогулка не удалась,— скептически заметил Никита, однако так тихо, что слышал только Денис.

И точно, у ворот к принцу подскакал наперсник его Каллах.

— Светлейший, архидука Аргир уходит, уводит всю Амастриду...

Андроник покинул безнадежно бьющую в бронзовую гладь ворот машину и помчался назад по дороге мимо молча смотрящих ему вслед пафлагонцев.

— Остановись, змей!— кричал он вдогонку уходящему Аргире. Его туркменский скакун без труда настиг анатолийских лошадок архидуки. Поняв, что ему не оторваться от погони, архидука опустил забрало, повернул лошадь лицом к настигающему принцу. Видя такие приготовления, оруженосец подал ему копьё.

— Ты думаешь, я буду драться с предателем?

Он наскочил как буря, выхватил у Аргира наставленное копьё и разбил надвое об землю. Обломком копья он ударил по шлему Аргира, тот выронил щит, щит упал, звеня об камни. Короче говоря, семидесятилетний старец (это засвидетельствовано хронографами) выхватил из седла сорокалетнего здоровяка и швырнул под копыта.

На упавшего Аргира тотчас, как горох, посыпались подскакавшие телохранители принца, крутили ему руки. Каллах спешил подать Андронику полотенце — пекло ужасно, пот так и стекал по лицу.

— Цолак здесь? — спросил принц.

Все приникли, зная, кто такой Цолак. Рядом с Денисом тронул коня человек в итальянских доспехах с лицом сморчка. «Здесь я, всещедрейший». Он достал из седельной сумки инструмент и спрыгнул на землю.

— О-о! — завопил связанный Аргир, видя приготовления Цолака. — О-о, ради детей твоих, и ради внуков твоих, и ради Христа, Господа нашего, и его пречистой матери... Лучше руки отруби, но глаза оставь!

Бородатые, напряженные пафлагонцы вокруг молчали. Кони как ни в чем не бывало фыркали, звенели упряжью. Кричали вольные птицы в поднебесье, а у никейских ворот бил и бил таран.

4

Как говорится, не солоно хлебавши ушел принц от стен царской Nikei. Мятежные мужики, видя его неудачу, разбежались, кто по деревням, кто по лесам. Андроник с редущим войском подался в горы, оставив море за спиной.

Впрочем, горы в этих местах понятие чисто географическое. На самом деле это плоскогорья, кое-где поросшие низкорослым, но густым лесом с обилием всяких коряг и овражков. Денису вспоминалось, как они с Фоти пробегали здесь прошедшей осенью. Тогда был лес дик и страшен, а сейчас, несмотря на войну, и на поход, и на разлуку с Фоти, Денис видел, как он зелен, и красив, и симпатичен, каждое дерево словно бы кивает приветливо кудрявыми ветвями. Вот и чинара, платан огромный, на который они тогда ухитрились залезть и спастись.

За грядою гор принц нашел имение Караки, покинутое хозяевами при вести о приближении мятежников. Грабители успели здесь побывать, но усадьба со всеми запасами, конюшнями и банями была цела, и Андроник занял ее по праву войны.

А здесь будто и не было войны. Зеленели посевы, крестьяне издали кланялись, видя проезжающих попарно господ с пиками и флажками. Молодежь тут же, еле рассед-

лав коней и пустив их на даровые луга, разделась догола и кинулась наперегонки к прудам — купаться и загорать.

Тревожили только вести о том, что войско, собранное в столице (слава Богу, пока без устрашающего Враны), переправляется через Босфор под командованием Андроника Ангела, родного братца рыжего Исаака, готовится на пафлагонцев.

История Карак, в общем, для Византии типична. При первом Риме здесь была латифундия — государственное имение, где гнули спины колонны — рабы, прикрепленные к земле. Революции и нашествия последующих времен несколько раз переворачивали здесь все вверх дном, одно оставалось неизменным — бесправный и забитый мужик ковырялся на этой благословенной земле, все отдавая очередному насильнику — язычнику, арианину, православному, мусульманину — кто бы он ни был.

Стратофилакс (квартирмейстер) выделил Денису для жилья какую-то полуразрушенную часовню или капище. Это показывало, насколько в глазах принца был высок авторитет Дениса, потому что другим членам его свиты вообще пришлось ночевать под открытым небом, в Караках было тесно. Воспитанному по социалистическим идеям Денису было неловко, что он один пользуется такой привилегией. Он пригласил уважаемых им людей переночевать вместе с ним. Это были Евматий Макремволит, нотариий, и конечно же ясноглазый Никита Акоминат, историк.

Господам постелили в бывшем алтаре или святилище, а оруженосцы и прочие слуги разместились в притворе и весело принялись жарить на палочках мясо (по-нашему, делать шашлык).

Уставший от непривычной скачки на лошади Денис лег до захода солнца, не мог сразу заснуть и обнаружил на облупившейся штукатурке стены в последних лучах светила какую-то вязь или замысловатые письмена. Да это же арабские письмена, сура Корана — ля иллях иль Аллах, мухаммеди рагим илля... Нет Бога, кроме Аллаха, и Мохаммед пророк его! Так близко от столицы великой империи, всего на расстоянии одного дневного перехода пехоты!

Было время, когда кочевники-агаряне перешли от тактики вечных набегов и планомерного разорения к оседанию и прочному захвату земель бывшей Римской импе-

рии. Построить мечеть в непосредственной близости к сердцу Византии!

Но первые Комнины, опираясь на бронированный кулак западных крестоносных армий, сумели отшвырнуть агрессоров за тысячу верст, на далекое Иконийское плоскогорье, и в усадьбу Караки вернулось христианство.

Денис также заметил, что между его сотоварищами по жилью царит не просто разброд, а идет настоящая холодная война. Никита даже и не скрывал, что брезгует ночевать рядом с Макремволитом, только, как и все другие, побаивался Дениса, его сверхъестественных чар, что ли.

— Вы его не знаете,— кипел Никита по адресу Евматия.— Вы слышали, какое у него имя при дворе? Макремволит— человек с Большого рынка. Не путайте с династией Макремволитов, были лет триста назад у нас такие... Он найденыш, подкидыш с Большого рынка, кто знает, может быть, он сын раба!

В протяжении этой филиппики Евматий лежал, демонстративно отвернувшись к стене, расписанной сурами Корана.

— Он такой смазливенький, благочиненький, этот дьяконочек,— все более распаялся всегда вроде бы уравновешенный и спокойный Акоминат.— Ему столичные дамы собственными руками рясу расшивают, петушков, курочек крестиком!

— Никита! — хотелось сказать Денису.— Вы же ученый, вам суждено стать одним из величайших историков мира! Ну можно ли так мелочиться?

Накопец не выдерживал и Евматий и, вскочив на постели, указывал пальцем на оппонента:

— А он, он... Он шпион протосеваста. Его патриарх Феодосий с увещательной грамотой послал к мятежному Андронику. А он тут с нами остался. Чего он не возвращается к своим господам?

— Пусть он покажет свой дорожный сундучок! — не сдавался Никита.— Там у него и краски, и театральные костюмы... Он вам и живописец, и мим, и плотник, и сельский работник, как говорится... Этот найденыш с Большого рынка!

Было ясно, что у светлого Никиты есть одно темное место — он завистлив, больше ничего. Отчаявшись примирить спорщиков, Денис сам отвернулся носом к стене, надеясь заснуть.

Не тут-то было. Явился глашатай от принца и потре-

бовал господ Дионисия, Никиту и Евматия сей же час перед светлые очи властителя. О этот монархический строй!

Из-за тесноты главных комнат в небогатом поместье Караки на главном газоне по приказу принца был расставлен гигантский шатер из восьми обычных армейских палаток. Там в этот вечер Андроник угощал ужином всех строевых командиров от domestика (генерала), стратофилакса (полковника) и до центуриона (лейтенанта). Хитрый демагог, он даже возлюбленную свиту свою распустил в этот вечер, чтобы она ему не мешала.

Много было пито, много едено за сколоченным из простых досок огромным столом, много было тостов и заздравных кликов. Когда уже ничего не лезло в глотки, опять же веселье не прекращалось. Посуду убрали, а на простыни, которыми был застелен стол, вывалили два десятка комплектов игры в кости (наше домино), и принц первым составил партию с простым стратиархом.

Но вот разговор дошел до незримой черты — а за что мы воюем? Действительно, а за что мы воюем? Кто-то высказал дельное предложение: во все города, которые могут встретиться в походе, вроде Nikei, послать известные грамоты — за что мы воюем? Вновь оказалось, что воинству без мозгов не обойтись.

Когда приглашенные вошли в шатер принца, перед ними предстало разномастное общество, оживленно стучавшее костяшками по доскам стола. От нетрезвого дыхания, пота и прочего, от горения свеч и факелов воздух был густ, как касторовое масло.

— Го! — вскричал принц, увидев входившего Дениса. — Человек Божий с того света (принц был тоже в изрядном поддатии, поэтому не следил за корректностью своих эпитетов). Скажи-ка нам, у нас тут был спор, что главное для устройства общества будущего, как считаешь ты?

Игроки веселились и гоготали в пару сотен глоток.

Денис задумался. Вот это вопрос вопросов. А правда, что главное было в их обществе 1981 года? Как их учили на всех марксизмах-ленинизмах и научных коммунизмах? Денис точно не может сказать, что было и как жили в кремлевских и цековских сферах, разное об этом говорили. Но он хорошо помнит опыт коммуналки своего детства, а потом однокомнатную квартиру матери с отцом и двухкомнатную квартиру отца с мачехой и их дочери...

— Равенство,— внезапно даже для себя сказал он.

— Равенство?— рука Андроника, приготовившаяся выложить очередной ход костями, остановилась.— А как это?

Действительно, а как это? Умный у них однажды студент был на семинаре, фамилии уж Денис не помнит. Тот сказал кратко: отсутствие отношений хозяина и слуги в любых проявлениях.

Любопытно, что развеселившиеся игроки, которым все было трын трава, тоже прониклись серьезностью момента и перестали стучать костями. Равенство!

— Когда нет слуг,— так и ответил Денис.

— О-о! — застонали все.— Да как же без слуг? Кто мне баранину поджарит? Кто мне постель расстелит, да сама туда и ляжет? Кто мне станет кланяться за полверсты?

Поднялся вал шуток, противоречий, некоторые просто кричали, что Денис подослан сатаной для соблазна и соращения.

В помощь Денису вступился честный Никита-историк. Он громко цитировал: «Нет ибо ни раб, ни господин, ни варвар, ни эллин, ни скиф, ни иудей, но всяческое и везде Господь!»— и даже заспанный Евматий в рясе, расшитой крестиком, согласно кивал головой.

— Павликиане!— кричал кто-то надрывно.— Разве мы павликиане? С павликианами мы не пойдем! Души губить не хотим!

Андроник понял, что в данном собрании ему уже каши не сварить, тем более что его партнер по игре, стратиарх, дрожащей от перепития рукой теребил его, потому что им выпал коронный ход в кости.

Принц сделал приглашенным знак быть свободными.

Денис вышел в ночную тьму, и первым ему попался Ферруччи, который гнал коней на водопой.

Водопой был устроен в огромной колоде, выдолбленной из какого-то допотопного ствола. В колоду устремлялся целый ручей из подведенной трубы, и кони все выпивали досуха — ни одна капля не проливалась на землю. В густых сумерках слышался дробный перестук копыт пьющих лошадей, звучное «тпру» коногофов.

Итак, шла война. И что было нужно лично Денису от этой войны? Он почти перестал вспоминать о прежней своей жизни в далеком веке, а ведь скоро уже будет год, как он оттуда. Год в каком измерении — здешнем или потустороннем? Он усмехнулся.

Снятся ему сны про Филарицу. Звучные женские голоса перекликаются — одни из огорода, другие из житницы, где хлебная печь. Голос Фоти не спутаешь ни с каким — желанный до стеснения в груди. Она зовет матушку Софию, они накрывают стол, звякают посудой. «Где будет сокровище твое, там будет и сердце твое», — это тоже Евангелие.

— Эх, — сказал невидимый из-за лошадиного крупы Ферруччи. — Мою бы чернушечку теперь хоть раз бы повидать.

Юный генуэзец быстро свикся с походной жизнью. Подобно всем оруженосцам, обзавелся знакомствами и на принцесской кухне, и на фуражном складе. Выбрал себе самого рослого коня и сидел на нем подбоченясь, словно какой-нибудь кондотьер Коллеоне, который, кстати, к тому времени тоже еще не родился. Что касается Дениса, он никак не мог притерпеться к походному седлу. В конце концов ему подобрали смиренную лошадку с длинной гривой по кличке Альма. И все равно он страдал, хотя старался этого не показывать. Зато кормить, купать, чистить свою боевую подругу он предпочитал сам.

Напоив лошадей, они молча ехали за трескучим факелом, который держал оруженосец, ехавший впереди, и каждый думал о своем.

— Земляк! — вдруг раздался хриплый голос, и чья-то рука из тьмы схватила Альму за недоуздок. — Земляк, а ты не узнаешь меня?

У перекрестка была палатка маркитанток, ярко освещенная изнутри, свет от ее входа пересекал дорогу. Там, как и в шатре принца, шло разливанное веселье.

Денис разглядел того, который назвал его земляком. Это был достославный Стративул, муж хозяйки постоялого двора у въезда в Филарицу. Протянутая в его руке фляжка означала, что он хочет с земляком Денисом выпить за встречу.

Делать нечего, Ферруччи отправился с конями, а Денис с новым земляком в палатку маркитанток.

— Я сразу увидел в тебе человека! — объяснялся по дороге Стративул. — Хоть ты и в свите принца, но ты наш! А помнишь, я пустил тебя с девушкой? Я сразу понял, что ты наш.

В палатке расхристанные стратиоты, сидя вокруг стола и обняв друг друга за плечи, хрипели, воображая, что

поют нечто похожее на наше одесское «Ламца-дрица ацаца». Маркитантки ловко их обслуживали, сами доставая деньги у каждого за пазухой. Дипломатичный опять же Андроник, по случаю отступления от Nikeи, приказал казначеям, чтобы выдали деньги, по паре серебряных. Поэтому хоть на дворе была глухая ночь, а все пили за здоровье принца.

Одна маркитантка, губастенькая, востроносенькая, похожая на откормленную лисичку, с ходу уставилась на Дениса. Видимо, он ее привлекал.

— Ребята! — объявил Стративул. — Вот я вам рассказывал, Дионисий из придворных принца, мой лучший друг.

— Ламца-дрица-ацаца! — или нечто похожее закричала ребята. — Подлейте-ка нам, девушки!

На Стративуле от плеча до плеча красовалась цепь, точно такая же, как была когда-то у Дениса. Стративул здесь явно был командир, наверное декурион, что равносильно нашему взводному. Он преподнес, чуть не расплескав, полный стакан вина Денису.

— Скажи, земляк, скажи, зачем мы здесь? Ведь столицы нам не взять, клянусь богородицей!

— Ламца-дрица-ацаца! — тянули свое стратиоты и раскачивались, зажмурив глаза.

— А ты зачем пошел в поход? — ответил вопросом Денис, отпивая из стакана.

— Пей, пей, пей! — завопил Стративул. — Пока до дна не выпьешь, и дружбы никакой не будет! А черт его вонючий знает, почему я пошел в поход! Ты, однако, славнейший, вроде моей бабы, та все зачем да почему...

— Декурион! — строго окликнула его востроносенькая маркитантка. — Что ты все подливаешь? У тебя за пазухой не осталось ну ни обола!

— Ни обола? И точно, ха-ха-ха! Ну тогда, девочка, дарю тебе вот этого симпатичного Дионисия, он твой!

— Он мой? — восхитилась маркитантка, которая сама была навеселе. А звали ее Сула, Суламифь, очень поэтичное библейское имя. — Неужели он мой?

— Ламца-дрица-ацаца! — отвечали ей ребята из взвода Стративула. — Он твой! Владей на здоровье, только до смерти не умучивай!

И вдруг за полотном палатки раздался совершенно

истощный крик в ночи. Все тотчас умолкли, и крик повторился:

— Римляне идут, спасайтесь! К оружию, римское войско подходит!

5

В полуобгоревшей и наскоро восстановленной церкви в Караках шла всенощная, служил сам кир Иоакинф, личный капеллан принца.

Принц молился, лежа прямо ничком на полу, наперсники еле успели подложить ему коврик. По бокам на коленях стояли Каллах и Пупака, готовые исполнить любое приказание. Прочие свитские и командиры также были на коленях, сосредоточась в молитве. Гонец, вбежав в церковь, тоже пал на колени и дополз между молящимися до распростертого принца.

— Андроник Ангел подходит к Каракам.

Принц не пошевелился, молились и все прочие, глядя только на него. Кир Иоакинф, почувствовав тревогу, ускорил темп службы, и вот он уже благословляет молящихся и размахивает кропилом. Тогда Андроник встрепенулся. Каллах и Пупака подняли его под локти, поставили на ноги.

— Все по местам,—скомандовал принц.—Закрывать все ворота, поднять все отряды. В драку первыми не вступать.

Закрывать ворота не удалось, потому что в Караках они были разрушены. Пафлагонцы настороженно смотрели, как при свете множества факелов гвардейские турмы, ведомые Андроником Ангелом, переступали черту ворот. Впрочем, пришедшие из столицы гвардейцы кричали, что они идут брататься, им не нужно войны.

Наступал ранний летний рассвет, когда в нежном утреннем тумане на великолепном коне, подобный античному герою, въехал Андроник Ангел, рыжий, как и его знаменитый братец, правда, не до такой ужасной степени. Оставалось только увенчать его лавровым венком.

У церкви встречал победителя другой Андроник, принц Комнин. Ангел подъехал к нему вплотную, распахнул кольчужные объятия, и оба Андроника обнялись, а войско с обеих сторон кричало:

— Победа! Победа!

Весь следующий день пир в гигантском шатре принца

повторялся, правда, уже в честь гвардейцев Андроника Ангела. Поскольку запасы Караки были съедены, гвардейцы учинили вылазку в окрестности и реквизировали все последнее, что обнаружили у поселян. Горестные вопли ограбленных, а также бляенные овец и крик погибающих петухов далеко разносились по пустынному берегу Вифинии.

Кир Иакинф вкупе с другими армейскими священниками вознесли Господу благодарение за мирный исход встречи двух армий. Рыжий Исаак, который не без оснований чувствовал себя героем дня, так усиленно провозглашал тосты за обоих Андроников, что вскоре был под руки уведен оруженосцами в свою палатку.

Немногословный и даже немного чопорный, в отличие от брата, Андроник Ангел поведал, что не ручается за позицию Враны, а позиция Враны в конечном счете решает все. Тогда принц Андроник вспомнил наконец, что получил личное послание святейшего патриарха с увещанием кончить дело по-мирному и что доставитель этого послания уже давно ездит в его, принца, свите, ожидая ответа. Так, Никита Акоминат был вновь призван перед светлые очи на сей раз двух Андроников.

Никита, будучи поставлен перед ними и еще множеством придворных и командиров, без всякого смущения, свободно и понятно изложил послание Феодосия, которое было направлено еще задолго до выступления пафлагонцев из Энейона, поэтому сводилось к общим словам о мире, кротости и терпении.

— А правда ли, — спросил принц, — меня все там ожидают как освободителя?

— Да, — подтвердил Никита. — Каждый, конечно, ожидает своего. Придворные — щедрой раздачей титулов и поместий, купцы — освобождения от конкуренции иностранцев, ремесленники — снижения зверских налогов. Все на что-то уповают.

— Пусть себе уповают, — недовольно сказал Андроник. — Я не собираюсь сражаться за каких-нибудь торгашей. Моя задача проста — занять престол предков, несправедно отнятый у меня.

«Вот и весь социализм», — усмехнулся Денис.

Пирующие встретили слова принца неподдельным восторгом, стучали ножами по столу, подымали над головою кубки, возгласы их напоминали «ламца-дрица-аца» в палатке маркитантов.

Никита спокойно выждал, пока энтузиазм утихнет, только чуть побледнел. И сказал слова, от которых многие пришли в ужас:

— Зачем тогда заваривать всю эту кашу? Стоит ли твое право на престол горя и бедствий войны? Блаженны миротворцы, ибо их есть царствие небесное...

«Ну, Никита! — подумал Денис. — Кто бы сказал, что он такой прямой и смелый? Есть, однако, и в Византии честные люди».

Андроник же подверг свой ус раздуванию и трепке и ответил в тон Никите:

— Возьмите себе царствие небесное, а мне отдайте мое царство земное!

А придворные и командиры в шатре и войско снаружи только и знали что кричать:

— Победа, победа!

«Словно подростки, — подумал Денис, — застоялись, соскучились, теперь порезвиться охота, кровушки пролить!»

Андроник, напустив на себя как можно более презрительный вид, предложил желающим уйти из его войска, обещал никаких репрессий не проводить. Встал только Никита Акоминат, ему все равно надо было возвращаться к пославшему его патриарху. Веселящимися пафлагонцами, однако, это было воспринято как бегство — ему вслед свистели и кидали обглоданные кости.

Пир окончился, и принц, поддерживая под локоть другого Андроника, Ангела, направился в церковь, а все двинулись следом. Там кир Иакинф со служками спешно разжигал свечи, раздувал кадила. Принц потребовал Евангелие Комнинов, его принесли, большого формата, и положили на аналой посреди церкви.

По требованию принца те, кто желал идти за ним в поход, принесли присягу на книге, присягу как царствующему императору. Первым и без малейших колебаний сделал это Андроник Ангел. Подумать только: еще вчера он слыл верным приверженцем Ксении-Марии и протосеваста!

Церемония принесения присяги длилась долго. Уже опять царила ночь и свечи трещали, догорая. Настала очередь Дениса, он подступил к аналою, обнажая руку из рукава, положил ее на книгу, и, как всегда, смущали его сомнения — искренне ли я поступаю, от души или только ра-

ди спасения брэнного тела? Все смотрели на него во все глаза, его потусторонняя история была здесь достаточно известна.

«Патер ймон, о йн тойс оуранойс...» — говорил молитву Денис, напирая на византийское «и». — «Отче наш, иже еси на небесах...» Сам все думал о правильности того, что он делает. Правильно ли вообще идет в поход? Однако чувствовал, что после присяги на Евангелии отношение к нему меняется у всех.

— Всесветлейший! — услышал он убеждающий шепот нотариуса Евматия, который даже на цыпочки привстал к Андронику Комнину, сидящему на высоком церковном кресле. — Зачем ты велел это Евангелие взять?.. Там же в ризнице и другие есть книги.

— Это Евангелие Комнинов, — недовольно сказал принц, не желающий, чтоб его отвлекали. — Что оно тебе?

— Я же рассказывал, его еретики переписывали, ариане, не верующие во святую Троицу, в божественность Христа. Там могут быть вставки, интерполяции...

— Знаешь, — окрысился Андроник. — Ты что, хочешь со своими догматами присягу мне сорвать? Ступай-ка луже в мой шатер, как я велел, займись портретом.

Присяга шла своим чередом, а Денис с интересом взглянул на лежащую на аналое книгу. Это был старинный фолиант в пожелтевшем, крытом кожей переплете. Листы из доброй телячьей кожи были с краев подкрашены пурпуром, а текст написан серебряным чернилом. Едва ли, однако, ее кто-нибудь читал, это была реликвия, государственная книга, знак династии Комнинов, ее носили как знамя перед войском, на ней принимали присягу.

«Книга есть средство информации», — вспомнилось Денису из студенческих лекций. Эта книга несла в себе информацию власти, исторической преемственности. Даже если ее не читали, она духовной силою скрепляла сообщество людей.

Присяга наконец окончилась, все расходились, толкуя о завтрашнем выступлении в поход. Каллах передал Денису приказ принца зайти к нему в шатер.

6

В ярко освещенном пространстве шатра на сей раз писцы трудились всюю, каллиграфически изготавливая манифест — грамоту, которую принц решил послать василиссе

и ее протосевасту с требованием немедленной передачи власти. К стенке же шатра слуги прикрепили огромный кус холста, на котором диакон Евматий, разоблачившись чуть ли не до наготы, усердно вырисовывал некую фигуру в крестьянской тунике и соломенной шляпе и с серпом в руках. Денис, сразу же угадавший в очередном творении универсального вундеркинда Евматия агитплакат, усмехнулся: молота только ему не хватает. Не стоило также труда узнать в усатой и длинноногой фигуре, рисуемой нотарием, самого принца.

— Что? — похвастался принц, перехватив взгляд Дениса. — Здорово нарисовано? Это я придумал!

«Нарисовано, вероятно, не лучше Остапа Бендера, — улыбнулся Денис. — Но как точно сбывается время! Во всех хрониках написано, что Андроник в Святой Софии выставлял свой портрет!»

— Пусть народ смотрит и видит, кто его законный царь, — разглагольствовал тем временем оригинал портрета. — Цари — это первые труженики своей страны...

«А жесткий Никита в своей «Хронике» потом запишет, что лукавый узурпатор соблазнял доверчивый народ...»

— Народ, — принц развивал свои мысли, — а что народ? Кто только не прикрывал свои делишки именем народа!

В этот момент от чрезмерного усердия диакона, балансировавшего с кистью на стремянке, один из торшеров покачнулся и упал, край пресловутой картины затлел. Переполох был, как в курятнике.

Когда статус-кво был восстановлен, Андроник продолжал развивать захватившую его мысль:

— А вообще, что вы понимаете под словом «народ»? Послушайте, я буду вам перечислять, а вы говорите, кто, по-вашему, не народ... Головоотяпы, рвачи, лизоблюды, несунуны, бездельники, паразиты, алкаши, обжоры, недотепы, лодыри, взяточники, бандиты, ротозеи, шарлатаны, вымогатели, шатуны — тьма-тьмущая, беспросветная тьма! А ты, демократ, кого собираешься защищать?

Денис никого защищать не собирался. В его индивидуальном положении он весьма далек был от демократических идей.

— То-то! — торжествовал принц, как будто в чем-то убедил Дениса. — И все же все они вместе и каждый в отдельности и есть народ.

Тут Денис осмелился вставить замечание. Когда он

шел сюда, ему повстречались родные бывшего архидуки Аргири, который был изувечен, ослеплен по приказу Андроника. Они приехали забрать его из походной тюрьмы. Как они, бедные, плакали, как кляли судьбу!

— Молчи! — помрачнел Андроник. — Не ковыряй мою болячку. Ты человек других времен. Не отрицаю, что у вас там может быть, да, наверное, и есть своя тьма, но это ваша тьма, у нее свои законы. Ха! Поверь, уж если я попадусь к этим аргирам в лапы, посмотришь, что они сделают со мной.

И поскольку семинары по Комнинам он посещал в свое время аккуратно, Денис хорошо помнил, что враги сделали потом с этим Андроником Комнином.

Принц перешел к делу, по которому вызвал Дениса. Он полагал, что ему в качестве тайного эмиссара его, Андроника, следует вернуться в столицу. «Раз ты сумел оттуда убежать, тем более легко ты туда проникнешь». Вести себя тихо, по возможности никак не проявляться, время от времени присылать донесения.

— Там в столице есть верный мне человек, патрикий Агиохристофорит... Да, да, толстячина такой, да, да, тот самый, которого прозвали Антихристофорит... Верность его нами испытана. Скажешь ему слова апостольские — аз есмь грядый во имя Господне, то будет тебе как пароль.

Он очертил задачи разведки — что собираются предпринять Маруха с бесценным Райнером, на словах-то они за... Да ты не бойся, что ты у них кого-то укукошил, это, наоборот, прибавило тебе цены. Далее важно, как будет вести себя протодоместик Врана. Я слыхивал, ты и с женою его знаком, а? Ты хитрец.

Наконец, Андроник хотел, чтобы Денис попытался отыскать в столице знаменитого чародея Сикидита... «Раз уж он тебя сюда к нам пригласил, значит, считай, ты его человек. Как специалист специалиста вы друг друга легче поймете, чем кто-либо. Дело не в пустышных гороскопах или иной потусторонней чепухе. Ты должен знать, Сикидит среди своих многочисленных дел, он у нас старичок многосторонний, работает над оружием исключительной убойной силы...»

«Ну и язык! — поежился Денис. — Как у какого-нибудь маршала Устинова!»

Денису, в общем, стало ясно, что, несмотря на бодрый вид и широкообещающие заявления, многоопытный принц побаивается обстановки и не хочет допускать от-

крытых выступлений против режима. На всякий случай готов свалить все на феодальную междоусобицу, которая в империи идет постоянно.

— Послушай, что я еще тебе скажу,— принц даже в знак доверия положил руку на расшитое плечо нового скарамангия Дениса.— Тебе, конечно, придется там разъяснять наши цели и так далее... Ты насчет прав там на престол помалкивай, вспоминай почаще Гомера: «Нехорошо многовластье, единым да будет властитель!»

«Что же?— подумал Денис.— Это привлекательно сейчас для всех. Разумные люди ищут стабильности, болото междоусобиц и самоуправства осточертело всем. Принц все-таки достаточно цивилизован, и народ в него верит...»

И тут же Денис с горечью представил себе, что через каких-то двадцать лет придут остервенелые и дикие рыцари и все это уничтожат! А он успел уже полюбить и эту страну, и этих людей. Но Андронику ни в коем случае нельзя этого сообщать!

Они вели конфиденциальные переговоры в одном из углов ярко освещенного шатра, правда, все приспешники принца находились на почтительном расстоянии. А в шатре все кипела агитационно-идеологическая работа. Евматий, чувствуя свою колоссально выросшую общественную значимость, капризничал, не слезая со стремянки. То подай ему вина, да не хиосского, которое пили все, а найди фракийское, редкое. То кисти мыть, да непременно бегом, а то у него, у Макремволита, вдохновение заохнет.

Каллиграф доложил, что роскошная увещательная грамота к императрице закончена. Принц взял ее и читал, словно декламируя: «Вот я посылаю ангела рода моего пред лицом твоим, который приготовит путь твой перед тобою...» Это евангельские слова, и я их вручу Андронику Ангелу, который будет у меня командовать переправой через Босфор...

Принц даже вышел из шатра, чтобы проводить Дениса. Было уже совсем светло, ранний ветерок шевелил волосы, охлаждал разгоряченные лбы.

— Представляешь?— как увлеченный игрой мальчишка, говорил Андроник.— Предъявит он эти слова влахернской козе. Пусть эта заграничная штучка попляшет там со своим проточертиком, ха-ха!

На том мысу, который отделяет пролив от ласкового Мраморного моря, еще с римских времен высилась примитивная, вся зеленая от древности статуя коровы. Еще бы, ведь это и есть Босфор, бос порос — переход коровы или быка.

Под полуденным, адски палящим солнцем дремлют волшебные сады предместья Холкидона. Даже петухи разморились, зарылись в дорожной пыли и вместо положенного кукарекания бормочут нечто невразумительное.

Денис бродил по кромке плескающегося моря, стараясь в причаленных прямо на песок или в млеющих вдали одномачтовых суденышках разглядеть ту условленную посудину, про которую его предупредили — вместо вымпела на мачте у ней будет полосатый вязаный чулок. Ферруччи с лошадьми остался под навесом у прибрежной фускарии, которая тоже была закрыта на послеобеденный сон.

Вдруг он услышал голос Ферруччи: «Синьор, синьор!» — и кинулся к фускарии, обнажая на всякий случай свой испанский меч.

Но это был не кто иной, как Костаки, тот шустрый ученик чародея, тот наперсник одноглазого пирата, тот византийский буратино. Они с Ферруччи пожимали друг другу руки и хлопали друг друга по плечу.

— Полосатый вам нужен чулок? Полосатый чулок это у нас. А мы стоим, дожидаемся чрезвычайных пассажиров, а это, оказывается, вы! Вон стоит наша фелюга у мысочка, немного покривилась. Весной все-таки в тумане, спасаясь от стражи, налетели на скалу. Теперь ход потеряли, можем только на тот берег перевозить.

И то он объявил, что придется дожидаться темноты. Строгий приказ от двора: ни на тот, ни на другой берег — ни одной души. Даже рыночных торговки перестали возить. Адмирал Контостефан с норманнами справиться не может, а здесь со своими каботажниками свирепствует — налетает и топит.

— Иначе бы вся знать от того двора тотчас перебежала бы на азиатский берег навстречу идущему Андронику.

— А ты-то сам как относишься к Андронику?

Костяки махнул рукой, достал из-за пазухи кусок чего-то напоминающего наш рахат-лукум, сдул с него крошки и какие-то опилки и принялся есть.

— Это у кого имущество имеется,— рассуждал он,— тот либо потерять его боится, либо прирастить желает с Андроником. А мне что? У меня даже подушки собственной нет.

— А где твой хозяин, где почтенный Маврозум?

— Тут он, в фускарии, прямо на лавке разлегся, храпит, как кабан. А мне велел пассажиров сторожить, то есть вас.

Денис решил искупаться, не заваливаясь же спать до окончания жары. Византийцы, как мы уже говорили, не любили купаться в морской соленой воде, для этого у них были римские бани и цистерны с пресной водой. Денис отыскал укромное местечко под скалой, песочек был чистый, серебряный. Вдоволь наполоскался в безлюдье и расположился в теньке, принять воздушные ванны.

И тут он услышал сверху, с откоса, где проходила магистральная римская дорога, легкие и звучные женские шаги по каменистой тропинке. Затем мягкое топанье копыт и голосок задорный, слегка фальшивый, но приятный:

Синеют в блеске небеса,
Идет со мной моя коза,
А под горой шумит базар,
Пойду козу продам.

Затем из-за скалы показалась не коза, а навьюченный ослик, чья голова была заботливо покрыта соломенной шляпочкой, а уши продеты в особые дырочки. За осликом под зонтиком шла маркитантка Сула, Суламифь, та самая, которой в Караках уступил Дениса дежурион Стративул. Шла беспечным шагом, в белых юбках, кофта украшена плоечкой, не боялась ни войны, ни пиратов, звонко распевая:

Хотела бы я, как птица, петь
И в небо улететь,
И целый век летать и петь
По рощам и садам!
Синеет в небе бирюза,
Идет со мной моя коза,
А под горой шумит базар,
Пойду козу продам.

— О! — Увидев загорающего в тени Дениса, она даже будто и не удивилась. — Это ты, генерал?

— Я не генерал, — ответил Денис, не зная куда и деться, потому что загорал совершенно неглиже.

— Ну кто там — экзарх, наварх, паниперсеваст или как там на придворном вашем языке. Мне декурион Стративул рассказывал, что ты к принцу Андронику приближенное лицо, как же не генерал?

Она бесцеремонно присела на корточки около лежащего на песке лицом вниз Дениса и провела пальцем по его спине.

— Боже мой, какой ты светлый, нежный, у нас так и не бывает! Из какой же ты стороны?

Денис не испытывал потребности с нею разговаривать, хотя, честно говоря, она его волновала. Тогда он решил, и, поскольку она не собиралась уходить, он встал перед нею во весь рост. Принялся одеваться, а она с интересом разглядывала каждую деталь его костюма: полотняную тунику, которую преданно стирал ему каждый вечер его оруженосец Ферруччи, сребротканый новенький скарамангий (кафтан), расшитый лорус — перевязь для меча.

— Оцеце! — восхищалась простодушная маркитантка. — Какой, однако, атлет!

Прислушавшись к разговорам возле фускарии, Денис понял, что там уже собираются в путь.

— А ты меня возьмешь с собой? — спросила Сула.

Денис, не зная, что и ответить, смотрел мимо отсутствующим взглядом. А она продолжала:

— У меня хиосское есть прошлогоднего розлива, пять оболов литр, твоим людям могу отдать дешевле. Есть и плодово-ягодное, но это для пьянчуг. Могу предложить соль, сладости, сапоги есть офицерские, новые, выделкой из Вланги...

И поскольку Денис продолжал молчать и глядеть в сторону, она засмеялась, откинув голову, и роскошные ее соломенные косы упали ей на плечи.

— Но главный товар — это я сама. Для тебя, мой генерал, совершенно бесплатно. И ослик в придачу, — продолжала она смеяться, показывая не черные, как у всех византиек, а ослепительно белые зубы. — Возьмешь ведь, а?

— Так вот ты каков! — отдувался Маврозум, сверкая неукротимым глазом. — Эх с моей легкой руки какую ты сделал карьеру. А меня разведка принца предупреждает: повезешь важнейшего личного представителя, а это, оказывается, тот, кого я посадил в рыбий ящик, и он сумел после этого всю империю околдовать!

Впрочем, Маврозум даже как-то заискивал перед Денисом, хотел, что ли, загладить прошлое, даже предложил ему свой шатер на палубе, а сам сел у руля. Увидев маркитантку с ослом и тюками, он крикнул (еще ведь были лошади Дениса и Ферруччи), но не стал протестовать. Только досужий Костаки нашел время шепнуть Денису:

— Значит, туда ехали с одной девушкой, а обратно возвращаетесь с другой? Ведь это я был тогда, когда вы вдвоем на ветвях платана сидели...

Денису хотелось выдать ему подзатыльник, но он отложил это на потом.

Фелюга Маврозума во тьме, зарываясь в волны, шла на самую середину пролива. Гребцы нажимали на весла кто во что горазд, потому что ритмический молоток не стучал, старались только не плескаться. И они все неслись в полном мраке и неведении, в неизвестное пространство. И никто не знал, что сулит им небо, озаряемое только бесчисленными скоплениями звезд.

Маркитантка разместилась в Маврозумовом шатре, где сидел и Денис. Почувствовав себя в привычной походной обстановке, она при свете фонаря принялась расшпиливать свои узлы. Смешала вино, отправилась к гребцам, каждому преподнесла во тьме чарочку для подкрепления души.

— О, Суламифь! — говорили благодарные пираты.

— И ты не боишься? — спросил Денис. Ведь надо было с ней о чем-то и разговаривать. — Наше дело рискованное, ты понимаешь?

— А! — Откинула она голову, отбросив косы, видимо, это был ее привычный, характерный жест. — Я к риску привыкла. Знаешь, за кем только я не была?

«За кем же?» — хотелось спросить Денису, но он все-таки постеснялся. Она же без всякого стеснения задрала свои полотняные юбки и показала при свете фонаря смуглое до желтизны бедро, на котором красовался рубец от стародавнего шрама.

— Это палач,— сказала Сула. И пухлые губы ее задрожали, как у ребенка, а Денису смертельно захотелось ее поцеловать, приласкать.

И в этот момент борта фелюги содрогнулись от невероятного удара. Фонарь погас, все что только можно высыпалось на пол, маркитантское вино полилось со звучным бульканьем, а сама она закричала: «Тонем!»

Вторым, еще более сильным ударом Сулу швырнуло на еле удерживающегося Дениса, по полу катались бутылки и кубки, морская вода хлынула меж ребер судна.

— Все за борт!— командовал на палубе одноглазый.— Мы наткнулись на императорский корабль! Все за борт, тут до берега десять сажен!

— Ай-ай-ай!— визжала Сула, уцепившись за Дениса.— Я не умею плавать!

Ретиво исполняя приказ правительства пресечь сообщение через Босфор, великий дука флота Контостефан ввел в пролив все наличные корабли, от неуклюжего дромона с пятью рядами весел до самой мелкой галеры. Ночью было приказано бортовых огней не зажигать. А было новолуние, бледноликая богиня босфорских ночей, как ее звали поэты, не изволила взойти на небосвод, и вот результат— и без того плохо управляемая фелюга Маврозума врезалась во тьме в такой вот малоповоротливый многотажный дромон.

Дромону что— он только содрогнулся и закачался на морской зыби. А фелюга Маврозума приказала долго жить. Императорские матросы зажгли все наличные фонари и факелы и принялись баграми вылавливать все, что плавало вокруг.

Денис пришел в себя в каюте великого вождя флота. Контостефан, как всегда изысканно одетый и от нечего делать кушающий подсолненные орешки, приказал подать больше свечей и брезгливо всматривался в мокрого, опутанного водорослями Дениса.

— Кто это?

Ответил стоящий в униженной позе— на коленях, лицом в пол— пленный Маврозум.

— Личный посланник принца Андроника. Мне было приказано переправить. А куда, кому— пусть он сам говорит.

Когда Дениса проводили в каюту Контостефана, он по дороге успел заметить разоженные жаровни с угольями, клещи, тиски, наручники, еще какие-то инструменты пыт-

ки. Поэтому, когда после приказа адмирала с него принялись стаскивать его мокрый скарамангий, он приготовился к худшему. Но оказалось наоборот — ему предложили чистый и сухой комплект новенького обмундирования флотского офицера. Когда Денис переоделся, его вновь ввели к Контостефану, где царило молчание, прерываемое только хрустом орешков, да время от времени утробно вздыхал бывший пират, стоящий все в той же смиренной позе.

— А я вас помню, — сказал Контостефан и похрустел орешками. — Это вы ведь исцелили однажды покойного ныне василевса Мануила.

«Это ты меня продал в зверинец на пищу львам», — чуть было не ответил Денис, но промолчал.

— Угощайтесь, — предложил адмирал, и раб-аравитянин сей же миг принялся ставить на столик тарелочки со сладостями.

— Благодарю, — перенимая его дипломатическую игру, сказал Денис и с достоинством откусывал немного сладостей.

— Вас доставят в ту точку берега, — продолжал Контостефан, — куда вы пожелаете. Никто не станет за вами следить.

От всего пережитого (все-таки тонул!) и от этой напряженной великосветской игры скучающего адмирала Дениса вновь занесло. «А, была не была!» — и он заявил, повышая голос:

— Напрасно вы медлите, светлейший, и не спешите изъявить покорность законному государю. Да здравствует Андроник Великий!

— Да здравствует Андроник Великий, — совершенно серьезно повторил за ним адмирал. Как само собой разумеющееся.

А весь корабль, весь огромный пятиярусный дромон, свидетель побед при Крите и Фамагусте, который за деревянными бортами и переборками чутко прислушивался к разговору командующего с личным представителем принца, вдруг взорвался громким криком:

— Да здравствует Андроник Великий!

После этого наш Денис уже и не знал, чего говорить, а великий дука флота все так же пододвигал к нему тарелочки с лакомствами и говорил спокойно:

— До утра далеко, идет еще вторая вахта. Я было хотел вас поразвлечь, продемонстрировать, есть у меня тро-

фей забавный — ракеты, устроили бы фейерверк. Но вижу, у вас дело государственной важности, вы торопитесь. Поэтому вас начнут высаживать немедленно, не сомневайтесь, все ваши люди будут освобождены вместе с вами, даже включая этого недостойного.

Он пнул золоченой тупфлей стоящего на коленях пирата, который только скорбно заохал. Единственный глаз его плакал от унижения.

А еще слышно было, как маркитантка Сула вертится среди матросов и предлагает им плодово-ягодное по пяти оболов за кружку, а сама все печалится об исчезнувшем ослике.

— Да не горюй ты! — хохотали матросы. — Выплывет еще! Ослы ведь не тонут!

9

Теперь патрикий Агиохристорит, страдающий одышкой мужчина лет шестидесяти, не чуждый всех удовольствий мира и главного удовольствия — власти, чья бы она ни была.

Теперь в его жизни наступил краткий (как он надеялся) антракт власти — прежняя уже кончилась, новая еще не наступила. Патрикий в беседке своего райского сада на босфорской даче предавался наслаждению.

Наслаждение это состояло в том, что он поедал без разбора все, что успевал приготовить и присылал к нему на стол недавно купленный за безумные деньги повар-египтянин. Страшно подумать, — бережливый в общем и государственный человек Агиохристорит даже зажмуривал глаза и мотал головой — цена за этого повара равнялась стоимости двух боевых кораблей!

Дорогостоящий кулинар изготавлял ему жаворонков в соусе из томатов, ананасное рагу с воздушным печеньем, рыбу судак, у которой в глаз были вставлены икринки большой акулы, и так далее. Пир для желудка и для кошелька!

Однако, если искренне сказать, все то же самое подавалось, например, в отдельных кабинетах фускарии Малхаза, но тут имя, имя! Когда Агиохристорит созывал к себе гостей, они понимали, с кем имеют дело!

Когда Агиохристорит в угрюмом одиночестве наедался до отвала, слуга подавал ему птичье перышко, он засовывал его себе подальше в глотку, вырыгивал все, что

съел ранее, омывался тщательно, и все начиналось сначала. Процесс, описанный еще римским Петронием и Плинием Старшим.

При этом он рассуждал (скотина просто наедается, а человека и отличает, что он при этом рассуждает): где те, с которыми он начинал? Иные покоятся в пучине морской, другие, страшно подумать, в выгребной яме. Мало кто покоится среди предков, на кладбище честном. А Агиохристорит все жив, потому что заповедь соблюдает: богово богови, кесарево кесареви. Власти приходят и уходят, а Агиохристориты остаются. Теперь же с приходом Андроника все может полететь в тартарары — он непредсказуем. Но и это предвидится несложной философией Агиохристорита: насладимся же, может быть, в последний раз!

Но Агиохристорит все же не некультурный какой-нибудь ублюдок, спекулянт-скоробогатей, вчерашний навозник. Нет, Агиохристорит сам из старинного рода, и отец его был церковным учителем. Поэтому наслаждение телесное, низменное, если можно так назвать, у него соединялось с наслаждением интеллектуальным.

Для этого были приглашены известные красотики от Малхаза: Мела — черная как смоль, Левка — белая, почти белесая, седая и Халка — красная как медь. Они сами подавали ему блюда диковинного повара, обмахивали павлиньими опахалами, отгоняли назойливых азиатских мух. А в промежутках исполняли чувственные танцы.

Разойдясь, Агиохристорит потребовал, чтобы красотики вообще разделись догола. Нахальные девицы запросили тройную цену. Агиохристорит окрысился: вы что, хотите, чтоб я очередной боевой корабль из-за вас продал? Девицы сначала хотели закауриться, но погом сообразили, что с такими деятелями, как Агиохристорит, ссориться нет выгоды, профессия, в сущности, одинаковая. Поэтому они объявили забастовку наоборот, они, конечно, разденутся, но в знак протеста вообще с Агиохристорита не возьмут ни обола!

Агиохристорит захохотал: ладно, девушки, дайте мне прийти к власти, рассчитаемся!

Глядя, как они чувственно колыхают красивыми изгибами стана, какие крепкие и округлые у них ягодицы, патрикий сначала расстроился, и его мысль мы бы перевели так: где мои семнадцать лет? Но постепенно разум его возвратился на философскую стезю в смысле —

наслаждайся пока хоть лицемерием, тем более совершенно бесплатным! Он отвлекся, думая: какие они одинаковые и какие все три разные. Взять Мелу — кожа смуглая, как спелая оливка, и на ней нежный пушок. Тело плотно сбитое, как у мальчишки, но волнует не менее, чем самое женское. Белесая Левка — это недопеченный калач, вся пухленькая, вся аппетитная, но опять же ничего лишнего: живот и груди кажутся полноватыми, а срежь хоть вершок — и нет того обаяния. А вот медно-рыжая Халка вся розовая, как только что родившийся младенец. У нее, кажется, совсем ни к чему ступни покрупнее, кисти рук поглубже, коленки мословатые, но все это, опять же, в такой гармонии, что приходится только диву даваться и славить неведомого Творца!

Слуга доложил, что прибыл некто из-за пролива, имя сказать не желает.

— Гони в шею! — закричал увлекшийся Агиохристорит. Но тут же вскочил как ужаленный. — погоди, погоди, не гони! Я сейчас выйду сам, вот калат надену.

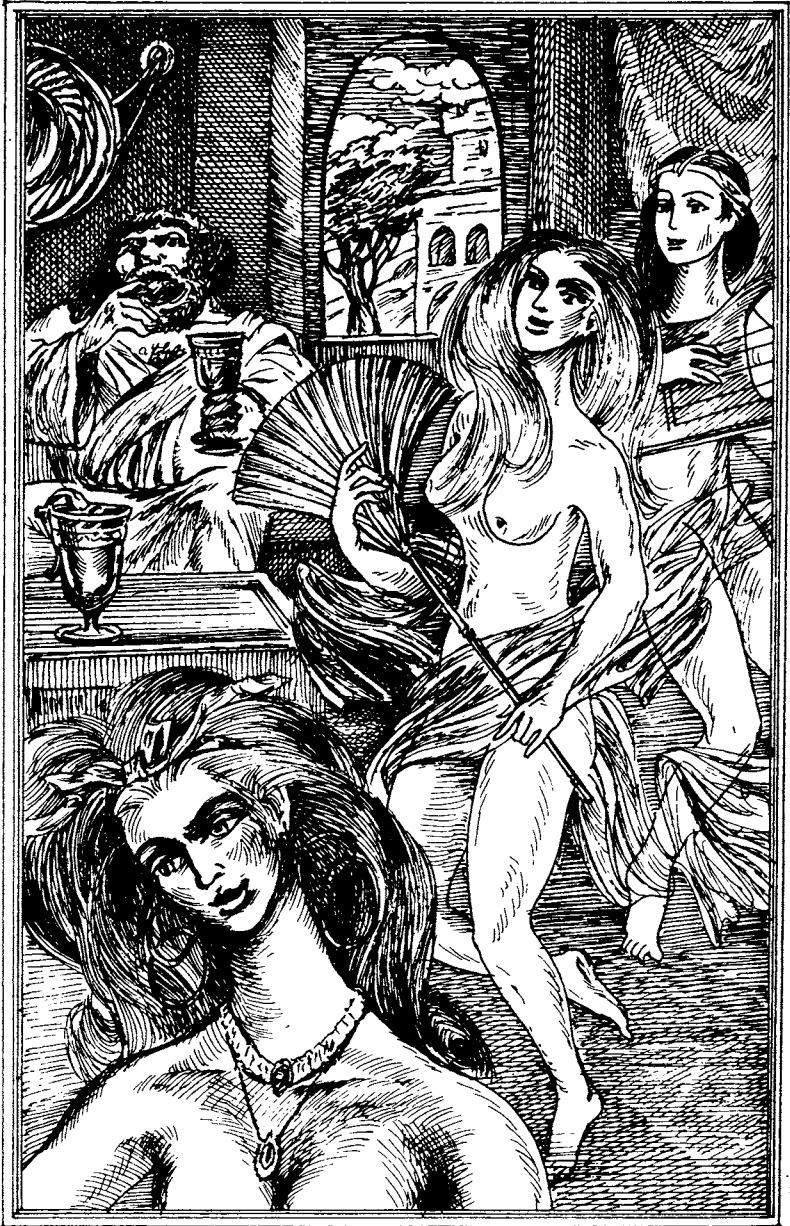
Его ожидал молодчик в форме морского офицера — голубая стола, короткая хламида, шляпа с завязками. Агиохристорит сразу его признал: а, это ж праведник из Львиного рва, помощник диавольский, говорили, что его ухлопала Маруха, а он жив!

Праведник доложил условленную фразу — аз емь грядый во имя Господне, и Агиохристорит возликовал. Значит, Андроник не может без него, Агиохристорита, обойтись, личного представителя к нему посылает.

Пригласил откусать с дороги чем Бог послал — а это были все те же разносолы того же драгоценного повара. «Где ваши люди, которые с вами? Как их устроить?» Ферруччи с лошадьми отправился на Агиохристоритову конюшню, а Сула бесцеремонно поднялась на второй этаж и в коридоре встретила Мелу, Левку и Халку, которые успели одеться. Начались аханья на тему «Сколько лет, сколько зим!», обсуждение каких-то пустяковых женских дел.

Денис оглядел кушанья — жаворонки слишком мелки, каждая зажаренная тушка на один глоток, обсасывать, что ли? Засахаренные акриды, ведь это же обыкновенная сушеная саранча! Денис взял стакан вина и гроздь лилового винограда, более сочную, чем ляжки какой-нибудь Мелы или Халки.

— Благословен грядый во имя Господне! — начал раз-

вивать мысли Агиохристофорит.— Как было условлено с принцем, ваше появление явится сигналом к открытому нашему выступлению.

Осторожно осведомился, есть ли у Дениса какой-нибудь план или директивы, и с некоторым удивлением узнал, что нет.

— По обстоятельствам,— отвечал тоже уже поднатопревший в дипломатии Денис.

Агиохристофорит аппетитно обсасывал жаворонка, хрустел жареным крылышком, как будто вообще ничего не ел сто лет. В коридоре слышались оживленные голоса по поводу какой-то накидки из настоящего китайского шелка, а цена ему, а цена? Уму непостижимо! «Это с кем же ты, Сулка? Муж он твой, что ли, хозяин, начальник?» Агиохристофорит в ярости схватил со стола оловянное блюдо с поросенком и с силой швырнул его в занавесь, висевшую на двери (деревянные двери в частных домах были запрещены еще указом Мануила I).

— Заткнитесь или ступайте прочь!

Провожая Дениса, патрикий просил его заверить принца, что все обусловленное будет выполнено в согласованные сроки (что именно, он при этом не сказал). Денис важно наклонил голову, как будто у него была возможность что-то передать Андронику.

— Плохой из меня шпион получился,— рассуждал Денис на обратном пути.— И даже резидент и то не вышел, совершенно никудышный! Черт меня угораздил дать понять этому Антихристофориту, что программа принца мне неизвестна. Такой болтливый и вдруг замкнулся, как могила.

Они поднимались по улице, спасаясь от несусветного солнцепека под корявыми кронами шелковиц и земляничных деревьев. Денис сам вел в поводу смиренную свою Альму, а Ферруччи отпросился у него срочно съездить к родителям в генуэзскую слободку, он слышал, что-то там готовится нехорошее. За Денисом брела, так же ведя в поводу своего осла, который конечно же благополучно выплыл, маркитантка Суламифь. У Дениса просто не хватало сил ее прогнать.

Впрочем, Сула оказалась чрезвычайно полезной. Она мигом устроила и лошадку и ослика в самую лучшую из людских конюшен Большого Дворца. Она выгнала из кувикулы Дениса каких-то бродяг, успевших там поселиться. Привела вестибулария (коменданта, что ли), нагово-

рила ему неприятностей о порядках в императорском фиске, и тот прислал немедленно двух рабынь со щетками и тряпками. Сама же Сула, подбоченясь, руководила ими — где почище, где поглаже. В общем, сделала все то, с чем справлялся только энергичный Ферруччи.

Настала ночь, и Денис, который никак не справлялся с раздиравшими его мыслями, хотя и чувствовал усталость безмерную, вдруг услышал всхлипывания из передней. Там на узеньком оруженосчиьем ложе юного предка Колумба расположилась маркитантка. Плач ее усиливался, Денис поднялся, подошел к ней.

— Ты что?

— Полежи со мною хоть немножечко,— молила Сула, однако отнюдь не молящим тоном.

— Ты с ума сошла! — отстранился Денис.

Тогда она принялась жаловаться. И уродина-то она, и калека-то она, и дура записная, не то что эти ловкие сви-стухи Мела, Левка да Халка.

— Не дури,— сказал примиряюще Денис.— Ничуть ты не уродина, а, наоборот, очень даже хорошенькая. Но ты должна знать — я женат.

— Женат! — вскричала Сула, сама себе прикрывая рот ладонью.— Женат! Это на той-то из Филарицы, такая бес-телесная медуза? Мне же все известно, да какая же она тебе жена...

— Не твое дело,— пытался перебить ее Денис, но остановить ее было невозможно.

— Подумаешь! И к пиратам она попадала, и вышла сухой из воды. Меня вот родной папаша на рабский рынок своей рукою снес, я еще в куклы играла!

— Сула! — крикнул потерявший терпение Денис, даже голос у него надломился. В этот момент он действительно готов был вышвырнуть ее за дверь.

10

А утро началось с того же голоса Сулы, неумолчного, как зуд осы.

— Ой, что делается, что делается, мать пречистая, что происходит! На рынке все разбежались, товары побросали, все кинулись к церкви Пантократора. Там тела выставлены — Маруха и ее Райнер, багрянородная и ее красавчик. Мертвые! Ночью их, оказывается, ухлопали,

говорят, яд, так и пахнет одуванчиком... Лежат рядышком, а лица синие, словно из ледника.

У Дениса сердце провалилось. Вот оно! Без сомнения, это и есть неведомая программа Андроника и Антихристорита, для которой его приезд служил сигналом. Это и есть череда убийств и насилий... И он, миролюбивый и добрый Дениска, домашний мальчик, попал, как зубчатое колесо, в этот дьявольский механизм. Поневоле воскликнешь: пречистая заступница, кто следующий?

Сула влетела в кувикулу сияющая, словно на праздник. Подавая Денису умыться, смотрела на него немножечко боком, виновато.

— Ну ты на меня не сердись, генерал!

— Я не генерал,— по-прежнему сухо ответил Денис.

— Будешь генералом, будешь!— убежденно сказала маркитантка.— Ты и министром будешь. Тебе когда-нибудь приходилось на себя в хорошее зеркало смотреть?

— Не мели чепуху,— уже снисходительнее сказал Денис, возвращая полотенце.

— Правда, правда! Ты посмотрел бы на себя. Таких мужчин не знает вся Восточная Римская империя. Уж поверь мне, в мужчинах Сула толк разбирает... Ап!— споткнулась она, сообразив, что говорит лишнее, и даже рот закрыла ладонью.

Но через минуту она опять смеялась и тараторила. Узнав, что Денис не хочет идти к Пантократору смотреть выставленных кесарей, она сказала: «Ну и правильно. Чего их, мертвяков, смотреть, сна лишишься...» Но добавила к своему рассказу:

— Там народ и убийцу поймал, отравителя. Добрая такая бабушка в чепчике.

— Птера!— вздрогнул Денис.

— Не знаю. Но люди, вероятно, знали. Содрали с нее одежку и капот— а это мужик! Только евнух.

Она перевела дух и закончила:

— И что ж ты думаешь? Явился патрикий Агиохристорит, тот самый, у которого мы с тобою вчера обедали, со своими молодчиками, Птеру эту забрал и увел с собою... Говорит, государь сам с этим делом разберется!

Она в страшном возбуждении кружилась вокруг стоящего в недоумении Дениса.

— Все, все, все... Я сказала, я сказала, я сказала, больше ни слова. Короче, я убегаю, мы там с маркитантами условились, народ идет латинян бить.

— Как бить?

— Так — крушить, громить.

— Каких латинян?

— Которые не нашей веры. Итальянцев всяких, твоего преподобного Ферруччи, например.

— Сула, ты с ума сошла! При чем здесь Ферруччи?

— Не знаю, не знаю. Не я же все-таки буду бить. Я только буду покупать, что нагрябят.

— Сула! — изо всей силы закричал Денис, но ее уже не было в помине.

Встревоженный Денис спустился на задний двор к людским конюшням. Рядом со своей Альмой и маркизанткиным осликом он обнаружил боевого коня Ферруччи.

Дежурный конюх объяснил, что ночью приезжал его светлейшества оруженосец и поставил коня в их стойло, но беспокоить их светлейшество не стал, ушел в город, сказав, что придет днем.

Не зная, на что решиться, Денис принялся чистить свою Альму, делая это, конечно, неумело. Конюший одолжил ему и губку и скребок, потом забрал все это и моментально сделал все сам. Лошадка с удовольствием отдавалась уходу хозяина, фыркала и трепетала холкой, сама подавала нужное копыто, теплой губой касалась хозяйской руки. Словно ребенок, когда его купает мать!

Все-таки как много утратило человечество к началу двадцать первого века!

Конюх взялся почистить и Ферруччиева коня, Денис дал ему серебряный денарий, старик поклонился:

— А все-таки, прости, ты не из прирожденных господ, твое всесветлейшество.

— Что же, разве господа не чистят своих лошадей?

— Нет, нет, наоборот! У рыцарей даже есть правило: своего боевого коня он всегда чистит только собственной рукой, хотя у него толпа слуг. И все-таки, когда они чистят, видно, что для них это удовольствие, а для тебя — труд.

Денис оседлал Альму и выехал за ворота дворца, сам еще не зная, куда ехать. Достаточно хорошо изучив нравы, он правильно рассудил, что при византийском культе господ лучше передвигаться верхом. Всегда будешь на голову выше любой толпы.

А народ все бежал к паперти Пантократора, цокали языком, ахали, закатывали сливообразные глаза. Денису

все же было жаль Маруху, несмотря на ее прежнее коварство. Он представлял себе, какая она лежит там несчастная, которой судьба дала уникальное рождение и обделила главным — элементарной привлекательностью. Представил и ее Райнера, зубастого крокодила, — бр-р!

Между тем народный поток заметно менял свое направление. Сердобольные бабки и любопытствующие старички уже не бежали, неся охлос — творцы погромов, захватив зубила и крюки, бежали совсем в другом направлении. Фускарии и пивные опустели.

Хорошая публика, подобно Денису, выехала верхом. Стояли на углах и перекрестках, ни во что не вмешиваясь, но стараясь угадать, в какую сторону подует ветер событий.

Вот и знакомый — Никита Акоминат, нотариус при патриархе. На серенькой лошадке, скромным видом весьма напоминавшей своего ученого хозяина, она стояла на углу площади Тавра. Денис впервые увидел слуг (или крепостных) Акомината. Пешие, но вооруженные деревянными палками, они стояли у хозяйского седла. Тот давал им какие-то инструкции.

— Пахнет погромом, — начал Денис, поздоровавшись. — Вам не кажется, вселюбезнейший?

Никита, ответив на приветствие, не совсем вежливо молчал. Денис отметил перемены в его состоянии — добрый конь (раньше о нем слыхом не слыхали), толпа слуг, ковровый чепрак на коне. Что же? Старший братец его рукоположен в архиепископа Афинские, это важный духовный пост, и сам Никита пристроился при патриархе. И сосватан хорошо, хотя невеста еще куличики делает из песка.

— Кого же сегодня пришла очередь громить? — спросил Денис, не без своей всегдашней усмешки.

И эта усмешка, по-видимому, и вывела из себя всегда сдержанного Никиту.

— Хорошо вам, — понизил он голос. — Приехавшим новость откуда, из тавроскифов или уж я не знаю... У вас там никто никого не грабит, а уж если сносят головы, то напрочь. Горе нашему Второму Риму, горе супервеликолепному, гипернесчастному, горе владыке вселенной!

«Ведь именно он пишет книгу, — думал Денис. — Ведь именно его книга самый правдивый источник по истории этих времен!»

— Когда изучаешь историю Византии, — сказал Де-

нис, хотя собеседник даже не глядел в его сторону, занятый рассматриванием бегущих на погром.— Видишь потрясающее однообразие форм. Тысяча лет, а Византия все та же! Оцепенение какое-то...

— А вы историк? — повернулся к нему Никита.

— Да, я получил историческое образование.

— Тогда вам лучше, чем кому-нибудь, должно быть известно: чем мертвенней оцепенение общества, тем гибельнее потом взрыв.

«Диалектик!» — подумал Денис, но не успел ничего ответить. Со стороны Макремволия — Большого рынка катила густая толпа, разгоряченная вином. Толпа несла большой гвардейский круглый щит, на котором красовался, словно провозглашаемый императором, не кто иной, как Телхин — профессиональный клеветник! Телхин имел печать правды на морщинистом голодном лице.

— Бей-те ла-ти-нян! — скандировал он, а за ним и вся толпа.— Взять у них хлеб, отдать нашим детям!

— Като, като! — ревела толпа.— Долой! Долой всех инородцев!

— Боже! — воздел руки Никита и поспешил все-таки исчезнуть в сопровождении вооруженных палками слуг.

11

А Денис, тревога которого все время росла, пустил свою Альму именно туда, куда пронесли Телхина, словно императора толпы. По рассказам он знал, что там, по берегу Золотого рога, теснится гемузская слободка, квартал ремесленников и мореходов. Византийские проходные двory узкие, тесные, кривые, на каменистой их почве не растет ничего, кроме одуванчиков. Строения своеобразны — двух-трехэтажные галереи со столбами, многочисленные помойки, наружные лестницы. Обычно в этот предвечерний час все здесь кишит разнообразным людом, потому что большинство домов функционирует в качестве ночлежек. Но на сей раз жители со страху все попрятались, дым от горящих где-то домов обильно стелется по земле, и поэтому мира нет — не скрипит колодезь, не бегают дети.

«Чья-то вражеская рука, — с горечью думает Денис, — умело направляет все это. Среди византийских бездельников, рыночных игроков, завсегдатаев ипподрома, неря-

шливых мастеровых, недобросовестных торгашей всегда дисциплинированные и честные генуэзцы были кому-то как бельмо на глазу. И примечательно, сколько всюду праздных зевак и ни одного стражника, как будто у них срочное производственное совещание!»

— Синьор, синьор! — кто-то полудетским голосом взывал рядом с его лошадкой. — Всемилоостивейший синьор, выслушайте меня. — Это был Пьетро, младший из Колумбусов, ныне занимающий должность придворного скорохода.

Денис поднял юношу к себе в седло. Его била нервная дрожь, руки в зеленой ткани лягушачьего цвета так и тряслись, он говорил невнятное: «Бьянка... Мерзавцы... А Ферруччи нет и нет...» Денис никак не мог его успокоить.

У крайних домов генуэзской слободки выросла баррикада. Ветхие сундуки, убогие кровати, ящики, какие-то оглобли... В этой низкой части берега жила самая нищета. Все богатые иноземцы, кто бы они ни были — генуэзцы, пизанцы, флорентинцы, французы, они обитали в аристократических кварталах, у каждого дом был как крепость. А здесь за дороговизной земли лачуги строились прямо па мелководье, как свайные городки. И та же беднота, то же бездолье, что в других предместьях, только язык другой.

Здесь орудовала толпа халкопратов, то есть слесарей, медников, лудильщиков, — такие же пролетарии, только обманутые и распрогандированные своими вождями. Халкопраты яростно штурмовали баррикаду, посреди которой на бочке возвышался молодой Амадей — Денис его сразу узнал, это был жених сестры его оруженосца, который когда-то приходил к нему в гости.

— Амадей! — закричал Пьетро, спрыгнул с седла Дениса и кинулся ему на помощь.

Амадей, круглолицый гигант, стриженный в кружок, как запорожец, легко подняв тяжеленный двуручный меч, описывал им круги вокруг себя, и нападающие со страхом уклонялись от его блистающего лезвия.

Но уже всякая оборона была бесполезна, потому что охлос прорвался через проходные дворы и орудовал в глубине предместья. С пьяным хохотом добивали раненых, рылись в вещах, отыскивая драгоценности.

Ватага подмастерьев-халкопратов (чтобы отличать своих, они и на грабеж приходили в рабочих робах и кожа-

ных фартуках) с криком вела по уличному спуску плачущую навзрыд девушку со светлыми косами, и каждый вцепился в нее рукою. «Бьянка!» — узнал Денис сестру своего оруженосца и горничную Теотоки.

Он непроизвольно наехал лошадью на хулиганов, они сначала отступили, потом, видя, что Денис один, осмелели и стали замахиваться на него зубилами. Один проворный малый прыгнул прямо на круп Денисовой Альме с кучки ящиков. Испуганная лошадь захрапела и начала пятиться, а малый вознамерился вообще выкинуть Дениса из седла. Ну, тут наш герой ощутил в себе приступ отчаянного безрассудства, который налетал на него в подобных случаях. Рукояткой меча он треснул агрессора и угодил ему между глаз. Громила брякнулся оземь. Однако пока Денис с ним справлялся, остальные увели несчастную Бьянку в один из темных переулков.

Денис заметался на своей лошадке, не зная, куда ее направить среди разгрома и драки — Амадей с Пьетро и их товарищи тоже куда-то успели исчезнуть. И вдруг услышал знакомейший из голосов:

— Постой, дорогой, куда ты свою лошадь дергаешь? Либо туда, либо сюда... А лучше ходи пешком.

Да, это был он, достоправный труженик моря одноглазый Маврозум, в окружении споспешников, таких же, как он сам. Они, правда, в драку не вязались и награбленное тащить не спешили. Стояли как-то выжидаючи, что еще произойдет.

Денис сообщил им, что произошло с Ферруччи и его семейством. «Ой! — завопил Костаки, который, несмотря на некоторое соперничество, чувствовал к генуэзцу некое подобие дружбы. — Идемте, идемте! Я знаю, где это!»

Лачужка Колумбусов была разграблена и пуста, оконные фрамуги висели сорванные, на одной петле. Поперек порога лежал сам Ферруччи — сначала показалось, что он просто упал, Денис даже спрыгнул с седла, чтобы протянуть ему руку. Но юный оруженосец был мертв, долгоносое итальянское личико, напоминающее легендарного Буратино, запечатлело на себе отвагу сражения.

— Ферруччи мой, Ферруччи! — жалел Денис, становясь на колени и пытаясь услышать хоть слабое биение сердца. Ему с его гуманизмом двадцатого века никак нельзя было жить в зверские времена средневековья!

Подошли с носилками монахи из католической обители святого Томаса, попросили разрешения забрать тело

для похорон. «Ух!» — закричал одноглазый, озираясь по сторонам, ища выход для копящегося в нем чувства скорби.

И увидел группку халкопратов в кожаных фартуках, которые на той стороне узкой улочки стояли, скрестив руки, и при свете факелов наблюдали, что происходит у дома Колумбусов.

Разъярившийся пират выхватил из рук оруженосца свою дубинку из ливанского кедра (другого оружия он не признавал) и угробил ею первого из стоявших халкопратов насмерть. Остальные не стали ждать осложнений и разбежались.

— Маврозум! — сказал Денис успокоившемуся после такой акции морскому волку. — Ну за что ты его? Может быть, он совсем ни при чем!

Маврозум уставился на него, не зная, что ответить. А Костаки и все его приспешники кричали: «Кровь за кровь!»

— О-гей, о-гей! — кричали мальчишки на заборе. — Смотрите, что делается в заливе!

Морскую зыбь заволочло дымом от горящей слободки, солнце просвечивало сквозь марь, как огненный пятак. Из мглы тумана выдвигались силуэты боевых кораблей.

— Это эскадра Контостефана, — определил как специалист пират Маврозум. — Однако, что ей нужно на таком мелководье, поблизости от городских строений?

— Там трубы, трубы! — кричали глазастые мальчишки. — Там трубы для греческого огня!

Действительно, из квадратных бойниц на высокой, как комод, черной корме ближайшего дромона выдвинулись трубы, похожие на жерла пушек. Не успел никто выразить своих догадок по поводу такого боевого маневра, как трубы изрыгнули пахнущую нефтью густую жидкость, затем по этой струе пробежал пущенный вслед огонь. И тотчас слободка превратилась в клоаку огня. Вспыхнула свайная постройка, рухнули провалившиеся крыши, упал горящий забор, давя под собою мальчишек. Охваченные пламенем воровья промчались, как стая пуль.

Тут уж и свои и чужие, и провославные и латиняне кинулись прочь вперемешку — огонь ведь не разбирает вероисповедания. Скакал и Денис, кроткая лошадка его скидывалась, храпя, чуя близость огня. У седла бежал одноглазый со своими приспешниками.

— Негодяй этот ваш Контостефан, — говорил на бегу

одноглазый, который имел причину на него ополчаться.— С бабами да с детьми воюет, греческий огонь пускает, а от сицилийцев, от сарацин бежит.

— Да это он не сам,— заметил также на бегу быстрый разумом Костаки.— Контостефан ковчега не выдумает. Это кто-то сверху ему приказал!

«Адская программа выполняется!»— так и кольнуло в грудь Дениса.

Он решительно повернул лошадь в сторону дачи Агиохристофорита, тем более что и труженики моря, распрощавшись, направились в свою сторону.

В резиденции знаменитого патрикия его приняли как постоянного клиента, без задержки. Здесь ничего не изменилось. Все на той же веранде, обдуваемый тем же ласковым ветерком, Агиохристофорит в одиночестве поглощал те же деликатесы, правда как-то без прежнего энтузиазма. Те же самые и вечно новые Мела, Левка и Халка лениво танцевали, обнаруживая прелести тех же округлых грудей и треугольных ягодиц. Завидев входящего Дениса, красавицы застыдились и исчезли за занавесью — одеваться.

Патрикий предложил не сухих кузнечиков, нет. И не надоевших уже соловьиных язычков. Вот бобы — фасоль — в простом оливковом масле, крестьянская пища, дешево, полезно, вкусно. «Времена меняются», — подумал Денис.

Услышав его сообщение о погроме в генуэзской слободке и о последующих действиях флота, Агиохристофорит чрезвычайно разволновался, его даже прохватила одышка, и он долго пил родниковую воду со льда. Отравившись от чаши, он потребовал: «Рассыльного!» Выяснилось, что рассыльного он сам послал час назад на ту сторону пролива к госпоже Агиохристофорит. «Запасного рассыльного!» Этого ваше всещедрейшество изволили еще на прошлой неделе отослать в свинарник за грубость. «Нотария!» — и так последовал поочередный вызов лиц, которых можно было отправить со строгим посланием ну хотя бы к Контостефану.

— Но ты не беспокойся, синэтер (то есть из числа близких друзей принца. Этим именем стал Дениса титуловать впервые как раз Агиохристофорит). Можешь быть уверен — к утру порядок там будет наведен.

Денису было и горько и стыдно, он просто не знал, какова его во всем этом деле роль.

С этими чувствами и вернулся он в свою кувикулу Большого Дворца. На улицах шла настоящая резня и охота за людьми. Все, кто мог, сводили друг с другом какие-нибудь счеты. Денису приходилось читать в исторической литературе, как в Византии при каждой насильственной смене царствования устраивались такие резни и погромы. Он и воспринимал это как должное. А вот как отвратительно это, оказывается, выглядит в жизни!

Итальянец Амадей, потеряв невесту и близких своих, предводительствуя целым отрядом пострадавших таким же образом людей, поджег несколько византийских жилых кварталов у Форума, в том числе, кажется, сгорел тот многоэтажный клоповник, в котором проживал зачинщик нынешнего мятежа клеветник Телхин. Пользуясь ротозейством великородного Контостефана, эти итальянские ребята захватили не дромон, нет. Взяли на абордаж самую быстроходную галеру императорского флота, назвали ее «Бьянка» и ушли к островам Мраморного моря.

Гражданская война разгоралась.

В конюшне Денис поставил Альму к осиротевшему коню Ферруччи, кстати, он так и забыл у своего оруженосца узнать, как его коня зовут. Поднялся в свои кувикулы, там остро пахло мятой. Маркитантка, рассчитывая на долгое отсутствие хозяина, парила мозоли в мятной ванне.

— Ой! — всполошилась она. — Генерал, ты пришел?

В передней были разложены по кучкам какие-то детские платяца, игрушки, мужские сандалии с золочеными носками, все мало пошленное и пригодное для сбыта.

— Сула! — строго сказал Денис.

— Чего изволишь, мой повелитель? — заюлила она, чувствуя предстоящий разнос.

— Это ты скупала награбленное?

— Да, покупала... Но откуда оно взялось, не знаю...

— Как тебе не стыдно? Римлянка, а покупаешь отнятое при грабеже и погроме.

— Я не римлянка.

— А кто же ты?

— Я беглая рабыня. Вот, призналась тебе. А ты можешь отвести меня к эпарху, я не буду сопротивляться. Ты

получишь премию за поимку беглого раба, а я свою мзду от Бога за то, что, дура, полюбила тебя.

«Да, действительно,— думалось Денису.— Рабы, они не римляне, хотя язык у них общий, греческий. Да и мораль у них другая. Но все-таки грабительским делам я потворствовать не намерен».

— Есть ли у тебя какой-нибудь знакомый монастырь, где имеется детский приют? Пристанище сирот?

— Да, а зачем? Монастырь Пантепоптон, например.

— Все тот же пресловутый Пантепоптон! Чего там только, оказывается, нет!

— Да и я сама рассчитываю к концу жизни найти там упокоение души.

— Вот и хорошо. Пойди сейчас же и отдай все это в приют.

— Ты с ума сошел! — завопила она.— Ведь это же большие деньги!

— Деньги я тебе отдам.

— Ах, генерал, ты, видимо, хочешь заранее времени попасть во святые!

— Рассуждать об этом не будем. А раз я для тебя генерал, то исполняй тотчас же. Или уходи отсюда совсем!

Он ушел в свою комнату, лег там не раздеваясь. Безумные сцены плыли перед его взором. Сула возилась в соседней комнате, стучала, брякала, уходила надолго, потом вернулась. Заглянула из-под занавески и, увидев, что Денис лежит с раскрытыми глазами, осторожно вошла.

— Вот тебе в подарок, гляди, хлыст. Сарацинский, из витой кожи. А то, я заметила, ты лошадь свою совсем не стегаешь, какой же всадник без кнута? И меня учи этим кнутом, когда я дурость свою начну проявлять. Скажи: а ну-ка, Сулка, задери свои юбки — и кнутиком, кнутиком пройдишь без жалости, знаешь, как помогает?

Она расправила подол и стала возле его ложа на колени, даже молитвенно сложила руки. Делала она это не без труда — ведь у нее изувечено колено. Смотрела преданными глазами.

— Твоя эта Фотиния и не знает, что такое счастье. Оно ей на голову свалилось, как орех. Счастье надо выстрадать.

— Молчи! Я запрещаю тебе об этом говорить.

— Нет, нет,— все больше смелела она.— Я ничего лишнего не скажу. А послушай. Один раз, еще девушкой, продали меня в монастырь. Там инокиня одна была, мать

Гликерия, старушка совсем, Болгаробойцу еще помнила. Я ей келью убирала, катихумену. Она мне стала второю матерью, тем более что родной-то я матушки и совсем не помню. Она мне говаривала, мать Гликерия-то, на чем ты, говорит, Сули, сломаешь свою головушку, так если влюбишься в кого!

— Ферруччи жалко,—сказал Денис.—За что его так?

— А какой вывод?—сказала безжалостно Сула.— По положению у принца ты и вправду генерал. Генерал, генерал, а где твое войско? Чего ж ты живешь в лакейской этой кувикуле? Тебе дворец нужен, особняк, отель, как говорят иностранцы, тысяча слуг с палками... (Денису вспомнился Никита на коне и его домочадцы с дубинами.) Тогда бы и Ферруччи твой был жив...

«Опять она права!»—вздыхнул Денис, откинулся на подушки, пытаюсь заснуть. Не тут-то было. Во-первых, в городе господствовал тревожный, почти набатный трезвон, возбуждал, по крайней мере, желание узнать новости. Денис представлял себе, как тысячи жителей бегут к форумам и перекресткам, чтобы хоть узнать, какому завтра молиться Богу.

Во-вторых, в полусвете лампадки все явственнее слышался чей-то не то детский, не то женский шепот: «Сули, Сули, вставай, ты же сказала разбудить...»

Денис поднял сандалию и швырнул в занавесь на двери. Сула там вскочила и после кратких сборов исчезла по своим маркитантским делам.

А он все лежал, охваченный грустью и чувством бессилия что-нибудь изменить. Жизнь течет своим чередом, на смену утратам поднимается новая поросль.

По стране далекой детства
Я болею ностальгией,
Я времен тогдашних книжки
На дом в Ленинке беру.

Вспоминаю, вспоминаю,
Бабушкин альбом листаю,
От хандры ли, от одышки
Засыпаю поутру...

И ко мне тогда бывые
Подступают полулица,
Четвертьобразы, осколки
Душ, ушедших навсегда.

Как болезненны, как долги
Те мелькающие спицы
От волшебной колесницы,
Укатившейся в гола.

Все пожухло, все обвисло,
Все рассыпалось без смысла,
Все как ветхая одежда,
Как седая голова...

Ой, что было б, что бы стало.
Если бы не прорастала,
Словно новая надежда,
Изумрудная трава!

Когда в кувикулах рассвело, колокольный звон снаружи сделался невыносимым. Денис оделся, вышел на галерею. Можно было спуститься в город или идти на крышу Юстинианы, самого высокого из дворцов, про который в шутку говорили: придет час напасти, отсюда и Китай увидишь...

Дворцовые зеваки рассказывали, что ночью прибыл гонец от принца, тот самый Андроник Ангел, которого посылали того же принца усмирять. Высокородный перебежчик вручил царице знаменитую грамоту, начинавшуюся евангельскими словами: «Вот посылаю ангела моего...» Принц любил эффекты, и эффект здесь был достигнут самый полный. Исстрадавшаяся царица-вдова со своим красавчиком протосевастом бежали не просто во Влахерны, где у них было имение. Они бежали во Влахернский монастырь и выразили там желание постричься, навсегда покинуть соблазн мира земного. Настоятель не решился на это, боясь гнева принца-победителя.

Гвардейцы-щитоносцы из варяжской тагмы отобрали у них малолетнего императора Алексея II с его женою-француженкой и отдали на попечение прибывшего в Большой Дворец доверенного лица принца, которым оказался не кто иной, как патрикий Агиохристофорит.

Новый указ из-за пролива требовал, чтобы протосеваст явился с повинною.

— Не дам! — рыдала василисса, успевшая раньше времени надеть монашеские одежды. Ее оторвали, увели.

Глава шестая

ВОРОН И ВОРОНЕНОК

Она опустилась на порог, встала на колени, ладонями гладила притолоку двери.

— Богородица Влахернская, вот я и дома!

Следовавшие за нею адъютанты ее мужа хотели помочь ей встать, но она их отстранила.

— Я дома, дома... Понимаете, я дома!

Из глубин обширного дома, построенного в лучшие времена заботливым Палимоном по прозвищу Хирург, вместе с золотым вечерним светом, который попадал в него через потолочные отверстия, исходили волны благополучия.

Вот из-за поворота, где двери в моленную, слышатся настороженные шаги. Кто-то выглядывает, но это не властная тетушка Манефа, это ее альтер эго, раб Иконом, он же домоправитель, он же мальчик для битья.

— Госпожа! — вскрикивает старик, протягивает трясущиеся руки, валится рядом с нею на колени. — О, наша Теотоки!

Резвый топот каблучков свидетельствует, что сверху торопится горничная Хриса. А вот шлепанье подошв, это, конечно, немой гном Фиалка. В руке его пергаментный свиток, приезд Теотоки застал его, конечно, в библиотеке.

— Госпожа наша вернулась, госпожа!

Вот и сама Манефа Ангелисса, шествует твердо, как античный проконсул, за нею свита приживалок и благодетельствуемых сирот. Ни морщинка не дрогнет в ее лице, хотя сама она боится, что вот-вот упадет от переживаний.

— Его мне покажите, его! — требует она, крестит и благословляет поднявшуюся племянницу, а заодно и адъютантов ее мужа.

Его вынимают из генеральской спокойной четырехколесной повозки и по эстафете передают на руках у кормилицы вверх по парадной лестнице в дом. Кормилица пышет здоровьем, выступает величаво, можно подумать, что все адъютанты и вестовые подчинены непосредственно ей, хотя у нее только одна помощница — младшая нянька.

Его кормилица подносит благоговейно, словно святые дары, и, откинув белоснежные пелены, показывает Манефе, та сразу же отмечает, что бровки у него, как у матери, Теотоки, чуть ли не срослись над носиком, но уж намурены совершенно по-генеральски.

— Дай, дай мне его,— требует она у кормилицы. Та оглядывается на мамашу, Теотоки согласно кивает головой. Тогда его в пеленах передают на руки двоюродной бабушке. Присутствующие няньки, адъютанты и приживалки почему-то боятся, что он упадет, и состоят в готовности номер один, хотя чем они помогут?

— Сколько я их, domestиков этих, вынянчила,— успокаивает Манефа и, внимательно вглядываясь в личико младенца, удовлетворенно смеется: — Врана! Конечно же, Врана! Вороненочек мой!

Многие из присутствующих растроганно плачут, другие вычисляют, какое место в иерархии Комнинов займет теперь он. Домочадцы спешат освободить под детскую лучшую из комнат Манефиного дома, а Теотоки все ахает, какие низкие потолки да какие узкие двери оказались в доме ее детства!

Но в дело вмешивается военный, некто Мурзуфл, по чину стратиарх (некто вроде нашего полковника). Врана, шибко занятый фронтовыми заботами, поручил ему перевозку своей семьи в столицу.

— Госпожа! Всесветлейший протодоместик указал разместить вас с сыном в казарме Гиперэтерия, чтобы там караул был, охрана, сами понимаете... Помещения там уже приготовлены, я посылал стратиарха Канава.

— А! — отмахнулась счастливая до предела Теотоки. — Это потом, это с матушкой Манефой, если вам удастся ее переубедить... Ты читал когда-нибудь Гомера, добрый мой Мурзуфл?

— Нет, — честно признается пятидесятилетний служака. Он вообще-то окончил только военную школу в Редесте, где кроме Евангелия признавали лишь стратегиконы да воинские уставы.

— Там Одиссей, когда неузнанный возвращается в отчий дом, он восклицает: «Здесь и пороги и стены блаженством божественным дышат».

Мурзуфл подумал, что надо перекреститься, и сделал это. Теотоки же отвернулась, чтобы не обидеть его улыбкой. Привыкшая во всем подчиняться желанию мужа, она

и здесь не намерена была перечить. Но завтра, завтра! Сегодня же переночуем в этом благоприятнейшем из домов, ведь Манефа, как в былые дни, соорудила грандиозный пир, и он, Мурзуфл, тоже приглашен, приглашен!

Сюда, сюда привезли ее несмышленной девочкой в ту страшную годину, когда по капризу кровавого Мануила были схвачены оба родителя. Она-то, Теотоки, ничего не помнит, но, по рассказам, ее выпустили, как цыпленка, в курятник, и она затерялась среди несушек и бройлеров.

Когда по приказу ничего не забывающего в своей злобе Мануила прислали и за нею, матушка Манефа вывела посланцев на крыльцо двора и показала множество бегающей без штанов мелюзги — детей челяди и рабов.

— Ищите сами, если не верите, что у меня ее нет.

Посланцы василевса, естественно, ее не нашли, и осталась она у доброй Манефы.

Потом флюгер истории в очередной раз перевернулся, родителей Теотоки реабилитировали посмертно. Манефа приказала привести ее пред лице свое и ужаснулась:

— На ней пуд соплей, Боже! А ножки-то, ножки — все в стружьях каких-то!

И перешла Теотоки наверх, на положение молодой госпожи, барышни по-нашему.

И Теотоки все это вспоминает, бродя по комнатам и касаясь ладонью их добрых стен.

А вот уже все сели за обильный Манефин стол в триклинии. Господствует, конечно, Феодорит, этот старый верблюд. Он ездил в Энейон к принцу, он вернулся полон впечатлений, поэтому он позволил себе не стричься, не брадобрействовать, и весь, действительно, как мохнатый и мосластый корабль пустынь. Было приглашение и Исааку Ангелу, рыжему, он когда-то за честь считал к Манефе. Но тот прислал извинения. Он при особе принца, неотложнейшие дела государственной важности.

— Не понимаю, — нарочито удивляется Манефа. — Что он там может, кроме того, что тосты провозглашать, здравицы?

Всем, конечно, хочется узнать подробности победоносного похода, Феодорит, которому Бог не дал проворного языка, не может удовлетворить это желание. Тогда взоры обращаются в сторону скромно сидящего в конце стола всем уже знакомого Ласкаря. Этот бравый акрит,

доблестный защитник границ империи, подкручивает геройские усы, ежеминутно поправляет бородку и холок.

— Я слышала, ты ранен... — соболезнует Манефа. — У тебя что, в семье никого, что ли, нету? Мы бы тебе нашли хороших врачей.

Ласкарь доложил, что он и сейчас не совсем долечен. Но когда войско ушло из Филарицы, лежать стало совсем невмоготу. Он собрал силы и пустился вдогонку Пафлагонской феме...

— И кто же там остался защищать нас в Пафлагонии? — иронизирует Никита. — А если агаряне вздумают напасть?

Все хотели бы возразить: ну что вы хотите от этого Ласкаря? Согбен, тщедушен, ему ли защищать? Но на всякий случай остерегаются, как бы не оскорбить. Акрит, говорят, очень обидчив, дело не раз доходило до Божьего суда — поединка.

Зато Ласкарь красочно описывает, как воевали, как шли с песнею «Шагай, шагай, Андроник, на остров на буян...». Если бы, увы, не конфузия под Никеей — сплошной был бы триумф.

— За что воевали-то? — добивается Никита.

Все теперь смотрят в его сторону, даже цветы на столе отодвигают. С тех пор как братья Акоминаты близки к особе патриарха Феодосия, Никита явно обаристократился. Что у него костюм, что осанка. И за столом не ждет, пока старшие выскажутся... Впрочем, дни патриарха Феодосия, кажется, сочтены, принц явно к нему не расположен. Кто же тогда в патриархи, этот Васька Каматир с честной мордой? Общественное мнение отвлекается от Никиты.

И тут домоправитель, тощий, как доска, но в совершенно золотой тоге — Иконом, стукнул жезлом, докладывая:

— Маврозум, труженик моря.

У некоторых выпали салфетки — ну, Манефа, этаких гостей наприглашала! Были вроде и императоры Маврозумы, но это уж давным-давно быльем поросло... Мавр вошел с достоинством, кланяясь, и все увидели, что бриллиантов на нем более, чем на всех на них скопом.

Манефа вывела Теотоки за кулисы. Юная генеральша поспешила заявить без обиняков:

— Это я, тетушка, пригласила Маврозума. Он мой приятель...

— Но он же...

— Он из знатной мавританской фамилии. Бумаг, правда, нет, но надо же верить человеку...

— Но как же...

— У венецианцев, тетушка, мавры командуют флотилиями. А наш Маврозум к тому же не язычник, он крещен, православный...

Чувствовалось, что ей неприятен этот тетушкин демарш, а Манефа поняла, что перестает быть хозяйкою в собственном доме. Не сказав более ни слова, направилась на кухню, где заняла позицию у плиты с ложечкою для пробы, а правую руку оставила свободной для выдачи пощечин. Теотоки же вернулась в триклиний, где гном Фиалка, словно огромный плюшевый медведь, стерег ее скамеечку и смотрел влюбленными глазами.

Под Манефиным наблюдением и руководством была совершена очередная перемена блюд (читатель уже, вероятно, устал от описания всех их разносолов и лакомств). Притомившаяся Манефа вышла в вестибюль дух перевести и увидела, что ее домоправитель Иконом, сняв на минутку негнущуюся, словно картон, златую тогу, утирает тряпочкой потный лоб. Манефа хотела даже пожалеть: «Устал, бедняга, ну потерпи еще немного...», как слышалось у подъезда, еще кто-то подъехал, дробь копыт, целая конница!

Привратник стал звать Иконома, да он сам туда кинулся, на ходу напяливая тогу.

И тут же вернулся, делая знаки Манефе, из которых она поняла, что приехал кто-то совершенно невообразимый.

— Принц Андроник?

— Нет, хуже... Этот, как его...

— Агиохристофорит?

— Да нет, да нет, этого мы уже знаем... Приехал тот...

— Кто же, кто же?..

— Который царя Мануила... Этот, волхвователь... Или праведник он или диавол!

Манефа настолько обмерла, что не находила в себе сил ахнуть.

— Дионисий из Археологов, синэтер государя, благороднейший и славнейший!

Так велено было теперь его именовать, и он шествовал гордо, неся на себе бремя восхищенных и напуганных взглядов толпы. Правда, тут заключалась и уловка — государем-то был формально все еще Алексей II, но все понимали, что речь идет о всемогущем принце. Звание синэтера позволяло ему не носить никакой обременительной формы, ни цепочек, ни расшитых колпаков. Во всем простом и белом, со своею еле растущей бородкой, он, скорее, напоминал какого-то античного правдолюбца.

Сел на указанное ему Икономом место и, чувствуя, что служит объектом всех взглядов, прежде чем осмотреться самому, занялся блюдами и с тоской подумал о несравненной диетической столовой напротив их университета.

— Что касается кир Феодосия,—говорит Никита, и Денис, как Теотоки за четверть часа до этого, отмечает перемены, произошедшие с ним,— придворную важность, чиновничью сухость обращения,— кир Феодосий не станет держаться за патриаршую должность. Известно, что он и покойного Мануила просил отпустить его с престоятельного трона. Кир Феодосий — инок, монах, он хочет принять схиму и посвятить остаток мирских дней своих молению Божью...

Все со вниманием выслушивают сообщение Никиты. «Газет-то не было у них,— думает Денис,— откуда бы им воспринимать такую политическую информацию, только на пирах!»

Он наконец осмотрелся, усмехаясь по своему обычаю: «Феодорит, по прозвищу Верблюд, этот, несмотря на убожество, родич всех династий, Ласкарь, нищий рыцарь, акрит, защитник границы, тоже убогий в меру своих возможностей. Батюшки, Ангелочек тоже здесь и уже успел наклюкаться. А вот и Маврозум, этот-то как сюда пролез, бывший каторжник? Короче говоря, представители всех классов византийского общества времен расцвета!»

Но главный ему подарок — это сама Теотоки. Из-за букета орхидей на него смотрят ее глаза, совсем превратившиеся в глаза диковинной птицы — Феникс, что ли? Лицо похудело, и профиль стал классическим, медальным. Смотрит и смотрит на Дениса не отрываясь, будто хочет утопить его в глубине своих зрачков.

А тут пират Маврозум, который, хватив черного хиосского, приобрел необходимую развязность и ужасно хочет себя показать. Но каким образом? Тем же, что и Никита Акоминат, то есть выдав такую информацию, которую, кроме как от него, не получишь нигде.

— А Контостефана, великого дуку флота,— спешит он сообщить ни к селу, ни к городу,— сегодня утром провели с веревкой на шее, мешок надели на голову...

Вот это новость новостей! Все чуть не подскочили, простив бедному вольноотпущеннику то, что за столом он вести себя не умеет, перебирает ногами, будто у него недержание мочи.

— Как же так?— вопрошает прямодушный Феодорит.— Еще вчера его флот дружно прокричал «Да здравствует Андроник Великий», а сегодня уж в мешке?

— Да, да,— подтверждает Маврозум, он не может, конечно, позабыть унижений, которые потерпел от великородного адмирала,— выстроили офицерский состав всех кораблей и перед строем провели, чтобы никому не повадно было...

— За что же все-таки, за что же?— переговариваются все.

— За то, что, не имея приказа свыше,— комментирует Никита, который, конечно, здесь информирован лучше всех,— сжег генуэзскую слободку...

Все молчат, понимая, что дальнейшее обсуждение чревато... К Манефе обычно стражи уха не ходят, но тут вот и этот Дионисий, который, говорят, с принцем неразлучен, только что в одной постели с ним не спит.

Манефа печалится— нет Исаака Ангела, который каким-нибудь трюком умел разрядить обстановку, хоть собачку укусить. Высоко взлетел Исаак Ангел, стал рядом с тронем, до Манефы ли ему? Ну что этот загадочный Дионисий?

На смену Исааку Ангелу выходит доблестный Ласкарь, чьи усы так пиками и торчат. Он подливает Мисси Ангелочку, тот осушает единым духом и заявляет:

— Ура, ура, ура! И ура!

— Что теперь этой паршивой Никее? Как она смеет противостоять Андронику? Мы разнесем ее, как воронье гнездо!

Тут Ласкарь спохватывается, что в семействе Враны лучше про воронье гнездо не поминать, ведь Врана и есть ворон. Он роняет кубок под стол и вместе с Икономом-

домоправителем лезет туда его доставать, хотя Манефа пытается отвлечь их от этого.

Да и не знаешь, о чем говорить? О бедном протосевасте Алексее, который, явившись с повинной, был сначала прощен вчистую, через час ослеплен, а еще через час утоплен в дворцовом нужнике. Новое правление начинается не очень отлично от всех предыдущих, вот, говорят, когда император Лев сверг императора Феофила...

— Тс-с-с!

— А я была в Святой Софии,— с умилением говорит Манефа,— там принц Андроник на большущем холсте нарисован. Я специально ходила смотреть. В крестьянской тунике, веревочкой препоясан, в руке этакая такая штука, кривоватая...

— Какая кривоватая?

— Ну, которой пшеницу созревшую подрезают или ячмень...

— Серп, что ли?

— Ну серп, серп... Чего смеетесь, господа? Я не пафлагонка, у нас в Элладе пшеницу косами убирают.

Никита-историк, который видел портрет во время его изготовления ненавистным ему диаконом Макремволитом, пытается уменьшить роль портрета — подумаешь, пролетарий! Надо было рисовать самодержца — в полном блеске величия. А тут только молота ему не хватает. Денис усмехнулся: можно подумать, что этого Никиту чародей тоже вытащил из ихнего века!

И тут раздался голос, скрипучий, как у запечного сверчка. Это стратиарх Мурзуфл, который сопровождает супругу своего начальника, военный с простым крестьянским багровым лицом. Так же монотонно, как какой-нибудь сверчок, он начал говорить, что правильно серп в руках у нового правителя, пусть народ знает... Крестьяне, главные кормильцы империи, обременены налогами и повинностями, между тем казна пуста. Казна хронически пуста! Войны вроде бы объявленной нет, но провинции в непрерывном состоянии войны всех со всеми...

Все закивали тюрбанами, камилавками, клобуками (у византийцев было принято сидеть за столом в головном уборе). Все, что говорит этот Мурзуфл,— правильно, но что же делать?

— С чего начать?— говорит ленинские слова мудрец Никита, у которого, как у представителя патриаршего двора, клобук самый замысловатый — в три яруса, с изо-

бражениями святого духа в летящих крылышках.— Начинать с того, что разогнать хапуг-чиновников, они вам не дадут никакой реформы произвести!

«Начать со слома государственной машины...»— вспоминает Денис откровения своих университетских семинаров. А ведь если копнуть поглубже, это не Маркс, не Ленин, это Карл Каутский, и совсем по другому поводу.

— А императорский двор?— неожиданно подает свой музыкальный контральт Теотоки, хотя женщины на византийских пирах если не поют, то молчат.— Пока не вышла замуж, я представления не имела, какое скопище тунеядцев этот наш императорский двор! Ведь их тысячи, а если считать их слуг и нахлебников— тьма!

Феодорит пытался что-то проворчать в защиту двора, ведь он сам носит чин протохранителя священного каниклия или что-то в этом роде. Но молодая хозяйка своим заявлением о дворе попала в болезненное место, и все, ничего уж не боясь, кричали ей во одобрение, кто на что был горазд.

А Теотоки, останавливая всех движением руки, оперлась на гнома Фиалку и вскочила на скамью. «Как же она прекрасна!— не уставал поражаться Денис.— Какая птица Феникс выросла из нее! Все другое, нежели у Фоти, и все-таки она прекраснее всех!»

Теотоки теперь просила высказаться всепочтеннейшего гостя синэтера Дионисия. Как с точки зрения другого мира, наверное, лучшего мира, все то, что происходит сейчас у них? Наверное же они с принцем говорят об этом... Если, конечно, это можно.

Упоенный чарами ее необыкновенных глаз, да еще приободренный все тем же волшебным хиосским, Денис не смел отказать. Хотя и понимал: для него лично лучше было бы в любом случае промолчать. Лучше промолчать! Но уже он встает для ответа, а вставая, думает: с чего бы начать? С того, что первым коммунистом был Христос?

И говорит о том, что все мозги скованы церковью, ни шага, ни мысли помимо нее. Такая принципиальная несвобода в первую очередь губительна для нее. Самая передовая из идей, лишаясь возможности самодискредитации, самоперестройки, становится своей противоположностью, именно— тормозом развития подобных идей.

Денис поднимает руку, чувствуя, что историк Никита имеет что возразить на эту его мысль. И предвосхищает его: да, византийская церковь, справившись с иконоборче-

ством как антифеодалным и идеологически либеральным движением, спасла империю, но какой ценой? Только ценою того, что самые плодородные и самые культурные области империи ныне состоят в других религиях, где волевее дух и живее жизнь.

«Куда меня несет?» — где-то на задворках своего разума ужасается он. И уже остановиться не может.

Крестьянин обнищал и обесчеловечился до предела. Но ведь, как говорится, один с сошкой, а семеро с ложкой. За обеденный стол, выражаясь фигурально, он рядом с плачущими от голода детьми сажает жирного попа, алчного чиновника, прожорливого офицера, даже необходимого всем городского техника или ремесленника, которого тоже ведь надо кормить!

Тут Никита Акоминат, который в протяжении всей запальчивой речи нашего героя согласно кивал и даже пальцами по столу пристукивал, ухитрился вставить комментарий:

— А раздачи, раздачи! Особенно бесят эти бесплатные раздачи — средство удержать народ от бунтов. А раздачи благ придворным!

Действительно, Андроник скоро столкнется с необходимостью раздавать просто за так какие-нибудь драгоценные шелковые полотна с Дальнего Востока, штуки бархата и позумента на вес золота и многое другое... А не станешь раздавать — не прослынешь щедрым, а это в Византии значит подписать себе скорый смертный приговор.

Война! Страна и общество живет ожиданием неизбежных войн и как минимум треть своих и без того скудных средств тратит на содержание огромнейших армий. А зачем? Если учесть, что армия отвлекает от производственной сферы самых лучших и самых способных сынов народа, это же какой-то бред самоубийства! А не пора ли войну и все военное приравнять к людоедству и рабству, которые ведь были в истории когда-то, но человечество в век христианства сумело объявить их вне закона. Войну вне закона!

И тут Денис увидел, что Теотоки нет, она куда-то ушла, над ее скамейкой снова красуется ушастая мордочка гнома Фиалки. Он, правда, тут же подумал: может быть, ее к ребенку позвали, ведь она теперь мама? И все равно, словно внутри его погас какой-то источник света, он на этих словах закончил свою речь, поклонился и сел.

Присутствующие словно бы и не удивились ни необыч-

ностью речи, которую сказал Денис, ни остротой поставленных вопросов, ни даже тем, что он внезапно прервал ток мыслей и закончил. Они принялись все это обсуждать между собой, на понятном им земном, не небесном языке.

А Денису стало ужасно стыдно — ну чего это он почувствует? Их, бедных детей средневековья, понятия не имеющих о высших формах цивилизации, он наставляет о том, что не должно быть войны всех против всех! А не совершеннее ли они в чем-то нас, бедных детей высокоразвитой культуры конца двадцатого века?

Так он сидел в луче заката, проникавшем через потолочное отверстие, среди цветов и блюд, слуги предлагали ему налить то, отведать другого, он на все их вопросы молчал головой. Прислушивался к обрывкам речей по соседству.

— Ты что, Михаил,— спрашивал Никита у соседа и бывшего своего однокашника,— не принят, что ли, у Эйрини, дочери Андроника?

— Мамаша ей,— отвечал уныло Ангелочек,— теперь королевичей в женихи ищет...

Стратиах (полковник) с простым плоским красным лицом, Мурзуфл, размышлял вслух, хотя и не имел собеседника:

— Армия Враны на сей раз не вмешалась в события, дала сбыться тому, что должно было сбыться. Действительно, нужна сильная рука. На рынках голод, где нет власти, там народ бедствует. Армия хочет, чтобы были распущены привилегированные части, состоящие из иноземцев,— варяги там разные, венгры, тавроскифы («Но именно они же обеспечивали столь редкие в византийской истории победы!» — думает Денис), чтобы генеральские должности перестали раздавать Комнинам и Ангелам («И язык у него не отсохнет? — иронически думает Денис. — А благодетель его, Врана, он не Комнин?»)... чтобы армия, пополняемая сыновьями крестьян...

Тут его услышал наконец оппонент, которым оказался уже напившийся и успевший протрезветь Ласкарь. При чем услышал он только последнюю фразу.

— Сыновья крестьян? — вскричал он. — Много ли их осталось, крестьян? Со времен иконоборцев (при упоминании этих нечестивцев все присутствующие закрестились) именем народа обманывают народ. Разорили монастыри, якобы землю их отдать крестьянам, а к кому попа-

ла та земля? К перекупщикам, спекулянтам, к тем же князьям суши и моря...

Перепивший пират Маврозум густо и хрипло хохотал, а его сосед Мурзуфл тщетно напрягал голос, желая возразить. Но привыкшая к простым и резким командам на плацу его глотка не могла справиться с шумом византийского пира.

Денис же размышлял о том, что во всемирной истории катаклизмы всегда стремились оправдать положением крестьян. Падение первого Рима — исчезновением свободных землепашцев, затем различные жакерии, под знаменем башмака, робин гуды. А взять у нас — борьба с кулачеством, комбеды, колхозы... Силился представить себе крестьян Византии 1183 года, но из этого ничего не выходило, кроме тупых и грязных морд, высывывавшихся из прокопченных землянок Филарицы.

И выходило, что история — это однообразный и нудный процесс, перетягиванье каната без надежды когда-нибудь и хоть что-нибудь выиграть.

И потом стыд его не покидал, хоть он старался его отогнать или забыть. Стыд за то, что он тут проповедовал в роли пророка, хотя люди ищут простейшего — как им жить завтра? И он мог бы, пользуясь экстраординарным для этих людей знанием — ведь он, хотя бы в общих чертах, знал историю этого времени, — честно сказать бы им, например, о разгроме их города крестоносцами уже менее чем через двадцать лет. И сами они погибнут, и их сыновья и внуки!

С другой стороны, а чему он учил отличному от привычного им христианского учения? Каждый да трудится в поте лица. Разве это не Христос? Нет эксплуататоров и эксплуатируемых, а всяческая и во всех Господь. Разве это не Он? Наконец, не хлебом единым жив человек, в годину всеобщего стяжательства и погони за личным обогащением...

Тут он как бы очнулся и увидел, что слуги уже гасят иные светильники. Большинство гостей разошлось, некоторые допивали, спешно провозглашая забытые здравницы. Теотоки так и не возвратилась, хотя на скамье ее скупал полусонный гном Фиалка.

Приблизился Ласкарь, доблестный акрит, здоровался, рассказывал о своей ране, которая, он признался, мучила, хотя он храбрился. Денис пригласил его жить к себе, и тот с радостью согласился. «Я буду учить тебя воинскому де-

лу! — обещал он. — В твоей новой должности это необходимо!» Так они и отправились вместе, распрощавшись с Манефой.

На византийских пирах никто — ни хозяева, ни слуги — не смел предлагать гостям закончить пиршество и очистить зал. Некоторые, пользуясь деликатностью хозяев, гостевали этак по неделе...

Странное явление представляли собой историк Никита и пират Маврозум, сдвинувшие друг к другу свои табуреты, они обнялись и беседовали настолько сердечно, насколько сердечно могут сойтись консерватор и аристократ с беспредельщиком и бывшим рабом. Не станем скрывать от доверчивого читателя — увы! Резвость крепкого хиосского была весьма повинна в этой сердечности.

— Она ушла, эта...

— Теотоки?

— Да, да, Тео-токи, ангел мой?

— Ушла...

— Дорогой, скажи, поче-му она уш-ла?

— Ну, она же замужем...

— А кто у ней муж — Врана?

Никита шаловливо грозил ему пальцем. Его всегда контролирующий, всегда все отмечающий рационалистический разум был на сей раз отключен, он даже не воспринимал такого удручающего обстоятельства, что завтра вся столица будет толковать о непонятной любви личного нотариуса его святейшества патриарха и безобразного однополого труженика моря.

— А вот скажи, дорогой... Это кто там сидит на ее месте, такой губастый и ушастый?

— Это гном Фиалка.

— Он любовник?

— Нет, что ты, он евнух...

— А не опасно это?

— Что, евнух?

— Да, да...

— Ха-ха-ха, чем же опасно? Все самое опасное ему выстриг врач! Некоторые наши барыни кладут евнуха к себе в постель, чтобы он их согревал...

— Вот это и опасно, дорогой! Я торговал евнухами, достоверно знаю. В Каире делают неполных евнухов, того самого, что между ног растет, у них нету, а по силе чувств они остаются полные мужики... Ха-ха-ха, дорогой!

— Как же они могут?..

— А так, пальчиком! Дырочку тебе поковыривают, ха-ха-ха! Некоторым особам это очень даже нравится...

Никита даже похолодел, будто в ледяную купель опустили. Он и протрезвел тут же. Его же невеста, Вальсамона, которой всего девять лет и которую под этим предлогом не отпускают к нему, Никите, в честной брак, при ней сразу два евнуха состоят.

— Ну, два не один,— пытается утешить его Маврозум.

Но все это уже бесполезно. Уничиженный Никита, напьялив на прическу, которую вчера целый день на Срединной улице делал ему модный куафер, расшитую золотом и жемчугом камилавку, опрометью кинулся вон.

3

На Золотой площадке Августеона всегда толпится праздный народ, окружая парадный вход в Большой Дворец. Иные надеются подать жалобу на очередную несправедливость, есть тут и те, которые чают при помощи придворных связей занять какую-нибудь хлебную должность. Многие стоят на всякий случай—вдруг будет какая-нибудь незапланированная раздача или милостыня. Но большинство зевак ждут новостей—извечная потребность человека в семантической информации заставляет стоять их тут часами и в жару и в стужу, а что же делать? Газет ведь нет, нет и радио, телевидения. Одни глашатаи, мальчишки-разносчики, да кумушкины сплетни, да поп если в церкви скажет злободневную проповедь, но поп тот обычно по лености своей еще хуже информирован, чем любой его культурный прихожанин.

Уж на Золотой-то площадке информация самого высокого качества—быстро, полно, достоверно—все три основных принципа современной журналистской информации уже тогда были представлены на Золотой площадке. Еще бы! Ведь Византия не только столица столиц, она и центр всех путей и сообщений.

Из уст в уста распространяется сообщение—вчерашний слух о том, что великий дука флота Контостефан утоплен в навозной жиже—неправда. Вот он и сам, Контостефан, его привезли все так же в путах, в посконном мешке на голове, здоровенные стражники быстро протащили его куда-то в недра дворца.

— Но, стало быть, он, как прежде, в немилости, за что же?

Тут присутствующие обратили внимание, что на обоих крыльях колоннады Большого Дворца собираются хоры. Это означало, что ожидается приезд самых высокопоставленных лиц, по византийскому неперемому этикету их встречать должны заздравными гимнами.

— Справа это кто же? Певчие от Святой Софии? Тото, видать, рожи постные да рты масляные... А эти, слева? Монахи от Эпиграммакона? Упитанные все как на подбор! Чего им не петь? По лавкам не бегай, по очередям за куском хлеба не стой...

— А что будут петь-то?

— Смотря кто приедет. Если принц Андроник, то, надо полагать, запоют то, что пели перед протосевастом: «О почитаемый на небесах златых...»

— Тихо, тихо! Едут!

Андроник спрыгнул с коня, демонстрируя свое молодечество, расправил усы, поднял приветственно руку, улыбнулся всему народу. Народ грянул:

— Да здравствует Андроник!

Хористы запоздали на два такта, и это их сгубило. «А это что за богадель?» — принц указал на них хлыстом. Тут певчие и затянули свое: «О почитаемый на небесах златых...»

— Гоните их в шею! — приказал принц. — Что призадумались? Гоните их смелее! Мне не нужна церковная музыка, пусть идут на свои паперти и амвоны!

Принц хорошо учел настроение народа. Когда его приспешники хлыстами погнали бедных монахов, народ еще более воодушевленно завопил:

— Да здравствует Андроник Великий!

Принц вступил во дворец, а народ принялся именовать всех его министров и генералов, следовавших за ним. Справедливости ради следует сказать, что каждому имени соответствовала и своя аттестация, но, может быть, из-за отсутствия у них печати, прессы она несколько непечатна и по нашим правилам мы не станем ее воспроизводить.

— Смотрите, Агиохристофорит... (аттестация гораздо более соленая, чем пресный Антихристофорит). Каллах... Андроник Ангел... Дадиврин... Васька Каматир (этому за честную физиономию и вечное стремление к патриаршеству давали самое острое прозвище)... Исаак Ангел...

Кто-то удивился, что у придворных щитоносцев, всег-

да отличавшихся щеголеватостью, вдруг неожиданно провинциальный вид.

— Да это не прежние варяги... Принц велел в придворную охрану везде поставить пафлагонцев.

— Православные! — пищал кто-то. — А точно ли, говорят, что тессеры на продовольствие теперь перестанут раздавать? Что всем, кто по спискам, теперь надо подыскивать работу?

Никто никого не слушал, хотя каждый громко говорил о только что услышанных нововведениях.

— Ведь это как же... — продолжал пищать беспокоящийся о тессерах. — Ведь это помрем с голоду?

Принц со свитой прошел прямо на хозяйственную половину дворца, прислуга трепетала. Еще третьего дня Андроник приказал вызвать всех чиновников, которые не явились в присутствие, сославшись на болезнь. Придворные врачи их освидетельствовали, у кого нашлись хоть какие-нибудь уважительные симптомы (насморк, понос, зуб шатается, в глазах мельтешит), те были отпущены с миром. Прочих же (а их оказалось много!) поставили на колени в собачьем дворе Охотничьего корпуса. Императорские собаки подходили к ним и обнюхивали с сочувствием. Так всю ночь они простояли, ожидая воли принца. Говорят, что даже патриарх Феодосий за них ходатайствовал, ведь среди них были детные!

Андроник близко к ним не подошел, оглядел их унылый строй из-под столбов галереи.

— Так я и думал, — сказал он. — Набор тупых, ленивых, жадных физиономий, хоть выставку устраивай... Но прогнать совсем их я сейчас не в состоянии, ведь верно. Каллах?

— Так точно, — отвечал, как всегда, тот.

— А ты что скажешь, синэтер? — обратился принц к Денису.

«Что ему посоветовать? Набрать вместо них новых из числа рабочих и крестьян? Смехатура!» — и отвечал в тон Каллаху:

— Так точно, высочайший.

Принц покрутил ус и приказал отпустить несчастных симулянтов по домам.

Андроник шел по анфиладе зал, наполненных пришедшими сказать ему «доброе утро» придворными. В зале, где были выстроены всадники (рыцари, кавалеры), он любезно раскланивался на обе стороны, многих узнавал

в лицо, жал руки. В зале, где стояло сословие сенаторов (синклитики, магистры), он шествовал с усмешкой, высокомерно кивая царственной головой. Через залу, где ожидали деспоты (господа, царевицы, кесари), он промаршировал чуть ли не бегом, краем рта не улыбнулся. Все это тоже было пищей многотрудных размышлений придворным мудрецам.

В катихумене, которая служила для приемов, он увидел человека, стоящего на коленях с грязным мешком на голове.

— Кто это?

— Контостефан, ваше высочество. Как ты приказал.

— Зачем же так? — поморщился Андроник. — Агиохристофорит, узнаю твои излишества! Небось уж и язык вырезали?

— Никак нет. Но рот заткнули. Непрестанно клянет тебя, всевысочайший.

— Все равно необходимо развязать, чтобы дать человеку возможность оправдаться, в чем его обвиняют. Это естественное право каждого.

В залах и катихуменах принялись шушукаться, обсуждая эти слова правителя.

Пафлагонцы развязали бывшего адмирала, он некоторое время мигал, приспособившись к яркому свету, потом, узнав Агиохристофорита, а затем и Андроника, зарычал самые гнусные ругательства. Агиохристофорит обратил весь свой жирный корпус к принцу — вот видите, мол?

Адмиралу освободили руки, и он тотчас затряс правой рукой в воздухе, наверное, затекла. Но охраннику, который, как положено, стоял возле принца с обнаженным мечом, вероятно, показалось, что преступник замахивается на правителя.

Сталь сверкнула, и отсеченная рука Контостефана полетела в угол. Никто не успел сообразить, что происходит, — адмирал не упал, а вскочил на ноги от ужаса и боли. Ободренный успехом охранник вторично описал круг мечом — и покатила голова красавца Контостефана с выраженьем изумления на лице.

— Ну что вы, что вы... — огорчился принц. — Вы думаете, он хотел на нас покушаться? А если наоборот — он хотел нам в верности присягнуть? Ах, как жаль, как жаль мне этого мужественного морехода, верного слугу империи...

Однако охраннику был пожалован крупный золотой (иперпер) за проявленную бдительность, уборщики, которые во дворце всегда начеку, присыпали кровь на мраморе песочком. Залы, наполненные чинами трех сословий, от обалдения молчали.

— Поверьте, я искренне огорчен,— крутил свой ус Андроник, хотя никто из окружающих ни словом не усомнился в этом.— Когда же мы перестанем решать свои дрызги излишней кровью?

«Кто он?— думал Денис, наблюдая эту действительно искреннюю печаль.— Артист или шизофреник? Он ведь убеждает себя сам!»

Андроник переместился в другой край катихумены и там тоже увидел стоящих на коленях, правда, без мешков и пут.

— Господи, помилуй! А эти кто такие?

Выдвинулся расфранченный и завитый, как барашек, Алиятт, при прежних режимах хранитель императорской чернильницы.

— Это, всевысочайший, кандидаты на пост великого вождя флота, по случаю кончины... э-э... покойного Контостефана.

— Хм!— усмехнулся принц.— У вас уж и кандидаты... Сколько их, двое? Ну что ж, хоть в этом будем следовать демократии, выберем достойнейшего. Докладывай! Только помни, о чем мы говорили вчера при открытии синклита,— о каждом не только хвалебное, но и его недостатки.

— Слушаюсь, всевысочайший, как тебе будет угодно!

— Да не мне, как вы не можете понять... Это угодно государству, это закон, право, черт побери... Прости меня, Господи, опять нечистого помянул!

Все придворные, стоящие большим кругом в ослепительно парадных одеждах, смотрят все понимающими и на все готовыми глазами.

— Ладно!— махнул Андроник и сел на кресло с высокой спинкой.— Докладывай!

Кандидаты на должность встали с колен, а барашек Алиятт раскрыл первое досье и начал читать:

— Михаил Стрифн, в ранге наварха (что, по-нашему, соответствует капитану первого ранга). В послужном списке военная экспедиция в Сицилию, также усмирение мятежа на Кипре.

— Стрифн?— Андроник подергал свой висячий ус.—

Уж не тот ли, который изобличен был в том, что казенный шпангоут воровал и тем же сицилийцам сбывал?

Кандидат вновь пал на колени, а Алиятт судорожно листал его досье.

— Следующий! — повелел принц.

— Маврозум, труженик моря... В императорском флоте не служил...

— Этот одноглазый, что ли? — указал на него принц. — Слушай, а почему у тебя один глаз?

Потомок знатных мавританцев отвечал ему без малейшей робости, хотя на всякий случай опустил рядом со Стрифном.

— В старинном сказании, всевысочайший, говорится, что у человека один глаз видит добро, а другой зло. Таким образом человек и познает, если можно так выразиться, сразу весь рынок оптом. Разве не так, дорогой? — увлекшись, он совсем позабыл, где и перед кем находится.

— Так, так, — рассеянно сказал принц. — Но ты-то, ты-то сам?

— А что я... Мне Господь оставил тот глаз, который видит добро, но я почему-то видел только зло.

Посмеявшись, Андроник спросил: не тот ли это Маврозум, который с фелюгой шалил у берегов Амастриды?

«У него память, как у беса!» — опять поразились царедворцы, а сам Маврозум с колен ответил, не дожидаясь, пока Алиятт кончит листать его досье:

— Изобличен в морском разбое...

Андроник встал со своего преторского стула и подошел к полумертвому от ожидания расправы Алиятту. «Ты что мне сюда всех изобличенных приводишь? Я тебе что, местечковый, что ли, судья?» Он заготовил уже и вопль оправдания: «Смилуйся, ведь я тридцать лет служил твоему брату Мануилу!»

Но принц без лишних слов и обвинений сорвал с бедного Алиятта его курчавый парик, заказанный в Египте.

— А! Как ты смеешь, мразь, парик носить, когда начальник твой лысый?

Андроник шутливо толкнул растерянного Алиятта к Каллаху, тот посильнее отфутболил его в сторону Пупаки, но по дороге Алиятт, балансирувавший, чтобы не упасть, наступил на мозоль Исааку Ангелу. И рыжий этот царедворец, нимало не стесняясь, задрал полы своего скарамангия и так поддал Алиятту коленкой, что хранитель

царской чернильницы вылетел вон, пересчитывая по пути ступеньки входной лестницы.

Андроник пожал плечами и воззвал: «Макремволит!» Из его свиты тотчас выдвинулся трудолюбивый диакон в stole, расшитой, как всегда, искусным крестиком.

— Веди протокол!

Дела пошли решаться с обычной скоростью.

— Вот что, ребята, — сказал Андроник обоим кандидатам, поднимая их с колен. — Мне сейчас недосуг решать, кто из вас достоин командовать флотом великой империи. Жизнь решит это сама. А вот вам обоим боевое задание — тут один беглый генуэзец, как его, Исаак?

— Амадей, — подсказал Исаак Ангел.

— Точно, Амадей! Мы его, правда, обидели когда-то, ну что делать, кого мы только не обижали? Так вот этот Амадей стал захватывать наши военные суда, совсем прекратил подвоз хлеба к столице, епарх докладывает, что запасов осталось на трое суток, хотя, по-моему, это, скорее, от местного воровства, чем от мифического Амадея...

Принц большими шагами прохаживался вдоль строя придворных, и все поворачивали взгляды за ним.

— Берите корабли, экипажи, сколько надо, деньги... Только чтоб с этим Амадеем было покончено. Как видите, я не запрашиваю с вас по двести тысяч, как этот стрекулист в парике. Кто доставит мне голову Амадея, тот и будет адмирал!

Аудиенция заканчивалась, принц перешел в малую костюмерную, где переодевался уже третий раз за этот день, хотя не было еще десяти часов утра. Что же, таков был этикет византийского двора!

— Ты где пропадаешь, синэтер? — спросил принц.

Денис объяснил: по милости принца указом василевса Алексея II ему пожалован целый дворец. Отпуск же принц ему не дает...

— Отпуск! Ты лучше скажи, как твои впечатления?

— Какие прикажешь впечатления, всевысочайший?

— Ну, не придуривайся. Хотя бы от сегодняшнего утра.

— Какие впечатления! Ты же обещал не допускать излишних жестокостей, пролития крови... И потом еще спрашиваешь, какие впечатления!

— Жестокостей, крови! А ты обещал не судить обо всем с точки зрения твоего идеального времени... А вот

я продемонстрирую тебе одну примечательную штучку. Евматий!

— Здесь, всевысочайший,— отозвался всегда готовый диакон и с ходу принялся читать, даже с известной декламацией:

Нет, не принц с его десницей,
Умный и пригожий,
И не варвар с колесницей,
С неумытой рожей.
Только ангел сил небесных,
Сил неведомых, чудесных,
Только ангел, только ангел
Нам теперь поможет...

Вестиарии сняли с правителя простыню, обмахнули следы бритья, и принц в облегающем трико, стройный, как цирковой жонглер, сошел с цирюльничьего кресла.

— Эти стишки... эта песенка...— принц в гнев поднял длань, как трагический актер.— Ну почему, скажи, ну почему вчера так призывавшие меня сегодня они обратились к Ангелам? А эти коварные Ангелы...

«Что же с тобой говорить,— размышлял Денис,— если ты никак не можешь понять, о каком ангеле они поют?»

— Вот! — заключил принц.— Сейчас отпущу тебя для устройства домашних дел. Но вот что хочу сказать для завершения сегодняшних впечатлений — людей нет. Нет людей! — почти прокричал он.— Такие, как ты, Каллах, Евматий, Никита, несмотря на его вечные противоречия,— раз-два и обчелся! Дай мне людей! Может быть, закажем Сикидиту, чтобы понабросал нам людей из вашего века?

«А правда,— думал Денис,— где они, люди-то? Взять хотя бы младших Русиных — Фома, Сергей, Гавра... Они ребята честные, перестройки бы хотели, но ведь их надо еще элементарной грамоте учить! Но про людей двадцатого века он перегнул. Сикидит тотчас ему перетащит революционеров, способных лишь воздух портить на комсомольском собрании...»

А принц напоследок распалился окончательно:

— Царствовать! А над кем царствовать? Скажи, Исаак, как по-гречески будет то, что по-славянски называется тьма, а по-туркменски — туман, скажи!

Исаак рыжий, вечный слушатель его назиданий, не заставил себя ждать:

— Скотос, всевысочайший, скот. Скот! — еще раз для достоверности повторил он.

— Вот видишь — скот! Скот беспрозванный, вот кто это!

Андроник поднял руку, отпуская синэтера.

Медленно ехал вниз по спуску улицы Денис, не мешая лошадке Альме тянуться то к лопушку, то к крапивке. Молча ехала за ним его дружина, которая теперь была положена ему по новому званию, впереди молодцеватые ребята Русины, а отец их остался капитаном в тагме. Действительно, ведь они не умели ни писать, ни читать.

На скрещении улиц у Сергия и Вакха была заросль шиповника. Шиповник буйно растет на вытоптанной и заплыванной земле вселенской столицы, его алые цветы почти напоминают розы. И здесь из-за заросли густого шиповника тихо едущий Денис услышал мерный мужской голос, говоривший громко и с какой-то угрозой:

— Бледный конь в облаках, имя которому смерть. Племена земные тоскуют, предчувствуя кончину мира. Солнце мрачно, как власяница, луна сделалась, как кровь... Люди скажут горам и камням, падите на нас и сокройте нас от лица сидящего на престоле и от гнева агнца, ибо приходит великий день гнева его и кто может устоять?

«Апокалипсис, — определил Денис и отвел рукою шиповник, чтобы посмотреть, кому там этот хорошо натренированный голос читал священную книгу. Оказалось, что у старой кирпичной стены церкви некто в ветхом гиматии вещает, раскачиваясь, полузакрыв глаза. Но главное — целая толпа, несколько десятков прохожих, разносчиков, солдат, бабок, теток каких-то, стоит сосредоточенно на коленях и не просто слушает — внимает!

— Павликианин, что ли? — решил Денис. Он на малом пиру у Манефы выстраданное, продуманное, самое заветное выложил им, и кроме вежливого молчания получил ли что-нибудь он от них? А здесь не просто слушают — внимают!

4

Кто это такой несчастенький, кособокий пробирается меж рядов Крытого рынка, торговли косятся на него, как бы он не потребовал дать ему на пробу того, другого товара. Отказать нельзя — таковы правила рынка, а он по-

пробует, да не купит. Напробуется себе, и обедать ему не надо.

Да это же Торник, вы не узнали? Это Торник, любимый сын профессионального клеветника Телхина, тот самый, которого в раннем его детстве не то мул, не то осел лягнул копытом. Торник, и без того имеющий от природы жалкий вид, на сей раз еще более несчастен, потому что отец строго велел ему зарабатывать на жизнь и давать что-нибудь в семью.

Но здесь его все прекрасно знают. Халкопраты делают здесь тазы, как это они делают? Берется лист хорошо прокатанной, отжатый македонской меди, блистающий, как щит Ахиллеса. Накладывается на деревянный шаблон, хорошенечко отмеряется. Затем халкопраты, мужики здоровенные, делают самые зверские лица, на которые они только способны, и лупят по листу с шаблоном деревянными молотами. Стоит звон такой, что барабанные перепонки готовы лопнуть.

Так постепенно получается медный таз византийского производства. Тут же и торговля идет — восточные дородные купцы в огромнейших чалмах только ахают и щелкают языками. Затем начинается их дорога в бессмертие. Призрачные корабли везут их по туманным морям, караваны вьючных животных, похожих на драконов, перемещают их за горные хребты высотой до небес, люди с лицами плоскими, как луна, дарят их своим новорожденным младенцам...

И стоят они возле тронов заморских владык — королей, князей, — как в ослепительной Византии рядом с тронном стоит какая-нибудь ониксовая чаша, так в ирландском Дублине или в мордовской Суздали красуется начищенный до блеска медный таз.

И последнее, что можно про этот красавец таз сказать, так это то, что в каком-нибудь вятичском Мценске, на берегах тихой лесостепной Зуши, если вдруг (не дай Бог, даже и подумать страшно!) случится какой-нибудь черный мор или к деревянным запертым воротам посада вдруг подскочут косоглазые всадники в меховых малахаях, поселяне кинутся в свои огороды, где у них заранее заготовлены ямы для сокрытия кладов. Богатый положит подвески из самоцветов и колечко с янтарем, а кому уж совсем нечего класть — тот зароет медный таз... И забудет про него или сгинет где-нибудь в промозглой татарской степи. И дойдет таз этот до наших времен, и будет красоваться

в музее, и немым своим языком никак не сможет нам рассказать, какое было яркое, солнечное щедрое утро в столице всех столиц, как пробирался вдоль рядов несчастный Торник, и, узнав его, халкопраты задержали безжалостный бой своих молотков и закричали:

— Эгей, Торник, это ты?

— Это я,— обреченно сознался сын клеветника.

— Хочешь заработать монетку?

— А как?

— Как, обычным путем. Рассказывай нам, что происходит во дворце, а то нам бросать работу недосуг.

Неистовые молотки легли на отдых, а Торник, воспряв духом, рассказал, как принц Андроник явился во главе шествия столь великолепного и многолюдного, что, по всеобщему мнению, затмил все шествия когда-либо бывших правителей империи. Торник даже приосанился, что было нелегко сделать при его убожестве, и, обнаружив актерский талант, провещал с интонацией дворцового глашатая:

— Римляне, славнейшие и сильнейшие!

Некоторые из халкопратов захохотали, другие стали шикать и призывать ко вниманию.

Из воспроизведения Торника стало понятно, что, стремясь ко всегдашнему благополучию и процветанию римского народа, его император Алексей II (царь-то был все тот же) и его неусыпный наставник (Торник так и воспроизвел — неусыпный наставник) принц Андроник предполагают великие дела. Будет порядок в судах и учреждениях, вымогательство и взятки будут строго караться...

— А, это мы при каждом новом правителе слышали! — сказали халкопраты. — А копнуть в учреждениях — вор на воре.

— Однако каждый обвиненный, — продолжал, набираясь пафоса, сын клеветника, — да будет судим принародно. Да прекратятся казни и расправы, членовредительства — выкалывания глаз и отсечения рук более не будет!

— Да здравствует великий Андроник! — кричали халкопраты и стучали молотками в такт.

И так как Торник объявил еще и о том, что будет пересмотрена грабительская система налогов, что с конкуренцией иностранцев будет решительно покончено (что, кстати, очень хорошо было продемонстрировано сожжением слободки генуэзцев и за что поплатился несчастный Контостефан), народ пришел в неистовство, все, кого не удержали,

живали неотложные дела, бежали к Святой Софии лично взглянуть на милостивого принца.

Торнику велели подставить пригоршни и насыпали ему мелких, полустертых, но все же настоящих медных монеток.

Торник поковылял по Срединной Месе восвояси, недалеко от монумента Быка увидел своего папашу и затрепетал.

— Что-нибудь заработал? — поинтересовался родитель. — Покажи!

Из заскорузлых пригоршен Торника он тотчас выкинул новенький и кругленький персидский динар.

— Фальшивая!

Прочее он сосчитал, хмыкнул, сосчитал второй раз, что-то отложил себе за пазуху, остальное ссыпал в кошелек себе же.

— Мои деньги... — захныкал его сын.

— А ты не рассказал там, — спросил Телхин, делая вид, что он не слышит стенаний сына, — как принц Андроник плакал на гробнице своего царственного брата Мануила? Как я тебя учил, ты сам-то не плакал при этом рассказе? Ты не рассказал далее, как три часа его не могли уговорить сойти с той мраморной плиты?

— Нет, папа, — смутился юноша. — Я не успел. Они все как побегут!

— Тогда ступай теперь на Большой рынок и повтори рассказ там, если там не побывали уже другие мальчишки.

— Отдай мои деньги!

— Чего орешь! — зашипел клеветник. — Хочешь, чтобы нас стражи уха схватили?

— Отдай мои деньги! — орал Торник, топя здоровой ножкой. — День-ги мо-и от-дай! А то буду говорить все наоборот: что принц твой хохотал, а не плакал, что не он ходил на могилу, а могила пришла к нему, что вообще пусть все идет к чертовой матери, а диавол всем владеет!

Трудно передать ужас, в который был повержен бедняга Телхин. Но и тут его сыну не достались заработанные деньги. Словно рачьей клешней, умело ухватил его папаша за оттопыренное ухо и повлек его, вопящего, плюющего, кусающегося, куда-то в проходной двор на расправу.

А строго запланированное и отрепетированное величественное шествие правителя принца Андроника на поклон к святейшему патриарху Феодосию продолжалось. Вовсю

звучали приветственные хоры, хотя, как говорят, принц недолго любил церковной музыки. Знатоки этикета могли всласть поговорить о том, каким чинам присущи золотые тканые скарамангии и багрянотканые лоры, а каким золотозеленые, и наоборот.

— Послушай, Каллах,— окликнул принц наперсника, который неотлучно двигался рядом, улавливая малейшее желание повелителя, которому ведь доставалось туго в роли первой куклы сегодняшнего фестиваля.— Послушай, что это за шествие спускается с того пригорка нам наперез?

Действительно, с улицы Магнавры с пением акафистов и стихир надвигалось шествие хоть по численности не столь великое, но по пышности не уступающее шествию принца. Мерно ступали ликторы— стража, присвоенная только императорским особам, колыхались священные знамена, в том числе лабарум— хоругвь самого великого Константина равноапостольного.

— Неужели это сам всесвятейший, христоробивейший наш автократор, самодержец!— ахнул Каллах.

— Фертюк!— выругался на него принц, не меняя, однако, казенно улыбчивого выражения лица.— Нашел когда в титулованиях упражняться! Узнай мгновенно, кто эту гадость мне подстроил!

А это действительно была для принца большая гадость в условиях сегодняшнего распорядка. Ведь при встрече двух шествий принц был должен совершить преклонение ниц перед малолетним императором и все такое, что читатель, уже искушенный в византийских порядках, может себе представить.

Каллах мигом все узнал и встал на свое место рядом сдвигающимся повелителем.

— Лапарда это подстроил, всевысочайший, Лапарда. Федор Лапарда, никто иной. Ведь он по чину воспитатель несовершеннолетнего императора, но вспомнил об этом со дня прибытия вашего высочества в столицу только.

— Лапарда!— зашипел принц сквозь парадную улыбку.— Негодяй! Он же в Энейоне был, ниже всех гнул перед мною хребет, зараза!

У паперти Святой Софии, которая по величественности равняется ступеням бессмертного Парфенона, конфликт разрешился миром. Оба грандиозные шествия слились, Андроник, не делая преклонений, подошел к царственному юноше, обнял его, стал гладить по кудрям,

спускающимся из-под алмазной короны. Самодержец был печален — уже почти целую неделю он не видел своей мамы. Лицо его было более, чем всегда, бессмысленным, губа отвисла, и изо рта вырывалось нездоровое дыханье. Грациозная девочка с косой, также в алмазной короне, неслала его длинный шлейф.

Народ уже не кричал здравиц. Народ просто плакал от умиления.

Но тут случилось непредвиденное. Христолюбивый взгляделся в лицо ласкающего его Андроника и закричал пронзительно, даже как-то безнадежно. С силой (а психически ненормальные, как известно, обладают большою силой) он оттолкнул Андроника, так что принц отлетел на строй своей свиты, теряя по дороге атрибуты своего шествия — золотой жезл, государственное яблоко, любимые им боевые перчатки. Охранники не знали, что делать, в любой момент можно было ожидать нападения юного императора на особу принца.

Выручила девочка. Она подбежала к василевсу, опустила перед собою этого верзилу на колени, накрыла голову своим платом и под его защитой шептала ему что-то, и целовала, и уговаривала.

Принц объявил, что император, к сожалению, болен, у него простуда, потребовал врачей. Глашатаи разнесли эту весть по городу, а мальчишки на рынках за эту весть огребли большое количество медных оболков. Быстро подъехала закрытая со всех сторон кожаная фура, императора возвели туда с молодой женою, и они удалились в свою постоянную резиденцию под утроенной охраной из пафлагонцев.

Дальнейшее передаем со слов тех же мальчишек — разносчиков новостей. Вступив в собор, Андроник быстро прошагал к амвону, нарушая этикет. Там ожидал его вечно насупленный, седобровый и носатый Феодосий, удрученный грузом лет.

— Отче! — завопил Андроник, и при том резонансе, который был в этом дивном творении архитектуры, глас его покаянный вознесся в самые купола. — Отче! Грешен я, грешен!

И пал лицом на каменные плиты, и кричал покаянно о том, что никому не верит, что всех подозревает, что нет у него близкого человека, который, как эта венценосная девочка, закрыл бы его лысую голову платом и шептал бы ему слова утешения...

Патриарх со своего кресла слоновой кости трижды просил кающегося подняться. Но тот все плакал у ног владыки и даже лбом бился о мрамор. Тогда Феодосий сам слез с кресла и опустился рядом с ним. В храме была такая тишина, что было слышно, как голуби по-своему разговаривают в недостижимо далеких окошках куполов.

Феодосию все же удалось успокоить рыдающего правителя. Началась служба, которая была недолгой, все устали от впечатлений этого многоярусного дня.

Андроник об руку с владыкою прошествовал в его ризницу, там им подали укрепляющее питье и оставили вдвоем.

— Отче! — сказал Андроник, поднося ко рту пиалу с напитком. — Освободи меня от клятвы.

— От какой, позволь, позволь...

— Помнишь, которую я дал при твоём участии императору Мануилу, когда он отпускал меня в Энейон.

— Это о чем же, позволь, позволь...

— Клятва в верности его сыну Алексею, который ныне император Священной Римской империи в Византии.

— Боже! — не в силах был выговорить ни слова престарелый патриарх.

— Знаю, что ты хочешь мне сказать, — твердо говорил Андроник. Ни слезинки не было в его непреклонном голосе. — Но ты же умный человек, святой отче, один из немногих светлых умов среди византийской тьмы. Ты должен понимать, при таком царе страна наша погибнет!

— Ты хочешь его убить! — стонал Феодосий. Он все уронил — и тяжеленный посох, и кипарисовые четки, и фарфоровую пиалу.

Но тут мы опустим занавес нашего повествования, не смотря на то, что литературно это очень выгодная сцена, достойная пера Дрюона или Пикуля. Мы скажем только, что, к досаде своих многолюдных свит, дожидавшихся их, они проговорили там до полной темноты, и никто, даже дотошный Никита, не сообщил нам, чем закончилась эта беседа.

Уже пробили раннюю заутреню, менялась ночная стража, в своей опочивальне Андроник в легкой тунике мерял кувикулу шагами. При нем был один Каллах, который в излюбленной позе сидел на коврике, как большая породистая собака.

— Был у меня Лапарда,— говорил ему Андроник.— Да, ты же его и вызывал.

— Ну и что? — спросил Каллах. Он отлично понимал, что принцу нужен собеседник, хотя у самого Каллаха слипались глаза.

— Злая натура, оборотень. Молил: ослепи, мол, вырви мои глаза, а я, мол, иначе не могу...

— О чем это он?

— Ну, он прекрасно понимает, что речь идет о самом царьшке этом, Алексее...

— Ну и что ты, всевысочайший?

— Что я? Я, как всегда, ограничился полумерой... На твоего Алексея мы не покушаемся, Боже сохрани, а вот дадим ему другого воспитателя. А в принципе он нам не мешает, этот Алексей, пусть себе царствует...

Из-за двери раздался колокольчик — дежурный адъютант вызывал Каллаха. Тот вышел, вернулся:

— Агиохристофорит спрашивает твое высочество. Он сегодня тебе еще нужен?

— Пусть зайдет на минуту. А ты, прости меня, побудь там.

Вошел совсем сонный, похудевший от событий последней недели Агиохристофорит.

— Послушай,— спросил его принц.— Ты у нас всезнайка. Скажи, кто такой этот Дионисий из рода Археологов?

Агиохристофорит только развел руками. При его толщине это была естественная поза.

— Да, да,— сказал принц,— ты сейчас заявишь, что я, мол, сам рассказываю всем, как Сикидит вытащил его через мглу веков, и все такое...

Принц походил по кувикуле, прикусил щипчиками нагоревшие свечи, перекрестился у икон. Повернулся к Агиохристофориту:

— А что, если поискать его родичей где-нибудь возле Рыбного базара или Золотых ворот? Уж больно хорошо он по-нашему говорит. Но дело даже и не в том... Может быть, где-нибудь до сих пор живут его мать или сестра или кто-нибудь другой...

— Понял, всевысочайший,— ответил Агиохристофорит.

Принц вызвал Каллаха и стал готовиться ко сну.

Суламифь любила наряжаться. Дай ей волю, она бы, как легендарные царицы Феофано или Зоя, каждый день меняла бы платье. Неустроенная жизнь войсковой марки-тантки не давала ей возможности проявить себя в этом. Да и то сказать, сколько раз жизнь раздевала ее догола и приходилось начинать все сначала!

Это она, Сула, объявив себя домоправительницей мо-гущественного синэтера, господина Дионисия, во-первых, импозантно экипировалась сама. Она купила себе в шел-ковом ряду роскошный женский кафтан, правда, без сим-волов и знаков, которые указывали бы чин, зато расши-тый столяр роскошными орхидеями, что пестрило в глазах при одном на него взгляде. Она ухитрилась положить себе на плечи лор самой радужной расцветки, наивно полагая, что у самой госпожи Исаак Ангел, жены рыжего любимца империи, а теперь первой по чину придворной дамы, нет такого лора. Роскошные соломенные косы, которые она каждый день со слезами и стенаниями расчесывала лоша-диным гребнем, но срезать не желала, она увенчала целой тиарой. О, это было сооружение из позолоченной меди, обильно украшенное жемчугами, перламутром, насыщен-ные алмазами самой изысканной огранки.

«Показаться бы сейчас этим шлюхам из тюрьмы Сан-Петри», — размышляла Сула, поворачиваясь перед зерка-лом, чтобы рассмотреть тиару со всех сторон, хотя пре-красно понимала, что сейчас ей и о шлюхах, и о Сан-Петри лучше бы помалкивать...

Когда она входила в новоприобретенный дворец свое-го благодетеля, местные попрошайки валились на колени, вопя от восторга, будто бы перед ними сама царица Сав-ская, шествующая к Соломону... Кстати, этот дворец то-же ее заслуга. Собственно говоря, это не дворец, а очень уютно расположенный двухэтажный особняк с крыльями и флигелями в фешенебельном квартале Дафна, между ипподромом и Большим Дворцом. Когда был получен указ императора Алексея II о возведении в ранг синэтера Дионисия Археолога и о награждении его дворцом за со-вершенно исключительные заслуги перед тронem, Сула, выхватив хрисовул из рук исполнявшего его чиновника, побежала с ним в дворцовое ведомство и сделала заявку на давно облюбованный ею особняк в квартале Дафна, в благодатных рощах и кущах. Правда, это был бывший

особняк покойного протосеваста Алексея, первого министра, но, во-первых, у протосеваста было этих особняков неисчислимо, говорят, он и взятки брал особняками. А вторых, все его имущество было конфисковано казной. Там и обстановочка сохранилась, не очень экстравагантная, но все же...

Суламифь сумела запудрить мозги чиновникам своей будто бы близостью к Агиохристофориту, чьего имени боялись больше, чем поминания врага рода человеческого. И вот...

Денис вошел, на ходу сбрасывая придворную хламиду, мечтая растянуться на каком-нибудь ложе. К нему подскочили сразу двое чернокожих, один принял плащ, другой без специальных приглашений взялся расстегивать сандалии Дениса, чтобы надеть домашние меховые туфли.

Тут как тут и сама боевая Сула, вертя головою, чтобы можно было рассмотреть всесторонне ее удивительную тиару.

— Еще не все у нас в порядке... Будут глашатаи, которые в покоях твоего дворца станут бежать перед тобою, открывая на твоем пути двери и возглашая тебе здравицу, генерал!

— Я не генерал,— сухо ответил Денис.

Сула, словно многоопытная супруга, пропустила мимо ушей недовольство своего сюзерена (устал, бедняга, целый день толокся во дворце!) и продолжала расписывать нововведения в его синэтеровском быту. Повар куплен настоящий, египетский, с соответствующим сертификатом!

— Сула! — повернулся к ней Денис. — Ну зачем все это?

— Как зачем? Живем-то один раз. Кроме того, ты теперь господин синэтер, правая рука могущественнейшего из властителей всего мира! Дурачок ты, дурачок, мой генерал! У тебя должны быть теперь и дачи, и купальни на берегах Мраморного моря...

И поскольку он все же не проявлял заметного интереса ни к дачам, ни к купальням, она не выдержала, сказала:

— Приезжала бы из деревни твоя Фотиния... Это ее дела, ее заботы, ну какая она тебе жена?

Тогда Денис просто иступленно закричал на нее:

— Сула!

Она взглянула на него исподлобья и пошла себе, навистывая, напевая. Долго в анфиладе зал звучала ее независимая песенка:

Эти глазки, эти ласки,
Каждой позы каждый штрих,
Эти бешеные пляски
Стоят денег, и больших!

По денарию улыбка,
По оболу взмах ресниц,
Вздорожала нынче рыбка
В ресторанах всех столиц.

Но тебе не так, как прочим,
Мой мечтатель и чужак,
Все, что любишь, все, что хочешь,
Ты получишь просто так!

Потом, уже глубокой ночью, поворачиваясь на другой бок — рука затекла, — весь во власти сна и бессилия, Денис понял, что Сула где-то здесь. Отправив куда-то его дежурного чернокожего, она, в одной распашонке, стояла над ним. Денис хотел ее оттолкнуть, но она зашептала, глотая слезы:

— Не бей, не бей меня, я же до тебя не касаюсь... Но выслушать ты меня должен... Что же она не едет, не спит с тобою, что же? Ведь войны сейчас нет... У нее кто-нибудь там есть, в этой вашей Филарице!

Денис мигом поднялся, требуя, чтобы она ушла. Сула упала на пол, расстилая кругом себя свою великолепную ночную распашонку. Денис в исступлении сделал то, что она и предрекала ему когда-то. Он сорвал висящий над ложем гуттаперчевый хлыст и принялся ее стегать, а она не бежала, а поворачивалась, как бы подставляла себя под удары и стонала:

— О-о, твои удары сладостнее поцелуев! О-о!

Тогда он отшвырнул хлыст, пал ничком на постель, зарылся носом в подушки. Он, Денис, ударил женщину! Он, Денис, бил человека! Он, Денис, убийца уже, теперь стал и зверем!

Сула, сидя на полу, беззвучно плакала, можно было только услышать ее всхлипы. «Гей, внимание!» — кричала у далекого дворца ночная стража.

Он нагнулся к Суле. Задрав край распашонки, она при слабом свете лампадки рассматривала рубцы, которые он нанес ей.

— Видишь, до крови! — словно обиженный младенец, сказала она, оттопыривая губы.

Тогда он не знает сам, как это получилось. Он поднял ее, грузную и податливую, в свою постель, и вот уже он погружается в сладостный обморок ее, скорее, материнского тела, припахивающего драгоценными притираниями. И вот уж он, сам не знает как, преодолев ее любовную готовность, находится внутри и испытывает блаженство, нестерпимое, как ожог.

Потом сон, словно обморок в колодце, потом ее поцелуи, она прощается с ним, потому что уходит к себе, и заявляет с усмешкой:

— Скажу, потому что ты все равно завтра прогонишь меня со двора. У Сулы было не так много мужчин, ну, человек сто. Но ты, ты, волшебник Дионисий, единственный и неповторимый. И как это так бывает?

Уже надевая свою распашонку и персидский халат (оказывается, на ней был и халат), она еще раз засмеялась, как запела:

— У, толстопятая Сулка, наконец-то и тебе повезло!

Разлепил глаза, когда утро было уже в разгаре, как это теперь часто с ним бывает, не сразу поняв, где он находится. Искал глазами привычную золотисто-бурую Влахернскую богоматерь, но она осталась в прежней кувикуле. На стене опочивальни покойного протосеваста безвестные умельцы выложили из смальты великолепную мозаику — Брак в Кане Галилейской. Это там, где сказано: в старые мехи нельзя лить новое вино.

Началась его придворная жизнь. Явился к нему чиновник из ведомства Высоких Врат и предложил по утрам приходиться на репетиции церемоний по случаю ожидающейся коронации принца в качестве полноправного императора, соправителя христолюбивейшего Алексея II.

И вот почти каждое утро в ветхом, но чисто подметаемом зале старого дворца Вуколеон ловкий церемониймейстер, приговаривая: «Р-раз, два, три, и-и раз, два, три...» — учит приседаниям, поклонам и всякого рода римским хитростям. «И-и, повторяем, все дружно за мной, и-и, раз, два, три...»

Вновь возведенные ко двору мужиковатые пафлагонцы и всякие солдафоны (среди них и люди Враны — Мурзуфл, Канав) послушно перестраиваются из шеренги в шеренгу, а разгневанный церемониймейстер кричит: «Ну что это за медведи! Не гнитесь, не гнитесь, не оттопы-

ривайте локти!» — и стучит палочкой. Особенно достается бедному волосатому Пупаке, каких только он прозвищ от церемониймейстера не получил!

Полным ходом шла и военная подготовка. Привлеченный к этому делу бывший акрит Ласкарь открыл в себе талант педагога. Он учил фехтованию и на палках, и на коротких мечах, и на римских (акинаках), и на сарацинских саблях. С утра до ночи в большом зале особняка Дениса в Дафне слышен был топот ретивых фехтовальщиков, лязг стали, вскрикивания ужаленных... Ласкарь уставал ужасно, похудел, весь окончательно высох, но он переживал как бы вторую боевую молодость, глаза горели, усы и борода топырились неимоверно.

Учились конской езде. Кроткая Альма уже пригодна была только если для вечерних прогулок по садам Дафны. Денису приводили на продажу отменных коней, но он выбрал себе бывшего коня Ферруччи, как-то он лучше чувствовал его, у них с ним был живой контакт. Поскольку бедный Ферруччи унес с собой в могилу имя этого коня, Денис придумал называть его Колумбус.

Наездник из цирка, приглашенный Денисом, демонстрировал такой трюк: на ходу он выпадал из седла, прямо на землю (ухитряясь при этом не расшибаться), вышколенный конь, потеряв всадника, останавливался как вкопанный. Наездник мигом взлетал вновь в седло, и скачка продолжалась. Настал час, когда и Денис смог повторить все это — выпал из седла, Колумбус остановился, поводья распаленной мордой в его сторону, Денис взобрался вновь в седло и Колумбус помчался, радостный, что все с хозяином так хорошо обошлось!

Денису даже нравилось все это — терпкий конский пот, жар от мускульных упражнений, мужская, грубоватая, но крепкая в дружбе среда... Странно, как это он, отслуживая в Советской Армии, ничего подобного не испытал!

Частенько он думал, что сказали бы его девочки, его Афины Паллады из экспедиции, если бы увидели вдруг его, упругого и чумазого, на песке манежа, его, когда-то очкарика, сугубо интеллигентную личность?

Но с душою дело обстояло плохо. Душа болела.

Пришли однажды Русины поздравлять с назначением их господина на высокий пост — по прорицаниям марки-тантки Сулы ему, как синэтеру, пожалована была генеральская должность претора.

Денис повелел накрыть стол как полагается, даже за

устрицами посылали в фускарию Малхаза. Пафлагонцы ели сосредоточенно, извинялись по делу и не по делу, на все тосты выпивали до дна. Настороженно разглядывали Сулу, когда она появилась во всем блеске своей алмазно-жемчужной тиары, не могли понять, кто это такая.

У них у всех были глаза Фоти, небесные и беззащитные, хотя это были уже заслуженные воины и капитан Русин, старший и бранчливый Фома, который и за столом начальника не удержался, чтобы не порицать правительство, и серьезный Сергей, и совсем юный Гавра, исполнявший уже должность стремянного.

И ему нестерпимо было глядеть в эти небесные и беззащитные миры. Не то что ему была непереносима Сула, нет. Хотя Сула больше к нему не приходила и не делала попытки. Совесть у него болела, совесть, и ничего поделать с этим он не мог.

Сидя за его столом, все Русины, вежливо-серьезные и встающие, чтобы чокнуться за его здоровье, как бы ждали от него какого-то еще решительного слова.

Ночью, когда он оставался совершенно один на обширной протосевастовской постели, в которой, может быть, и царица ночевала, когда переставал шуршать бумагами дежурный адъютант в передней, а невольник-постельничий еле слышно бормотал свои людоедские молитвы на сон грядущий, к нему слетала совесть.

Итак, станем ли наливать вино новое в старые мехи?

Отец его, Дениса, был, конечно, крещен, потому что это было в допотопном Мценске в доисторические времена. Но он был отъявленный безбожник, со смехом рассказывал, как в пионерах он исполнял в атеистическом шествии роль бога Саваофа и на него для этой цели надевали бабушкин халат. А бабушка, безусловно верующий человек, соблюдавшая все посты и праздники, терпеть не могла клир, духовенство, иначе не называла как «жеребьячье сословие». Один зять у нее был попович, она натерпелась от его безделья и зазнайства, что она считала принадлежностью клана.

Но если оставаться здесь, в Византии (как будто речь шла уезжать или не уезжать с дачи!), значит, жить так, как живут они. Он мог бы скрыть, что не крещен, кто бы это смог проверить?

Он мог бы попросить принца окрестить его, и принц сделал бы из этого целое политическое мероприятие. Но имел ли он право пойти на это, если еще сам для себя не

определил, верует ли он? Мысль о том, что можно быть официально крещеным, но не верующим, ему в голову не приходила.

Да и «как веруеши»? Добропорядочным Русиним, например, было бы легче знать, что он какой-нибудь магометанин, окажись он им, или еврей, чем вообще неверующий, безбожник, атеист! Но во что же веровать, во что? Неужели в добренького кудрявенького боженьку с рисунков Жака Эффеля? Или в устрашающего черномазого византийского Спаса? Да и вообще — человекообразен ли Бог? Богоподобен ли человек?

Есть ли, наконец, некое существо с уровнем разума на порядок выше, чем человеческий, а если есть, то где присутствует оно? До своего знакомства с кознями Сикидита у него были совершенно иные, например, представления об устройстве мира, а теперь, если все это не сон, он должен признать, что все устроено совершенно не так.

Недавно, после долгого-долгого перерыва, он вновь услышал тоскующий голос в ночи:

— Денис Петрович, Денис Петро-ович, отзови-тесь, где вы?

Ау, где он, этот Денис Петрович? И вдруг остро, нестерпимо остро захотелось домой, в светлые и гармоничные аудитории университета, даже просто проехать в троллейбусе, который столько ругал за неудобство и толчки. Или провинциальный город Мценск, где на импозантной улице Карла Маркса в окружении лопухов и крапивы глядит в три окошечка домик покойной бабушки!

Да и зачем он все-таки здесь? Зачем мутит головы этим доверчивым предкам предков, выставляет себя прорицателем каким-то? Назад, назад, найти Сикидита, умолить его, упросить, наконец, заставить — пусть швырнет его обратно! История необратима, ничем помочь здесь, ничего изменить уже нельзя.

В эти же трудные дни к нему вдруг вернулся Костаки, и произошло это так.

Еще во время пресловутого шествия принца в Святую Софию к патриарху, когда оно чуть не перехлестнулось с шествием императора Алексея II, Денис, возвращаясь к себе в Дафны пешком и пытаясь пересечь Срединную Месу через поток куда-то несущейся публики, вдруг ощутил сильный удар в бок.

— О, Костаки, это ты?

— Я, господин, прошу прощения, господин, я тороплюсь, господин...

Да, это был он, курносый и вездесущий бывший лаборант или раб Сикидита, сначала он, видимо, не признал Дениса в новой его ипостаси.

— Костаки Иванович, да постой ты, постой!

— О-гей, всещедрейший, это вы? Как я рад, как я рад... Но я, ей-Богу, тороплюсь. Мы отплываем! Нам с Маврозумом подчинен целый флот! Мы голову Амадея привезем принцу на генуэзском блюде!

— И ты, конечно, вице-адмирал в этом походе?

— Мне не до шуточек, всещедрейший! Мы действительно должны отплыть да заката!

— Ну беги, беги. А я-то хотел пригласить тебя оружиеносцем на место покойного Ферруччи. Место хоть и не пиратское, но вполне придворное.

Погрустили о Ферруччи, которого оба любили, и неутомимый Костаки исчез в толпе в направлении Южной пристани.

И вдруг он объявился драматическим образом. Однажды утром, когда чернокожий постельничий, сонное лицо которого еще не приняло ежедневного людоедского выражения, подавал Денису умыться, вдруг услышали крик и плач из передней.

Это был все тот же Костаки, который сквозь кордоны прорывался к господину претору и синэтеру. Весь он был обвязан свежими бинтами, а на щеке красовалась ярко выраженная царапина.

— Что случилось? Где же голова Амадея?

— О-о, всещедрейший, все вышло наоборот. Амадей напал на нас ночью, прикрывшись туманом. Одноглазого Маврозума он посадил в клетку, обещая повезти его в Европу, там показывать в зверинцах. А меня... О-о! А меня...

— Высек, что ли?

— О-о, всещедрейший!

Короче, Костаки был зачислен в дружину синэтера и за ежевечерней общей трапезой Денис с удовлетворением обозревал симпатичные ему лица молодых Русиных, воинственного Ласкаря, шустрого Костаки. Сула, правда, была очень этим недовольна. Говорила, что столь высокопоставленному вельможе не пристало садиться за стол со своими дружинниками, это варварский обычай, пускай

где-нибудь на Руси так ведется, здесь же цивилизованная Византия.

Ссылаясь на пример Исаака Ангела. Говорят, что этот родовитейший из царедворцев только при дворе кажет себя рыжим шутом. У себя же в поместье он суров и категоричен, как и предписывает «Домострой». Когда он ест, все, даже близкие и родные, не смеют сесть, ждут его насыщения.

6

Все лето не было дождей, и раскаленная земля выдала пахарю колосья редкие и ломкие от засухи. Даже на поливных землях, куда воду носили, возили в мехах, проводили в арыках, капуста уродилась чахлая, у пастернака и репы коренья как кукиш, в насмешку только. Церкви и часовни были открыты день и ночь, шло истовое моление за урожай, но урожай, теперь было это очевидно, погиб.

Новый правитель объезжал ближние провинции. Желая поговорить с землепашцами, он, на коне и со свитой, приближался то к тому, то к другому. Но землепашцы при приближении господ заученно падали носами в пыль, принимая принца за живого бога.

— Боже мой, Боже мой! — говорил Андроник, свободной от поводов рукой сердито дергая ус. — Какая нищета, какое отчаяние!

Над исстрадавшейся равниной со стороны моря заходила иссиня-черная туча. Клубились грозовые, чреватые бурей облака, словно адские силы хотели завоевать небо. В спины стало дуть холодком приближающейся грозы.

— Господи, хоть бы дождь! — молили все.

Каллах предложил скакать на ближайший пригорок, там был замок местного властителя, можно было укрыться от бури. Принц и вся его свита на тонконогих прекрасных конях, словно миниатюра из старинной книги, проскакали в укрытие. Хозяин встречал их поклонами. Как обычно, ограбили жителей близлежащих деревень, опустошили кладовые хозяина, но он в грязь лицом не ударил, и гости и их слуги голодными спать не легли.

Однако дождя так и не было. Покрутились пыльные бури, истребляя то немного, что еще росло на полях, громыал гром, как дьявольская сила, блистали молнии. Но

не пало ни капли дождя. Все, чем были чреваты пузатые фиолетовые тучи, унесло в море и там вылило бесполезно в морскую волнующуюся пучину.

Утром Андроник выехал перед строем своей свиты, готовой в дальнейший поход. Все удрученно смотрели на следы вчерашнего хозяйничанья пылевых вихрей и на безжалостное солнце, поднимающееся над полумертвой землей.

— Скажи, отец,— обратился принц к своему духовнику кир Иакинфу, который ездил на муле и делил со всеми тяготы любого похода.— Может ли вера, может ли церковь дать сейчас урожай на эту землю? Что молчишь, блаженный кир? Не может.

Молчала и вся свита, некоторые крестились, ожидая скорой вышней кары за эти излишне смелые слова.

— Скажи, синэтер,— принц наехал своим конем так ретиво, что Денисов Колумбус попятился.— Может ли чародейство (он, вероятно, подразумевал тут и науку, в те времена понятия «наука» вообще не существовало), может ли волшебство принести урожай на эту землю?

— Может,— четко ответил Денис.— Для этого нужно изменить земельные отношения в деревне.

— Гм! — гневно произнес принц, крутя вислый ус.— Учить нас все желают... А как это сделать, не говорят.

«Он, вероятно, ничего не понял,— с отчаянием подумал Денис.— Я же выражаюсь как на семинаре по политэкономии, да еще на плохом греческом языке!»

Принц в задумчивости поехал вдоль строя дружинников. Воскликнул, конкретно ни к кому не обращаясь:

— Понимали ли императоры прежние роковую опасность этого положения? Многие понимали, но сделать ничего не желали, надеясь, что на их краткое царствование хватит, останется все по-прежнему.

Тут из строя послышался голос четкий, хотя и раздраженный:

— Пока господа будут есть в три горла, а их работники с голоду подыхать, все будет плохо.

Все боялись даже поглядеть в сторону говорившего. Андроник мимо строя проехал молча. Готовясь повернуть, он подозвал Каллаха:

— Узнай, кто это говорил.

Еще не выехали на столичное шоссе, как верный Каллах докладывал:

— Некто Фома Русин, стратиот из округа Филарица, дружинник Дионисия, твоего синэтера.

— Гм! — усмехнулся принц. — Везде Дионисий!

Когда вернулись в столицу, Денис был отозван в сторону Каллахом, который обычно ни о каких делах ни с кем не беседовал, кроме принца. Каллах посоветовал Фоме Русину, говорят, он теперь родственник самого Дионисия, на время куда-нибудь понадежнее скрыться. Денис понимал всю справедливость слов принцева приспешника, и в ту же ночь Фома исчез со своим конем, а младший, Гавра, был отправлен в Филарицу, чтобы позаботиться о безопасности жены и детей Фомы.

— Да узнай что-нибудь о Фоти, — напутствовал его Денис. Сам он как-то ничего не боялся. Было у него предчувствие, что с ним ничего не произойдет. А если он потусторонняя личность, тем более предчувствиям надо верить.

Тем временем принца ждали трудные разговоры с детьми. Он, бывало, высказывался так: «С трудностями империи я как-нибудь справлюсь, с трудностями моих детей едва ли...»

Первой выступила, конечно, любимица — Эйрини.

— Отец! — начала она, широким жестом приглашая войти в отцовскую катихумену своего спутника. — Отец, у нас все решено, благослови нас.

Спутник ее был не кто иной, как Мисси Ангелочек. Числился он в списке возможных кандидатур на руку дочери, когда Андроник прозябал в Энейоне. Теперь-то, теперь-то он куда лезет!

Мисси, в легком подпитии с утра, все пытался пасть ниц перед всемогущим правителем, а Ира его удерживала. Андроник, старательно оберегая себя от излишнего гнева, критически осмотрел предполагаемого зятя. А что? В принципе он мужик как мужик, стройный, курчавоватый, волосы длинные, до плеч. Что выпил с утра? А кто теперь не выпивает что-нибудь с утра, хотя бы настойку валерианы? Говорят, он на пирах излишествует и валится под стол. Но как еще древние говорили: лучше лежать под столом, чем лежать на столе.

Можно, конечно, вспомнить излюбленную поэтессу Кассию:

Ужасно выносить глупца суждения,
До крайности ужасно, что в почсте он;

Но если он — юнец из дома царского, —
Вот это уж доподлинно «увы и ах!».

Но к Ангелочку это тоже отношение вряд ли имеет, он вообще рта не раскрывает и никакой мысли, ни умной, ни глупой, от него не дождешься.

— Отец! — наступала она («Вся в меня!») — подумал Андроник, и это было в ее пользу). — Вспомни наш последний разговор. Ты отверг мои предложения, твоих предложений у меня нет, а мне надо замуж.

Она убежденно тряхнула излишне белокурой головкой, все алмазные подвески в девичьей митре ее звенели. Андроник, как и всякий папаша, любовался ею.

Тут в помощь сестре прибыла младшая принцесса Фия, то есть Феофила. Она принялась разглядывать предметы в катихумене отца: модель новой стенобитной машины, изображение Земли в виде гороподобного брюха с пупом в Иерусалиме, картину, где были запечатлены три известные красавицы от Малхаза — черная Мела, светлая Левка и рыжая Халка в первородном состоянии... На все она говорила «ой!» и требовала у отца объяснений.

А тут Евматий пробивался с проектом срочного ультиматума все еще мятежной Никее, прибыли гонцы от союзных держав, чиновники принесли на пробу зерно для посева. Даже патриарх как раз вовремя прислал трактат с новыми изобличениями еретиков-павликиан.

— Послушай, дочь, — пытался он уладить дело миром. — Давай повременим, видишь, у меня экипировка армии... А к тому же я получил негласные пока предложения от венгерского королевича...

Ира от досады побелела, как ручная мышь.

— У вас вечная экипировка, а на родную дочь у вас всегда не было времени. Пусть этот ублюдок Алексей хлопочет, а не вы... Он же царь! А он себе в мячичек поигрывает!

«Опять она права! — поразился Андроник. — Пора с этими опереточными царями кончать!»

Ира кликнула из передней лупоглазую Лизоблюдку, наскоро перечедала размотавшиеся косы под митрой, взяла за руку дисциплинированного Ангелочка и в сопровождении всем восторгающей младшей сестры победоносно удалилась. Все равно же сделает как хочет!

Но Андроника ждал еще более сложный разговор — оба старших сына.

Официально они прибыли с поздравлениями отцу, а также с выражениями благодарности, что он велел их из тюрьмы освободить. В тюрьму их посадил покойный протосеваст, придравшись к каким-то мелким нарушениям в офицерской службе. Правда, в Византии, где весь общественный строй зиждился на каких-нибудь привилегиях, были и привилегированные тюрьмы. Оба сына Андроника (они же принадлежали к правящей фамилии Комнинов!) сидели в тюрьме Магнавра, в подвалах дворца. Там в темницу даже обед подавали с василевсовой кухни, а за особую приплату носили из фускарии Малхаза. Но все же темница есть темница.

«Какие они разные!» — думал принц, пока делал им необходимые внушения по семейной части. Старший, Василий, русобородый мечтатель, любитель каллиграфии, то и дело упрашивал отца отпустить его в монастырь, где он бы, конечно, занялся перепиской книг. Военная жизнь ему совершенно не по нраву.

Младший, Михаил, чернобородый, рослый, весь в отца, не теряющий возражений, — вылитый он, как был в свои юные годы.

— Прости, отец, — говорит. — Не лучше ли тебе прекратить осаду Никеи? Что они тебе дались? Не лучше ли послать честных людей в города, в провинции и веси?.. Ведь ты же обещал народу!

«Ах ты, утенок! — думает отец. Утенок — это было детское прозвище Михаила за смешной курносый нос. — Все-то тебе кажется просто — раз, два и в дамки! Кто же это его так настропалил, Лапарда, что ли?» Мысль о том, что это могут быть его собственные воззрения, этого Утенка, отцу в голову не приходила.

И каллиграф Василий поглядывал сочувствующе в сторону брата. Они были дети от разных матерей, но в тюрьме сидели вместе, наверное, успели столкнуться.

— Все эти Комнины, и мы в том числе, Ангелы, Контостефаны, Палеологи, Ватацы, — развивал свою идею Михаил, — видимо, исчерпали себя, ты не находишь, отец? Не пора ли им уступить свои должности, титулы, поместья кому-нибудь из простых стратиотов, которые окажутся способными вывести империю из тьмы?

«Ах ты, Утенок! — сокрушается отец. — Тебе бы сейчас рассказать историю, как самый первый Комнин, живший еще за пятьдесят лет до легендарного Алексея I, выходец из самых простых стратиотов, власть себе добывал, как

он тщательно подыскивал способных именно из фамилии Комнинов и расставлял их на самые важные места, чтобы обеспечить власть».

Не слыша от отца ни слова ни за, ни против, молодой принц продолжал:

— И народ воздаст тебе за это, как он сейчас уже прозвал тебя Великим, так он сохранит в истории имя твое на века.

— В таком аппаратном государстве,— наконец произнес принц, а сыновья смотрят, как он терзает свой свисающий ус, и понимают, что отец недоволен, хотя не знают пока чем.— В таком государстве внутренних связей, какова есть наша Священная Римская империя, главное — это власть. Кому принадлежит и действительная и формальная власть.

— А правда ли, отец, ты хочешь братца Алексея устранить... Как это лучше выразиться, ну — убить? Так в народе говорят.

Андроник считает про себя до десяти, чтобы не вспыхнуть как порох. Выдать бы им свою любимую присказку, что есть народ. Но время дороже денег, время дороже слез, как сказал поэт. А ведь в известных летах уже оба, в чинах, собственно говоря, генеральских — один логофет дрома, другой младший дука. И ни малейшего представления о том, что этот самый народ в один прекрасный час выкинет на помойку истории и великого отца, и гениальных сыновей!

И тут чувство недоделанного, несвершенного, которое томило его все утро, от гнева, что ли, вылилось в конкретное решение. Он твердо и без колебаний знал, что делать ему впредь.

— Вот что, дети,— заглянул он в сосредоточенные лица своих генералов,— пора от теоретических рассуждений переходить к конкретным делам. Вы не забыли, надеюсь, по чьей вине вы провели в темнице Магнавры почти что год?

Он перевел дух, не переставая терзать усы. Были мрачны лица принцев, как, несмотря на летний сияющий день, была мрачна безлюдная катихумена, ее лиловые пилоны, где, как бледная тень, маячила фигура бессменного Каллаха.

— Надо устранить, как ты говоришь,— Андроник избрал наиболее доверительный, как ему казалось, тон,— да

не брата того полоумного, василевса, с детьми я не воюю. Надо устранить эту антиохийскую змею, эту фари-сейку Марию, которая ранее была Ксения...

— Сейчас? — тупо взглянул старший, Василий.

— Да хоть бы и сейчас.

— Круговой порукой хочешь связать нас? — спросил Михаил, осклабясь, как чужому. — Конечно, нам не дашь пачкать руки, для этого есть палачи... А кто обещал народу царствовать без крови, без ослеплений и удавок?

Андроник хотел начать разговор о пользе единовластия, о дамокловом мече, который висит над каждым, кто ищет власти... Но принцы отчужденно молчали, и Андроник отпустил их, поцеловав и перекрестив каждого.

Слушал, как внизу у подъезда они садились в седло. Звенели уздечки, фыркали кони, стукали копытами, приглушенно звучала команда. Разве эти генеральствующие глупцы понимают, что их он стремится, именно их огра-дить от надвигающихся бед?

Где-то он видел мозаичную картину — старый ворон, провожающий в полет оперившихся сыновей. Нет, не Врана, хотя у него ворон в гербе, а он, Андроник, тот старый одинокий ворон на краю солнечного заката.

Из пищи, поданной Каллахом, он выбрал солдатский сухарь и жевал его беззубыми деснами, вышагивал по ко-вру подагрическими ногами, старый, совсем старый Ни-ки, Андроник... В ночном небе пели какие-то очень дале-кие птицы, не то петелы, не то козодои, не то алконосты...

— Что нового, Каллах?

— Лапарда бежал в Nikeю.

Жизнь продолжалась.

7

Кони шли в утренней мгле, мотая головами и упря-мась, будто протестовали, потому что знали, на какое мерзкое дело везут своих седоков.

На углу площади Августеон к ним присоединились всадники Агиохристофорита во главе с самим патриkiem.

— Про Дионисия пока никак, — докладывает вполго-лоса Агиохристофорит, поравнявшись с повелителем. — Но будет, ручаюсь.

— А как та самая бабушка? — тоже вполголоса спра-шивает принц.

- Ты считаешь, время уж настало?
- А когда оно не настало для такой цели?
- Как прикажешь, всевысочайший.

Агиохристорит со своими всадниками вновь отделяется от кавалькады принца и исчезает где-то в боковом переулке, тогда как Андроник со своими берет курс прямо на Босфор.

Там на берегу волшебного пролива у самой кромки моря возвышается причудливый замок, именуемый обителью иоаннитов. «Роскошный пляж! — сказали бы наши современники. — Дивный парк!» Да, но они всегда пустынные, потому что принадлежат императорской семье и крепко охраняются дворцовой стражей.

Орден святого Иоанна, в истории известный также как родосский, или мальтийский, орден, возник в Палестине еще до начала крестовых походов. Первоначально монахи-рыцари были бедны, добродетельны, стремились служить Богу, смиренно ухаживая за паломниками, идущими ко Гробу Господню. Они основывали госпитали для бедных и увечных, отчего назывались иногда госпитальеры. Папа римский за этот подвиг смирения и любви к ближним даровал им форму — белый плащ с черным остроконечным крестом на плече.

Впоследствии и честные рыцари впали в интриги и взаимные происки, которыми Иерусалимское королевство было богато не менее, чем Византия. Крестоносцы стали обвинять своих иоаннитских собратьев в забвении заветов бедности и целомудрия, в надменной роскоши и ничегонеделании и во многих еще худших грехах. Госпитальеров стали попросту вытеснять из Палестины, и они переселялись в другие страны, увозя свои сокровища, основывая приорства и обители там.

Так и получилось, что, несмотря на давнюю традиционную недоброжелательность византийского православия и лично патриарха Феодосия ко всему католическому, в том числе и к католическим духовным рыцарским орденам, дипломатичные иоанниты сумели приобрести живописнейший клочок босфорского берега, и палестинский зодчий построил им дворец-игрушку — причудливое скопление башенок, площадок, куполов, переходов, колоннад с многофигурными зубцами, морскими раковинами, символами не то коней, не то чуд морских.

Помогло им и то, что император Мануил был неравнодушен к рыцарскому быту, любил турниры и парады,

в чем они славились как большие мастера. А его молодая жена Ксения, в православии Мария, сама дочь крестоносца, иной раз вздыхала: ах, на закате дней моих, когда он настанет, ничего бы так не хотелось, как пожить в такой обители...

Затем, когда в Византии громили то венецианцев, еще при Мануиле, то генуэзцев, уже после него, дипломатичные опять же иоанниты, по принципу береженого Бог бережет, подхватили свои сокровища и подались в западные страны. Но легендарная обитель иоаннитов долго не пустовала — в ней пожелала поселиться после своего отрешения от дел вдовствующая императрица Ксения-Мария. Обитель была взята под конвой Пафлагонской фемой, а василиссе были оставлены, кроме личных слуг и рабов, два госпитальера для рыцарского ей служения.

Служение это, впрочем, заключалось в совместных с дамой прогулках по морскому пляжу, чтении латинской Библии или невинной игре в кости по томительным вечерам.

Андроник, усмехаясь, вышагивал по пустынным залам и покоям общественного дворца.

— Что же они тут, никогда, что ли, за собою не убирали?

В обители, действительно, царила мерзость запустения, следы каких-то кутежей. Валялись кубки, вазы, пустые мехи из-под вина, даже части женской одежды, на которых чуть ли не паук сплел паутину.

Его провели в башенку, которую и занимала василисса. В аванзале дремали в креслах оба рыцаря, служители чести. Андроник сапогом отшвырнул снятый одним из них металлический нагрудник, он загрохотал, как ржавая железка. Рыцари проснулись, вскочили, но тут же были разоружены и под конвоем отправлены на улицу.

— Найди им заступы,— приказал принц Каллаху.— И пусть копают быстренько, если сами хотят остаться живы.

Видавший виды Каллах со страхом отметил его злую усмешку: «Диавол, никто иной!»

Так же ударом ноги он распахнул двери в опочивальню вдовствующей императрицы. Она прикорнула полулежа на подушках дивана, знаменитые золотые ее косы были распущены, аккуратно расчесаны, как мантия, прикры-

вали обнаженные плечи, а усталое, растревоженное, уже немолодое личико было по-детски невинным.

Андроник хотел и разбудить василиссу толчком или пинком, но рука повисла в воздухе. Некоторое время он рассматривал ее, спящую, потом потряс за голое плечо.

— Что? А? — вскинулась она. — Это ты, Агнеса?

Узнав Андроника, загородилась ладонями.

— Ты уже пришел? А я надеялась... Как жизнь была коротка!

Пыталась натянуть себе на плечи плед.

— Постой, я оденусь...

— Как раз наоборот, — принц раздувал усы свои в улыбке и уже сам себе казался сатаной. — Я хочу, чтобы ты совсем разделась.

— Помилуй, — в ужасе отстранилась Ксения. — Что ты хочешь? А они?

— Они уйдут. — И свита принца заторопилась к выходу.

— Мать Божия! — василисса глотала слезы, чтобы не зарыдать. — Но зачем издеваться, зачем издеваться?

— Не призывай мать Божию! Ты, крещенная в православном обряде, живешь здесь в католической вере? Ты еретичка, Мария!

— Бедная, бедная, бедная я, — тосковала василисса, пытаясь закрыться в пышные распущенные косы, как в шалаш.

— Шлюха! — закричал Андроник (он допустил здесь гораздо более грубое выражение, но мы его опустим). — Ты жила во дворце с каждым, от дворника до зверолова! Сказано тебе — раздевайся!

После кончины императора Мануила его вдова носила только монашеские одежды. Для их шитья во дворец приглашались лучшие портные от Аргиропратии. Сейчас эти шелковые с выточками рясы и черные, траурные лоры были развешаны по стульям. На ней оставался только простой гиматий, но тоже тончайшей выделки шелка.

Раздраженный неповиновением, принц захватил в кулак ее золотистую пряжу и буквально выкинул на середину опочивальни. Шлепая босыми ступнями, несчастная женщина еле удержалась, чтобы не поскользнуться на мраморном полу. И он, распаленный, подбежал и сорвал с нее ее роскошную шелковую рубашу. И она стояла перед ним нагая, как Ева, а принц ее бесстыдно разглядывал, раздувая при этом усы, как некий хищный сом. И видел

уже пожелтевшую от возраста, а не просто смуглую кожу, дряблый живот, обвисшие, немолодые груди. Из-за чего только эти рыцари с ума сходят? А вслух сказал:

— Ты что, живот бреешь, как магометанка? Я бы в жизнь не пожелал бабу с бритым животом!

Но она только шептала латинские молитвы своего детства. Потом сказала ему отчетливо:

— Я знаю, за что ты мне мстишь... После нашей свадьбы с Мануилом я отказалась переспать с тобою ночь... Я единственная, наверное, женщина во всей империи...

— Хватит! — заорал окончательно исступленный Андроник и распахнул двери в приемную. — Ной, Аввалиил, где вы?

Так как из пафлагонцев, несмотря на всю их верность сюзерену, невозможно было бы подобрать кого-нибудь на нелегкую должность палача, то для этой цели были выпущены из тюрем два уголовника, а имена они носили ветхозаветных патриархов, наверное, это были воровские псевдонимы. Они были одеты в форму Пафлагонской фемы и находились неотлучно при особе принца.

— А как же, — лепетала василисса, теряя свою царственность, — а как же мне попа, исповедь... Ты хочешь погубить мою душу!

Но слабого голоса ее не было слышно из-за топота военных сапог.

— Алексей, Алексей, мальчик мой! — произнесла Ксения, и уже больше от нее не услышали ни слова. Гордая дочь князей Антиохийских, наследница крестonosцев лихо радочно одевалась, пораженная ужасом неминуемого.

— Иоанниты отказались копать, — сконфуженно сообщил Каллах.

— Надеюсь, они...

— Умерщвлены, господин.

— А могила?

— Выкопали пафлагонцы.

— Прибыл ли Агиохристофорит?

— Я здесь, всевысочайший.

— А где та бабушка?

— Он прибыл, господин.

— Пусть подождет, пока мы покончим с бабушкой этой.

Расторопные тезки патриархов Ной и Аввалиил, надеясь к тому же на щедрые гонорары, быстро покончили

с василиссой и закопали ее в золотой песок босфорского пляжа.

Андроник, рядом с ним Каллах и Агиохристофорит, сами оглушенные ужасом того, что они содеяли, сидели молча на балюстраде обители иоаннитов, и даже вино не шло в горло, которое принесли им целый мех. Поодаль маячили Ной и Аввалиил, оба как близнецы — коротконогие, тупорылые, с бритыми шеями. Никто не догадывался их отпустить.

Первым опомнился принц, обратив внимание на странную особу в пышном чепце, которая от нечего делать бродила по палисаднику, нюхала цветы, наклоняясь к ним, но срывать их не решалась.

— Да, это он, — подтвердил Агиохристофорит, — внук дворцовый Птеригионит, больше известный как бабушка Птера. Последний год он отсиживался у меня в домашней тюрьме, иначе народ бы его разорвал за смерть порфирородной Марухи.

Агиохристофорит подождал его движением пальца.

— Всевысочайший хочет, — сообщил он, — познакомиться с тобой.

Птера, в знак унижения и восторга, пала лицом в песок садовой дорожки.

Высокородные выждали, пока бабушка не насладится своим поклонением и не поднимется на ноги. Спешить все равно было некуда, природа ликовала, море, как сказал великий пролетарский писатель, смеялось, а чайки реяли над морем.

— Надеюсь, ты понимаешь, — сказал принц лениво, — что содержалась в тюрьме только ради твоей личной безопасности? — А о чем с нею было разговаривать? Об ее образовании, о принципах педагогики в отношении учеников-государей?

Бабушка радостно покивала близоруким лицом.

— Мы теперь хотим поручить тебе ответственнейшее дело, воспитание самого императора Алексея Второго. Его прежний воспитатель, сукин сын, бежал к изменникам в Nikeю.

— Ты спроси у нее, — подсказал Агиохристофорит, — чем она занималась там, в тюрьме.

И Птера достала из глубин своего обширнейшего декольте витой шелковый шнурочек, продукт умения и бессонных ночей, и продемонстрировала, насколько он крепок. Затем показала и его употребление — вокруг шеи,

а язык при этом вываливается изо рта, глаза выступают из орбит.

— Ну, действуй, действуй,— благоволил принц.

8

Теотоки твердо решила съехать окончательно от Манефы, целиком переселившись в имение мужа в Редесте. Бедная матрона, от которой сразу и оба сына отъехали, генералы, и теперь свет очей уезжала, ее несравненная воспитанница, сначала пробовала отговорить. Даже малый пир организовала, предполагая, что ей просто скучно. Но на малый пир пришло немного народу, хотя к Манефе всегда шли без повторного приглашения. Все находились в каком-то унынии, ходили неясные слухи о смерти василиссы, готовились к походу на Nikeю, было ясно, что решается судьба правления принца Андроника.

Зато явился синэтер Дионисий, императорский претор, подтянутый, щеголеватый. За эти годы Денис научился носить просторную византийскую одежду, как будто это были какие-нибудь модные джинсы или спортивная куртка, так сказать, с некоторым даже шиком.

Теотоки удалось залучить его к себе в покои, там золотая Хриса, тоже очарованная пришельцем из другого мира, подала им пенистый щербет, который она, как персиянка по рождению, отлично умела готовить. Гном Фиалка хотел организовать тихую, для фона беседы, музыку, но Теотоки его остановила — все эти негромкие флейты и незвучные тимпаны только раздражают.

После ничего не означающих взаимных расспросов (о погоде, о здоровье чего говорить? Оба молоды. О родственниках? У Дениса их здесь вообще нет) Теотоки доверительно сообщает, что ее подруга, Ира (помните, та самая беляночка?), выходит наконец замуж. За кого же? Есть такой балбесик, Мисси Ангелочек...

«А, так это принца Андроника дочка», — вспоминает Денис. И удивляется: чего об этом говорить? Потом соображает: это она хочет скрыть смущение от того, что сама, после того, что было у них в фускарии Малхаза, взяла да вышла замуж... И самому становится смешно: ведь и эта Ира явно пыталась ему объясниться, и он в положении солдата из сказки Андерсена — в него подряд влюбляются все принцессы.

— Вы на меня ни за что не сердитесь, светлейшая? — осведомляется он.

— Нет, — ослепительной улыбкой отвечает она. — А за что же?

«Теперь ей спросить, не сержусь ли на нее я», — хмыкает про себя Денис.

Но Теотоки не хочет обострения этой темы и уводит разговор в сторону. «Какая она женственная, какая изумительная стала! — думает Денис. — Наверное, потому, что мать семейства!» И просит повторить ее вопрос, так как задумался, прослушал.

Теотоки спрашивает, насколько все-таки серьезны разговоры о том, что он, Денис, пришелец с того света.

Денис не знает, с чего начать, но она поправляет сама себя, дело в том, что она хорошо информирована о том, что рассказывают о Денисе.

— А как вы думаете, насколько вам верят?

— Но ведь все это была правда!

— Я же не спрашиваю, насколько все это правда. Я интересуюсь, насколько вам верят.

— Да какое мне дело, верят мне или нет!

— Вот уж сразу видно, что вы из потусторонних миров. Вы не знаете наших византийцев, они из всякой ерунды сделают следствие. Я уверена, за вами уже целый хвост волочится наблюдающих...

От справедливых этих слов Дениса пробрала некоторая досада. Действительно, он ведь ни разу не подумал: насколько ему верят здесь? И, в свою очередь, спрашивает, просто чтобы показать, что и он кое-что знает:

— А вы до сих пор любите ходить в цирке по канату?

Теотоки как-то грустно потупилась — этому не верит только один человек, ее муж.

Так и закончился разговор этот какой-то опять неопределенностью и даже печалью. Вроде бы обо всем сказали и не сказали ни о чем. Денису показалось, что она говорит: так, как я живу, так мне больше жить нельзя. Но ведь и Денис в полной мере мог сказать то же: так, как я живу, мне так больше жить нельзя. Он кликнул Костаки, который на кухне развлекал поварих, и, чтобы не обьясниться с гостями, вышел не через парадный вход, а через калитку в саду земляничных деревьев и шелковиц.

А Теотоки наблюдала за перепеленанием сына, отмечала, тревожась, все покраснения и опрелости на слабень-

ких ручках и ножках, которыми он героически сучил. Даже показалось, что он начал следить глазами за ее лицом, подумала, радуясь: вот и подрастает, сынок. Здоровенная кормилица-славянка долго, основательно питала Вороненка. Теотоки сидела в сгущающихся сумерках, к гостям не шла. Смотрела неотрывно на образ Благовещения, также предназначенный к отправке, а пока освещенный одной свечечкой.

Это было старинное произведение, еще до эпохи икоборцов, поэтому выдержанное в наивной и вдохновенной манере раннего христианства. Им благословила племянницу на отъезд огорченная Манефа.

На иконе одни и те же лица изображались одновременно в разных деяниях. Однако это были не просто «клейма», то есть сумма икон на один какой-нибудь сюжет или на одно житие. Здесь в одной картине был запечатлен сразу весь процесс, но так, будто границ времени не существовало. Персонажи были изображены по нескольку раз, иногда и рядом сами с собою. Вот Пречистая Дева, еще совсем юная, с лилиями, вплетенными в косу, читает книгу. Вот она же, сосредоточенная, повзрослевшая, благочестиво слушает, что вещает ей ангел. И подняла ладошку, словно хочет сказать: «Минуточку, разберемся!» А сам ангел, ангел, в модной хламидке, в сандалиях с бантиками, на русых кудрях камилавка лопушком, будто он только что с Золотой площадки! А вот и обручник Иосиф у колыбели, смотрит за игрою Младенца.

Иосиф блаженный, не спи над Младенцем
И от умиления не плачь.
Житуха такое закинет коленце,
Что сам себе станешь палач.

А помнишь, тот ангел явился весною,
Как был респектабелен он?
Свободен, как птица над ширью морскую,
И возрастом не удручен.

И вспомни еще, как Мария молилась,
Ладонями отгородясь,
Молилась, молилась, а все же косилась,
Как ангел блистал, словно князь.

Иосиф блаженный, следи за Младенцем
И лилиям белым не верь,
Ты слышишь, ревет в человеческом сердце
Апокалиптический зверь?

Иосиф, Иосиф, не плачь над Младенцем
И слез смехотворных не лей.
Ведь юность не камень, куда же ей деться,
И сердце не мавзолей.

В конце же концов все младенцы святые,
Отец им единственный — Бог.
О вести благие! О страсти земные!
О жизни последний порог!

Когда наступила ночь, послышался шум подъезжающей кавалькады — большого числа людей, коней, амуниции. Ясно, прибыл ее муж, великий domestik — в этот чин повысил его Андроник, вероятно, за то, что он не вмешался в события его возвращения в столицу.

Теотоки распорядилась зажечь свечи. После некоторого пребывания у тещи (он неукоснительно воздавал матушке Манефе знаки почтения) Врана появился на половине жены.

— Гей! — приняхался он, словно попал на овчарню. — Кто-то у тебя был?

— Синэтер Дионисий, из свиты принца.

— А, этот, в которого влюблена твоя подружка Эйрини! Знай, цена ее на рынке невест возросла. Ходят слухи, что принц все же удавил втихомолку василиссу, очередь за дебильчиком Алексеем, затем коронация. И твоя Ира станет кесариссой, отпрыском царской семьи...

— Как это у вас все легко, — поморщилась Теотоки, передразнивая его мину попавшего в овчарню. — Этот ту удавил, тот эту сватает!

Настало молчание. А о чем им было говорить? О здоровье новорожденного сына ему трижды в день докладывал специально им назначенный адъютант. О завтрашнем его выезде к стенам Никеи, вероятно, Теотоки знала, как всегда, жены военных узнают все раньше, чем их самые информированные мужья.

Как надеялась в свое время легкомысленная Теотоки пробить дорогу к его душе! Ведь он был, в сущности, добрый, без предрассудков человек, совсем не старик, каждое утро обмывался водою со льда. Уехала с ним в Редест прямо из собора, где венчались, не отставала от него — и на ученья, и в переход, и в рекогносцировку. Только когда настала пора появляться на свет Вороненку, она обосновалась в Редесте, где были хорошие врачи. Но

странно, чем более она пробивалась к нему, тем сильнее он замыкался, предоставляя ей, однако, полную свободу и все права хозяйки его дома.

Врана хмыкнул, раздеваясь в полутьме опочивальни:

— Кстати, за этим вашим всеобожаемым волшебником Львиного рва ведется строгое наблюдение.

Это настолько отвечало предположениям самой Теотоки, что она вздрогнула.

— Что тебе известно?

— Ничего особенного, кроме того, что моих людей вызывали и спрашивали, не знают ли они подлинного имени и звания синэтера Дионисия. В частности, интересовались, не встречается ли супруга великого domestика, то есть ты, с этим Дионисием, и так далее.

Теотоки вся съежилась от неожиданности. А Врана, пожевав свой сухарь, который ему, спартанцу, заменял ужин, усмехнулся:

— Топорная работа! Это ведомство Агиохристофорита творит, этого навозника, жирного клопа! Неужели он думает, что мои люди не поспешат ко мне, чтобы поведать, о чем их допрашивали его сикофанты?

— Муж! — сказала Теотоки, отвернувшись в темноту. — Ты слышишь меня?

— Ну! — ответил удивленный таким вступлением великий domestик.

— Муж, отпусти меня в монастырь...

— Гей! А сын? — Врана, как человек военный и практичный, сразу искал следствие, а потом уже причины.

— У сына есть кормилица, семь штук нянек, педагоги, врачи. Вырастишь ты сына, как сумел вырастить старших...

Было долгое молчание, когда слова не нужны, они обменивались непосредственно мыслями. «Стар я, скучно тебе со мною», — молча кричал в полумраке великий domestик. «Душа вся изныла», — безмолвно жаловалась она, обратя лицо свое к Благовещению.

— Любимая, — наконец произнес Врана. — Опомнись, что с тобою?

— Не знаю, хороший мой. Не рождена я для добродетельной жизни.

— В монастырь, значит? Тебе либо на канате плясать, либо Христу служить, середины ты не знаешь.

— Да, я такая, хороший мой, прости.

Каждому дню довлеет его злоба. На следующее утро подъехали военные фуры, чтобы забирать имущество супруги великого домашнего в лагерь Редеста. Теотоки этим захлопоталась, и убийственная вчера идея уйти в монастырь сегодня отодвинулась за край горизонта.

Много возни было с хохлатым попугаем по имени Исак. Он вдруг принялся сочно вопить: «Кр-рах! Крахх!» — и никакие уговоры и подачки на него не действовали. Суеверному человеку такой иступленный вопль птицы показался бы дурным предзнаменованием. Прежде чем Теотоки накинула на него черный плат, он выдал скрипучим голосом Манефы Ангелиссы: «А ты бы, Токи, молчала!»

Тогда Теотоки вспомнила, что у нее есть старая тетушка, вторая мать, которая еще болезненнее, чем птица, переживала отъезд Теотоки. Она побежала наверх, и там, в малой кувикле, она увидела почтенную матрону, насупленную, угрюмо вяжущую в кресле какие-то носки для подопечных бедняков. Никаких объяснений Манефа не приняла, считая, что Теотоки с сыном вполне может жить у нее, а новоиспеченный великий домашний может приезжать — на хороших лошадях от Редеста полдня пути.

Но все же сказала, держась за сердце и крестясь:

— Ох, Токи, а у меня вот есть предчувствие, беда с нами будет какая-то, большая беда!

А тут еще по городу пошел слух, что патриарх Феодосий самовольно оставил свой престол и ушел простым схимником в монастырь. Столица притихла. Любители бегать по стогнам и собираться на перекрестках по всякому мелкому поводу на сей раз суеверно выглядывали из окон и подворотен.

Действительно, после полудня по опустевшей горбатой улочке Сфоракия от патриаршего замка стал шагать костлявый насупленный старик, которого по крупному армянскому носу нельзя было спутать ни с кем другим. Он шел в сандалиях на босу ногу, в самой простой черной монашеской stole, по булыжнику постукивал его костыль.

Он не давал благословения никому, кто отваживался, узнав его, подбегать — сам считал себя грешным безмер-

но. Высокий куколь задевал за свесившиеся ветки шелковицы на улице Сфоракия, и они осыпали его желтой уже листвой.

Но за ним бежал вприпрыжку не менее знаменитый юродивый Кокора, воображающий себя петухом, звякая всевозможными цепочками, которые считал за украшения, ковшиками и котелками, куда он собирал объедки. Он старательно передразнивал каждое движение беглого патриарха, даже гундосил те же молитвы, какие тот творил на ходу. А Феодосий все сносил кротко, он верил, что достоин еще худшего поношения.

И, убегая, думал он не о своем спасении, об Андронике думал он и громко говорил примерно так:

— Увы, душа надменная не успокоится, ибо надменный человек как бродящее вино, расширяет душу свою, как ад, и, как смерть, он ненасытен и собирает все под себя, не обращая внимания на то, что сказано: «Горе тому, кто обогащает себя не своим — надолго ли это?» Не восстанут ли те, которых ты терзал, не поднимутся ли ограбленные — и ты достанешься им на растерзание...

Горе тому, кто строит свое на несчастьи других. Как ты грабил других, так ограбят и тебя за пролитие крови, за разорение и нищету многих! Ибо сказано: «Горе строящему на крови и созидающему крепости неправдою!» Камни из стен возопиют, и перекладыны из дерева станут отвечать им...

И народ в ужасе плакал и не знал, что ему делать, потому что чувствительные души предполагали, что худшее еще впереди.

Окончательно растерялась и Теотоки. Пробудился внутренний голос, который звал ее еще раз повидаться с Денисом. Она кляла себя за нелепую светскость, за фальшивую иронию, которые она, по ее мнению, разыграла за чем-то во время беседы с ним. Она, к ужасу своему, чувствовала, что волна теплоты и любви, помимо ее самой, захватывает ее, когда она думает о Денисе, а думала она о нем непрестанно. Придумывала предлоги: надо узнать, как бы он отнесся к ее Вороненку, был бы он его сыном. Надо (Мать Божия!) сообщить ему срочно же, срочно о тех допросах, которые учинялись по его поводу, как говорил Врана. И чувствовала, что все это лишь предлоги, и тосковала безмерно.

Когда закончилась погрузка вещей в Редест, когда в последний раз была исполнена церемония купания Во-

роненка в доме Манефы, она поняла, что не увидит его она уже не может. Но посылать к нему с приглашением? Нелепая затея, да он просто и не придет. Нужно идти к нему.

Призванный к ответу гном Фиалка сообщил на своем мимическом языке, что он знает в новом дворце Дениса в Дафнах калитку, через которую, как в каждом порядочном византийском доме, проникали, минуя привратника, доверенные слуги и наперсники. Теотоки накинула плат, и они побежали вдвоем, хотя она понимала, что по строжайшему указанию главнокомандующего Враны армейская разведка сопровождает незримо каждый выход в город госпожи. Но как это она конкретно осуществляет, кто и где крадется за ней следом — она не знала.

Репетировала по пути, с чего она начнет: «Простите великодушно, чувствую, что больше не увидимся мы...» Да нет, нет, не так надо, что это я?

Гном дернул ее за плат — уже и калитка? Да, да, неприметная дверца за углом фешенебельного фасада. Теотоки схватила за сердце и пробежала вперед, аж до самой фускарии Малхаза. Фиалка, недоумевающая и сострадавая, пыхтел позади.

Возле фускарии, где была общественная уборная и вечно тусовались игроки и шулеры с ипподрома, она повернулась и уже спокойно пошла в гору, рассчитывая, что сейчас-то войдет. И она бы вошла в дом Дениса, но...

Первой она увидела Лизоблюдку, служанку Эйрини. Ее лупоглазой и губастой физиономии перепутать нельзя, хотя она, наткнувшись на Теотоки, почему-то испугалась и, не поздоровавшись, поспешила спрятаться в какой-то лавчонке, которых множество в Дафнах.

А вот и Мисси Ангелочек, ба, да тут целая свита ее подружки принцессы Эйрини, хотя самой ее нет. Сыновья известных людей — Исаак Ангел, хоть и не рыжий, как его папа, но не меньший клоун, Федор Ласкарис, юноша нежный и большой бездельник, молодой Пантехни... С Теотоки они тоже не поздоровались, отвернулись, будто наблюдают за выгулкой лошадей у ипподрома.

И тут она увидела саму Иру. Дочь Андроника, и без того белесая, а тут совсем бледная, как привидение, в таком же точно платке, как Теотоки, решительно подошла к калитке для наперсников, открыла ее и исчезла в особняке Дениса.

Вы думаете, эта сцена сразила Теотоки, заставила ее

пасть в обморок или что-нибудь такое? Ничего подобного, наоборот. Конечно, шок был, словно на голову вылили ушат ледяной воды. Но тут же вернулись и рассудительность и трезвость. «Пойдем, Фиалка»,— позвала она и вернулась на улицу Сфоракия, только не хохоча над тем, что могло бы с ней случиться.

В этот вечер Денис в хорошем настроении возвращался из финансового ведомства, где как претор участвовал в комиссии по изобличению казнокрадов, и, коль настроение у него было хорошее, надо понимать, что не без результатов.

Он тоже видел исход патриарха Феодосия, сначала (ведь он был близорук) подумал, что встретил попа, а это во все времена у всех народов плохая примета. Но оказалось, что это монах, да еще какой! «Что-нибудь еще сломалось в этой сумасшедшей империи»,— думал Денис, смотря ему вслед.

У площади Августеон, как он делал это часто, он отпустил Костаки с лошадьми купать их, а сам пешком пошел под горку в свои Дафны, наслаждаясь тишиной солнечного вечера.

И тут кто-то напал на него, крича: «Иперасниси! Защищайся!», блеснула сталь клинка. Но Денис уже прошел хорошие уроки педагога Ласкаря, врасплах взять его было невозможно.

После первых секунд, когда стало ясно, что нападение он отбил, Денис огляделся и узнал напавшего — Мисси Ангелочек! Ах, бездельник, выдать бы ему пару розог, но и отказать в поединке нельзя — ведь это были рыцарские времена. А кругом стояли его друзья, соревнователи с Золотой площадки, Денис узнал каждого из них. Они в их поединок не вмешивались, стояли, жуя маковые зерна, и подбадривали Мисси воинственными возгласами.

Ангелочек тоже где-то прошел хороший тренинг по фехтованию. Он применил серию ударов с левой руки, но и Денис как раз недавно проходил их со своим Ласкарем. Напал — отбил, удар — ответ. Теперь поединок пошел на выносливость, уж в этом-то хилый Ангелочек никак взять верх не мог.

Денис, не прекращая фехтовать, окончательно развеселился и даже стал выдавать мысленные реплики болельщикам Ангелочка. «А, Исаак младший, это ты? Не радуйся, хоть отец твой и будет царем, но тебе не дожить до царского трона, об этом детально напишет дотошный

Никита Акоминат. А царствовать будет вот этот Федор Ласкарис, любитель мороженого и девочек от Малхаза, правда, тогда уж он станет лысый как колено и угрюмый как сова...»

И еще подумал с весельем: что бы с ними тут случилось, если бы они слышали о себе такие прорицания?

А от его особняка уже был виден свет факелов, потому что солнце зашло. Бежали к нему Костаки, растревоженный вконец, и его дружинники, на ходу обнажая мечи. Компания Ангелочка не стала доводить до кровопролития, быстренько скрылась во тьме.

На тревожные расспросы Костаки и Русиных он ничего не отвечал, имен не называл, только смеялся. Вошли в особняк, но тут случилась другая загадочная история. Чернокожий постельничий Дениса, которого он не по заслугам прозвал Людоед, был найден на полу передней у опочивальни синэтера. Сначала думали, что он мертв — отравлен? — но оказалось, что он мирно спит, хотя разбудить его невозможно. Усыплен?

Встревоженная Сула, переругиваясь с Костаки, отправилась лично пробовать из ужина каждое блюдо, а молодому оруженосцу приказала тщательно обыскать весь дом.

Ничего более подозрительного обнаружено не было. Денис, которого все не покидало хорошее настроение, поужинав и еще поиграв в шахматы с Костаки, вошел в свою опочивальню.

И тут он понял, что кроме него в опочивальне кто-то есть. Явно слышалось чье-то учащенное от волнения дыхание. Денис поднял пергаментный фонарик со свечкой и осмотрел комнату, но снова ничего не обнаружил.

Только когда он разделся и поднял одеяло, чтобы лечь, он увидел таинственного пришельца — вернее, пришлицу. Это была миниатюрная женская фигурка, худенькая, голенастая, скорее всего девушка, девочка, закрывшая лицо голыми локтями. Пораженный Денис сначала не знал, что делать, так и стоял, подняв одеяло. Потом гнев его охватил — этого еще ему здесь не хватало!

— А ну вон отсюда, живо!

И сразу понял, в чем дело, и ужас, никогда еще не испытанный им, его охватил — это же была дочь Андроника, принцесса Эйрины! Недаром же Ангелочек на него напал, он ведь ее официальный жених! Говорят, что она очень своенравна, даже отца в грош не ставит, и очень еще мо-

лода, только вступает на путь многих византийских цариц и царевен, из-за которых, судя по историческим хроникам, головы несчастных мужчин летели дождем!

— Принцесса,— сказал он как можно мягче. Но она вновь не шевелилась, не отнимая рук от лица, только кожа на ее груди и животе сделалась как гусяная, не столько от холода, сколько от волнения, конечно.

Тогда он понял, что нужно делать в этой непростой ситуации. Опустил одеяло и отступил от кровати.

— Как угодно вашему высочеству,— все с той же мягкостью и печалью говорил он (как с капризным ребенком).— Если вам нравится, вы можете почивать и у меня. Но позвольте, я тогда уйду спать в кордегардию к офицерам.

Он даже сделал шаг к двери.

— Нет! — взвилась она из-под одеяла.— Я не позволю тебе так уйти! Возьми меня, или я сегодня умру!

Поскольку ее буквально уже бил озноб, Денис теперь сделал шаг, чтобы хоть накрыть ее одеялом. Но лишь только он коснулся ее, она зажмурила глаза, затопала, сжала кулаки и завизжала что было сил. («Она истеричка!» — подумал Денис, вновь отступая.)

Раскрылись двери, и в опочивальню вбежали Сула и Костаки, оруженосец был даже вооружен самострелом, снял его впопыхах со стенки в передней.

— Откуда здесь эта шлюха? — закричала Сула. Она применила более крепкое слово, но мы вновь его опустим.

— Осторожнее,— удержал их Денис.— Это дочь всевысочайшего. Будьте милосердны.

А сам думал: «Ну, прощайте наши головушки!»

— О-це-це! — восхитилась маркитантка.— Ну, ты даешь, генерал! (Опять же мы только приблизительно передаем смысл ее сочных высказываний.) Все византийские бабки из-за тебя остервенели!

— Костаки Иванович,— обратился Денис к оруженосцу.— Уведи ее куда-нибудь, две женщины одновременно — для меня это слишком.

Понятливый Костаки вывел Сулу и тщательно закрыл за собою дверь.

Денису удалось уговорить Эйрини одеться, он согрел на еще тлеющих угольях в жаровне фруктового сока, они выпили, согрелись и уже мирно сидели, разговаривая о том о сем, капризница даже болтала ножками, как ша-

ловливая девочка. Денис дипломатично не упоминал ни слова, как она у него появилась.

И была она слабой, и хрупкой, и доверчивой, и Денису хотелось и приласкать и даже поцеловать ее, но он понимал, что вот этого-то ни в коем случае делать нельзя.

Стали брякать колокола и била, отошла всенощная. Ира сказала: «Я пойду». Денис собрался ее провожать, даже хотел поднять конвой.

— Нет,— совершенно спокойно ответила она.— Только до двери. Меня есть кому встречать и кому провожать.

Как только она вышла из пресловутой калитки, ее принял в свои объятия Ангелочек. Они целовались, великосветские друзья при этом деликатно глазели по сторонам. Чадили факелы и всюю трещали вечные цикады.

10

Горели сотни костров на равнине, которые жгли среди бела дня только для того, чтобы напоминать непокорной Никею, что у ее ворот стоит войско. Вглядываясь в дымный горизонт, царедворцы, имеющие хорошее образование, рассуждали о том, что ведь в этих краях когда-то ахейцы долгих девять лет осаждали Трою. Неужели теперь римлянам придется столько же времени осаждать эту презренную Никею?

Ревели быки, скрипели колеса деревянных лафетов, подъезжала военная техника, которую Андроник приказал собрать из всех провинций. Уже метали ядра, начиненные горючей смесью, из-за высоких стен Никеи видно было, как полыхают пожары.

Но строптивные никейцы, несмотря на то, что правительственные глашатаи надорвались в крике, обещая им всякие льготы, и на то, что подвоз хлеба к ним прекратился, покориться отказались. Пожары они ухитрились тушить быстро, дело у них было поставлено четко.

В правительственном же войске с уха на ухо передавалась неблагоприятная весть. Знаменитый Андроник Ангел, брат рыжего Исаака и тезка принца, тот самый, что первый к нему переметнулся, потом его грамоту «Вот посылаю к тебе ангела моего...» возил василиссе, он вчера перешел в Никею. С ним и часть иноземных гвардейцев, недовольных вниманием принца.

Принц охрип от дачи приказов и ругани, все утро мотался по строящимся вокруг Никеи осадным укреплениям. Агиохристофорита, Пупаку и Каллаха он разослал с какими-то срочными и ответственнейшими заданиями, а Денису велено было быть неотлучно при особе принца. Он и питье ему подавал, и умыться.

Возле крайней палатки, где расположены были пафлагонцы — любимцы Андроника, когда принц подъехал, чтобы осмотреть, как готовятся осадные лестницы, какой-то вояка принялся ему выговаривать, что деньги стратиотам не плачены уже второй месяц. В унисон раздались выкрики, что и военные действия начались не вовремя — идет уборка винограда.

Принц был взбешен: и без того все расклеивалось, расплзалось. Он схватил хлыст, Денису стоило труда его уговорить, успокоить. В выступавшем он узнал Стративула, того самого, который в харчевне на краю Филарицы дал когда-то приют Денису и Фоти... Он же всегда чужд был политики, ему бы кости да вино. Уж если такие протестуют!

— Такова горькая участь наша, римлян, — сказал принц, успокаиваясь. — Западный рыцарь, крестоносец, кавалер ордена, он раб войны, за него мужик пашет, а он только и воюет. У него и родины нет! Таков и сарацин, кочевник Востока, грабительским промыслом живет. Иное дело наш римский стратиот, он сам и пашет, сам и воюет. Ему и на себя надо напахать, и на царя, и на грабителя!

Денису трудно было не согласиться со справедливостью этих слов. А Андроник, видя, какое впечатление он на слушателя произвел, даже развеселился.

— Вот увидишь вскоре, — похлопал он Дениса по плечу, склоняясь к нему с седла. — У меня оружие есть такой необыкновенной силы! Вскоре все эти никейчики побегут стремглав сдаваться в плен.

Собрался военный совет. С моря надвигались тучи, гремел отдаленный пока гром, ветер отдувал полы большого принцева шатра, в котором за походным столом сидели сумрачные генералы.

Андроник поступал рукоятью плети, открывая собрание, как вдруг вылез вперед рыжий Исаак Ангел в шутовской полувоенной одежде — несколько медных бляшек нашито на сугубо сельскую овчину.

— Всевысочайший! — пытался он пасть на колени

в тесноте сидящих полководцев.— За что ты велел арестовать мою старуху мать?

«Конечно, вопрос этот непростой,— думал Денис, который перед Андроником разматывал свиток с картой Вифинии и Трояды.— Но лучше бы об этом наедине. Какой-то дьявольский замысел у этого Исаака есть...»

Генералы перестали шушукаться, ожидая, что будет дальше.

— Я велел взять ее из монастыря, где она игуменьей, как заложницу,— четко ответил принц.— Ты, конечно, знаешь, что братец твой там? — Андроник плетью показывал в сторону Nikei.— Могу ли я быть уверен, что и ты не окажешься вместе с ним?

— Да здравствует великий Андроник! — петушком пропел Исаак и на коленях выполз из шатра.

Настроение было испорчено. Воеводы сидели потупясь, а лысый Врана помедлил и встал за столом.

— Прости, всевысочайший, задам вопрос и я. А за что вчера арестована моя теща, Манефа Ангелисса? Ночью, как мне передали, прискакал, как черт, твой Агиохристорит и ее забрал.

Все стали оглядываться, правда, Агиохристорита не было видно. Все думали, он обжирается и под каким-нибудь предлогом на войну не идет, а он вон оно — нате!

— Это у тебя какая теща? — спросил Андроник, зло раздувая усы.— Я имел в виду которая по счету?

— Вторая. Первая умерла давно.

— Вторая! Ха, ха, ха! У меня, если сосчитать всех законных и незаконных, будет двенадцать тещ. Двенадцать! Хочешь — бери на выбор любую, хочешь — половину их так отдам!

Генералы сочно захохотали, разрядка произошла. Андроник рванул на своей груди далматика с двуглавым орлом.

— Скажите, зачем вы меня призвали к престолу? Крах, крах во всем, мы накануне развала. Зря топчемся, войска не в комплекте, дезертиры уже не скрываются по лесам. Сегодня не покорится Nikea, завтра отпадет Kипp, за ним Родос, Далмация, вся наша лоскутная держава...

Андроник разглядывал лица своих полководцев и вдруг обратил внимание, что состав их сильно изменился. Аристократов нет — Лапарды, Андроника Ангела, остались какие-то мужики от сохи — Мурзуфл, Канав... Происходит размежевание общества.

— Мало захватить заложников, я думаю, у тех, кто бежал в Никею или в другие места, имущество — дома, имения, деньги — отобрать и отдать беднейшим! Пусть народ знает, кто его друзья, а кто враги.

Андроник сорвал с себя шлем и вытирал лысину поданным Денисом полотенцем. Указал этим полотенцем прямо на продолжающего стоять Врану.

— А ты знаешь... А ты не можешь не знать, у тебя есть своя армейская разведка, что старший сын твоей названной тещи на Кипре уже поднял мятеж. А младший ее сын, косноязычный эгот, он тоже там, — и Андроник вновь махнул в сторону Никеи.

И весь задрожал в приступе гнева, закричал срывающимся голосом:

— Да я кля-нусь бо-го-родицей, я бы род-ну-ю свою мать не по-ща-дил!

И сел в изнеможении в походное кресло, а тут подошел приехавший Каллах, расстегнул ему кирасу, налил гранатового сока.

— Все исполнил, как ты велел, — доложил он. — Только напрасно все-таки ты это...

— Молчи! — закричал и на него Андроник. — Всех пригнал? Где они?

Каллах указал куда-то вдаль кивком головы и продолжал обтирать лицо сюзерена, искаженное злобой войны.

Немного помолчав и отойдя от страстей, по карте обсудили положение. Расстановка сил не вызвала возражений. Было решено после удара походного колокола в ставке принца выступить всем одновременно. Это будет решающий штурм!

— У меня есть такое оружие, — предупредил Андроник. — Обалдеете!

А оружием этим необычайным была вереница (не назвать же ее толпою) немощных стариков и старух, которых выгружали из военных фур и строили в колонну. Успевшие выпить пафлагонцы древками копий гнали их к самым воротам осажденного города, где бил и бил таран, словно забивал сваи. Там уже заготовлены были осадные лестницы, по которым этих стариков и старух погнали бы наверх, к зубцам стены, где притаились готовые к отпору их сыновья и зятья.

— Вот мое оружие! — хохотал Андроник на пляшущем от возбуждения коне. — Видишь, Дионисий? Колонна тещ!

Денис со страхом смотрел на его раздувающиеся в гневе знаменитые усы, на синее, трясущееся лицо.

Тещ, тестей, сватъев и прочих родственников подвели к лестницам, но оказалось, что выполнить адский по хитрой задумке план принца фактически невозможно. Заложники были столь немощны, что самостоятельно лезть на ступеньки были не в состоянии, несмотря на то, что их и понукали и хлестали.

Какой-то никейский снайпер из-за зубца примерился из самострела и пронзил ловким выстрелом одного из принцевых офицеров. Пафлагонцы тут же убили первого попавшегося из заложников. Старики и старухи подняли вой, плач, кричали о пощаде.

— Принц, принц,— молила из-под копыт Андроникова коня старая заложница.— Смилуйтесь, всевысочайший! В моем доме бывала в гостях ваша дочь, дружила с моей Теотоки, она же теперь Врана!

Старый раб Иконом, который добровольно последовал за нею, сам весь трясущийся от страха, поддерживал хозяйку, чтобы та действительно не бросилась под коня. Но слабый голос ее не был слышен в гуле тарана, звоне оружия, ржании коней, ругательствах солдат и прочем гаме гражданской войны.

11

Принц заканчивал трапезу, когда ему доложили: вернулся Пупака. Принц вскочил, потребовав салфетку, отпустил свиту, только Денису кивнул — не уходи. С помощью Каллаха натягивал свою любимую сарацинскую кольчугу из мелких звеньев. Ветер снаружи крепчал, хлопанье парусины шатра усилилось.

И вот Денис увидел, как приподнялся полог и в шатер шагнул гигант Пупака, а за ним, облизываясь как лиса, все тот же плешивый и все тот же юродивый чародей Сикидит.

Не успев даже поклониться принцу, Сикидит набросился на Дениса, указывая скрюченным пальцем:

— Мой, он мой! Мой это раб, он от меня сбежал, разбил два хрустальных холодильника... Девку мою увел, аптекаря зарезал. Хулиган несусветный! Отдай мне его, принц!

Оправив кольчугу перед зеркалом, Андроник обернулся к Сикидиту, прищурился.

— Оба вы мои рабы, и ты и он. Поэтому мое желание — не цапаться по-пустому. Подумаешь! Девки тебе не хватает? Скажите лучше, господа чародеи, как мне взять этот город зла?

Сикидит недовольно взмахнул длинными рукавами. Пусть он первым докладывает, я, мол, слышал, что он тут во дворце теперь в главных предвещателях ходит...

— Как, Дионисий, возьму я Nikeю? — повернулся к синэтеру принц.

Денис лихорадочно перелопачивал память, но никак не мог вспомнить ничего, кроме самого факта взятия Nikeи.

— Возьмешь обязательно. Только, может быть, не сегодня, а в другой раз.

Андроник пришел в совершенное неистовство, усам его досталось.

— Хватит мне морочить голову! Как вы не понимаете остроты обстановки, знатоки, интеллигенты ленивые. Мне надо не вообще взять Nikeю, мне надо ее взять сегодня, по-гречески — симерон! Ну, сделайте там что-нибудь в своем загробном царстве, чтоб вас...

Денису сделалось стыдно, Сикидит заинтересовался иноземным палестинским самострелом с тетивой из металлической струны, который лежал у принца на столе. Принц же прямо ныл от бессилия что-либо изменить.

— Ну а твой секрет, где он? Ты же обещал...

— Что я обещал, это я всегда исполняю, — важно заявил Сикидит. — Уже устанавливают напротив никейских ворот...

Андроник торопясь вышел, над истомленной землей всходила огромная синяя туча, ее пронизывали молнии, раздирал ветер.

— Всевысочайший! — бросился к нему какой-то пафлагонский стратиарх. — Что прикажешь делать со старухами? Попадали в канаву, затаились...

Но принцу уже было недо старух. Вскочил в седло, коней подали Сикидиту, Денису.

— Надо взять сегодня! — призывал принц. — Симерон! Слышите, герои?

На расстоянии полета стрелы, напротив ворот, силачи под командою Пупаки устанавливали на деревянных коз-

лах махину — сооружение, очевидно, из бронзы — огромный, заклепанный с одной стороны ствол.

— Пушка? — удивился Денис. — Но до пороха еще целых сто лет!

«Впрочем, — подумал он, — в литературе пишут, что история техники в Византии слабо изучена. Книгопечатание, бумага, компас, без сомнения, были у византийцев раньше, чем в Западной Европе. А знаменитый греческий огонь? По составу он был таким же, как порох, только жидкий».

«Итак, протопушка, — решил он, наблюдая, как Сикидит чертом вертится вокруг установленного сооружения, начальственно покрикивает по делу и не по делу. — А кто же здесь рассчитывает давление внутри ствола?» Денис хорошо помнил уроки Советской Армии, там усвоил понятие — давление газов внутри ствола. Неужели это Сикидит делает расчеты?

— Ну и как? — подъехал принц, заметивший, что Денис заинтересовался протопушкой. — Пока вы тут с бабами загипнотизированными воюете, наш старичок в своей эргастерии, как мышка, трудился и вот какую красоту изобрел!

Сикидит был польщен вниманием к его детищу. Принялся объяснять, что главная проблема была во взрывчатом веществе...

— Инструментум флогистонум! — объявил принц поллатыни. Ясно было, что в этом деле он тоже кое-что смыслил. — Огненное орудие! Торопитесь, братцы!

С небес сверкнула молния. Боги подтверждали торжество науки. Ветер крутил смерчи, мел пылевые бураны. Подъехал великий domestik Врана, поддерживая камиллаву, которую он временно надел вместо шлема.

— Прикажи заложников отпустить... Не дело это, принц!

— Никогда! — нервно тряс пальцем Андроник. — Никая будет взята сегодня. Я вам такое покажу, я все разнесу здесь в клочки!

Тут подъехал Сикидит, который возле протопушки оставил своего горбатого помощника. Заявил: лучше бы продолжать подготовку после дождя, а то невозможно как следует взрывчатку отмерить.

— Клади больше, — неистовствовал принц. — Чего глядишь, горбун? Клади, не жалея! Кашу маслом не испортишь!

Прискакал дежурный адъютант, доложил ни к селу ни к городу:

— Исаак Ангел ушел...

— Куда ушел?

— Все туда же, куда...

Тут Андроник окончательно взбеленился. Подскакал к горбуну, схватил его с седла за шиворот:

— Поджигай фитиль!

— Но, всевысочайший...

— Поджигай, скотина! Поджигай!

Денису сначала показалось, что молния из низко нависшей черной тучи ударила прямо в их бугор. Затем он понял, что уже не сидит в удобном седле своей Альмы, а по воздуху несется прямо об землю. Хлопнулся боком и на какой-то момент выключился из бытия. Потом ощутил себя зачем-то бегущим и что-то кричащим среди других столь же изумленных и обезумевших, среди скачущих лошадей и валяющихся кровавых тел.

Стелился низкий душливый дым, все виделось как сквозь колеблемую воду. По-прежнему утробно рокотал гром. Пушку, стало быть, разорвало.

На коне оказался один Андроник. Еле справившись со своим скакуном, он спрыгнул и кинулся к лежащему Каллаху. Как ни слушал он его сердце, оно молчало непоправимо.

— Ой, друг! — горевал принц. — Как же это тебя так? Ой, мой бедняга, ты убит? Кто же теперь позаботится обо мне?

Все потихоньку приходили в себя. Осажденные никейцы напряженно молчали, не в силах понять, что это там такое у противника происходит. Оплакав Каллаха, принц не стал заботиться о других убитых и раненых, валяющихся вокруг. Главное, отметил, что Сикидит невредим. И помчался к Никее, где таран не прекращал свою пока бесполезную работу.

Подскакал к воротам, увидев повелителя, вояки встрепенулись, в очередной раз раскачали ствол тарана: «И-и-эх!»

Ворота зазвенели от удара, но даже не пошатнулись. Никейцы сверху следили за происходящим, но не стреляли, потому что вокруг по канавам сидели заложники и заложницы.

— Сейчас я вам повышу производительность труда, — обещал принц мастерам тарана. И закричал стратиарху,

ответственному за заложников:—Где эта Ефросиния, старая потаскуха? Ну-ка ее живо сюда!

Доставили старуху в монашеской мантии, это была мамаша Ангелов, Андроника и Исаака, ныне игуменья монастыря. Все морщинки на желтом личике несчастной тряслись от страха, но она виду не подавала, громко молилась.

— Не молись, не молись,—сказал ей принц.— Лучше-ка садись верхом на эту чушку. А то что Господа гневишь понапрасну?

И полумертвую Ефросинию посадили верхом на таран и принялись лупить по воротам что было сил.

— Андроник, Андроник! — кричали с верха ворот.— Опомнись!

— Андроник, Андроник! Отпусти мою мать!— это молил рыжий Исаак, который, как оказалось, вовсе никуда не бежал. Он ползал за красующимся в седле принцем, колени в кровь были разодраны о щербистый грунт.

— Отпустить?— хрипел Андроник, успевший потерять голос.— Очень просто! Откройте мне ворота (следовало непереводимое ругательство), и я отпущу вам вашу мать (еще худшая брань)!

Все, однако, ожидали, что ворота все-таки откроются. Опять подбежал пафлагонский стратиарх с сообщением, что эта Ефросиния уже потеряла сознание, держать ее на таране невозможно... Андроник хлестнул коня и умчался куда-то, как сатана.

И тут хлынул дождь, которого так долго все ждали. Сначала крупный и спокойный, он превратился в сплошной непрерываемый поток небесной воды. Армия Андроника стремительно разбежалась, а с нею заложники и мобилизованные крестьяне.

Тогда втихомолку приоткрылись ворота непокорившейся Nikei и диссиденты, захлебываясь от дождя, перетаскивали к себе и Ефросинию, и валявшееся вокруг оружие, и даже самый таран.

Последствия от взрыва протопушки оказались более ощутимыми, чем это виделось сначала. Среди многочисленных жертв был и великий домашник Врана, нелегкая его принесла как раз в момент выстрела приехать хлоп-

тать за заложниц. Он, правда, был жив, но лишился языка, не мог ни встать, ни сесть, смотрел жалостливо выщевшими старческими глазами. «Контузия», — как врач определил бы Денис. Но византийцы этого не понимали, они склонны были все валить на злого духа, который, по их мнению, сидел в той протопушке.

Потерпел утрату и Денис. Он, имевший теперь двух коней, да, по мнению Костаки, обязанный просто завести себе их целую конюшню, взял с собой под Nikeю старушку Альму, не предвидя там особенных боев.

Теперь бедная верная Альма умирала с вывороченными внутренностями, и не дай Бог вам увидеть глаза умирающей лошади, это страшнее, чем человеческие глаза. Приходилось лошадь зарезать, чтобы хоть мясо не пропало для голодных солдат.

Денис же, хотя стоял ближе всех к незадачливой этой пушке, отделался царапинами, а пострадавший костюм синэтера пришлось заменить на запасную форму какого-то стратигота.

В столицу они вернулись с обозом, отвозившим в Редест по-прежнему парализованного великого домашнего. У византийцев, кроме отмеченных выше, был и такой предрассудок: они не смещали с должности раненых и больных, пока сам Бог не приберет или не разгневется царь.

Костаки, раздобывший трофейного коня, посадил Дениса на него, и они с дружиною отправились с пристани домой. (Домой! В особняк в квартале Дафны!)

Несмотря на сравнительно поздний час — солнце висело низко над волнами пролива, — улицы были полны торгующих. Денис, которого ранее целиком поглощали заботы организации осады Nikeи, вдруг обратил внимание, что торгующие теперь люди совсем иного класса. Это были не купцы, не профессиональные разносчики — это были внезапно обедневшие чиновники, домовладельцы, учителя, даже попы и диаконы, продававшие по мелочи скудные свои пожитки, чтобы завтра своим детям принести хоть кусок хлеба.

Остановились на углу улицы Виглы, чтобы пропустить шествующий по какому-то поводу крестный ход. Почтенная матрона в простой холщовой накидке, которая могла принадлежать какой-нибудь из ее бывших рабынь, протянула Денису в седле бронзовую статуэтку — пляшущий человечек с козьими рожами.

— Если вы понимаете, господин,— торопилась она, видя, что Денис заинтересовался и рассматривает статуэтку,— а вы, вижу я, человек образованный, это подлинная вещичка из Древней Эллады...

Да, это был Вакх-Дионис, возможно, из века Перикла или даже ранее!

— Купите, господин! — убеждала она, поспешая за ходом коня.— Эта вещь принадлежала всему нашему роду, ведь мы были язычники. Мы потомки Алкамена из Афин, вы не слышали такого? Дешево отдаю, всего двадцать пять денариев, потому что боюсь, закроются продовольственные лавки...

Денис приказал Костаки уплатить деньги и, поскольку упрямец этот медлил, пришлось на него прикрикнуть. А статуэтку Денис, еще раз полюбовавшись ею, отдал матроне, и та исчезла в водовороте толпы.

Костаки ворчал: покупать всякую всячину? Вон чего только здесь не продается! Домашние коврики, посудины с семейными гербами, жалованные лоры с вензелями царей и цариц. Мелочи вроде статуэток или пудрениц уже не в счет... К тому же эта престарелая барышня завтра все равно сбегрит бронзового козлика кому-нибудь другому, будьте спокойны! Если она не обратила это предприятие в ремесло, то есть психологически нащупывает простака вроде Дениса и разжалобливает его рассказом об Алкамене, театральном мальчике...

— Каждому не поможешь,— заключил он.— На это всего твоего жалованья синэтера не хватит. Надо перевернуть всю эту проклятую империю вверх дном, тогда, может быть, что-нибудь и выйдет...

— Ай спасибо тебе, Костаки Иванович,— отвечал ему Денис,— за твою суровую сермяжную правду. Только лучше бы ты помалкивал и не забывал, чей хлеб ешь.

Дальше они уже без перебранки добрались до своего дворца, Костаки отправился устраивать лошадей, а Денис, отдав плащ и оружие привратнику, стал подниматься по лестнице.

Слышалось знакомое, ежевечернее: «Лей, лей, погорячей» — это домоправительница Сула распаривала свои мозоли. Денис как-то даже с улыбкой подумал, что именно Сулины мозоли и распарки придают уют домашний его казенному очагу. Послали Гавру в Филарицу, узнавать про матушку Софию, да почему Фоти не едет... Опять ни Гавры, ни Фоти!

Но тут что-то неординарное в разговорах Сулы обратило внимание Дениса. «Чего озираешься, черномазая,— кому-то сурово внушала она.— Тебя купила я, и теперь ты слушай моих указов. А то, дрянь, я палку как возьму!»

Денис шагнул в апартаменты домоправительницы и увидел ее в знаменитой тиаре, в которой она, наверное, и спать ложилась, в необозримых юбках, на низенькой скамеечке перед медным тазом с горячей водой. Но не это, не это, конечно, поразило Дениса — перед ним была его бывшая рабыня, теперь служанка его Фоти, которую они шутливо прозывали Черная Света.

— Тинья! — воскликнул Денис. — Ты как здесь? А что с нашей Филарицей?

Тинья, запинаясь и по десять раз повторяя одно и то же, сказала, что с Фоти ничего, только ее одну, Тинью, какие-то конные похитили и в мешок посадили, она же маленькая... И вот сюда продали ее, она и думать не могла, что это дом ее любимого господина, ой какой роскошный дворец!

— Ну ты бы объяснила этой даме, что тебя не имели права продавать, что ты похищенная...

— Я говорила им, говорила, они не слушают...

Тут сочла необходимым вступить сама Сула, которая сказала, что купила недавно партию рабов для водяного колеса, а эту чернавку она и не покупала, ее дали просто так, в виде премии, она же, вон, погляди, генерал, уже пузатая, кто-то ее надул, черный или белый. Такие, на сносях, на рынке не котируются. Потом, откуда ей знать, что эта вещь у Дениса же и украдена?

— А что за водяное колесо? — насторожился Денис, побаивавшийся внезапных инициатив своей домоправительницы.

Та напомнила ему, что уже докладывала: в особняке обнаружена целая галерея для зимнего сада. Красавчик протосеваст, чем ограблять народ, лучше бы зимним садом в своей резиденции занялся. Сула размечталась: пальмы бы там в кадках расставить, рододендроны, глицинии, даже розы... «Ах, если бы у меня был свой дом!» Водяное же колесо необходимо, чтобы воду поднимать на верхний этаж, как в садах Семирамиды.

— Да это большие деньги! — прикинул Денис. — Откуда ты их взяла? Это что, твои или мои?

— Твои, твои, всецедрейший... Когда Андроник пришел к власти, он велел из казны всем своим синэтерам

раздать по пол-литры чистого золота. Принц платит только золотом!

— Сады Семирамиды! — покачал головою Денис и попросил оставить их с черной Фотинией.

Для него, как и для всех его спутников по бывлой кувикуле в Большом Дворце, не было секретом, что покойный Ферруччи жил с этой малюткой. В память о добром товарище Ферруччи они были обязаны так же отнестись и к его ребенку.

Денис постарался успокоить бедную Тинью, собственноручно напоил ее горячим молоком. Сула, чувствуя свою вину, тоже просовывала им в дверь то тарелочку со сладостями, то яблочко.

И Тинья рассказала, что Фоти давно уже нет в Филарице. Она ушла с богомолками в Гангры Пафлагонские, поклониться мощам великомучеников и запретила следовать за нею...

— Это все поп виноват...

— Какой поп?

— Ну этот, молодой... Кир Валтасар. Он и к ней подбирался, к Тинье. А госпоже Фоти он все шептал, шептал что-то, все исповеди назначал, потом она ушла...

Кир Валтасар! Как много предупреждений уже получил Денис об этом человеке. Кто он, что ему надо?

— А теперь где он?

— Кир Валтасар?

— Да, он.

— Его мужики палками прогнали, они подозревают, что он за деньги показывает агарьям для их набегов тайные тропы в завалах...

Он отпустил Тинью, заверив, что она будет служить только ему лично.

Сидел в своей передней, ничего не делая, гвалт от бурно прожитого дня постепенно от него отходил. Встать, перейти в опочивальню не было сил. Слушал, как в парадных покоях ходила Сула, напевая свои маркитантские песенки. Она все планировала, куда что купить, а что переставить.

Потом послышался с лестницы строгий голос его чернокожего постельничего, который после оплошности с принцессой вообще сделался цербером. Он пытался кого-то не пустить.

Открылась медленно палисандровая дверь, и вошла его белокурая Фоти. Да, да, его Фоти, его Светка! Уста-

лая, запыленная, в дорожном плаще, она даже и на Дениса не смотрела, а прислушивалась к маркитантским песенкам в мраморном зале.

— Кто эта женщина? — спрашивала она.

Глава седьмая

СКОРПИОН СКОРПИОНУ СКОРПИОН

1

Сменилась утренняя стража, когда синэтер Денис, внезапно вызванный, входил во дворец. Цвели флоксы, было время флоксов. Подобно сказочным девам в белых и светло-розовых нарядах, они со всех сторон заглядывали в окна и галереи. Их упоительный аромат плыл по залам, усиливая сходство с райским садом.

Купы цветов окружали и террасу, на которой Андроник, любитель открытых пространств, расположил свой кабинет. Отдувая усы и заложив руки за спину, он ходил по диагонали, а это было у него признаком доброго расположения. «Что за вызов? — недоумевал Денис. — Вчера же расстались чуть не за полночь. И опять срочный вызов!»

Завидев входящего Дениса, принц обратился к адъютантам. «Где Агиохристофорит? Где этот его поп? Даешь сюда обоих!» А Дениса пригласил посидеть на скамеечке.

Пришел Агиохристофорит и вслед за принцем стал смотреть на входную дверь, словно кого-то ожидая. «Что за цирк! — усмехнулся Денис. — Будто перед выходом знаменитого жонглера». В Византии каждую минуту можно было предполагать какой-нибудь фокус.

А вот и тот, кого ожидают, семенит подобострастно, кланяется. Это действительно поп, ба! Ведь это не кто иной, как кир Валтасар, поп из Филарицы, только в гражданской одежде. По-прежнему у него приветливое лицо, похожее на блинчик, и ангельские глазки. Как же Денису его не знать! Ведь это он расстроил их свадьбу под предлогом, что жених не крещен.

Этой ночью вернувшаяся Фоти устраивала ему то, что называется цирк, и Денис, не будучи формально женатым,

испытал все прелести ревности по поводу домоправительницы Сулы. Так думал Денис.

Но дело оказалось сложнее. Ведь он вернулся только что из-под Nikei, где чуть не погиб, где столько довелось ему пережить. Глаза смежались сами собой, на веках пудовый груз навис усталости. А Фоти не давала ему заснуть и к себе не подпускала, все говорила, говорила, а то принималась плакать. Денис с трудом понимал смысл ее речей, кроме всего прочего, и пафлагонский ее диалект отличался от того греческого, которым владел Денис. «Вот приспичило!» — думал он, сдерживая зевоту.

И вдруг его словно прошибло, когда он уразумел неожиданный смысл ее речей:

— У нас скоро будет ребенок.

Всякий сон его как начисто смело. Денис хотел ее как можно нежнее поцеловать, приласкать, сам еще не разобравшись, в этой ситуации хорошо это для него или плохо. Но она билась и трепетала, захлебываясь в слезах. Когда же он, потеряв терпение, воскликнул: «Чего же ты, однако, хочешь? Ведь я радуюсь вместе с тобой!», она заявила:

— Но я не хочу, чтоб у нас с тобою был ребенок.

— Ты с ума сошла, Фоти! Почему?

— Потому, что ты диавол.

Вот как!

Тем временем Андроник вошедшему, чуть ли не вползшему попу повелел встать на колени напротив Дениса и строго ему наказал:

— Смотри, долгополый! Ничего, кроме правды. Мне ничего, кроме абсолютной правды, не требуется, святой отец. А не то в прихожей у меня ждут Ной и Аввалиил, цирюльники, еще более святые отцы. Они знаешь какие мастера головы отстригать?

Окончательно затурканный кир Валтасар моргал глазками, стоя на коленях, а Денису вдруг подумалось: «Очная ставка!»

Оказалось, так и есть. По приказу Агиохристофорита ровным и благожелательным голосом поп объявил, что тот, кто сидит напротив, не кто иной, как Дионисий, родом из местечка Филарица, что он сын деревенского колдуна, мельника («Откуда он это взял!» — невольно ужаснулся Денис). Этот мельник всегда жил на отшибе, у ручья, и его мало кто знал. А сына своего (поп без малейшего колебания указал на Дениса пальцем) он и воспитал как

колдуна, чародея... По указу же блаженнодостойныя памяти царя Мануила все водяные и ветряные мельницы без исключения должны были быть разрушены как инструменты бесовские...

Тут Андроник, не прекращая щупать усы и ходить из конца в конец по диагонали, критически хмыкнул, а благоприятный кир Валтасар по-прежнему без запинки, словно читал невидимую книгу, закончил трудное жизнеописание отпрыска деревенского колдуна тем, что сообщил:

— Ныне же злодейски совратил нашу духовную дочь отроковицу Фотинию и живет с нею, яко со блудницею...

— Всё? — Андроник приостановил свой бег.

— Всё.

— Всё? — грозно переспросил принц, подходя к нему.

— Всё... — личико кир Валтасара на глазах худело. Андроник замахнулся. Поп повалился лбом, елозил в пыли перед принцем.

— Агиохристорит! — воззвал принц. — Забери-ка его, но держи милостиво. Он нам еще может пригодиться.

Трепещущего попа увели, а Андроник принялся за свое любимое занятие: смешивал вино в классической пропорции — два к одному. Одну чашу подал Денису, из другой стал пить сам.

— Что скажешь, синэтер? — кивнул он в сторону точки пространства, где только что лгал кир Валтасар.

Денис молчал, а что ответить? Права была та плясунья Теотоки — византийцы без вечного детектива не могут.

— Тогда расскажи о себе сам.

Денис сначала и не знал, что рассказывать. Да и не до этого было сейчас ему. Ночная плачущая Фоти непрерывно стояла перед ним. Но постепенно втягивался, описывал семейный быт — молодую жену отца, директрису на одном из внешнеторговых предприятий. Эта особа везде афишировала свое материнское отношение к пасынку, а Денису она была элементарно неприятна. А мать и отчим, солидный профессор одного из московских вузов!.. Опасался, что слов греческих не хватит, ведь жизнь была все-таки неизмеримо сложнее. Но, оказывается, хватило, даже на такие, как «Всесоюзный Ленинский союз молодежи». Панэнносиаки эносис... Всё «эносис» да «эносис», то есть общее, соединенное, союз...

Принц слушал чрезвычайно внимательно, даже для

смешивания не отвлекался, поручил это дежурному адъютанту. Задавал наводящие вопросы.

— А кто это Ленин? Это у вас основатель династии? Особенно его интересовали вопросы о партии.

— А кто это, ты говоришь, сказал «орден меченосцев»? А как точнее перевести «партия»? Комма, коммуниста? Вот это здорово придумано, орден меченосцев! А то кого ни придави, сукина сына, он в Никею норовит...

Эфиоп принес ему на блюде сочную кисть винограда, его завтрак. Андроник следил за своей фигурой. Тотчас отделил половину Денису, и нельзя было даже из вежливости отказаться.

Ветерок, прорвавшийся сквозь душистые флоксы, шевелил его усы, а он молитвенно сложил руки:

— Богородица Пречистая, архангел-заступник, где же мне взять людей?

Собственноручно ударил в маленькое серебряное било на письменном столе. В ответ на мелодичный звон из особой двери вышел Евматий Макремволит, как всегда во франтовской рясе и с папкою под мышкой.

— А принес то, что я тебе велел? — поинтересовался принц.

— Да, всесветлейший, она у меня в библиотеке. Я принесу.

— Собрались ли синэтеры?

— Да, они здесь.

В аванзале уже роились, как пчелы, златотканые царедворцы. Денис, пока его оставили в покое, опять мысленно перенесся к ночным разговорам с Фоти.

Она все плакала, как девочка, навзрыд, а он все пытался ее утешать: ну, какой же я диавол? Ну, откуда ты это взяла?

— Я подумала об этом, еще когда мы бежали... Когда ты волка руками разорвал, помнишь? Я подумала, только диавол...

— Или что я некрещеный... Но я крещусь, крещусь, вот нового изберут патриарха.

— Да разве дело в этом, милый! — улыбнулась, будто солнце выглянуло сквозь утихающий дождь. — Многие православные девушки попадают в жены нехристям, детей им рожают. Тот эмир Араслан, с которым мужики наши непрестанно воюют, его же старушка мать христианка...

— Тогда вообще, в чем причина твоей печали, скажи.

— Ах, как ты не поймешь! Если бы ты был просто нехристь, но ты диавол, ди-а-вол... Ты же сам рассказывал, как летел с того света. Я и не понимала, пока один добрый человек меня не просветил. Спрашивает, а что, у твоего мужа (он тебя еще мужем называет), у твоего мужа при совокуплении семя холодное, как лед? Как, говорит, ты чувствуешь? Конечно, он диавол!

Денис как огорошенный не знал, что и возразить. Против этой напасти у него защиты нет.

— Я уж ходила к мученикам в Гангры... Молила на мощах целебных, пусть я ошибаюсь и ребенка у нас не будет. Нет! Не ошибаюсь я!

А его сверлила мысль — это все тот поп злонамеренный, мордастый! А о каком попе толковала как-то матушка София, будто он сватать пытался еще совсем юную Фоти? А кто-то же ее однажды продал пиратам? А тот поп-сомутитель, о котором говорила черная Тинья?

Глашатай звучно объявил всем синэтерам собраться в мраморном зале.

Тут несколько все же слов о звании синэтера. По преданию, у македонских царей в их древнем, примитивном быте существовали «сотоварищи», «дружки», чтобы за ними в огонь, и в воду, и в медные трубы. Были синэтеры и у первых Комнинов, которые предпочитали походную, лагерную жизнь всякой придворной. Однако звание синэтера, которое сопровождалось неслыханными милостями, иногда давалось только за симпатичную физиономию, и больше ни за что.

Синэтеры Мануила перестали быть ими с кончиною владыки. Но Андроник, имел ли он право избирать синэтеров, ведь он не был императором? Новоизбранные синэтеры шептались об этом, им было неловко, но отказаться от милости принца не решались, тем более что это были люди, съезжавшиеся к нему в Энейон, звавшие его на царство.

Андроник сказал краткую речь:

— Иных уже нет, да поглотит их тартар! Другие далеке, как сказал поэт, чтоб его перевернуло самого! Ушел теперь Ватац, прохвост, прощельга, удрал Лапарда, эта бескорыстная проститутка. Патриарх, святейший патриарх, отец родной, бровеносец, оставил панагию и самовольно ушел в монастырь...

Принц перевел дух, обтер усы рукавом.

— Даже тезка мой, даже тезка Андроник Ангел, кото-

рому я давал грамоту «Вот посылаю ангела моего...». Поразительно вот что, никто из бегущих в Никею даже не объявляет, из-за чего бежит. Просто бегут, и всё тут! Кажется, и Исаак рыжий тоже все-таки убежал, обиделся, наверное, за мамашу...

— Я тут, всевысочайший, я тут! — раздался откуда-то снизу, словно из-под стола, шутовской голос. Никто не знал, смеяться или плакать.

Служители под руководством Евматия внесли аналой и расположили на нем книгу, освободив ее от пеленаний и завязок. Это была все та же старинная пергаменная книга, Евангелие Апракос, правда переписанное еретиками, но слывшееся фамильной книгой Комнинов. Служители воскурили ладан, зажгли свечи, замахали кадилами.

— Я не заставлю вас переприсягать, — миролюбиво сказал принц. — В конце концов это дело совести каждого. Но я велел доставить именно ту книгу, тот экземпляр, на котором мы клялись друг другу в Энейоне. И пусть каждый по очереди над ним скажет молитву Господню, «Отче наш...». И всё.

Обряд начался, а Денис, отойдя в сторону, думал о своем. Фоти сказала, кроме всего прочего, говорят, тут в столице есть бабушка одна, вещунья, она снадобья делает, чтобы не рожать...

Подкатился к нему Агиохристорит, вихляя жирным пузом. «Ты не обижаешься, — начал, — за этого попа? Это не я, не я, клянусь дьяволом...» Опять — дьяволом? А Агиохристорит нашептывал, пока принц был отвлечен молитвой синэтеров:

— Погоди, он тебе испытание устроит покруче, чем через того мерзкого попа...

2

Все те же пустынные, мрачные, сводчатые коридоры Большого Дворца, где расположены всякие царские службы — зверинец, конюшня, склад пиротехники... Отсюда Денис бежал с Фоти из чародейской эргастирии той страшной зимой, и ничего не изменилось! А вот и само логово безумного старца Сикидита.

На сей раз это просторное многосводчатое помещение, эргастирий, палаты чародея при дворце. Хотя хозяина не оказалось на месте, жизнь в эргастирии шла коле-

сом. Добрая сотня лампад горела, освещая самые отдаленные уголки. Видно было, что высокий покровитель не скунится на науку чародейства.

Это был целый цех, где одни что-то чертили, другие долбили, стучали молоточками, рисовали на распяленных козлиных шкурах. Третьи, наконец, сквозь узкие бойницы в сводах наблюдали небо.

Завидев вошедшего принца и его свиту, подбежал горбатый помощник Сикидита, тот самый, который был с ним в Никее... Весь он был обмотан, обвязан бинтами — после взрыва той несчастной протопушки. Кланялся с великим усердием, принцу стоило труда его остановить.

— Где хозяин?

— Он поднялся на большую башню Юстинианы.

— Что-нибудь наблюдать?

— Нет, он прыгает.

— Как прыгает?

— Он вчера вычислил, всевысочайший, что, если прыгнуть с зонтиком диаметром в три пяди...

— Послушайте, вы что, тут все с ума сошли?

— Никак нет, всецедрейший, это наука.

— А если он того...— Андроник выразительно повертел ладонью.

Горбатый не знал, что сказать, за него произнес Денис: «Сикидиты приходят и уходят, а наука остается...» — и не сумел удержаться от ухмылки.

— Но, но, но,— возразил грозно принц.— Сикидит нам еще ой как необходим!

Принц послал Пупаку, чтоб он свел прыгателя назад на грешную землю, а сам с интересом рассматривал экспонаты.

И тут Денис увидел хрустальный куб или, вернее, параллелепипед, поставленный вертикально, точно такой же, из которого он бежал сам и освободил свою Фоти. Сердце встрепенулось и тут же успокоилось, потому что любимая Фоти осталась ждать его в благоустроенном дворце.

Но эта женщина была чем-то ужасно похожа на ту Фоти, которая некогда спала в таком же стекле. Та же пышная, золотая корона волос, пластический изгиб обнаженной талии. Крепко замкнуты веки с полосками ресниц, а нежнейший ротик приоткрыт и там видны зубки.

— Вот это да!— пришел в восторг Андроник.— Это королева с рынка блондинок. Впрочем, синэтер, говорят,

у тебя жена тоже классная блондинка, хотя и дочь простого стратиота. Но ты же мне ее не показываешь, ха-ха-ха! Наверное, боишься, что отобью.

А Денис по своей аналитической привычке провел четкую разницу со своей Фоти — у этой мелкие черты лица, как у лисенка, крохотные ладошки и ступни ног (а у его Фоти крестьянские, крупные).

— Моя Эйрини,— увлекшись, говорит принц,— не хуже, а, скорее, даже лучше... Да теперь кому достанется, стрючку какому-то. Вот был бы, синэтер...

— Что? — почти машинально спрашивает Денис, хотя отлично понимает, о чем идет речь.

— Ничего,— усмехается Андроник. И опять, как ни в чем не бывало, обращается к кубу: — Эта какая-то не наша, миниатюрная очень. Иноземка, что ли?

И вдруг Дениса осенила догадка — да ведь это же генуэзка, из рода Колумбусов, как ее звали? Бьянка, сестра Ферруччи, невеста корабельщика Амадея. Он так и сказал принцу:

— Это подружка того самого Амадея.

— Вот она где! — принц стремительно переместился к кубу.— Как бы нам разбойника этого ею заманить? А хороша девка! — принц похлопал по стеклу и принюхался.— Постой, это она, что ли, тут припахивает? Сикидит, чума тебя разбери, да она же у тебя дохлая, совсем протухла!

Как раз в этот момент Пупака привел Сикидита, который вбежал, как рассерженная крыса, недовольный тем, что его отвлекли от экспериментов. Подбежал к стеклу, стал ковырять его пальцем. Подали больше света, стало и вправду видно, что несчастная мертва...

— Ай, ошибся я в расчетах,— подытожил чародей. А горбатому закричал: — Убери ее на помойку, слышишь?

«Преступник! — подумал о нем Денис.— А он тут у них в героях ходит... Впрочем, препарирование трупов в учебных целях широко применяется и у нас».

Сикидит кланялся высоким посетителям, только дойдя до Дениса высокомерно на него взглянул и кланяться не стал. Отпустил всех работающих, и эргастий обезлюдел, остались только высшие.

— Скажи-ка нам, волшебник,— начал издали принц,— это для нас очень важно, мы сюда к тебе сегодня для этого и пришли. Насколько правда то, что ты его,—

принц показал на Дениса, — как ты выражаешься, перетянул из другого мира. Ну, из будущего, что ли... Или в какой степени правда?

Подождали, пока горбатый ломиком сокрушил кристалл и извлек оттуда останки генуэзки. Пупака тем временем, отдувая от лица нечесанные космы, смешивал вино и раздавал присутствующим. Сикидит, впрочем, отказался, он был трезвенник.

Чародей отвечал принцу, что ведь он много раз уже рассказывал по его требованию, как все произошло. Вот и свидетель — Пупака, тоже ведь синэтер государя. А в вестибюле, среди поджидающей господ челяди, есть и другой, слава Богу, свидетель — оруженосец Костаки.

— Я верю, верю... — остановил его принц. — Но есть свидетельства, говорящие об обратном. Ты молчи, молчи, — удержал он Дениса. — Пусть выскажет все до конца. Мне надо знать, как это могло произойти. Или, во всяком случае, как ты мог извлечь его оттуда?

Сикидит, сделав жест безнадежности, принялся говорить о том, что весь видимый и осязаемый мир есть попущение Божье. Бог, так сказать, спал или отдыхал, и в условиях потери им бдительности и образовался мир. В нем может случиться что угодно и когда угодно, и если подойти с другого конца — нет чуда, а есть скудость нашего невоспринимающего ума. Пишет же блаженный Палефат, что у мифического Дедала, который был на Крите и у которого был сын Икар, у него имелись там живые скульптуры, у каждой в ногах был запрятан особый моторчик... А взять того же Пигмалиона.

— Ты, папаша, не из той оперы, — опять остановил его принц. — Мы про генуэзку тебя не спрашиваем. Ограничимся тем, что мы установили непреложность факта — сей гражданин, по имени Дионисий или как там его, вовсе не сын какого-нибудь пресловутого мельника, а действительно человек из другого мира, продукт твоих колдовских, гражданин Сикидит, деяний. Так я говорю?

— Так! — в один голос ответили увлеченно слушающие Агиохристофорит и Пупака.

— А если так, то освети нам, батюшка Сикидит, следующие проблемы: какие сверхъестественные возможности имеет этот твой продукт и нельзя ли нам отправить его обратно, обвязав, чтобы вернулся потом к нам? Видишь, — остановил он темпераментного чародея, которому уже не терпелось вступить в диспут. — Мы, как пред-

ставители властей предержавших, уже не спрашиваем тебя, что за нечистая сила тебе помогала, хотя это напрочь исключено законами империи и церкви. Мы на это закрываем глаза. Теперь говори!

— И отведу, и отведу! — суетился возбужденный Сикидит, брызгая слюной из беззубого рта. — Напрасно ты, всевысочайший, надеешься на сверхъестественные силы этого своего синэтера. Там, в своем мире, он был не чем иным, кроме как нерадивым школяром, и книги читал плохо. Так что зря ты ждешь, что он тотчас вспомнит прочитанное и день за днем восстановит тебе судьбу. Позволь, я при твоей высокой персоне устрою ему некоторое испытание?

Принц взглянул на Дениса, убедился, что он совершенно спокоен, и разрешил.

— Скажи, плод греха и добродетели, — спросил чародей, — перетряхни-ка свою память. Что произойдет, а для вас, естественно, это уже произошло, в двести пятый день второго индикта шесть тысяч шестьсот двадцать пятого года?

Он даже сгорбился, пылливо всматриваясь в бесстрастное лицо синэтера. Денис лихорадочно перебирал в памяти прочитанные или даже законспектированные когда-то истории и хроники. Старался не показать, что ему стыдно, но память звенела только обрывками каких-то поездок, разговоров, встреч, ненужных расчетов ничемного имущества.

Сикидит с трудом пережил последовавшее за этим молчание и, сочтя, что условность соблюдена, принялся торжествовать, только что на одной ножке не прыгал от триумфа.

— Комета должна взойти, комета! Путница небес, летучая звезда! Как можно забыть или не знать такое... Я целый год просидел над вычислениями!

Денис молчал, хотя и принц, и все присутствующие посматривали на него явно в ожидании каких-то слов. Первым нарушил молчание Андроник, у которого на уме было свое.

— Послушай, отец родной, — обратился он к Сикидиту. — А вот нельзя ли бы все-таки хотя бы на время перешвырнуть его обратно? Знаю, ты скажешь, наше искусство волхвования не мячик. Но если очень нужно, а?

Собеседники ожидали, к чему он клонит.

— Мы бы с тебя, Дионисий, — обратился он к нашему

герою,— даже клятвы бы вернуться не взяли. Ведь мы же тебя здесь не обижали? Помнишь, ты третьего дня рассказывал, что есть у вас там (он тоже показал пальцем ровно на потолок) магические орудия — инструментум флогистонум, как они по-вашему называются?

Принц, оказывается, взял с собою записные восковые таблички, которые обычно носит за ним Евматий. Перелистав, он нашел записку.

— Вот это слово — пу-ле-мьот!

«Ах вот оно что! — сообразил Денис. — Рассказы об автомобиле, пароходе, самолете, телевизоре, даже об атомной бомбе не произвели на него впечатления, хотя слушал он их внимательнее, чем дитя слушает про ковер-самолет или шапку-невидимку. Вот пулемет ему нужен, пулемет, доступное для понимания орудие убийства!»

Денис хотел высказать сомнение, удастся ли перенести с собой вещь, материальный предмет? Ведь при его «перетаскивании» сюда даже плавки, извините, с него слетели!

Но среди руководства уже шел политический разговор по-крупному, а на его голос обращали внимания не более чем на писк белой мыши перед экспериментом.

Андроник, одержимый новой идеей, шагал по эргастрию, терзая свой ус. Сикидит же, сгорбясь, ютился в кожаном кресле, ветхом до такой степени, что можно было подозревать его принадлежность еще магам Древнего Египта.

— Я часто думаю теперь,— развивал свою мысль принц.— Как это Александру Македонскому с горсткой его синэтеров, с крошечной армией удалось завоевать исполинскую Персию и с нею весь мир? Говорят, что он водился с магами всякими и чародеями, может быть, они из далекого будущего доставили ему хотя бы один пулемет?

— Ну и что ты будешь делать с этим пулеметом? — иронизировал Сикидит.— Воевать станешь с римским папой или с Фридрихом Барбароссой?

Тут даже Денис улыбнулся, а Андроник пришел в совершеннейшую ярость.

— Нет! Это бедные, малокультурные земли. В Каир хочу, в Багдад, в Индию! Дайте мне хотя бы один ящик патронов и пулемет!

Он остановился напротив кресла Сикидита и указал на него пальцем.

— Ты, чудотворец! А можешь ли ты пятью хлебами

и семью рыбами накормить мне хоть тысячу человек? Можешь ли остановить развал, укротить нищету, отразить нашествие? Не можешь? Тогда, молю — сделай чудо, доставь мне из глубин пространства и времени хотя бы один пулемет!

«Опять он прав!» — пожал плечами Денис. Но он уже отключился от политических страстей. Он понимал, что тотчас же по приказу принца может быть отправлен домой... Домой! Как хотел он и ждал этого часа, изобретал, как бы ускорить возвращение. «Денис Петрович, где вы?» Сердце колотилось и замирало в предчувствии нелегкого пути, но как теперь тронуться в этот путь, если у него есть Фоти и у них будет ребенок?

Судьба снова железным кулаком стучалась в дверь.

3

В массивных торшерах курился киннамон, тягучий запах еля, сам подобный магическому стеклу, расплывался под сводами эргастирия. Принц уехал, с ним его свита. Несчастную Бьянку, освободив из хрустального гроба, свалили на телегу и увезли в пристанище доминиканцев, выяснив, что она католичка.

Сикидит с помощью своего горбатого умельца энергично разрисовывал каменный пол. Изобразил и магические круги, и сферы влияния планет, и души металлов, похожие на многогранные колокольчики.

Денис у него сидел в кожаном египетском кресле. «Постарайся расслабиться и заснуть», — наставлял чародей. Денис подчинился, лишь отказался наотрез принимать какие-либо снадобья внутрь. Но Сикидит и не настаивал. Все это было похоже на приготовления к операции в аварийной больнице.

— Нечистая сила! — ворчал чародей в промежутке между сериями заклинаний. — Я пятьдесят лет колдую без малого, а не видел ни малейшего признака того, что она существует. Должен быть мой опыт принят во внимание?.. А он, подай ему нечистую силу (наверное, он имел в виду принца), только нечистую силу и признает!

Горбатый помощник чародея уселся за печкой и там насвистывал на флейте, иногда очень похоже на визг трамвая на повороте. А то оставлял флейту и постукивал на маленьком там-таме.

И Денис чувствовал, что веки непроизвольно слипаются, а разум скован дремотой. А Денис все никак не мог решить всерьез — возвращаться ему туда, где его будут звать Денис Петрович, туда, в почти забытое «домой»?

А вчера уж под утро, оставив свой бред о дьявольщине, она обхватила его как потерянное и вновь найденное сокровище, блаженно что-то лепетала. Нет, никуда, никуда не уйдет теперь от него, не расстанется, будь что будет. Рассказывала сбивчиво со своими деревенскими словечками, как жили с матушкой Софией без возлюбленных своих мужиков, как ходили молиться, как ловили каждую весть о войне.

Агаряне, пронюхав, что в округе одни бабы, так и шмыгали вокруг с конями и пиками. Говорят, какой-то изменник открыл им тайные проходы через завалы и снова был налет. Они с матушкой бежали что есть сил, прятались в лесу. Но все обошлось. И она прижималась к нему, и каждая клеточка ее удивительного тела трепетала. «Твоя Свет-ка».

— Нет! — хлопнул Денис по ручке кресла. — Мой дом здесь!

— Ну, ну, спокойненько, — пробурчал Сикидит. — Не пьяней, не пьяней. Потерпи еще чуть-чуть.

Но когда со словами «авра-кадавра, авра-кадавра», что означает — сгинь, нечистый, сгинь, нечистый, он трижды, особым образом, перевернулся на каблуках, прошмыгал мимо и стал делать пасы, при этом заглядывал прямо в лицо ястребиными зрачками, Денис усмехнулся.

Честно говоря, несмотря на свой шутовской наряд — позолоченный остроконечный колпак и мантия с нашитыми звездами, — Сикидит был вовсе не смешон, а, скорее, страшен. Но Денис все-таки усмехнулся.

— Да ты что? — опешил чародей. — Ты что хулиганишь? Смеешься? Мне теперь придется снова вживаться в образ! Ах, сатана!

Денис хотел сказать: «Не уверен — не обгоняй!» — но стало ему все это вдруг как-то постыло, безразлично, и он закрыл глаза.

И колдун снова зашаркал ногами и завел свое «авракадавра», а Денис думал, как все это, в сущности, скучно, все это наследие веков.

— Сокройся, дух зла! — вещал тем временем Сикидит. — Се грядет Авваддон, владыка бесконечности. Математики, счетоводы, счетчики, приготовьте ваши абаки!

Флейты, о флейты, больше звука сюда, в пространство! Пусть каждый звук приведет за собою число, пусть число привлечет за собою превращение. О, клубитесь, числа, о, творите хоровод представлений!

И, несмотря на все свое сопротивление, Денис почувствовал, как руки и ноги его немеют, да этот еще дурманящий киннамон.

Волшебные круги и сокружия поплыли и начали вращаться и совмещаться. Со сводов сходили астральные фигуры, Асмодей с пастью грифона, Рогозуб с оком, пронзающим, как рапира.

— Ынты! — командовал ими Сикидит. — Пфлырмбрыт (и еще какой-то набор дурацких слов), становитесь в ряд, генерозы!

И вот перед лицом Дениса — не понять, в бесконечности или совсем уж на кончике носа — открылась гигантская перспектива. Сначала он думал, узкая аллея в сосновом лесу, где все стволы ровны и равно друг от друга отдалены. Но чем более сгущалось время, словно лесной сумрак, он понимал, что это не сосны, не лес стволов, что это серебряные диски, образующие анфиладу. Наконец время и пространство сгустились совместно, словно чудовищный плевок, а свет превратился в текучее серебро, а мир вращается бешено и все ускоряется темп дьявольской карусели.

— Тинц! — со звоном один из дисков в глубине карусели как бы прорвался, и там, в ее недрах, Денис на мгновение увидел знакомое, лобастое лицо, мудрую бороду.

«Ага! — сказал он себе. — Это я несусь сквозь века. А вот Леонардо, значит, я в Ренессансе».

А вот снова лопается диск, и там видна уже чертовски приятная дама в бархатном берете с перышком. «Мадам де Сталь? — брезжит в голове у Дениса. — Однако, тысяча восемьсот первый год. Как бы мне мимо своего времени не промахнуться!»

— Денис Петро-ович! — торжествующе несетя ему навстречу. И он уже готов в ту сторону сделать последнее растяжение, самый судорожный рывок. И тогда знакомый до блаженства женский голос не то шепчет, не то поет где-то в глубине его самого: «Твоя Свет-ка...»

И он почувствовал во всем теле мгновенную судорогу, словно первобытную боль, и все остановилось. Опять то же гаерство Сикидита, и убожество этих прокопченных сводов, и скука убийственная, от которых уже не уйти.

— Что же ты, просвещенный человек,— сказал он спокойно Сикидиту.— Уверяешь тут, что в нечистую силу не веришь, а сам все к случаю и не к случаю злого духа поминаешь?

— Ба! — чуть не взревел чародей. Колпак его золотой слетел, он его поддал ногою.— Да что же это творится? Ты смотри, парень, со мною не шути, я тебя и под костер церковный могу подвести!

— Не сомневаюсь,— усмехнулся Денис. Он сидел расслабленный, словно в кресле стоматолога. Было ясно одно — космонавт у Сикидита на орбиту не вышел.

— Авра-кадавра, авра-кадавра,— суетился чародей, еще не веря в свою неудачу.— Тьфу, пху, кху, крпстрфри-пора!

4

Денис вышел на крыльцо своего особняка в Дафнах, чтобы ехать на дежурство. Было свежее утро ранней осени, когда вечная зелень чуть пожухла, но ей даже это к лицу, как ранняя сединка молодящейся красотке. А за крышами домов где-то утробно вздыхает море и переворачивает тяжелые волны.

Конвой (у Дениса теперь кроме дружины личный конвой из пафлагонцев), завидев начальника, звякает ножнами, слышится резкая команда, беспокоятся кони, ожидая дороги. И прежде, чем вскочить в седло Колумбуса, опершись на плечо оруженосца, Денис замечает, что все конвойные в седлах глядят куда-то вбок и на лицах у них заметные ухмылки.

Там из хозяйственного двора выходит на улицу ослик, прядет ушами, рядом, держась за корзинку с поклажей, идет независимая Сула. Уже ни тиары на ней нет, ни туфель с пряжками, а простые сандалии на босу ногу и многократно стиранное широченное платье, которое можно назвать римским именем «стола», но от этого оно не перестанет быть типичным одеянием маркитантки.

— Ты куда это, Суламифь? — спрашивает Денис, хотя он отлично понимает, куда и зачем уходит она.

— Возвращаюсь к месту службы, генерал,— докладывает она.— В доблестную римскую армию. Мне говорили, что в фанагорийской тагме вакантно место маркитанта.

И ослик ее, и она рядом с ним маршируют вдоль всего строя конских морд. Лошади вскидывают головами, а ослик смиренно перебирает копытами. Денис, сознавая, что делает что-то не то, дает конвою команду: вольно, спешиться, можно отдохнуть. А сам пешком следует за Сулой. И выходят они вместе из ворот и дальше следуют по улице, по травке, проросшей между булыжниками, под сенью раскидистых платанов. Только Костаки, как и положено оруженосцу, следует за ними в отдалении, ведя в поводу Колумбуса.

— Ух!— сказала Сула, отвернув лицо.— Настроение такое, сейчас разнесла бы в клочки всю эту дурацкую империю, и столицу эту, и всех ее царей и генералов... Кроме одного,— добавила она и вновь повернулась к Денису, и на лице ее цвели и доброта и нежность.

— Чем же тебе генералы не угодили?

— Да нет, конечно, генералы Бог с ними... Часто думаю я, что есть жизнь человеческая? Ведь какую я жизнь прожила, ты же знаешь... А полюбила вот только сейчас, и полюбила того, кто мне недоступен.

— Может быть, ты ошибаешься?— как можно мягче спросил Денис.

— Нет, нет, я дитя судьбы, привыкла трезво оценивать происходящее. Я все уже десять раз взвесила и десять раз поняла. Прощай, мой генерал, теперь встретимся где-нибудь на дорогах войны. У-ух!— опять с ненавистью воскликнула она, понукая ни в чем не повинного осла.

— Может быть, ты все-таки останешься с нами?— Денис остановился, потому что уже был перекресток. Он задержал ослика за недоуздок, как будто бы ожидая ее согласия остаться, хотя понимал, насколько это нелепо.

Сула помотала головой, с которой начинали сваливаться роскошные косы. По щекам текли обильные слезы (но плакивала она часто и по любому поводу). Вдругхватила откуда-то стальное лезвие. Денис невольно отшатнулся, а бдительный Костаки тронул коней вперед.

Но Сула успокоительно улыбнулась и повертела кинжалом—эфесская выделка, трехгранный классический стилет!

— Вот,— сказала она назидательно.— Это мне на крайний случай в моей жизни. Но не знаю, не знаю... При моем характере кому он может достаться— ей, тебе, мне самой? Поэтому мне лучше уйти.

И она ушла через оживленный перекресток, слегка

прихрамывая и здороваясь с какими-то уличными рото-зеями.

— Вот артистка! — резюмировал Костаки, подъехав и помогая господину сесть в седло. — И вы поверили ей хоть словечко?

Денис уже в седле задумчиво разбирал поводья.

— Ничего, — продолжал неугомонный Костаки. — У нас в Византии женщин еще хватает! А какая у нас есть Фоти, золотая рыбка! А госпожа Теотоки, а принцесса Эйрини!

Денис приказал ему замолчать.

Вчера вечером, вернувшись от Сикидита, он сообщил Фоти о твердом намерении остаться здесь, в этом мире, с ней. О как она была благодарна, как нежна и горяча, как блаженно смеялась! Брала его ладонь, и клала себе на живот, и снова смеялась.

Но так длилось не долго. Еще утром она обнаружила в особняке чернокожую Тинью и как-то совсем не удивилась ее присутствию. Тинья, как мы уже знаем, сама ожидала ребенка от покойного Ферруччи, худая, тонкорукая, словно паучок, она со своим уже заметным животом поворачивала глазами, как настороженная мышь. Фоти подошла к ней, они обнялись, начали шептать друг другу какие-то пылкие секреты.

Так вот, к утру, сев на постели и крестясь на иконы, она заявила:

— Рабыня, чернокожая родит, а я, госпожа, не рожу.

— Но почему же, Господи, почему?

— Не хочу ребенка от дьявола!

— Но я крещусь, Фоти, крещусь!

— Крещение тебя не примет, дар святой. Да и если ты крестишься, ты будешь уже совсем другой Дионисий...

А Денис думал, что пора наконец перестать быть пассивным наблюдателем событий. Живут же люди, что при социализме, что при феодализме... Но при мысли об Андронике его оторопь брала. Этот уж не даст жить спокойно. Значит, долой отсюда, долой, но куда?

Прибыв во дворец, он сообщил принцу о неудаче опыта Сикидита. Принц хмыкнул и покусал ус.

— Я сам чуть не погиб, — смело сказал Денис, чувствуя недовольство властителя.

— И что же помешало?

— Бесы какие-то незапланированные у него.

— А комета будет?— все с той же иронией спросил Андроник.— Как там у вас, созерцатели-предвещатели?

— Не знаю, по поводу комет спрашивай у него,— почти грубо ответил Денис и принялся за исполнение дежурства.

И тут его осенило воспоминание — да, была ведь, была! Зловещая хвостатая звезда, которую и восприняли как предвещание развала и гибели Андроника и вообще падения империи. И Никита об этом писал позднее, Акоминат, и Евстафий Солунский, и все историки.

А дворцовый быт шел своим чередом.

5

В большой угловой катихумене с потрескавшимися яшмовыми колоннами собирался совет синэтеров, сотоварищей правителя, теперь самый верховный управляющий орган в империи. Новостью было избрание в патриархи Василия Каматира, того самого...

— Да, да, того самого, который еще при Мануиле кланчил эту должность.

— Как, неужели того, которого народ хотел раскулачить?..

— Да, да, того самого, у которого правдивые глаза...

— За что же его, за что же?

— Ну как же, он старшина партии прасинов. Весь цирк будет поддерживать Андроника.

— Ах, оставьте! Ошибается тот, кто думает, что наш принц кого-то за что-то возвышает, а кого-то за что-то свергает. Он просто непредсказуем, как всякий Комнин...

— Тогда как же Каматира в патриархи, он же даже не монах?

— А вспомните в не столь уж давней истории, как возводили в патриархи присноблаженного Фотия — утром примет постриг, в обед схиму, в полдник рукоположение во епископа, перед ужином будет избран в патриархи.

Синэтеры про себя улыбались, а не принадлежащие к их славной когорте синклитики со страхом вздыхали: «Господи, зачем это ему все нужно?»

А надо сказать, что, хотя Феодосий неумоимо обличал Андроника (большей частью за мелкие какие-то, формальные проступки), принц относился к нему с большим уважением; когда узнал, что тот взял да ушел в мона-

стырь Пантепоптон, трижды за ним посылал важных царедворцев, уговаривал вернуться.

Усевшись в кресло, высокое, словно трон, принц постучал рукояткой хлыста («Заседание открывается»,— сказал про себя Денис).

— Поздравляю вас, товарищи.— начал принц.— Вместо одной мятежной армии мы теперь имеем две. Дукка Ватац, бежавший от нас под Никеей, восстал, как сатана. А наш Врана, как назло, пострадал от огненной машины и теперь спасается в объятьях молодой жены. А Лапарда, Лапарда!..

Андроник, как всегда, не выдержал долгого сидения на одном месте. Вскочив, принялся маячить перед синклитом.

— А Лапарда, оказывается, не ушел. Всё мне про драгоценного моего Лапарду наврали. Он, оказывается, бдит, как и прежде, возле христолюбивейшего нашего отрока царя и науськивает его...

Синклит сидел как пришибленный, не зная чего ожидать. Тут Денис увидел неподалеку, в третьем от себя ряду, Никиту Акомината, а рядом с ним свободный стул. Денис тотчас туда переместился, хотя этериархи бдительно следили, чтобы синклитики размещались строго по цветам скарамангиев — золото-зеленые отдельно от золото-розовых, а багряные те уж совсем в отдельном ряду. Но синэтерам многое дозволялось, кроме того, Денис чувствовал себя моральным победителем в деле с попом из Филарицы и даже в состязании с Сикидитом.

— Вот,— произнес Никита, после некоторого молчания.— Позвал меня аспид сей и василиск, и я не мог не прийти...

— Бойтесь?— иронизировал Денис.

— Есть, наверное, и это...— признался Акоминат.— Но вообще интересно: я же историк.

— Блажен муж аще не идет во совет нечестивый,— процитировал Денис.

Никита развел руками.

— Он мне и польстил. Я, говорит, из синклита все толстые зады выгнал — принц тут, как понимаете, выразился гораздо сильнее. Хочу, говорит, пусть и несогласные со мною заседают умы, но чтобы обязательно молодые и свежие...

А принц все вышагивал, живописуя трудности. Неурядицы, развал, бесчинство пиратов, иностранные армии,

висящие на границах... Никита, как вышколенный придворный, разговаривал с Денисом, не поворачивая к нему головы, даже губами не двигал.

— А состав синклита он сильно обновил. Куда делись эти Контостефаны и Макродуки, высокородных теперь раз-два и обчелся. Зато обратите внимание, кто заседает...

Еле шевелил мизинцем, указывая направление:

— Смотрите — Агиохристофорит, в душе палач, ведь при прежних Комнинах этот змей даже и министром был, но ни разу не в синклитиках. Вот Франгопул — одно имя чего значит — «франкский раб», это вам не ливадиец какой-нибудь, не афинянин! Вот Цикандил — простой землеша, но набеги неверных всегда отражать ему удавалось.

— Так что же? — не без усмешки сказал Денис. — Значит, чернь?

— Нет, дело, кажется, не в том... Залог крепости такой пестрой империи, как наша, в незыблемости ее структур. А придя к власти, одни захотят, естественно, все перевернуть, а другие, наоборот, все сохранить. И пойдет катавасия!

Помолчали, слушая, как Андроник говорил о сопредельных странах. Только карты перед ним не висело, а то прямо доклад о международном положении.

— Дорогой коллега! — Никита на сей раз обратил лицо к Денису. — Если вы квалифицированный историк, вспомните, как это было в Риме, во времена Мария и Суллы, и чем это там кончилось!

— Кипр, — предупреждал тем временем докладчик, — считай, отпал! Хотят иерусалимскому королю передаться, крестоносцам. Дурни, не понимают, чем это против них же обернется, их выгонят первыми. Королю вассалы нужны крестьяне, а не рыцари такие же, как он сам!

— Так что же молчите вы, господа-товарищи? Что вы предложите, деспоты-синэтеры?

Члены синклита сосредоточенно молчали. Андроник вскинул руку и указал в тот ряд, где, как два голубка, сидели Денис и Никита. Принц предложил высказаться Акоминату.

— Пусть фарисей будет изгнан, а мытарь возвеличен... — ответил совсем по-евангельски тот.

— Я уже призвал мытарей, — всплеснул широкими рукавами своей кесарской тоги Андроник. — Они начали с того, что принялись грабить и обирать тех же фарисеев

и весь народ. Теперь, пока каждый мытарь не насытится до степени прежнего фарисея, они не останутся. Говори теперь ты! — повелел принц Денису.

Тот спешно припоминал свои лекции по научному коммунизму. Ничего не мог припомнить и решил, по крайней мере, отличиться.

— Надо, чтоб исчезла причина для всяких поборов, грабежей и вообще для всякого накопления. Пусть индивидуальной, частной собственности не будет, а будет все до последней мелочи общее.

Синклит замолчал в изумлении, а потом ахнул единым вздохом:

— Он павликианин!

Присутствовавшие священнослужители принялись креститься, творя молитву: «Свят, свят, свят!»

— Тут еще комету на нас Господь насылает, хвостатую звезду! — грустно сказал Андроник. — Давайте лучше спросим у слепцов.

— У кого? — переспросил рыжий Исаак, без которого не могло обойтись ни одно мероприятие, и он сидел в первом ряду, ел Андроника глазами.

Андроник пояснил, что пригласил в синклит всех, кто неправедно пострадал в царствование Мануила. Поскольку казненных не поднимешь из могил, то это те, которые были по прихоти тирана лишены света очей...

«И ты, — хотелось сказать Денису, — никого не приказывал ослепить?»

А принц называл благообразных слепцов, с умудренными лицами, однообразно одетых в светлые одежды. Услышав свое имя, они вставали, с достоинством кланялись.

— Бывший domestик Аарон Исаак... По навету царицы ложно обвинен в том, что перелистывал Соломонову книгу, вызывая тем самым град и бурю. Сиф Склир якобы заколдовал персик, который посылал своей невесте. Ослеплен, но все равно женат на той девице. Харавгий Феодор сам не знает, за что лишился глаз, говорит, государь был не в настроении...

Список был длинный, принц передал его чтение Евматию Макремволиту, сам только выразительно кивал головой, как будто хотел сказать: вот видите?

Взял слово самый высокородный из слепцов Аарон Исаак, и он сказал буквально следующее:

— Господин! Позволь мне в результате всего моего

опыта дать тебе дельный совет. Не ослепляй больше никого. А прямо смертью казни, убивай, за малейшее тяготение к измене — у-би-вай! Я же вот лишился глаз, а дышу, живу, мыслю и надеюсь еще всем врагам моим отомстить!

— Скотина! — выразительно сказал Никита Акоминат.

Все даже головы опустили, как будто негромкий голос Никиты был бичом.

— Убивать, убивать! — уже нервно повторял Аарон Исаак, видимо припомнив все свои обиды. — И вообще, хочешь быть царем — будь им. Ты слишком миндальничаешь, прости.

После таких речей никто не рисковал высказываться. Слышались только шаги принца и свист флейт на дальней балюстраде — менялась стража. Евматий подал свиток — только что прибыл гонец из Сицилии. Андроник быстро прочел его, отбросил, будто это было раскаленное в пламени железо. Но потом велел Евматию поднять его и прочесть вслух.

— Начальник кораблей в Сицилии Малеин переметнулся на сторону короля. Там он подбивает его напасть на римские пределы.

Это была злободневная иллюстрация к речам Андроника. Всегда молчаливый и даже чем-то загадочный Дадиврин, начальник ликторов (то есть командующий дворцовой гвардией), высказался:

— Пора кончать вам с Алексеем. Где много власти, там ее нет. Зачем на троне этот ублюдок? Место ему в монастыре.

Вот тут все окончательно прикусили язычки. Это уж не просто обсуждение непорядков в государстве, это государственный переворот.

— Заговор? — подмигнул Никита Денису. — Теперь ясно, для чего нас сюда вызывали, чтобы всех одною бечевой связать.

Андроник круто переменял тему разговора и сообщил, что всех синэтеров своих он решил разослать по провинциям в качестве преторов с особыми полномочиями.

— Конечно, и столица еще клоака зла и бесчестия. Но судьба империи решается в фемах. Лев Хамарет, сотник моей личной стражи, я тебе доверяю безмерно. Посылаю тебя в Лакедемон, будь там львом, как обязывает тебя твое имя...

У Дениса произошел всплеск памяти, и он вспомнил из далеких своих семинаров, что Лев Хамарет был как раз одним из немногих, не покорившихся крестоносцам. Следовательно, он правил Лакедемоном счастливым двадцать и более лет.

А принц называл отправляемых в качестве преторов и характеризовал степень их верности.

— Пупака! Не смотрите на него, что внешностью простоват и даже на лесного медведя похож. Нам однажды довелось прибежать к нему, спасаясь от преследований, он не колеблясь дал нам кров и защиту. Когда же настала пора отвечать ему перед мучителями, глашатай объявлял: «Так будет со всяким, кто приютит врага царева...» А под плетью мужественный этот Пупака говорил: «Пусть, кто хочет, меня бесчестит, но я не выдам моего друга и благодетеля!» Вот он, этот Пупака, смотрите, вот он!

Пупака смущенно улыбался и сверкал медвежьими глазками из давно не стриженной бороды.

А Исаак рыжий, не дождавшись назначений для себя, не выдержал и закричал, как молодой петушок:

— Да здравствует Андроник Великий!

Денис также не услышал себя в списке командированных преторов, это его удивило, и он, после окончания синклита, прошел прямо на веранду Андроника.

— Ты тоже хочешь ехать? — переспросил принц рассеянно, он уже был занят другими мыслями и делами. — А мы думали, ты вернешься в свой далекий мир.

— У меня жена беременна, — сказал Денис без обиняков.

Андроник отложил бумагу, в которую вчитывался, и хмыкнул.

— Жена? — он снова хмыкнул. — А как же родина, родители и все такое? А мы надеялись, что ты все-таки привезешь нам пулемет.

«Этому прагматику, — подумал не без досады Денис, — послать на восемьсот лет вперед все равно что в какой-нибудь дачный Редест». И привел еще аргумент:

— К тому же я докладывал всевысочайшему — привезти какую-нибудь вещь оттуда просто нереально...

Он приготовился к усиленному сопротивлению начальства. Но его не последовало. Принц относительно него имел какое-то запасное решение. Он велел позвать Агиохристорита, а Денису сказал:

— Вот что. Поступим с тобою по-евангельски. Делай

как хочешь. Поезжай тогда в Пафлагонскую фему — оттуда ворох жалоб.

Явился Агиохристорит, гоня перед собою кир Валтасара со связанными руками. Тот раскланивался, стараясь не терять благообразия, уставил немигающий взгляд на Дениса.

— У, лжесвидетель! — замахнулся Андроник, навевая сугубый страх на Валтасара. — Расстригли его, как я велел? Значит, он теперь не поп?

Толкнул его к Денису.

— Забирай, по римскому кодексу он принадлежит тебе. Если не желаешь проводить экзекуцию сам, крови, скажем, боишься, могу одолжить моих личных патриархов — Ной и Аввалиил до этих дел большие доки.

Бывший поп бухнулся на колени так, что задрожала мебель на каменном полу.

«Этот принц действительно непредсказуем, — подумал Денис. — Никогда нельзя быть готовым к поворотам его фантазии». Одно понимал четко — нельзя давать втянуть себя в кольцо каких-нибудь расправ.

Поэтому, переспросив, будет ли исполнено в любом случае его желание, и получив заверения, объявил — бывший кир Валтасар свободен, он не знает на нем вины.

— Тоже по-евангельски, значит? — саркастически заметил принц и велел Валтасара развязать. Бывший поп огляделся отсутствующими глазами и поспешил убежать.

Когда веранда принца наконец обезлюдела и Агиохристорит остался с повелителем наедине, он подступил к нему с вопросом:

— Скажи, всевысочайший, снизойди до скудости моего ума. Ты же сам велел мне собрать сведения на этого Дионисия и вдруг...

Принц оторвался от чтения письма и косо взглянул на своего наперсника.

— А я не верю, что он человек оттуда, мать вашу так!

6

Фоти ликовала, узнав о предстоящем отправлении в Филарицу. Все в доме занималось укладкой вещей: оказалось, за малый период Денис успел нажить их много. Денис надеялся, что эти хлопоты и предстоящая дорога

вдвоем и пребывание на родине избавят ее все-таки от дьяволиады.

И ему казалось иногда, что он этого достиг — особенно во время вечерних общих трапез, которые любил Денис. Ласкарь, подвыпив, красуясь пиками усов, провозглашал какие-нибудь лозунги в поддержку единой и неделимой, улыбались симпатичные Русины, чернокожая Тинья никак не хотела садиться с господами за стол, но прислуживала только Фоти, так и льнула к ней.

— Крестоносное воинство приблизилось к Босфору, — сообщал информированный лучше всех Костаки. И все тревожились, не займется ли оно, вместо битвы с агарянами, грабежом Византии, как уже бывало не раз.

Но потом ночью опять подступало это. Сидя на постели, Фоти раскачивалась и просто ныла, как от зубной боли, хотя она уверяла Дениса, что ничего у нее не болит. Что это было — сам дьявол или предчувствие дьявола, что хуже всего? Денис ни с кем не делился этой их бедой, иначе бы просто сказали, что кто-то навел на Фоти порчу...

Он пытался логически убедить ее, что в нем ничего дьявольского нет, призывал задавать любые вопросы, проводить любые испытания. Но вопросы ее были по большей части вздорны, например, а почему в тебя все женщины влюблены, какая увидит, та сразу и влюбляется? Или: а почему ты хорошо по-нашему говоришь, хотя и не римлянин?

Денис понимал, что дело тут не в Фоти, а в каких-то враждебных силах, которые желают им зла. Но в каких? Бежать? Но бежать из Византии — куда? И его далекая родина, и Москва, которая была Кучковым, все это, как говорят греки, апо тин алли мериа, по ту сторону ветра.

Он надеялся, что, прибыв в Амастриду или в Филарицу, где теперь добрый и многомудрый кир Апокавк, он примет святое крещение и на Фоти его снизойдет, наконец, покой. В столице с ее конгломератом условностей ему это сделать совершенно невозможно. И на заботливые руки матушки Софии надеялся он...

А пока, почти каждую ночь, она в полутьме лампы сидела на постели, раскачиваясь, и плакала тихонечко, про себя — ой, ой, ой... Никому об этом сообщать было нельзя и никто об этом и не знал, кроме чернокожей Тиньи, которая не отходила от госпожи.

И вот настал последний день дворцовой службы Дени-

са, и он не мог дожидаться, когда вахтенный колокол прозвонит полдень и он сможет уйти.

В этот день Византия встречала иерусалимское посольство. На рассвете отворились приморские ворота и в город со скрипом потянулись обозы иерусалимцев, пошли их табуны, которые переправились еще вчера и у кромки моря ожидали рассвета. Народ, бросив все дела, сбегался смотреть на крестоносцев. Удивлялись, что все они одеты бедно, самые спесивые рыцари в обмотках из козьих шкур, в домотканых плащах, зато у каждого на плече какой-нибудь гордый крест — антиохийский круглый, иоаннитский острый, храмовнический красный.

Еще бы им не гордиться, не славиться! Узнав о приближении самого Гвидо де Лузиньяна, королевского регента (чин его приблизительно был равен чину принца Андроника), принц послал ему для встречи начальника ликторов Дадиврина, который в последнее время выделялся смелыми речами. Дадиврин и подал Гвидо де Лузиньяну мысль о Никее.

И прежде чем вступить в столицу Византии, рыцарское воинство переночевало в маленьком городишке на расстоянии перехода от нее. Чуть свет, без излишнего шума, без телег, костров, молебнов и деклараций, как это было бы у римлян, рыцари неторопливо, всей броненосной массой подошли к ничего не подозревающим стенам Никей и, выбросив вверх заранее заготовленные лестницы, затрубили в рог, объявляя войну. Никейцы, воображавшие, что злейший враг их нежится в столице, вскочив с постелей, стали метаться, хватая оружие, но было уже поздно. Иерусалимские лазутчики, перемахнув через высоченные стены, распахнули створы ворот.

Господи, какая была резня! Рассказывают об агарянах, о сарацинах ужасные вещи, но тут были христиане, вроде бы европейцы. К вечеру уцелевших никейцев собрали под конвоем у ворот их бывшей твердыни, и они, посыпав главу пеплом, отправились в столицу изъявлять покорность ненавистному принцу.

Поэтому и ехали-то иерусалимские рыцари гордо и выступали как победители. Что ни говори — мастера войны!

— Безумная роскошь! — удивлялся Гвидо де Лузиньян, когда его везли по Срединной улице возле Аргиропратов и форума Быка. — Безумное расточительство и ни-

кому не нужна роскошь! И как вы тут с ними живете, мессир?

Рядом ехал Альдобрандини, венецианский резидент, приглашенный к нему в качестве переводчика. Модно одетый, причесанный как дама и жеманный до предела, Альдобрандини действительно почти всю жизнь свою прожил здесь, ведь и мать его была гречанка.

— Не обольщайтесь, ваше высочество, — разочаровал он иерусалимского правителя. — Все это одна только позолоченная шелуха. Эти шестизэтажные здания, как клоповники, набиты беднотой. Эти дворцы, облицованные золотом, не ремонтировались лет двести, а то и все триста. Эта нарядная толпа состоит из бездельников, которые поколениями приучались жить на подачки...

— Не хотите ли вы сказать, мессир, что восточный Рим...

— О да, ваше высочество, именно так. Один жил тут умнейший генуэзец, старик Колумбус, растерзали его здешние подонки. Он говаривал, что Византия это то самое яблоко, которое висит потому, что нет руки, желающей его сорвать.

Гвидо де Лузиньян улыбался из-за забрала шлема, потому что одно такое яблочко — Nikeю — он сорвал накануне. И загадочные византийцы взирали на него с почтением, и гремели трубы на площади Августеон. Там на белом коне дождался его сам легендарный Андроник (многие ли могут похвастаться, что при жизни сделались героями народных песен?). Ключ от Nikeи приготовлен ему в виде подарка.

Дело еще в том, что судьба Гвидо де Лузиньяна напоминает судьбу принца Андроника. Незаконнорожденный отпрыск королевской династии, сын красавицы армянки, полюбившейся старику королю, он уже много лет стоял у подножия трона и если б не его хитрость и изворотливость, если б не его тоже необычайная физическая сила (в рыцарский век это было едва ли не главным аргументом) — давно бы наглеющие сарацины захватили священный Иерусалим. Недаром же, по сравнению с роскошными римлянами, иерусалимские рыцари просто бедны и мужиковаты и покрыты рубцами и загаром, словно пахари. Они и есть пахари войны, которая кипит ежедневно и ежечасно на рыжих холмах Палестины.

И он все-таки не король. А король Балдуин — наследственный владыка — но он чистый debil. В Визан-

тии Алексей II этот только в кубики играет и с колесиком бегаёт, а всех узнаёт, спокойно шествует в церемониях и иногда даже раздражается неглупыми фразами. В Иерусалиме же Балдуин не только никого не узнаёт, но просто под себя ходит. Низвести же его с престола Гвидо де Лузиньян не решается — строптивые бароны тотчас поставят кого-нибудь из своей среды, но опять же не Гвидо де Лузиньяна!

Поэтому ещё никогда не видясь, будучи знакомы только по переписке, они испытывали симпатию друг к другу.

Трубы гремят оглушительно, всю жарит солнце, под кольчугами чешется, не то от пота, не то от блох. Но иерусалимские рыцари, не теряя достоинства, проходят парно во дворец следом за Андроником, который по этикету, взяв высокого гостя за руку словно в детсадовском шествии (так, во всяком случае, отметил Денис, который неустанно следует за принцем), ведёт его в тронный зал.

Мы не станем снова расписывать раззолоченных пышнобородых царедворцев, расставленных по залам и шеренгам, и сложность византийских церемоний. Скажем только, что от этой сугубой театральности рыцари обалдевали вконец. И когда они приближались к подножью трона, вознесенного на неизмеримую высоту, и византийские умельцы запускали механических павлинов, трясущих золотыми хвостами, или мегаллических львов, рычащих во всю зубастую пасть, они окончательно теряли разум и бедным пахарям войны уже казалось, что они на небесах.

Этого момента принц Андроник особенно не любил, потому что до того он все же оставался отличным от всех и возвышенным над всеми правителем могучей империи, но когда начинается рык львов, он, подобно всем прочим, должен пасть ниц, низвергнуться в прах перед жалким царем!

— Всевысочайший, всевысочайший! — дергает его за рукав Агиохристорит, подобранный сзади. — Пожалуйста ваше священнейшее ушко, я что вам скажу.

— Ну что ты мелешь? — с досадой оборачивается принц, который был занят тем, что опекал Гвидо де Лузиньяна. — Неужели нельзя потом?

— Никак нет, дело сугубой важности. Пожалуйста, ушко поближе.

— Ну, говори!

— Всевысочайший, а императора-то нет.

— Да ты что?
— Нет его в тронной кувикуле, нигде нет.
— А как-нибудь пока без него?
— Механик не может опустить трон без сидящего на нем человека.

— О Боже! Куда же он делся, диавол?

— Я думаю... Да не только один я так думаю, Дадиврин и Исаак говорят...

— Господи, уже все об этом узнали! Да что же это у вас там такое?

— Няньки его прозевали. Он выбежал в сад.

— Нянек завтра всех ко мне и не забыть вызвать патриархов Ноя и Аввалиила. А сам ступай, хоть собственным садись задом, но трон чтобы опустить!

Андроник яростно ругался, не разжимая рта, Гвидо де Лузиньян, не понимавший по-гречески, думал, наоборот, что он молится, и сам благочестиво крестился.

А оставшийся у входа Денис вдруг перехватил маленькую девушку с крупно заплетенной косой и в простом гиматии до пят. Он сначала решил, что это заблудившаяся служанка-новичок.

— Ты, девочка, куда?

— Я не девочка, я царица.

Денис мгновенно понял, кто это.

— Простите, вседержавнейшая, христоролюбивейшая, простите великодушно. Не соизволите ли что-нибудь вашему рабу приказать?

— Ты не видел здесь моего мужа? Не видел государя? Он в сад здесь не пробегал?

Денис огляделся. Ряды севастов и деспотов, живых кукол, сосредоточенных, будто они творят важнейшее действие или таинство, были незыблемы. В высоченных куполах плавал дымок ладана. Несмотря на солнечные лучи в окнах, горели многочисленные свечи, изнемогали в тесных кольчугах рыцари... Но беглого царя не усматривалось нигде.

В этот момент их обоих схватил Андроник, который ради опаснейшей ситуации покинул Гвидо де Лузиньяна, поручив его забавнику Исааку Ангелу.

— А, женский любимец! — зарычал принц. — Ты уже и за царя принялся! Шучу, шучу. Оба за мной и быстро. Агнеса, не отставай! — приказал он царице.

В боковой толстенной колонне была дверца, за нею открывалась железная винтовая лестница, еле освещенная

через узкие бойницы. Лестница вывела прямо в тронную кувикулу. Растерянные костюмеры и церемониймейстеры стояли вокруг разложенной и приготовленной одежды, облачения, регалий. Ворвавшийся Андроник вдохнул во всех жизнь.

— Агнеса, всецарственнойшая, одевайся быстро в свое. А его одевайте в царское. У них и рост одинаковый, а главное — борода. Не могу же я сам сесть или того пузатого посадить, — он кивнул на Агиохристофорита.

И вот пение божественных хоров возносится до самого купола. А трон, дрогнув, начинает плавно опускаться вниз. Денис, скосив глаза, видит заплаканный носик Агнесы. Она ведь пробовала протестовать, что на трон сажают кого-то, кроме мужа.

Внизу рыцари, завидев трон, опускающийся будто с самых небес, тяжело брякнув амуницией, опускаются на одно колено. Римляне же вокруг радостно ложатся на пупок. Рычат львы, режутся хвостатые павлины, диакон неправдоподобно сладким голосом возглашает — мно-о-гая ле-ета!

А Денис с тоской думает: «Лучше бы я все-таки сидел сейчас где-нибудь на комсомольском собрании. Ведь и самая волшебная сказка может осточертеть. Да и не припишут ли теперь коварные византийцы, что он, Денис, покушался на священный престол? Так ведь уже с кем-то было, если вспомнить историю, не то с Львом Исавром, не то с Василием Македонянином».

Даже внутри у него похолодало, как он представил себе перспективу — покушение на трон. И как он опрометчиво согласился? А что было бы, если бы не согласился?

Вчера он ночью рассказал Фоти, в момент, когда она немного успокоилась от своей тоски, как кир Валтасар нашелся со лжесвидетельством против него, Дениса, и как Денис его простил. Он ожидал, что мягкая и отзывчивая Фоти его поймет и одобрит, но Фоти вдруг дернулась и закричала:

— Зачем ты это сделал, зачем? Зачем прости-ил?

И опять замкнулась в свою скорбь. Денис не решился больше приступить к ней с этим, сам все время думал: «Нет, тут что-то есть, что-то мне известно не до конца».

Он чуть было не выпростал руку из-под бармы, затканной множеством жемчугов и драгоценных камней, хотелось элементарно почесать затылок. Вовремя удержавшись, вдруг увидел, как по балкону второго этажа озабо-

ченные няньки вели пойманного императора с его колечком и палочкой.

Когда вся церемония окончилась и Агиохристорфит выпустил Дениса, чтобы он ушел незаметно, принц подвел к провинившемуся самодержцу добрую бабушку в смешном капоре и в широком, с рюшечками платье.

— Вот теперь тебе будет воспитательница. Всех прочих в отставку!

— Кукла-панукла! — сказал веселый император и показал ей язык.

7

Закрытая военная фура дребезжа прокатилась по булыжному спуску за Макрон Емвол — Большой рынок — и остановилась на унылой площади у кирпичной каланчи.

Каланча эта и была воспетая в народе «слезоточница», обитель слез, или Клапса — императорская уголовная тюрьма. Правда, плач и скрежет зубовный слышались оттуда только по ночам, когда умолкал громовый рокот соседа — Большого рынка. Да и каланча сама эта с развевающимся стягом в форме дракона только видимость. Камеры же и казематы упрятаны глубоко под землей, отчего эту Клапсу иногда называют «Октостроф» — восемь кругов ада.

Возле каланчи маются и страдают на палящем солнце родственники заключенных, разнообразные калеки и нищие, а часто и сами заключенные, которых выпустили временно под залог, а они не знают, чем заплатить. С ними голодные, в язвах и лохмотьях черномазые ребятишки. Укрыться негде: на голой, пыльной площади все выполото до последнего корешка.

А вот с утра явились солдаты — как в какую-нибудь завоеванную провинцию, с закатанными рукавами, у каждого меч на пузе, каска на лбу — вояки! У иных приторочен за спиной то ли гусь, то ли поросенок, накрали, конечно... Только что в горах Болгарии подвизались, теперь их Врана отвел на отдых.

Нищих вытолкали вон, детишек вышвырнули, встали, как истуканы, а их начальник, вечно сонный дука Мурзуфл, высился на толстом коне, как монумент. Ловкие адъютанты попеременно держали над ним от солнца зонтик.

Завидев спускающуюся фуру, дука стряхнул с себя сон и поспешил покинуть седло. Четко подошел к фуре и выкинул руку в римском приветствии. Галантно отогнув занавеску, помог выйти даме, тем более что это прибыла сама госпожа Врана, которая в последнее время в войсках начала котироваться выше, чем сам великий domestik. «Ну и ну! — подивился простодушный Мурзуфл. — Чем она себе мажется, что за аромат?»

Госпожа Врана, опустив на лицо плат, прошла прямо в каланчу. За нею ослепительная служанка, которая не обязана была, конечно, прятать лицо, еще какая-то свита и, конечно, сам Мурзуфл.

В катихумене коменданта царила тихая паника. Посетители в таком высоком чине еще не жаловали в Клапсу. Впрочем, на днях был доставлен еще один узник из рода Ангелиссы, а точнее, ее сын Парфен, который дезертировал в Никею и там со всеми вместе попался.

Комендант весь исхлопотался, не знал, куда уж посадить высокую посетительницу, как угодить. Просил обождать чуточку, за госпожой Манефой послано. Он, конечно, элементарно врал, потому что Манефа с утра приготовлена к свиданию. Но сказал же мудрец — поспешай неторопливо!

Теотоки, отгородившись своим платом от всего мира, вслушивалась в приближающееся постукиванье старческого костыля за дверью. Вот она, бедная Манефа, эх ее согнуло! Причем как гордо держится, какая осанка. У Теотоки сердце облилось теплом, приязнью к этой женщине, ведь фактически она ее мать!

А вот за нею бредет, тоже с костылем, ее раб Иконом, добровольно последовал за госпожою, сам согбен и ослаблен, так что неизвестно кто за кем служит.

— Когда, матушка, я был претором у наместника Каппадокии, — вещает он на ходу, сам поддерживая старушку за локоть.

— Не ври, не ври, — уличает его Манефа. — Когда это ты был претором? Я биографию твою наизусть знаю...

— Шагайте, старики, шагайте, — подбадривает их стражник. — Осторожнее, здесь ступенька.

Теотоки открыла объятия Манефе, так и пахло на нее запахом детства, правда, теперь уже с примесью какой-то тюремной гнильцы. Обе умеренно поплакали, обнявшись.

— Что ж она у тебя такая встрепанная, эта Манефа? —

спросил Мурзуфл, взошедший с улицы.— Не мог выкупать, что ли? Все же она родственница лицам высокородным...

— Ох уж эти мне высокородные! — страдал комендант.— Лучше бы набили эту Клапсу жуликами да своднями. Ты говоришь выкупать. Дотронься до нее, она верещит, как покойница.

— Да она живая, какая она покойница!

— Ей-ей, хуже покойницы верещит!

Пока начальники беседовали за перегородкой, Теотоки усадила тетушку на скамью, сама села прямо на пол, положила голову ей на колени. Всмотривалась в ее усталые, дрожащие от напряжения глаза.

Говорили потихоньку обо всякой всячине.

— Моя Эйрини все-таки вышла за Ангелочка... Андроник сильно противился, у него, конечно, планы были иные. Но ты же ее знаешь, раз ей взбрело в голову за Мисси идти, она бы с ним тайно обвенчалась. Принц предпочел официально...

— Ох уж этот принц, сколько мы возлагали на него надежд! — старушка с испугом оглянулась, но Иконом спал, клюя длинноносой физиономией, а начальство было поглощено своей беседой.

— А этот жирный бес Агиохристорит...

И тут Теотоки пришла в голову дерзкая мысль. Вывести сейчас Манефу из караульни, солдаты, конечно, задержат свою генеральшу не посмеют, да они были заняты дележом орехов, которые приказала раздать им Теотоки. В ближайший проулок, там Макрон Емвол, это целое царство, кто туда попал, все равно что провалился в тартарары.

И вздохнула — не та уж стала Теотоки, генеральша, уж по проволоке не пройдет. Да и Манефа не выдержит такой эпопеи. И закончила фразу:

— Антихрист этот смертельно ненавидит моего Врану, все время наговаривает про него при дворе.

— Этот ублюдок знаешь что мне обещал? — начинает хлюпать бедная Манефа.— Если, говорит, твой сын Сампсон, который на Кипре, добровольно не сластся. Буду пытать тебя лично — кочергой, говорит, раскаленной, пока кишки не вылезут!

Обе в ужасе замолкли, потому что зверь Агиохристорит слов на ветер не бросает. Перешли на Вороненка, поносик у него, травки даем ему, отвары. Мальчишечка

веселый, смысленный, не скажешь, что отцу его столько лет... А бедный Врана все не может встать после той конфузии под Никеей.

— Иисусе Христе! — вздыхает Манефа. — Неси свой крест. Ведь и я свой несу...

Тут она, сообразив, что время свидания истекает, приблизилась к Теотоки, приподняла ее плат, принялась шептать какую-то сногшибательную новость, от которой глаза Теотоки становились большими, как черное пламя.

— Не может быть! — ахнула Теотоки.

— Ей крест!

— Убийцы!

— Пречистая заступница, помилуй нас!

— Да откуда это известно?

— Вся тюрьма говорит.

— Тюрьма!

— Да, милая, это такое место, где все всё узнают раньше даже, чем твой пресловутый Агиохристорит.

— Да как же так...

— А отчего бы нет? Сначала Маруха, потом царица Ксения, теперь мальчик василевс... Логично!

— Но он же несчастный, больной ребенок. Мальчишка, больше никто! Мой Врана говорит...

— Тс-с... — удержала ее Манефа. — А то Агиохристорит и вправду из нас кишки выпустит. Послушай, что я скажу напоследок. Не может он править, не может... Пусть он хоть в десять раз талантливее, чем его братец Мануил. Но тот мог править, а этот нет. Болен, что ли, или бесом одержим? С бабами, с детьми воюет!

— Теперь кровь рекой польется, — тосковала Теотоки.

Манефа сама объявила коменданту, что свидание окончилось, благословила племянницу, бывшая властность к ней вернулась. Иконом подал ей костыли, но она отклонила его поддерживающую руку.

Уже в дверях снова оборотилась к племяннице:

— Токи, девочка, забыла сказать. В наш дом безбожники вселили какую-то гольтьбу, ты живешь в Редесте, ничего не знаешь. Антихрист велел кричать на перекрестках, что так будет с домами всех изменников и дезертиров...

И опять поехала в глубь переулка Сфоракия военная фура, а за ней солдаты с закатанными рукавами и гордый Мурзуфл на толстом коне. Мимо спешили какие-то богadelки, рыночные перекупщики, водоносы с глиняными амфорами. В угловой церквушке слышалось согласное пение хора.

В тот далекий уже ясный день, когда неоднократно зовомый ею Денис все-таки пришел, Теотоки готова была пасть перед ним и признаться ему, что жизни без него нет. Затем Денис проявил и осторожность и любезность, а на колени встал ее муж, седой и заслуженный Врана, и ей стало стыдно, хотя какой-то бесенок вертелся внутри и наговаривал — а тебе какое дело? Пусть он заслуженный, а не перед тобою же?

И поскольку никак с бесенками этими управиться не могла, она решила просто — уйти в монастырь. И настолько твердо решила, что завещание написала и пожитки собрала... Но тут доложили: у Вороненка жар, ребенок мечется, зовет... Она считала себя плохой матерью (зато на кормилиц и нянек не жалела), подумала — Господь наказывает. Затем несчастье Враны под Никеей... И теперь чувствует она, что слова Манефы — безропотно нести свой крест — упали на благодатную почву.

Истошный крик вывел ее из задумчивости. Фура стояла перед домом Манефы, в котором уже ничего не было величественного и замкнутого. Парадная дверь почему-то была заколочена доской наискосок, хотя перед ней расхаживал привратник в шитой галуном тоге, кое-где порванной и замазанной грязью. Зато ворота во двор были распахнуты, даже сорваны с петель и туда входило и выходило множество совсем не респектабельного народа.

— Боже! — удрученно сказала Теотоки, отгибая край занавески в фуре, чтобы рассмотреть. А истошный крик тем временем повторился.

— Госпожа Ангелисса! — двое вояк еле удерживали старика с костылем, который рвался к ее фуре. — Госпожа Ангелисса! Ой, что я болтаю, скудоумный! Конечно же, госпожа Врана! Госпожа моя Врана! Городской эпарх поселил меня с семейством в уважаемом вашем доме, я согласился, думаю, станем хоть имущество ваше беречь...

Теотоки его узнала. Это же был клиент, подшефный,

так сказать, тетушки Манефы, многодетный бывший клеветник Телхин!

— Все равно, думаю,— изъяснялся он,— нищету теперь вселяют в дома изменников... — Ой, что я говорю! Язык мой враг мой!

— Ну вселяют и вселяют,— сухо сказала Теотоки, опустив занавеску и откидываясь внутрь фуры на подушки.

Но Телхин все-таки прорвался к ней и, отпихнув солдат, сунул голову внутрь фуры.

— Так ведь и меня теперь выселяют! — вопил он. — Заступитесь! Тут дука Мурзуфл сообразил, что ему неловко просто красоваться на коне, когда госпожу так осаждают. Он подъехал к вопящему клиенту и стегнул его. Телхин завилал тощим задом.

— Ой, ой, милостивцы! Пришла какая-то маркитантка, ступай, говорит, из этой кувикулы, она мне нравится, я, говорит, буду в ней жить... А я, всесветлейшая, расположился как раз в вашей девичьей комнатке, помните, с розочками на карнизе?

— И ты ушел?

— Что было делать, милостивица, у ней такая жесткая рука, у этой маркитантки! Но сегодня утром вообще нахлынула какая-то рвань вонючая, катакомбы, что ли? И давай крушить все подряд! Слышите?

Из глубин просторного дома доносились словно бы утробные вздохи, а на фоне их лязг и звон от разбиваемых предметов. Решетчатая дверь на верхнем балконе вдруг растворилась, и на улицу высыпался целый дождь разнообразных осколков.

— Мурзуфл! — призвала Теотоки.

— Здесь, всемилостивейшая!

— А нельзя ли вышвырнуть их всех вон?

— Никак нет,— он указал рукояткой плети на кусок пергамена, прибитый у ворот. — Охранная грамота городского эпарха Каматира, который теперь патриарх.

— Ну и что,— усмехнулась Теотоки.

— Имею строжайшие инструкции вашего супруга не вступать ни в какие конфронтации с властями...

Мурзуфл, уроженец глухого села, питал пристрастие к иностранным терминам.

Тогда по знаку Теотоки слуги вынули ее из фуры, и она храбро вошла в разоряемый дом. За ней направились хны-

кающий Телхин и дука Мурзуфл, который для внушительности помахивал хлыстиком.

Завидев солдат, пришельцы, носившиеся, как черти перед заутреней, попрятались. Только у чулана слышалось не то повизгивание, не то смех. Теотоки обнаружила там своего гнома.

— Фиалка! Ты здесь? Чего ты так скрючился? Что тут с тобой было?

Гном объяснил на пальцах, что пришедшие из катакомб (из-под земли) облили его тестом, обваляли в перьях (чирикание и общипывание самого себя) и гоняли по анфиладам (горестный всплеск полных ручек).

— Бедный мой добрый дух! — целовала его Теотоки. — Как я могла тебя забыть?

И она поручила его служанкам, чтобы хорошенечко выкупать и захватить с собою в Редест.

— Теперь ты всегда будешь со мною. Ты станешь бечерь нашего Вороненка. Ты доволен?

Гном радостно кивал круглой головою.

А Телхин все кланчил:

— Пожалуй, госпожа Врана, прикажи нам еще пожить в твоём уважаемом доме. Наш-то, шестиэтажный, сгорел дотла! Младшие бы разместились в госпожи Манефы покоях... Только бы выкурить этих еретиков! Франго, старшенькая моя, она бы, если ты дозволишь, в твоей спаленке...

Услышав про свою спаленку, Теотоки решительно пошла наверх. Десятки настороженных глаз следили за нею, какие-то чумазы исаврянки нянчили голых младенцев. Под аркой бывшего триклиния тряслась рука, словно козлиная лапа:

— Ми-илостыньку, пожа-алуй!

Вот и белая с медным кольцом дверь ее девичества. Потянула за кольцо и будто открылся аквариум, заповедник зелени и солнечных зайчиков.

— Эй, ты кто? — закричал грубый бабий голос. — Закрой дверь с обратной стороны!

Женщина в широченных юбках, поставив таз на ее детский коврик, распаривала себе мозоли.

— Ты-то кто? — переспросила Теотоки, вложив в эти слова столько презрения, на сколько была способна.

Как объяснишь ей, что в этой тесенькой кувикуле с розочками на карнизе осталась лучшая часть ее еще такой короткой жизни! И Теотоки молча смотрела на нее.

Неведомая захватчица закричала первая. Ее трясло и трепыхало все крупнее — она припадочная, успела подумать Теотоки.

— А-а? Так это ты по проволоке ходишь, римская стерва? А я, всю жизнь свою труженица, мне негде голову приклонить!

Тут и Теотоки испытала ненависть ни с чем не сравнимую, невыносимую, сжигающую дотла.

Маркитантка чем-то ударила ее так, что боль ослепила и оглушила, а Теотоки, в свою очередь, захватила ногами ее теплую шею и принялась кромсать. Обе медленно повалились на пол и покатались в густой, вонючей жиже.

В отчаянии прыгал гном Фиалка, и дука Мурзуфл стоял, опустив свой хлыстик, потому что, где дерутся две женщины, целая армия бессильна.

Но уже мало кто и обращал внимания на раздоры в доме, который когда-то построил славный Палимон по прозвищу Хирург. Над столицей, над куполами и крышами, вместо привычного заката разливался неожиданный восход, некая новая аврора, от которой щемило сердца и души жгло предчувствием. И люди выходили из домов и обескураженные смотрели вверх в расцветающее небо.

И тогда из глубины разграбленного и опозоренного дома Ангелиссы раздался звонкий и чистый тенор. Знарок сказал бы, что это не оперный прима-певец и не диакон из патриаршего хора, скорее, это мальчик из самодеятельности или даже вакхант из древней мистерии Диониса.

— О-о! — вопиял тот божественный мальчик. — Испепели нас, восходящее светило! Грозный, безжалостный бог света, уничтожь сей неправедный мир! Убей все живое, уничтожь все, что дышит, преврати нас в пустыню, в пустыню!

И все в страдании зажмуривали глаза, а иные даже падали на землю. Но бог света не восходил. Небо оставалось равнодушным и блистающим, как перламутровая раковина южных морей. А потом, будто поколебавшись, все-таки решилось, свет стал заметно убывать, и на землю спустилась благодатная ночь.

Теотоки пришла в себя на полу, мокрая, со спутанными волосами. «Сестра моя, сестра моя во Христе...» — хотелось ей шептать, потому что после припадка необыкновенной ярости на нее накатывал припадок безудержной любви. Или это влиял павликианский незаконноро-

жденный бог света, который шуровал там на небе между восходом и закатом?

И когда она приподнимала веко, она видела рядом чужой глаз, весь в морщинках, хотя и молодой, с явно наклеенными ресницами. Но никакой покаянной любви и прочей достоевщины у нас здесь не будет, все-таки одна из них была по происхождению принцесса, а другая — рабыня. И все-же Теотоки как счастье ощущала эту благодать смирения, это желание обнять и даже утешить ненавистную прежде женщину, а если надо и распаривать ей мозоли. Но руки хватали тьму и пустоту, наталкивались на медный таз или липкую лужу.

9

Был второй день Звезды — запишут потом в памятные свои книжки, или синаксари, монастырские хронисты. А пока народ стоял везде, где обычно толпится народ, — на рынках, на перекрестках, на пристанях, задрав к небу бороды и голые подбородки, стояли в бессилии, не понимая, к чему готовиться, чего ждать. Солнце зашло на западе, как обычно, за горой Эридан, с ее купой гигантских платанов и торчащей, словно палец, колокольной Святых Апостолов. А свет небесный не угасал, наоборот, восток сиял, будто там действительно готовилось взойти новое светило.

Денис ехал домой неторопливо, предоставив Колумбусу самому выбирать дорогу меж зевак и торгующих на мостовой. Костяки и конвой, тоже, как обычно, следовали в нескольких шагах позади. Все было как обычно, но необычным было само драматическое ожидание невероятной звезды.

Ему даже подумалось: вот, не умею я извлекать выгод из своего политического капитала. Будь на моем месте какой-нибудь Кокора и обладай он таким знанием, он бы немедленно хлопнулся об землю и провозгласил второе пришествие и был бы народом вознесен...

И тут же чувство бессилия и ненужности его охватило. Во-первых, чтобы быть пророком, надо объявить точно — через два часа, через три там или через сутки взойдет хвостатая звезда, а он не знает даже, через неделю или через десять дней... Всегда в астрономии был профаном.

А во-вторых, ну поверит ему народ, ну поведет его он

за собой — а зачем? Живут же они себе как-то, барахтаются в своей золотой тьме, ну и Бог с ними! А что он даст им взамен? Весь мир насилья мы разроем? У них даже газет нет, мальчишки сопливые сообщают новости за обол.

Вчера он уже испытал это чувство ненужности, когда Фоти его перепугала. Приехал он, как обычно, со свитой из дворца и обнаружил, что ее дома нет. И никто из родственников ее и челяди не может сказать, где она. Немного успокаивало только, что вместе с нею исчезла и чернокожая Тинья. Значит, это просто выход женщины в город со служанкой, должна же и знатная женщина иметь хоть когда возможность пошмыгать по своим делам, здесь все-таки христианская страна, гаремных порядков нет.

И вот он сидел в кувикле, над которой угасал тот зодиакальный свет, и страдал от бессилия жизни, от невозможности что-нибудь когда-нибудь изменить.

Фоти однажды рассказала ему из своего раннего детства, как она с матушкой Софией однажды ездил на мулах к ее сестре, в деревню на озеро Ирмак. Это было холодное, очень красивое и очень прозрачное озеро, очень коварное — в хрустальной воде отделились оказались вовсе не такими уж мелкими. Пока матушка София с родственницами и сельчанками обсуждала новости, Фоти с их девочками купалась.

И вот — Фоти сама-то ничего не помнит и рассказывала по позднейшим воспоминаниям матери — матушка София видит: пришли девочки, которые с Фоти купаться побежали, встали и смотрят в глаза, слушают разговоры взрослых и не перебивают.

Наконец матушка София поинтересовалась: вы, мол, что? А девочки говорят, как об обычном:

— А ваша девочка утонула.

Все подхватились, кинулись к озеру. А там действительно под прозрачной водой лежит Фоти, как будто спит. Все-таки откачали ее.

— Так вот, — выводила Фоти, — я думаю, зачем Богу было угодно спасти меня в тот раз? Но не для того же, чтобы дьявола родить?

И эта навязчивая мысль все прочнее ею завладевала, чем больше спорил и доказывал Денис, тем более она в ней утверждалась. Видимо, он доказывал как-то не повизантийски, не так... А как? А теперь она просто куда-то ушла!

Но вот слышит Денис, в ночной уже тишине быстро

и ровно стучат далеко за стеною дома каблучки. И сердце его знает, что это каблучки любимой, и он с восторгом слушает, как они стучат по лестнице, как переходят на мрамор вестибюля. И вот она входит, вот обнимает его, вся прохладная и улыбочивая.

Куда они выходили с Тиньей? Она не сказала, но явно заметен был перелом, вернулась какой-то печальной и спокойной, будто что-то решилось у нее, про диавола уже не вспоминала.

И в ту ночь она зажгла все светильники и, уложив Дениса нагим на постель, словно бы поражалась ему — ни волоска на ногах и на груди! Мускулы словно литые, волосы кудрявятся сами собой...

— Что я тебе, в музей? — пытался шутить Денис, но она не знала, что такое музей, и только смеялась с какою-то грустью.

Так прошла у них эта странная ночь.

А на следующий день (как раз второй день Звезды) Денис въехал во двор в сопровождении Костаки и конвоя, и опять странное предчувствие его поразило.

Он обменялся кивком головы со стратиархом Русиным, который только что вышел из бани в новенькой офицерской кирасе, чтобы присоединиться к зевающим на озаренное небо.

— А что Фоти? — почему-то спросил Денис.

— Она дома, она спит.

А вот и чернокожая наперсница, всегда угодливая, любящая поклоняться, на сей раз как мышь проскользнула мимо Дениса, словно не желая ему попадаться.

И вновь чувство недоброго сотрясло вдруг Дениса. Он отдал Колумбуса подбежавшим конюшим и быстрым шагом пошел наверх.

В их спальном покое охватила его тишина. Именно охватила, словно тяжкими утюгами заложила ему уши. Смотрел напряженно в темноту, в направлении ложа, понимая, что Фоти здесь, что Фоти лежит, и одновременно, что Фоти уже нет.

Локти затряслись у Дениса. «Нет, нет, — повторял он себе. — Все образуется, откуда быть плохому. Она спит, она спит».

Он наклонился, дотронулся и понял, что она умерла.

Но это же невозможно, она уже их зимние вещи сняла с веревки, где их просушивали, ведь завтра утром они еха-

ли в Филарицу! Сам уж не понимая, что делает, опустился на колени и положил голову на ее холодное тело.

Затем время остановилось, словно черное стекло. Он услышал над собою душераздирающие голоса.

— Боже правый, Боже!

— Доченька, как же ты так?

— И смотрите, ни капли крови нигде...

— Это яд, яд, не иначе!

— О горе мне! — театрально вскрикивал остроусый Ласкарь. — Зачем же я жил с тобою в этом доме? Ведь я поклялся тебя охранять, девочка! Как же я тебя прозевал?

И бьет себя в цыплячью грудь бывший акрит.

Слышен приказ стратиарха Устина Русина — всех рабов и служанок взять под стражу до выяснения обстоятельств. Лица Костаки и Сергея, брата Фоти, участливо склоняются к Денису, но тот только качает головой, и его оставляют в покое.

— Смотрите, смотрите! — кто-то из-под ложа вытаскивает бронзовую чашку. — Она пахнет лютиком, одуванчиком, это же яд!

Подносят к Денису. Действительно, чашка пахнет снадобьями того самого Фармацевта. Но Денис вновь безнадежно машет рукой и обращается к своей бездыханной Фоти.

Как жестока все-таки жизнь и за что же она его, Дениса, которого девчонки в экспедиции за излишнюю кротость величали божьей коровкой, за что же она его? Или это тоже разновидность креста, который должен нести человек?

Внезапный приступ гнева его буквально взорвал. Он вспомнил, как Сула демонстрировала свой стальной стилет, заявляя — не знаю, кому из нас он может достаться, ей, мне, тебе — за себя не ручаюсь... А почему он, Денис, обязан вечно за себя ручаться? А эта черномазая крыса чего бежала, спеша притаиться?

Он вскочил, обуреваемый жаждой действий, и увидел слабый свет, метавшийся в керамическом чайничке. Огромные пилястры уходили вверх, линии ломались на грани темноты и тени пересекались, пространство плясало над ничтожной искоркой огня.

И он до боли понял, что ничего уж не вернешь, ибо поправимо все, кроме смерти. И пал опять на колени, и готов

был биться головою до обморока, и уже не представлял себе, сколько времени прошло. Лишь запомнилось ему, как возник из небытия призрачный голос:

— Ну что ты, не убивайся так, любимый. Все равно уж не сможешь ничем.

Близилось утро, небо еле светлело, кричали в небе — нет, не петухи, кричали жуткие драконы, чудовища.

— Ты будешь жить много лет, — утешал милый голос из странного далека, — ты будешь еще очень и очень счастлив. А я прилечу к тебе, как-нибудь, словно голубка, постучу клювом в твоё окно... И ты тогда знай — это я.

И одним вздохом, будто закончила письмо:

— Твоя Свет-ка.

10

В тот безоблачный день, когда официальные глашатаи объявили о кончине молодого императора Алексея II Комнина, супруга всемогущего принца Андроника и сама по рождению кесарисса Феодора прибыла в столицу. Шестый, как подобает, или хотя бы встречи с хоругвями не было — был объявлен всенародный же траур! Столичная публика с нетерпением ожидала дворцовых новостей, всех досужих мальчишек осаждали, сулили гонорары за каждый слухок.

— Она заняла Ормизду, — докладывали мальчишки. — Это дворец покойной Марухи, не помните? Министры явились к ней с докладом, как будто она уже царица.

Феодора действительно давно облюбовала себе Ормизду, дворец светлый, прозрачный, воздушный, построенный когда-то пленными мавританцами на перекрестке морей, где синие волны Босфора сливались с фиолетовыми струями Мраморного моря.

А то, что придворные болтуны уверяли, будто Феодора не трогается вслед за мужем из Энейона, потому что выжидает, чья возьмет, это, конечно, миф. Она просто ждала, когда очистят от Марухиной скверны и отремонтируют ей этот прелестнейший уголок. Так же лживы и рассказы, будто она вызвала на доклад всех министров. К ней явился только старый приспешник, пузатый и угодливый Агиохристорит.

— Ну что, друг? — насмешничала она (пока ведь еще

и не царица, может позубоскалить с фаворитом мужа).— Как тебе это итальянское изобретение — чулки?

Любой историк культуры скажет вам, что чулки в Европе появились в эпоху крестовых походов.

А кесарисса Феодора из-под злато-багряного халата демонстрировала министру то одну округлую ножку, то другую.

— Ну, так как тебе чулки?

Агиохристофорит, как уверяют, и продержался на плаву при всех правительствах вовсе не потому, что умел красноречиво говорить, а как раз потому, что умел промолчать, где надо. А как хотелось ему, бедному, ответить ей выразительно, что показ чулок гораздо профессиональнее осуществляются три столичные прелестницы — черная Мела, белая Левка и рыжая Халка!

— А где она? — внезапно спросила Феодора.

— Кто — она, всевысочайшая?

— Ну, не притворяйся, что не понимаешь. Она!

Мысли Агиохристофорита бешено завертелись, отгоняя отупение от жары. О ком же она говорит? Любит, подобно всем высокородным, выражаться загадками. Агиохристофорит даже вспотел.

«Ого! — внезапно понял министр. — Она же страдает от ревности!» И начал весьма издалека:

— После скоропостижной и всеблаженной кончины приснопочитаемого и вседержавнейшего монарха нашего, автократора и самодержца, христоролюбивейшего Алексея, их всепочтенная супружница Агнеса...

— Ты, пузан! — прикрикнула нетерпеливая кесарисса и даже топнула ножкой, обтянутой в чулке. — Ты мне мозги не заправляй, а отвечай прямо — спит он с ней или нет?

Агиохристофорит прикрыл свиные веки, наклонил голову и сделал жест, из которого можно было вывести все, что угодно, — и спит и не спит. Положил руку себе на грудь и открыл глаза, в которых можно было прочесть и правдивость и преданность.

— У, зараза! — замахнулась кесарисса на министра. Здесь мы сделаем два примечания. Во-первых, греческие слова того времени мы переводим очень приблизительно, стараясь постичь их в первую очередь внутренний смысл. А во-вторых, что насчет замахиванья, она прекрасно научилась этому у мужа.

Замахнувшись и видя, как картинно испугался ее фаворит, она довольно рассмеялась и продолжала:

— Я верю тебе, что ты бдишь и этого не допустишь. А кстати, сколько же ей лет?

С угрюмым молчанием выслушала, что двенадцать.

— Двенадцать и такая уж развитая! А я слышала от кого-то, что девять! Вы документов не ведете? Она что, француженка?

— Дочь французского короля.

— Все можно победить,— меланхолично заявила Феодора.— Одно только непобедимо — бег времени.

Агиохристорит блестяще использовал тут свое умение промолчать и перешел в контрнаступление.

— А когда же ему, госпожа, всеми этими пустяками заниматься, принцу? Вы положение знаете, у него все — войско, флот, боеприпасы, суды, полиция, слава Богу, с никейцами управились, наконец...

— Знаем мы вас, мужиков,— проворчала кесарисса, выбирая на блюде персик.— У вас на свое того-сего время всегда найдется. Вот времени у него не нашлось до сих пор,— оживилась она,— подумать о коронации, о занятии трона!

Министр вновь пустил в ход искусство умолчания.

Гул шагов и возгласы бегущих впереди глашатаев оповестили, что приближается принц. Агиохристорит хотел ретироваться, но вошедший Андроник задержал его, чтобы узнать — привез ли он то, о чем говорили вчера?

— Привез, всевысочайший,— согнулся в поклоне фаворит. И был пока отпущен.

— Ну, здравствуй, муж... — прислонилась к нему Феодора, всматриваясь блестящими глазами в его бледное лицо с усами, обвисшими от усталости. Искала на нем следы досады от ее появления и — увы! — находила.

А кругом кипел дворцовый быт. По-спортивному подтянутые евнухи в набедренных повязках и вышколенные девицы со скромно потупленными взорами готовили госпоже бассейн для полуденного купанья.

— Вот и я... — извинительно говорила она, продолжая изучать его лицо.— Вы ведь и не звали, а мы здесь.

— Задержался, не встретил,— словно бы оправдывался Андроник, целуя жену около уха с бриллиантовым подвеском.— Только что избранный великий дука флота Стрифн оказался диким несунном. Успел продать все снасти и новые весла вездесущим этим болгарам!

Феодора критически его оглядела и без всяких слов.

взяв двумя пальцами, потрясла за край простого белого гиматия.

— Что белая одежда-то, не златотканая? — реагировал принц. — Чтобы меня отличали среди роскошнейшей свиты. Это старый, кстати, царский прием. Ах, что она грязная? Да вот подумываю, может быть, заставить постирать ее какую-нибудь из дворцовых престлиниц...

Тут между супругами произошел еще более выразительный диалог, который мы, чтоб не утомлять читателя, опустим. Примирения ради она и мужу предложила продемонстрировать новую покупку — чулки. Андронику при этом была показана и роскошь ее домашнего одеяния — парчового халата или мантии, он должен помнить, как его по вечерам всем семейством расшивали в Энейоне. Он изволил шутить, что русалки на вышивке получают бородатые.

Кесарисса движением плеч вышла из этой мантии, как Афродита из пены морской, наступив на бородатых русалок. Она была одета только в чулки.

И пошла на тонких каблуках, покачиваясь, как гордый корабль или как манекенщица в модной лавке. Принц смотрел и вспоминал какие-то забытые строки — для твоих черных кудрей не нужно и особой завивки, а ушки выглядывают, словно козы из рожи, а брови как тетивы лука, нацеленного на них.

— Ого-го! — сказал Андроник, и у него это было высшей похвалой.

Когда много лет назад они с нею сошлись, царедворцы шелестели: это ужас, он же на тридцать лет ее старше! Ну что же, и теперь разница в годах осталась та же и у них уже взрослые дочери, а желает ее он и страдает по ней так же, как в те далекие времена, когда она для него была недоступной царевной, да и племянницей к тому же.

Теперь ему приписывают всяких прелестниц, включая пресловутую троицу — Мелу, Левку и Халку, все это чепуха. Только несравненнейшая из Феодор (так назвал ее в льстивых стихах все тот же Евматий), только она им владеет.

— Значит, ого-го? — победоносно переспросила она, пристукивая каблукками.

Другой бы романист тотчас описал, как возжелали они друг друга, как выслали вон обслуживающий персонал, как наслаждались по всем теоретическим правилам секса.

Но дело в том, что они были почти цари, за их спиною был этикет как закон, а впереди еще была ночь.

Умница Феодора тотчас поняла все это и подавила в себе все несвоевременные желания.

Стали обсуждать текущие заботы. Феодора интересовалась мозаикой, которую они задумали за свой счет в новом притворе Святой Софии. Это было очень важно, потому что Святая София—это главный храм империи. Предполагалось даже Евматия послать в командировку в Италию, изучать древние мозаики. Евматий представил даже картонные мозаичные картины, но там было одно препятствие—на Андроника и на Феодору нельзя было надеть царские уборы.

— Ты слышишь?— тормошила мужа Феодора.— Пора решать этот вопрос. Да о чем ты все думаешь? Ты слышишь?

— Слышу, слышу,— отвечал принц, а сам смотрел за дверь, откуда Агиохристофорит делал ему какие-то знаки.— Нам надо уйти.

— Боже, не успел прийти... Небось куда-нибудь опять на пытки, мучить, убивать, знаю я твоего Агиохристофорита.

— Нет, нет, даю слово, с пытками покончено, мучить больше никого не будем.

— А главное, главное—венец?

— Венцу мешают сейчас комета. Если бы не летучая эта звезда...

— Кормишь при себе целую шайку чародеев, Сикидиты всякие, Дионисии и прочие. Неужели они тебе сделать не могут, чтобы хвостатая звезда явилась в другое время или совсем чтобы ее не было?

Андроник улыбнулся и косо взглянул на жену, как еще недавно смотрел на Агиохристофорита.

— Эй,— подозвал его принц, скрючив палец.— Где тот мешок?

Мешок был подан, обыкновенный дерюжный мешок, в котором крестьяне держат полбу.

Принц развязал его и рассматривал что-то, лежавшее на самом дне мешка. Потом показал это Феодоре. На дне мешка была отрубленная голова какой-то бабушки в нелепом чепце.

— Вот тебе и залог того, что смертей больше не будет.

— Фу, мерзость!— отшатнулась кесарисса.

Уходя, принц вдруг засмеялся тем нервным, совершен-

но бесовским хохотком, которого она боялась, и переспросил:

— Так, значит, ей двенадцать лет, не девять?

— Кому двенадцать?

— Да той самой... Совсем взрослая.

— Ба! — спохватилась Феодора, когда он ушел. — Ведь это же он про Агнесу ту думает, про французенку!

11

Ночь душна, дышится тяжело, будто кузнечные мехи приводишь в движение. Горят светильники в торшерах и бра, не столько горят, сколько чадят. Давно уж столь мрачных дней и ночей не было в золотой Византии.

Пришли с пением покаянных псалмов богаделки от Святой Пелагии, обмыли в семи водах несчастную Фоти, закутали ее в восковые пелены, положили голубку в свинцовый гроб. Завтра вместе со всем конвойным отрядом повезут ее в далекую Филарицу, на родину, к матери безутешной, чтобы предать земле.

— Господин! — склонился к Денису Устин Русин, как старший по чину среди челядинцев. — Что прикажешь с взятыми в розыск людьми? Подозреваемых надо бы в кнут, а безвинных отпускать.

— Отпусти всех, — сказал Денис.

И эти византийцы, эти добропорядочные христиане, не пропускающие ни поста, ни исповеди, стали выражать возмущение — но ведь среди взятых наверняка есть убийца либо просто человек, который может указать след убийцы!

— Отпустите всех, — повторил Денис.

Они отшатнулись, а он добавил: и всем растолкуйте так. Этой ночью дверь к господину, то есть ко мне, открыта настежь для любого. Приходите, кто хочет, господин, то есть я, обещает, никто не будет наказан. Можете либо убить господина, либо сказать ему правду.

В эту ночь, кажется, никто не спал в особняке на улице Дафны. В их последнюю ночь при византийском дворе. Даже кони притихли, не прядали как обычно, не стучали копытом о закраину яслей.

Под самое утро Денис, который почти без сил лежал на осиротевшем ложе, услышал шаги, как полет насекомого.

Вошедший остановился над его изголовьем, не то крестился на иконы, не то разглядывал его лицо.

— Ты пришла? — спросил Денис, не поднимая головы.

— Да... — ответил ему всхлипом слабый женский голос.

— Ты готова ответить?

— О, господин!

— Да не передо мною, перед Христом!

— О, не мучь, лучше сразу убей!

— Убить нетрудно, а жить теперь какво?

Они молчали, слышались только ее всхлипы и потрескивание свеч.

— Зачем ты это сделала, скажи.

— Она просила так, молила, говорила, я все равно руки на себя наложу...

— А кто еще был третий между вами?

— Никто...

Денис рывком поднялся на ложе. Пузатая, совершенно обезображенная своей беременностью негритянка стояла на тощих коленках. На шее у ней красовалась веревочная петля, надетая в знак раскаяния, сама же она только всхлипывала и повторяла — нет, нет!

— Зачем ты врешь, Тинья? — с болью в голосе сказал Денис, откидываясь на подушки. — Ступай прочь. И не попадайся мне больше никогда, слышишь? Никогда!

Утром Устин Русин и Костаки подступили к Денису.

— Вы отпустили ее, господин?

— Кого? — сумрачно спросил Денис.

— Не говорите так, господин. Мы же прекрасно знаем, что вы ее отпустили...

Денис молчал, умываясь из медной лохани. На Устина Русина невозможно было смотреть, поседел совершенно и за одну только ночь. Энергичный Костаки не отступал.

— А вам бы ее спросить, кто и зачем подставил ее в монастыре Пантепоптон вместо белой Фотины? А как она выбралась в последний раз из Филарицы и прибежала к нам, ведь Филарица-то вся на месте! Ведь не она же сама готовила этот яд, кто-то ей вложил его в руки.

— Костаки Иванович! — прервал его Денис. — Она же на твоего друга, по крайней мере, ты его многократно другом называл...

— Какая жена! Невенчанные они! Да и что вы это свое — Ивановитш, Ивановитш... Не хочу я быть вашим

Ивановитш... Я хочу найти убийц моей Фоти, и рука моя не дрогнет их наказать! Она любила вас, а я любил ее... Пусть ее нет, но я ее люблю!

Но делать ничего не оставалось, домочадцы принялись готовить обоз к походу, а Денис отправился во дворец получать указ о своем назначении.

На улицах императорская гвардия из русских и варягов вела настоящую охоту за мятежными павликианами. Трупы этих павликиан, словно дохлые мухи, валялись то тут, то там по газонам дворцового парка.

Они были, словно люди другой расы, эти дети подземелья, все как на подбор круглоголовые, коротконогие, одевавшиеся всегда в черное, при встрече прячущие глаза. Они не грабили, нет, не тащили к себе по норам. Они безжалостно и бессмысленно уничтожали все, что инстинктивно считали греховным, а греховным их проповедники объявляли почти все...

Дука Канав, новый командующий гвардией, пытался допросить одного, тот бился, как схваченный хорек, шипел, плевался, изрыгал проклятия, будто перед ним были исчадия сатаны. В конце концов так укусил державшего его варяга, что тот не выдержал, пронзил его мечом, что, вероятно, и было нужно фанатику.

По случаю одного из бесчисленных церковных праздников был устроен крестный ход. Андроник, одетый в совершенно театральный полководческий наряд — позолоченный панцирь из шестигранных ячеек, шлем с пурпурным хвостом — уже красовался на коне, готовый отбыть во главе многолюдной свиты.

И тут он увидел Дениса. Лицо его синэтера было столь ужасно худым и желтым, со столь потухшими глазами, что правитель понял, что-то случилось. Он не чинясь соскочил с седла и подошел к Денису. Денис так же просто рассказал ему о смерти Фоти.

Андроник, от которого можно было бы ожидать, что он примется вычислять убийцу, не задал ни одного уточняющего вопроса.

— Бедняга ты, — посочувствовал он. — Но ты же, вероятно, не станешь отказываться от поездки в Пафлагонию? Верные люди позарез мне нужны, но нужнее они там!

Нотарии на серебряном блюде подали моливдовул — грамоту, запечатанную еще свинцовой печатью Алексея II, но подписанную уже Андроником, потому что иных го-

сударей не было. Денис надеялся в Амастриде полномочиями чрезвычайными. «Комиссар конвента», — усмехнулся по своей привычке Денис.

— Будь мужчиной, — сказал ему по-отечески Андроник. — Что же теперь делать? Такова жизнь! Там тебе придется вертеться. Будешь и воевать, и казнить, и грабить... Главное — хлеба! Дай мне хлеба в столицу, и побольше. И мы победим!

Впоследствии, вспоминая этот разговор, Денис думал: вот нашел же человеческие слова! А то — сущий палач и убийца...

Эспланада у Большого Дворца похожа была на полевой штаб в разгар сражения. Вестники непрерывно прибывали и убывали, подскакивали то к Агиохристофориту, то к дуке Канаву, от усердия вздымали копытами пыль.

А один прибежал пеший, в разодранном на полы кафтане. Агиохристофорит доложил самому правителю.

— Громят эргастирей Сикидита, — сказал принц Денису. — Идем, Сикидит же твой, можно сказать, крестный отец.

По подземным переходам дворца, где везде шла потасовка гвардейцев с павликианами, принц со свитой прибыл к большой башне, и Денис увидел парусные своды и полупилястры хорошо знакомой ему залы эргастирей. В руках солдат было много факелов, которые освещали мерзость запустения — лабораторная мебель была старательно превращена в мелкие дрова, посуда разбита вдреизг. Магические кольца и вычисления на стенах были сбиты вместе со штукатуркой, так что виден был только кирпич.

Дука Канав велел поднести носилки, и принц увидел горбатого помощника чародея. Бедняге не повезло, даже при Никее он уцелел от взрыва огненного орудия, а здесь задушили его павликиане. Сикидита же нигде не обнаружили, опасаются, что павликиане утащили его с собой, чтобы судить и сжечь живьем как слугу сатаны. Они такие представления любят.

Андроник нагнулся и вытащил из кучи хлама деревянный с металлическими пружинами предмет, не то весы, не то застежку от водопровода.

Арбалет! — узнал Денис свой любимый инструмент из картин по средневековью. Но здесь, в его путешествии по Византии, он ему еще не встречался, видимо, ему еще рано.

Андроник умело покрутил ручку и натянул крутую тетиву, но стрелы не было, чтобы зарядить.

— Вот, несчастный этот Сикидит обещал мне изготовить к Успению тысячу таких самострелов. Тогда бы мы одержали победу на всех фронтах. А то, несмотря на покорение Nikei, у нас везде неудачи. Сицилийцы вплотную подступили к нашей Фессалонике, уже отрезали ей снабжение. Иуда Ватац целую армию набрал ренегатов. А Врана все лежит, отлеживается у жены, от никейской конфузии оправиться не может. Или не хочет.

Косматый Пупака подал ему какую-то палку, нашел в куче хлама. Принц зарядил ее вместо стрелы и не целясь нажал курок. Палка полетела крутясь и угодила как раз в глаз часовому, стоявшему напротив.

— О-о! — закричали горестно вояки, уводя своего незадачливого товарища.

Андроник же не обратил на этот инцидент ни малейшего внимания.

— Конечно, это не пулемет, — сказал он. — Но я так надеялся на него! Скажи, синэтер, — обратился он к Денису, — а что все-таки нужно, чтобы была у меня победа?

Как всегда при таких глобальных вопросах, у Дениса мозги завернулись спиралью, словно он на опостылевшем семинаре. «Партия нужна», — надо сказать, если не забывать уроки советского вуза. Но под партией они однозначно понимают болельщиков цирка. Орден меченосцев? Но это он уже говорил... Вдруг его осенило и как всегда невпопад.

— Любая форма насилия. История жестока, государь, насилие в ней есть главное условие всеобщего счастья.

А про себя тут же подумал: «Я стал вроде Агиохристофорита, научился вовремя вернуть словечко. Еще никто не решается его государем называть, а я уже называю».

— Мудрено завернул, — усмехнулся принц, отдувая ус. — Но мы подумаем над этим.

Загудел рог, вызывая правителя куда-то в парадные залы. Андроник горестно оглядел разгром, учиненный у Сикидита.

— Все валится в тартарары! Но мы еще повоюем!

Он весь был в азарте, весь в желании победы, сквозная раздувал его усы, шевелил пушок на лысине. Но трудно было поверить, что ему за семьдесят лет.

Денис тоже глядел на разгромленный эргастирий. Много страданий и ужаса он пережил здесь. Отсюда он

с Фоти бежал той тревожной и счастливой осенью. Теперь, как говорит принц, все пошло в тартарары, пропала, без сомнения, и единственная, может быть, маленькая, слабая надежда хоть когда-нибудь вернуться (и он снова мысленно указал наверх).

Когда вышли из дворца и принц сел на своего скакуна, он, вероятно, вспомнил, что любимому синэтеру не дал еще последнего напутствия перед разлукой. Подозвал Дениса к седлу.

— Скажу на прощанье. Уж очень ты, брат, склонен ко всепрощению, к абстрактной любви. Это излишне. Ничего не забывай, никому не прощай.

А на розовом небе какого-то мыльного цвета после многодневных увертюр и прелюдий взошла наконец пресловутая звезда. Хвоста как такового у нее не было, а сама она была словно блестящий осколок зеркала в тусклом закате. Люди, столбенелые, молчали, кто положив руку на сердце, а кто на уста.

Послушаем теперь нашего любимца, которого мы совсем забыли, нашего умницу Никиту Акомината. Он купил, наконец, на братнины денежки себе домик на Сфораккии и, уединившись, знай пишет себе и пишет.

«Явление этой звезды имело в человеческом мире последствия неисчислимы. Все от мала до велика словно взбесились (синэкзоргико) — царства набросились на царства, народы на народы, которые испокон века во взаимной дружбе жили. Брат поднял руку на брата, сосед на соседа, а в одном селении, страшно подумать, дочь убила мать! И адская та звезда с небес взирала презрительно на людской наш муравейник и только что не улыбалась!»

Глава восьмая

ЦАРЕВНА-ПЛЯСУНЬЯ

1

Высоко в небе кувыркается и поет вольный жаворонок. Небо блекнет, а степь выцветает от палящего солнца, вся она полна проплешин, бурые пригорки перемежаются седыми кустиками ковыля.

Поет вольный жаворонок, упивается простором и воздухом, то уносится в такую высоту, что голос его пере-

стает быть слышен, то возвращается, трепеща и ликуя. Невдомек ему, что коварный коршун исподтишка пробирается низом со стороны моря. Выжидает своего часа, сторожит.

Конники проносятся по проторенной тропе вдоль морского берега. Вытянувшись цепочкой, они скачут на Аматриду, трепещут у них на пиках пестрые флажки.

Денис вспоминает, как год назад или побольше, где-то, правда, южнее этих мест, там, где у края степи синие кулисы лесов, они пробегали с Фоти, словно дикие аборигены, хоронились на деревьях и в ямах. И боялись друг друга, и тянуло их друг к дружке. И теперь Фоти с ним, но едет она на двухколесном лафете от катапульты. И жилище ее теперь гроб черный, свинцовый. За одну ночь склепали его умельцы-халкопраты, а бальзамом налили фармацевты из Влахерн.

Душа болела непрерывно и до того уж отупела, что и дивная песнь жаворонка не трогает, а от нее и суровые пафлагонские ополченцы размякли, сняли шлемы, стащили потные подшлемники и, опустив поводья, идут-бредут себе, кто на конях, кто спешившись, шуряются на солнце.

Нет, тысячу раз прав Андроник — нельзя размягчаться, невозможно быть абстрактно добрым в этом мире жестокости. Десница правды должна держать оружие наготове. А как бы это смоделировалось там, наверху, хотя кто знает, где в диалектике верх, где низ?

Там, наверху, тоже есть свой кулак и свой меч или свой щит, и так будет, вероятно, всегда, пока существует человечество. Здесь, в Византии, это только резче, примитивнее, чем в социалистической Москве, так же, как экологический пейзаж здесь чище, неиспорченной, первобытнее, чем там, наверху.

«О чем я думаю!» — поразился Денис. И вновь нежная Фоти представилась ему — твоя Свет-ка... Раз уж суждено так — он и станет типичным феодальным властелином, римским дукой, не знающим пощады, во имя мертвой Фоти он клянется так.

Два дня на быстрых конях скачут всадники до Аматриды. Едкий дым стелется непрерывно, это жгут траву сами византийцы, чтобы лишить корма лошадей кочевника-врага. Бледнеет степь и блекнет небо, два дня с ночлегами у костра, потому что все постоянные дворы разорены непрерывно маневрирующим неприятелем.

Сожжен и постоянный двор у развилки дорог на Фила-

рицу, где когда-то громогласный Стративул встречал путешественников и всегда была открыта гостеприимная дверь. Правда, обгорела только крыша, но и дверь перекошена и гостеприимно открыться уж не может.

— Анна, Анна! — зовут какие-то женщины в зарослях бурьяна. — Выходи, это римляне! Это наши пришли!

Анна выбирается из зарослей, вся чумазая и в репьях, недоверчиво всматривается в Дениса и его отряд.

— Это где ж вы были, пока нас тут грабили?

И совсем уж не похожа на ту былую громогласную хозяйку постоялого двора.

— Как же, помню, — признает она. — Помню, как мой вояка приглашал вас переночевать. А где же твоя, молодец, золотистая та пчелка?

Денис молча показывает ей гроб на лафете, и она сочувствующе кивает головой, крестится.

Пока они трапезуют из дорожных запасов, прежде чем повернуть на Филарицу, их обгоняет императорский курьер на паре вороных. Новостей много: чтобы усмирить павликиан, принц велел открыть все цистерны с запасом воды и затопить их подземные урочища. Павликиане, как крысы, разбежались по окрестностям, значит, грабителей еще прибавится. Принц назначил первым министром Федора Дадиврина, начальника дворцовых ликторов. Сам-то принц готовится взойти на престол. Денису Дадиврин этот не нравится — угрюмый, неразговорчивый, совсем не византиец. Хотя, может быть, сейчас именно такой и нужен — военная костька.

Доедающие мирно беседуют у костра, а поевшие чинят на скорую руку крышу постоялого двора, Анна стоит, смотрит на них пригорюнясь.

— Что ж мы этого демократа Андроника все хвалили, — кручинится она. — А выходит, деспот Мануил был получше. Раз не может управлять, пусть в монастырь идет, молится.

Стратиоты цыкают на нее. Разве не слышала? Андроник будет на священном престоле. Но хозяйка все хнычет и жалуется на судьбу, ох уж эти женщины!

Но вот и Филарица. Здесь тоже все повалено, целые порядки хижин опрокинуты, пожар прошелся по ряду домов. Деревья плодовые порублены, лежат как раненые, простирают корявые ветви, прутья с засыхающей листвой. Враг старательно вырубает сады и плантации, по-

тому что хочет, чтобы здесь была степь — выгул для его овец.

Русины устремляются к своему дому, где вместо крыши словно бы куча дров. Из-под груды кирпичей у подвала за ними зорко следят три замурзанных личика, будто три сурка.

— Мама! — кричит Сергей Русин, кидаясь их вытаскивать. Это его мать и сестры, запуганные донельзя; уж и своих не признают.

Не станем тут пространно описывать, как собиралась печальная заупокойная трапеза, уж и так слишком горестным получается наш рассказ.

Прибыл из Амастриды военачальник в черной вороневой норманнской кольчуге, вероятно трофейной, потому что купить такую нельзя, с ним конный отряд. Соскочив с седла, отрекомендовался Денису:

— Цурул, сотник, временно назначен командовать всеми римскими силами в Амастриде. Получил приказ поступить в твое подчинение.

Ему с дороги посылался вестник, и он доставил из Амастриды священника, кир Апокавка. Прежний числился в бегах, а Денис вообще привез весть, что он расстрижен.

Пока тихий отец Апокавк, весь в склеротических морщинах, которого Денис помнил по Энейону, поместью принца, готовил свою службу, родные и близкие преклонили колена вокруг запаянного черного гроба: Устин Русин, жена его, дети, соседи, воины-пафлагонцы. Похоронами в те драматические дни трудно было кого-нибудь удивить. Все молча крестились под монотонный глас певчих, подпевали кир Апокавку. Громко плакала матушка София. Притащился из своего шалаша на дальнем баштане отшельник Влас, опираясь сразу на два костыля, стоял поодаль, за свежеврытой ямой и тоже молился беззвучно.

Когда Денис оказался от него поблизости, старик вполголоса молвил, что есть о чем поговорить, побывал бы господин Дионисий у него на баштане.

Денис также опустился на колени у изголовья могилы между оруженосцем Костаки и бывшим акритом Ласкарем. Оба они, опустив головы, молились и крестились. Денис не знал молитв, но тоже перекрестился за упокой души своей Фоти.

И когда уже могила была закопана и все отправились с кладбища, Дениса вдруг ударила одна мысль: ведь прежде-

душка этот Влас говорил с ним на языке его, Дениса, эпохи! Не может этого быть! Денис остановился, всматриваясь в бредущих людей, но Власа уже не было, сказали, что он ушел раньше, чтобы добраться до своего отшельничества засветло.

Чем больше Денис вспоминал слова этого Власа, тем более у него прибавлялось уверенности, что тот говорил на языке современников Дениса. Так как чудесам в этой золотой Византии не приходилось удивляться, то надо было удивляться только тому, что эти чудеса не иссякали.

2

— Представь себе,—говорила подруге принцесса Эйрини, находясь у нее в гостях в Редесте,—государь назначил моего супруга великим дукой флота! Теперь мы с тобой высшие дамы империи — твой Врана командует всей сухопутной силой, а мой Ангелочек всей морской.

И вообще трудно представить, что ради пришельца из неведомых миров она готова была на все, даже на рискованные приключения. Теперь на языке одно — мой Мисси, да мой Ангелочек!

— Послушай! — пыталась ее образумить Теотоки, у которой в результате замужества и материнства жар приключенчества прошел и которая теперь весьма трезво смотрела на эту начинающую плясунью. — Ты-то сама осознаешь, что твой Мисси не может командовать флотом? Как это хоть произошло, это назначение?

— А никак! — Эйрини сияла блеклыми глазками. — Отец меня вызвал, говорит — назначаю его ради тебя, он теперь зять императора. И для наших, говорит, связей с Ангелами... А послушай! — перешла она сама в наступление. — А чем мой Мисси хуже других ваших генералов? А тот вислогубый Комнин, который отправлен командовать обороной в Фессалонику?

— Он начал сходить с ума! — поражалась Теотоки.

Действительно, после того как было обнаружено, что дука флота Стрифн, избранный, кстати, по-новому, то есть по конкурсу, оказался ворюгой беспредельным, получилось так, что флотом командовать некому. Одни сбежали к мятежному Ватацу, другие спились или скурились.

Но вот Андроник почувствовал некое вдохновение, которое, по его словам, никогда его не подводило. Из тьмы

соискателей, вечно обращающихся вокруг высшей власти, он исторг трогательного Мисси, успевшего жениться на его любимой дочери. И в один день провел его сквозь все чины и процедуры и жаловал ему хрисовул — диплом с золотой печатью — быть командующим всем столичным флотом.

И знаете, кстати, чем он его купил, этот хитрец Ангелочек? Когда принц (еще был принц, не император) пытался отказать ему в руке дочери, Мисси отважно заявил — мы встречались с ней, еще когда ты был в опале...

Но народ качал головами: попрошайку Каматира сделали святейшим патриархом, стяжателя Дадиврина — первым министром. Конечно, на их фоне и щеголь продувной сойдет за адмирала. Народ вечно всем недоволен.

— Однако я просила, Токи, я умоляла... Я не хочу расставаться с мужем, ведь на военные корабли женщин не пускают. Но у него только политика на уме. Попрекнул даже за то, что я за этого хотела... Как он его назвал — человек ниоткуда! А ты, говорит, наследница римских цезарей, я, говорит, велел родословную изготовить и вывести в Святой Софии...

— То с серпом себя вывешивает, — улыбнулась Теотокки, — то в виде потомка цезарей...

Великий князь флота Михаил Ангел принял командование кораблями, стоящими в Геллеспонте. Это были девять пятиярусных дромосов, двадцать трехпалубных триер, а однорядных великое множество, наверное, сама флотская канцелярия достоверно не знала. И вышел прямо к Фессалонике, где город и морская крепость изнемогали под напором осаждающих сицилийцев.

Шли, конечно, на опасное дело, но шли весело — моряки были довольны. Этот застой никчемный и вечная грызня среди начальства смертельно надоели. Хорошая драка лучше худого мира!

Пусть хоть плясун площадной, лишь бы дело понимал! На третий день пути дозорные в бочках усмотрели на горизонте косые норманнские паруса.

Здесь придется объяснить, что норманны, правившие в Сицилии и Южной Италии, их-то наши герои и называют сицилийцами, были уж не те классические норманны, которых Европа знала со времен Каролингов. Уже несколько поколений они жили в той Нормандии, которая расположена на северном побережье Франции, их родным языком сделался французский, а верой — католическая ве-

ра. Они теперь только по названию оставались норманнами, а на самом деле были уж вполне французскими рыцарями, правда, заквас грабителей передался им по крови от норманнских пращуров, но они этим-то и гордились. Знаменитый Вильгельм Завоеватель, повергший в прах англосаксонских королей, был как раз из их среды.

И вот лет за сто до описываемых событий многочисленные ладьи с французскими норманнами (или уж теперь, вернее, нормандцами) начинают прибывать волна за волной к благодатным берегам Сицилии и Амальфи. Десять сыновей нормандского герцога Готвильского один за другим возглавляют эти нашествия. Им, которым на скудной родине достались бы жалкие клочки жалких наследств, там, на благословенном юге, грезятся сказочные царства. С пеленок они готовят себя к беспощадной борьбе за лучшую жизнь и становятся мастерами войны.

Кто там ни побывал в хозяевах на этой благодатной земле — в Сицилии островной и Сицилии материковой! Римляне, готы, лангобарды, византийцы, арабы, венецианцы... Теперь потомки нормандского герцога Готвильского основывают там княжества и дают истории громкие имена. Послушайте хотя бы некоторые из них — Роберт Гвискар, Бозмунд Тарентский, Рожер Апулийский. Это герои крестовых походов и предмет вдохновения трубадуров. И великая Византия, по очереди разбиравшая и отражавшая всех этих готов, лангобардов и арабов, вдруг, к своей крайней досаде, увидела на западных границах королевство Обеих Сицилий, где правил враг умелый и беспощадный.

И вот в узком проливе передовой римский корабль при легком попутном ветерке, маневрируя веслами и парусами, подошел вплотную к борту сицилийской ладьи.

— Эге-гей! — закричали те в переговорную трубу. — Не напирайте так, перевернетесь!

— Ого-го! — отвечали им римляне. — Вы в территориальных водах империи. Великий князь флота Михаил Ангел предписывает вам покинуть это море!

— Мисси! — возликовала сицилийская переговорная труба. — Это ты, оказывается, здесь? Надоели тебе танцы на Золотой площадке?

— А, Маврозум Одноглазый! — опознали кричавшего византийцы. — Ты жив? А мы слышали, будто ты теперь в генуэзском зверинце!

— Молчи, проклятый, исчадие ада...

Корабли сошлись, пытаясь протаранить друг друга. От невообразимой жары смола пузырилась на деревянных боках, падение в прохладную волну могло рассматриваться как облегчение жизни. Напор византийцев, как уже говорилось, уставших от застоя, был так силен, что командующий сицилийской эскадрой дал сигнал поворачивать.

Тут не повезло (снова не повезло!) одноглазому Маврозуму, который у сицилийцев было достиг и богатства и почета. Его левантину при плохо рассчитанном повороте занесло, и она стряхнула своего капитана за борт.

Сицилийцы завопили (вероятно, «пер бакко» — клянусь Ваххом! — по всем романам, это был любимый их клич в эпоху крестовых походов) и кинулись на помощь незадачливому Маврозуму. Но византийцы оказались динамичнее, у них под рукою была обычная краболовная снасть (верша). Выловленный, как некий пузатый краб, Маврозум, мокрый и униженный, предстал перед Ангелочком. Тот хорошо его помнил — встречались ведь у Ангелиссы.

Но, может быть, именно поэтому он не удостоил его даже милостивого взгляда. Пленного подвели, дука флота собственноручно хотел ударить изменника (он же был перебежчик), попал по шевелюре, подняв фонтан брызг из курчавых волос мавра.

«Всесветлейшему, всевеличайшему, царственнейшему, христолюбивейшему царю и повелителю всей вселенной!» — начал он диктовать реляцию, присваивая уже Андронику полный императорский титул. Захваченный живой трофеей направлялся первым подарком к коронации, следующим должно было быть полное очищение моря от врагов. Ветер бодро высвистывал в снастях.

— Надвигается шторм! — предупреждали дозорные в бочках.

3

А к ночи море разыгралось, раскачалось. Огромные массы воды, увенчанные гребешками, перемещались равномерно, будто время здесь боролось с пространством, а если поглядеть не столь глобально, то будто неведомый гигант, полоскавший свои пожитки в зеленой, соленой, холодной волне.

Новопобедный адмирал (Мисси Ангелочек) ехал к месту назначения отнюдь не без тайного страха. Страх его заключался только в одном — в морской болезни. С остальным он надеялся справиться, рассчитывая на свой, хотя и мизерный, опыт коридоров власти. Для укрепления души он взял с собою нескольких завсегдаев фускарии Малхаза, даже даровал им какие-то морские чины, и теперь в его личной адмиральской рубке большого флагманского дромоса они раскупоривали привезенные из столицы амфоры с кипрским и хиосским.

— Всещедрейший! — докладывал ему главный наварх, несколько уязвленный тем, что на вакантное место дуки флота поставлен не он, чей боевой опыт велик, а чиновная очередь беспспорна, а этот всем известный гуляка. — Волна уже выше пяти сажен. Прикажешь отвести суда от берега, чтобы не швырнуло о скалы?

— Отводи! — лихо разрешил ему Мисси и спрашивал: — А это не опасно?

— Н-ну... — тянул с ответом наварх. — Как уж ты прикажешь.

И с тайным ликованием наблюдал, как у Ангелочка зеленеет лицо и он спешит принять очередную чашу из рук новоиспеченных морских чинов от Малхаза.

Флот отвели, и он качался на рейде, выворачивая кишки равно и подневольным гребцам, которых не расковыляли ввиду близости противника, и морским волкам навархам. По чьему-то недосмотру самый большой дромос «Афинаида», красу и гордость всех морских парадов на Босфоре, вдруг швырнуло не в ту сторону, и он, как скорлупу, раздавил «Олимпиаду», другой большой дромос.

Это внесло много развлечения в однообразную морскую жизнь. Чиновники, исцелившись вмиг от морской болезни, гадали так, что разбудили чаек, притулившихся в расщелинах скал. Нептун ревел не уставая.

Главный наварх приказал для прояснения обстановки поджечь старенький кораблик, предварительно, конечно, выведя оттуда людей, даже подневольных гребцов в цепях. Корабль запылал как свеча, заметались тени, усиливая хаос волн. Море кипело, как апокалиптический суп, в котором варились этажерки дромосов.

В рубке флагманского корабля светильники горели, но приглашенные к столу уже валялись на полу и по лавкам, не в силах поднять головы. Над ними возвышался ликую-

щий Ангелочек, хотя и вцепившийся в штормовой поручень, но в другой руке твердо державший адмиральский жезл.

— Смотрите на меня! — призывал он, хотя призывать уже было некого, все валялись. — Оказывается, морская болезнь на меня не действует! Какой я выносливый, какой я удалый! Да поднимитесь же, несчастные! Море — это отлично!

И все было бы для него «каллимера» (о'кей!), если бы не тревожащий страх сицилийцев: где они сейчас таятся в потемках адской этой кухни с косматыми львами на вымпелах?

А тучи скребли ночную тьму, выглаживая море, и вырастали до гигантских размеров. Вот не то голова овна величиной с гору маячит во мраке, не то дьявольский единорог пытается, как на пику, надеть многоярусные корабли. А свист, свист, словно все омфалы из преисподней, и все полифемы из горных пропастей, и все мурины запечные дуют и свищут в дырявые зубы, щеки раздувают до размеров гигантских пузырей.

Буря коверкает пространство и гонит его по безумию тьмы, вся земля под ней и море как географическая карта, острова меняют свою форму, заснувшие в расщелинах дубов вурдалаки вдруг ощущают себя на дне могил, и уже не они из кого-то, а кто-то из них готовится выпить сок.

На пристанях столицы буря, пользуясь невидимостью своих сил, хватает корабли, казалось бы надежно заякоренные и закрепленные, и ударяет их друг о друга, как детские хлопушки. С хохотом несутся ведьмы-стригги, одежды у них из ветра, а волосы из холодных струй.

— О-хо-хо! — крестится сторож. — А каково-то сейчас нашим морячкам в открытом море?

Слуги спешат закрыть окна дворцов крепкими ставнями, их тут же срывает, а они тоже боятся стригг и муринов, не надеются уже на силу молитвы, почти каждый византиец знает тайные заклинания и носит ведьмовские амулеты. «О Вельзевул!» — думает он, со страхом вспоминая и о Христе.

Далеко за полночь, а в особняке в квартале Виглы не спит никто. Этот особняк или небольшой дворец — ими полна столица Византии, которая обычно славится своими гигантскими Юстинианами и Влахернами, а меньших дворцов в ней гораздо больше, — этот особняк, его на свадьбу дочери пожаловал теперешний император Андроник Комнин.

Владелица особняка, принцесса Эйрины, сидит без сна на ковровом ложе со множеством подушек, горничная Лизоблюдка то и дело подает ей успокоительное — отвар мяты, настой мауны.

— Боже, Боже! — кается Эйрины. — Зачем я дала согласие отцу, зачем я его отпустила в это адское море? Ну какой из тебя моряк, мой Ангелочек, мой нежный, где ты сейчас?

Лизоблюдка холит госпожу, гладит ее, заботливо укрывает, и весь дворец не спит, жалеет свою блеклую повелительницу, которая не повысила голос ни разу ни на кого. И все в страхе прислушиваются к ветру, который мощно давит на ставни, к свисту, который как предсказание бед неисчислимых. Старики не запомнят такой бури в Византии!

Наконец к утру свистопляска ветра превращается в ровное гудение и мощное давление несущегося урагана. У кого дома покрепче и запоры понадежней, даже ухитряются заснуть — день забот-то впереди! Но только не в особняке на улице Виглы, где все сидят притулившись и чего-то невероятного ждут.

И это невероятное приходит вместе с первым проблемным наступающего дня. Сквозь ровное гудение урагана внизу, в подъезде, слышится робкий и настойчивый стук.

— Это он! — первая встрепенулась Лизоблюдка.

— Это он... — признала бледная принцесса.

В доме по-прежнему никто не спит: от привратника до кухонного мужика, но никто не решается пойти открыть, хотя стук все настойчивее и сильнее.

— Пойди, открой, — велит принцесса Лизоблюдке.

— Ой, нет, ой, нет, — трепещет наперсница. — А вдруг это не он, а какой-нибудь мурин запечный?..

Тогда Эйрины поднимается с коврового ложа о двенадцати подушек, ей дают пергаменный фонарик со свечой и она, охая и плача, спускается по парадному мрамору под аккомпанемент требовательного стука. Железки запора гремят, к ним прислушивается присмирившая челядь, свирепый ветер давит на дверь, не дает ее распахнуть. Наконец дверь открылась и стало видно, что это все-таки — он!

— Ангелочек! — принцесса уронила пергаменный фонарик и некоторое время во тьме слышались только мужской и женский плач и нежные поцелуи. — Как же это ты?

— Все погибло! — беспечно говорит князь флота. — И корабли и всё... Я бежал сюда целые сутки!

Хотелось бы тут рассказать, как в особняке на улице Виглы уныние сменилось ликованием, как слуги собрали завтрак — они по-своему любили беззлобного Ангелочка. Как сам Мисси откупорил печать на амфоре хиосского — черт с ним, с флотом! Как, может быть, губастенькая Лизоблюдка, взяв флейту, завела: «По траве, по траве, по зеленой мураве», а незадачливый адмирал, подняв свою Иру за бледную руку, начал с ней выписывать курбеты бо-сиком...

Но ничего подобного, к сожалению, не произошло. Эйрини была более даже царевной, чем ее папаша царем, в ней кипела кровь неукротимых Комнинов. Оторвавшись в подъезде от своего благоверного, она наградила его парой пощечин (отец ее в детстве недаром называл — принцесса-драчунья!) и, повернув его к себе худую спиной, погнала прочь — к отцу, к отцу! Сама, правда, кинулась за ним вслед...

4

Император Андроник, заложив руки за спину и не забывая отдувать ус, наблюдал, как рабы в парке спешно убирали следы давешней бури. Опиливали сломленные ветви, уносили разбросанный ветром сушняк, поднимали поваленные беседки. Если бы так и в душе можно было после сильных потрясений — опилить, окопать, обрубить...

Еще при жизни малолетнего василевса было объявлено, что принц вступает с ним одновременно на престол. Так уж бывало в римской истории — два полномочных царя, два соправителя. Объявлялось также, что Андроник поступает так только из природного своего человеколюбия, очень хочется ему помочь двоюродному своему племяннику, к тому же и не совсем здоровому, облегчить бремя власти. Итак, два императора — Алексей II и Андроник I, оба Комнины.

Было объявлено также, что пышной коронации, обильных пиршеств, щедрых раздач и прочее, что обычно дается при вступлении на престол, на сей раз не будет. Специально муссировались слухи, что на сэкономленные от этого деньги будет перевооружен флот, усилена армия,

укреплены форты, ибо норманнско-сицилийское воинство в двух переходах от столицы!

Но народ, население, эта неблагодарная тварь, как всегда недовольны. Во-первых, весьма многие из столичных пролетариев кормятся на роскоши двора — всевозможные позолотчики, знаменщики, певчие, пирожники, сапожники, метельщики, даже уборщики выгребных ям — такого рода экономия бьет и их по скудному бюджету. Во-вторых, как сказал поэт, народ безмолвствует. Кто знает, чего безмолвствует он?

Итак, император Андроник воссел на трон, подаренный когда-то его личному деду индийским падишахом и по случаю вступления Андроника вытщенный из дворцовой кладовой. Смотрите, мол, подданные, — и мы не с хухры-мухры пришли, и у нас наследственность!

По бокам трона из пожелтевшей слоновой кости вырезаны губастые индийские девки, бесстыдно совокупающиеся с задастыми индийскими же мужиками. Бог знает, какая там религиозная мораль, ведь в сопроводительной грамоте сообщалось, что это трон из храма самого главного индийского бога!

Но Андроник, взобравшись на языческий этот трон, вовсе не думал о губастых девках и задастых мужиках. Он думал, что царствование имеет свою оборотную сторону — он сам теперь себе не принадлежит. Вместо того чтобы где-нибудь в конюшне смотреть только что народившихся породистых щенков или кормить любимца леопарда, он должен с утра до вечера кропотливо и шепетильно соблюдать царский режим. Будто он какой-нибудь заключенный!

И говорить уж сам не мог, хотя голос его оставался от природы сочным. Он вообще должен был имитировать восковую куклу в парчовых далматиках и бармах. Просители далеко где-то на ступенях внизу, что-то свое лепечут, а ответ рождается за спиною василевса, в тесном бюрократическом строю вельмож.

— Наша царственность, — с достоинством объявляет глашатай, — жалует тебе, Мопсий Анафет (это к примеру, конечно), вдовец Мелиссы из рода Комнинов, на твою бедность четверть литры серебра.

«За четверть литры дом можно купить со всею обслугой, — соображает обалдевший от духоты Андроник. — И только за то, что примазался к династии Комнинов. И так во всем!»

Но вот утомительная раздача милостыни закончена, и все могут передохнуть. Андроник читал Константина Багрянородного и понимает, что впечатляющие церемонии необходимы для воспитания подданных... Он велит открыть окна настежь, снять с себя тяжеленный венец, подать чашу прохладительного. «Сами не догадаются, ублюдки!»

Как же, как же все-таки это изменить, наконец? Даже смерть несчастного Алексея II не помогла. Тихая смерть, не провозглашенная на перекрестках и амвонах, последний подвиг бабушки Птеры. Народ, кстати, по доносам соглядатаев, не верит, что юноша царь умер. Продолжает за него свечи ставить. Зато все эти Ангелы, Кантакузины, Мелисины, даже Комнины спешат, будто на грабеж. Андроник подозревает, что они повязаны с мятежным Ватацем и с агарянами и с сицилийцами... Вот вчера был еще гонец — Комнин Давид в Фессалонике, который прославился тем, что ввел моду на шаровары, застегивающиеся сзади, и на позолоченные сапоги, — так он, будучи комитом, сдал врагу без боя самую мощную фессалоникийскую башню!

От ярости царь выронил серебряную чашу, она покатила со звоном. Вышколенные Кантакузины, и Палеологи, и Малеины, толкаясь откормленными задами, ринулись ее поднимать. Теперь синэтеры — Пупака, Евматий, — когда их повелитель на троне, скромно стоят в заднем ряду.

Андроник поднял глаза и остолбенел — в конце залы он различил два близко знакомых лица. Одно большеглазое, светлое — больше всех своих детей любил он эту свою Иру, — другое, другое... Не может быть, он же сейчас на флоте!

Мисси Ангелочек, вдав в окончательный маразм от ужаса, лег на живот и пополз к трону, потом все-таки вскочил на коленки и на них быстро побежал, хотел даже взобраться по ступеням, но ликтор остановил его древком секиры.

Андроник понял все. Утратив царское благолепие, он сбежал вниз и носком сапога стал беспощадно разить скрючившегося Ангелочка куда попало. И рядом тотчас возникло опять все то же до боли родное, детское лицо, молящие глаза, худые руки:

— Отец, пощади его, пощади! Я одна во всем виновата!

Ликторы набежали, бывшего адмирала оттащили, повели куда-то в темницу. Принцессу, конечно, никто не посмел тронуть, она вернулась, вновь предстала перед императором:

— Отец!

— Дочь! — в тон ей ответил Андроник.

Царедворцы, чувствуя, что разговор у дочери с отцом предстоит крупный, отхлынули от трона.

— Будь человеколюбен, отец!

— Я уж и так, вижу, весь разменялся на человеколюбие.

Андроник всеми силами демонстрировал дочери свою волю и непреклонность, а она отцу свое упрямство.

— Конечно, — размышлял Андроник. — Это моя ошибка делать его адмиралом. Но прощать его сейчас — уже не ошибка, а преступление.

— Но он же че-ло-век! — наступала дочь.

Толстый Агиохристофорит от самых дверей залы напоминал государю — назначен экстраординарный военный совет. Уже все истомились в соседней катихумене. Андроник сделал ему успокоительный жест рукой, а дочери другой, безнадежный жест — молись, мол, все, что тебе осталось.

Эйрины напоминала о христианском долге. Андроник парировал: а сколько душ невинных христианских он загубил своим бегством от флота?

Принцесса уже топала ножкой, подвески ее энергично позванивали. Но августейший отец столь же энергично поблескивал круглой лысиной, сердито шурился на зажегшие огни лампад.

Тогда она пустила в ход крайний аргумент:

— Я ведь не вышла за того, за кого хотела... Ты знаешь за кого. Вот он бы тебе и флотом управил, и всем остальным... Теперь исполняй по-моему. Отец!

Понимая, что затягивать этот диалог больше нельзя, император, махнув дочери рукой, стал уходить. Тогда она и завизжала и закричала, и со времен истерички Зои, жившей в десятом веке, своды этой залы, наверное, не слышали такого крика.

— Я уй-ду нав-сег-да от вас! — сулила она. — Я вытворю такое... Я циркачеству обучалась вместе с Теотоки. Вот увидите! Вот уви-ди-те!

Тогда Андроник подошел к ней, сила молодая еще оставалась в нем. Он ухватил свою козу в охапку, драго-

ценности и подвески посыпались с нее дождем, а он вынес ее к дверям залы и там, бьющуюся, поручил горничной Лизоблюдке и прибежавшим врачам и педагогам.

Молча он сидел некоторое время, мрачный, отходил от переживаний, собравшиеся генералы и министры тоже молчали или переговаривались тихо: «Как же это он с Ангелочком, о-це-це!»

Наконец он отошел, надел корону, пригласил начинать. Первым выступил Мурзуфл, с лицом багровым, будто только что с него содрали кожу. Сицилийцы подступают к окраинам столицы. Кипр, по существу, потерян. Болгары бесчинствуют. Опаснее всего Ватац со своим мятежным войском, каждый второй феодал у него. Сейчас бы привести в действие армию Враны, но Врана все еще болен...

— Но Врана болен,— вздохнули все.

Лахана, управитель казначейства, докладывал по шпаргалке, собственно говоря, по восковой табличке с нацарапанными там цифрами, подготовили нотариусы, конечно. Лахана уснащал свою речь славословиями в адрес властелина, поминутно заглядывал ему в глаза, хотя всем было известно, что Андроник, будучи еще принцем, именовал его воругой, но с должности не снимал, считая авторитетом.

В том, что он говорил, однако, не было никакой новизны. Хлеба в столице оставалось на три дня. Толпы отчаявшихся людей у городских застав ожидают подвоза. Прежде были безвозмездные раздачи римским гражданам и ветеранам, теперь эти льготники денег в компенсацию не хотят, требуют только хлеба натурой...

— Зерно припрятано в подвалах богачей,— вставил Дадиврин, первый министр.— Прикажи, ваша царственность...

Министры и генералы разом заговорили о мздоимстве продовольственных чиновников. Андроник крутил ус, думал: «Кто же их этому мздоимству здесь учил, как не вы сами? Самый честный из вас, Дадиврин, находясь в поездке по казенному делу с огромной свитой, за ночлег, за ужин, за овес не платит...»

Ничего не решили. Конечно бы— Врана! Конечно бы— флот! Но говорить о Вране все равно что в доме повешенного вспоминать о веревке.

Разошлись, а император все еще сидел, неподвижный, не приказывал ни свеч, ни питья. Агиохристорит захо-

дил к нему то справа, то слева. Сообщил, что в ореховой гостиной изволят пребывать всевысочайшая, императрица Феодора... Андроник опять не прореагировал никак. Агиохристорит осторожно ввернул, что вот бы, как в былые дни, юные девочки от Малхаза...

Тут государь усмехнулся.

— Они были юными, дорогой Агиохристорит, когда ты еще пешком под стол ходил, а я уже их видал...

— Почему же? — стал оправдываться синэтер. — Там есть одна — Аргира, вся — живое серебро!

— А что делает в ореховой гостиной их величество?

— Они изволят наблюдать пляски шутов и мимов.

— Придется идти туда, — вздохнул государь.

Феодора принялась ластиться к мужу, уговаривать, поедом во дворец Ормизду, ко мне, проведем вечер в семейном кругу. Андроник отклонил, усмехнулся, императоры уже не принадлежат себе, чтобы проводить время в семейном кругу. Чувствуя его сопротивление и свой нарастающий протест, Феодора осведомилась — а что у вас тут было с царевной Эйрини? Андроник ответил полузагадкой — не у меня, у империи...

Тогда она с достоинством поднялась, подозвала своих евнухов. У нее был теперь целый отряд молодцеватых евнухов — двенадцать человек! И удалилась, на ходу бросая что-то саркастическое опять по поводу юной француженки во дворце... Евнухи маршировали по сторонам, браво напевая в такт движению — «Тум, туру там, тум, та-ра-ра...»

Когда закончился большой парадный развод караула (еще одна обязанность царского этикета), остались Агиохристорит и Пупака.

— А может быть, все-таки к царице? — предложил Агиохристорит. Ему тоже хотелось домой, не раб же он бездомный. — Такая лаванда, такие шелка!

Андроник стукнул на него посохом, а Пупаке (вот он-то был бессемейный) приказал идти позаботиться, чтобы дворец был безлюден.

— Агиохристорит! — молвил император после некоторого молчания.

— Весь внимание, государь!

— А что, эта девочка живет здесь?

— Какая девочка? — невинно переспросил Агиохристорит.

— Ну, эта... француженка. Агнеса.

— Да, государь. Она совершенно одна. С нею только старуха кормилица, тоже француженка. Она неразлучно с ней.

— И где она тут живет?

— В садовом флигеле, во втором этаже. Прикажешь ее к тебе привести?

— Нет, не нужно. Я просто так спросил.

Дворец стал темен и пуст, как какая-нибудь допотопная пещера. Изредка слышались приглушенные шаги и команда там, где стояли посты караула. Все остальное было предано тьме.

— Агиохристофорит! — вновь окликнул повелитель.

— Я, государь.

— Можешь ли мне оказать одну дружескую услугу?

— Приказывай, всевеличайший!

— Наша царственность хочет, чтобы этот Михаил Ангел... Кстати, где он содержится сейчас? В этом же дворце? Наша царственность желала бы, чтобы этот Мисси был тотчас отпущен на волю, но тобою лично, без всяких посредников. Вот тебе мой перстень с двуглавым иперпером, ты знаешь, он обязывает всякого повиноваться без каких-нибудь письменных приказов.

— Троица живоначальная, это же измена...

— Ты меня понял? — возвысил голос император.

— Понял, всевысочайший! — затрепетал чревом Агиохристофорит.

— Ничего ты не понял, дурачок! Возьми из любой темницы раба, чтобы хоть в чем-то сходен с этим Ангелочком был, обрей ему голову, изуродуй морду, отсеки главу, понял? Нет, еще ничего не понял!

— И чтобы как можно больше людей видели этот неузнаваемый труп...

— А Ангелочку внуши, чтоб сгинул без возврата...

— И чтоб на всех перекрестках столицы...

— Вот теперь понял, ступай!

И император самой многолюдной, самой иерархической, самой причудливой в мире империи в пустынной катихумене остался как перст.

— Агиохристофорит! — крикнул он наперснику вдогонку. — И не возвращайся уж сегодня до самого утра.

И стратиоты из первой тагмы Пафлагонской фемы, стоявшие в дворцовом карауле, потом рассказывали, будто всю ту ночь им чудились то крики обезумевшей старухи, то горький плач девочки.

Так и педантичный Никита Акоминат записал в своей истории: то крик кормилицы, то плач царицы.

5

Всю неделю армия Враны переправлялась на азиатский берег. Подогнали специально сделанные обширные плоскодонки, корабельщики удерживали их длинными шестами, и воины заводили на палубу равнодушных волов, лопоухих мулов, горделивых верблюдов. В том была слава Враны как полководца, что он обеспечивал мобильность войск по тем временам невиданную: на двоих воинов у него приходился один вьюк. Для сравнения скажем, что у туркмен-сельджуков двенадцатого столетия приходилось два вьюка на одного воина, но там была конница.

Сам Врана не мог лицезреть этого шумного, но радостного для всякого военного сердца зрелища похода. Сам Врана лежал в носилках-качалке меж четырех рослых мулов. Затянувшаяся рана от взрыва орудия под Никеей вдруг вызвала гной, гнет, что-то вроде воспаления сосудов. Врачи в тюрбанах, не решаясь ставить диагноз, только покачивали головами — ах-ме, ах-ме!

Однако Врана пожелал быть вместе с армией, юная жена его дала согласие, и вот они в носилках-качалке при переправляющемся обозе. И Врана спрашивает у жены: «Что это внизу там полощется?» Она же отвечает: «Это Золотой Рог, мой яснейший!» Он спрашивает еще: «А что это за плотный дым затмевает синее небо?» — «Это тысяча костров твоей непобедимой армии, мой золотой!»

Воинство перебралось через Босфор, чему, кстати, все они были чрезвычайно рады — драться против остервенелых сицилийцев или, там, против болгар это не то что против своего брата византийца. И у постели Враны собрался военный совет. Здесь не было членов императорской фамилии или патриаршего престола, поэтому разговор был прямее и хлеще.

— Я скажу вам, почему римляне бегут перед мятежным Ватацем, — сказал Врана, не поднимая головы с подушки. — Потому что там собралась вся эта великородная шваль, а у нас среди офицеров их родственников и собственных хватает. Как им драться с теми, кто, по существу, их дело защищает?

— Казнить изменников на месте,— предложил мордастый Мурзуфл, и все с ним согласилось.

Низенький и простенький Канав сообщил: по точным сведениям разведки, Ватац стремится через Скамандр, чтобы прорваться к богатым городам приморья и разгуляться там со всем своим феодальным воинством.

Адъютант добавил— вот грамоты, города Эфес и Смирна шлют моления, просят не допустить к ним клятвопреступников, христопродавцев...

— Клятвопреступников, христопродавцев! — заметил со своей подушки Врана.— Гей, мошенники они! Не дали нам новых кораблей, а то, может быть, и флот бедняги Ангелочка был бы цел.

Пока они так переговаривались, Теотоки, уютно сидевшая за плотными генеральскими спинами, отогнула краешек шатра, рассматривала однообразную, хотя и всхолмленную равнину. Ведь это Скамандр, это страна гомеровских героев, где-то здесь распаленный Ахиллес воевал за свою Бризеиду.

И непрестанно думала о Вороненке. Когда уезжали, у него из носика текло, он научился бегать. Как всякий мальчишка, рвался на пол, поминутно расшибался, несмотря на подставленные руки нянек. Теперь хоть рядом с ним гном Фиалка, этот уж надежен!

Военный совет постановил — быть к переправе через Скамандр раньше Ватаца. Для этого всю ночь надо идти почти бегом.

Кир Аникуца, походный священник, отслужил в шатре краткий молебен, и все пошли к своим тагам.

Врана откинулся, не стонал, только охал, но видно было, какой силы воли ему стоило участие в совете. Но он ведь неуговорим, если считает, что так нужно. Теотоки держала наготове питье, болеутоляющие протирания. Всю ночь воины вели их мулов по горным перевалам, но, как осторожно их ни вели, носилки раскачивались, в фонарике не угасал огарок свечи, и бдительная Теотоки держала наготове пузырьки.

Глядела на заснувшего или забывшегося мужа, на четкий его горбоносый профиль, который старческим никак не назовешь, и глупыми казались все ее выдумки об уходе в монастырь. Бедный он, бедный, сколько приходится ему выносить, а виски совсем седые. С печалью думала, что любви к этому человеку у нее, вероятнее всего, нет, хотя,

кто скажет, что же такое любовь? Но свой крест она будет нести до конца.

К рассвету Врана, несмотря на постоянное раскачивание носилок, уснул, даже похрапывал тихонько. Кир Аникуца, который тоже нес свою вахту рядом с военачальником, уговорил и ее смежить веки, отдохнуть. Только она прилегла, как услышала рядом с пологом шепот:

— Госпожа, госпожа, извольте сюда выйти!

Накинула плат, ежась от холода, вышла. Там стоял низкорослый дука Канава, лицо его было озабоченным.

— Как тут Врана? Нельзя ли его разбудить?

— А что срочное?

— Разведка доносит: тут рядом войско Ватаца, мятежники идут тем же направлением на Скамандр... Совсем близко, по параллельной дороге.

— Ну?

— Ну и уже обгоняют, обходят нас!

— Но вы же, я слышала, на военном совете решили быть там во что бы то ни стало раньше Ватаца?

— Милостивица! Стратиоты устали, даже верблюды сбиваются с ног. Никто теперь, кроме Враны, их не подбодрит, они слушают только его.

Он даже коня для шефа держал наготове, наивный крестьянский генерал, того самого вороного, про которого солдаты пели в своих частушках — Вран на Вороне летает!

И подхватил ее на свои крылья ветер приключений, ведь была она еще так молода! Бросив плат Хресе, она вскочила в седло мужнина коня, выхватила поводья у генерала Канава. О, воспитанница цирка, уж на коне-то она ездить умела!

Настигла головную тагму у поворота. Стратиоты только что на ходу не спали, побрякивая котелками о притороченные к поясам шлемы. Другие тагмы уже принаравливались на ночлег, разжигали огни, распаковывали колбасу.

— Воины! — крикнула звонко, встала прямо ногами в седле, по цирковому натянув повод. — Знаете ли вы меня?

— Знаем! — отвечали они, оживляясь. — Ты наша генеральша! Ты Блистающая Звезда из Большого цирка, как же тебя не знать?

— Ватац со своими феодальными убудками раньше

нас хочет прорваться на Скамандр... Хотите ли вы, чтобы Ватац отнял у вас победу?

— Нет! — заревели тысячи глоток. — Этому не бывать!

Рассудительные же бывалые воины (а такие в любую эпоху истории непременно встречаются по одному на каждую сотню) даже ворчали возмущенно — почему же раньше нам это не сказали? Каждый солдат должен знать свой маневр.

Короче, армия приободрилась, тагмы перестроились, недоеденная колбаса была выброшена бродячим собакам. Широким шагом, строй за строем римская армия стала выходить в долину Скамандра. Теотоки, все еще стоя в седле, с развевающимся на утреннем ветерке лорусом, сама была как живое знамя или казалась утренней звездой.

Хотелось бы на этом и окончить описание батальных сцен, сообщив лишь результаты. Но правда, правда событий, которые имели произойти далее, не велит нам умолкнуть.

Когда последний воин последней тагмы обогнул скалу, за которой простиралась долина Скамандра, она различила в начинающемся свете утра две фигуры на рослых конях: солидная — Мурзуфл и низенькая — Канав, оба дуки.

— Госпожа, — обратились они к Теотоки, помогая ей сесть в седле нормально. — А придется все-таки Врану будить.

— Опять что-нибудь такое?

— Неустоечка вышла. Разведка доносит: войско неприятеля почему-то остановилось. Не хотят ли они теперь нас пропустить и ударить нам с тылу?

А Канав прибавил:

— Один лазутчик, который подобрался к ним поближе, доносит: они остановились и смотрят какой-то танец. Циркачка из столицы перед ними концерт дает... Мистификация сплошная!

Все смотрели друг на друга, не зная, что сказать. Первая нашлась Теотоки:

— Генералы вы или нет? Разведчиков ваших запереть в кандалы до выяснения обстоятельств. А сами поворачивайте армию, пока она еще в состоянии экстаза. И нападайте! Тоже мне предлог — циркачка! Раз вы воины — ваше дело нападать!

А за горою от них тоже проходил военный совет мятежников. Тоже в огромном персидском шатре с висюльками, но во главе стола был не полумертвец на походном ложе, а быстроглазый, смуглый весьма жизнелюбивый Ватац, кстати, тоже из дома Комнинов, а вокруг него кто только и не сидел — Ангелы, Кантакузины, Контостефаны, Дуки Черные, Дуки Исаврийские, Палеологи, Малейны — как об этом и говорил у себя Врана. И каждый держал кубок с черным хиосским, его со своих личных виноградников пожаловал Сампсон, сын Манефы Ангелиссы, чтобы пить за несомненную уже победу свободы над узурпатором Андроником.

— Мы прорвемся через Скамандр, — грохотал жизнелюбивый Ватац, — Врану этого не зря сатана поразил, мы его доканаем! Эфес беззащитен, его подъемный мост не чинился уже два столетия. Приморье, считайте, наше, Хиос, Лесбос дадут корабли, куда им деваться. И через три дня мы в столице. Ну, усатый, берегись!

Вожди свободы кричали от восторга что было сил, а Сампсон, угощавший хиосским (он ведь тоже был в тюрьме после пленения в Никее, но как-то ухитрился не то выкупиться, не то удрать), размазывал полупьяную слезу:

— За что он, изверг, матушку мою? Усатый, лысый, горбатый, похотливая тварь! Ну, дайте мне только до него добраться!

Дебатов долгих не было, да о чем спорить — ясно одно, скорее прорываться через Скамандр. Но войско уже расположилось на ночлег. Аристократическое войско труднее было, конечно, раскатать, нежели казенные тагмы Враны. Помощники Ватаца с ног сбились и охрипли, выгоняя поборников свободы из уютных шалашей, хибарок, землянок.

Всё же строились, поеживаясь и ругаясь. У Ватаца, конечно, тоже была своя разведка, которая доложила: Врана, несмотря на разгар ночи, быстро движется к Скамандру. Донесение стало известно мятежному войску и сыграло мобилизующую роль: сон слетел, как туча птиц.

Феодальное войско имело свои особенности. Каждый динат, то есть сильный, ехал в сопровождении собственных оруженосцев и слуг, а вокруг него двигались вассаль-

ные ему стратиоты и акриты, которые тоже имели своих собственных оруженосцев и слуг. Некоторые акриты покрупнее имели еще и своих стратиотов, а те, в свою очередь, личных оруженосцев и слуг. А были еще отдельно подчиненные монастыри, церкви, владыки, города и все прочее. И этот многослойный пирог, эта причудливая иерархия в разнообразнейших шлемах и панцирях быстро двигалась в одном строю. Но каждый слушался только своего непосредственного начальника, который его поил и одевал и платил деньги, поэтому каждую команду приходилось повторять по пять раз — через пять этажей подчинения.

Чтобы не заснуть в седле, Сампсон, сын Ангелиссы, рассказывал дуге Ватацу содержание вести, которую он накануне получил от брата с острова Кипр. Весть пересылалась следующим образом — посланец выучивал текст послания наизусть, потом пробирался в одежде паломника.

— Оригинально! — промычал Ватац, перебравший дарственного хиосского. — А если он несколько писем передает, он не перепутает, кому во здравие, кому за упокой, ха-ха-ха! Так что же он там, твой киприот, вещает?

— А они решили окончательно избавляться от Комнинов. У них и свои Ангелы есть, что им Комнины?

— Ты, братец, что — сдурел? — загрохотал Ватац. — Или твой этот паломник действительно спятил и перепутал божий дар с яичницей? Ты что, забыл, что я Комнин?

Окружающие подъезжали поближе, заинтересованные ссорой начальства. Все смеялись, молчали только стратиоты и слуги уязвленного Сампсона. Но продолжали ехать быстро, и вот уже скалы у входа в долину.

— Господин! — пропищал один из адъютантов Ватаца. — Спереди сообщают, в придорожном шалаше обнаружена девка, циркачка, что ли, с нею мужик и собака, стриженная, как лев.

— Поди прочь, — окрысился на него Сампсон, раздраженный своей конфузией при Ватаце, и ткнул его носком сапога. — Орешь прямо на ухо.

— Господин Ангел, — строго сказал ему Ватац. — Вы не смеете бить моего вассала. Извинитесь!

— Господа Комнины, — не сдавался Сампсон, — оставьте ваши замечания при себе. Это вам не вестибюль священного дворца!

Но и на этот раз ссоры между деспотами не получи-

лось. Второй посланец доложил, что путники захвачены. Они решились было ночевать близ дороги, забыв, что идет гражданская война.

— Девка тоща,— определил Ватац с высоты своего боевого коня, когда ее подвели к нему, ослепленную светом множества факелов. Кого-то очень знакомого она ему напоминала, но никак не мог вспомнить кого.— Да и мужик хилват, борода какая-то неестественная, словно из черной шерсти. Вы кто, христиане? Цыгане?

— Мы православные, милостивец,— девушка кланялась, и все они (еще губастенькая, очевидно, прислужница) крестились.— Мы, благодетель наш, цирковые актеры, зарабатываем на жизнь.

— Актеры!— возликовало войско.— Пусть станцуют хоть что-нибудь, язви их сатана!

Воины выражали восторг, ударяя рукоятками мечей в медные щиты, как повелось еще со времен Древнего Рима. Сам Ватац, дука Сампсон, все динаты пытались отговорить от этой затеи, убеждали, что время дорого, но все бесполезно. Ватац понял, что благоразумнее уступить.

— Покажите, что вы можете,— приказал он актерам.— Только быстро.

Чернобородый вынул из-за пазухи тамбуринчик, губастенькая девица двухствольную флейту. Музыка зазывала и ободряла.

Танцовщица скинула тунику, оставшись в набедренной повязке. Тряхнула головой, рассыпала совершенно белесые кудри и пошла вытанцовывать по кругу, то поднимая ладони к черному без звезд небу, то обращая их к озаренной факелами земле. Воины зачарованно следили за движеньями ее худых и прелестных локтей. А когда подпрыгнула собачка и тоже пустилась на задних лапках за госпожой, они пришли в восторг, под ноги танцовщице посыпался дождь мелкой монеты.

— Кончай, кончай!— раздраженно крикнул Сампсон. Как бывший генерал, он был убежден, что цивилизный Ватац просто не может командовать войском.— Кончайте, кому говорю! Неприятель ждет!

Но он, знаток военной психологии, упустил из виду, что воины отнюдь не торопились навстречу смерти. Звон мечей и щитов они требовали представления и больше ничего. Бородатый музыкант занялся подборанием полудрагм и оболгов, а танцовщица, взяв его тамбурин

и потряхивая бубенцами, стала танцевать по-другому — с изломами, нервно и призывно.

— Гей! — выражало войско свой восторг.

Тогда Сампсон, вырвав копье у воина, толкнул им музыканта, требуя немедленно уходить. Собака, стриженная под льва, естественно, оскалила зубы, заступаясь за хозяина. В сумятице оруженосец Сампсона схватил музыканта за бороду, и она отвалилась! Черная, густая, роскошная, она была просто привязана на веревочке, а под нею оказалось чуть ли не мальчишеское лицо.

— Шпион! — завопили зрители. Все знали, что армия Враны еще сильна своими лазутчиками.

Тут уж вмешался Ватац, зрителям велел разойтись, а актеров привели к нему для допроса. Собаку убили одним взмахом меча, потому что она яростно кусалась. Актеры в страхе боялись за нее просить. Губастенькую флейтистку уволокли в палатку, откуда слышался ее истерический визг и хохот, будто ей чесали пятки. Ей удалось вырваться, одежда висела на ней клочьями, ее тотчас утащили в другую палатку. Белобрысая танцовщица смотрела на все это остановившимися глазами.

— Как тебя зовут? — начал допрашивать Ватац. — Тимпанист? Но это ударник. А тебя? Хорестра? Но это танцовщица. А как собаку звали? Арто? Но это тоже от актеров, «хлеб наш насущный», потому что она вас кормит и поит. Видите, ха-ха, я тоже в цирке кое-что понимаю... Так кто вас подослал? Сейчас вас будут бить, и притом очень сильно.

Однако, может быть, истязанием и кончилось все это их приключение, если бы вдруг откуда-то с холмов не заревели бронзовые трубы, что-то сверхъестественное будто обрушилось на голову. В небе уже было светло от рассвета, а по земле неслись апокалиптические всадники, рождая чудовищно длинные тени, ударяли в других всадников, люди, только что испытывшие восторг искусства, изнемогали от ужаса войны. Звенела сталь, леденила кровь, сражение распалось на множество схваток, и везде были кровь и ненависть.

— Пощадите, пощадите! — кричала танцовщица, никто уж не обращал внимания, как она прекрасна в своей набедренной повязке. — Не убивайте его, он же Ангел, вы слышите, он настоящий Ангел!

— Все мы здесь ангелы, — прорычал дука Сампсон. И поскольку Хорестра, вырвавшись, бросилась на грудь

своему Тимпанисту, удар его лезвия достался ей, а следующий поверг уже и музыканта.

И обняла она своего суженого и упала с ним на выжженную траву. И по ним промчались сотни подкованных коней, прокатились десятки железных колес — сначала в одну сторону, затем вроде бы в другую.

Все было кончено на Скамандре, когда солнце еще только стало взбираться на крутизну небосвода и проносились стрижи, предвещая после полудня дождь.

Победители Мурзуфл и Канав, убедившись, что пленные надежно охраняются, раненых лечат, мертвых отпевают, поспешили навстречу приближающимся носилкам Враны.

Вране, освежившемуся сном, было уж так легко, что он дерзнул выйти из носилок, опираясь на руки жены.

— Мы велели сложить всех ихних убитых вдоль дороги, — доложил Мурзуфл. — Не изволите ли взглянуть? Вся генеалогия Римской империи, я велел кир Аникуце всех их переписать.

Победители разжигали костры и пировали, благо трофей был богатый — мятежники до этого ограбили всю округу. Увидев любимого своего Врану, да еще рядом с ним Блистательную Звезду, стратиоты и акриты потрясали копьями, благодарили святого Георгия, дарователя побед.

И первым на дороге лежал Ватац, долговязый, как все Комнины, с интеллигентным лицом и жалкой бородкой.

А за ним и Сампсон, сын Манефы Ангелиссы, проклятие застыло на его мертвых устах.

А там, действительно, геральдический ряд — Кантакузины, Мелиссины, Контостефаны — будто все так и лезли под лезвие... А потом историки скажут, что во всем была виновата какая-то танцовщица, подосланная кем-то, которая их отвлекла...

А вот и она — хрупкая и гибкая, нежная в самой смерти своей, так огорчавшаяся своей белобрысой мастью и слишком тонкими, по ее мнению, ногами.

— Да это же... — ахнула Теотоки. — Это же Эйрини, дочь самого императора! Ой, уколите меня, я просто не верю!

А последним лежал, уже без накладной бороды, Мисси Ангелочек, неудачник в высшей степени. Но обезображен и покрыт грязью он был так, что его никто не узнал.

В Амастриде Дениса ждала торжественная встреча. Меланхолично звонил единственный уцелевший колокол. Царского претора на паперти встретил кир Апокавк, облаченный в простые холщовые ризы. Все знали, что ризы парчовые, золотые он заложил столичным ростовщикам еще после никейской войны, а деньги роздал многочисленным сиротам, вдовам тех, кто не явился из-под стен Nikei.

Перед Денисом торжественно растворились двери храма, и он вступил первым, благочестиво крестя лоб, за ним кир Апокавк с крестом, весь его немногочисленный клир, затем спутники Дениса — Костаки, Ласкарь, усач неугомонный, за ними градоначальство, штаб и весь народ.

Пока шла долгая и утомительная, как долги, и утомительны они в Византии, церковная служба, Денис исподтишка рассматривал росписи в храме. Церковь строилась в свое время из простейшего расчета — вместить всех жителей и беженцев, если вдруг нахлынет враг. И окна были узкие, как бойницы. Солнечный луч прорезал воздушное пространство храма, и в его ослепительном луче сиял на стене безбородый Христос, словно отрок, пасущий курчавых овец, шествовали жены-мироносицы в ярких одеждах синего и красного цвета.

«Когда же написаны эти фрески? — старался представить себе Денис.— По картинкам в истории искусств не позднее чем в четвертом-пятом веке, стиль вроде бы тот... Тогда этой церквушке уже полных семьсот лет!»

В голубых клубках ладана роились солнечные пылинки, время от времени одна какая-нибудь частица вспыхивала особенно ярко. Многоцветные росписи были обезображены сеткой трещин. «И облетает позолота со стен старинных базилик...» — вспомнились Денису отнюдь не византийские стихи. Все разрушается в этой псевдоримской империи, все грозит обвалом — так надо ли теперь это удерживать в состоянии прочности?

Служба отошла, воодушевленный народ запел «Кирие елейсон!». Построились в очередь и пошли за благословением к кир Апокавку. Затем удалялись на улицу, в тень земляничных деревьев.

Денису по чину надлежало подходить ко кресту пер-

вым. Но поскольку он уже не сделал этого, он решил дождаться конца. И вдруг увидел Никиту Акомината, историка.

— И вы здесь? — помахал он ему. — Я искренне рад вас видеть...

— Служу императору Андронику Первому, — с некоторой неловкостью отвечал кандидат, будто в чем-то уличенный. — Поехал добровольно, поверите ли?

— Почему же? — улыбнулся Денис. — Знаю, что государь искренне хочет собрать вокруг себя всех чающих благополучия царству. А прежние разногласия... Он выше их!

— Тут и братец мой, — продолжал объяснять Никита. — Знаете, который епископствует в Афинах. Он купил поместье близ Амастриды, пишет — поезжай, погляди...

И Денису стало понятно — Никита оправдывается перед самим собой. Как получилось, что он, осуждавший авантюризм Комнинов, вдруг поддался в очередную их ловушку?

— Действительно, — рассуждал Никита, — если хочешь служить народу, служи ему не болтовней на пирах.

В таком же духе сказал проповедь и старый отец Апокавк. Он призвал верных повиноваться присланному царем претору Дионисию, как говорится, живота своего не щадя. Никита Акоминат впоследствии точно передал по памяти его прекрасные слова, а мы воспроизводим их сейчас.

— Хвала Андронику, царю римлян, помазаннику Бога! О благодетель бедных, пресекаТЕЛЬ неправды, устроитель справедливости, носитель честного суда, мститель за бесчестные обиды! Мы знаем посланного тобою, мы знаем его давно, он наш земляк. Он кроток с бедными, страшен любостыжателям, защитник угнетенных и враг насильников и руки чистые имеет от корысти... Гряди же с миром, царский претор, победа тебе!

— Победа тебе! — ликовал народ. — Тон виктон!

Денис подошел за благословением, склонил кудрявую головушку и снова признался, что не крещен.

— Крещение Господне есть таинство, — ответил священник, — знаменующее собою вступление в состав церковного общества. Ему предшествует ряд испытаний в вере и ряд степеней оглашения...

Денис сказал, что завтра, быть может, придется идти

в бой, и, прежде чем бросить свою жизнь на весы судьбы, ему хотелось бы все-таки принять святое крещение.

Но кир Апокавк вновь напомнил ему о необходимости сперва очиститься от дурного, испытать свою душу в избранном замысле, утвердить себя в вере. Денис же чувствовал, как против воли растет в нем некое раздражение

— Крестят же младенцев бессловесных,— привел о довод,— которые еще не в силах сами понять, веруют ли они.— И тут же сообразил, какой это нелепый довод.

— Сказано,— уклончиво ответил кир Апокавк,— мы веруем, но и бес верует и трепещет. Так что дело не в одной только вере... Послушай же, сын мой! Да пребудет Спаситель везде, где будут добрые твои дела и помыслы, Господь с тобой!

И он благословил Дениса широким крестным знаменем, Денис склонился поцеловать его благословляющую руку и, видя его слабую старческую кисть, лиловые вены, морщинистую кожу, подумал — о, если б все и всегда целовали руки отцов!

Подошел исполняющий обязанности дуки — воинского начальника — по имени Цурул, покорнейше просил следовать в его катихумену, где должен собраться военный совет.

Дука повел Дениса по городской стене, где ветер раздувал их плащи и трепал бороды. Стараясь перекричать шум недалекого моря, дука Цурул, наклоняясь к Денису, указывал меж кирпичных зубцов каких-то людей внизу, собиравшихся в кучки. Денис разобрал только, что некий Фома Русин, между прочим, его, претора, родственник (уже и родственник!), учиняет здесь противоправительственный мятеж.

Но мысли его были далеко. Кир Апокавк ошеломил его замечанием, что ведь и бесы веруют, от этого, однако, ангелами не становятся... А как же тогда сказано — кто верует, тот спасется?

Введя Дениса в катихумену, которая была еще пуста, дука Цурул вдруг встал на колени, протянув ему какую-то вещь. Денис заставил себя очнуться от мыслей и увидел, что это золотая цепь, та самая, которую в римской армии жалуют ветеранам и заслуженным воинам... У него, Дениса, такая цепь тоже когда-то была.

— Это твоя цепь, благороднейший, твоя... — потряхивал ею дука, как будто продавал. — Мой отец когда-то был здесь чиновником, в Амастриде, он и взял ее

у тебя вместо взятки. Возвращаю теперь и молю, не суди старика!

После первого удивления Денис решил отдать цепь кир Апокавку, пусть обратит ее на добрые дела. У Цурула же переспросил, что он там говорил про его якобы родственника Фому Русина.

1) Дука Цурул повторил, что этот Фома Русин, бывший тратиот, дезертировавший из столицы, мутит воду, прильывает к неповиновению, пока, по его словам, все богатые и сильные из провинции не будут изгнаны... Они с конями стоят напротив градоначальства, ждут, когда претор выйдет, неизвестно зачем...

— Пригласи их на военный совет,— предложил Денис.

Дука Цурул пришел в ужас — они же дезертиры! А требования их? — С кем же ты пойдешь в бой? — пожал плечами Денис. — Пусть, если чувствуют себя правыми, придут, объяснятся. Я обещаю их неприкосновенность. А если не явятся на мой призыв — народ поймет, что у них совесть нечиста...

Дука опрометью кинулся исполнять указания руководства, по дороге успев шепнуть Ласкарю, советнику претора: «Праведник этот наш Дионисий, праведник!»

Денис же услышал эти слова (видимо, они с таким расчетом и были произнесены) и опечалился. Все это у него получается какое-то фарисейство — тут простил, там отпустил, здесь цепь отдал... Народ, правда, на него с восхищением смотрит, а он как бы шеголюет своею этой праведностью, вводит в соблазн наивных детей средневековья!

А если не праведность, то что — злоба, которая приведет к установлению всеобщего счастья?

Но вот и военный совет. Рассаживаются, конечно, по чинам и выше всех чин оказывается у Никиты Акомината, который недаром же околачивался при дворе и чины там зарабатывал. Никита усаживается, раскладывает свои таблички для записи, делится впечатлениями с советником Ласкарем.

— Какой же молодчина этот кир Апокавок, как доходчиво сказал! Действительно, чего чает народ — избавителя, единственно избавителя от угнетателей, от кочевников, от бед людских. В одном месте он тонко намекнул — при бывшем царе Андроник казался заступником народным, вождем. Теперь как сам царем сделался...

«Народ, народ! — с раздражением думает уже успевший устать Денис. — Все бы им народ!»

Наконец военный совет открывается и по указанию претора вводят диссидентов. Это действительно Фома Русин, брат покойной Фоти, со всегда злым и напряженным лицом. Рядом с ним Стративул, тот самый, из постоянного двора. Кивает Денису, ухитряется подмигнуть ему веселым оком гуляки.

Фома излагает требования дезертиров Пафлагонской фемы, если претор и дука желают, чтобы они вернулись в войско. Полугодовой запас хлеба и кормов вперед, полное прощение всех недоимок и провинностей...

— Кроме уголовных, — вставляет Денис.

— Кроме уголовных... — опешив, обещает Фома.

— Я согласен, — говорит Денис и, встав, протягивает ему руку. Дука, чувствуется, страшно таким оборотом недоволен, он возмущенно трет себя по лысине... Но что он может сделать, царский претор уже решил! «Э, — думает Денис. — У них тут отношения было зашли в тупик. Разберемся после победы!»

В ходе совета выяснилось, что новый эмир агарянский со странным именем — Кучафслан (во всяком случае, так на изысканный византийский слух) нарушил все прежние договоренности и замирения, разорил Гангры, Гераклею, Мерипию, теперь курочит Филарицу, люди уж не знают, куда им податься, бросают все.

— Поп его туда-сюда водит, наш же бывший поп... — устало говорил Цурул, который день и ночь думает об этом окаянном Кучафслане.

— Какой поп?

— Этот Валтасар из Филарицы, который весной удрал в столицу, говорят, мятежникам помогал...

— О! — встrepенулись акриты. Они уж, как несущие службу на границе, знакомы с жизнью зарубежной не понаслышке. — Этот расстрига? Он, говорят, в басурманскую веру переделался, у эмира там первый мурза.

А Денис вспоминал, как широким жестом отпустил этого ренегата, после того как Андроник отдал его с головою. Выходит, что Андроник людей-то получше знает, во всяком случае византийских!

Слышно было, как к подъезду подскакал всадник, на оклик часовых отозвался, что вестник из войска Враны. Все напряглись, замолчали, этих известий ждали все. А он

еще бежал по лестнице, а кричал охрипшим от скачки голосом — победа, победа!

— Слава Богу! — крестились все. — Может быть, удастся в мире запахать и засеять. А то что же тогда будет зимою? Голод и мрак!

Военный совет прервался, отец Апокавк срочно готовил благодарственный молебен. Члены совета и приглашенные обступили вестника, обтирали ему лоб, подавали чашу с напитком. Хотелось узнать подробности.

Вестник рассказал, что знал о победе на Скамандре. Ватац убит, его преступное воинство рассеяно, погибли сыновья из лучших семей. Вестник сам мало что знал или осторожничал на всякий случай. Рассказал только поразительный слух, будто царевна там объявилась волею чудес. Она и войско Враны за собою повела, она же и плясуньей прикинулась, перед мятежниками представляла, чтобы им глаза затуманить. Народ говорит — уж не оборотень ли, уж не мурин ли запечный?

Военный совет возобновился. По данным разведки было ясно, что сатанинский эмир Кучафслан укрепился на Хоминой горе под Филарицей, туда свозят все им награбленное, сгоняют пленных людей. Оттуда, по всей очевидности, он собирается в обратный путь к себе за горы.

Военачальники только кричали, не смея выразить надежды...

Когда все разъезжались, бывшие дезертиры, а ныне вновь полноправные стратиоты Пафлагонской фемы, открыто усаживаясь на своих лошадей, говорили:

— Оборотни, везде оборотни... Уж я бы этих оборотней, особенно которые из баб...

— А между прочим, Фома, этот Дионисий, который твой родственник, если он бес, то он понимающий бес!

— Ты что, Стративул, сбрендил? Как может быть мой родственник — бес?

— Ну и что ж тут такого! Вон кир Апокавк, слышал? Он прямо говорит — и бесы веруют.

— Ты что, Стративул? Как может бес верить? Ведь он же б-е-с!

— Ты, Фома, перепил? Если хоть один самый мелкий бесок не верует, значит, Господь не всемогущ? Иначе какой же он пантократор, вседержитель?

— Ну, Стративул, вот не знал, что ты такая гнида!

И без того замученное худое лицо Фомы Руси́на иска-

зилось злобной гримасой, он перегнулся над седлом и ударил мирного Стративула рукояткой меча в висок.

— Убивают! — закричал тот. — Караул! Римляне, помогите!

Дука Цурул, при всем своем благоговении перед синэтером царя, не мог не удержаться, чтобы не проворчать — вот, мол, последствия либеральничанья со всеми этими стратиотами... Денис ничего не ответил, он старался представить себе Хомину гору и подходы к ней. Ведь и землянику когда-то собирали там с Фоти на ее травянистых склонах.

8

И вот они скачут по дороге через степь, кругом полыхают пожары, стелется гарь, дым плотен, словно занавес, но над ним сияет обновляющееся каждый день солнце, и всадники скачут как на праздник, у всех чешутся руки — буквально.

Никита, пристроившийся на своем коняге возле стремени Дениса, ворчит себе под нос о вечной истребительнице войне, но Денис не расположен философствовать. Он едет вдоль конного строя и изучает лица ратников, многих узнает. Вот Стративул, все тот же из постоянного двора, вчера он осмелился претору даже подмигнуть, сегодня у него лиловая дуля под глазом, следствие богословских споров.

— Повоюем? — спрашивает Денис, в свою очередь подмигивая ему.

— Куда деваться, господин претор? — мрачно отвечает Стративул (Денис, кстати, приказом запретил именовать себя титулованиями — всещедрейший, всесветлейший... Только господин претор). — Куда же деваться? Пора бы раз и навсегда покончить с этими набегами. Эх у нас какая сила!

— За народ мы всегда повоюем! — кричит из другого конца строя Фома Русин. Он тоже перевязан лоскутом и только что приложился к походной фляжке, но ехать рядом с идеологическим противником, по-видимому, не желает. — Мы повоюем! Но только за народ христианский, а не за живоглотов ангелов или комнинов...

И у всех их товарищей из-под низко надвинутых шле-

мов и шишаков видны лица, полные решимости и даже какого-то мрачного веселья.

Приехали в Филарицу, где все прямо курится от дашнего разоренья. Старик Устин Русин уже здесь — прибыл с разведкой, на скорую руку починает в который раз разоренное жилище. Докладывает сокрушенно — матушку Софию, обеих девочек угнали туда, на Хомину гору. Там от воплей христианских стон стоит сплошной...

Затем добавил: а вот отец мой, Влас, тот на своем баштане отсиделся, уцелел, да и стар уж очень, кому такой нужен? Он, между прочим, просил напомнить господину претору о его обещании поговорить о чем-то очень важном. А то помру, говорит, печально усмехнулся сотник, — ведь ему скоро сто лет.

— Сколько? — удивился Денис. — Неужели?

— Мы уж как-то считали, считали, — почесал себе затылок совершенно славянским образом сотник. — Выходит, что и правда...

Собрались в пропахшем гарью доме Русиных. Дука Цурул, имеющий опыт войны с агарянами, сказал, что надо выждать, когда они окажутся все вместе. Иначе они удара не приемлют, рассыпаются в разные стороны, а потом разоряют еще хуже.

Ничего не решили, а стали устраиваться на ночлег. Воины звякали оселками — обычная задача острить оружие перед битвой. Костаки постелил хозяину в том самом достопамятном курятнике, который теперь тоже был без крыши. Здесь когда-то он наблюдал иерархию кур, сюда приходила к нему любимая...

— Знаю твою печаль, — напрямик сказал ему верный Костаки. — Все ведь ждут твоего решения, а ты не знаешь, как поступить. Послушай своего Костаки Ивановича! Если бы был генералом, я бы не стал первым высовываться. Я бы подождал, пока ихние лошади съедят всю траву на холмах и они вынуждены будут начать отход. С такой массой трофеев они споро не пойдут!

В конце ночи он неожиданно разбудил Дениса.

— Лазутчики доносят. Кучафслан вроде начал отход. Наверное, решил всех перехитрить, уйти первым, пока мы не спохватились. Господин претор! Господин Дионисий!

Подскакал дука Цурул, подтвердил. Он прямо стенал от переживания.

— Господин, они уходят... Слышишь скрип телег?

Эмир Кучафслан, видимо, решил долго не тянуть. Многие в его войске были ренегатами или перебежчиками, перекинулись к агарянам и приняли их веру. Они знали обычную нерешительность и вечный раздор римского начальства.

И Денис понял, что наступает его звездный час. Встал, он ложился не раздеваясь. Приказал — костры не гасить, всем строиться, выступать. Посулил — кто зашумит, убивать на месте. Себе велел подавать вооружаться.

Костяки и старик Ласкарь натянули на него сирийскую кольчугу, подарок Андроника, завязали ремешки нагрудника, застегнули шлем. Лица у всех были затаенно ликующие, как во время религиозной церемонии, будто готовились не к лотерее смерти, а на карнавал мечей. Подвели (причем двое ординарцев) боевого Колумбуса, который тоже был выскребен, вымыт, обихожен, будто готовился к выходу в Большой цирк. Конь чувствовал наступление необычного, пофыркивал, постукивал копытом. Денис в последние месяцы непрерывно тренировался с ним в фехтовании, скачке с препятствиями, вольтижировке, как у нас бы сказали — джигитовке. Колумбус очень любил эти уроки и сейчас, наверное, был уверен, что приближается какой-то новый урок.

А Денис размышлял о том, какова все-таки психология у этих средневековых людей. Накануне битвы, кровопролития, о возможной смерти не думает никто — а может быть, просто не хотят этого показать? Готовятся рьяно, как готовились бы их далекие потомки в двадцатом веке на футбол или в кино. И все с надеждой смотрят на царского претора.

Эмир Кучафслан понял, что от неизбежной схватки он на этот раз не уйдет. А он обременен добычей, от которой тоже нельзя отказываться, потому что иначе в другой раз в набег с ним никто уж не пойдет. Также приказал готовиться, выстроил свое басурманское воинство вдоль подошвы Хоминой горы, прикрывая обоз и конвой с пленными, которые быстро под покровом редющей ночи стали уходить на восток.

Видя, что византийцы раньше него приняли боевой порядок, сообразил, что нужен отвлекающий маневр.

— Эй, греки! — закричал он, гарцуя на своем тонконогом скакуне. Агаряне никогда не называли византийцев римлянами. Римляне, на их языке «рум», «румели», были,

в представлении агарян, они сами, захватившие половину бывшей Римской империи Востока.

— Эй, трусливые греки, малочтенные герои бегов и скачек! — дразнил гарцующий эмир. — Кто хочет сойтись в поединке со мной?

Строй византийцев стоял молча, опустив копыта и натянув поводья наготове. Не находилось богатырей, которые сочли бы себя готовыми на единоборство с таким молодчиком, как этот эмир. И тот, весь золотой и серебряный, на горячем коне, с лицом горбоносым и смуглым, как из сказок «Тысячи и одной ночи», катался себе перед носом византийского воинства, чуть ли не смеялся над ним.

Денис сначала принял решение не вступать с противником ни в какие игрища, не поддаваться на провокации, враг хитер! Он обратил внимание дуки Цурула, что обоз и конвой с Хоминой горы под шумок быстро уходят. Велел взять бывших дезертиров и вместе с ними преградить путь уходящим агарянам.

А горделивый Кучафслан все изгалялся: «Греки! Где ваши герои?»

Тогда откуда-то сзади откликнулся Костаки, закричал, весь вне себя:

— Убийца! Освободи наших женщин и детей!

Из-за спины эмира поднялся натянутый лук, стрела прошелестела и снайперски попала в грудь Костаки, на котором даже не было кольчуги. А эмир хохотал:

— С вашими женщинами сегодня будут спать румелийские богатыри!

И Денис понял, что теперь иного пути нет. Он прищипнул своего генузца, чего не делал никогда, и конь тоже понял, что нет иного пути. Увидев выехавшего навстречу римлянина, эмир нахмурил красивые брови, определяя, достойный ли для него явился противник.

Все римское войско разом воскликнуло — гей! — стало горячить коней и отстегивать копыта. Но сначала должен был свершиться поединок.

Эмир пренебрежительно прогарцевал перед намордником Колумбуса, затем внезапно повернул скакуна и, наклонив копыта, понесся на Дениса сбоку. Денис еле увернулся, хотя ожидал, что неверный будет хитрить. Он, однако, помнил все уроки, полученные когда-то во дворце, и сейчас находился в лучшей форме — собран и готов ко всему. Надо быть активным, активным, активнее врага!

Блеснула у него идея, и, когда в следующий раз эмир

исподтишка опять навалился сбоку, Денис не стал уворачиваться. Он рискнул повторить урок, полученный им когда-то от циркового наездника. Он упал из седла прямо наземь, больно расшиб локоть, но главное — не выпустил оружия. Вышколенный Колумбус не умчался, остановился как вкопанный над упавшим хозяином.

И торжествующий эмир обратился к своему ликующему войску, указывая на поверженного врага.

Этого было достаточно Денису. Во мгновение ока он влетел в свое седло, нашарил стремя и, наклонив копье, пришпорил генуэзца. Не хотел нападать со спины, поэтому крикнул, сам не узнавая своего кошмарного голоса. Кучафслан обернулся и успел только увидеть мчащегося противника. Копье Дениса воткнулось ему под левый локоть в бок, Денис почувствовал, как острие туго входит, будто в мерзлое мясо. И, хрипя, ловя ртом воздух, исказив красивое лицо, эмир, в свою очередь, брякнулся наземь, но уже не встал.

Зная, что такого противника и в плен брать опасно, Денис стегнул его скакуна и конь умчался с трагическим ржаньем. Наш же домашний мальчик, бывший примерный комсомолец и кумир благовоспитанных археологинь, спрыгнул. И без всякой жалости вонзил свой меч ему между кольчугой и подшлемником. Зарезал словно мясник, без каких-либо эмоций, наблюдая, как алым фонтанчиком булькает его кровь.

Римское войско ликовало, как оно, вероятно, не ликовало со времен Болгаробойцы или Никифора Фоки. Слово шквал морской, оно поднялось и, грохоча копытами, ударило на замешкавшихся кочевников. Ржали кони, визжали в обозе агарянки, предчувствуя, что еще до рассвета они станут усладой победителей. Скачущие римляне опрокидывали их телеги, разбивали возы с поклажей, разгоняли конвой. Вот освобожденные из плена бегут с радостным плачем, среди них ковыляет матушка София, ведет маленьких дочерей.

Они все собрались на отвоеванной Хоминой горе, перевязывали раненых, поили коней. Денис ехал шагом и чувствовал на себе тысячи глаз.

Подъехал к лежащему на траве Костаки, опустился на колени, заплакал, взял посиневшую руку юноши. С бедным Костаки Ивановичем было все кончено, в остановившемся его взгляде равнодушно отражалось осеннее небо.

Сколько же смертей, сколько потерь и доколе теперь все это будет продолжаться?

Пришел кир Апокавк со святыми дарами. Присутствующие стали отстегивать ремешки шлемов. И Денис поднялся с колен, дука Цурул и Ласкарь почтительно подсадили его в седло. Никита Акоминат подал копьё, которое обычно держал Костаки. Денис обернулся — кругом стояли дружинники, Русины, все пафлагонцы, верные в борьбе люди. Тут и мальчишки, которые подбирали в бою стрелы, вручали их стрелкам, тут и девушки, которые подавали бойцам пить, тут и попы, которые спешили соборовать смертельно раненных... Тут и Фома Русин, упрямец, которого уводили на перевязку, а он все показывал своему оппоненту Стративулу два пальца — не веруют, мол, бесы, если же они веруют, они уже не бесы...

И стоят кругом люди — старые и молодые, блондины и брюнеты, толстые и худые, высокие и низенькие, смуглые и бледные, лысые и волосатые, бородатые и бритые, красивые и безобразные — тьма народа! — и все ждёт от него чего-то...

И он выезжает на вершину холма, восторг неземной, судорога всего пережитого его объемлет, он приподнимается в седле и потрясает боевым копьём, которое принесло сегодня победу, и хриплый голос его сам как буря:
— Слава Христу!

9

Теперь он должен идти к старому Русину, который ждёт его на баштане, зачем идти он сам не понимает, но тот ждёт его и ему сто лет, значит, надо идти.

Денис не велел себя сопровождать, велел остаться даже Сергею Русину, которого он избрал оруженосцем на место бедного Костаки, даже остроусому Ласкарю, который с гордостью носил звание личного советника претора.

Денис ехал на баштан сквозь заросли высокой конопли и размышлял, что все вокруг разорено, все надо восстанавливать вновь... Еще хорошо хоть, что людей спасли, уберегли от рабства, но и здесь им жизнь предстоит не слаще неволи!

Ночью, когда он покоился на своем любимом месте, то есть на бывшем курятнике, где теперь все было без-

молвно — кур и василевса петуха поели захватчики и освободители, он услышал шорох. Матушка София обновляла лампы и светильники у всех икон, которых у нее, как в каждом византийском доме, было множество. Она обновляла возле них свет, а сама, согбенная и перевязанная бинтами, все молилась о детях своих и сродниках. Денис, накануне переживший весь ужас сражения, драки кровавой, подумал, что она, как и вся тьма византийских матерей, молится, по существу, об одном — чтобы детям их и сродникам не превратиться в зверя.

Вот она зашаркала возле самого его соломенного ложа, думая, что он спит, дунула, плюнула над его головой, отгоняя муринов запечных. Затем помолилась кратко и перекрестила его. И душа Дениса омылась слезою, потому что он понял — он обрел себе новую мать.

— Эй, това-рышш! — вдруг услышал он, как от баштана кто-то его окликал. — Сюды, сюды, проедеш-ш мимо!

Это дедушка Влас, почти столетний, но причем здесь самое что ни на есть советское слово «товарищ», с каким-то южнорусским придыханьем? И тут, как молния, пронзила его мысль — он, этот древний Влас, или Велес, и сейчас и раньше, отнюдь не на языке «Слова о полку Игореве» говорил с ним, а на самом банальном современном советском русском языке!

— Товаришш! — махал ему костылем родоначальник.

Денис сошел с Колумбуса, пустил его попасться, Влас протянул ему пятерню, цепкую, как клешня краба, поздоровались, тряся руки. В Византии так не здоровались никогда. Сели в тенечек, как говорится, под кусточек, разрежали архиспелую золотую дыньку, раскупорили Денисову фляжку и разговор пошел откровенный.

Влас объявил, что только при последнем приезде Дениса услышал от родичей, что Денис, оказывается, волшебным образом прибыл сюда из предбудущих времен. А дело в том, дело в том... Влас старался говорить порусски, мучительно вспоминал слова и обороты, все время возвращался к греческому, это ему не хотелось. Наконец пораженному Денису он объявил, что тоже, в свою очередь, перенесен сюда из времен отдаленных...

— Одна тысяча девятьсот сорок второй год, — припомнил он фразу, мучительно морща коричневый старческий лоб. — Такой был под Севастополем малый

аэродром Яковлевка, меня послали на «уточке», это такой был «У-2», рус-фанер немцы его называли, легкий, одноместный, я должен был пакет оттаранить в Балаклаву. Туточко и фоккера на меня из-под заката навалились, давай в хвост строчить. А тута, на мое счастье (шшасця — шепеляво сказал старик), от моря шторм, прямо шквал. Фрицев, правда, отнесло, меня же зато с выключенным мотором над самую волну всю ночь несло у Турцию (он так и сказал — у Турцию), и вот я здесь.

Сказать, что Денис был поражен, — ничего не сказать. Сон его давний продолжался, только что, казалось, вошел в реалии византийской жизни, ан нет, советская действительность опять торчит в разрыве времени и пространства.

— Сколько ж вам тогда, дедушка, было лет? — не нашелся он более ничего спросить.

— Лет-то? — дед явно набивал скрюченными пальцами трубку самодельную табаком самосадам. — Лет-то не было и двадцати. Тогда, голубок, усе молодые были, усе... Нашему майору было двадцать пять, а мы усе были молодые...

— Да как же так? — соображал Денис. — Судя по моему возрасту, и времени должно пройти сорок лет, а он говорит, что почти сто. А сколько ж вам, дедушка, сейчас лет? Правду говорят, что сто?

Вместо ответа Влас рассказал, что больше всего страдал от отсутствия табаку. Он и поселился на этом баштане, чтобы втихомолку искать его среди растений... И нашел — самосад крепчайший! Не желает ли товаришшш попробовать?

Денис отказался, а Влас не настаивал. Он потому еще и поселился как отшельник, что местные святоши могли бы его просто на костре спалить за глотание сатанинского дыма. Тут один поп зловреднейший был Валтасар с кошачьей мордой... А он, как Робинзон (так и сказал — как Робинзон, ведь он образование получил в советской семилетке, там Робинзона проходили), вел свой календарик.

Влас показал ему доску с многочисленными зарубками. Зима-лето пролетали, зима-лето... Сколько лет, сколько зим — и вот они все туточко на этой самой доске. Тут и все дети его, Власа, и все внуки, а теперь и правнуки и даже уже родился праправнук... Как не сто лет?

За разговорами надвинулся вечер, и Денису надо было уезжать. Он предложил старику ехать с ним, устроил бы

его, в столицу бы отправил, там все-таки быт. Но Влас отмахнулся скрюченной клешней и повел его за баштан к оврагу. Ты, мол, товаришш, не веришь, по лицу вижу, но ты, говорят, и сам такой... Покажу тебе, мол, доказательство.

И показал в песочной яме, специально открытой им к этому дню. Там был порядочный кусок металла — гофрированный дюралюминий, дюраль, руль поворота от хвостового оперения, на нем часть красной звезды — опознавательный знак.

— Моя «уточка!» — похлопал по дюралю дедушка Влас. — Рус-фанер, только хвост был из гофрика... Это и осталось.

Допили из фляжки за упокой славной «уточки», дед Влас разошелся, вспоминал каких-то пилотов Кибрикова Лешку да Предбайло Юрия, а внучку свою Фотинию, которая когда-то ласково ухаживала за ним, так ни разу не помянул. Что ж, прежняя та жизнь, видать, крепко в нем сидела, несмотря на сто лет.

— Товаришш! — махал он Денису, когда тот, вскочив на Колумбуса, двинулся к лесу, где ожидал его конвой. — Ты когда домой вернешься, дай знать в село Давыдовку Курской области, что Валька, мол, Русин не погиб, жив. Они меня как Валька знали... Похоронку, наверное, получили...

Голос его замирал в вечерней тишине полей, а Денис в оцепенении думал, пока чуткий к его настроению конь брел, словно побитый. Денис думал — попадет ли, вернется ли он, как это желает ему старый Влас (он же, оказывается, Валька)? Осложняется и тем, что бестелесные предметы можно перебрасывать сквозь время, — а как Андронику хотелось пресловутый пулемет! Потом этот фокус с разницей в объеме времени — для Власа почти сто лет, а для Дениса только сорок, в чем тут дело? Пахнет Эйнштейном, но, как и всякий гуманитарий, он имел о нем представления не больше, чем Сикидит о законах физики. Может быть, беда как раз в том, что прославленный этот Сикидит был, по существу, невеждой и шарлатаном, а если бы здесь найти настоящего знатока магических наук?

И они с конем брели, опустив головы, по совсем уж темной дороге к лесу, и вслед им как из бесконечности, как из совсем иного мира слышалось:

— То-ва-рышш!..

После изгнания агарян Денис, как видим, занимался дальнейшим изучением чародейства, мужчины Русины ловили разбежавшихся вражеских лошадей и наловили их целый табун. Бедного Костаки похоронили у церкви Сил Бестелесных рядом с Фоти, которую он любил безответно. Все чем-то были заняты, один Никита маялся, ему нужно было занятие дипломатического склада, и Денис придумал — он послал его в Никею, где, по слухам, расположилось войско Враны после победы над мятежником Ватацем. Пусть расскажет и о победе пафлагонцев.

А Денис пробовал заняться судебными делами — ведь претор есть в римском праве чин судебный. Впрочем, до Монтескье оставалось еще шестьсот лет, а до Ельцина восемьсот, и серьезно о разделении властей еще никто не думал.

И сразу обрушился на него ураган ситуаций чрезвычайных — судья неправедный, криво толкуя закон, у одного близнеца забрал его долю наследства себе, а другому близнецу его долю отдал... Причем дело тянулось столь долго, что оба близнеца стали уже седобородыми старцами. А вот торговка, прося решить в ее пользу дело о займе, открыто сует Денису взятку — крупный жемчуг, да еще удивляется, что он не берет. Целая деревня пришла жаловаться на соседний монастырь, что он ее общественное поле запахал, да еще деревенскую девушку монахи взяли заложницей. Денис вспомнил свою Фоти, рассердился и велел Стративулу поехать, монахов выпороть лозой. Жалобы на взятки, на поборы, на вымогательство повсеместны и постоянны, но так как доказательств большей частью нет, то решать эти дела по совести, справедливо — значит нарушать закон еще пуще.

Запутаннейшая система отношений! Двуличие во всем, всеобщая бедность, выдаваемая за моральное богатство («блаженны нищие духом»), справиться ли с ними человечество хоть когда-нибудь?

А если и правда, как учили древние, отказаться от иерархии и звания избранников всенародных? Но без судьи, например, если мы стремимся к правовому обществу, не обойдешься, а как прокормить судью? Поэтому у византийцев взятки судье есть нормальный способ покрытия судебных издержек. А у нас зарплата различным депута-

там и судейским работникам, образуемая за счет налогов с населения, разве это не замаскированный вид взятки?

А может быть, все-таки быть судьейо всем по очереди — сегодня соседка Матрена, завтра кум Митрофан с соседней улицы, послезавтра лавочник Василий, а на следующий день юродивый Митька?.. Каждая кухарка должна учиться управлять государством, а перед Христом все равны.

И Денис рад был радехонек, когда вернулся Никита Акоминат, торжествуя от успеха своей дипломатической миссии, и передал Денису приглашение в ставку Враны.

Пестрые флаги трепещут на флагштоках все той же Nikeи, которая столь долго была как нож в спину правителя Андроника, а теперь наоборот — оплот державной его власти.

Армия Враны оправдала все затраты, которые на нее делались, да и Пафлагонская фема не подкачала — и вот две провинции близ столицы очищены от супостатов. И обозы с хлебом пошли к Андронику!

Об этом говорилось в ставке Враны, когда туда прибыли Денис, Никита и дука Цурул. Что же теперь дальше? Посылались гонцы к Андронику, но император, говорят, загоревал после гибели любимой дочери, заперся, никого к себе не пускает, совсем ожесточился человек.

— Три императора,— сказал вслух Денис, кивая на Врану, Мурзуфла и Канава, сидевших рядом и похожих на какую-нибудь печерскую икону трех святителей.

— Что, что? — тотчас заинтересовался Никита Акоминат. Он всюду, «как песок золотой», искал себе материалы для своей «Хроники».

«Три императора», — улыбнулся уже про себя Денис. Все-таки кое-что он помнил из далеких семинаров по истории Византии. Спустя несколько лет, когда власть императоров Ангелов наконец рухнет (а власть Комнинов рухнет задолго до этого), эти три генерала сбитым с толку и мечущимся народом один за другим будут выдвигаться на престол.

Врана, горбоносый и мудрый старец, будет выдвинут первым и первым же погибнет в жестоком уличном бою. Затем Мурзуфл, широколицый и красноносый, любитель езды под шелковым зонтиком. И когда уж остервенелые крестоносцы и предатели венецианцы захватят столицу и все будет потеряно, пролетарии поднимут на щит третьего. Это Канава, мужичок коротконогий и категорич-

ный, прославившийся своими солдатскими прибаутками («кошмар, сказал кашевар», «караул, сказала бабка, потеряв невинность», «пятак гони за так» и все такое прочее), он придет тогда, когда уже будет все потеряно, чтобы надеть императорский венец и своей смертью знаменовать гибель классической Византии.

Этот военный совет тоже не дал ничего, так как не было все-таки указаний от Андроника. Решено было к Андронику еще раз послать надежных людей, всем готовиться к походу, а пока продолжать борьбу с лихоимцами и прочими врагами народа, как это предписано указами императора.

— Поможет ли это чему-нибудь? — сомневался Денис. — Изменит ли это ход истории?

— Изменит, — убежденно отвечал Никита Акоминат. — Если каждый станет на своем посту исполнять положенное. Вот твой приспешник, Стративул, что ли? Муж хозяйки постоянного двора. А он, жалуются, поборы тут брал за одно только право попасть на прием к тебе, царскому претору.

Все молчали, а Денис думал, как меняются люди и здесь, как изменился этот скептический Никита!

Вышли из шатра, чтобы направиться в другой шатер, личный великого domestика Враны, где его супруга, блистательная Теотоки, приглашала всех на ужин.

— Господин Ласкарь! — окликнул Денис советника, который был с ним неотлучно. — Что там со Стративулом?

— Были, были жалобы... — подтвердил Ласкарь, накручивая усы. — Но мы не стали тебя лишний раз тревожить, сами беседовали с ним.

— Ну и нельзя его сейчас пригласить?

Спрошенный Сергей Русин, оруженосец, несколько растерянно доложил — Стративул внезапно собрал свои подсумки и седельные мешки и отъехал, ссылаясь на свое право вассала. Заявил также, что он за какую-то девку сечь попов и монахов не намерен.

Денис усмехнулся — Византия! И подумал, хорошо что темно, никто не видит выражения его лица.

Вступили в ярко освещенный шатер прекрасной Теотоки. Сдвинув выразительные брови, она с лаской и весельем смотрела на явившегося из небытия Дениса. Зоркий женский взгляд подмечал, что кожаный колет-подкольчужник порван и не подшит, что рубашка царско-

го претора ветхая, да и вообще помыть, постирать этого победителя при Хоминой горе было бы надо...

Каким-то женским чутьем понимала, что видятся они в последний раз, по крайней мере в эту историческую эпоху. Но было ничуть не грустно, только вилась, словно лента, какая-то лирическая печаль и хотелось спросить: а ты вспоминаешь когда-нибудь ту фускарию Малхаза? А он бы взял да ответил сквозь улыбочку — ах да, да, фускарию Малхаза, как же, как же!

Поэтому разговора у них опять не состоялось... То есть говорили они обо всем. Она о том, что беспокоится о матушке Манефе, которую царь никак не хочет освободить, несмотря даже на гибель ее сына. О том, что Вороненок ее сейчас в столице, но поскольку Манефин дом, который удалось освободить от пришлых пролетариев, ждет ой какого ремонта, то Вороненок со свитой, он в казармах Маркиана, там у Враны есть квартира. И живет она двойною жизнью — заботы о муже и о быте, а помыслы все и чувства о нем, о Вороненке. Слава Богу, хоть там гном Фиалка!

Она ждала, что в ответ Денис расскажет ей о смерти жены (она, конечно, знала об истории с Фоти), но он, внимательный и чуткий, о своем промолчал.

— Кстати,— сказал подходя с чашей вина великий domestic Врана.— Наши лазутчики там изловили бывшего попа, расстригу, который у вас там вредил в Амастриде.

— Кир Валтасар, что ли? — угадал Денис.

— Вот-вот, Валтасар! Он эмиру басурманскому служил, которого ты изволил укокошить, ха-ха-ха!

Отправились в пытошную палатку (имелась и такая в римском военном лагере), несмотря на то, что Теотоки старалась отговорить. «Эти мужчины! Смотрите, какая ночь кругом, какие звезды! А им все кровь да пытки!» Три императора, а с ними Денис, Никита, Ласкарь отправились в палатку, где на станке висел расстрига.

Там при свете чадных смоляных факелов они увидели желтое, умеренно волосатое тело, заломленное на пытошной раме. Можно было подумать, что это мертвец с разинутым ртом, но будущий император Канав, воскликнув «ай люли-мули!», щелкнул его кончиком хлыста. Расстрига задергался, деревянные брусья натужно заскрипели.

— Узнаешь? — строго спросил великий domestic.— Изволь отвечать императорскому синэтеру господину

Дионисию, что он пожелает спросить. Да расскажи правдиво все, что тут лгал про него.

Тут дуке Канаву показалось, что расстрига чуть улыбнулся. Хлыст его снова щелкнул, как на кавалерийском манеже, видно было, что дука этот большой мастер своего дела. А Валтасар, словно обжегшись, завопил:

— Уй, уй, юй! Все расскажу, все... Только освободите, господа милостивые, вот эту руку, хоть чуточку, затекла и жжет нестерпимо!

Далее заученным голосом он поведал, что, конечно, наклеветал все принцу... Уй, уй, юй! Не принцу, не принцу, его величеству, конечно, царю, ошибся в титуле, кормильцы! Наклеветал, что господин этот Дионисий якобы самозванец... Уй, уй, юй, пощадите! А не небесный посланник. А он небесный, небесный, уй, уй, юй!

Денису было мерзко, он с отвращением смотрел на удовлетворенные лица будущих императоров. Никита Акоминат, тот совсем вошел во вкус, достал восковые записные таблички. Спрашивал:

— Да как же ты, христианин, и мог напраслину возвести на человека?

— А он некрещеный,— отвечал расстрига, с ненавистью глядя на Дениса.

— Тебя убьют,— обещал дука Канав,— так что говори правдиво все, что утаил до страшного суда.

Шарниры заскрипели, заходили ходуном, двое служителей совершенно зверского образа принялись закручивать пытошные кольца. Расстрига даже не застонал, но принялся как-то отрывочно и весело выкрикивать:

— А ваша эта Фотиния... Ах, что за девка была, сыр с медом! Какие ночки я с нею, пока этот диавол в курятнике...

— Мерзавец! — закричал усатый Ласкарь.— Бейте его, бейте его насмерть!

Генералы повернулись и чинно вышли из шатра. Вдогонку им неслись истошные вопли Валтасара.

Сергей Русин доложил, что прибыл какой-то совершенно конфиденциальный гонец из столицы. Денис отправил к нему в караулку, где он был, Ласкаря, а сам поспешил вслед за императорами в шатер Теотоки. В голове все рябило и звенело, не умолкая вопил расстрига, а уйти было нельзя.

Теотоки велела играть негромко музыкантам, что она

очень любила, обновили свечи, налили чаши, пир продолжался.

— Ах, господа всеславнейшие! — говорила Теотоки. — Чего вы медлите? После таких побед — берите столицу, начинайте все отсюда!

Вернулся Ласкарь, шепнул Денису — гонец лично к нему, отказывается с кем-либо разговаривать. Денис извинился, вышел.

В караулке у ворот замученный скачкой гонец хлебал суп из котелка. Завидев Дениса, встал, опустил на колени. Денис приказал всем выйти, кроме, конечно, часового у знамени.

— Их светлость господин Агиохристофорит, — зашептал Денису гонец, — велел тебе, синэтер, все бросать и немедленно возвращаться.

Ни на какие больше расспросы гонец не отвечал. Денис решил так: Ласкарь берет его конвой и немедленно едет в столицу. А Денис с Сергеем Русиным вернется в Аматриду и оттуда уже в столицу, ровно через сутки.

Ночь глядела тысячью звезд, где-то во тьме шарахалось море, кузнечики скрежетали как одержимые. Человек, который висел на деревянных распорках в пытошной палатке, подергался слегка, пробуя несокрушимость пружин, снова обвис и заныл, заскулил, словно от застарелой зубной боли:

— Ой, ой, обещал меня большой дядя к утру прикончить, ой, ой, ой! А что мне делать, если у меня в огороде золото награбленное зарыто, ой, ой? Кому ж я его оставлю, уй, юй, юй, сирота я несчастный? Кому ж оно достанется, неужто так и будет лежать кладом?

Служители зверского образа заинтересовались, оставили свой горн или другие занятия, подошли к скулящему расстриге.

В Большом цирке шли осенние игры, они длились до самого Симеона Столпника, почему иногда назывались симеоновскими. Тут был разрыв в осенних полевых работах, когда хлеб уже убран, сбор винограда идет выборочно, по сортам, а капуста может подождать. Вечно согбенные пары, то есть подневольные крестьяне, позволяют себе хоть на Симеона разогнуть спину и наведаться в сто-

лицу погулять. Постоялые двory и ночлежки забиты до предела, но треть прибывших на игры гостей так и остается без места и ночует прямо на скамьях ипподрома, пользуясь теплом сентябрьских ночей.

А вот с угощением, с кормежкой, прямо сказать, дело обстоит туговато. Необъявленная война бушевала на суше и на море, перекупщики опасались ехать за товаром, а торговцы предпочитали припрятывать. Раньше в цирке хоть что-нибудь бесплатно перепало — то от имени василевса раздавались какие-нибудь сладкие пирожки, то от имени патриарха — тушки куриные.

И цирк урчал, как голодное чрево чудища морского. Впрочем, это любимое выражение Исаака Ангела, а вот и он сам — рыженький, скромненький, бородку квадратненькую подстриг, но паясничает по-прежнему, не скажи что уже пятьдесят лет.

— Отче! — стучит он в дверь личной катихумены патриарха в цирке. — Отвори, отче, есть что рассказать.

Патриарх в Византии — фигура не менее театральная, чем император. У него свой сложнейший этикет, усугубленный еще тонкостями литургической службы. У него и облачения, и свита, и система иерархического подчинения. Каматиру, который столь настойчиво добивался своего избрания в патриархи, а сам был, по натуре, человек живой, непринужденный, быстро успел патриарший образ жизни опостылеть.

— Отче! — напрасно трясет дверь катихумены Исаак Ангел. Патриаршие отроки, здоровенные, кстати, ребята, охотно объясняют, что святейший патриарх задолго до представления прибыл в цирк, забрался один в свою катихумену, а многолюдной свите велел гулять по ипподрому.

— Ну что тебе? — наконец слышится недовольный голос Каматира. — Мешаешь моим благочестивым размышлениям.

— Открой, — продолжает настаивать Исаак.

Дверь открывается, Исаак входит и видит, что патриарх отдыхает от патриаршества. Тяжеленное расшитое облачение снято и свалено в кучу. Каматир ходит босой по пушистым коврикам, сам в одной только домотканой ряске, приятный везде сквознячок.

— Вот мороженое тебе принес, — радуется его Исаак, который значился у патриарха другом детства. Рык народа за стеной свидетельствует, что публика уже вся в сборе. Требуют присутствия императора на играх, хотя трижды

глашатаи объявляли, что у самодержца траур по любимой дочери, принцессе Эйрины. Тогда народ требует присутствия патриарха, и робкий Каматир начинает облачаться, словно решившись выйти на трибуны, но когда рык Левиафана стихает, лень берет в нем верх и он опять опускается на скамью, тянется к фляжке.

Тогда ненасытная публика переключается на свое:

— Антиппа, Антиппа, о-ге! Где ты, непобедимый Антиппа?

Жив, значит, курилка, этот жокей Антиппа! Начинается заезд.

— Смотрите, глядите, глядите, о-ге-е! Левую сильно заносит, глядите! О-о, проклятые прасины, это они подкупили наших конюших!

Бедные, вечно бесправные и вечно во всем виноватые парики, подневольные крестьяне, только один раз и только в одном месте они чувствуют себя господами положения и это место — ипподром.

— Р-р-р! — грохочет Левиафан, и сквозь его утробный рык какой-то диаконский тенорок повторяет мелко-мелко. — Пирожков нам, пирожков! Пирожков, пирожков, пирожковичей!

— Если бы это чудище, — мечтает Исаак Ангел, — да направить куда надо...

— Опять про свой заговор? — пугается Каматир. — Пожалуйста, прошу...

Исаак Ангел рассердился.

— Ты что, святой отец Каматир, забыл наши с тобой разговоры? Отделяться стал, уединяться... Теперь ты уж к нам не веревочкой привязан, твой приятель Андроник, когда узнает, что он с тобой сотворит, понимаешь?

Окончательно деморализованный патриарх, дела правдивые глаза, творит молитву, а сам, призвав служек, торопится облачиться. Рык Левиафана за стеной превосходит все мыслимые пределы, а тут люди все идут и идут в катихумену к патриарху — назначено собрание цирковой партии венетов — зеленых.

Исаак тем временем находит среди патриарших риз пергамен с гороскопом на сентябрь. Солнце в созвездии Льва, противостояние альфы центавра и орбиты Меркурия, нельзя начинать никаких дел, опасаться общественного негодования, некий великий правитель будет низвергнут с трона.

— А вот Никита Акоминат, историк, — вспоминает

Исаак Ангел,— тот как-то подсчитывал, что две трети римских императоров во всей римской истории были низвергнуты насильственным путем.

Все уже многочисленные присутствующие удивляются, а Исаак спрашивает — а где, кстати, Никита? Кто может сказать, где сей Акоминат?

Но никто точно не может ответить. Кто-то располагает сведениями, что он поехал в какое-то новокупленное имение в Пафлагонию, а кто-то язвительный замечает, что историк Никита исчезает при дворе как раз, когда называют события...

— Так ведь он же все знал у нас с самого первого слова,— возмущается Исаак Ангел.— Это равносильно предательству!

Впрочем, Исаак быстро овладевает собой и передает вторую часть анекдота Акомината, которая состоит в том, что из числа насильственно свергнутых римских императоров добрая половина была низвергнута именно в сентябре — на Симеона Столпника.

Многие ахают, другие скептически смеются, хотя смеяться никому не охота. Положение очень опасное.

— Больше нельзя терпеть,— говорит Исаак Ангел без своего обычного шутовства и бледнеет до того, что борода из рыжей становится розовой.— Уже и так говорят, тот не Ангел, который не в тюрьме. Вчера взяли Феодорита Ангела.

— Этого-то за что? — ахнули зеленые.— Тише воды, ниже травы. Верблюды старые.

— Мне сдается, что это не Андроник виноват,— примирительно говорит патриарх, жуя засахаренные орехи.— Это Антихристорит, ненасытное пузо!

— Ошибаетесь, святейший,— кланяется ему Исаак.— И я сейчас вам это докажу.

Исаак подходит к двери и стучит в нее трижды, как если бы, наоборот, он стучал бы оттуда. И дверь открывается, и оттуда входит собственной персоной Агиохристорит, носящий титул первого синэтера государя, делая при этом знак сопровождающим, чтобы они за ним не входили.

Следует немая сцена. В цирке все тот же Левиафан рычит все то же: «О-о, Антиппа, стегай лошадок, мы на тебя поставили!» А присутствующие главари венетов думают только об одном — под какую бы скамейку забраться,

чтобы улизнуть от этого поросячьего, неумолимого, предательского взгляда Агиохристофорита.

А тот пускается в рассказывание какой-то басни, как жил-был шакал, как все принимали его за льва, как даже сделали царем зверей. Один же пес служил ему верно и честно, потому что, увы, верил, что он не шакал, а лев. Но вот наступил час прозренья...

— Хм! — сказал патриарх, почесав бороду. — Ты говори прямо, ты, что ли, этот пес? А кто же, по-твоему, тот шакал? Не василевс ли? Это к чему же ты, почтеннейший, нас зовешь?

— Ясно одно, — успокоил всех Исаак. — Господин Агиохристофорит здесь и господин Агиохристофорит за нас. При новом правительстве господин Агиохристофорит вновь займет пост главного министра.

Все недоверчиво поглядели на пышущую здоровьем круглую физиономию Агиохристофорита — клубника со сливками!

— Ждать больше нельзя, — управитель казначейства Лахана, которого Андроник раз по пять на дню публично обзывал продажной шкурой, встал, призывая всех ко вниманию. — Для чего мы собрались здесь? Он хочет всех истребить, и не только Ангелов. У меня есть точные сведения, готов указ заменить Дадиврина, начальника ликторов, — он указал в сторону молча сидящего насупленного Дадиврина. — Знаете, кто его заменит?

Все бороды уставились в спокойное, рябоватое от перенесенной когда-то оспы лицо Лаханы.

— Дионисий, синэтер.

— Быть того не может! — разом вздохнули венеты.

Кто плохо слышал, приставлял к уху ладонь, потому что левиафановская буря разыгрывалась все сильнее.

— Это тот, который с того света? — спрашивали одни.

— Это тот, который оборотень у чародея, у Сикидита? — осведомлялись другие.

— Это тот, который императорские ризы на себя примерял?

Обратились за разъяснениями к Агиохристофориту, но жирный боров, всегда реальный в суждениях, на сей раз нес неразбериху.

— Надо спешить! — волновались венеты, пугливые, как божьи коровки. Ясно, теперь все пути отрезаны, им остается только одно — спешить!

И неясно было, кого больше бояться — безжалостного Андроника, коварного Агиохристофорита или ревущего Левиафана за стеной.

— А армия Враны? — шелестят божьи коровки. — Не соединится ли она с Пафлагонской фемой? Тогда нам каюк.

— А претор Дионисий с того света? Не захватит ли он власть?

— Претор Дионисий у меня вот здесь, — показывает толстый кулак Агиохристофорит. — Через пару часов я приведу его к вам на веревочке.

Тогда Исаак Ангел понял, что все зависит только от его собственной решительности. Пора уже было выходить к народу и объявлять о низложении Андроника Комнина. Он вскочил и, указывая пальцем, стал раздавать команды.

— Дадиврин, ты начальник ликторов. Отвори немедленно темницы и выпусти всех наших.

— Лахана, ты как финансовый божок. Прикажи выбросить в Золотой Рог все пирожки, заготовленные Андроником для народа.

— Князь флота, обеспечь, чтобы все суда перегнали на ночь на нашу сторону пролива.

— Агиохристофорит, а ты будешь при нашей особе. Будешь скипетр держать при нашей коронации перед народом!

И хохотал рыжий плут Исаак, наблюдая, как вытягивается самодовольная рожа Агиохристофорита. Как тому хотелось бы наблюдать все эти события откуда-нибудь из задних рядов публики!

— Переворачивайте все! — гремит Исаак, он уже не смешон, а просто страшен. — Чем хуже, тем лучше! Больше хаоса, больше беспорядка!

И вот старушка Манефа, сама еще не веря нечаянно свалившейся свободе, бредет по косоугору бульжниковой мостовой улочки Сфоракия, что между Святой Софией и складами Большого Рынка. Бережно поддерживает ее заботливый старец Иконом.

— Внучоночка увижу своего, — радуется старушка. — Маленького Вороненочка!

Но дом ее темен, поваленные еще павликианами ворота так и лежат на боку. Самое худшее, что часовых из войска Враны, как было обещано ранее, просто нет. Вместо них стоят ликторы, секироносцы из дворцовой стражи.

А эти, кроме того что они просто наглецы, еще и человеческого языка не понимают, потому что они из варваров, варягов там или русских.

Ликторы стали прогонять их, отталкивать дровками копий.

Ох,— взволновалась Манефа, спеша удалиться вдоль рыночной ограды.— Что же это делается на белом свете?

— Ничего, матушка,— пытается утешить ее Иконом.— Вот когда я был логофетом при кесаре Иеродуле...

Это окончательно раздражает бедную Манефу, выводит из себя.

— Да когда же ты врать перестанешь? И кесаря такого не было совсем!

Впотьмах они спотыкаются о булыжник, валятся оба на мостовую, друг друга поднимают, садятся рядом на обочину и горюют об утраченной навсегда свободе передвижения.

— Что-то рынок пуст,— удивляется высморкавшись Манефа.— Это не к добру, если рынок пуст. Бунт опять, что ли, новый? А то бы я сейчас, Иконом, там тебя бы и продала. На эти деньги я хоть в ночлежку бы, что ли, пошла, пока Теотоки не приедет.

— Матушка! — даже прослезился Иконом.— Ну кто там меня этакого купит? Меня же еще и лечить надо. А вот у меня в складке гиматия, пощупай, деньги защиты, чувствуешь? Возьми-ка распори. Тут нам и на ночлежку хватит. А завтра, хочешь, я куплю место на паперти Святой Софии и буду там милостыню просить?

12

Денис нашел императора на нижней галерее. Одетый в охотничий костюм василевс чесал гребнем своего любимца леопарда. Сытый зверь чуть ли не мурлыкал от удовольствия, выпускал когти, топорщил усы. Андроник был неразговорчив. Как только с утра получилось известие о мятеже зеленых, дворец опустел. Видно, в народе ждали, что что-то будет, очень уж накопилось всеобщее недовольство. Ушел даже верный ловчий Зой и некому почистить клетку царского леопарда. Ушел вернейший из верных нотариусов Евматий Макремволит, заявив, что пойдет искать чернила. Иссякли, мол, золотые чернила и не-

чем подписывать царские хрисовулы, а без этого никто их не исполняет.

Только могучий Пупака, кипящий от гнева и взлохмаченный, как диавол (вот кто был прямо похож на диавола!), остался на центральной площадке дворцовой лестницы, объявив, что только через его труп... Небо сияло, птички кучковались, собираясь отлетать на зиму, а империя разваливалась на глазах.

— Жив? — не глядя в глаза синэтеру, спросил самодержец.

Денис, когда шел, хотел с возмущением рассказать, как вчера на пристани разоружили его личный конвой, как били и терзали его человека, увидев, что это не Денис, как подвергли разорению его особняк в Дафнах. Но поглядел на сосредоточенное лицо повелителя и понял все.

— Агиохристофорит! — усмехнулся император, пытался скормить леопарду сочный кусок мяса, но зверь только играл с пищей, и царь со стуком сбросил мясо в ларь, обтер ладони и еще шлепнул игруна по лбу.

— Агиохристофорит этот еще вчера изволил кушать у меня, только нектар и амвросию я ему не подавал. Правда, он предупреждал насчет сочетания инициалов «И» и «А», но кто бы на такого шута подумал! Короче, в настоящий момент Агиохристофорит держит регалии у узурпатора Исаака, которого ренегат Каматир венчает в Святой Софии.

— Но, государь, надо что-то делать! Что-то предпринимать!

— А что предпринимать? Я сегодня пережил одно видение... Как тебе рассказать... Там были все, которые отравились на тот свет при моей помощи, даже моя бедная Ира со своим Ангелочком...

Андроник стоял словно оцепеневший, глаза потухли, знаменитые усы обвисли.

— А тут еще Сикидит...

— Что, что — Сикидит? Он где-нибудь объявился?

— Нет, это еще из прежних времен. Он предупреждал меня про Симеона.

— Что, что про Симеона? Это все глупости!

— Это не глупости. Сегодня Симеон Столпник, помнишь?

— Помню, Симеон Столпник, ну и что?

— Поставят, говорит, в день Симеона тебя на столп и будешь стоять на нем всю остальную вечность.

— Глупости!

— Да не глупости же! Все вы какие-нибудь чудеса сулите или прорицаете, так тогда это не глупости, а теперь — глупости? Не ты ли, например, по твоим же рассказам, якобы на том свете книжки какие-то исторические читал? Или это все-таки вранье? Сколько там у тебя лет моему правлению?

— Два года,— смущенно ответил Денис.— Действительно, как я мог это забыть? Да, да, именно сегодня, на Симеона Столпника твоя коронация... Ровно два года!

— Вот видишь! — сказал Андроник, он словно убеждал ребенка.— Давай лучше я стихотворение прочту.

Жизнь коротка, а может быть короче,
Но ты ее позиций не сдавай.
Пусть бой идет лишь за остаток ночи,
Ты и мгновенья в нем не уступай!

— Кассия? — не к месту спросил Денис и поразился фатальному, бесконечно равнодушному лицу повелителя.

— Бежим! — предложил он.— На южном причале мы найдем судно... Слышишь? Зачем же ты тогда мне Кассию читаешь? У нас есть Врана, у нас есть пафлагонцы...

Но Андроник, смежив веки, покачивал головой отрицательно, раздувал усы и вообще, будто не рад был, что к нему на помощь явился верный клятве синэтер.

— К нам на север! — настаивал Денис.— К тавроскифам, в нашу страну!

— Какая там ваша страна? — улыбнулся василевс и поблекшим, морщинистым лицом, старческими глазами уже похож был не на восточного деспота и вождя народов, а просто на семейного дедушку.— Какая страна? Не ты ли сам, со своим Сикидитом, мне красочно расписывали, как удалось вам раздвинуть совершенно бесплотное божественное время и в образовавшуюся щель втянуть очеловеченную субстанцию... Или все это были все-таки вранки? Где теперь она, эта твоя страна?

Денису до боли не хотелось отдавать этого старика на расправу неминуемую, он просто не знал, как вдохнуть в него искру, волю к сопротивлению, чего раньше было у него так много!

— Государь! — продолжал убеждать он.— Впоследствии эту страну назовут Россией. Я же о той точке пространства, там я родился, там я рожусь когда-

нибудь... Там луговые речки — Зуша и Мцна, там простор и бесконечная воля!

— Зусса и Метсна... — как зачарованный повторял император, вновь опустив веки и вновь безнадежно покачивая головой. Денис думал о том, что Симеон Столпник поразил его и парализовал все.

Вдруг Андроник ожил, светлые глаза вновь засияли, он даже руку положил Денису на локоть.

— Слушай, а если уж тебе не удалось возвратиться домой, в твой мир, ты не пробовал туда восточку послать, письмо?

— Каким образом, государь?

— Слушай, ты же мне рассказывал сам, что в тот день, когда ты там исчез, или на следующий день, вы должны были раскапывать что-то — кладовку, горн кузнеца в эргастирии чародея?

— Да, да, предположительно горн кузнеца.

— Так напиши записку, письмо, грамотку, что ли, поезжай туда, положи на то самое место... Спустя восемьсот лет они станут рыть и найдут!

«Боже, — подумал Денис. — О чем он способен еще думать, когда все горит и все рушится!» И было его все-таки жаль невыносимо, хотя на нем кровь и слезы невинных.

Император встал.

— Приказываю тебе уходить. Отрешаю тебя, как и всех других, от клятвы верности. Теперь будем каждый как может.

Зловещая тишина царила в огромном пустом дворце. Даже птицы перестали петь и летать. Только солнце палило во всю мощь в сентябрьском небосклоне.

— Обнимемся, синэтер! — И они обнялись в последний раз в этой жизни. Денис, несмотря на всю горечь момента, почувствовал странное облегчение.

И он помчался по лестнице, лихорадочно думая, как бы быстро найти лодку? Куда мог деться Сергей Русин с лошадьми? Будут ли его ловить мятежники? Наверное, будут.

Пронесся мимо Пупаки, монументального, как косматый медведь, стоявшего, как скала, с обнаженным двуручным мечом. Бедный Пупака не знал, что заговорщики прокрадутся к его сюзерену через потайной ход, а он так и останется стоять с двуручным мечом, пока не упадет, обессилив от голода.

На площади Августеон толпа погромщиков уже кати-

ла от Мясного ряда, свистя и улюлюкая, разбивая фонари. Все размахивали зелеными лентами, натянули зеленые камилавки, как еще вчера они натягивали синие.

— Бей Андроника! — кричали те же, которые еще вчера распевали про него песни.

Погромщики, пьяные и еще жаждущие выпить на дармовщинку, неслись по булыжнику от Святой Софии, этот же булыжник выворачивали себе для вооружения, на штурм дворца не решались, все же там у подъездов везде стояли варяги с непроницаемыми лицами. Но было страшно смотреть на их мощные кулаки, на их кожаные фартуки с засохшей бычьей кровью.

— Долой Андроника! — и свист в четыре пальца.

И вдруг прямо над ухом Дениса чей-то тоненький голос зазвенел, как назойливый колокольчик.

— Вот он, вот он, вот он, вот он! Держите же его! Это же он, достославные римляне, который явился к нам с того света, который воскресил, а потом опять уморил царя Мануила, который примерял на себя священный царский венец!

«Уже и венец! — поразился развитию сплетен Денис. — Уже и примерял!» Но рассуждать особенно было некогда, потому что тотчас другой переливчатый колокольчик зазвучал с другой стороны:

— Это он, это он, это он, православные, ловите его!

И наш бравый комсомолец, наш могучий победитель на Хоминой горе заметался буквально как крыса, ища, куда бы исчезнуть.

На этом перекрестке под горой стояли пифосы — огромные керамические сосуды, в которые чистоплотные византийцы сбрасывали мусор. Денис, когда увидел впервые такой пифос, восхищался налаженностью городского хозяйства.

Улучив момент, он вскочил в пифос и притаился в нем. Хорошая акустика обеспечивала то, что в нем были четко слышны все звуки большого города. Вот водонос предлагает: «Гидро, гидро, гидро-о-о», а вот нищие поют стихиры в честь святого, просят милостыню. Слышен шум листвы высоко в кронах развесистых тополей, скрипит колодезь, топают и тонкие каблучки, и грубые сапожищи. Очень уютно! Для полного сходства с какой-нибудь Москвой не хватает только дребезжанья далеких трамваев.

Но для успокоенности оснований нет никаких. Вот за керамической стенкой слышится знакомое бормотанье

и тяжелый дых астматика. А, это же Телхин, профессиональный клеветник, а назойливые колокольчики это все его многочисленные дети!

— Что ж вы, лентяи,— укоряет их Телхин,— Дионисия-то того упустили. За него бы Агиохристорит много золота отвалил!

Колокольчики звенят, оправдываются.

— Может, он тут сидит, в этом мусорном пифосе?— предполагает Телхин.

Ему отвечает его старший сын Торник, тот самый, которого осел в детстве лягнул. Торник этот ленивее всех прочих. Он сознает, что отец хочет именно его послать, чтобы он слазил в пифос, а ему лень. Поэтому он врет отважно— я только что туда лазил, вот кусок сладкой жвачки добыл.

Денис же просто холодеет как ледышка и впервые в жизни по-настоящему понимает, что такое страх.

— Ай-ай, как жаль, как жаль!— кашляет Телхин.— А что это, дети, за крик такой на Срединной улице?

— Царя гоняют,— отвечает флегматично Торник, жуя свою трофейную жвачку.

— Какого царя?— оживляется Телхин.

— Как какого? Ты что, папаша, не понимаешь, что ли? Андроника, конечно, какого...

— О-о!— успокаивается Телхин.— Слава Богу! Я уж думал нового, Исаака, так быстро начали гонять.— И принимается причитать с выраженьем:— Ай, какой хороший царь был Андроник, какой хороший, щедрый царь! Квартиру новую нам дал, а потом и отнял!

Денис, съездившийся на мягком, хоть и вонючем мусорном ложе, пытался представить себе, как царя гоняют. Ведь он, в свое время, внимательно читал этот отрывок из Акомината. Во всех хрестоматиях он есть.

Агиохристорит, которого после незаконной коронации Исаака посылали за Андроником во дворец, потому что только он мог обеспечить эту деликатную операцию, привез связанного Андроника к рыжему узурпатору, а сам демонстративно вытирал свой меч о край хламиды, чтобы показать, какие были жертвы. Тотчас получил свою награду— Исаак, подзвав ликторов, велел убить его, как собаку. И Агиохристорит был тут же убит, как собака.

А Исаак Ангел, ликуя, с царским венцом на рыжих кудрях, подбежал к связанному Андронику, брошенному

на пол, и сладострастно бил его в лицо изумрудным орле-
ным сапожком.

Династия сменилась! Ангелы и иже с ними устреми-
лись в столицу, началось сведенье счетов, кровавые рас-
правы. Армия Враны, блистая на закате остриями пик, на-
прасно вышла к берегу Босфора. Не было ни единого су-
деньшка для переправы! Иностранцы же толпами приби-
вали в Византию, надеясь обогатиться на распродаже кон-
фискуемых имений.

Андроника повели в Большой цирк. Ликторы тщетно
отгораживали его своими секирами. Кто только не желал
ударить бывшего царя! Одна старушка злобно вышибла
ему глаз и пыталась вышибить другой, да споткнулась,
несчастная, упала под ноги толпы. Андроник не кричал,
не стонал, только молился, усердно крестясь. Это раздра-
жило одного ветерана, который бежал за шествием, ста-
раясь плюнуть на бывшего царя. Он выхватил меч и отсек
Андронику правую руку по локоть. Но тот продолжал
креститься кровоточащим обрубок.

Наконец привели его в цирк, кинули к помосту, на ко-
тором размещались античные красоты — кони Лисиппа,
Лаокоон с сыновьями и змеями. Явился счастливец Ан-
типпа, тем всегда везло, кто на нем играл на скачках.
И народ забыл про бывшего своего царя.

Ночью сторожили его известные всем патриархи —
Ной и Аввалиил с их пытошным персоналом. Стало им
зябко, они устали, был такой напряженный день, а Андро-
ник был все жив и жив.

— Прикончим его? — предложил Ной. — Скажем, что
сам...

Аввалиил всмотрелся в лежащего.

— Ты что, дурак? Он же молится, не видишь? А ты не
знаешь разве, кого убьют во время молитвы, того душа
идет прямо в рай!

А наш бедный Денис в мусорном пифосе забылся
сном. Он не слышал, как его вновь искали, как мимо про-
вели на казнь растянутого на вожжах его советника Ла-
скаря, этого донкихота с упрямым хохолком. Жизнь от-
ступила на шаг, чтобы дать остыть от страшного напря-
жения последних дней.

И опять послышался ему голос, зовущий из пучин бы-
тия, — Денис Петрович, отзовитесь! И опять виделись ему
пространственные кулисы истории, рассеченные края вре-
мен — Возрождение, Просвещение, Революция, Война,

меж которыми он должен был на сей раз не сам прошмыгнуть, а как бы просунуть руку и положить письмо...

В пифосе умиротворенно пахивало гнильцой, было жестко от каких-то черепков посуды. Воробьи, коренные жители пифоса, сначала побаивались, потом осмелели, подняли возню из-за корки.

А когда стало темнеть и предвечерний ветер зашумел в высоких деревьях, Денис услышал детский плач. Сначала ему показалось, что это еще один символический сон, но плач не утихал. Плакал очень маленький ребенок, замолкал, всхлипывал, потом опять плакал, будто скулил. И улица со своими высоченными шумными деревьями, с глухими стенами домов, стоящих на косогоре, была равнодушна к нему.

Поскольку тишина была абсолютной, а слабенький голосок разрывал сердце на части, Денис решился и осторожно вылез из пифоса. Один из последних лучей солнца, скользнув по вершинам кипарисов, озарил улицу.

Там лежало тело, в длиннополой одежде бабушки или няньки, а возле шевелился и плакал младенец, маленький мальчик.

Денис подкрался почти по-пластунски, хотя на улице привлечь внимания было нечего, она была пуста. Он сразу узнал лежащего мертвеца. Это была и не женщина, не нянюшка, а добрый гном Фиалка из Манефиного дома, тот самый, который когда-то приходил звать Дениса и в лицах разыгрывал диалог приглашения, тот самый...

Гном Фиалка лежал, уткнувшись в булыжник, по видимому уже давно. О причине его смерти говорил громадный кровоподтек на виске от ударившего туда камня. Младенца тоже удалось Денису рассмотреть сразу, хотя солнце зашло окончательно и везде быстро темнело. Черные сросшиеся бровки и худощавое острое личико свидетельствовали, что это сын Теотоки и Враны, любимый их Вороненок!

Как он попал сюда? Унесли ли его тайком как заложника? Наоборот, хотели похитить?

Рассуждать об этом было некогда. У пояса гнома Денис нашарил фляжку с молочком и принялся поить ребенка.

На безоблачном ночном небе Византии вдруг появились барашки, восходящее из-за моря светило озарило их

брюшка. Над пузатыми куполами, над веретенами кипарисов, над причудливыми колокольнями взошел огромный с острыми рожками серебряный полумесяц.

Глава девятая

ПАЛИМПСЕСТ

1

Прошло три года. Много изменилось в золотой Византии — царь, министры, фавориты, моды, песенки, но ничуть не изменился любимец цирка наездник Антиппа. Пусть он и облысел изрядно, даже ресницы, кажется, упали, и глаза выщвели, как одуванчики, но он по-прежнему боевой и гордый. Вот он в фускарии Малхаза, где тоже ничего не изменилось. (Увы, если не меняются дворцы и тюрьмы, отчего меняться кабакам?) Там, в фускарии, поклонники поставили его прямо на стол и устраивают ему овацию. Антиппа в лавровом венке принимает поздравления.

Под шум и восторги цирковых завсегдатаев в фускарию вошли еще два гостя, судя по одежде, откуда-то с благословенного Леванта — шелковые кафтаны, тюрбаны с перышком.

Один постарше — толстенный, одноглазый, глаз прикрыт у него черным листочком. Выказывает знаки почтения по отношению к своему молодому спутнику.

— Ну-с, господин синэтер, милости просим. Одолеем хотя бы по чарочке, а то все рыщем, рыщем без предела.

Молодой принимает его иронию, сам усмехается усталю.

— Ты поосторожней меня званиями-то именовать. Полиция небось уж на ноги поставлена к нашему прибытию.

— А! — беспечно махнул одноглазый. — Сюда они не суются, в эту фускарию Малхаза... Правда, здесь своих глаз и ушей хватает.

Как бы в подтверждение его слов к ним подбежал прыткий слуга, окидывая гостей отнюдь не профессиональным взглядом.

— Добро пожаловать, с благополучным прибытием. что прикажете?

Слуга предложил им столик в самой глубине залы, у стенки. Там-де спокойно и каждое слово слышно. Но левантийцы предпочли соседство с шумными поклонниками Антиппы.

— Как угодно...— слуга потупил шкодливые очи и помчался исполнять заказ.

— Послушай, Тав... Тар... Нет, Тавроскиф... — начал одноглазый, с наслаждением протянув уставшие ноги.— Так ведь, кажется? О, Господи! Какое же чудное ты себе выбрал имя!

— Почему же? — пожал плечами молодой.— Это имя моего народа. Так у писателя Плиния, ты, наверное, и не слышал о таком.

— Ты скажешь! — обиделся одноглазый.— Мы ведь и в школах обучались. Наш папашенька имел звание императорский мавр, да разорился, сволочь.

Послушайте, послушайте! Вы их еще не узнали? Это же не левантийские купцы, как бы искусно они ни рядились. Это наши знакомые — пират Маврозум, а с ним красавец Денис, тот самый, который прославился как праведник из Львиной ямы.

Он разглядывал низкую и дымную, даже как бы липкую от запахов утробу знаменитого кабака, морщась при этом от шумных восторгов почитателей Антиппы. А говорливый мавр все теребил его:

— Не кажется ли, Тавроскиф, или как там тебя, что мы только впустую тратим время? Никакого мальчика нам не найти.

— Это смотря как искать. А то, действительно, можно только впустую тратить время. Хотя тебе-то оно на что, время?

— Как на что? — мавр даже всплеснул короткими ручками.— На Ионическом море сейчас самый сезон, там, где переправа из Италии...

— Опять за свои разбойничьи штучки! — усмехнулся Тавроскиф.— Ты же клялся никогда больше...

— Э, дорогой, что же делать? Мы на волю оба вырвались, неодеты, необуты... Экипируемся немного, потом опять искать мальчика. Да и Бог нас простит, мы же не бедняков станем курочить!

Примчался слуга, шваркнул кувшин с черным крепким, поставил стаканы, ухитрился одновременно подать и рыбу и чеснок. Сам при этом так и обшаривал лица си-

дящих. Денису подумалось: говорят, при Исааке Ангеле сыск лучше поставлен, чем при Андронике или Мануиле.

После второго стакана мавр развежился:

— А то знаешь? Махнем-ка мы лучше в Коринф, а? Там такие девочки! Знаешь песню: в Коринфе день светлее, вино всех вин вкуснее, красотки всех милее, так в Коринф!

— А ты забыл, как на той самой каторге, где мы с тобой одной связкой цепей были прикованы, ты каждый день клялся найти когда-нибудь того несчастного мальчишку, которого мы с тобою вместе и потеряли?

— Увы мне! — запечалился Маврозум, кладя курчавую поседевшую голову прямо среди яств. — Это так! Но боюсь, госпоже Врана он уж и не нужен, мальчик-то... Ты слышал, будто она вторично вышла замуж?

— Дурашка ты, дурашка черномазенькая... — почувствовал Денис, даже провел ладонью по седым завиткам на его затылке. — Тем более мы скорее должны найти мальчика, ведь он двойной сирота.

— Ой, как хорошо ты говоришь! — сентиментальничал старый пират. — Дурашка я, дурашка! Меня еще в жизни никто так не называл, все либо заискивали, либо боялись... Какой ты оказался славный и смелый, так и не хочется с тобою расставаться.

— Зачем расставаться? И не будем мы расставаться. Только никакого разбойничества, ни-ни!

— Да-а! — как ребенок, протянул его собеседник. — Легко тебе говорить! Ты и на тот свет летаешь, и царей ты исцеляешь, и, извини, человеческим задом на священном троне сживаешь... А мы? Мы — рабы удачи!

— Ладно! — Тавроскиф резко положил ладонь плашмя и встал. — Между тем время идет. Слышишь, бьют к поздней заутрени?

Мавр тоже встал, развязывая кошелек и зевая прямо в нос кланяющемуся слуге.

И левантийцы пошли к выходу мимо неукротимых завсегдаев цирка, а Тавроскиф напоминал:

— Так зачем ты вел меня в эту фускарию? Ну-ка, ну-ка, ты, помнится, говорил, что поблизости находится место, где ты в последний раз видел Вороненка?

— Помню, помню, — насупился Маврозум. Его эмоциональная душа сотрясалась воспоминаньями былого.

Они не обратили внимания, как на них, выходящих из

фускарии, украдкой смотрел из-за занавески некто с благоприятным личиком и в камиллавке лопушком.

— Ты полагаешь, это именно они? — переспрашивал он у слуги.

— Да, да, всещедрейший, кому же еще быть? Однако это ничуть не купцы, левантийцев я знаю как облупленных... Точно, это они, как в указе василевса (да хранит его Господь!). Бежавшие с каторги — синэтер безумца Андроника и отставной мореход...

— Да, да, это они. Вот тебе золотой за верную службу.

— О-о! Ваша милость!

— Лишь бы не потерять их след.

— Здесь везде расставлены наши люди.

А наши знакомцы вышли на эспланаду, где ветер гулял между дворцами и гнул толстые пальмы.

Присели в тени, на виду у синего, покрытого блестками моря. Мавр шаг за шагом стал вспоминать, как он провел целые годы, какой был хмурым и грабилым, затем как он встретил Теотоки — Блистающую Звезду.

— Говори дело, — торопил его Тавроскиф.

— А это не дело? Только любовь это дело, — отвечал мудрый пират, — остальное — тьфу!

— Ладно, — смягчился его спутник. — Все-таки рассказывай дело, времени, ей-Богу, нет.

И мавр рассказал, как в тот злосчастный день, когда был низвергнут великий Андроник, он, ничтожный мавр, зная никого не зная, шел себе возле рынка...

— Тысячу раз ты это рассказывал...

— Постой, постой! Налетаешь тут откуда-то ты, то есть Тавроскиф, суешь мне в руки ребенка, спящего, лет двух-трех.

— Ну да, за мною уже гнались! И просил тебя я — возьми мальчика, спаси мальчика...

— Ну да! Но за мною также гнались! Недаром же мы с тобою в одну цепь попали. Я тогда тебе сказал: послушай, как же мне тебя не узнать? Это на моей фелюге ты квасился в гнилой рыбе, после чего львы тебя кушать не стали...

— Но кому же...

— погоди! Тут шел инок, старец — высоченный, брови такие (он приставил оба кулака ко лбу). Я: отче, прирмишь ли младенца, Христа ради?

— И он взял. Это было у меня на глазах.

— Да, да! А он спрашивает в ответ: а ты, раб Божий, знаешь, кому человека отдаешь? А я отвечаю: знаю, что раб Божий, другого же знать не надо. Бери скорее, отец святой!

Помолчали, шурясь на сверкающее море. Мавр пустился рассуждать, почему ребенок спал все время, гном его, что ли, зельем каким опоил? Тавроскиф его прервал:

— А тебе не кажется, что гнались-то тогда не за тобою, не за мной, гнались за ним!

— За мальчиком?

— За сыном Враны Комнина, узурпатора.

— Что ж не взяли его?

— Да просто не успели. Пока мы с тобой сопротивлялись, старик с ребенком исчез. Знать бы теперь, кто был этот инок.

— Ба! А ты разве не знаешь, кто это был?

— Честно — не знаю.

— Господин синэтер... Ой, прости, прости! Просто ты меня поражаешь. Значит, не знаешь?

— Уже сказал, я не имею привычки повторять.

— Судьбы царей предсказывать берешься, а простейшего не видишь. Это же Феодосий, бывший патриарх был, с бровями своими, с носом! — Мавр все это живо показал на своем людоедском лице. — С голосом зычным, как у циркового глашатая... Он!

— Что же ты молчал об этом целых три года?

— А ты не спрашивал.

— Вот логика! Да мы же с тобою, в цепях, только об Вороненке и говорили. Выдержка у тебя, братец, железная!

— Спрашиваешь! — мавр самодовольно повел носом.

Еще помолчали, вслушиваясь в шорох моря и ветра. Маврозум указал куда-то в глубину дворцового парка.

— Послушай! Видишь, как раз напротив, будто развалины и какая-то арка. Я отлично все помню — еще каменные ступени под землю. Там с Феодосием в тот страшный день они и исчезли.

Денису это тоже что-то напоминало.

— Послушай, дорогой, — в тон Маврозуму сказал он. — А ты все-таки точно знаешь, что это был Феодосий?

— Ну как ты такое можешь... — у мавра живот затрясся от волнения. — Я человек набожный, ни одной службы праздничной не пропускал. Бывало, как добычу хорошую возьмешь, так и на церковь жалуешь. В Святой

Софии место себе на самом амвоне покупал, чтобы к Богу ближе. Отец наш патриарх Феодосий крест в первую очередь нашему ряду подносил.

— Ну, ладно, ладно, не сердись. Вот приближается к нам какой-то абориген, мы у него спросим.

К ним бочком подбирался некто с большим достоинством на лице, не то профессиональный лжесвидетель, не то полноправный римлянин в ожидании даровых раздач.

— Эй, православный!

Но православный не очень торопился, пока не ощутил в своей ладони монетку. Тогда он охотно пояснил иностранцам, которыми несомненно были эти двое щедрых левантийцев, что бывший патриарх спасается вот в этой самой обители Пантепоптон.

— Пантепоптон!

— Да, да, всецедрейший, именно Пантепоптон, которая находится напротив... Видишь, лестница, как будто вход в катакомбы?

Схватив еще два обола, православный поспешил исчезнуть, а Денис принялся вспоминать, как на этой самой площади, в этой самой обители они с Ласкарем и Костаки искали одну Фоти, а нашли другую.

— Ой,—сказал пират, которого разморило от жары.—К дождю, что ли? Едем лучше во Влангу, там наши ребята устроились.

— Зверь же ты, Маврозум. Мать парня разыскивает, может быть, с ума сходит, а ему—куда спешить? Мы перед Богом за него в ответе, как ты не понимаешь? Чуть я поднял его из рук мертвого слуги, а ты перенял у меня—и оба в ответе.

— Мать разыскивает?—зевнулистомившийся мавр.— Три года ждала, три дня лишних подождет, коли вообще дождется.

— А меня уверяли, что уж очень ты ее любил.

— Кого это?

— Теотоки.

— Блισταющую Звезду?

— Ну да, если хочешь, так.

— А при чем тут она?

— Да ведь она же вдова Враны.

— Врешь! — вскочил мавр, даже чалма у него развязалась.

— Сам ты врешь. Неужели ты не знал, что Врана женат на Теотоки?

— О, клянусь демонами моря, не знал! Я же был тогда в плену!

— Так знай, Вороненок и есть сын Теотоки.

— Что ж ты, Тавроскиф мудреный, за три года ни разу этого не сказал?

— А ты не спрашивал, — еле удерживался от смеха Денис.

— Уй-юй! — засуетился Маврозум. — Как ты можешь говорить такое! Так это сын Блισταющей Звезды? Бежим тогда скорее, несемся, бежим, летим!

И вот они трижды стучат в бронзовую дверь монастыря Пантепоптон. Давно ли Денис приходил сюда искать возлюбленную Фоти?

Дверь отворяется, это, конечно, не Фоти. Но это же Сула, Суламиф, их маркитантка, только в черной иноческой одежде! Смотрит на Дениса в его нелепом тюрбане и сразу его узнает. Впивается в него выпуклыми глазами своими и ротиком рельефным готова впитаться.

Говорит на одном выдохе: о, это ты, генерал!

2

Теперь они сидят на террасе маленького дома, можно даже сказать, небогатой виллы, в тени плюща и дикого винограда. Точнее сказать, Денис, а с ним бывший пират полулежат, а женщины, как и положено в античной традиции, сидят на скамеечках, ловят каждое их желание.

Когда сотоварищи явились в монастырь Пантепоптон, они тоже там нашли немного перемен. Те же манерные монахини, у которых пластичные жесты красноречивей всяких слов. Денис знал, что монастырь этот основан когда-то девушкой из царской семьи, чтобы стать последним приютом женщинам из низвергнутых династий, которым в пылу политической борьбы были выколоты глаза. Поэтому он и называется так странно — Пантепоптон, то есть всюду смотрящий.

Но ведь это женский монастырь, а как же там бывший патриарх Феодосий? Ну, во-первых, в Византии до самого конца не было четкого размежевания монастырей. Во-вторых, это же был Феодосий, пастырь великий, не какой-нибудь пьянчужка Каматир.

Впустив сотоварищей в монастырь и едва успев их вы-

слушать, Сула провела их в храм. У наружной стены показала им надгробие, где тускло светились буквы — «Феодосий». Оставалось перекреститься.

Затем Сула вывела их наружу и неподалеку за монастырской стеной отомкнула дверь домика — по византийским понятиям, уютной вилочки.

— Мой личный дворец, — похвасталась она. — Недурно я денежки вложила? Вы свои ведь ребята, не обидите бедную Суламифь?

И все ахала и качала головою, глядя на Дениса.

— Гене-ра-ал! Ах, генера-ал!

Потом предложила:

— Чувствую, у вас есть причины не показываться Ангелам на глаза. Так поживите тут, я все равно послушничую в монастыре.

Для компании к ней приглашена Хриса золотая, в которой нетрудно узнать прислужницу из бывшего дома Манефы. Она по-прежнему такая же обворожительная, только еле видная морщинка легла на краешки губ. Никто никого ни о чем не расспрашивал, и пирушка началась.

Чем не жить? Сидят себе этакие богини в отличие от обычных византиек, укутанных по самые ноздри, наоборот — раздетые до последней возможности, простоволосые, в античных кокошниках с подвесками. Уже не девушки, но еще и не старушки, самая роскошная пора. Сейчас бы любовь до утренней звезды, но одноглазый мавр все перепутал — влипился в бывшую маркитантку, остолбенев от этакой красы. Сама же Суламифь однозначно — взор не может отвести от своего генерала, и только от него... Поэтому Хриса золотая, которая на всякую любовь не прочь, но всегда от всех независима, знай себе смешивает коринфское в классических пропорциях, подливает, приговаривает:

— Не выпьешь, так и не познакомишься. Лучше лежать под столом, чем лежать на столе.

Когда коринфское ударило в голову, Денису вспомнился один их студент, который сочинял «дикие стихи», как их тогда называли, за что однажды и был изгнан из альма-матер. Одно из этих диких произведений припомнилось Денису следующим образом:

Девки-мавзолейки, рост хороший,
Они губы красят всласть.
На парижскую похожа
Их отделочная снасть.

По Тверской, а прежде Горького,
Без доллара не ходи.
И еще чтоб лифчик норковый,
Стильный крестик на груди.

Тут и говорит Тамара Саре—
Не корыстный интерес.
Просто нынче я в ударе
И во мне бушует секс.

Но себе достойных претендентов
Взор мой пылкий не сыскал.
Смотрит бледным импотентом
Даже самый здесь амбал.

Принесла свобода сексуальная
И обратные концы—
Лесбияны все повальные,
Некроманы-удальцы.

Нужен мне не вундеркинд иль гений,
А простецкий парень, чтоб
Безо всяких извращений
Взял бы девушку да сгреб!

Конспиративно Денис разъяснил дамам, что уважаемый Маврозум торгует скотом в провинции. его же, Дениса, просил сопровождать как переводчика.

— Вот именно! — приходил в восторг мнимый скототорговец. — Телочку бы я сейчас купил, телушечку, вот как эта, ротастенькая, которая сидит напротив. Чтобы и глазки на месте, и вымечко было первый сорт. Большие деньги, между прочим, на это дело у нас ассигнованы.

Сула смеется, но на заигрыванья его не отвечает. По просьбе Дениса рассказывает, как очутилась в монастыре. Однажды заболела опасно, это было примерно год спустя после падения Комнинов.

Старица Гликерия, ее духовная наставница, приютила бывшую маркитантку. Уговорила бросить торговлю, осесть в монастыре, даже сделала экономкой — обитель ведь тоже нуждается в отлаженном хозяйстве. Высокородным же дукессам и кесариссам в рясах она заявила:

— Предоставь вас тут самим себе, вы и по миру пойдете. Вот вам многогрешная Суламифь, во всем житейском слушайте ее, как меня.

- Где же она теперь?
- Матушка Гликерия?
- Да.

— Покоится под спудом.

Мнимые левантийцы перекрестились, желая ей царствия небесного. Но оказалось, что речь идет о другом. Праведница жива, но приняла высшую схиму и живет теперь в каверне — могиле. Она дала обет молчания. Лишь раз в день Сула относит ей скудную пищу, делает уборку и испрашивает благословения.

— Тем я и живу, — сказала она серьезно, а великолепнейшая Хриса смотрела на нее с восторгом.

Чувствовалось, что это у них святое, поэтому разговор перевели на другую тему. Помнит ли здесь кто-нибудь старца Феодосия, который был патриархом?

— Богоубежденный был человек.

— Да, да, — вздохнули девушки. — Мы слышали о нем. Но сами уж его не застали.

— А не доходили ли до вас слухи или, может быть, матушка Гликерия рассказывала, не жил ли при святом старце какой-нибудь отрок? Совсем еще маленький мальчик, сирота?

— Нет, нет, никто, никогда, никакого мальчика, ничего...

Хриса, которая в отличие от подруги в послушницы, не говоря уж об инокинях, отнюдь не собирается, поэтому в миру бывает часто и знает о нем много, вдруг оживляется:

— А вот мне известно... Правда, при чем здесь Феодосий... А вот помните Врана, узурпатор был такой? У боголюбивого Исаака престол желал похитить. Потом будто бы удавился сам или его удавили...

— Ну и... — насторожился Денис. Неужели удастся напасть на след?

— Ну и сын у него будто бы, не знаю уж какого возраста...

— Сын?

— Да, сын. Был еще такой Христофорит толстопузый, царский приспешник, тоже удавили или усекли, слава Богу!

— Ну и что тот самый Агиохристофорит?

— Он того мальчика будто бы в заложниках держал.

Денис чуть не вскочил от волнения. Если только это не подстроено нарочно! Роль этой преподобной Хрисы золотой еще весьма непонятна. Неужели она не узнает их под маской левантийцев?

Он овладел собою. Слушая Хрису, сидел безучастно, потягивая через соломинку напиток.

Но он правильно рассчитал, что в женском обществе любая острая тема, раз начавшись, не может не развиваться до логического конца. Вопрос Хрисе задала ее подруга:

— Так куда же мальчик запропал после казни того Христофорита?

— Говорят, еще более худшие прохиндеи его выкрали и он пропал, совсем пропал! — Видя, что все смотрят на нее в чаянии дальнейших новостей, она схватилась за нарумяненные щеки: — Ой, я не знаю, я ничегошеньки больше не знаю!

Денис подумал, что невидимая рука словно бы водит его вокруг Вороненка. И снова выручила Сула:

— А мать?

— А мать его... Да вы ее знаете, если бывали в доме у Манефы. Это ее племянница, которая тайком ходила по канату. Я им услужала.

— Блестающая Звезда! — воскликнул пират, отрываясь от лицезрения Сулы. — Так мы и ищем ее сына!

И осекся под взглядом своего Тавроскифа.

— Говорят, она разыскивает его, но безуспешно.

О, как надо было бы напрямую допросить эту двусмысленную Хрису: где говорят, что говорят? Денис еще раз овладел собою и спросил невинно:

— А правда ли все-таки, она в цирке была плясуньей?

— Была, была, я сама туда ее сопровождала. А когда Манефа угодила в Слезницу, то есть в тюрьму, и я пошла вместе с ней. Там оказался один откупщик жирный... Торговец скотом, хуже, чем ты, почтенный, потому что он двуногим скотом торговал... Ты уж извини!

— Ничего, ничего, — соблаговолил Маврозум, а Денис подкинул еще один вопросик невинный:

— А как же она, Теотоки эта, стала по канату-то плясать?

— Да там тоже своя история. Ее родителей за что-то казнил царь Мануил. А девочку спрятали наездница цирковая, Фамарь, тоже, кстати, из придворной фамилии. К Манефе-то, своей двоюродной тетке, она уж, Теотоки, потом попала... Но теперь про меня. Уж этот откупщик, зверь двуногий, уж он меня мучил, мучил. И сделалась я как проклятая, и готова была бежать куда глаза

глядят... А теперь при Исааке боголюбивом за бегство от хозяев знаете что дают?

— Так где же теперь блистательная Теотоки? — спросил уже машинально Денис, про себя думая: нет, напрасно я эту Хрису подозреваю. Обычная смазливая девчонка, подвергающаяся непрерывным унижениям и мукам. Ему даже стало ее жалко.

— Да Господь с нею, с Теотоки! — воскликнула Хриса. — Может быть, ушла с армией Враны на Восток...

— Да, да, — подтвердила Сула, как работающая среди бывших матрон, лучше информированная в придворных новостях. — Туда и сыновья Андроника ушли — Михаил, Иоанн. Кесарь Михаил захватил Трапезунд и объявил себя императором всего Востока... Однако понимаете, друзья? Это только для нашего круга...

Новость эта вселила надежду и в загрустившего вдруг Дениса. «Открывается глава учебника «Трапезундская империя», — подумал он. При таких политических пертурбациях вдруг да найдется след мальчишки.

3

Итак, они поселились в Сулиной виллочке, прекрасная хозяйка время от времени забегала, кутаясь в черный монашеский куколь. Хвалилась, сколько фур послала за сеном, монастырских своих матушек она приучила к парному молочку! Сокрушалась, что отец Дормидонт из соседнего монастыря на каждой штуке холста не менее денария хочет нажать. Хозяйственная выгода причудливо уживалась в ней с благочестием.

Что касается героического мавра, он провел денек другой в роли безнадежно влюбленного и заскучал.

— Послушай, а что мы тут застряли? В цирке здесь и то каникулы... Уж добро бы за Вороненком гонялись, нет, сидим на месте.

— Послушай, я сто раз тебе говорил — ты свободная птица. Разве со дня освобождения нашего я тебя в чем-нибудь обманул?

— Нет, нет, — честно соглашался мавр, но вскоре же приступал снова: — Послушай, тут ребята пришли с Кефаллены, говорят, проходной двор. Один продажный чиновник сообщает: идут суда, которые возят подать, золотой песок. И конвой не очень серьезный...

— Отстань.

Но наш пират был не из тех, кто отступал, не добившись. Почмокает фиолетовыми губищами и заново подступает:

— Послушай, а какая в тебе сила удара, вспоминаю, о-це-це!

— Разыгрываешь? — усмехается Денис.

— Тавроскиф! Ни в коем случае! Просто вспоминаю, как ты стукнул того буланого генуэзца, когда мы с каторги бежали. Амадей, что ли, его кличут?

— Особенно если учесть, что этот, как ты говоришь, буланый был в числе моих друзей когда-то... А ты, кстати, дурашка, не ври. Будто я поверил, что ты забыл имя Амадея, который тебя в плену в клетке держал!

— Нет, дорогой, уж Амадея-то я помню. А вот ты, оказывается, разнообразный — и тихий-то ты, и вежливый, а в бою — уж я-то видел — мастер хитрых ударов. Это кто же тебя учил-тренировал, у вас на потустороннем свете или после?

— Послушай, чудище! Я же знаю, чего ты добиваешься. Сказал тебе — можешь ехать один. Я не поеду, пока не исполню своего дела.

Расстроенный Маврозум пожевал аравийской травки, чтобы изо рта приятно пахло, и с ходу задал новый вопрос:

— А может быть, мне жениться, а?

Денис сообразил, что сейчас захохотать — оттолкнуть навек столь ранимое, как этот пузырь, существо.

— Послушай, вот какой ты, оказывается, разнообразный, — поддразнил он. — То тебе грабить надо, то жениться.

Маврозум сконфузился, как девушка, нахлобучил левантский тюрбан и удалился, по его словам, на арабский причал — смотреть какую-то необыкновенных качеств лодку по имени «Грегора», то есть быстрая.

Денис же остался обдумывать свои дела, потому что в отличие от сотоварища, который был привержен сиюминутному способу их разрешения, как истинный тавроскиф, все делал с толком, с чувством, с расстановкой, хотя и сам над собою смеялся.

И честно говоря, кое-что он утаивал от товарища. Вернее, все по тому же принципу — раз ты меня не спрашиваешь, я тебе не говорю.

Дело в том, что не только забота о мальчике Теотоки

его здесь держала, в столице. Нет, было еще одно непростое, подсказанное когда-то самим Андроником. Над этим делом, точнее замыслом, он размышлял все эти годы...

«Если не удастся,— думал он,— а теперь уж ясно, что не удастся вернуться в свой родной двадцатый век (он при этом не мог не усмехнуться — как звучит? Но ведь правда, не сказать же — на родину!), надо послать туда хоть весточку, письмо!»

Нашел бы он мальчика, да отправил бы письмо «домой», вот тогда он волен решать все остальные вопросы своей жизни.

А находились и желающие решать с ним вместе его вопросы жизни. Во-первых, эта Хриса золотая готова была буквально раскрыться, как цветок, ему навстречу. Но ее сдерживали пересекающие взгляды подруги, да и сам Денис уклонялся от каких-либо интрижек.

С посланием «наверх» было проще, чем с Вороненком. Проще, но не легче. Письменных материалов, по существу, в Византии было немного. Береста, керамика, пальмовый лист, другие экзотические материалы отпадали. Оставался пергамен — бумага веков.

Пергамен, кожа вола или ягненка, вымоченная в растворах, выскобленная ножом, был дорогая штука. Но только пергамен мог преодолеть восемьсот лет, будучи положенным под землю. Что касается денег, они привезли их достаточно, опрокинув с Маврозумом для начала генуэзского капитана Амадея.

Итак, надо было купить или заказать пергамен. Когда Сула в очередной раз заскочила, чтобы предложить гостям моченых груш или пирожков с гусятиной, Денис спросил, где можно купить пергамен.

— Зачем тебе? — опечалилась Сула. — Ой, генера-ал, опять ты что-нибудь затеял!

У нее появилось занятие — трепетать за своего постоянного, а заодно и за его компаньона. Как будто жизнь не есть непрерывное исчезновение, как будто век можно прожить вот так вчетвером, на уютной виллочке, под ветвями раскидистой шелковицы.

Однако ответила обстоятельно. Тавроскифу нет нужды обегать город в поисках коросты. (Она так и сказала — «коросты», то есть ненормальной, шелудивой кожи.) Короста имеется и у них. В монастыре Пантепоптон находится знаменитая и очень прибыльная мастерская книг.

Недавно в далекий путь за море отправили роскошный молитвенник для французской королевы. Мы и кожу выделяем, эту самую коросту...

— Но для этого, генерал, тебя надо познакомить с отцом ключарем. Евматий его зовут...

— Евматий?

— Да, да, отец ключарь. Ученый, кстати, человек!

— Уж не тот ли, который Макремволит?

— То есть «С Большого рынка»? Он, он!

— Как же не знать Макремволита! Он у царя Андроника был нотарием.

— Тс, генерал! В нынешней Римской империи лучше не обнаруживать, если был знаком с узурпатором Андроником!

— Уж не думаешь ли, что этот Макремволит донесет?

— О, что ты! Он хулит то и дело правительство рыжего Исаака!

Сула никогда дел не откладывала в долгий ящик и тотчас отвела Дениса в библиотеку, где мог повстречаться отец ключарь. Своды уютного зала были покрыты стеллажами из множества деревянных ячеек, и в каждой лежали свиток или книга. Золотое вечернее солнце ярко светило в потолочное окно, из-за чего вся библиотека странно напоминала собою подводную лодку или космический корабль.

«Позаниматься бы здесь к какому-нибудь семинару», — непроизвольно подумал Денис и по своей привычке усмехнулся.

А вот и Евматий, сильно располневший. От его былой миниатюрности не осталось и следа. Похож на большую грузную пчелу, в черном клубуке, опущенном на жидкую косицу. Он тотчас узнал Дениса и даже поахал: прошли времена, ах, времена! Но что за времена и какие были имена, в разговоре они не называли.

Вопрос с пергаменом решился быстро.

— Зачем вам кожу наново заказывать? Это долго и дорого. Вы покупайте полимпсест.

— Палимпсест? — задумался Денис.

Палимпсест это книжка, тетрадь или грамота на коже, прежний текст которой выскоблен или стерт, вычищен и отполирован пемзой, доведен до такого состояния, что удобно писать новый. В любой книгописной мастерской или лавке увидишь раба, который скоблит палимпсест.

Они прошли в мастерскую столь же медового цвета.

Там писцы и писицы в смиренных рясах (клирики), а иные в разномастных гиматиях (вольнонаемные люди), стоя за аналоями, занимались перепиской книг. Кроткий Евматий, видимо, почитался здесь за сурового начальника. Завидев вошедших, писцы подтянулись, перестали чесать в макушках, перья дружно заскрипели.

Одной девушке в монашеской ряске из-за ее малого роста был подставлен под ноги перевернутый ящик. Заглянув ей через плечо, Денис увидел в рукописи четкий унциал (устав), почерк квадратного типа. Как забыть — у них на факультете красовалась учебная таблица «Комниновский греческий устав XII века», изданная еще до революции.

Для заглавных букв писцы оставляли пустые места, их потом зарисует миниатюрист. В углу библиотеки книжному иллюстратору была устроена целая кафедра. А цветом буквы и строчки — сочные, фиолетовые, отливающие ржавчиной. Истинно — чернила богов!

«Промежутков между словами не делают, — отметил про себя Денис. — До этого они еще не дошли. Лет через сто дойдут и до точек, до запятых».

Девушка-монахиня, почувствовав, что мирянин смотрит из-за плеча, обернулась и, встретив дружелюбное лицо Дениса с красивыми усиками, ответила улыбкой.

А Денис вздрогнул от ужаса. Нежное лицо девушки было обезображено, пересечено шрамом, во впалом рту не уцелело ни одного зуба... Милая, за что же тебя так?

Переписчица знала, какое впечатление она производит, и взор ее погас, она отвернулась к своему аналою. Денис же не переставал содрогаться, думал: обычная жертва какого-нибудь феодального бесчинства. Несчастную находят сердобольные монахи, врачуют, утешают, обучают какому-нибудь делу — и вот она уже сама пополняет ряды христоролюбивого братства.

На прилавке были выложены к продаже пергамены, штук пять. Денис перебрал их, ощупал, словно привередливый знаток. Но листы были либо обтрепаны, либо пергамен перекис, потерял форму. Некоторые листы взяты с краин шкуры, ровного ряда листов не получается.

— Не подходят они вам? — Евматий заметил, что ни одна из предлагаемых книг не понравилась. Он швырнул их под прилавок, одну за другой, объявляя шутливо: — Подите вы прочь! И ты, восьмушка, не подошла, а ты, четвертка, вообще корявая!

Он же был поэт, этот Евматий, говорят, даже сочинял басни.

— А что вы собираетесь написать?— осведомился он. Денис был готов к такому вопросу.

— Множество впечатлений!— постарался он упростить проблему.— Пусть мои современники, к которым я едва ли вернусь, узнают, что не все здесь так, как предполагает наша наука... Как говорил один мой здешний знакомый, душа сама выплескивается на страницы хроники!

— Это какой же здесь ваш знакомый?— насторожился отец ключарь.— Уж не Никита ли Акоминат, братец афинского митрополита? Знаю, он там какую-то хронику валяет, даже часть ее пускал в продажу. Воображаю, что он там кукарекает! Какие там перлы низкоклонства или черной ненависти!

Вражда Евматия и Никиты, двух действительно выдающихся людей тогдашней Византии, отнюдь не утихомирилась. Денис хотел вступить за Никиту, но Макреволит его остановил:

— Молодой человек!— хотя и сам Евматий был немного старше своего собеседника.— Получили вы у нас образование и ступайте с миром к себе на родину.— Евматий явно считал, что Денис один из тех христианизированных варваров, которые получают в столице столиц веру и благословение и возвращаются к своим племенам, чтобы стать иерархами и вождями.— И нечего указывать пальцем на наши многочисленные недуги, расковыривать наши язвы. Сами знаем, насколько мы неорганизованны, противоречивы, бесталанны и вообще слабы духом!

Впрочем, он быстро успокоился, подоткнул за пояс полы ряски и спустился куда-то под прилавок. Там он долго копался и наконец извлек книжку в деревянном переплете, обрезанную в четверть листа— довольно крупный формат. Что-то знакомое было в этой квадратной книжице.

— Узнаете?— улыбнулся отец ключарь, сдувая пылинки.

Денис пожал плечами. Пергамен здесь был хорош, но размер крупноватый для его непосредственной задачи.

— Это бывшее Евангелие Апракос, помните, в Энейюне, гм-гм, мы присягу приносили.

— Да разве можно святое Евангелие,— изумился Денис,— обращать в палимпсест?

— Оно написано еретической рукой,— объявил Евма-

тий.— Рука без благодати его писала, поэтому оно не может считаться святым. Конечно, можно его вычитать хорошенечко и зловредные места, коли найдутся, вычистить, поправить. Но нашему грешному брату, удрученному ленью и недомыслием, легче выскоблить все подряд...

— Да разве можно, разве можно...— В Денисе проснулся археолог, любитель древностей.— Да и шрифт был там редкий, я помню, четвертого века, эпохи самого Константина!

— Дело в том,— принялся пояснять, как бы оправдываться, отец ключарь.— Дело в том, что ее испортил своими примечаниями и надписями к святому тексту некто Иоанн Итал, богохульник, не слышали? Иоанн этот был сожжен по приговору владычьего суда у Варлаама Стратотерпца, и было тогда же указано все книги его изъять и уничтожить, в том числе и сами по себе добрые, но испорченные его хульными примечаниями. Данная же книга сохранилась только по мановению царя Андроника... (Евматий с тревогой огляделся, но писцы и писицы, склонив головы, корпели над своими рукописями.) Господь ему судия.

— Иоанн Итал...— уже с трудом что-либо воспринимал сквозь теологическую завесу наш Денис и думал: «Это же ведь знаменитый философ, неоплатоник, которого и в России запрещали». А вслух сказал:— Так ведь какой пергамен у нее ровный, розовый!

— Не волнуйтесь, господин. Это, конечно, очень дорогая книга, но за нее успела заплатить сполна христоролюбивая Суламифь, наша сестра-хозяйка, узнав, что вы ее берете.

— Но ведь у нее цена-то, вероятно, оглушительная, не у всякого и морского разбойника такие деньги!

— О, не заботьтесь, не заботьтесь! Это очень богатая женщина, эта наша Суламифь!

4

А вот и Никита Акоминат, одежда у него малоцветная, скромная, хотя и из самых дорогих сортов тканей. Бородачка благостная, мягкие глаза смотрят исподлобья.

Завидев его, Денис чуть не спрятался за этажеркой с недописанными тетрадами. Но было поздно—

Акоминат, ясноглазый сокол, усмотрел знакомое лицо и поспешил неторопливо (есть же в истории такой вид движения — «неторопливо поспешаю»). По правде говоря, хотелось и похвастаться: у Никиты на поясе висело сложное сооружение — каниклий, царская чернильница, в форме драгоценного яйца. Он теперь носил почетнейший чин — эпиканиклий, смотритель царской чернильницы. Исаак ему пожаловал, боголюбивый, тотчас по восшествии. От прежних Комнинов куска ломаного не перепало.

Акоминат, раскланявшись, заявил, что рад, рад встретить сотоварища былой поры. О нем тут такое наговаривают! Впрочем, в столице о ком только не наговаривают.

Он ходит в Пантепоптон потому, что здесь самое полное собрание книг, например, «Мириобиблион» — тысячекнижие — путеводитель по всем сочинениям Греции и Рима. В этом монастыре полный его комплект, в других библиотеках не найдешь полнее.

А еще потому ходит сюда Акоминат, что рад при случае поклониться праху чтимых отцов, которые покоятся в этих стенах. Свято для Никиты место упокоения патриарха Феодосия, честнейший, прямой был человек.

Пока Никита творил молитву о патриархе, Денис размышлял: а что, если довериться этому эпиканиклию? Непохоже, чтобы историк был криводушным наводчиком, таким стражем уха.

Акоминат тем временем закончил информацию вежливости и перешел к вопросам типа: «А вы, всечестнейший, где блаженствуете теперь?» Даже предлагал, как бывшим сослуживцам, возобновить общение на «ты».

И тогда Денис как в воду прыгнул, рассказал все о мальчике, сыне Враны.

У Никиты словно бы фонарик зажегся изнутри, так ему стало интересно. А тут еще вихрь черный пронесся мимо — это прошел в развевающейся рясе отец ключарь, по-прежнему ревнивый к славе Акомината. Вынужденный терпеть посещения им монастырской библиотеки, он тем не менее фуфырился, как мартовский кот.

— Выйдем! — предложил Никита, и бывшие сотоварищи вышли на набережную. Там, как всегда, на эспланаде морской ветерок причесывал мохнатые пальмы, были устроены скамьи и обеспечен уют и безопасность для благочестивой беседы.

— Давно ли вы оторвались от столицы? — начал А-

минат. На «ты» у них никак не получалось.— Три года! Да, да, гибель Андроника с его командой произошла именно три года тому назад. Тогда вам надо будет знать, что старший сын Андроника, кесарь Михаил, которого революция Ангелов застала на даче, бежал с семьей на Восток. Сестра его жены была грузинской царицей, а византийские фемы Колхиды, Лазики и Трапезунда отказались признавать новую династию. Ушли на Кавказ и остатки армии Враны. Так Комнины остались господами Востока.

Денису вдруг представилось, что он где-нибудь у себя («наверху»), в какой-нибудь Коммунистической аудитории сидит на лекции, а ненавязчивый голос перечисляет события, словно низает четки.

— Вы ведь бывали у Манефы Ангелиссы?— осведомился Акоминат. Денис согласно склонил голову.— Я вас там встречал. Тогда вы не можете не помнить прекрасную Теотоки, которая стала женою Враны?

— Я же о сыне ее и говорю!

— Так вы просто не знаете, что в Трапезунде вдова Враны вновь вышла замуж—и за кого? За младшего Алексея Комнина, сына кесаря Михаила и, значит, прямого внука Андроника! Политика, друг мой, здесь большая политика! Племянница Манефы Ангелиссы и без того потомок императоров, а теперь по всем статьям наша Теотоки—царевна и претендентка на великий престол!

Никита откинулся, приглаживая бородку, как бы наблюдая впечатление, которое произвел.

— Вот как!—реагировал Денис.— Не хотите ли вы сказать, что мать забыла своего ребенка, что Вороненок ей стал не нужен?

— О, ничуть! Вы просто не знаете Теотоки!

Денис по своему обычаю усмехнулся, вспомнив, как он знает Теотоки, а наш эпиканиклий помолчал, размышляя, и спёрсил, понизив голос, хотя страшиться здесь было некого:

— Насколько же я могу верить, что рассказанная вами история с мальчиком правдива? Постойте, постойте!— потянул он за рукав Дениса, который пытался возразить.— Не клянитесь раньше срока! Вспомните-ка ваш рассказ, будто вы, драгоценнейший, переселились к нам при помощи чародея из предбудущих времен! И вы все еще полагаете, что рассказ этот правдоподобен? Вы что

же, нас, римлян, считаете за дурачков, идиотиков? Не клянитесь, мой дорогой, ложная клятва есть худший из смертных грехов.

Денис почувствовал, что некое внутреннее здание, воздвигнутое им, рассыпается, словно карточный домик. Прошли годы, он же для них все тот же шарлатан, надуватель, лжепророк. Казалось бы, такой мистический, склонный к потустороннему знанию народ!

Однажды, в ту злосчастную пору, когда они с разбойником Маврозумом одну связку цепей носили на двоих, он, Денис, от нечего делать пересказывал сокандалнику историю своих злоключений. А мавр этот хитроумный возьми и спроси: значит, Сикидит, если бы захотел, мог бы тебя и полностью перетащить на наш свет и не полностью, так сказать, частично — да? Денис согласился, соображая, куда варвар клонит. — Тогда бы ты реализовался как привидение, — торжествовал от собственной мудрости мавр, — которое частично на том свете, а частично на этом, ведь так? И ты бы, при таких возможностях, например, явился бы царю Исааку ночью! И припугнул бы его хорошенечко и потребовал: давай-ка нам, Исаак боголюбивый, на нашу бедность миллиончика четыре...

Отчаяние готово было охватить Дениса, и все же наш комсомолец не способен был ломать руки, проклинать судьбу. «Ладно, — решил он для себя, — с этим покончено».

И спросил Акомината, встав, словно собираясь уходить:

— Так, значит, вы, надо понимать, отказываетесь говорить со мною о сыне Враны?

— Нет, нет, вы поняли меня не так. Сядьте! Просто хочу вас предупредить откровенно, насколько достоверен ваш рассказ, настолько достоверны будут мои советы.

— У меня нет иных доказательств.

— Тогда имейте терпение выслушать мои суждения. Во-первых, не терзайте себя и не кляните, что в тот роковой день вам не удалось спасти для матери ребенка. Матери там не было, а ребенок, скорее всего, был уже захвачен ее врагами, был заложник. И в вашем положении ничего не оставалось, как передать его пирату, а тому, в свою очередь, доверить отцу Феодосию.

— Вы облегчаете мою душу, — признался Денис.

— Вот, вот, — улыбнулся Акоминат. — Даже у пришельцев из другого мира брезжит христианская душа. Те-

перь скажу вам, я специально делом Враны не занимался. Но я ведь пишу «Хронику» и факты сами стекаются ко мне. И я вам скажу: Теотоки, по всей видимости, все-таки не нашла своего сына. Это бы сразу стало известно.

Они прислушались к шороху прибоя. Чайки с визгом сорились из-за какой-то рыбешки.

— Как же быть?

— Схимник Феодосий, мы знаем, умер внезапно, в одночасье. Поскольку он прежде был патриархом, да и вообще знатного происхождения — вы, наверное, знаете, что он из армянских царевичей родом? — при нем в обители жил целый штат людей. Распоряжалась его погребением матушка Гликерия, а ведь она еще жива...

— Да, но...

— Вы хотите сказать, она дала обет вечного молчания? Для исключительных дел возможно на время разрешить от обета, если она... конечно, согласится сама. О, Господи! — вздохнул, крестясь, Никита. — Что же я, грешный, говорю?

— Надо спасти ребенка.

— Да, да, дело Божье, конечно... Вот теперь послушайте, мой сотоварищ, и постарайтесь не ошибиться. Некоторое время назад ко двору прибыло из Трапезунда предложение обменять Манефу Ангелиссу, тетку царевны Теотоки, на какого-то незадачливого из Ангелов, попавшего в плен к Комнинам. А вы должны знать, что при правительстве Ангелов слежка и сыск поставлены лучше, чем при покойном Агиохристофорите. У Исаака этим занимается некто Лахана — помните, бывший министр финансов, которому Андроник в глаза говорил, что он ворюга?

Акоминат обтер вспотевший, рано сделавшийся обширным лоб, шелковый черный клубок держал на коленях. Денис внимательно слушал.

Глаза и уши Лаханы тут спохватились, что Манефу они просто упустили из поля зрения, стали ее искать и обнаружили в приюте для бездомных. И Манефа вскорости же скончалась, хотя собиралась жить долго, несмотря на все превратности судьбы.

— Непонятно!

— Очень просто. Вы забываете, что оставшийся в живых ее сын руководит мятежным Кипром, который отпал от нас при Комнинах и не собирается воссоединиться ни при каких Ангелах. И бедная старушка пала жертвенной пешкой в политической игре!

— А Теотоки, или кто там с нею, они не пытались начать розыск Вороненка?

— Я думаю, история с Манефой была для них всего лишь пробный шар. Трапезундцы нащупывали какие-то возможности компромиссов, но к дуботолку Лахане теперь едва ли обратятся. Но конечно же они не перестанут засылать своих агентов— катаскопов— в поисках Вороненка. И не обессудьте, мой дорогой, есть основания полагать, что один из таких агентов— вы.

— Шутите!

— Шутить проще всего.— Акоминат, в свою очередь, показал, что намерен встать и уйти.— А вы представьте горе матери!

— Представляю,—серьезно кивнул Денис.—Оттого и занимаюсь этим делом, которое лично мне ни к чему. А просто вы мне напоминаете героев наших там, наверху, сочинений, романов— у нас их называют детективами. Эти горе-сочинители все решают по схеме «агент— не агент» или, как вы только что выразились,— «катаскоп— не катаскоп».

— Я скупал ваш упрек в прямолинейности мышления,— грустно сказал Никита, надевая свой роскошный клобук.— Я сам себя частенько казню за это. Трапезундский ли вы агент или нет, это сейчас столь же важно, как то, из которого вы столетия. Вы должны иметь в виду два возможных варианта ситуации. Либо Лахана знает, где спрятан Вороненок, и подкарауливает тех, кто за ним придет. Либо Лахана не знает, где сидит Вороненок, тогда он сторожит и его самого, и тех, кто за ним явится.

— Разумно,—согласился Денис.—Но с чего, по-вашему, мне начать?

— Начать все-таки с того, что спросить у матушки Гликерии при всем нежелании тревожить ее святую душу. Но как раз в этом я могу оказать вам содействие. Здешний духовник из моих друзей, мы обучались с ним в философской школе.

Он позвал своих слуг и удалился, а Денис еще долго сидел в задумчивости, пока на скамью не пала новая тень. На сей раз это был ключарь Евматий, тоже, словно в униформе, в черной шелковой рясе. Увы, прошел век Комнинов, век веселой и пестрой одежды!

Глаза Евматия были светлы от зависти, а в руке он потривал только что взятой от писца книжицей. Это была

копия первой части «Хроники» Акомината, которую автор пустил в распространение.

— Вы смотрите! — негодовал отец ключарь. — Вы гляньте, что он пишет! У него, когда Агиохристофорит и Дадиврин принесли к Андронику тело убитого ими отрока-царя, принц будто бы обозвал его непристойно и потребовал шило. Для вящего поругания будто бы он проколол покойнику ухо и заклеил собственной сургучной печатью, как это делают на рынке со свинными тушами. Но вы же свидетель тех страшных дней, так будьте же справедливы — разве вы не помните печально знаменитую Птеру? Так что соврал ваш Никита, соврал! Не было этого, не было, не бы-ло!

Денис задумался: действительно, ведь на самом деле все было не так, как изобразил Акоминат, все было иначе. Зачем же он сделал это? Темна душа византийца.

Ветер усилился, воздух стал влажным. По морскому горизонту побежали белые строчки.

5

— А он все пишет, пишет, пишет... — Сула вбежала и пропела, соломенные косы разлетелись, и камилавка сбилась набок. — Что ты все пишешь, генерал?

— Отчет пишу, — Денис насмешливо указал пером на потолок. — Отчет пишу туда, наверх!

— Отчет он пишет, пишет, пишет, — вновь закружилась сестра-хозяйка. — Отчет он пишет себе наверх!

— Что это ты сегодня такая счастливая?

— Да, я сегодня счастливая! Я сегодня такая счастливая, даже не знаю, как тебе сказать...

И она раскладывала на столе принесенные с собою кульки и свертки и снова пела и кружилась.

— Да послушай! — интересовался Денис, не отрываясь, однако, от рукописи. — Что-то все же с тобою случилось?

— Ты понимаешь... Как ты думаешь, генерал, гожусь я на что-нибудь еще или нет?

— Что ты хочешь сказать? Ну, по всем статьям ты женщина первый класс. А уж хозяйка хоть куда.

— Вот видишь. А ты все пишешь, пишешь, пишешь и ничего-то ты не знаешь про меня!

Окончательно заинтригованный Денис отодвинул свою рукопись.

— А ну, говори человеческим языком!

— Мне сделали предложение, да, да! Все чин по чину, как положено! Ко мне посватались, ха-ха-ха! Не просто какие-нибудь шуры-муры — мне сделали пред-ло-жение!

— Ну, поздравляю, поздравляю. Кто же, надеюсь, не секрет?

— Не секрет, конечно, это твой сотоварищ, адмирал Маврозум.

— Я так и думал...— Денис с удивлением ощутил в себе некий укол ревности — уж очень привык смотреть на Суламифь, как на некую собственность.— Он в последние дни какой-то совсем смурной.

— Почему же это смурной? Как пить-гулять, так не смурной, а как жениться, так смурной?

И она, перевозбужденная до предела, все пела, и кружилась, и ахала, что возраст ей уже почти сорок лет, а она вот и до замужества, быть может, дожила.

Гулко ударило на звоннице монастыря, и Сула сразу сникла, опустила на скамью, даже лицо ее будто похудело.

— Я, собственно, к тебе вот зачем в неурочный час. Отец Феопомп, это наш архимандрит, ты его знаешь, он благословил меня матушке Гликерии вычистить каверну, то есть яму, в которой она отбывает свою схиму. Это моя обязанность добровольная, да ты знаешь все это. Так вот, на время уборки он разрешит присноблаженную ее обета. И ты можешь спросить святую нашу, о чем есть нужда.

Ошеломленный Денис тоже лишился веселого настроения. Он и не ожидал, что это наступит так скоро. Но на все его вопросы — а что это, а как это? — Сула не отвечала, посуровев.

— Ступай за мной.

Церковь Мучеников во Севастии усекновенных, или, в просторечии, Мучеников Севастийских, расположена в монастыре, неподалеку от подземных ворот. И сама эта церковь заглублена на полторы сажени, потому что построена на месте крипты — тайной часовни. Церковь существовала здесь еще до принятия христианства, еще до того, как Византий просиял и стал столицей Рима.

И в небеса храм возносится дивными столпами белого камня. И пропорции его как стан девушки непорочной. И свет пронизывает его, словно сосуд воздушный.

И сияют в золотых полушариях куполов Спаситель и с ним святые апостолы.

И звенит серебряный хор — юницы в черных одеяниях: «Жаждающий пусть приходит и желающий пусть берет воду жизни...»

Служба кончается, и отец Феопомп — плотный, лысоватый, чиновный мужчина — совлекает с себя епитрахиль. Приближается к Денису и Суле, благословляет, пощипывает бородку, смотрит на них ничего не выражающим взглядом и, наконец, велит следовать за собой.

Там, в притворе, где плащаница, то есть изображение Христа, положенного во гроб, возле стола, на котором плащаница покоится, там надо сначала опуститься на колени, потом встать на четвереньки, потом лечь на живот и, наконец, уж совершенно куда-то вползть. Что делать! Каверны великосхимников выбиты в подземной скале, где сохранились еще норы первобытных людей!

Там, продвигаясь по лазу, похожие сами на древних рептилий, отец Феопомп с его одышкой, Сула со щеткою и ведром, наконец, ревностно настроенный Денис выползают в место менее тесное.

Отец Феопомп, отряхнув себя ладонями, громко молится, призывая благословение Господа. Уставившись в каверну — каменную щель в полу, — вопрошает, жива ли раба Божья? И слышится в ответ невнятный женский стон.

Пока он снова молится и многократно поминает различные имена церковных авторитетов, Денис непроизвольно думает: «Господи! (Именно с „Господи“ начинаются все его размышления.) Господи! Ну так ли уж тебе нужно это пребывание старой женщины в вечной тьме, вечном молчании, вечно скрюченной позе? Господи, неужели это нужно тебе? Зачем ты тогда есть, зачем ты всеблаг и всевелик, если тебе для чего-то нужно мучение живого человека во имя твое?» — И ужас смертный, холод небытия вдруг охватывает нашего Дениса.

Он отвлекается от своих мыслей, потому что Сула его толкает под локоть и шепчет:

— Не соблаговолила наша матушка, солнце наше, выйти из каверны. Отец Феопомп велит мне ползти туда, к ней.

И Суламифь, подхватив ведро с водой и тряпки, исчезает под полом, поколебав сразу огоньки всех свечей. Через некоторое время высовывается ее рука, выставляет

ведро, подхватывает другое и снова скрывается вниз. Слышно, как Сула в каменной глубине скребет и плещется, словно мышь, повторяя: «Не обессудьте, матушка моя...», «Извольте, сдвиньте ручку...», «Благословите помыть уголок...».

— Так задавайте свой вопрос,— велит отец Феопомп Денису.— Присноблаженная согласна. Говорите внятно и спокойно, подвижница услышит все.

И Денис спрашивает о мальчике, о найденныше, который жил при покойном Феодосии, не знает ли она чего-нибудь? Родители теперь его разыскивают.

Он ожидал, что некий скрипучий старческий голос сейчас примется ему толковать о монастырских сиротах и их благодетелях. Но услышал вдруг сопрано—голос мелодичный и нежный, словно у сирен Одиссея, одною человечностью своей вызывающий трепет чуда.

— Сирота это Момус, сын узурпатора Враны Комнина. По успении праведного Феодосия он отдан воспитателю сирот Телхину, прослывшему как клеветник.

И все. Голос отзвучал, словно отпел, тишина подземный сгустилась и сделалась невыносимой, безмолвие кричало в ушах.

Уточнять? Просить разъяснений? Зачем? Ответ предельно ясен. Денис громко благодарит, но получает в ответ лишь равнодушное молчание.

И они втроем, в том же порядке, ползут обратно, не переставая с ужасом прислушиваться к тишине, которая остается позади.

Доползя до внешнего расширения, они останавливаются. Не то чтобы перевести дух, а чтоб хоть позвоночник разогнуть.

— Кстати,— внезапно говорит отец Феопомп Денису.— Вы ведь бывали при дворе. Знали ли вы там черно-книжника некоего по имени Сикидит?

— Да... Еще бы... А что?

— Он вон в той каверне под дубовым люком.

— Как? Неужели он тоже спасается?

— О нет, куда ему! Он у нас по приговору патриаршего суда за чародейство и политические интриги при дворе нечестивца Андроника. Был приговорен и к костру, но в последний момент Каматир его все-таки помиловал.

Помиловал! Ошарашенного Дениса снова охватывает холод смертный. Ведь если б его поймали тогда в мусорной яме, ютиться бы и ему здесь в какой-нибудь каверне.

Уж не знаешь, что тебе лучше — смерть в кровавой драке или здешнее благостное существование.

— Что ж ему, Сикидиту, здесь тоже надо хранить обет вечного молчания?

Но пастырь уже уполз вперед, и на этот вопрос ответила Сула:

— Нет, благороднейший, нет! Прислушайся, словно клетот птичий из-под земли. Это он извергает хулу на Бога и всех святых... Прямо по святцам чешет, по синодику. Пока одного вдрызг не испакостит, за следующего не примется. Покинули бесы своего бесовника!

Непреодолимая сила точно магнит тянула назад, не давала двигаться к выходу. Денис приложил ухо к полу, сатанинский клетот смолк, зато гранит гудел пением, можно было даже мелодию различить: «О ты, мое чудовище, отдай свое сокровище!»

Ф-фу, выбрались наконец. Воля, простор, свежесть, благодатное утро, будто вернулся в свой двадцатый век!

6

— Вы, сотоварищ, все-таки не втаскивайте меня в политические дела. Найти мальчика — святое дело. Но у меня есть принцип, я не мешаюсь в игру партий.

Акоминат вскинул ладони, словно встретил скорпиона.

— Помилуйте, — убеждал Денис. — При чем тут игра партий... Просто я хочу изложить вам придуманные мною два варианта освобождения маленького принца. А вы, с вашим знанием придворной обстановки...

— Вот потому я и предпочитаю не вмешиваться.

— Как угодно, — Денис не мог скрыть досады. — Хотя мне будет грустно расставаться с вами.

— И мне, признаться... Но что поделать, если приходит час. Почитывайте меня там, у себя, наверху, коль повезет вам возвратиться. Пуд соли мы с вами все-таки съели. Да хранит вас Одигитрия, покровительница странствующих! Меня, правда, несколько обидело ваше замечание по поводу якобы прямолинейности моей диалектики. Я же все-таки последователь Платона, а не какого-то там вашего Детектива...

— Скорее уж Маркса, — улыбнулся Денис, досада с него слетела.

— Кого, кого? — историк схватился за записные таблички.

— Нет, нет, это так, шутка.. Долго объяснять. Вот что, мой ученый коллега, хоть вы и не верите в мое происхождение из-за океана времен, я по-дружески хочу вас предупредить. Через пятнадцать лет империя рассыпется, как соломенный шалаш. Варвары ринутся и не встретят сопротивления. Позаботьтесь хотя бы о себе!

— Э! — махнул Акоминат. — А вы думаете, мы не чувствуем этого? Не надо быть особым пророком. Апатия, равнодушие какое-то, например, к судьбе Андроника, хотя, вы знаете, я не разделял его убеждений. А что мы можем сделать?

Он неторопливо достал шелковый платок, обтер им лицо, благообразную бородку и закончил почти трагическим шепотом:

— Ничего!

Денис непроизвольно протянул ему на прощанье обе руки, ожидая, что он не отзовется на этот жест, но Никита пожал их с чувством, и они расстались (ах, как жаль, как все-таки жаль!), чтобы больше не встретиться никогда.

А Денис, вернувшись в дом Сулы, застал там настоящий содом. По комнатам были разложены свертки тканей, какие-то позолоченные тазы, заморская посуда. Надо думать, предсвадебные подарки, которые начал делать одноглазый жених. Будущая невеста на кухне с подружкой Хрисой, вся в шипении кастрюль и сковородок, спешила приготовить ужин «своим мальчикам», как теперь они их называли, и усердно отмахивалась от влюбленного Маврозума.

Сели обсудить ситуацию. Денис с утра посылал пирата разведать обстановку в бывшем особняке Манефы, где теперь помещался приют сирот. Сам пока не хотел куда высовываться. Правда, одноглазый, смуглый и курчавый Маврозум тоже был заметной фигурой, но Телхин в свое время не был с ним знаком, это облегчало задачу.

Маврозум сообщил результаты разведки. Оказывается, Телхин умер года два тому назад. Всем заправлял теперь его сын, Торник, тот самый, которого лягнул осел. Жертва осла развернул семейство Телхина в доходное предприятие, приобрел еще «братиков», принанял им пестунов, откупил у городского эпарха целые перекрестки, а у церквей — паперти. Нищие и сироты Торника заполнили столицу. Да еще мальчишки, разносящие новости.

Да еще профессиональные клеветники, готовые что угодно подтвердить под присягой.

Одна из таких пар — слепец, унылый, как болезнь, говорят, это Иконом, бывший слуга покойницы Манефы, а с ним мальчик-поводырь, прикованный к его поясу цепочкой. По всем приметам это они.

— И носик и бровки, — заверял Маврозум, который успел где-то мальчика рассмотреть. — Все как у прекрасной Теотоки. А в целом — вылитый Врана.

— Посмотрим, посмотрим, — хмурился Денис.

— Послушай! — не выдерживал темпераментный мавр. — Чего смотреть, время терять? Послушай, каких молодцов откупил я у начальника морской тюрьмы! Лично осмотрел каждого, ха-ха-ха! Сейчас живут в Скутари, пьют, гуляют, ждут моего сигнала... Вот это будет экипаж для нашей «Грегоры»!

— Посмотрим... — повторял Денис.

— Послушай! — чуть не вопил мавр. — Чего тут смотреть? Надо хватать Иконома и с его мальчиком в лодку, в «Грегору», и все! Мы прозеваем сезон возле Ионических островов!

— Послушай, императорский мавр, или как тебя там, — передразнил Денис. — Однажды был уже у меня с тобой печальный опыт. Помнишь пафлагонскую девушку, которую ты изволил продать порфирородной Марухе? Или, ты скажешь, не обязан помнить всех, кем торгуешь? Я ее тогда хватаю, а она у меня как сквозь пальцы протекает, а все твои послушай, послушай!

— Что же ты велишь?

— Не велю, а предлагаю. Предлагаю не производить ненужных фейерверков. А вдруг что-нибудь сложится не так? С твоей живописной командой вторично приступить к этому делу мы уже не сможем. А если торниковские ребята, в пылу разборки, нашего Вороненка просто пришьют?

— М-да, — мавр теребил бородку. — Что же ты все-таки хочешь?

— Представь, еще затруднение. Ты схватишь парнишку, а он закричит, станет брыкаться. Для него же ты с пегой твоей бородой вовсе не родная тетка...

— Да, да, да, — подтвердил мавр. — Я ему не тетка.

— Непрерывно думаю именно над этим, — продолжал Денис. — Как избежать неожиданных эмоций у ребенка?

Учти, он может тайно охраняться и людьми Лаханы, подстерегающими тех, кто придет за ним.

— Ты министр! — восхитился Маврозум. — Ты не генерал, ты министр!

Денис только улыбнулся.

Тем временем Сула закончила сервировку стола, Хриса разлила вино. Сели за стол, но все мысли были о том же.

— Придется выслеживать их, ходить за ними несколько дней, пока не уясним, какой там режим, какие повадки у нищих и прочее. А твой экипаж «Грегоры» должен сохранять боевую готовность, не перегуливать. Как только схватим...

— Ой, какой же ты хитрый! Хитрее, чем скорпион. Ой, послушай, едем скорее на море, с твоим умом мы станем там царями!

И тут Сула предложила: а давайте мы с Хрисой заберем мальчика... Все же у нас женские руки. А вы ждите, будьте начеку!

Это несколько обескураживало Дениса. Вот как! Оказывается, девушки, безмолвно подававшие и потчевавшие, не упустили ни слова из их речей. Какую богатую они собрали информацию. Теперь уж действительно осталось надеяться на милость Господню.

Девушки ушли, а Денис принялся за свою рукопись.

— Послушай! — тосковал мавр. — Ты опять за перо? Давай, что ли, в кости сыграем, какой ты необщительный!

— А как твоя свадьба? — спросил Денис, чтобы его чем-нибудь отвлечь.

— Э! — расстроился мореход. — Отказала мне эта Сула.

— Как отказала?

— А так. Погляди — подарки все сгрэбла и вынесла в прихожую.

— Что же она вчера так радовалась, а сегодня...

— Це-це-це! — печалился Маврозум.

— Да сам-то ты серьезно ли решил жениться? Ведь ты этакий гуляка и женщины разные к тебе льнут.

— Понимаешь, друг, мне уже много лет, скоро будет сорок. Не всю же жизнь скитаться по морям? Иногда сплю и вижу — дом свой, очаг, деточек... Ничего у меня нет. Ты еще молодой, генерал, ты этого понимать не можешь!

— Почему же и не понимать?— серьезно сказал Денис.

— Ты с ней не поговоришь, а? Скажи, что я в полных намерениях. У меня на семи островах денежки зарыты.

— Ладно, попробую поговорить и о денежках. Теперь же не мешай. Я должен писать.

— Вах, вах!— воскликнул Маврозум, весь в преклонении перед теми, кто должен писать, хотя один Бог знает, для чего это нужно. Накинул хламиду и ушел на Золотой Рог смотреть свою «Грегору».

Поскрипывало перо, бежало по лощеному пергамену. Денис уже не заботился, чтобы почерк не был похож на греческий. На случай, если на дороге веков кто-нибудь непрошенный все-таки обнаружит его послание и примется разгадывать его... Описать все, что случилось с Денисом, даже языком сухого протокола, оказалось весьма не просто, и он думал теперь только о том, чтобы скорее это писание закончить.

7

— Я не пойду за него замуж.— Сула ответила четко, несмотря на то, что у нее рот был полон шпилек — она подплетала косу.— И вообще я замуж не пойду. Кто вам сказал, что я, почти инокиня, собираюсь идти замуж?

— Но ты же вчера...

— Мало ли вчера. Вчера мне было просто смешно, что меня, деревенскую Сулку, кто-то сватает замуж. Но, видимо, в моем теперешнем сане я должна относиться к этому серьезнее. Итак, я решила: я не иду замуж.

— Может быть, тебе претит, что он разбойник? Я тоже сначала стеснялся этого, но ведь случилось так, что мы три года с ним отбыли вместе на каторге. И я понял, с течением времени, что вся эта разбойность, в сущности, это дело молвы, а в действительности он добрая душа...

— Я не гонюсь за доброю душой.

— А помнишь, ты была управляющей в моем дворце в Дафнах и ты мечтала о своем доме, о семье?

— Да, мечтала, но то была другая жизнь, другие обстоятельства. Неужели ты не понимаешь, генерал?

— Диалектика,— усмехнулся Денис.— Таковую бы диалектику всепочтенному Акоминату.

— Ах, эти твои усмешки! — расстроилась Сула.

Стало темно. Денис разжег канделябр в три свечи, чтобы писать. А Сула, которая, по ее словам, забежала из монастыря, только чтобы забрать какую-то посуду, упаковала свою сумку.

— Так завтра будете его брать?

— Не исключено.

— И мы не увидимся никогда?

— Зачем такое жестокое слово?

— Это жизнь, как ты любишь повторять.

— Но зачем именно — никогда?

— Скажу тебе прямо, ведь Сула криводушной никогда не была. Вот за тебя я пошла бы без раздумья, как в омут бы головой. Пошла бы, нарушая всякий обет.

— А у тебя есть обет?

— Есть.

— Какой же?

— Нужно ли тебе знать?

— Как хочешь.

— Тогда знай, любимый. Матушка Гликерия, которая для меня более чем мать, взяла с меня обет заменить ее во иночестве, а во благовремении — и в большой схиме, то есть в ее каверне...

Денис весь содрогнулся, вспомнив то самое подземелье и в том каменном мешке представив ее, живую, огненную, славную Сулу.

— Послушай, Сула, а нужна ли Богу такая жертва?

— Нужна.

— Ну откуда ты так уверена? Ты что, действительно с Богом накоротке, как любила когда-то шутить?

— А больше всего эта жертва нужна мне самой.

— Но чем же ты так жестоко провинилась перед Богом, перед собой, что так жестоко должна себя казнить?

— Ну, моя жизнь была разной, разнообразной была моя жизнь. А вот взять — матушка Гликерия, она же в монашестве с младых лет, с детства. Так она же несет крест своего подвига отнюдь не за собственную вину.

— А за что же тогда?

— Ах, генерал, не искушал бы ты меня...

— Нет, мне надо точно это знать. Признаюсь, и меня мучают эти вопросы.

— Так за что же эта жертва? А за всех людей, если они скреплены любовью, как ожерельем. И за тебя, между прочим. Ведь я замечаю в церкви, генерал, ты не крестишься, не молишься, к причастию святому не принимаешь.

И на войне ты был, людей убивал, таких же, вероятно, христиан... И матушка Гликерия хочет часть всеобщей совести на себя взять, там и твоя и моя частица. И в вечном мраке и молчании отбыть за тебя и за меня эту частицу... Не понимаешь? Бедный ты мой генерал!

И она сползла с дивана и совсем по-византийски легла лицом перед ногами своего генерала и руки прекрасные к нему протянула.

— Нет, не понимаю,— признался Денис.— Совершенно не понимаю. Но сердцем чувствую и умом от этого содрогаюсь.

— А ты поезжай на Восток, в Трапезунд. Эту новоявленную царевну или принцессу там разыщи. Мне ведь она тоже знакома. Я в кувикуле ее живала и по морде ее бивала, прости, Господи, меня. Доставишь туда сыночка — а по слухам, у нее уж там и новый народился — пожалуй тебе княжеский титул. Но знай, мой генерал, есть во всем огромнейшем мире кто-то, кто в жуткой каверне страдает за тебя, спасает твою бессмертную душу!

— Сула, что ты говоришь! — буквально закричал Денис, пытаясь ее поднять.

И она встала, тряхнула головой, перекинула через плечо роскошные косы и стала собирать свою сумку.

— Я виновата перед тобой... Ведь я и вправду хотела эту твою Фоти убить. Но не я, не я, клянусь Господом! Хотя и ножик готовила... Хотела, но не убила, кто убил, не знаю я. Но все равно виновата, каюсь беспредельно, вины мне этой не искупить!

— Не надо, не надо,— повторял обескураженный Денис.— Давай тогда лучше уходить... Уходи или уйду я.

Через минуту ее не было в доме, она ушла не обернувшись.

Писать что-либо в таком настроении было, конечно, невозможно. Денис погасил канделябр, вышел на улицу. В темном переулке ветер шарахался в высоких кронах платанов. По бульжнику, еле освещенному луной, Денис поднялся до Золотой Площадки. Большая Срединная улица текла, словно огненная река, среди кипящей жизни ночной столицы. Тысячи площадок огоньками вырисовывали узоры на триумфальных арках императоров, на величественных фасадах соборов, на лавках менял и богачей. Было светло как днем, и, пораженные этой роскошью, буквально немели заезжие иноземцы.

Купцы из Киева, где волки выли на городских площа-

дах, рыцари из Лондона, где падали выбрасывали прямо под королевские окна, паломники из Парижа, где, чтобы переправиться через центральную площадь, надо было нанять силача и он на закорках перевозил вас прямо через невероятную хлябь. А совсем неподалеку от этой вселенской роскоши в глухом подземелье стариннейшего из монастырей праведница с голосом ангела обрекала себя на вечные страдания, только чтобы спасти всех.

— Прощай, византийская тьма! — говорил себе Денис. — Сердце чувствует, что уже завтра мы расстанемся с тобой и кто теперь знает?..

8

Как сочинял один византийский поэт, быть может, даже не кто иной, как хорошо знакомый нам Евматий Макремволит:

О своенравная красотка
С повязкой черной на глазах.
Ты все по-своему решаешь,
Во все ты вносишь кавардак...

Понятно, что речь идет здесь о прихотях судьбы.

Утром сотоварищи наблюдали у подъезда общественного дома (бывшая усадьба Манефы Ангелиссы) выход на промысел питомцев Торника, сына покойного Телхина, того самого Торника, которого в детстве лягнул осел. Сперва деловито пробежали аристократы сиротского мира — разносчики новостей и доносчики, затем по семейному кучно прошествовали лжесвидетели в суде. Словно на палочках проскакали резвые оглашатели, на все лады пробуя запев: «А вот трава заморская купеналупена, в нос завернешь — замертво упадешь, полежишь, вскочишь — опять захочешь». Или такое: «Частица животворная Евсея Косорыльского, части-ица, по денарию за приложенье! Полноправным римским гражданам со скидкой!»

И наконец, потащились каракатицы — нищие различного сорта и облика, поправляя на себе фантастические увечья — восковые бельма, накладное мясо, тряпичные горбы, а один даже эпатировал публику третьей рукой. Все нищие как нищие, у одного руки, допустим, нет, у другого даже обоих, но к этому все присмотрелись. А вот

этот — настоящий вундеркинд. Прямо из середины груди у него торчит голая, живая, упитанная третья рука. Народ в ужасе.

Вот является людям и сам хозяин, Торник, в новеньком скарамангии с орлами дворцового ведомства. Сытый, мудрый, печать ослиного копыта запрятана где-то на самой глубине. Как всякий вождь человеческий, окружен прихлебателями и холоуями. Делает смотр своему честному воинству, одни получают подачку, другие — строгое внушение.

— Ты смотри у меня, Иконом, — угрожает он слепцу, тощему, словно египетская корова. — Ты за этого твоего мальчишку головой отвечаешь! Кто это вздумал ему внушить, что он наследник римских императоров?

Иконом, по всей видимости, не очень был и слеп, потому что кланялся хозяину в нужном направлении, прося прощения за мальчика и за себя. Торник проявил бы милосердие, ограничив наказание укорочением той цепочки, которой Момус привязан к своему слепцу. Но мальчик сам испортил всю обедню, храбро заявляя:

— А я и есть потомок римских императоров!

Торника вновь лягнуло его внутреннее копыто, и он повалился на руки свиты. Прихлебатели замахали на Икономиа с его питомцем:

— Цыц вам, цыц вам, цыц!

Торник, однако, и в обмороке изучавший свидетелей, которые могли бы наблюдать эту крайне неприятную для него сцену, вручил крохотному претенденту позолоченный финик:

— Когда окажетесь на троне, ваша царственность, не забудьте и нас, ваших рабов, чем-нибудь пожаловать...

Где все пророки, чародеи, прорицатели из Львиного рва или другой не менее чтимой ямы? Невдомек никому, что так и сбудется по сказанному им. Пройдет порядочно лет, и приведут к трапезундскому царю Момусу перехваченного странника по имени Торник, и будет он пожалован — получит целый укрепленный городок в горной Армении и в придачу мешок золотых монет на спине вьючного осла.

Но пятилетний наш Момус не оценил дар хозяина и презрительно швырнул финик в пыль. И босою ножкой его изволил поддать. И тотчас дернулся, чуть не упав, побежал вслед за скачущим ослом, которого ротозеи хлестнули лозою, хохоча во все глотки.

— Это он! — поразился Денис, разглядев в мальчишке вдохновенное лицо Теотоки и бровки дугой.

— Будем брать? — категорически спросил Маврозум. — Чего еще ждать?

— А стражники с палками? А переодетые сикофанты — оглянись, они кругом.

— Они всегда будут кругом! Вай ме, слушай, не слишком ли ты сегодня осторожен?

Они то приближались, то удалялись к процессии питомцев Торника, готовые в любой момент... Преодолели массивные ворота рынка Макрос Емвол, через которые вливалась пестрая толпа торгующих.

— Последний день аукциона! — надрывались на рынке оглашатели. — Спешите купить! Дешевые рабы из Пафлагонии и Понта! Не каждый день случается такая победа над супостатами!

На подмостях под свист хлыста и крик сикофантов выстраивалась первая партия товара. Почесывались, потягивались, жевали подобранные на земле корки, искали друг у друга насекомых.

— Самое выгодное и простое — домашний раб! — вопил над ними оглашатель.

И тут Денис увидел матушку Софию, мать Фоти, главу семейства Русиных! Он даже понурил голову, зажмурил было глаза, надеясь, что это наваждение, — нет! Конечно, это она... Постаревшая, но все та же бесконечно добрая и заботливая их матушка София, которая когда-то крестила его на сон грядущий!

Какая-то покупательница в старушечьем капоре допытывалась у нее, нетерпеливо постукивая клюкой:

— Да ты, бабка, овощи-то умеешь чистить, цикорий готовить? Может быть, ты сама бывшая барыня, я такие случаи знаю. Я не желаю зря деньги тратить!

Было влажное грустное утро, дождик перестал, но воздух насыщен был водою. Капли то и дело падали с высоких деревьев. Денис подошел под самый край подмостей, спросил негромко:

— Матушка София, а вы меня не узнаете?

— Как тебе живется, сынок? — отвечала она, одновременно кивая и дотошной покупательнице, которая теперь допытывалась относительно приготовления фаршированной рыбы.

— Да как же вы так? — поражался Денис. — Вы же свободные люди.

И сам понимал нелепость своего вопроса. А кто-то из-за плеча матушки Софии ему кивал робко, и он видел, что это чернокожая Тинья-Фотиния, совсем уж худосочная, крохотная, она еще ухитрилась держать на себе обессилевшего довольно крупного и взрослого ребенка. Ореховые ее глаза смотрели на Дениса с робостью и надеждой. Поняв, что Денис ее узнал и разглядывает, она стала указывать ему на своего мальчика:

— А это Ферруччи, помните?.. Это сын Ферруччи!

— Ну нет! — задохнулся в приступе гнева Денис. — Должны же быть законы в римском царстве! Где здесь эпарх? Где стражи порядка? Почему здесь выставлены на продажу свободные люди?

Сразу три стражника вцепились в него, власть хорошо охраняла интересы своего класса. Тут и Денис пожалел, что нет при нем былой цепи императора Мануила, от которой отшатывались все стражники.

Матушка София и черная Тинья плакали на подмостках, ничем не могли, конечно, помочь. Народ безучастно взирал на происходящее.

Только вмешательство Маврозума разрядило обстановку. И правда, кто не испугается, увидев это одноглазое, ошарашенное жестокостью людоедское лицо? Стражники эпарха отшатнулись, мавр схватил Дениса за локоть, увлек его за какой-то киоск.

— Ты с ума сошел, генерал? Слушай, ты совсем же идиот!

Денис отдышался, у разносчика они взяли две тыквовки с освежающим напитком. Что же предпринять? Маврозум только ахал и хлопал себя по толстым ляжкам, узнав, что его компаньон вдруг изменил свой личный план и собирается сначала любым путем освободить этих женщин.

— Но дорогой, я так не могу! О-це-це, тебя тоже, что ли, в детстве осел какой-нибудь лягнул?

Но Денис оставался непреклонным. И чем дальше, тем более укреплялся в своем решении. Просил отдать ему его долю в добыче, которая где-то была запрятана у Маврозума. Уж на двух-то столь субтильных женщин и на одного мальчишку должно хватить!

Маврозум понял, что перечить бесполезно, лучше

уступить сейчас, чтобы потом взять реванш где-нибудь в другом месте.

Не станем утомлять читателя рассказами как и куда они бегали за деньгами, как опрометью возвращались, чтобы не опоздать, как заполошенно кричала старуха с клюкой, у которой из-под носа увели выгодную покупку.

— Я вам еще покажу! У меня все знакомые среди Ангелов!

На что пират отвечал с одноглазой ухмылкой:

— А у нас все друзья среди бесов!

Затем шло время на оформление покупки — написать моливдовул, то есть грамоту со свинцовой печатью, о том, что отпускаются на волю... Проблема была и с именами дарителей вольности, которые сами были на нелегальном положении. Переплатили немалую толику разным чиновникам, зато оформили сразу три вольные — Софии Русиной, Фотинии и ее младенцу Ферруччи. Впрочем, в Византии свободному человеку труднее жилось, чем крепостному.

Так или иначе новоявленные вольноотпущенницы были, наконец, отведены на Арабскую пристань, где им была приготовлена каморка в дешевой гостинице. Денис и Маврозум вернулись на Макрон Емвол и, конечно, обнаружили там, что с таким трудом выслеженные и настигнутые за последние дни нищий слепец и его поводырь, претендующий на царское происхождение, бесследно исчезли.

В жарком сезоне столица Второго Рима неизменно погружается в полуденный сон, когда приходит в оцепенение всё — цари и нищие, сытые и голодные, вороны на помойках и ослы на торжищах. Лишь когда палящее солнце начинает клониться к закату, возобновляется какой-то деловой ритм — по-прежнему жульничают торгаши, вымогают взятки чиновники, доносчики толпятся за своими гонорами, короче, все на местах и жизнь течет.

Лишь тощего, унылого лжеслепца Иконома, фаворита покойной Ангелиссы, с его гордым Вороненком на цепочке не отыскать нигде!

Кто предполагает, что знаменитая фускария Малхаза, которая стоит на правом фланге всех императорских

дворцов на берегу, это просто кабак, ординарная таверна, тот не знает о ней ничего.

Фускария Малхаза это особый мир, это Ноев ковчег, конгломерат чистых и нечистых. Порок и добродетель сплелись здесь в клубок глистов, который причудливо разползся по дворам и закоулкам прибрежного квартала. Каждый волен по своему вкусу и состоянию снять себе чулан или кувикулу, а если еще толику и приплатит, может быть уверен — стражники и сикофанты к его убежищу и приблизиться не посмеют.

Так и поступил мудрый Маврозум, которому после сокрушительного отказа Сулы добродетель ее «вилочки» колола глаза и сверлила уши (по его собственному выражению). И если о домике Сулы никто из его приспешников не знал ничего — таков был уговор с Денисом, — то в нанятой им кувикуле в таверне Малхаза постоянно толокся весь будущий экипаж быстроходной «Грегори».

Денис, который, несмотря на удачное освобождение матушки Софии и ее спутников, пребывал в пессимистическом настроении, — еще бы, ведь след Иконома и Вороненка был, казалось, потерян! — сидел за столом в их компании, думая о своем.

Одеты они были каждый в меру своих личных понятий о богатстве и почестях, пожалуй, точно так, как изображают толпу разномастных разбойников на подмостках современных оперетт. Роль пахана здесь играл некто, называемый Львиная Шкура, --- действительно в наброшенной на плечи живописной шкуре с косматой пастью, которая, однако, судя по запаху средств от моли, скорее всего, была украдена из какого-нибудь старинного дома. Другого именовали почему-то Цевница, то есть лира, инструмент, на котором бряцал сам античный бог искусств. Наивные же разбойники и не предполагали, какого происхождения сей поэтический псевдоним, и считали, что это его подлинное имя, данное при святом крещении. Третий был просто Соломинка, но хватит разьяснять. Времени у нас осталось не более, чем у диктора Невзорова перед сообщением о погоде, а молодцов у Маврозума две дюжины и даже более и у каждого свой бзик. Но это уже герои совсем другого романа.

— Не лей мне хлебного, виночерпий! — требовали они, усевшись за всегда накрытый стол Маврозума. —

Хлебное мы будем пить в море. Лей черное хиосское, золотое иверийское, лей шипучее и игристое! Да водой-то не очень разбавляй!

Еще неделю тому назад они томились в подвалах Стратегикона или каких-нибудь других столичных тюрем, еще не зная, как повернется флюгер их судьбы. Могли бы и на войну попасть — как раз комплектовался флот, отправлявшийся на сицилийцев. Выкупил их Маврозум, имя его было известно, и они сорили деньгами, зная, что мавр для них ничего не пожалеет. Они видели, как Маврозум благоговел перед Денисом, и, в свою очередь, балдели перед нашим героем, тем более что, как ни ломали голову, не могли догадаться, кто это такой. Матушку Софию и эфиопку они приняли как мать Дениса и ее служанку, наперебой старались им угодить. Да и они сами были, в сущности, добрые и сговорчивые люди, донельзя испорченные извивами византийской тьмы.

— Мамаша, вот козий сыр отменный, — спешили они предложить. — В нашей Ливадии... — или — в нашем Тиринфе... Мамаша, вам удобнее здесь, тут подушка... Ребята, вы не орите так, мамашу совсем оглушили, да и ребенок ихний спит.

А маленькая Тинья во мгновение ока сориентировалась и взялась ухаживать за Маврозумом. Даже капельки пота стирала ему салфеточкой с орехового лица. Тот сидел благостный, словно восточный идол.

И тут Денис, сквозь грустные свои думы, услышал тихий скрип отворяющейся двери. Никто больше, потому что все были заняты обсуждением банальной истории, как Маврозум в свое время взял венецианского курьера на траверзе острова Лемнос. Скрип повторился, кто-то явно пытался к ним заглянуть, оставаясь незамеченным. Денис вышел в соседнюю комнату, затем в прихожую — не было никого.

Шагнул на крыльцо и, когда привык к темноте, различил силуэт куста жасмина с белыми кокончиками соцветий и там — три тени. Трудно поверить, но это была Сула, которая вела с собой Вороненка и слепца.

— К себе домой я не решилась их вести, и ты понимаешь почему. Вообще ту виллочку придется мне бросать. Конец моему домику.

— Ваше высочество, — обратилась она к мальчику, который стоял съезжившись, прижавшись к тощему бедру

Иконома, ночи в этом месяце были зябкие.— Ваше высочество, вот это синэтер Дионисий, посланный за вами государыней вашей матушкой, прошу в дальнейшем— слушайте его.

И она успела объяснить Денису:

— Он только и дался мне на титул «ваше высочество», мальчишка просто бредит своим происхождением. Ну, прощай, мой генерал, дай тебя я поцелую, теперь прощай уж навсегда.

— Да что ты, Сула...— растерялся Денис.— А хочешь с нами?

Но это было совсем уж нелепо. Она улыбнулась, отступила и исчезла в тени кустов.

Принимая заданную игру, Денис взошел на крыльцо, распахнул дверь и скомандовал громко:

— Оло прос-сохи! Всем встать, смирно!

И поскольку каждый из этих разбойничков когда-нибудь да имел отношение к римской армии, вскочили все, ожидая, что будет дальше.

Тогда Денис ввел в кувикулу мальчика, несмотря на то, что он оставался еще прикован цепочкой, Иконом ковылял следом. Денис собрал в памяти все свое знание византийского этикета и титуловал его так:

— Вседержавнейший принц Момус Алексей, сын Враны из рода Великих Комнинов!

Все стоявшие за столом выбросили руки в римском приветствии, и два десятка мужских глоток, натруженных в морских просторах, рывкнули:

— Гей!

Вороненок без малейшего смущения отвечал всем наклоном головы и уселся на предложенный стул, позаботившись, чтобы был устроен и Иконом. Здоровенные пираты во мгновение ока сорвали проклятую цепочку.

Все понимали— шутка шуткой, а быть может, решается судьба династии.

И тут мальчика оставила выдержка. Бедное тельце его затряслось в плаче. Матушка София, за нею Тинья, оставив спящего Ферруччи, кинулись к Вороненку, убедили, успокоили. Раб Иконом снял свои искусственные бельма и, выпив предложенный стакан, принялся объяснять жelaющим генеалогию Комнинов.

А разбойник Львиная Шкура, который истосковался по своим внучатам, оставшимся где-то в Феодосии, по-

жертвовал своим косматым украшением, развесил его на веревке, чтобы отделить часть кувикеры для принца. И Вороненок ясным голосом небожителя спрашивал:

— А это у тебя настоящая львиная голова, да?

Стали обсуждать дальнейшее. Одно было ясно — надо покинуть столицу еще до рассвета, пока фускария Малхаза не утратила свой ореол безопасности. Львиная Шкура послал двоих сестр в ялик, разведать выход в открытое море. Другие побежали приводить «Грегору» в боевое состояние.

— Но я не могу сейчас отчаливать, — сказал Денис. — Моя книга осталась там.

— Книга! — чуть не завопил Маврозум.

— Да, книга, — твердо ответил Денис.

10

Несмотря на позднюю ночь, домик Сулы светился всеми окнами, как игрушечный фонарик. Денис замедлил шаги, размышляя, что бы это могло значить и как дать о себе знать. В тот же момент его схватили за локти и заломили руки за спиной. Грубые руки обшарили его, отняли меч-акинак, кожаный кисет с деньгами. Не слушая никаких протестов, открыли дверь и втолкнули в домик.

Угрюмые незнакомцы распорядились там, человек пять, по виду рыночные соглядатаи, сикофанты, все в лопоухих камилавах. А Сула, распостертая на полу, раздетая, голая, была привязана веревками к мебели и, по всей видимости, ее пытали — пол и стенка были забрызганы свежей кровью.

— Вот он, вот он, главный закоперщик! — чуть не завизжала золотая Хриса, оказывается, и она была здесь. Вместе с сикофантами разбирала шкатулочку Сулы, доставала всякие женские пустячки. — Вот он! — неистовствовала девушка. — Все пишет, пишет чего-то себе по ночам... Бес его знает, чего он пишет!

Сула на полу застонала, в хриплом голосе ее можно было разобрать: «Он ни при чем... Не трогайте его, отпустите...»

— Как это ни при чем? — возразила ее подруга. — Это он, господа, примерял на себя священную римскую корону!

В этот роковой момент Денису конечно уж некогда

было рассуждать, иначе он похвалил бы себя за постоянные тренировки, византийская жизнь заставляла. И из добропорядочного комсомольца-очкарика превратился в средневекового мужика, всегда готового к бою.

Почти автоматически он расслабился, как бы теряя волю в руках мучителей, обмяк. Ответно размягчились и они. И тут-то он распрявился как пружина, самого настырного сикофанта перекинул через себя, так что он шмякнулся об угол стола. Другой, державший Дениса за локти, потерял равновесие. Денис двинул его сапогом в пах, сыщик заверещал, скорчился, упал, дрыгая ногами.

Денису даже удалось захватить свой акинак. Он встал в боевой позиции, понимая, что взять его теперь нелегко — в тесном домике с копьем или луком не развернешься. Эх, почему он пошел сюда один!

— Беги, генерал! — стонала на полу Сула.

И тут Денис увидел своего главного врага, при виде которого чуть снова не уронил акинак. Это был все тот же бывший поп, расстрига Валтасар, дважды, трижды ренегат! Он сумел ускользнуть тогда с пытошного станка и вот управляет сыщиками в ведомстве царя Исаака!

Расстрига ткнул ногой своего же сикофанта, продолжавшего корчиться на полу, чтобы быстрее вставал, а сам принялся созывать своих к себе.

Денис, все еще пребывая в состоянии сжатой пружины, рванулся на расстригу и опрокинул его. В руке расстриги блеснул трехгранный стилет, но Денис оказался стремительнее. Меч-акинак был сейчас бесполезен, Денис его оставил, вцепился в кулак Валтасара, в котором тот держал стилет. Сжимал его стальной хваткой, а противник выл и извивался, пока оружие не выпало, зазвенев.

Распахнув окно в ночь, Хриса звала на помощь сикофантов, остававшихся снаружи. Враги из всех углов двинулись на Дениса, который сидел на поверженном расстриге. В пылу драки Денис уже плохо соображал, но сумел дотянуться, буквально под носом у сыщиков, до своего акинака и приставил отточенное лезвие к горлу бывшего попа.

— А ну, вели своим отойти, а не то...

Страх смерти у Валтасара был сильнее всех эмоций, глаза закатились, испарина выступила на круглом кошащем лице. Он ощущал на себе остроту безжалостного ме-

ча и слабым голосом приказал наступавшим подчиненным остановиться...

Однако еще не известно, как повернулись бы события, уж слишком велик был перевес, как вдруг все та же золотая Хриса буквально завывала в смертном ужасе, указывая прекрасной своей рукой на входную дверь.

Сыщики перевели взгляды туда, и им представился дьявольский глаз Маврозума, который взирал на все, как на цирковое представление. Из-за его спины выглядывали и сподвижники — Львиная Шкура с трезубцем, который он любил носить вместо копья, Соломинка с кривой сарацинской саблей, Цевница со снайперским луком. Никто из них, правда, не был готов к драке.

Зато Денис владел положением. При малейшем шорохе и без того неподвижных сикофантов он нажимал на лезвие, и расстрига верещал, как кролик. Да они и так при виде команды Маврозума стремились улизнуть в любую щель.

— Попался, голубчик? — Маврозум ухватил расстригу за шиворот, в то время как его сподвижники помогали встать Денису. Резвая Хриса, топоча копытцами, пыталась скрыться в дверной проем, но там оказалось пузо еще одного пирата по кличке Паппас, и золотой Хрисе тоже пришлось сдаться на милость победителей.

Она тут же сменила арию.

— Ой, не виновата я, ой, такое несчастье! Они меня заставляли, угрожали раскаленным железом. Ой, бедная Сула, вставай, миленькая, вот твоя рубаха, я тебе помогу. А вы, бесстыдники, отвернитесь!

— Надо срочно отчаливать, — требовал Маврозум. — Убежавшие могут привести погоню. Только бы сначала утопить этого нечестивца, есть здесь поблизости нужник или выгребная яма?

Денис не мог удержаться, чтобы не тормозить полуживого Валтасара.

— Зачем ты отравил несчастную Фоти? У нас есть тут свидетельница твоих деяний... — Расстрига играл полуморочное состояние, затем пытался оправдаться: «Я любил ее...», поняв, что штучки его не проходят, приоткрыл кошачий глаз, сверкнувший злобой.

— Будьте вы навеки прокляты, поклоняющиеся распятому разбойнику, почитающие гнилые доски вместо богов... Будь презрен ваш род на сорок поколений!

Пираты в ужасе крестились. Маврозум торопил кон-

чать, а Сула молила отвести ее в монастырь, поцеловала и благословила каждого.

— Дай перекрещу тебя, мой любимый! — пала она на грудь Денису.

— Как же ты? — беспокоились мореходы. — Тебе бы надо ой как лечиться! А сыщики?

Сула ответила, что надеется все-таки на милосердие инокинь и на святость устоев. Действительно, а что ей могли теперь предложить кочевники моря, кроме шаткой палубы и изменчивой судьбы?

Оставалось распорядиться пленными. Однако исполнить должность палачей никто не вызвался, даже самые закоренелые отводили глаза.

— Послушай, генерал (Сулино прозвище приживалось!), давай простим эту рыжую, они все невольницы. Возьмем ее на корабль!

— Я поеду, поеду, — веселилась прелестница. — Я была такая дура!

— А что же с ним? — все вопрошал мавр, не переставая тыкать кулаком в окаменевшее лицо Валтасара.

— Отпустите его! — простонала Сула. Она уходила, опершись на плечи Соломинки и Цевницы.

Удрученный Денис махнул рукою по-русски.

— Помилуй! — буквально завопил Маврозум. — Ты сошел с ума! Да Господь с тобою!

— Вот именно, — с грустью ответил Денис. — Пусть Господь будет с каждым из нас.

И они устремились во тьму, оставив расстригу закрытым в чулане.

Этилог

Денис благополучно доставил маленького Врану из рода Комнинов ко двору их родственницы царицы Тамары Карталинской и Иверийской. Там в тревогах и печали, пестуя второго сына, Давида — от нового брака, — проживала прекрасная царевна Теотоки. Маленький Вороненок, целый и невредимый, да еще веселящийся шуткам пиратов, был введен Денисом в чертоги его родной матери.

Теотоки опустила на колени и обняла ноги спасителя сына. Денис был удостоен высших почестей Иверийского царства, а его сотоварищи, подобно аргонавтам, вошли в легенду, о них пели песни.

Их быстроходная «Грегора» была объявлена первым военным судном возрождающейся на Востоке империи Великих Комнинов. В Трапезунде, Синопе, Амастриде — везде зрело недовольство, люди жалели, что допустили гнусно расправиться с Андроником, начавшим полезные реформы.

В 1203 году римскому папе удалось, наконец, поднять тугодумное рыцарство на новый крестовый поход. Никому особенно не хотелось проливать кровь ради далекого Иерусалима, который, кстати, был уже вновь захвачен неверными, если в родной Европе или рядом, в Малой Азии, имелось сколько угодно и еретиков, и непокорных, и развлечений, и добычи — все, что нужно для проведения крестового похода.

Четвертый крестовый поход 1203—1204 по христианскому летосчислению был одним из самых многолюдных и кровавых. Правда, короли, в отличие от предыдущих, в нем участвовали слабо, основными закоперщиками там были младшие сыновья герцогов и графов. Им бы лишь захватить какое-нибудь царство, которое плохо лежит.

Плохо лежало Римское царство (ромайкон василейо), или, по-нашему, Византийская империя. Ангелы (не небесные, конечно, а самые что ни на есть земные) сменялись на престоле один за другим — Исаак, за ним Алексей III, затем опять Исаак, за ним новый Алексей. Столица клокотала, сицилийцы хозяйничали в проливах, армия разбегалась по провинциям. В 1204 году Византий пал и был подвергнут невиданному разгрому, который с ис-

ключительной силой и горечью описал в своей «Хронике» стареющий уже Никита Акоминат.

А на Востоке взошла звезда Великих Комнинов. Братья Алексей и Давид, опираясь на твердую руку царицы Тамары, своей тетки и покровительницы, воцарились в Трапезунде, и их империя от стен Nikeи на Западе доходила до вершин Эрзерума на Востоке. Это их внуки призвали в Европу Тимура, и, если бы не внезапная смерть железного хромца, умершего, кстати, от рук коварной пленницы гречанки, они бы восстановили власть Восточного Рима до самых берегов Атлантики.

Но здесь мы умолкаем. Всем известно наше принципиальное убеждение — не превращать роман, дело Божье, в исторический справочник.

А как же Денис и его палимпсест?

Денис устроил Вороненка и матушку Софию, которую так и принимали за его собственную мать, а также старца Иконома. Старец тот прожил еще аредовы веки и, кстати, основал потом монастырь и ныне существующий в Имерети. Благоустроил и черную Фотинию. Она ухитрилась обвенчаться с Маврозумом одноглазым, вы знаете, какая это была счастливая пара? А проныра Хриса сделалась в Трапезунде придворною дамой и даже вышла замуж за какого-то отставного персидского сатрапа.

Однажды дождливым и туманным утром, когда в этих местах уже не субтропическая зима, хотя еще и не курортное лето, Денис отправился в путь пешком, хотя мог бы взять любую галеру из иверийского флота или, по желанию, конный отряд. Шел себе вдоль широкой луки залива, слушая ропот волн за пеленой тумана. Ветер пел свои вечные песни в лесистых вершинах гор, спешить было некуда, от отправления письма до прибытия его к адресату оставалось еще долгих восемьсот лет.

— Хе-по! — окликнул его пастух с крюкообразным посохом и в вязаной шапочке. Даже похлопал себя по боку, что должно было означать — у меня есть фляжка, заходи, прохожий! Но увидел, что идет человек, погруженный в свои печали, и по врожденной иверийской деликатности не стал настаивать.

Денис отыскал знакомый заливчик в тени склонившихся столетних ив. (Интересно, как они ухитрились сохраниться в этом же месте столетия спустя?) Нашел и горный ручей, который вечно говорит и шепчет и бормочет перед Богом животворную песнь свою. Эргастирий чаро-

дея заброшен и покосился, никто не покушался на импозантную развалюху. А они-то там, «наверху», спорили — кто же занимал это строение после чародея?

Денис без труда нашел и заступ и топор, все утро приводил хижину в порядок. Расчистил оконное стекло, которому когда-то дивился, потому что археологи утверждают, будто оконное стекло изобретено на триста лет позже. Нашел очаг и горн с поддувалом, даже выкресал огонь, чтобы совсем было по-домашнему. Отпер и заветный чулан, который должны будут раскапывать в день его исчезновения.

Вспомнились ему, конечно, и его боевые археологини, его Афины Паллады, их героическая защита юного начальника и неприятие ими его вольностей, особенно в отношении Русиной Светланы.

Он тщательно уложил, устроил в чуланчике свой палимпсест, прикрыл овечьей шкурой, песочком зачем-то присыпал. Хотя, как знать. Он же профессиональный археолог, гробокопатель, а не археограф, не книгоед. Как знать, может, именно овечья шкура и песок как раз и вредны для восьмисотлетия пергаменной книги?

Сел отдохнуть. По приобретенной уже в Византии привычке отхлебнул из фляжки, притороченной к поясу вместе с мечом-акинаком. День синеглазый все еще торжествовал за оконным стеклом. Хорошо освещались на сводах эргастерия причудливые трапеции и полукружия, которые начертал здесь Сикидит. Однако пора была идти назад, пока не стало смеркаться.

О чем он думал в этот час? О родителях, оставленных в неизмеримой дали? Или о родных и близких, обретенных в отечестве новом? Или о тех, о ком еще надо заботиться, — о матушке Софии, о маленьком Ферруччи? Или о том он думал, как ему предстоит жить впредь?

Мы не знаем этого и уже никогда не узнаем, потому что этого он не описал в своем палимпсесте.

Сквозь журчанье водопада послышалось бляенье коз. Пастух в вязаной шапочке и с крюкоподобным посохом спешил увести свое стадо к ночлегу. Надо было вставать, надо было спешить, вот еще мгновение, вот еще...

И вдруг он ясно различил тихий четкий стук. Он повернул голову к окну, и стук повторился. Там, за стеклом, сидела голубка и стучала клювиком в окно.

Александр ГОВОРОВ

**Собрание сочинений
в четырех томах**

Том 4

Редактор *С. Коидратов*

Художественный редактор *И. Сайко*

Технический редактор *Г. Шитоева*

Корректоры *Н. Кузнецова, Л. Чуланова*

ЛР № 030129 от 02.10.91. Сдано в набор 20.07.93. Подписано в печать 18.01.94. Формат 84 × 108^{1/32}. Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 29,4. Уч.-изд. л. 33.01. Тираж 50000 экз. Заказ 673.

Издательский центр «ТЕРРА», 109280, Москва, Автозаводская, 10, а/я 73.

Отпечатано на Можайском полиграфкомбинате Министерства печати и информации Российской Федерации. 143200, Можайск, ул. Мира, 93.

